

СРЕДНЕВЕКОВАЯ МОСКВА

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

Сергей Шокарев

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОСКВЫ

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Сергей Шокарев

МОСКВА

ЖИЗНЬ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОСКВЫ

УДК 94(470-25)“653”
ББК 63.3(2-2Мос)4
Ш 78

*Серийное оформление
Сергея ЛЮБАЕВА*

ISBN 978-5-235-03540-9

© Шокарев С. Ю., 2012
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2012

МОСКВА ЗЛАТОГЛАВАЯ...
МОСКВА БЕЛОКАМЕННАЯ...

Место пребывания князей и бояр, царей и патриархов, тороватых купцов и умелых мастеров, святых и подвижников, столица Святой Руси, центр мирового православия, Третий Рим — такой представляется нам ныне средневековая Москва.

Это город Сергия Радонежского и митрополита Алексия, Дмитрия Донского и Владимира Храброго, Феофана Грека и Андрея Рублева, митрополита Макария и Ивана Федорова, Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина, патриарха Никона и протопопа Аввакума, Симеона Полоцкого и Симона Ушакова.

Город, сверкающий золотом глав кремлевских соборов и крестами легендарных сорока сороков своих церквей, опоясанный четырьмя рядами стен — от грубоватого Деревянного города до величественного Кремля, гордящийся великолепием узорчатых палат, разноцветных изразцов, кованых флюгеров и решеток, резных порталов...

Вместе с тем средневековая Москва — это город ночных татей и убийц, «непотребных женок» и «зажигальщиков», посадских караулов и стрелецких объездов. Город, поглощаемый страшной огненной стихией, тонущий в потоках грязи, охваченный могильной скорбью и ужасом «морового поветрия»...

В Средние века Москва была очень разнообразной, мозаичной, пестрой. Она, кажется, распадалась на множе-

ство частей, но при этом оставалась единой и неповторимой. Она вся состояла из противоречий. Истинное благочестие горожан сочеталось с бытовой грубостью, молитва — с бранью, повседневные добрые дела — с повседневным же рукоприкладством. Очень трудно, даже, пожалуй, невозможно осознать это ушедшее от нас время. Видимо, легче его почувствовать. Иногда представляется, что Средневековье ушло от нас не навсегда. Оно подает голос и в пасхальном благовесте, и в гнусавом бормотании нищих... Его знаки можно увидеть в снегопад или в грозу, когда останавливаются автомобили, а город, как и 500 лет назад, накрывает безудержная стихия.

Еще чаще Средневековье говорит с нами через посредничество древних строений. Художник Василий Суриков вспоминал: «Я на памятники, как на живых людей, смотрел, расспрашивал их: “Вы видели, вы слышали, вы — свидетели”. Только они не словами говорят... А памятники всё сами видели: и царей в одеждах, и царевен — живые свидетели. Стены я допрашивал, а не книги». Несмотря на катастрофы прошедших столетий, в Москве еще есть древние шершавые стены, прикоснувшись к которым, можно почувствовать невнятный ропот средневекового города. Что это — бунт или празднование? Непонятно...

Рассказ о повседневности средневековой Москвы будет путешествием не только во времени, но и в пространстве. Мы постараемся увидеть, как и где жили люди, что сохранило неумолимое время. Имя улицы, малоизвестная церковка, изгиб реки, заросший пруд — всё это таит в себе следы прошлого, знаки, которые нужно расшифровать, голоса, которые нужно услышать. И тогда наша повседневность окажется пронизанной повседневностью прошлого, ведь мы наследники пращуров-москвичей, легших в землю города и ставших ее частью несколько столетий назад.

• • •

На протяжении всей книги встречаются старинные меры и единицы денежного счета. В переводе на современную метрическую систему они выглядят следующим образом:

Длина

Сажень — 216 сантиметров.

Аршин — 72 сантиметра.

Объем сыпучих тел

Четверть — две осьмины, 209,91 литра (для ржи это примерно 128 килограммов).

Вес

Пуд — 16 килограммов.

Денежный счет XVI—XVII веков

1 рубль — 2 полтины — 4 полуполтины — 10 гривен — 33,3 алтына — 100 копеек — 200 денег — 400 полушек.

«ЦАРСТВУЮЩИЙ ГРАД»

Московские «грады»

Известное выражение «Москва не сразу строилась» отражает длительную историю возведения города, шедшего в несколько этапов. Будучи вначале деревянным «градом» на порубежье Владимиро-Суздальского княжества в XII—XIII веках, Москва в XIV столетии при Иване Калите приобрела вид княжеской столицы с первыми белокаменными храмами и дубовым Кремлем, при его внуке Дмитриии Донском была укреплена белокаменными кремлевскими стенами, а век спустя при Иване III получила статус стольного города единого Российского государства, кирпичный Кремль и несколько десятков каменных соборов. Следующий важный этап градостроительного развития Москвы пришелся на конец XVI столетия, когда к выстроенным в 1534—1538 годах кирпичным стенам Кремля и Китай-города в 1585—1591-м были добавлены укрепления Белого города, а в 1591—1592-м — Деревянного (впоследствии — Земляного) города. В результате к концу XVII столетия стольный град Московского государства приобрел четкую и завершенную градостроительную структуру. Ее основу составляли несколько колец московских укреплений, пронизанных радиальными лучами крупных улиц, связанных сетью мелких переулков. Центральная часть — Кремль и Китай-город — была занята соборами, дворцами, боярскими усадьбами, монастырскими комплексами. Более обширные территории Белого и Земляного города застраивались впере­мешку дворами, чьи хозяева были разного социального

происхождения. Особыми компактными поселениями были слободы, каждая из которых имела религиозный (храм) и административный (избу) центры. Причудливые линии на четком радиально-концентрическом рисунке прочерчивали реки — Москва, Неглинная, Яуза... Крепостные рвы наполнялись водой рек и подземных источников. Раскинутый на обширном пространстве величественный город выглядел по-разному в своих многочисленных частях и вместе с тем был единым по общей схеме развития, идее и московскому духу.

Крепостные стены и реки делили город на несколько обособленных территорий, каждая из которых воспринималась как самостоятельная структурная единица. Иноземцы, посещавшие Москву в XVI—XVII веках, пишут о Кремле, Китай-городе, Белом городе, Земляном городе, а иногда и Замоскворечье, подмечая различия в социальном составе населения каждой из основных частей Москвы. От Кремля, где жили царь, патриарх и бояре, до окраин Земляного города, где обитали простые тяглецы, мелкие ремесленники, ямщики, стрельцы, огородники, слобожане, росла численность жителей и уменьшалось социальное значение каждого.

Таким образом, Москва представляла собой своеобразную пирамиду, вершиной которой был Кремль, а подножиями — обширные «загородья» вокруг Земляного города. По подсчетам историка Москвы П. В. Сытина, в конце XVI века Кремль занимал площадь в 27,5 гектара, Китай-город — 64,5, Белый город — 533, Земляной город — 1878 гектаров¹. Обзор этих частей Москвы должен быть предпослан повествованию о повседневной жизни ее обитателей.

Святыни Кремля

«Кремленград» — так именуется на плане Герритса Гесселя, составленном около 1598—1599 годов, священная цитадель средневековой Москвы — Кремль, «Град», «Большой город» (по определению иностранцев, «Город» или «Замок»). Благодаря монументальным трудам историков Москвы И. Е. Забелина и С. П. Бартенева и их

продолжателей мы знаем историю и топографию древнего Кремля во многих подробностях². Для шеститомной «Истории Москвы» (1952) И. А. Голубцов составил планы Кремля на 1533, 1605 и 1675—1680 годы с указанием всех кремлевских строений — соборов, монастырей, дворцовых помещений, храмов, частных дворов и монастырских подворий, казенных учреждений и др. Литература о Московском Кремле включает в себя не одну сотню книг и статей. Подробно исследованы археология, архитектура и фортификация Кремля, история его застройки и планировки. В последние годы уделяется особое внимание сакральной топографии Кремля и его значению в системе московских общегородских святынь и символов.

Кремль — историческое ядро и сердце Москвы, место, где обретались главные святыни города и всего государства. Его соборы и монастыри возникли уже в первый век великого княжества Московского — Успенский собор (1326—1327), церковь Иоанна Лествичника (1329), храм Спаса на Бору (1330), Архангельский собор (1333), Чудов (1365) и Вознесенский (1407) монастыри, Благовещенский собор (1395). В XV столетии окончательно сложились представления о символических функциях кремлевских храмов и обителей.

Главный храм города — Успенский собор, строительство которого в 1479 году завершил по велению Ивана III итальянский архитектор Аристотель Фиораванти, был (по-видимому, с 1480 года) вместилищем всероссийской чудотворной иконы Владимирской Божией Матери, престолом российских первоиерархов и местом их упокоения. Особо почитались перенесенные с Соловков в 1652 году мощи преподобных святителей Петра, Феоноста, Киприана, Фотия, Ионы, Филиппа, от которых происходили чудесные исцеления. В 1625 году в соборе, в особом золотом ковчеге, была размещена Риза Господня, присланная царю Михаилу Федоровичу персидским шахом Аббасом. Святынь в соборе было множество: крест святого князя Владимира, крест византийского царя Константина («в сем Кресте положены власы, кровь и Риза Господня; также святое древо, губа, трость и венец терновый и мощи святых»),

символический Гроб Господень, частицы мощей святого пророка Иоанна Предтечи, преподобного Сергия Радонежского, апостола Андрея Первозванного, часть Креста Господня, Гвоздь Господень, часть Ризы Пресвятой Богородицы и многих другие³.

С 1459 года в Успенском соборе совершался обряд поставления в сан митрополита, а затем патриарха всея Руси, а с 1498-го — обряд «венчания на царство» государя. Со времени основания храма в нем проходили венчания великих князей и членов правящей династии и поставления епископов.

Русские источники скупо описывают соборный храм. Рассказывая о завершении строительства в 1479 году, летописец заметил: «Бысть же та церковь чюдна велми величеством и высотой и светлостью и звоносью и пространством; такова же преже того не бывала в Руси, опричь Владимирския церкви...» — и этим ограничился. Наиболее подробное описание храма оставил архидиакон Павел Алеппский, побывавший в Москве в свите патриарха Макария Антиохийского в 1654—1656 годах.

Архидиакон сообщает, что перед началом службы московский патриарх Никон и Макарий обошли весь собор, прикладываясь к его святыням: «Оба патриарха вернулись и приложились к местным иконам, что у дверей северного алтаря, затем вошли в алтарь, где жертвенник, и приложились к мощам св. Петра, первого митрополита московского, коего позолоченная рака вложена в стену между обоими алтарями... Приложившись к нему, патриархи пошли в северный угол церкви и прикладывались к мощам св. Ионы... Потом они прикладывались ко всем иконам, кои находятся вокруг четырех колонн церкви, затем пошли в западный угол церкви, где есть красивое помещение с высоким куполом. Оно из желтой меди в прорезь, а изнутри его каменный хрусталь. В нем хранится хитон Господа Христа, присланный царю Михаилу, отцу нынешнего царя, кизилбашем, шахом Аббасом, который завладел им в Грузии. Для него устроили это чудесное, приличествующее ему помещение. Внутренность его имеет подобие гроба Господа Христа; на нем стоит изящный ковчег из

позолоченного серебра, внутри коего другой ковчег из золота с драгоценными камнями, а в нем упомянутый хитон, который мы видели впоследствии в день великой пятницы»⁴.

Внутреннее убранство собора, несмотря на изъятие в первые годы советской власти целых 65 пудов церковной утвари, сохранило основные черты первоначального облика. Фресковая роспись этого монументального храма (его высота — 45 метров), выполненная в 1642—1643 годах, повторяет более древнюю — 1513—1517 годов. Частично сохранились и фрагменты росписей XV века. Иконостас и Царские врата тоже были выполнены в XVII столетии, причем при патриархе Никоне впервые в деисусный чин были включены изображения всех двенадцати апостолов, как это делалось в Греческой и Болгарской церквях.

Особенностью Успенского собора является наличие царского и патриаршего мест, созданных в XVI веке. Царское место (1551), известное также как «Мономахов трон», украшено деревянными рельефами, иллюстрирующими легенду о происхождении знаменитой «шапки Мономаха» — императорского венца, символизирующего передачу власти от византийских императоров к российским государям. Византийские реминисценции пронизывали весь собор да и, пожалуй, весь Кремль с прилегающим пространством. Царское место было русским вариантом митатория (моленного места) византийских императоров, а чин «венчания на царство» не только во многих чертах повторял обряд коронации василевсов, но и неоднократно подчеркивал преемственность власти православных самодержцев от Второго Рима к Третьему⁵.

Архангельский собор (1505—1508, архитектор Алевиз Новый) был усыпальницей «царских прародителей», одним из немногих на Руси некрополей, в котором погребались только мужские представители правящего дома. Начало этой традиции было положено захоронением в предыдущем (1333) соборе инициатора его постройки — великого князя Московского Ивана Даниловича Калиты. Ныне в соборе находятся 48 гробниц великих и удельных князей Московского дома, царей

из династий Рюриковичей и Романовых, казанских «царевичей», выборного царя Василия Шуйского, его племянника, героя Смутного времени князя М. В. Скопина-Шуйского и юного императора Петра II.

Некрополь великих и удельных князей и царей в Архангельском соборе создавался согласно четкой схеме, связанной с сакральной топографией храма и всего мира. В христианской космологии стороной спасения традиционно считался восток, с чем связана ориентация и алтаря, и христианского погребения. Близкое значение придавалось и югу. Вероятно, при перестройке Архангельского собора была заложена и определенная схема расположения гробниц, выявленная Е. С. Сизовым. Захоронения великих князей совершались на южной стороне, удельных князей — на западной, опальных — на северной. Усыпальница Ивана Грозного и его сыновей, созданию которой царь уделял большое внимание, расположена в юго-восточном углу собора, в южном предалтарье. Умершие в опале князья Юрий Иванович Дмитровский, Андрей Иванович, Владимир Андреевич и Василий Владимирович Старицкие были похоронены в северо-западном углу, «где опальные князи кладутца». При этом на надгробия старицких князей не были нанесены эпитафии, что, видимо, связано со стремлением Ивана Грозного предать могилы опальных князей забвению⁶.

Важное идейное содержание несли и фрески Архангельского собора. Выполненные в XVII веке, они повторяют предыдущие росписи (около 1564). Изображения князей нанесены на стены в нижнем ярусе росписей напротив надгробий. Интересно, что все князья, включая опальных и боровшихся с установлением московского самодержавия (Юрий Звенигородский, Василий Косой), изображены в нимбах, а над каждым из них помещен образ его святого покровителя. Трудно сказать, в XVI или XVII столетии над головами князей впервые появились нимбы. В любом случае, эти символы свидетельствуют о восприятии Архангельского собора как места захоронения «святопочивших» государей. Смерть, по представлениям авторов и заказчиков стенописи, примиряла погребенных. Род московских князей представ-

ляется единой династией, находящейся под покровительством Господа⁷.

К помощи почивших предков и усопших духовных владык обращались во время ответственных церемоний и при важных начинаниях. Поставление в сан митрополита (а затем и патриарха) происходило в Успенском соборе у гроба святого Петра. Договор великого князя Семена Гордого с братьями был скреплен целованием ими креста «у отня гроба» в Архангельском соборе. Молились у гробов владык и предков Дмитрий Донской перед Куликовской битвой, Иван III в 1471 году перед походом на Новгород и их преемники перед другими походами. Поклонение гробницам в Архангельском соборе стало частью коронационного церемониала, который происходил в Успенском соборе. Считалось, что царские предки помогают не только правителям. В XVII веке возник обычай класть челобитные на имя государя на гробницы почивших самодержцев. Особый статус некрополя Архангельского собора выражался и в существовании (1599—1765) Архангельской архиепископии, архиереи которой совершали отпевания и панихиды по умершим царям.

Третий кремлевский собор, Благовещенский, в эпоху Средневековья был недоступен для простых богомольцев — он являлся великокняжеским, а затем и царским домовым храмом, в связи с чем к его наименованию прибавляли «у великого государя в Верху», то есть во дворце. С дворцовым комплексом собор соединялся крытыми переходами, с чем связано и другое его прозвание — «на Сенех». Убранство храма было предметом особой заботы государей. Здесь до наших дней сохранились иконы, созданные великими художниками Средневековья — преподобными Феофаном Греком и Андреем Рублевым. Очень интересны и фрески Благовещенского храма. Выполненные в 1508 году Феодосием, сыном знаменитого иконописца Дионисия, они сильно пострадали в пожаре 1547 года и вскоре были переписаны. Помимо традиционных сюжетов они изображают московских государей от князя Даниила Александровича до Василия III и, что еще более интересно, портреты «еллинских мудрецов» Аристотеля, Птолемея, Плутар-

КРЕМЛЯ ГРАД.
KREMLENA GRAD,
CASTELLVM VRBIS MOSKVAE

MAGNO DOMINO CAESARI, ET MAGNO DVCI
ALEXIO MICHAELOVITS
DEI GRATIA,

OMNIVM RVSSORVM AVTOKRATORI, VLADIMERSKII, MOSKOVSKII
NOVORODSKII: TZAR KAZANSKII, TZAR ASTOROCHANSKII, TZAR
SIBIERSKII: DOMINO PLESKOVSKII: MAGNO DVCI SMOLENSKII, IVERSKII
OYGORSKII, PERMSKII, VEATSKII, BOLGARSKII: ETIAM DOMINO, ET MAG
NO DVCI NOVORODI IN TERRIS IN FERIORIBVS, TZERNIGOVSKII,
REZANSKII, POLOTZKII, ROSTOVSKII, IAROSLAFSKII, BELOZERSKII,
OVDORSKII, OBDORSKII, KONDINSKII ET TOTIVS SEPTENTRIONALIS
REGIONIS MANDATORI; ET DOMINO TERRARVM IVERSKYAE,
KARTALINSKIKHI, ET GRVZINSKICH CAESARYM ET
TERRARVM KABARDINSKIES, TZERKASKIKHI, IGORSKICH
DVCVM: ET MVLTARVM DITIONVM DOMINO
ET MODERATORI

Castellum cum tribus contiguis Vrribus Moskuæ, prout
sub florenti Imperio, pie memoriae, Magni Domini Caesaris,
et Magni Ducis Borisli Fœdorovits, omnium Russorum, &c.
snū, et dimensū fuit: summā ac debitā obſervantiā,
offertur. dicatur. consecratur.

In hoc Castellū Vrbi Moskuæ Typo hoc, subsequens suis numeris notata designatur ordine.

1. Palatium, id est Porta Prætorialis.
2. Vrbis Vrbi, Angliam officinam Christi, ubi Imperatrix, Episcopus.
3. Aula Fœderis Imperii Schemystoff.
4. Kretskijka palatium, Kretskijka Kretskijka.
5. Kretskijka palatium, Kretskijka Kretskijka.
6. Chelov, id est, armamentarium.
7. Refectoria, Tribunal, aut sin. graffiorum.
8. Aula Ducis, id est, Imperatoris Sijcha.
9. Aula Ducis, id est, Imperatoris Sijcha.
10. Vrbis Vrbi, id est, Imperatoris Sijcha.
11. Vrbis Vrbi, id est, Imperatoris Sijcha.
12. Michael, Archangel, Templum in quo omnia Caesaria sepeliuntur.
13. Porta ad signum flammæ, Mithras.
14. Castrorum Caesaria, et Magni Ducis.
15. Palatium, id est, Imperatoris Sijcha, templum novum tur-
16. Palatium, id est, Imperatoris Sijcha, templum novum tur-
17. Palatium, id est, Imperatoris Sijcha, templum novum tur-
18. Palatium, id est, Imperatoris Sijcha, templum novum tur-
19. Palatium, id est, Imperatoris Sijcha, templum novum tur-
20. Palatium, id est, Imperatoris Sijcha, templum novum tur-
21. Palatium, id est, Imperatoris Sijcha, templum novum tur-
22. Palatium, id est, Imperatoris Sijcha, templum novum tur-
23. Palatium, id est, Imperatoris Sijcha, templum novum tur-
24. Palatium, id est, Imperatoris Sijcha, templum novum tur-
25. Palatium, id est, Imperatoris Sijcha, templum novum tur-
26. Palatium, id est, Imperatoris Sijcha, templum novum tur-
27. Palatium, id est, Imperatoris Sijcha, templum novum tur-
28. Palatium, id est, Imperatoris Sijcha, templum novum tur-
29. Palatium, id est, Imperatoris Sijcha, templum novum tur-
30. Palatium, id est, Imperatoris Sijcha, templum novum tur-
31. Palatium, id est, Imperatoris Sijcha, templum novum tur-
32. Palatium, id est, Imperatoris Sijcha, templum novum tur-

Privilegio Nobili-
simorum et Prætorum
D. D. Ordinum Generalium
Cofœderatarum Regionum
cautum est, ne quis has
Tabulas Civitatis, et Castellū
Moskuæ, aliquo modo, sine
primis, aut aliis in-
pessue, dividat.

«Кремленград».
«Большой атлас, или Космография Блау». Г. Гессель. Издание 1662 г.

ха, Гомера, Вергилия и др. Каждый из мудрецов держит в руках хартии с изречениями, которые либо прорицают о событиях Нового Завета, либо наставляют читателя. Например, Плутарх обращается к богомольцу с поучением: «Бога бойся первое, родителям повинуйся, иереи хвали, старцы честные почитай»⁸.

При Иване Грозном пол храма был выложен плитками агатовой яшмы, вывезенными царем из собора Ростова Великого. Этому самодержцу собор обязан и другой архитектурной особенностью — пристройкой паперти с резным белокаменным крыльцом с юго-восточной стороны. На этой паперти грозный царь, на которого церковным собором была наложена епитимья за четвертый брак, слушал церковную службу за пределами храма, подобно оглашенным*. Здесь же, на лестнице, в 1584 году царь увидел в небе между церковью Иоанна Лествичника и Благовещенским собором комету, предвестившую его смерть⁹.

Существовали и другие дворцовые церкви. К началу XVII века их было всего три — Рождества Богородицы, Сретения Господня, Святой Екатерины, а к концу столетия прибавилось еще девять — два храма во имя Спаса Нерукотворного, Воскресения Христова, Ризоположения, Похвалы Пресвятой Богородицы, Успения Пресвятой Богородицы, Сошествия Святого Духа, Святых Апостолов Петра и Павла и Святого Иоанна Предтечи, не считая придельных¹⁰. Все эти храмы именовались «в Верху» или «на Сенех» и входили в обширный комплекс царского дворца, соединяясь с другими помещениями галереями, переходами, лестницами.

Старейшую из дворцовых церквей, во имя Рождества Пресвятой Богородицы, основанную (1394) великой княгиней Евдокией Дмитриевной, вдовой Дмитрия Донского, включили в ансамбль Теремного дворца при его строительстве (1635—1636). Храм Ризоположения, возведенный в 1484—1486 годах на Митрополичьем

* Оглашенные — в древней церкви готовившиеся к крещению, но еще не принявшие его; должны были покидать храм с началом центральной части богослужения — литургии верных — при словах дьякона: «Елицы оглашении, изыдите; оглашении, изыдите; елицы оглашении, изыдите. Да никто от оглашенных, елицы вернии, паки и паки миром Господу помолимся».

дворе, в середине XVII века встроили в дворцовый комплекс. В 1681—1682 годах храмы во имя Спаса Нерукотворного Образа (известен также как Верхоспасский собор), Распятия (придельный) и Воскресения подвели под общую кровлю, на которой поставили 11 глав на тонких барабанах. Золотые главки, увенчанные ажурными крестами на изразцовых барабанах, и сейчас возвышаются над пестрой кровлей Теремного дворца.

Ансамбль Соборной (в XVI столетии она называлась Красной) площади завершала церковь Иоанна Лествичника, более известная как Иван Великий (Иван Святой). Восьмигранный столп, достигавший рекордной для средневековой Москвы высоты в 81 метр, являлся вплоть до XIX столетия самым высоким сооружением города. Древнейшее здание этой церкви было возведено в 1329 году по приказу Ивана Калиты и освящено во имя его небесного покровителя — византийского святого Иоанна Лествичника. Храм имел новую и редкую для Руси форму — «иже под колоколы». В самом начале XVI века во время строительства нового храма-колокольни церковь 1329 года была разобрана. Однако реконструкция ее внешнего облика возможна благодаря земляным работам, проводившимся в 1913 году на Соборной площади, во время которых был обнаружен фундамент странного белокаменного сооружения. Ученые того времени сочли его остатками часовни XVIII века, но позднее три сохранившиеся фотографии позволили установить, что он принадлежал храму 1329 года, имевшему уникальную восьмиугольную форму. По размерам он сильно уступал Ивану Великому, выстроенному в 1505—1508 годах, однако теперь стало очевидно, что именно храм эпохи Калиты стал прообразом этого монументального восьмигранника. Вероятно, церковь 1329 года была двухъярусной, башнеобразной, с закомарами*, барабаном и главой¹¹.

В 1532—1543 годах зодчий-итальянец Петрок Малый пристроил к колокольне церковь Воскресения Христова (с 1555 года она стала носить название Рождества Христова). В 1624-м к северной стороне Рождествен-

* Закомары (от греч. *Kamara*, лат. *camara, camera* — свод, небольшая комната) — в древнерусской архитектуре полукруглые завершения наружных участков стен, расчлененных вертикальными выступами — лопатками, воспроизводящие форму внутреннего свода.

ской церкви зодчий Бажен Огурцов добавил еще одну колокольню с шатровым завершением, которая по имени патриарха получила наименование Филаретовой звонницы. К концу XVII века Рождественская церковь приобрела вид открытой пятиярусной звонницы и получила наименование Большой Успенской. На звоннице разместили колокола-благовестники, отлитые при царях Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче: «Реут» (1622) в 1200 пудов или 19,2 тонны, «Вседневный» (1652) в 998 пудов или 15,9 тонны и «Большой Успенский» (1655), весивший около восьми тысяч пудов или 128 тонн.

Огромная церковь-колокольня не раз упоминается в описаниях Москвы иноземцами. «Посреди кремлевской площади, — писал участник голштинского посольства Адам Олеарий в книге, изданной впервые в 1647 году, — стоит высочайшая колокольня “Иван Великий”, которая также обита вышеупомянутой позолоченною жестью и полна колоколов. Рядом с нею стоит другая колокольня, на которой висит очень большой колокол, как говорят, весом в 356 центнеров и отлит в правление Бориса Годунова»¹². На самом деле гигантский годуновский колокол, размещавшийся на Филаретовой звоннице, был еще тяжелее — 3233 пуда или 51,7 тонны. Звонили в него очень интересным способом: по обе стороны от колокольни выстраивалось две толпы звонарей, которые веревками приводили колокол в движение, а третья группа, стоя наверху, подводила язык к краю колокола. Таким образом, годуновский колокол сочетал два типа звона — очепный (когда раскачивается колокол) и язычный (когда раскачивается язык). Большинство огромных колоколов Ивановской колокольни были очепными, звонили в самых нижних регистрах, производя благовест — торжественный мерный звон¹³.

Царский дворец

Почти треть территории средневекового Кремля (его юго-западная часть в треугольнике между Троицкими воротами, Тайницкой башней и Боровицкими воротами) была занята огромным комплексом царского

двора. Вероятно, здесь еще в домонгольскую эпоху находился княжеский двор. Иван III вывел отсюда дворы других владельцев и приступил к коренной перестройке дворца, которая закончилась уже при Василии III. На Соборную площадь дворцовый комплекс выходил парадным фасадом Грановитой палаты и алтарем Благовещенского собора, к которому было пристроено помещение для хранения казны. Главное, парадное крыльцо именовалось Красным. К реке было обращено здание Набережной палаты, служившей в XVI веке тюрьмой для знатных пленников. Далее к Боровицким воротам тянулись деревянные здания «чердаков» и палаты жены Ивана III великой княгини Софьи Фоминичны. С севера к Набережной палате примыкали Средняя и Постельная палаты, Столовая изба. В дальнейшем вся северная часть дворцового комплекса была женской. Все эти строения были соединены между собой переходами и сенями. Дворец XV—XVI веков имел П-образную форму, заключая внутри себя каменный храм Спаса Преображения на Бору, выстроенный Калитой, и был отделен от остальной территории Кремля каменной стеной, внутри которой также находились многочисленные хозяйственные службы — конюшни, поварни, мыльни...

В 1560 году царь Иван Грозный после кончины жены Анастасии Романовны решил отселиться от сыновей. По его приказу на «Взруб», то есть на самом краю кремлевской горы, были построены деревянные хоромы с церковью, примыкавшие к каменной палате Софьи Фоминичны и обращенные фасадом к реке. В 1575—1576 годах здесь жил касимовский хан Симеон Бекбулатович, венчаный по воле Ивана Грозного «великим князем всея Руси». При Борисе Годунове на каменном основании был возведен обширный деревянный дворец, вскоре разрушенный Лжедмитрием I¹⁴.

На этом месте, пишет голландец Исаак Масса, самозванец «приказал выстроить над большою кремлевской стеной великолепные палаты, откуда мог видеть всю Москву... Внутри этих описанных выше палат он повелел поставить весьма дорогие балдахины, выложенные золотом, а стены увесить дорогою парчою и рытым бархатом, все гвозди, крюки, цепи и дверные петли

покрыть толстым слоем позолоты; и повелел внутри искусно выложить печи различными великолепными украшениями, все окна обить отличным кармазиновым сукном; повелел также построить великолепные бани и прекрасные башни... он повелел в описанном выше дворце также устроить множество потаенных дверей и ходов, из чего можно видеть, что он в том следовал примеру тиранов и во всякое время имел заботу»¹⁵.

Потаенные двери и ходы не спасли самозванца во время восстания 17 мая 1606 года — заговорщики настигли его у стен нового дворца. Когда они ворвались во дворец, Лжедмитрий I, пытаясь спастись, выпрыгнул из окна, повредил ногу, был найден лежащим на земле и убит. Новый царь Василий Шуйский, в свою очередь, отказался жить в палатах «расстриги». В 1607 году было завершено строительство нового царского деревянного дворца. Спустя два года, как будто в ознаменование непрекращавшихся несчастий этого государя, «у тех хором подломились сени, а мост и бревна, и брусье были новые и толстые»¹⁶.

В Смутное время дворец «боярского царя» был разграблен и разрушен. В апреле 1613 года боярин князь Ф. И. Мстиславский сообщал новоизбранному царю Михаилу Федоровичу, что удалось подготовить для него Золотую палату, сени передние, палату переднюю, две комнаты, «где жывал государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси», Грановитую палату и «мыленку» (баню). Для матери царя, государыни-инокини Марфы, устроили хоромы в Вознесенском монастыре. Мстиславский оправдывался, что не получилось отремонтировать для Марфы палаты царицы Марии Шуйской: «...Денег в твоей государевой казне нет и плотников мало, а палаты и хоромы все без кровель и мостов в них, и лавок, и дверей и окончин нет, делать все ново, и леса такова, каков на ту поделку пригодится, ныне вскоре не добыть»¹⁷.

При царе Михаиле Федоровиче прежнее великолепие дворца было восстановлено. Он первым из русских государей приказал выстроить полностью каменный дворец — Теремной, который создавался в 1635—1636 годах мастерами Баженом Огурцовым, Ан-

типой Константиновым, Трефилом Шарутиным и Ларионом Ушаковым. Новый дворец был надстроен над Мастерской палатой XVI века, а ее основанием, в свою очередь, стали стены великокняжеского дворца XV столетия. На имевшихся двух этажах мастера возвели еще три, создав сложную многоярусную систему, сочетавшую парадные и жилые комнаты, лестницы, гульбища*, площадки, дворцовые храмы. Внутренние помещения дворца, стены и иконостасы дворцовых церквей были расписаны выдающимися иконописцами¹⁸.

В 1620—1630-х годах в Кремле строились каменные поварни, светелки для царицыных мастериц, храмы. В 1633 году англичанин Х. Галлоуэй (Галовой) устроил в Свибловой башне водовзводный механизм, а «из той башни воду привел на государев Сытный и Кормовой дворец в поварни». В честь дворцового водопровода эта башня получила имя Водовзводной. Впрочем, водопровод Галлоуэя был далеко не первым в Москве. Еще в 1601 году была «введена вода из Москвы-реки на государев двор на конюшенный на большой по подземелью великой мудростию»¹⁹.

К концу XVII столетия дворец состоял из множества разнообразных помещений, связанных переходами, сенями, лестницами. Он был обращен к Соборной площади парадными фасадами Грановитой, Средней (Золотой) и Столовой (Панихидной) палат. Вход в эти помещения осуществлялся через Красное крыльцо — гульбище, к которому вели три лестницы: Благовещенская шла через паперть одноименного собора, Средняя (Золотая) располагалась между собором и Грановитой палатой, а Красная примыкала к боковому фасаду Грановитой палаты. До наших дней сохранилась только главная, Красная лестница — по ней совершались парадные царские выходы и на ней встречали самых важных и долгожданных послов, угощая их трижды на каждой лестничной площадке. По Благовещенской лестнице во дворец входили послы христианских стран, по Средней — послы исламских государств, поскольку идти через церковную паперть им было «непригоже».

* Гульбище — терраса или галерея, обычно на уровне второго этажа; часть храма или богатого жилого комплекса.

Бывало, что европейских дипломатов из стран, с которыми Московское государство было в напряженных отношениях, в нарушение этикета вели по Средней лестнице, подвергая их своеобразному церемониальному унижению²⁰.

Грановитая палата являлась главным тронным залом дворца; в ней происходили торжественные посольские аудиенции, заседания Земских соборов, большие пиры. В Средней (Золотой) палате проводили менее важные приемы, в Столовой в дни поминовения государей организовывали поминальные столы, от чего происходило ее второе наименование — Панихидная. С северной стороны к этим парадным помещениям примыкал Теремной дворец («верх») — личные покои государя и его семьи. В него вела Постельная лестница, которая выходила на Постельное крыльцо, также именовавшееся Боярской площадкой, поскольку, по объяснению И. Е. Забелина, «здесь обыкновенно собирались и постоянно толпились стольники, стряпчие, жильцы, дворяне московские и городовые, полковники и вообще служилое дворянство, или все те, кому был дозволен сюда вход». Далее на север простиралось «женское царство» — в последней трети XVII века здесь находились хоромы цариц Натальи Кирилловны, Марфы Матвеевны, царевен Татьяны Михайловны, Софьи Алексеевны, Екатерины Алексеевны, царицына швейная мастерская, повари цареვენ.

Западную часть царского двора занимало обширное дворцовое хозяйство. Там стояло здание приказа Большого дворца, глава которого ведал всеми дворцовыми службами. К приказу примыкал корпус аптеки, далее к Троицким воротам располагались Оружейная палата, мастерские золотых и серебряных дел, Потешный дворец. Неподалеку находились Хлебный, Кормовой и Сытный дворцы, обеспечивавшие едой и питьем царскую семью, царедворцев и многочисленных посетителей высочайших трапез. Наконец, с южной стороны к дворцу примыкали еще одна аптека и места для государевой «прохлады» — Запасный дворец (стоял на месте хором Бориса Годунова и Лжедмитрия I) с выстроенными по его углам беседками, из которых открывался вид

на Москву-реку и Замоскворечье. На крыше дворца был Верхний набережный сад, к востоку от него — Нижний набережный сад с прудами, населенными красивыми рыбками. В других частях дворца также существовали небольшие фруктовые сады, которые по их расположению на каменных сводах над палатами и погребями можно назвать висячими.

К Запасному дворцу примыкал Житничный двор — место хранения царских зерновых припасов, возле которого через Портомойные ворота шел выход к Москве-реке, где находился специальный «портомойный плот». Стирка белья сопровождалась особыми предосторожностями: «...То платье зимою и летом возят на реку в санях, в сундуке, замкнув и запечатав, покрыв красным сукном; а за тем платьем идет болярыня для бережения».

И. Е. Забелин, собравший огромное количество материалов о царском дворце XVII века, особо останавливается на вопросе о «значении и чести» дворца. Дворец, да и в значительной степени сам Кремль почитались священными, что диктовало особые правила поведения. Подьячий Г. К. Котошихин, сбежавший в 1664 году за границу и составивший для шведов подробное описание России, сообщает, что даже самые знатные бояре сходили с коня или выходили из саней «не доезжая двора, и не блиско крыльца». Служилые люди более низкого ранга спешили еще дальше — на Ивановской площади, а подьячие, кроме самых «старых перво-статейных», согласно указу 1654 года и вовсе не имели права въезжать в Кремль на лошадях.

Вход на царский двор был строго запрещен всем, кроме бояр и служилых людей. Появление во дворце с оружием, пусть и без злого умысла, а по недомыслию или забывчивости, грозило арестом и изнурительными пытками с целью выведать заговор. За выбитым признанием следовала немедленная казнь; если же несчастному удавалось на троекратных пытках не оговорить себя, его сажали в тюрьму, «доколе по ним поруки будут», а при отсутствии поручителей после заточения ссылали²¹.

Строго запрещалось появляться во дворце больным. Бесчестье, нанесенное в этом месте служилому челове-

ку, приравнивалось к оскорблению «государева двора» и наказывалось в зависимости от тяжести тюремным заключением или битьем батогами. Внутри самого дворца право прохода в те или иные помещения зависело от служебного положения посетителя. Члены Боярской думы могли проходить в «верх», то есть в жилые покои государя, а ближние бояре — даже в царский кабинет. Другие чины московского двора — стольники, стряпчие, полковники, московские дворяне — собирались на Постельном крыльце и в примыкавших к нему церемониальных залах. На царицыну же половину не проникали даже ближние бояре. Там распоряжались верховые боярыни, через которых совершали «обсылки» царедворцы, посланные от царя к царице или детям. Священники дворцовых храмов («крестовые попы») должны были дожидаться, когда их позовут, а дворцовые служители не имели права ходить далее сеней²².

По свидетельству Котошихина, дворец и казну ежедневно охраняли пять сотен стрельцов. Главный караул в 200—300 человек находился у Красного крыльца, другой — у Красных (иначе Колымажных) ворот. По 10—30 стрельцов стояли у кремлевских ворот (помимо этого, их охраняли и специальные сторожа — воротники), по пять — на Казенном и Денежном дворах. Внутри дворца стражу несли жильцы («человек по 40 и больше»), в покоях государя — спальники, на нижних этажах царицыных палат — дети боярские («для сторожи и оберегания»). Среди этой гвардии XVII столетия было немало сыновей бояр и окольных, для которых охрана царской персоны была первой ступенькой в карьере²³.

Деловой центр Кремля

За церковью Иоанна Лествичника и Архангельским собором открывалась обширная Ивановская площадь. Ее облик определялся расположением здесь комплекса приказов — главных органов центрального и местного управления. Еще в XV веке рядом с Благовещенским собором было выстроено каменное здание казнохра-

нилища, в котором берегли не только княжеские сокровища, но также государственный архив. В эпоху Избранной рады ее лидеры окольниковый А. Ф. Адашев и протопоп Сильвестр совместно «правили», а «сидели в ызде у Благовещения». Постепенно место для административных зданий было перенесено за Архангельский собор, где приказные обосновались надолго.

Система приказов сложилась к середине XVI столетия. Вероятно, тогда же они и получили прописку на Ивановской площади, которую еще называли «площадью у Архангела», в отличие от «площади у Пречистой» — Соборной. Первой в 1565 году выстроили каменную палату для Посольского приказа. В 1591-м началось сооружение каменного корпуса приказов, который, как можно видеть на средневековых планах Москвы, имел форму буквы «П», обращенной переключиной к востоку, в сторону Красной площади.

На протяжении всего XVII столетия количество приказов и число их служащих увеличивались. Постоянных приказов было около тридцати (Котошихин в своем описании говорит о сорока двух), а вместе с существовавшими недолго их насчитывалось до шестидесяти. Если в 1640-х годах в московских приказах служили 837 человек, то к 1690-м число приказных возросло до 2739, причем их подавляющее большинство — 2648 человек — составляли служащие низшего ранга — подьячие²⁴.

Стремительно росшему приказному аппарату было тесно в старых палатах, к тому же здание сильно обветшало. В 1675 году началось строительство нового корпуса приказов, закончившееся пять лет спустя. Двухэтажная постройка состояла из двадцати восьми палат, в которых размещались Посольский, Разрядный, Большой Казны, Поместный, Казанского дворца, Стрелецкий и другие приказы. На второй этаж вели семь лестниц, которые уже с раннего утра заполнялись челобитчиками.

Перед зданием приказов едва ли не ежедневно осуществлялись различные наказания. «У этой башни или церкви, — пишет немец-опричник Генрих Штаден, — правят со всех должников из простого народа, и правят

со всех должников везде, пока священник не вынесет Святых даров и не ударят в... колокола»²⁵. Крики и стоны истязаемых оглашали площадь еще полтора столетия, о чем свидетельствуют «Дневные записки» окольного Ивана Афанасьевича Желябужского:

«В 193 (1684/85) годах Федосий Филиппов сын Хвоцинский пытан из Стрелецкого приказа в воровстве, за то его воровство на площади чинено ему наказание — бит кнутом за то, что он своровал (то есть смошенничал, в данном случае — подделал документы. — *С. III*): на порожном столбце составил было запись... Князю Петру Кропоткину чинено наказание перед Московским судным приказом — бит кнутом за то, что он в деле своровал, выскреб и приписал своею рукою... Степану Коробьину учинено наказание — бит кнутом за то, что девку растлил... В 201 (1692/93) году князь Александру Борисову сыну Крупскому чинено наказание — бит кнутом за то, что он жену убил. В том же году бит батогами в Стрелецком приказе Григорий Павлов сын Языков за то, что своровал с площадным подьячим с Яковом Алексеевым; в записи записали задними числами за пятнадцать лет. А подьячему вместо кнута учинено наказание — бит батогами на Ивановской площади и от площади отставлен...»

Наказывали не только на Ивановской площади, но и в самих зданиях приказов, а при Разбойном и Стрелецком приказах были помещения для пыток. Для знатных лиц правосудие свершалось в иных местах. В 1688 году стольнику князю Якову Лобанову-Ростовскому, уличенному в разбое и убийствах, приговор был зачитан с Красного крыльца, а били его кнутом «в Жилецком подклете». Также с Красного крыльца объявили о лишении чина и ссылке в деревню боярину князю Андрею Ивановичу Голицыну, по доносу слуги обвиненному в произнесении «неистовых слов» в адрес царя. Тещу Голицына, вдову Акулину Афанасьевну Хитрово, уличенную в таком же преступлении, привезли к зданию Стрелецкого приказа и поставили на нижней площадке лестницы, где зачитали указ о ссылке на Белоозеро²⁶.

Служба в приказах начиналась рано — в половине восьмого утра. Два часа в середине дня отводилось на обеденный перерыв, а в четыре часа пополудни служ-

ба возобновлялась и продолжалась до десяти вечера. В 1680 году двенадцатичасовой рабочий день приказных сократили, разрешив им расходиться в восемь вечера. По субботам они работали до обеда, а по воскресеньям — после обеда. Столь насыщенный график вполне объясним — работы у приказных было множество. Толпы челобитчиков, «волочившихся» из приказа в приказ, наполняли Ивановскую площадь. Однако решить дело «без мотчания» (промедления) и «волокиты» удавалось далеко не всем. Мздоимство пронизывало весь приказный аппарат. В 1699 году игумен Ефрем, поехавший в столицу по делам Устюжской епархии, сообщал архиепископу Александру: «Без дарственного воздаяния не может Москва никаких дел делать... Говорят, не обинуясь, что от того же дела мы есть-де хотим». Согласно Штадену, без взяток было сложно даже добраться до самих вершителей людских судеб — дьяков и подьячих. «В каждом приказе или в судной палате, — пишет Штаден, — было два воротника; они отворяли дверь тому, кто давал там деньги; если у кого нечего было дать, ворота оставались закрытыми. А кто хотел прорваться силою, тех с силой били по голове палкой». Тем несчастным, у которых не было денег, приходилось просить именем Господа и уповать на доброе расположение духа сторожей²⁷.

Искателям правды за определенную мзду помогали «площадные» подьячие. Штаден сообщает, что они «ежедневно за деньги пишут всякому челобитья, рукописания и расписки». Они же были проводниками в мир тайных ходов московской бюрократии, советчиками и посредниками. Упомянутый выше площадной подьячий Яков Алексеев за попытку подлога не только был бит батогами, но и лишился своего места на Ивановской площади. К концу XVII века за площадными подьячими закрепилось право составления крепостных актов, в связи с чем особая «палатка» у самой Ивановской колокольни, в которой они сидели, получила наименование «Палата крепостных дел». При Петре I эту практику отменили было, но затем она была возобновлена, а число подьячих увеличили до двадцати четырех человек²⁸.

На многолюдной Ивановской площади объявляли

(«кликали») о важных событиях. Так, 4 февраля 1699 года «кликали клич» солдаты Преображенского полка, чтобы желающие ехали в Преображенское смотреть на казни стрельцов и яицких казаков. Спустя неделю «кликали», «чтоб всяких чинов люди по ночам, в третьем часу ночи не ездили»²⁹. Видимо, от этого и произошла поговорка «Кричать на всю Ивановскую». Кричали — не только на Ивановской площади, но и на других площадях и перекрестках (крестцах) — особые должностные лица — биричи или бирючи.

Кремлевские обитатели

Путь через Ивановскую площадь приводил к Спаской улице, выведившей через Спасские (Фроловские) ворота на Красную площадь. По левую сторону Спаской улицы находились два древних монастыря.

Мужской Чудов монастырь, основанный святым митрополитом Алексием в 1365 году, был тесно связан с владычной кафедрой. С 1518-го в нем работал над переводами и исправлением богослужебных книг преподобный Максим Грек, а в XVII веке размещались школы Арсения Грека и Епифания Славинецкого, в которых учили языки и грамматику. Школы должны были готовить справщиков для Печатного двора. Первая просуществовала недолго, а вторая положила начало созданию ученого кружка, члены которого придерживались «грекофильского» направления, в конце столетия противостоявшего первым русским «западникам». Поскольку в монастыре была сильна греческая традиция, здесь жили и останавливались выходцы с православного Востока.

Государи оказывали Чудову монастырю особое внимание. Царь Иван Грозный положил начало традиции крестить детей у гробницы митрополита Алексия. Здесь были крещены его сыновья Иван и Федор, дочь Евдокия, а в 1553 году — малолетний казанский «царь» Утемиш-Гирей, который получил имя Александр Сафакиреевич. Чудов стал местом крещения единственной дочери царя Федора Ивановича Феодосии, детей царей Михаила

Федоровича и Алексея Михайловича (в том числе и будущего Петра I).

Собор Чудова монастыря, просуществовавший до 1929 года, был выстроен в 1501—1503 годах, возможно, архитектором-итальянцем. В 1485-м в обители возвели церковь во имя Алексия митрополита, в которую перенесли (1680) мощи святителя. В связи с этим событием по инициативе архимандрита Адриана (впоследствии избран патриархом) храм был перестроен — под одной кровлей заложены две церкви: Алексия митрополита и Благовещения. Мощи святителя покоились в серебряной раке, а рядом были помещены посох и одеяние предстоятеля. Одновременно с церковью перестроили трапезную, палаты и служебные корпуса по проекту («чертежу») самого царя Федора Алексеевича.

Монастырский некрополь был местом упокоения представителей знатных боярских родов. Здесь, неподалеку от собора был погребен боярин Борис Иванович Морозов, воспитатель Алексея Михайловича и глава правительства в первые годы его царствования. В 1677 году обширный кремлевский двор вельможи отошел во владение Чудова монастыря. На монастырском кладбище хоронили также дворцовых служителей, царских приживальцев, «верховых нищих» — как мужчин, так и женщин.

С Чудовым соседствовал другой древнейший монастырь Москвы — Вознесенский, основанный вдовой Дмитрия Донского великой княгиней Евдокией Дмитриевной, которая приняла в этой обители монашеский постриг с именем Евфросиния. В 1407 году по велению княгини здесь было начато возведение каменного собора, который стал ее усыпальницей и местом захоронения всех великих княгинь и цариц последующих столетий. Долгое время храм стоял незавершенным из-за пожаров и внутренних смут в Московском княжестве. Сильно обветшавший собор был перестроен в 1467 году по указанию великой княгини Марии Ярославны, вдовы Василия II. Руководил работами известный зодчий Василий Дмитриевич Ермолин.

Вознесенская обитель была связана с двором еще больше, чем Чудовская. По примеру преподобной Евфросинии Московской здесь принимали монашеский

постриг вдовствующие великие княгини и царицы. В 1605 году Лжедмитрий I приказал выстроить в монастыре хоромы для своей мнимой матери — царицы-инокини Марфы (в миру Марии Федоровны Нагой), седьмой жены Ивана Грозного. Сюда самозванец поселил и невесту Марину Мнишек с фрейлинами. Полячки в монастыре сразу заскучали и стали жаловаться на непривычную пищу, после чего Лжедмитрий отправил к невесте «посуду и польских кухмистеров и поваров, которые стали всего вдоволь готовить для нее». Царь приказал богато украсить палаты, в которых поселили Марину, а несчастная Марфа проявляла к будущей «невестке» «всякую любовь и ласку родительскую, яко matka дитяти своему»³⁰. Спустя восемь дней полячку переселили во дворец (во избежание лишних толков это было сделано ночью), а вскоре состоялась свадьба Марины и Лжедмитрия I. После смерти самозванца Марфа осталась жить в монастыре, где и скончалась в 1611 году.

Спустя два года в обители поселилась мать избранного царя Михаила Федоровича царица-инокиня Марфа (в миру Ксения Ивановна Шестова). При ней в монастыре сосредоточилось управление женской, царицной половиной дворцового хозяйства. Здесь же она руководила работами по шитью и вышиванию царских одежд, церковных облачений и покровов. В штат царицы-инокини помимо боярынь входили крестовый дьяк, крестовый дьячок, псаломщик, стольник Федор Судимантов, бахарь (сказитель) Петруша Макарьев, арап Давыд Иванов и дурак Мосей³¹.

«Вознесенский монастырь по своему царственному значению и богатству первенствовал между всеми женскими монастырями, — пишет И. Е. Забелин, — а потому в своих стенах сосредотачивал монашеское женское население наиболее боярское и дворянское с их послужильцами». Обитель была многолюдна: более сотни сестер, «крылошанки» (певчие на клиросе), «малые девки»... «Игуменья, келарь и казначея представляли монастырскую руководящую и распорядительную власть, при соборе или совете, состоявшем из боярынь и княгинь и соборных стариц, числом 19», — сообщает Забелин³².

Собор Вознесенского монастыря служил некропо-

лем российских государынь вплоть до первой трети XVIII века. Последней здесь похоронили (1731) царевну Прасковью, дочь царя Иоанна IV Алексеевича, сестру императрицы Анны Иоанновны. К началу XX века в соборе сохранялись 35 гробниц, украшенных шитыми покрывами; а над могилой основательницы обители Евфросинии в 1821—1822 годах была установлена драгоценная рака, впоследствии неоднократно поновлявшаяся. Когда в конце 1920-х было принято решение о сносе построек Чудова и Вознесенского монастырей, музейные работники, археологи и реставраторы ценой немалых усилий сумели спасти уникальный некрополь великих княгинь и цариц. В августе—сентябре 1929 года все огромные саркофаги, надгробия и их фрагменты были перемещены в пустовавший тогда Архангельский собор. Во время этих работ обнаружилось, что число захоронений под полом собора вдвое превышает число гробниц, установленных в храме. В 1930 году саркофаги и могильные плиты переместили в подвал Судной палаты XV века, примыкающей к южной стене Архангельского собора. Для этого пришлось откопать одну из стен палаты, разобрать в ней проход и спускать саркофаги и плиты по доскам.

Поразительно, что ученым удалось спасти монастырский некрополь в самый разгар разнузданной антицерковной кампании. Благодаря этому стало возможно научное исследование захоронений русских государынь, которое уже много лет ведется под руководством Т. Д. Пановой и охватывает надгробные памятники, останки, фрагменты одежд и погребальный инвентарь. Пик его пришелся на последнее десятилетие, в которое были сделаны потрясающие открытия. Так, было установлено, что причиной смерти матери Ивана Грозного великой княгини Елены Глинской и его первой жены Анастасии Романовны стало отравление. Антрополог С. А. Никитин по методике М. М. Герасимова восстановил внешний облик преподобной Евфросинии Московской, Софьи Палеолог, Елены Глинской, инокини Анастасии (матери царицы Анастасии Романовны), третьей супруги Ивана Грозного Марфы Собакиной, племянницы грозного царя княжны Марии Владими-

ровны Старицкой, Ирины Федоровны Годуновой и Натальи Кирилловны Нарышкиной. Изучение некрополя Вознесенского монастыря продолжается и сулит еще много интереснейших открытий³³.

Князья, бояре и другие обитатели Кремля

Более всего на территории Кремля в Средневековье находилось боярских дворов. Их топография известна начиная с XIV столетия. Например, двор бояр Вельяминовых, являвшихся первым по значению родом при дворе великого князя Московского и исполнявших обязанность тысяцких, располагался в юго-восточном углу Кремля, в низине, носившей наименование Подол.

Это подтверждается обнаружением летом 1843 года при строительных работах неподалеку от Константино-Еленинских (ранее — Тимофеевских) ворот Кремля необычного клада — глиняного сосуда с остатками ртути и медного конуса с двумя кусками железной руды и сложенными в несколько раз листами средневековых документов, часть которых удалось прочесть. Их изучение возобновилось только в 1980—1990-х годах. В результате было установлено, что в сосуде находился 21 акт, в том числе два написанных на бумаге, остальные — на пергамене. Все они были составлены в последней трети XIV века и касались финансовых и административных вопросов: содержали долговые обязательства или были связаны с управлением в далекой великокняжеской вотчине — Торжке.

Исследование этих грамот дало основания по-новому взглянуть на функции тысяцких при московском дворе. Если ранее историки предполагали, что те были командующими московским городским ополчением, то стало ясно, что в их ведении находились вопросы управления великокняжескими землями, финансового контроля и сборов. Но кто и почему зарыл этот клад на территории вельяминовского двора?

Историк В. А. Кучкин предположил, что документы мог спрятать Иван Васильевич Вельяминов, сын тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова, пользо-

вавшегося огромным влиянием при Дмитрии Донском. После смерти тысяцкого в 1374 году его старший сын надеялся, что отцовская должность перейдет к нему, но просчитался. Дмитрий Донской, видимо, опасаясь значительного влияния тысяцкого на дела управления великокняжеским хозяйством, решил упразднить эту должность. Иван Вельяминов затаил обиду и подался к врагам московского князя — в 1375 году бежал в Тверь, а затем перебрался в Золотую Орду, где интриговал против Москвы. В 1378 году после битвы на Воже, в которой московское войско разгромило мурзу Бегича, в ордынском стане были захвачен некий «поп», служивший Ивану Вельяминову, а при нем «злых зелеи лютых мешок». Священника пытали и отправили в ссылку. Вскоре и сам беглец попал в руки великого князя. Дмитрий Иванович велел казнить его на Кучковом поле. «И мнози прослезыша о нем и опечалишася о благородстве его и о величествии его», — сообщает летопись. Вероятно, перед бегством из Москвы И. В. Вельяминов спрятал в родительском доме сосуд с важными документами и кувшин с ртутью — весьма популярным в Средние века компонентом ядов³⁴.

Братья Ивана Васильевича верой и правдой служили Дмитрию Донскому. Микула, женатый на сестре великой княгини Марии Дмитриевне, в Куликовской битве возглавлял передовой полк. Тимофей, от которого получили наименование Тимофеевские ворота Кремля, служил в окольничих. Полуект рано погиб — «убился с церкви», но его дочь Евфросиния стала женой сына Донского, князя Петра Дмитриевича. Потомками этого рода были бояре Воронцовы, дворяне Воронцовы-Вельяминовы, графы (с XVIII века) Воронцовы, дворянские роды Аксаковых (в том числе известный писатель Сергей Тимофеевич и его сыновья-славянофилы), Исленьевых и Соловцовых.

«Кремленград» отмечает дворы крупнейших вельмож начала XVII века — князя Ф. И. Мстиславского, князей Черкасских и Трубецких, Ф. И. Шереметева, Д. И., Г. В. и С. Н. Годуновых, Б. Я. Бельского, А. П. Клешина, князя И. В. Сицкого. Каждое из кремлевских дворовладений имело долгую историю, восходящую к XIV—XV

столетиям. В начале XVII века особо выделяется своими размерами и монументальностью строений «старый двор» Бориса Годунова, известный в русских источниках как «Цареборисовский двор». Он располагался в северной части Кремля и примыкал одной стороной к Патриаршему двору, а другой выходил на Никольскую улицу напротив Чудова монастыря. В XV веке это владение принадлежало Марии Голтыевой, супруге Федора Федоровича Голтяя. Мария завещала кремлевский двор любимому правнуку — князю Борису Васильевичу Волоцкому. После смерти князя двор в Кремле отошел его сыновьям Федору и Ивану, а от них — князю Владимиру Андреевичу Старицкому, двоюродному брату Ивана Грозного. В 1569 году Старицкого заставили принять яд и двор перешел в казну.

Вероятно, в царствование Федора Ивановича, при котором реальным правителем был Борис Годунов, этот двор стал владением энергичного боярина. С пышностью, присущей дворцовому церемониалу, Годунов принимал здесь иностранных послов. Так, 20 мая 1589 года к нему прибыл посол Священной Римской империи Николай Варкоч. Въехав в ворота, он сошел с коня и прошел к крыльцу, причем от ворот до крыльца и в сенях стояли в парадных одеждах боярские слуги. В парадной зале в окружении разодетых приближенных сидел сам правитель, который, следуя царскому обычаю, «звал посла к руке». Правда, в отличие от царя Годунов по-европейски протянул послу руку для пожатия, а не для поцелуя — это было бы слишком откровенным покушением на царские права. Прием закончился не менее пышным пиршеством. На другой аудиенции, состоявшейся в 1597 году, австрийского посла бургграфа Авраама Донау в сенях встречал сын боярина юный Федор Борисович Годунов, он же по окончании приема провожал иноземца также до сеней³⁵.

Когда избранный на царство (1598) Борис Годунов перебрался в дворцовые хоромы, двор остался пустым — государь не захотел (или не успел) его никому пожаловать. После внезапной смерти Годунова в апреле 1605 года он стал местом заточения и расправы над его семьей. Самозванец пожаловал Цареборисовский двор

боярину князю Ф. И. Мстиславскому, однако тот так и не воспользовался этим даром. В мае 1606 года здесь разместили царского тестя Юрия Мнишека и других польских дворян. Во время московского восстания 17 мая воевода и его спутники смогли отсидеться за крепкими стенами Цареборисовского двора, пока бояре не спасли их от толпы. Сюда же после низложения с престола посадили под арест неудачливого царя Василия Шуйского. После того как поляки вступили в Кремль, на Цареборисовском дворе расположились командующий войском гетман С. Жолкевский и наместник А. Гонсевский. Здесь был устроен костел, и звуки мессы доносились до покоев патриарха Гермогена, негодовавшего на такое поругание православия.

При царе Михаиле Федоровиче двор долгое время пустовал. Иногда его использовали для различных нужд, в том числе для царской потехи. 11 сентября 1620 года псаря Кондратий Корчмин и Сенька Омельянов «тешили государя дворными медведями гонцами». Забава закончилась печально: «У Кондрашки медведь изъел руку, а у Сеньки изъел голову».

В 1644 году на Цареборисовском дворе поселили жениха царевны Ирины Михайловны датского королевича Вольдемара. Для дорогого гостя двор был заново отстроен, украшен и соединен переходами с царским дворцом. К несчастью, стороны так и не смогли прийти к соглашению. Русские настаивали на переходе Вольдемара в православие, но тот никак не соглашался сменить веру. Двор превратился для юноши и его свиты в золотую клетку. В ночь на 9 мая Вольдемар и 15 его спутников попытались бежать, в кремлевских воротах наткнулись на караул, перекололи стрельцов шпагами и вырвались в Белый город. По дороге отряд смельчаков увеличился до тридцати человек пеших и конных, и они добрались до Тверских ворот, где вновь столкнулись со стрельцами, которых на этот раз было гораздо больше. Датчан поколотили, помяли и самого королевича, и беглецы были вынуждены ретироваться в Кремль, оставив в плену одного из товарищей. Когда стрельцы вели пленника по Кремлю, его приятели вновь вступили с ними в бой, многих поранили, а одного убили.

Впоследствии королевич принял грех убийства на себя. Это происшествие окончательно завело переговоры в тупик, выходом из которого стала кончина царя Михаила Федоровича, дни которого, несомненно, сократило неудачное сватовство. Новый государь Алексей Михайлович согласился отпустить королевича на родину, и Цареворисовский двор вновь опустел. В 1652 году царь пожаловал его патриарху Никону³⁶.

В XIII—XIV веках в Кремле существовало немало дворов ремесленников. Затем их постепенно начали вытеснять из «города», начиная с самых пожароопасных производств — кузнечного и литейного. В XV столетии ремесленные мастера жили на дворах тех князей и бояр, на которых работали. Влиятельнейший боярин эпохи Ивана III князь И. Ю. Патрикеев в своей духовной грамоте упоминает мастеров-холопов: портных, ткача, плотника, строителя, ювелира и оружейника. Немало ремесленников работало и на великого князя. «А что которые мои дворы внутри града на Москве и за городом за моими бояры и за князьми и за детми за боярскими, и за дворянами за моими, и за дворцовыми людьми и за конюхи, и за мастера за моими, и те все дворы сыну ж моему Василью», — говорится в духовной грамоте великого князя Ивана III (около 1504 года). Несколько других дворов, отобранных или выменянных у бояр, государь передал второму сыну Юрию и другим младшим сыновьям. Среди них упоминается бывший двор Василия Тучкова у Спасской улицы, на котором жили великокняжеские портные мастера — Ноздря, Кузнецов и Ушак³⁷.

В XVI—XVII столетиях таких жильцов в Кремле уже почти не осталось, хотя дворцовые и патриаршие служители, различного рода убогие, боярские холопы и приживальцы составляли значительную часть обитателей московской крепости. Так же как и ремесленники, были вынуждены удалиться из Кремля и «гости»-купцы. В 1471 году летопись упоминает, что купец Торакан (видимо, восточного или греческого происхождения) выстроил у Фроловских ворот кирпичные палаты; но уже в середине XVI века ни об одном купце в Кремле не говорится.

Исстари обитали в Кремле, составляя целые династии, священники, дьяконы, псаломщики и прочие служители нескольких десятков кремлевских храмов. Здесь же их и хоронили, несмотря на запрет царя Алексея Михайловича погребать возле кремлевских церквей. Дворы священников встречались по всему Кремлю. Так, двор царского духовника, настоятеля Благовещенского собора, находился в XVI—XVII веках на Никольской улице, рядом с церковью Космы и Дамиана. Другие «поповские дворы» «Кремленград» показывает в южной, «подольной» части Кремля. Позднее Поповская слобода переместилась в юго-западный угол крепости, ее своеобразным центром стала церковь Святых Константина и Елены, давшая современное название Константино-Еленинской башне Кремля. В середине XVIII столетия здесь еще существовали 14 частично каменных, частично деревянных священнических дворов, которые было указано сломать в 1770 году при подготовке к неосуществленному строительству дворца Екатерины II³⁸.

Величественные башни и стены Кремля, монументальные соборы и Ивановская колокольня и в наши дни производят огромное впечатление. В Средние века никто не мог устоять перед этим ошеломляющим великолепием. Входя в Кремль, все снимали шапки и крестились на иконы, установленные над воротами. Далее шапки можно было не надевать — тут и там прохожий видел огромные купола соборов и маковки небольших церквей в монастырях, на подворьях или просто на улицах и площадях. Пышный царский дворец, островерхие терема бояр, золотые главы храмов, оглушающий колокольный звон, толчея, крики и брань на Ивановской площади и благоговейный полумрак храмов-усыпальниц — этот многообразный мир представлялся посетителю необычным, чудесным городом. Именно таким и увидел Кремль австрийский посол барон С. Герберштейн, дважды (1517, 1526) побывавший в России в правление Василия III: «Крепость же настолько велика, что, кроме весьма обширных и великолепно выстроенных из камня хором государевых, в ней находятся просторные деревянные хоромы митрополита, а также братьев государевых, вельмож и

очень многих лиц. К тому же в крепости много церквей, так что своей обширностью она прямо-таки напоминает город»³⁹.

На Торгу

Территория Великого посада (позднее получившего наименование Китай-город*), простиравшаяся на восток от Кремля, как и сама крепость, является древнейшим районом Москвы. Культурные слои домонгольского времени исследованы при раскопках в Зарядье, на Красной площади, Ильинке, в Историческом проезде и других районах Китай-города. В то время здесь находилась граница освоенной городской территории. На месте Казанского собора и на Красной площади были обнаружены следы пашни. Зато в Зарядье археологи нашли керамику, стеклянные браслеты, бусины, замок, пряслица и другие предметы, датированные XII — первой половиной XIII века. На заре московской истории восточная стена Кремля проходила по линии позднейшей Ивановской площади. Деревянный город рос отсюда на восток и заканчивался у современной Красной площади, где пахали, разбивали огороды и пасли скотину⁴⁰.

Постепенно разрастаясь, Великий посад к концу XV столетия занял территорию, позднее ограниченную кирпичными стенами Китай-города. Здесь сформировались четыре крупнейшие улицы, шедшие от ворот Кремля: Никольская, Ильинка, Варьская (Варварка) и Великая. После строительства китайгородских укреплений начала складываться и сеть переулков, которая

*Традиционно название этой местности и окружающих ее крепостных стен связывали с предшествовавшими старыми укреплениями, основу которых якобы составляли плетеные изгороди и корзины, заполненные землей, называвшиеся «кита». Такое объяснение довольно сомнительно, в первую очередь с точки зрения правил русского языка. Московед С. К. Романюк, изучивший все версии происхождения этого топонима (см.: *Романюк С. К. Москва. Китай-город: Путеводитель*. М., 2007. С. 7—10), пришел к выводу, что с наибольшей степенью вероятности его можно связать с тюркским словом «кытай» («кыгань»), означавшим «крепость». Этот термин употреблялся в Подолии и Южной Руси, откуда мог быть перенесен в Москву великой княгиней Еленой Глинской, родившейся в Подольской земле. Тем не менее точного и окончательного объяснения наименования «Китай-город» пока нет.

хорошо читается уже на первых планах Москвы конца XVI — начала XVII века. Эти планы изображают и сердце Китай-города — место, где бурлила городская жизнь. За несколько столетий оно сменило несколько названий: вначале именовалось Торгом, в XVI веке — Пожаром, а со второй половины XVII столетия стало Красной площадью.

Огромный торг, размещавшийся на Красной площади, описан многочисленными свидетелями-иностранцами. Их здесь поражало всё: и обширность торговых рядов, и разнообразие товаров, и строгий порядок их размещения. В середине XVII столетия торг на Красной площади достиг расцвета. Лицом к Кремлю были обращены фасады каменных рядов с каменными же погребами, впервые возведенных при Борисе Годунове, а затем неоднократно перестраивавшихся. В XVII веке ряды, состоявшие частью из каменных, частью из деревянных лавок, были сгруппированы в Верхние, Средние и Нижние, между которыми были проходы, выводившие к Никольской, Ильинке и Варварке. Ряды, лавки, «шалаша» и торговые места распространялись от Красной площади на соседние улицы и перекрестки (крестцы), продолжались за Покровским собором, подступали к Лобному месту.

Легко представить себе каждодневную толчею этого огромного рынка. Несколько тысяч человек, продавцы и покупатели со всех концов Российского государства, иноземцы из Европы и Азии, «безместные» попы и мастера-наймиты, коробейники и скоморохи, стрельцы и земские ярыжки, нищие и гулящие девки, воры и бродяги, юродивые и кликуши — вся эта толпа наполняла Красную площадь и прилегающие к ней улицы. Здесь торговались и кричали, спорили, бранились и даже дрались. К вечеру шум утихал и лавочники спускали собак, привязанных к кольцам, которые прикреплялись к веревке, протянутой вдоль рядов.

За Средними торговыми рядами находился каменный Гостиный двор, на котором останавливались и хранили свои товары приезжие купцы. Гостиные дворы в Москве упоминаются еще в конце XV века. Каменное здание Гостиного двора возвели при Борисе Годунове. В

1638—1641 годах он был перестроен, а в 1660—1665-м рядом закончили строительство Нового Гостиного двора. Богато украшенное изразцами и росписью здание в плане представляло собой четырехугольник с обширным внутренним двором, куда вели четверо ворот со всех сторон.

По свидетельству шведского дипломата Иоганна Кильбургера, посетившего Москву при Алексее Михайловиче, «зимою весь двор заполняется санями, разными товарами и народом, так, что здесь походить нельзя, а надо беспрестанно лазить. Здесь видишь горами наваленные астраханские осетры и стерляди, также множество икры и разные черкесские и другие товары». В 1673 году здесь появилась первая общедоступная аптека, в которой было разрешено продавать «спирты, водки и всякие лекарства всяких чинов людям».

В 1996 году во время раскопок на территории Гостиного двора был обнаружен самый крупный московский клад, названный по улице Ильинским. В двух кувшинах содержались 16 серебряных сосудов, 335 западноевропейских талеров и 95 429 русских копеек, отчеканенных в период от Ивана IV до Михаила Романова. Такого огромного количества русских монет еще никогда не находили — за всю более чем вековую историю формирования нумизматической коллекции Исторического музея там было собрано около 70 тысяч копеек. Не менее любопытны и западноевропейские монеты, отчеканенные в Дании, Швеции, швейцарских кантонах, Польше, германских государствах, Нидерландах. Среди них очень мало дубликатов, как будто владелец собирал монетную коллекцию. По самой поздней монете 1640 года устанавливается время сокрытия клада — начало сороковых годов XVII века.

Как и многие другие, Ильинский клад был погребен пожаром. Видимо, владелец так и не смог разыскать его или умер, не успев воспользоваться. Общая стоимость клада превышает тысячу рублей, что может свидетельствовать о его принадлежности богатому купцу, члену привилегированной купеческой корпорации — Гостиной сотни. Об этом свидетельствует и его местонахождение на территории Гостиного двора. Содержимое

клада могли составлять предметы торговли в Серебряном ряду — в пользу этого говорит высокое качество серебряных кубков английской работы. Примечательно и то, что более 90 процентов русских копеек составляют «старые деньги», которые очень высоко ценились при царе Михаиле Федоровиче за высокое содержание серебра и также могли являться товаром. Возможно также, что хозяин готовил ценности к сдаче на Денежный двор для перечековки, но по каким-то причинам не сделал этого. И сосуды, и талеры, и старые деньги — всё это было сырьем для производства новой монеты⁴¹.

Кремлевская стена отделялась от Красной площади Алевизовым рвом, прорытым в 1505—1516 годах, на краю которого от Спасских до Никольских ворот стояли храмы, согласно преданию, выстроенные «на крови» казненных Иваном Грозным. «Строельная» книга 1657 года перечисляет 15 храмов «на Рву» — Параскевы Пятницы, Василия Кесарийского, Богоявления, Фодосии девицы, Евангелиста Марка, Иоанна Предтечи, Ризоположения, Сергия Радонежского, Николая Чудотворца, Рождества Христова, Воскресения Христова, Афанасия и Кирилла, Зачатия Богородицы, Рождества Богородицы и Всех Святых⁴². Храмы «на крови» были маленькими, деревянными, «клетными». Есть все основания полагать, что именно на Торгу в июле 1570 года царь Иван Грозный приказал умертвить в жестоких муках более ста человек — приказных, дворян и членов их семей.

У Никольских ворот в высохшем Алевизовом рву содержали львов и при Иване Грозном, и позднее, при Федоре Ивановиче и Борисе Годунове, отчего соседние ворота Китай-города получили наименование Львиных (потом они назывались Воскресенскими или Иверскими). Неподалеку от Никольских ворот, примерно на месте современного Исторического музея стояло деревянное здание Земского приказа. Он не случайно был вынесен за пределы Кремля — в его ведении находились управление городом, благоустройство, охрана порядка, борьба с пожарами, взыскание городских налогов и пошлин.

Центром Красной площади являлось Лобное место.

В москвоведческой литературе это название чаще всего связывают со словом «взлобье» — холм. Однако более убедительно другое объяснение. Лобное место — это перевод еврейского слова «Голгофа» (чело, череп). Именно так именует Голгофу русский паломник Василий Поздняков, посетивший Иерусалим в 1558—1561 годах, объясняя: «Бе бо Адамова голова сокровенна в той горе Голгофе, где распяша Господа... ибо то ныне зовется место Лобное». Первое упоминание о Лобном месте относится к 1585 году. В 1598-м было «зделано Лобное место каменно, резано, двери — решетки железные».

Исследователи сакральной топографии Москвы А. Л. Баталов и Л. А. Беляев предположили, что Лобное место возникло как составляющая обряда «шествия на осляти», символизировавшего вход Иисуса Христа в Иерусалим. Расположенное напротив придела во имя Входа Господня в Иерусалим Покровского собора, Лобное место стало символом Голгофы, как Покровский собор — символом Иерусалима. Вероятно, оформление Лобного места в камне связано с монументальным иерусалимским проектом Бориса Годунова — строительством храма Святая Святых в Кремле, которое остановилось после его смерти⁴³.

В эпоху Смуты Лобное место становится главной трибуной царствующего града. Здесь происходят драматические события, решаются судьбы государства. В 1605 году после скоропостижной кончины Бориса Годунова прорвавшиеся в город посланцы Лжедмитрия I Гаврила Пушкин и Наум Плещеев зачитали с Лобного места «прелестные грамоты» самозванца, а боярин Богдан Бельский, бывший любимец Ивана Грозного, обратился к народу со словами: «Яз за цареву Иванову милость ублюю царевича Дмитрия, за то я терпел от царя Бориса». Это решило участь семьи Годунова — толпы народа ворвались в Кремль и захватили их. Спустя год у Лобного места был брошен голый обезображенный труп самозванца, на который кинули скоморошью маску и дудку, найденные в его покоях. Вслед за этим на Лобном месте нарекли царем Василия Ивановича Шуйского, там же собирались потом враги Шуйского, обращаясь к народу с призывами низложить царя.

Рядом совершались публичные наказания. Особен-

но богатым на них выдался 1488 год. Тогда торговой казни — битью кнутом на Торгу — подвергли князя Василия Ухтомского, чудовского архимандрита Никандра и Ивана Хомутова, участников подлога завещания князя Андрея Васильевича Меньшого, брата государя. Следующим истязуемым был великокняжеский слуга Мунт Татищев, пошутивший, что самодержец собирается посадить в тюрьму другого своего брата — князя Андрея Большого Углицкого. Неуместное остроумие чуть не стоило Татищеву языка — митрополит едва умолил великого князя избавить «шутника» от этого жестокого увечья, а опасная шутка оказалась грозным пророчеством — в 1492 году Андрей Большой был схвачен и спустя год умер в тюрьме. Присланным в Москву новгородским архиепископом Геннадием попам, которые спьяну «ругались» над святыми иконами, дали кнута и отправили обратно в Новгород. В 1493 году Иван III приказал подвергнуть торговой казни смолянина Богдана Селевина за переписку с великим князем Литовским Александром Казимировичем. Во время порки несчастный скончался, а его брату отрубили голову⁴⁴.

Двадцать пятого июля 1570 года царь Иван Грозный со старшим сыном Иваном в окружении телохранителей и опричников выехал на торговую площадь. Незадолго до этого там были произведены страшные приготовления: вбиты заостренные колья, зажжен костер, над которым поставлен котел с водой, и т. п. На площадь вывели около трехсот москвичей, в основном приказных и дворян. «Большинство их, — пишет современник Альберт Шлихтинг, — о жалкое зрелище! — было так ослаблено и заморено, что они едва могли дышать; у одних можно было видеть сломанные при пытке ноги, у других руки». Царь велел вывести из толпы осужденных 184 человека и объявил, что прощает их. Свидетельство иностранных авторов подтверждает описание следственного дела: «Да туто список, ково казнити смертию, и какую казнию, и ково отпустить...» Остальные умирали в страшных мучениях. Так, многолетний глава Посольского приказа, выдающийся дипломат Иван Михайлович Висковатый, обвиненный в измене и тайных связях сразу с тремя недругами царя — польским королем,

крымским ханом и турецким султаном, — был разрезан на куски. Во время массовых казней были истреблены наиболее видные деятели московского приказного управления — дьяки и подьячие, в течение многих лет управлявшие главными приказами и составлявшие опору государственного аппарата⁴⁵.

Июльские казни 1570 года запечатлелись в народной памяти, отразившись в повести о Харитоне Белоулине, рассказывающей, что на Пожаре были приготовлены 300 плах, столько же топоров и палачей; выехал на площадь царь «в черном платье и на черном коне» и приказал казнить именитых людей «по росписи». Одно из приговоренных, купца Харитона Белоулина, палачи никак не могли одолеть, а когда всё же повалили и казнили, обезглавленное тело вновь поднялось. Царь в ужасе ушел с места побоища, а остальных приговоренных отпустил⁴⁶.

В 1587 году на Пожаре обезглавили московских купцов Федора Ногая с товарищами, сторонников боярской партии князей Шуйских, потерпевших поражение в борьбе против Годунова и обвиненных в измене. В числе пострадавших по этому делу оказался Иван Федорович Крюк Колычев. По прихоти судьбы спустя два десятка лет уже царь Василий Шуйский по доносу Василия Бутурлина приказал казнить своего прежнего соратника Колычева всё там же, на Пожаре. Как мы убедились, неизвестный современник Шуйского, автор «Петрова чертежа» вполне обоснованно обозначил это место как «площадь, называемая площадью казней».

При создании впечатляющего драматического и величественного полотна «Утро стрелецкой казни» (1878—1881), наполненного историческим трагизмом, Василий Иванович Суриков использовал описание очевидца — австрийского посла Иоганна Корба, посетившего Москву в 1698—1699 годах. В «Дневнике» Корба за 13 февраля 1699 года сказано: «День ужасный, так как сегодня казнено двести человек. Этот день, несомненно, должен быть отмечен черной краской. Все были обезглавлены топором. На просторной площади, прилегающей к Кремлю, были приготовлены плахи, на которые осужденные должны были класть голо-

вы... Его царское величество с известным Александром (Меншиковым. — С. III), общество которого он наиболее любит, приехал туда в карете и, проехав через ужасную площадь, остановился неподалеку от нее, на том месте, где тридцать осужденных поплатились головой за свой преступный заговор. Между тем злополучная толпа осужденных наполнила вышеозначенную площадь... Народ молчал, и палач начал трагедию. Несчастные должны были соблюдать известный порядок: они шли на казнь поочередно, на лицах их не видно было ни печали, ни ужаса предстоящей смерти... Одного из них провожала до самой плахи жена с детьми, испуская пронзительные вопли. Прежде чем положить на плаху голову, отдал он на память жене и милым детям, горько плакавшим, перчатки и платок, который ему оставили... По окончании расправы его царское величество изволил ужинать у генерала Гордона, но был невесел и очень распространялся о злобе и упрямстве преступников, с негодованием рассказывая генералу Гордону и присутствовавшим московским вельможам о закоренелости одного из осужденных, который в минуту, как лечь на плаху, осмелился сказать царю, стоявшему, вероятно, слишком близко к плахе: «Посторонись, государь! Это я должен здесь лечь»⁴⁷.

Торговая площадь видела немало казней, но умела быстро забывать их в повседневной суете и громком шуме, тем более что в рядах было прекрасное место, где можно забыться, — кабак. Он притаился в подвале под пушечным раскатом — каменной площадкой для орудий, в числе которых находилась и знаменитая Царь-пушка.

«Священная улица»

Самой торжественной улицей Китай-города была Никольская. Чех Бернгард Таннер, побывавший в Москве в 1678 году, называл ее «Священной улицей», объясняя, что она «занята не иным кем, как живописцами», которые «много делают образов на продажу». Таннер не очень хорошо ознакомился с Китай-городом и не

ходил по Никольской дальше ее начала, занятого Иконным рядом, но с его характеристикой Никольской улицы как «священной» могли бы согласиться и москвичи. В городе, наполненном монастырями и храмами, не было другой улицы, на которой находились целых три монастыря. ореол святости придавали Никольской и вышеупомянутые иконные лавки, и находившийся на ней Печатный двор, выпускавший в основном богослужебные книги, да и само наименование — в честь Николая Чудотворца, самого почитаемого в России святого.

Впервые Никольская обитель (давшая название улице) упоминается в летописи под 1390 годом как монастырь «Николы Старого», следовательно, уже тогда она считалась одной из древнейших в Москве. В 1556 году неподалеку от монастыря, рядом с Устюжским подворьем, царь Иван IV пожаловал афонскому Хиландарскому монастырю двор «со всеми потребными хоромами». Это дало историкам основание полагать, что именно тогда Никольский монастырь перешел под влияние, а затем под управление греков. На самом деле это произошло столетие спустя, когда здесь разместилось подворье афонского Иверского монастыря, а Никольский монастырь получил обиходное наименование Николо-Греческого. Здесь останавливались приезжавшие из Греции иерархи и монахи, велась служба на греческом языке, переводились и переписывались книги. Но не только духовной пищей насыщали греческие иноки москвичей. Известно, что в 1658 году на первой неделе Великого поста архимандрит Дионисий и келарь Евсигней «строили кушанье патриарху по-гречески». От греков повелся в Москве обычай пить кофе. В XVIII веке в переулке рядом с Николо-Греческим монастырем был открыт кофейный дом, где после церковной службы собирались греки и пили горячее вино и кофе.

В 1666 году архимандрит Пахомий доставил в Москву список с почитаемой чудотворной Иверской иконы Божией Матери. Сначала она находилась в Николо-Греческом монастыре, а через три года была перенесена в специально выстроенную часовню у Воскресенских (Львиных) ворот Китай-города, которые после этого получили наименование Иверских. Этот монастырь

также именовался «Никола Большая глава», видимо, по крупной главе монастырского собора, и «Никола у Большого Креста» (здесь приводили к крестному целованию при судебных разбирательствах). Другая святыня обители — чудотворный образ святителя Николая, от лампы перед которым жители Никольской улицы ежедневно брали огонь для зажигания свечей в своих домах⁴⁸.

Николо-Греческий монастырь находился в середине улицы на ее левой стороне (ныне от его строений сохранилось только выходящее на Никольскую здание доходного дома, остальные сооружения были снесены в 1935 году). А начиналась Никольская сразу за Казанским собором — памятником преодоления российской Смуты и изгнания иноземцев из Москвы. Во время боев Второго ополчения с польским гарнизоном в обозе ополченцев находилась чудотворная икона Казанской Божией Матери. Ее заступничеству современники приписывали успех русского войска при взятии стен Китай-города 22 октября 1612 года. После освобождения Кремля от поляков князь Дмитрий Михайлович Пожарский (1578—1642) поместил икону в своем приходском Введенском храме на Лубянке, где для нее на средства князя был сооружен специальный придел. Позднее в честь чудотворной иконы по инициативе патриарха Филарета на Красной площади был построен деревянный Казанский собор, а князь Пожарский украсил образ «многой утварью». В 1632 году деревянный храм сгорел, а в 1635—1636 годах на его месте подмастерьем каменных дел Обросимом Максимовым был выстроен каменный собор. В храме, возвышавшемся прямо посередине базарного торжища, служили и проповедовали неистовые Аввакум Петров и Иван Неронов — родоначальники раскола.

В начале Никольской улицы слева и справа тянулись лавки Иконного ряда, в отличие от большинства рядов на Красной площади, располагавшихся параллельно Кремлевской стене. Адам Олеарий сообщает любопытную подробность о тамошней торговле: «Называют они торг иконами не куплею и продажею, а “меню на деньги”; при этом не торгуются»⁴⁹.

О том, как происходила эта «мена», дает представление описание XIX века:

«Покупатель, входя в лавку, говорил:

— Я бы желал выменять икону.

Продавец в ответ на это быстро снимал с своей головы картуз и клал его тут же на прилавок. Покупатель следовал примеру продавца и стоял также с непокрытой головой. Икона выбрана. Покупатель спрашивает:

— Сколько стоит выменять икону?

Купец назначает за нее баснословную цену. Начиная торг. Для большей убедительности продавец говорил, что он назначил цену божескую, потому что за икону торговаться грешно.

Покупатель с ним соглашался и покупал за “божескую цену”. Иконы “выменивали” большей частью рогожские и замоскворецкие купцы. Более интеллигентные покупатели не соглашались с “божескими ценами”, назначенными купцом. Просили его покрыть голову картузом и взять за икону половину “божеской цены”. Продавец быстро шел на уступку и продавал икону за предлагаемую цену»⁵⁰.

Слева за Иконным рядом находился монастырь Всемиловитового Спаса на Никольском крестце, что за Иконным рядом, или Заиконоспасский, а также «на Песках» — по характеру почвы, на которой стоял. Обитель была основана в 1600 году Борисом Годуновым. Перепись 1626 года упоминает в ней каменный собор, Святые ворота и деревянную церковь. В 1660—1661 годах князь Федор Федорович Волконский выстроил новый монастырский собор — двухэтажный, с верхней церковью во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость».

Этот монастырь прославлен в истории российского образования — еще в первой половине XVII века он упоминается в документах как «учительный». В 1664 году тут поселился ученый монах, белорусский выходец Симеон Полоцкий (1629—1680). Поэт, философ, богослов, педагог и просветитель, Симеон внес значительный вклад в развитие российской культуры второй половины столетия. В числе других дел царь поручил Симеону руководство созданной в Заиконоспасском монастыре

школой для подьячих Тайного приказа и патриаршего Казенного приказа. Учили их латыни, пиитике и риторике. Старостой этой школы стал Семен Медведев — в будущем монах Сильвестр, любимый ученик и продолжатель дела Полоцкого. С 1667 года Симеон стал учителем царских детей и приобрел большое влияние при дворе, которое усилилось с вступлением на престол его воспитанника Федора Алексеевича.

Вокруг Симеона сложился кружок образованных людей — книжников, ценителей поэзии, ориентированных в своих культурных предпочтениях на западную традицию, пришедшую в Россию с бывших земель Речи Посполитой. Рассчитывая на покровительство царя, Симеон Полоцкий намеревался создать в Москве академию по типу Киево-Могилянской, которая должна была разместиться в Заиконоспасском монастыре, и, согласно «Академической привилегии», написанной Симеоном, иметь широчайшие полномочия: ее учителям, неподсудным властям, должны были поручаться духовная цензура, сыск и суд по преступлениям против веры и Церкви, а выпускники получали монопольное право на занятие должностей в высшем управлении государством. Инициатор не дожил до исполнения своих замыслов — в 1680 году он скончался и был похоронен в соборе Заиконоспасского монастыря. Стихотворную эпитафию на его надгробии, первую в России, составил Сильвестр Медведев.

Он же по поручению учителя продолжил дело создания академии. Но спустя два года умер царь Федор Алексеевич, после чего судьба академии сложилась иначе, чем задумывалось. Сильвестру удалось удержать за собой школу в Заиконоспасском монастыре, но у него было не более двадцати пяти учеников; к тому же положение школы и самого учителя было весьма шатким, поскольку к ней с подозрением относился патриарх Иоаким, осуждавший «латинство» Симеона и Сильвестра. Конкурентом этого учебного заведения была Типографская школа, находившаяся по соседству, на территории Печатного двора, которой руководил иеромонах Тимофей. Обучали там чтению, письму, греческому языку, пиитике, истории, богословию; в распоряжении

учителей была богатая библиотека Печатного двора, а ученики получали стипендию за счет казны. В 1684 году в этой школе учились уже 168 человек.

На основе этого учебного заведения патриарх и начал создание академии, для работы в которой пригласил ученых греков братьев-монахов Иоанникия и Софрония Лихудов. В 1685 году они стали преподавать в еще одной школе, созданной на территории Богоявленского монастыря. Так в треугольнике между соседними владениями, разделенными всего сотней-другой метров, расположились целых три учебных заведения — небывалый случай для Московского государства.

Патриарх увидел в Лихудах достойных исполнителей своего просветительского замысла, и все три школы постепенно соединили в одну, которую разместили в Заиконоспасской обители. Вскоре началось строительство трехэтажного здания академии («длиной 15, шириною 5 сажен 2 аршина»), к которому примкнул корпус для ректора и преподавателей. В месте соединения корпусов была сооружена башня, внутри которой находились лестницы, выводящие на второй и третий этажи. В сентябре 1687 года строительство было завершено, и вскоре туда переселились Лихуды с учениками. В те времена учебное заведение чаще всего именовалось «Спасскими школами». Наименование Славяно-греко-латинской академии закрепилось за ним только в XVIII веке.

Академия Лихудов состояла из трех классов-«школ»: нижней, средней и верхней. Принимались в нее люди грамотные, прошедшие курс «русской школы», существовавшей в качестве своеобразного подготовительного класса. В нижней школе учили греческому, в средней — грамматике и «свободным наукам», в верхней — пиитике, логике, физике. Занятия велись на греческом и латыни. Число учеников в разные годы колебалось от пятидесяти пяти до семидесяти четырех. Среди них были люди «всякого чина сего царствующего града Москвы», отпрыски влиятельных князей Голицыных и Одоевских соседствовали с сыном конюха и бывшими холопами. Учились в академии и духовные лица.

Становление академии пришлось на беспокойное время, когда шло противостояние между царевной Софь-

ей и молодым Петром. В 1689 году Софья и ее сторонники потерпели поражение, покровитель академии князь В. В. Голицын был сослан, а в дело о покушении на Петра I облыжно замешали Сильвестра Медведева. Поначалу его заточили в тюрьму и после покаяния уже были готовы простить, но новый донос решил дело — 11 февраля 1691 года талантливый поэт, писатель и просветитель был обезглавлен на Красной площади. Вскоре поступил донос и на Лихудов, причем от самого иерусалимского патриарха Досифея. Их отстранили от преподавания в академии, но пока не трогали, разрешив даже преподавать итальянский язык служащим Печатного двора. Новый скандал разыгрался в 1698 году — ученик Лихудов дьякон Артемьев перешел в католичество и братьев убрали с Печатного двора в Новоспасский монастырь. В 1704-м на монахов обрушился еще один удар судьбы — после доноса о том, что они тайно переписываются с Константинополем, их сослали в Костромской Ипатьевский монастырь. В конце жизни братьям удалось вернуться в Москву, где Иоанникий скончался и был похоронен в соборе Заиконоспасского монастыря.

После удаления Лихудов из академии она начала приходить в упадок и, возможно, совсем прекратила бы существование, но в 1701 году ее попечителем стал местоблюститель патриаршего престола митрополит Рязанский Стефан Яворский. Он возродил академию, которая стала крупнейшим центром просвещения XVIII века и воспитала в своих стенах Л. Ф. Магницкого, М. В. Ломоносова, В. К. Тредиаковского, А. Д. Кантемира, В. И. Баженова, С. П. Крашенинникова⁵¹...

Напротив Николо-Греческого монастыря располагался другой древнейший монастырь Москвы — Богоявленский. В средневековых источниках к его наименованию прибавляется «на посаде», «за Торгом» или «за Ветошным рядом». Археологически установлено существование Богоявленской обители еще в эпоху князя Даниила Александровича. В первой половине XIV века иноком этого монастыря был святой митрополит Алексей. Его приблизил к себе митрополит Феогност, и со временем он стал ближайшим помощником владыки в

управлении Русской православной церковью, а после кончины святителя — его преемником.

С самого своего возникновения монастырь пользовался покровительством влиятельных лиц, которые жертвовали ему крупные суммы и земельные владения. Строителями и благотворителями монастыря были бояре Вельяминовы, избравшие его своей усыпальницей. Эту традицию сохраняли и их дальние потомки в XVII столетии. В начале XVI века особые отношения сложились у монастыря с князьями Ромодановскими. Василий Васильевич Ромодановский принял в обители постриг с именем Вассиан. По-видимому, он пользовался значительным влиянием в обители. В 1511/12 году в перечне монастырских старцев он упоминается сразу после игумена и к тому же с княжеским титулом.

Брат Василия-Вассиана, князь Иван Васильевич Телеш (лихач) в конце жизни составил духовную грамоту (1521/22), сохранившуюся в архиве монастыря, содержащую описание многочисленных имений князя, в том числе и крупного владения внутри самого монастыря. Вероятно, Иван Ромодановский собирался принять постриг в обители, но ко времени написания духовной так и не стал монахом. В преддверии пострижения он жил в хорошо обустроенной усадьбе в монастырской ограде. Особножительный устав, существовавший в монастыре, позволял такую вольность, впоследствии ставшую немислимой (уже в 1547 году Богоявленский монастырь упоминается как общежительный). В обители князю принадлежали «келии», состоявшие из двух сеней с лестницами, двух горниц (одна из них «столовая»), башни-«повалуши», житницы, поварни, ледника и погреба. Эти хоромы, которые лишь условно можно назвать кельями в современном смысле слова, князь в духовной разделил между некими «своими старцами» Ларионом с товарищами и игуменом со священниками и братией. Что это были за княжеские старцы — иноки его вотчинного монастыря или бывшие холопы — непонятно. Однако монастырские власти, видимо, не роптали на распоряжения князя. Он более чем щедро одарил обитель земельными владениями, иконами и иными вкладами — его наследникам предписывалось

доставлять в монастырь 11 пудов меда к Рождеству Христову и 50 пластей* леща и язя «на завтра» Петрова поста, «а давати тот мед и рыба до века»⁵².

Как показали археологические исследования, белокаменный собор существовал в обители еще в XIV столетии (резные орнаментальные блоки, украшавшие его стены, обнаружены при раскопах и поступили в собрание Музея Москвы). В 1624 году он был перестроен, а в 1693—1697-м возведен новый храм, при этом прежний остался в нем в качестве нижнего храма с престолом во имя Казанской иконы Божией Матери. В 1697 году состоялось освящение северного придела нижнего храма во имя святителя Алексия митрополита Московского.

Уникальным комплексом, располагавшимся на Никольской улице, был Печатный двор. Его деятельности предшествовало существование другой московской типографии, которую историки называют анонимной, поскольку неизвестны ни ее местонахождение, ни имена печатников. Анонимная типография выпустила несколько книг в 1550—1560-х годах. Ее успехи навели царя Ивана Грозного на мысль о создании Печатного двора. На Никольской находилась каменная палата конца XV — начала XVI века (ее остатки обнаружены при археологических раскопках), которую около 1563 года приспособили под типографию. Именно здесь Иван Федоров 1 марта 1564 года закончил печатание первой русской датированной книги — «Апостола».

Федоров и его товарищ Петр Мстиславец проработали на Печатном дворе недолго. В опричнину, как свидетельствовал сам первопечатник, на них ополчились некие «начальники и священноначальники», которые «зависти ради многия ереси умышляли, хотячи благое дело в зло превратити». Федоров и Мстиславец бежали из Москвы, обосновались в Литве, где продолжили издание печатных книг, а типография после пожара 1571 года переехала в опричную столицу — Александровскую слободу. После смерти царя Ивана Грозного деятельность Печатного двора на Никольской возобновилась. В 1589 году Андроник Тимофеев сын Невежа выпустил Триодь постную, а в 1591-м — ее продолже-

* П л а с т ь — здесь: рыба, разделанная вдоль, распластанная.

ние Триодь цветную; в 1594-м им был издан «Октоих», в 1597-м — «Апостол». На последнем издании впервые был указан тираж — 1500 экземпляров, из которых до нашего времени сохранилось 26.

В 1611 году Печатный двор сгорел, часть типографского имущества удалось спасти, но многое погибло. Возродили типографию лишь спустя девять лет. В новых палатах располагались три печатни с шестью (в 1633 году — уже четырнадцатью) печатными станами, в 1679 году была устроена четвертая печатня.

Строительство каменных палат и ограды Печатного двора началось в 1642 году. Руководили работами Трефил Шарутин, Иван Невежа и Христофор Галлоуэй. Печатный двор выходил на Никольскую улицу высокой (более 26 метров) башней, по обе стороны от которой находились книжные лавки. Фасад башни украшало изображение двуглавого орла, под которым располагались единорог и лев — символы Луны и Солнца, Христа и Богородицы. Справа и слева от них, над боковыми проходами, были устроены солнечные часы*.

Энгельбрехт Кемпфер, в 1683 году побывавший внутри Печатного двора, описывает его таким образом: «Оная [типография] расположена в трех комнатах, из коих в каждой находятся четыре станка, подобно нашим; но набор идет здесь весьма неуспешно. При каждой станке находится одна только касса, состоящая из 64 ящичков, по 8 с каждой стороны; каждый ящик разделен на две части, потому что некоторые литеры полные, а другие посредине имеют вырезку для постановления ударений. Литеры лежат по порядку как то: а, б, в, и так далее; они не имеют сигнатуры для познания верхней части оных, а потому при набирании надобно рассматривать каждую букву особенно, от чего набор идет чрезвычайно медленно... Возле типографии в маленькой комнате отливаются буквы, каждая особенно.

* Изображения льва и единорога, а также солнечные часы были воспроизведены на фасаде здания Синодальной типографии, выстроенного в 1811—1815 годах И. А. Мироновским и А. Н. Бакаревым. В настоящее время его занимает Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета, во дворе которого находится отреставрированное в XIX веке здание Правильной и Книгохранительной палат — «Теремок».

Сею работою занимались три человека, двое отливали, а третий очищал буквы»⁵³.

В 1679 году Печатный двор пополнился зданием Правильной палаты, где осуществлялась вычитка книг и располагалась библиотека, включавшая экземпляры каждого издания. На Печатном дворе были также вспомогательные мастерские — словолитня, рисовальная, переплетная и т. д. Здесь трудились мастера разных специальностей: наборщики, печатники, словолитчики, батырщики (наносили краску на формы), граверы. Редактуру, корректуру и подготовку книг (в том числе и переводы) осуществляли справщики, знатоки книг и языков. В XVII веке эту должность занимали Арсений Грек, Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев, Тимофей. В конце столетия на Печатном дворе трудились 165 человек. Они жили в особой Печатной слободе на Сретенке с приходской церковью Успения Богородицы в Листах. Их дворы также встречаются на территории Китай-города и в восточной части Белого города.

Существенно возросли тиражи и количество изданий Печатного двора. Если за XVI век (точнее, его вторую половину) было издано 18 книг, то в следующем столетии — 483. Около 40 процентов составляли богослужебные книги; издавались также жития, поучения, учебники и книги светского характера: «Учение и хитрость ратного строя», Соборное уложение 1649 года и др. Некоторые тиражи и сейчас вызывают уважение. Так, «Азбука» 1693 года была напечатана 14 400 экземплярами, а совокупный тираж шести изданий «Букваря», предпринятых в 1634—1694 годах, составил 300 тысяч экземпляров. Спрос на издания Печатного двора установился далеко не сразу, и в первой половине XVII века правительству приходилось прибегать к весьма своеобразным методам распространения книг. Так, в 1619 году «Миня», содержащая тексты церковных служб за сентябрь и октябрь, была распределена среди торговцев Сурожского, Пушного, Рыбного, Шапочного и других рядов. Принудительное книгораспространение вызывало недовольство торговых людей. Но к середине столетия книги стали востребованным товаром. Они продавались почему-то в Овощном

ряду, в лавке у самого Печатного двора и на мосту у Спасской башни Кремля⁵⁴.

По составу дворовладельцев Никольская улица уже в конце XVI века являлась своеобразным продолжением Кремля. Конечно, встречались на ней и небольшие дворы подьячих, священников, торговых людей, иноземцев, но основную часть улицы занимали монастыри, великолепный Печатный двор и усадьбы бояр Шереметевых, князей Воротынских, Черкасских, Трубецких и др. Б. Таннер сообщает, что на Никольской «немало и больших обитаемых московскими князьями хором; при каждом находятся по две, по три церкви с красивыми куполами, со столькими же башнями, где много колоколов; у них ведь чем больше церквей заведет вельможа при своих хоромах, тем он и благочестивее»⁵⁵.

Улицы и переулки Китай-города

Ильинка и Варварка в XVII веке выглядели не менее внушительно, чем соседняя Никольская. Основную часть Ильинки занимали представительства епархий и монастырей и другие солидные учреждения. По левую руку от Кремля одно за другим шли Новгородское, Троицкое, Осиповское и Воскресенское подворья, принадлежавшие соответственно новгородскому митрополиту, Троице-Сергиеву, Иосифо-Волоколамскому и Воскресенскому Новоиерусалимскому монастырям. В XVII веке в Китай-городе находилось 34 подворья — больше, чем в других частях Москвы (в Кремле — 14, в Белом городе — 19). Этим облик Китай-города отличался от священного Кремля, ремесленного Белого города и военно-служилого Земляного города. Естественно, на каждом монастырском подворье находилась церковь, однако обитали на них не только церковнослужители и монахи, но и самые разные люди «из оброку». К примеру, на Троицком подворье жили лавочник Овощного ряда Илюшка Терентьев, лавочник Шапошного ряда Семен Иевлев с учеником, подьячий приказа Большого дворца Шумил Трофимов, площадной подьячий Неудача Жердев и др. Та же картина наблюдается и на других

подворьях. В XVIII—XIX веках монастыри еще активнее пользовались своей городской землей, сдавая ее под магазины, лавки, трактиры, строя доходные дома и гостиницы.

Иной характер имел обширный Посольский двор. Он был создан в самом начале XVII столетия для размещения иностранных послов и гонцов. По-видимому, для устройства Посольского двора была использована усадьба думного дьяка Андрея Яковлевича Щелкалова, видного государственного деятеля и дипломата, главы Посольского приказа, умершего в 1597 году. Спустя четыре года здесь разместили австрийского посланника М. Шиле, а на следующий год — жениха царевны Ксении Годуновой датского королевича Иоанна⁵⁶.

Подробное описание Посольского двора сделал Таннер:

«Это прекрасное здание построено Алексеем Михайловичем из кирпича (что здесь по деревянным городам редко), в три жилья, по 4 углам украшено 4 башенками, или, как их называют, куполами, возвышающимися над столькими же ступенями. Оно заключает внутри четырехугольный двор, средину коего занимает большой колодезь. Главная краса здания — высокая и изящная башня — служит великолепным в него входом и своими тремя балконами... приятными по открывающимся с них видам и просторными для прогулки, придает немалое украшение этому городу. Для жительства послов москвитяне разделили здание это на три части: первую и лучшую назначили для князя-посла, вторую — для посла-воеводы, третью — для секретаря посольства... Своды в комнатах были так низки, что нельзя было приладить к стене ни одной из привезенных с нами занавесей, не подогнув ее хорошенько.

Теперь посмотрим, какую обстановку сделали москвитяне в комнатах. Кругом по стенам приделаны были лавки; средину комнаты занимали длинные столы и переносные скамейки, все обитые красным сукном, которым обиты были внизу и стены, насколько сидящий человек доставал спиною. В одной из предоставленных князю-послу комнат, роскошно убранной, приготовлено было возвышение с дорогим балдахинном наверху, где был портрет польского короля; под ним крес-

ло, назначенное для князя-посла, когда ему нужно было принимать посетителей... Устроены были три большие кухни с чуланами, птичниками и прочими принадлежностями; для лошадей, нужных для ежедневных разъездов, были три конюшни... Наконец — два больших зала для прогулки и пирушек. Немало удивились послы на то, что все окна были скорей железные и каменные, чем стеклянные и прозрачные, а выходившие на улицу имели еще и глубоко вделанные в стену решетки толщиной в человеческий кулак; затворялись они также и железными ставнями, из коих к каждому однако ж москвитяне приставили еще некоторое число солдат, чтобы предупредить, как они утверждали, покушения грабителей и воров»⁵⁷.

Сходные отзывы оставили и другие иностранные дипломаты. Все они свидетельствуют, что Посольский двор представлял собой просторное каменное здание, гораздо более удобное, нежели другие дома москвитов, правда, не всегда достаточно хорошо подготовленное к приезду послов со свитой. Столь же единодушны иноземцы в описании строгостей их содержания на Посольском дворе, который круглосуточно охранялся солидным отрядом стрельцов. Никто не должен был входить или выходить за пределы двора без особого разрешения. Для каждого из посольств московские дипломаты устанавливали режим пребывания: кого держать взаперти, а кому разрешить выходить в город или посылать слуг на рынок. «А лучится посолским дворяном и их людем в рядех что купить, послом и себе, или пойдут для гулянья, и с ними, для обережения от рус[с]-ких людей, ходят стрелцы, чтоб им кто не учинил какого бесчестья и задору», — вторит им Г. К. Котошихин. Таким образом начальство Посольского приказа не только оберегало гостей от разного рода эксцессов, но и стремилось не дать им увидеть или услышать то, что не хотелось бы демонстрировать. Бывало, что послы и приставы торговались из-за разрешения слугам водить коней на водопой к реке»⁵⁸.

Во время проезда иностранных дипломатов к Посольскому двору устраивалась их торжественная встреча — по всей Ильинке, в прилегающих переулках и на

Красной площади стояли стольники, стряпчие, жильцы, дети боярские, дворяне, стрельцы, гости, солдаты, дьяки, подьячие. По такому случаю придворным выдавали из казны «конские наряды» и «чепи гремячие»⁵⁹. Австрийский посланник Августин Мейерберг, находившийся в российской столице в 1661—1662 годах, пишет: «Однако ж ничего не было великолепнее в этом параде множества князей, детей думных бояр и всех великокняжеских спальников из дворян, с самим великокняжеским любимцем, князем Юрием Ивановичем Ромодановским, пожелавшим ехать перед самую нашу каретой, от начала предместья до нашего подворья». Правда, по дороге в Москву (посланников встречали за городом) Мейерберг и его спутники вдоволь посмеялись над чванливыми московскими дворянами: «То тот, то другой из знатнейшего русского дворянства, все в разной одежде, подъезжал к нашей карете и, не отдавая нам никакой чести, словно павлин, развертывал всю пышность своего хвоста, показывая нам свою шубу на соболем меху, самом дорогом по черноте, густоте и длине волоса, и поворачивал ее то тем, то другим боком с помощью слуг, распахивавших ее, точно хламиду; либо заставлял безобразно скакать свою лошадь в сбруе, в цепочках, опутанную колокольчиками, и, благодаря потрясению от этих скачков, представлял ее нашим глазам со звоном, во всей ее целости»⁶⁰. Еще более пышно обставлялся въезд дипломатов в Кремль по той же Ильинке. Посла со свитой сопровождал почетный эскорт из русских дворян во главе с приставом, впереди несли или везли подарки. Такое шествие могло растянуться на всю длину пути от посольской резиденции и насчитывать несколько сотен человек.

В конце улицы находился замечательный памятник посадской архитектуры — церковь Николая «Большой Крест», получившая свое наименование по большому резному кресту с частицами 156 святых мощей, на котором, как и на Большом кресте на Никольской, совершалось крестное целование (клятва). Великолепное здание церкви было выстроено в 1680—1681 годах на средства купцов Филатьевых. Изящный храм, богато украшенный белокаменным декором в стилистике мос-

ковского барокко, имел три яруса. Особенно выделялся верхний, имевший шестигранные окна, над которыми располагались ребристые раковины, схожие с теми, что украшают Архангельский собор. Такие же раковины находились и у основания пяти куполов с ажурными звездами и крестами. Вместо традиционных трапезной и галерей-гульбищ к входам в храм, декорированным богатым орнаментом, подходили паперти с лестницами. Не менее пышным было и внутреннее убранство храма: пышный золоченый резной иконостас, оклады икон, драгоценная утварь... Церковь Николая была великолепным памятником московскому купечеству, богатому и богомольному посаду, не жалевшему ни сил, ни средств для прославления Господа. В 1933—1934 годах храм уничтожили, ныне на его месте сквер.

Улица Варварка получила свое название, вероятнее всего, от слова «варя», обозначавшее варку меда и некоторые другие повинности населения. После того как в начале XVI века итальянский зодчий Алевиз Новый на средства московских купцов поставил в ее начале церковь во имя великомученицы Варвары, более древнее значение названия улицы было забыто. Как и на других улицах Китай-города, на Варварке в XVI—XVII веках находились дворы видных аристократов. Одним из крупнейших был двор бояр Романовых, располагавшийся на правой стороне улицы. Он не только хорошо читается на «Петровом чертеже» — плане Москвы 1597 года, но даже подписан его составителем, особо выделившим и обширность усадьбы, и знатность ее владельца. Изображение строений на плане, пусть и схематичное, всё же дает возможность различить посередине двора крупное сооружение — по-видимому, каменные двухэтажные палаты.

Первым хозяином двора был Никита Романович Юрьев, видный деятель эпохи Ивана Грозного, боярин, воевода и дворецкий, брат первой супруги царя Анастасии Романовны. Он известен в народных песнях как «добрый боярин», противостоящий злодею Малюте Скурлатовичу. Современники-иностранцы свидетельствуют, что и сам старый боярин, и его сыновья пользовались популярностью у москвичей: «Народ был весьма

расположен к нему, ибо он отличался благочестием, а также ради сестры его, в народе весьма любимой»⁶¹. Несмотря на близкое родство, государь не раз обращал на боярина свой гнев. По свидетельству англичанина Д. Горсея, в 1575 году, «выбрав одного из своих разбойников, он послал с ним две сотни стрельцов грабить Никиту Романовича... забрал у него всё вооружение, лошадь, утварь и товары ценой на 40 тыс. фунтов, захватил его земли, оставив его самого и его близких в таком плачевном и трудном положении, что на следующий день Никита Романович послал к нам на Английское подворье, чтобы ему дали низкосортной шерсти сшить одежду, чтобы прикрыть наготу свою и своих детей, а также просить у нас какую-нибудь помощь»⁶².

Впоследствии опала была снята. В конце правления Ивана Грозного Н. Р. Юрьев упоминается в числе ближайших к царю бояр. При своем племяннике Федоре Ивановиче он занял одно из первых мест как по заслугам, так и по родству с государем. В 1586 году Никита Романович скончался, приняв перед смертью монашество с именем Нифонт. Усадьба перешла к его сыновьям, старший из которых Федор Никитич стал боярином еще при жизни отца. Голландец И. Масса дает выразительное описание этого вельможи: «Красивый мужчина, очень ласковый ко всем и такой статный, что в Москве вошло в пословицу у портных говорить, когда платье сидело на ком-нибудь хорошо: “Второй Федор Никитич”; он так ловко сидел на коне, что всяк видевший его приходил в удивление»⁶³. Дружная семья Романовых и родственные им аристократические фамилии были опасными соперниками Бориса Годунова. Федор Никитич считался претендентом на трон после кончины бездетного царя Федора Ивановича, но в 1598 году Романовы проиграли, и Борис венчался шапкой Мономаха. Спустя два года, опасаясь за будущность своей династии, Годунов решил расправиться с Никитичами и их сторонниками.

Романовых обвинили в намерении «извести» царя. Казначей боярина Александра Никитича донес, что его господин хранит у себя некие «коренья». Этого было достаточно, чтобы Годунов отдал приказ об аресте брать-

ев. Один из членов польского посольства, находившегося тогда в Москве, записал в дневнике 26 октября 1600 года: «Этой ночью... мы из нашего двора видели, как несколько сот стрельцов вышли ночью из замка с горящими факелами, и слышали, как они открыли пальбу, что нас испугало.... Дом, в котором жили Романовы, был подожен, некоторых он (Борис. — *С. III*) убил, некоторых арестовал...»⁶⁴ С Романовыми жестоко расправились: Федора Никитича насильно постригли в монахи с именем Филарет и сослали в Антониево-Сийский монастырь; Александр Никитич был сослан в Усолье-Луду на Белом море, где удушен своим приставом; Иван Никитич отправился в сибирский Пелым; Василий Никитич был приговорен к ссылке в Яранск Вятского уезда, но затем переведен в Пелым; наконец, младший из братьев Михаил Никитич был сослан в Ныроб Чердынского уезда, где вскоре скончался от голода, а его оковы стали предметом поклонения.

Двор на Варварке был конфискован и находился в ведении казны вплоть до вступления на престол Михаила Федоровича, при котором его стали называть «Старый государев двор». В 1631 году по указу царя на территории бывшей дедовой вотчины был создан Знаменский монастырь, главным собором которого стала бывшая дворовая церковь Романовых⁶⁵.

В 1668 году монастырь сгорел. Знаменский собор был заново возведен псковскими мастерами Ф. Григорьевым и Г. Анисимовым в 1679–1684 годах. Почти в то же время (1676–1680) строился корпус братских келий. Эти памятники сохранились до настоящего времени. Вплоть до закрытия собора в 1920-х годах здесь находились родовая святыня Романовых — образ XVI века Божией Матери «Знамение» со святыми, изображенными на полях иконы, а также царские вклады — Евангелие, принадлежавшее патриарху Филарету, серебряный крест с мощами, атласная риза и др.

Среди других монастырских построек скромно доживали свой век каменные палаты, стоявшие лицом к Варварке. В 1856 году по указу Александра II здесь начались исследовательские, а затем реставрационные работы, и вскоре дом бояр Романовых приобрел тот

вид, который соответствовал представлению авторов реконструкции, архитекторов, историков и москвоведов Ф. Ф. Рихтера, И. М. Снегирева, А. Ф. Вельтмана и А. А. Мартынова, о боярском тереме XVI века. Конечно, современные знания позволили бы более точно восстановить облик этого сооружения; тем не менее эти работы стали классикой архитектурной реконструкции, а в возрожденных палатах был создан музей, который сейчас является филиалом Государственного исторического музея.

Не менее примечательна история соседнего владения — Английского двора. В 1556 году царь Иван IV пожаловал английским торговцам двор на Варварке с каменными палатами, возведенными в первой половине столетия Иваном Дмитриевичем Бобрищевым. Этот богатый купец-сурожанин* был одним из заказчиков строительства соседнего храма Святой Варвары, давшего наименование всей улице. Почти 100 лет Английский двор служил главной резиденцией английской Московской компании: здесь останавливались посланники, торговые агенты, купцы, в подвалах хранились товары. Двор пострадал во время пожара Москвы 1571 года и боев Второго ополчения с поляками в 1612-м, но каждый раз отстраивался — дела англичан, не имевших серьезных конкурентов благодаря торговым привилегиям, данным им Иваном Грозным, шли прекрасно. Такое положение очень не нравилось русским купцам, и они не раз обращались к государю с просьбой ограничить права англичан на беспошлинную торговлю. До поры цари опасались вступать в конфликт с могущественной английской короной, но в 1649 году нашелся отличный повод — революция. 9 июня царь Алексей Михайлович издал указ о высылке англичан из России за вредные для российской торговли поступки (тайно торговали табаком, скупали шелк-сырец и другие «заповедные» товары и т. п.). Прежние договоры самодержец счел недействительными, поскольку они были заключены по просьбе короля, «а ныне ведомо учинилось, что англичане всею

* Сурожане — богатые московские купцы, ведшие в XIV—XV веках южную торговлю через порт Сурож (современный Судак) в Крыму, либо их коллеги — выходцы из Сурожа.

землею учинили большое зло, государя своего, Карлуса Короля, убили до смерти, и за такое злое дело в Московском государстве вам быть не довелось»⁶⁶. Впоследствии англичанам было разрешено торговать в Архангельске на равных с другими западноевропейцами условиях.

Конфискованный Английский двор был выкуплен боярином Иваном Андреевичем Милославским, а после его смерти вновь отошел в казну. В 1676 году в хоромах расположилось подворье митрополита Нижегородского и Алатырского. Тогда же была составлена опись каменного строения: «Верхняя палата об одном житье, под нею одна ж кладовая полата да два погребца и лесница с крыльцом, с одной стороны приделана каме[н]ная ж поварня небольшая и лес[т]ница с крыльцом; железного строения осмеры двери да две решотки, в верхней полате в пяти окошках решотки, четверы затворы; то каменное строение всё ветхо добре и полата и крыльцы не покрыты»⁶⁷.

В начале XVIII века здесь располагалась Арифметическая школа, затем палаты переходили от одних хозяев к другим и утратили первоначальный облик. Московеды и историки архитектуры считали, что палаты Английского двора не сохранились. Выявил этот памятник в 1956 году выдающийся реставратор Петр Дмитриевич Барановский, спас от сноса и руководил его реставрацией в 1968—1972 годах. Английский двор был восстановлен в архитектурных формах XVI—XVII столетий с удалением позднейших пристроек и раскрытием средневековых конструктивных и декоративных деталей. 19 октября 1994 года здесь с участием английской королевы Елизаветы II и ее супруга принца Филиппа был открыт филиал Музея Москвы «Старый Английский двор».

Район, располагавшийся между Варваркой и Москвой-рекой, в XVI веке получил наименование Зарядье. Эта территория была заселена еще в домонгольскую эпоху. Вероятно, уже после Батыева разорения в этом месте на берегу Москвы-реки была создана торговая пристань, у которой поставлена церковь Николы Мокрого. Этот храм, воздвигнутый во имя покровителя путешественников по водам, неоднократно перестраивался

В 1633—1635 годах московские власти разместили участников голштинского посольства на Ростово-Суздальском подворье на углу Рыбного переулка и Варварки.

Гравюра из книги А. Олеария «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно». 1656 г.

Посольский двор на Ильинке.

Гравюра из книги А. Мейерберга «Путешествие в Московию». 1663 (1679?) г.

и был разрушен в 1960-х годах. Дорога, которая шла от пристани к Кремлю, получила название Великой улицы; в XIV—XV веках она была главной на Великом посаде.

В те времена Зарядье, как и основная часть Велико-го посада, было занято дворами ремесленников. При раскопках М. Г. Рабиновича здесь обнаружены усадьбы кожевника, сапожника, ювелира-литейщика. Впрочем, в этом районе уже начинали селиться и бояре. Согласно духовной князя И. Ю. Патрикеева, здесь находился один из его дворов. Были обнаружены остатки бани, сгоревшей во второй половине XV века (возможно, во время зафиксированного летописью пожара 1468 года). Ее принадлежность к усадьбе князя Патрикеева исследователь установил на основании найденной в слое угольков небольшой овальной костяной печати, носившейся на шнурке, с вырезанной фигурой воина со щитом и копьем и надписью: «Печать Ивана Карови»⁶⁸.

Заманчиво, конечно, представить, как вечером 23 мая 1468 года видный вельможа выскакивал из горящей бани. Но, во-первых, мы не знаем, носил ли Иван Патрикеев прозвище Корова (зато известны прозвища его сыновей: Михаил Колышка, Василий Косой, Иван Мунында). А во-вторых, на печати не обозначен обязательный в таких случаях титул. Но даже если печать не принадлежала Патрикееву, она открывает перед нами еще одну любопытную черточку быта древней Москвы: резчик написал прозвище владельца, следуя московской традиции «аканья»: не «Корова», а «Карова».

В XVI веке Зарядье приобретает иной облик. Ремесленников постепенно вытесняют в Белый и Земляной город служилые люди, приказные, торговцы и духовные лица. Раньше всех и дальше всех переехали кожевники — их слобода разместилась на окраине Замоскворечья, в районе современной Кожевнической улицы, и поныне хранящей память об этих мастерах. Дело в том, что при квашении кожи выделялся сильный неприятный запах, потому кожевников и переселили подальше и от торгового двора, и от боярских усадеб Китай-города. Однако они не горевали — выстроили слободский храм Троицы Живоначальной в Кожевниках и без попреков со стороны продолжали свой нелегкий труд, благо Моск-

ва-река, протекавшая рядом, давала им достаточно воды для их производства.

Большинство других мастеров переселились в XVII веке на территорию Белого и Земляного города. Еще в XVI столетии застройка поглотила Великую улицу, которая сузилась до небольшой улочки, получившей наименование Зачатьевской (по храму Зачатия праведной Анны «что в Углу», известному с 1493 года), а затем — Мокринского переулка. Сложились здесь и другие улицы и переулки: Псковская улица, Знаменский переулочек, Ершов переулочек и др. Среди рядовых владений выделялись усадьбы крупных вельмож — бояр, окольных, думных дьяков. Чаще всего они выходили на проезжие улицы.

Одна из таких усадеб — князя Василия Яншеевича Сулешова — была обнаружена и исследована в 1950 году во время раскопок М. Г. Рабиновича. Двор князя находился на углу Ершова переулочка и Зачатьевской улицы, неподалеку от церкви Николая Мокрого, а другое его владение располагалось на Фроловке (Мясницкой). Сулешов был потомком знатных крымских татар. Его отец Янша-мурза при царе Федоре Ивановиче перешел на русскую службу. Наиболее известен его старший сын боярин князь Юрий Яншеевич — видный деятель Смутного времени, воевода в Тобольске, глава нескольких приказов. Кстати, жил он неподалеку — на Ильинке. Василий Яншеевич вместе с братом участвовал в 1618 году в обороне Москвы от войск королевича Владислава. С 1622/23 года он упоминается в качестве кравчего — занимался организацией царских пиров и рассылкой в торжественные дни угощения, пожалованного царем послам, боярам и людям иных чинов, а на самих пирах прислуживал государю. Дальнейшая служба В. Я. Сулешова прошла при царском дворе. Возможно, это было связано с невозможностью участвовать в походах в связи с тяжелым увечьем: у князя была «болячка смертная» в «отсеченной» руке. Умер он в 1642 году, оставив вдову Фетинью Ивановну, дочь Ивана Федоровича Басманова и внучку знаменитого фаворита Ивана Грозного, Федора Алексеевича. У Басмановых был двор по соседству. Мать Фетиньи владела двором там же, в Зарядье, «у го-

родовой стены», а дядя княгини Сулешовой окольный Петр Федорович Басманов, любимец самозванца, убитый вместе с ним во время бунта, был погребен у храма Николы Мокрого⁶⁹.

Остатки палат князя В. Я. Сулешова были обнаружены во время раскопок в Зарядье в 1950 году. Согласно описанию М. Г. Рабиновича, «это были богатые хоромы с облицованным белым камнем цокольным этажом, выходившие южным фасадом непосредственно на Великую (в то время уже Зачатьевскую. — *С.Ш.*) улицу». Археологи нашли в Зарядье и еще одно напоминание о князе Василии — надгробие его «человека» (холопа) Никиты Семенова сына Ширяева, умершего в марте 1632 года и погребенного на кладбище при церкви Зачатия Анны. Сам Василий Яншеевич был похоронен в Симоновом монастыре, и его надгробие хранится в собрании Московского государственного объединенного художественного историко-архитектурного и природно-ландшафтного музея-заповедника (бывший музей-усадьба «Коломенское»)⁷⁰.

В XVII веке в Зарядье было восемь храмов: Святой Варвары, Жен-мироносиц, Максима Исповедника, собор Знаменского монастыря, Николы Мокрого, Зачатия праведной Анны, Николая Чудотворца (к их наименованиям добавлялась приставка «в Углу», по местонахождению в юго-восточном углу Китайгородской стены) и Георгия на Псковской горке. Древнейший из них — церковь Святой Варвары, возведенная в 1514 году на средства братьев Василия Бобра и Ивана Бобрищева совместно с еще одним купцом Федором Вепрем. Рядом с храмом находился Денежный двор, функционировавший во второй половине XVI века и упраздненный после Смутного времени.

В начале XVI века была возведена церковь во имя Максима Исповедника, в которой покоились мощи московского юродивого Максима Блаженного (Нагоходца). Он обличал богатых и неправедных, говоря: «Божница домашня, а совесть продажна. По бороде Адам, а по делам Хам. Всяк крестится, да не всяк молится». В лютые морозы он ходил, едва прикрыв наготу, и приговаривал: «Хоть люта зима, но сладок рай, — оттерпимся и мы люди будем». Скончался блаженный Максим в 1434 году,

от его мощей совершались исцеления, одно из которых отмечено летописью в 1501 году: «...у гроба святого Максима уродивого Христа ради Бог простил человека имущаго ногу прикорчену, априлия в 23»⁷¹.

Еще один храм — Святого Георгия — располагался на Псковской горке: в начале XVI века сюда переселили псковичей, выведенных из родного города после падения (1510) Псковской боярской республики. Крупные купцы и умелые ремесленники могли принести пользу столице. В 1657—1658 годах было выстроено здание храма, сохранившееся до наших дней. Его местоположение могли определять и иначе: «на Варварском крестце у тюрем».

Тюрьма находилась у Варварских ворот Китай-города. Места заключения вообще стремились устроить у городских ворот (так, тюрьма была у Константино-Еленинской башни Кремля), отсюда другое их название — застенок. Тюрьма у Варварских ворот находилась внутри «града», но и за городской стеной. «Петров чертеж» отмечает еще один острог, который именуется составителем карты «Бражник» или «тюрьмы для пьяниц». Видимо, к этому своеобразному вытрезвителю относились не очень серьезно, а вот внутригородские тюрьмы стерегли. Опись 1626 года упоминает тюремного подьячего Тараса Антипьева и трех тюремных сторожей — Максимку Нефедьева, Иванку Кононова и Гаврилку Иванова. Охранникам не повезло — при проведении описи выяснилось, что они «самовольством» построили свои дворы рядом с тюрьмами и слишком близко (всего в четырех сажнях) к городской стене. Дворы было указано снести, а «для уличного простору» расчистить пространство до восьми саженьей⁷². Однако вполне возможно, что подьячий и сторожа так и остались жить на этих местах, поскольку подобные решения часто принимались, но не всегда исполнялись.

От Кулишек к Сретенке

Пространство Белого города, полукольцом обнимающего Кремль и Китай-город, было плотно застроено уже к моменту возведения крепостной стены при

царе Федоре Ивановиче. По описанию австрийского посла Николая Варкоча стена Белого города была «бело-набело выкрашенная и украшенная множеством (27—30) башен и зубцов». Очевидно, из-за цвета стен укрепление, а затем и часть Москвы получили это название. На протяжении XV—XVI веков сюда постепенно вытеснялись ремесленники из Кремля и Китай-города. С середины XVI столетия за пределами посада стали размещать военно-служилые слободы — стрелецкие (называвшиеся по именам командиров полков), пушкарские, воротничьи. В XVII веке тут появились иностранные торговые дворы и слободы. Таким образом, Белый город представлял собой обширный район, весьма пестрый по своему социальному, профессиональному и даже конфессиональному составу, с обилием слобод и сотен.

Правда, еще больше (около семидесяти) слобод располагалось в Земляном городе, но и в Белом городе их было тоже немало — 21, тогда как в Китай-городе находилась всего одна — Певческая слобода на Ильинке, в которой жили патриаршие певчие. Таким образом, в XVI веке к Белому городу перешла роль ремесленного посада. Не случайно восемь его слобод были черными (населялись податными посадскими людьми). Но на протяжении всего XVII столетия Белый город всё больше застраивался усадьбами дворян и приказных, а слобожан отселяли всё дальше от центра. В результате к началу следующего века, по подсчетам П. В. Сытина, в Белом городе уже преобладали владения дворян и приказных, а посадские люди составляли не более пятой части его населения.

Попробуем обозреть пространство Белого города, продвигаясь с востока на запад, от одной москворецкой набережной до другой. Местность, тянувшаяся направо от Варварских ворот Китай-города к слиянию Яузы и Москвы-реки, была освоена в XIV—XV столетиях. К самой реке примыкал Васильевский луг, где пасли великокняжеских лошадей. Это название сохранялось вплоть до XVIII века, когда местность была застроена. Рядом с Васильевским лугом в устье Яузы в первой половине XV века находились хозяйственные постройки

ки — мельницы, амбары. Мельница показана здесь и на «Петровом чертеже» 1597 года.

Двигаясь из Варварских ворот прямо, путник попал в район Кулишек. Ныне Кулишки ассоциируются только с храмом Всех Святых, возвышающимся на Славянской площади, в древности же местность Кулишек была гораздо более обширной, простираясь вплоть до позднейшей стены Белого города, о чем свидетельствуют наименования храмов Пятницы на Кулишках, Кира и Иоанна на Кулишках, Рождества Богородицы на Кулишках и Трех Святителей на Кулишках. Наименование, обросшее в последнее время странными представлениями о том, что именно здесь произошла Куликовская битва, согласно словарю В. И. Даля, связано со словом «кулижки» — так называли место, расчищенное под пашню, а также выселки или починок в лесу (отсюда и знаменитое «у черта на куличках», то есть «на кулижках»). Путанице Кулижек с Куликовым полем содействовало московское предание о том, что здешняя церковь Всех Святых была возведена Дмитрием Донским в память о погибших в битве, однако документального основания оно не имеет. Впервые церковь упоминается в 1488 году, а во время археологических раскопок около нее были обнаружены погребения XV—XVI веков.

Соседние храмы немногим старше. В 1460 году в духовной старца Адриана Ярлыка упоминается церковь Святой Пятницы (видимо, Параскевы Пятницы на Кулишках). При ней существовал небольшой монастырь, поскольку завещатель пожертвовал его игумену Евфимию три рубля. Церкви «на Глиницах» — Спаса Преображения на Глиницах в современном Спасо-Глинищевском переулке по соседству с Кулишками — старец выделил два рубля⁷³. Еще один здешний храм, Николы в Подкопаеве, также упоминается в документах XV века. В 1493 году возле него «в хрестьянских дворах» поселился Иван III после пожара, истребившего Кремль, Великий посад и Занеглименье. Погорелые места простирались до самого жилища великого князя — пламя остановилось у храма Всех Святых на Кулишках.

Перепись 1620 года отмечает на Кулишках два торговых двора — Рыбный (53 сажени вдоль и 25 поперек)

и Соляной (соответственно 43 на 21 сажень). Впоследствии эти дворы были объединены в один, который занял целый квартал. На Соляном дворе были амбары и лавки, главные ворота имели высокую башню с караульной. Здесь находились купеческие и казенные амбары с солью и поташем (калиевой солью угольной кислоты), который применялся для крашения тканей, производства мыла и т. д. Тут же торговали и рыбой. От Соляного двора и произошло название улицы Солянка.

В начале XX века обветшавшие строения Соляного двора были снесены, а на их месте в 1909—1915 годах возведен в стилистике неоклассицизма комплекс доходных домов (архитекторы В. В. Шервуд, А. И. Герман, А. Е. Сергеев) — прямоугольный с обширным внутренним двором, в плане повторяющий старинную постройку. При рытье котлована на глубине трех метров был обнаружен клад копеек Ивана IV, Федора Ивановича и Бориса Годунова, насчитывавший около девяти тысяч монет. Однако на самом деле клад был гораздо крупнее. Археолог В. А. Городцов записал в дневнике 4 мая 1912 года: «Мне сообщили, что при закладке нового большого дома Купеческого общества на Солянке на глубине 5 аршин найдены остатки каких-то подполий, где хранилось серебряных монет... 15 пудов... Хранились они в больших кувшинах. При открытии кувшинов рабочие бросились разбирать деньги. Произошла схватка, в которой пострадал подрядчик. Деньги брали горстями, кто сколько мог захватить. Благодаря вмешательству полиции удалось сохранить 13 фунтов монет». Если утверждение о 15 пудах монет верно, то в солянском кладе должно было быть фантастическое количество копеек — около 480 тысяч!⁷⁴

От Соляного двора дорога, как и сейчас, поднималась в гору, к Ивановскому монастырю. Точная дата основания этой женской обители неизвестна, но к началу XVII века монастырь уже существовал. Есть сведения о том, что здесь жили инокини-царевны Прасковья (в миру Пелагея Михайловна Петрово-Соловова) и Александра (в миру Евдокия Богдановна Сабурова) — супруги сына Ивана Грозного царевича Ивана, который подобно отцу, а возможно, по его воле отправлял жен в монас-

тырь. В Смутное время в обители постригли в монахини царицу Марию Петровну, супругу Василия Шуйского. В 1638 году в монастыре скончалась юродивая Дарья, в схиме — Марфа, почитавшаяся и в нем, и в царском дворце. Она была похоронена в монастырском соборе, а спустя два года царь Михаил Федорович приказал изготовить бархатный покров на ее надгробие.

С середины XVII века 29 августа, в престольный праздник обители — Усекновения главы Иоанна Предтечи — под ее стенами проходили «бабьи шерстяные» ярмарки, где монахини и белицы продавали свое вязание и шитье. В 1657 году в монастыре выстроили каменный собор с приделом Святого Николая Чудотворца. Сохранилось составленное в 1701 году подробное описание обители, в котором упоминаются «соборная церковь каменная», наполненная иконами в драгоценных окладах и богатой церковной утварью, «игуменские келии нижние каменные, а верхние деревянные», 68 деревянных «старицыных» келий, три колодца, надвратная церковь («строение окольного Василия Савича Нарбекова») и каменная ограда, «трои ворота створчатые, затворы железные»⁷⁵.

Напротив монастыря находилась церковь Равноапостольного Владимира в Старых Садах. Здесь в XV веке, при Иване III, был загородный двор великого князя. С этой возвышенности государь мог любоваться видом Кремля и Великого посада. Церковь была возведена в 1514 году по повелению его сына Василия III итальянским зодчим Алевизом Фрязином. В XVII веке храм неоднократно перестраивали, появились приделы: в 1625 году — Мучеников Кирика и Иулиты, в 1689-м — Благоверных князей Бориса и Глеба.

Двигаясь далее к стене Белого города (ныне — линия Покровского бульвара), путник попадал в урочище Хохлы, получившее такое наименование по жительству здесь выходцев с Украины. Это поселение не стало особой слободой, но местный храм именовался церковью Троицы в Хохлове или в Хохлах. Современный каменный храм был выстроен в 1696 году на средства вдовы окольного Евдокии Авраамовны Чириковой (урожденной Лопухиной) в память о ее дочери Неони-

ле. Неподалеку от храма жил видный дипломат — думный дьяк Емельян Игнатьевич Украинцев, фактический глава Посольского приказа с 1689 года. Палаты дьяка расположились «глаголем» (буквой «Г») на углу Хохловского переулка. В XVIII веке в них разместился Московский архив Коллегии иностранных дел, который возглавляли видные историки и архивисты Г. Ф. Миллер, Н. Н. Бантыш-Каменский, А. Ф. Малиновский, М. А. Оболенский и др.

К северу от Кулишек вплоть до Покровки (впоследствии ее часть, ближняя к Китай-городу, получила наименование Маросейка) простирались дворы Покровской черной сотни*. По-видимому, эта слобода не имела ремесленной специализации. По переписи 1638 года среди ее жителей упоминаются портные, сапожники, квасники, мясники, денежные мастера и др. Немало было на этих землях и «белых» дворов — приказных, церковнослужителей, дворян. Сосуществовала с Покровской сотней стрелецкая слобода у церкви Спаса на Глинцах.

Покровка, упоминающаяся в описях как «большая мостовая», то есть замощенная улица, тянулась от Ильинских ворот Китай-города до Покровских ворот Белого города. Свое название она получила по церкви Покрова Богородицы в Садах, впервые упоминаемой в 1488 году (в 1777-м храм снесли). В XVII веке на правой стороне улицы за Покровской церковью находился Мясной ряд, а за ним — «лавки харчевые». На той же стороне улицы ближе к Покровским воротам стояла церковь во имя Святых бессребреников Космы и Дамиана, известная с 1625 года. На противоположной стороне улицы в ее начале располагалась церковь Николая Чудотворца. Прибавление к ее названию «в Кленниках», по-видимому, связано с существовавшей здесь в древности кленовой рощей (другой вариант — «в Блинниках»). Сущест-

*Черная сотня — здесь: территориальное объединение тягло-го (податного) населения — городских торговцев и ремесленников, получавшее название по местонахождению, управляемое выборными сотниками и десятскими и отвечавшее по долгам своих членов. Члены черных сотен избирались для исполнения различных обязанностей, несли городские повинности (мостили улицы, выделяли жилье и т. д.). В царствование Михаила Федоровича в Москве было десять черных сотен.

вующую ныне двухэтажную каменную церковь начали возводить в 1657 году, а в 1690-м перестроили в связи с созданием на втором этаже престола в честь Казанской иконы Божией Матери.

Далее следовали Мясницкий ряд, Малороссийское подворье (представительство украинских гетманов и духовных властей, давшее улице другое название — Маросейка), «лавки с харчем» и Артемонов переулок⁷⁶.

Свое название Артемонов (Артамонов) переулок получил по располагавшемуся в нем двору государственного деятеля и дипломата боярина Артамона Сергеевича Матвеева (1625—1682). Расположение здесь двора его отца, дьяка Сергея Матвеева, отмечает перепись Москвы 1638 года. Незнатный Матвеев начинал службу стрелецким головой и достиг высоких чинов благодаря выдающимся способностям. К 1650-м годам относится знакомство Артамона Сергеевича с царем, которому он сразу приглянулся. Матвеев был привлечен к дипломатическим переговорам во время русско-польской войны 1654—1667 годов, в частности о сдаче поляками Смоленска, а вслед за этим возглавил Посольский приказ.

Высокое положение А. С. Матвеева подкреплялось его дружбой с государем. «Приезжай поскорее, мои дети осиротели без тебя, мне не с кем посоветоваться», — просил его в одном из писем Алексей Михайлович. Особенно возросло влияние Матвеева, когда в 1671 году царь женился на его воспитаннице Наталье Кирилловне Нарышкиной. Через год по случаю рождения у царственной четы сына Петра Артамон Сергеевич был пожалован чином окольничего, а вскоре, в честь рождения царевны Феодоры Алексеевны, стал боярином. Матвеев был одним из самых образованных людей своей эпохи. В 1673 году он организовал первое театральное училище в Немецкой слободе, а в следующем немцы и дворовые боярина уже разыгрывали перед царской семьей пьесу «Как Алаферну-царю царица голову отсекала».

Положение Матвеева казалось незыблемым, но в 1676 году после внезапной кончины Алексея Михайловича над головой боярина сгустились тучи. При юном царе Федоре Алексеевиче правление перешло в руки

родственников его матери, первой жены Алексея Михайловича. Милославские добились отправки Матвеева на воеводство в Верхотурье, затем обвинили в чернокнижии и сослали в заполярный Пустозерск, а оттуда в Мезень. Но постепенно влияние Милославских на царя Федора слабело. В 1682 году он по просьбе своей второй жены Марфы Матвеевны Апраксиной, крестницы Матвеева, приказал освободить того из-под стражи и перевести в Лух (ныне — районный центр Ивановской области). Там Матвеев получил известие о смерти Федора Алексеевича и срочный вызов в Москву, исходивший от царицы Натальи Кирилловны.

После смерти царя Федора у трона столкнулись боярские партии Милославских и Нарышкиных. Первые выдвигали кандидатуру старшего из сыновей царя Алексея, болезненного и неспособного к управлению Ивана; вторые держали сторону младшего, десятилетнего смышленного Петра. Первоначально царем был провозглашен Петр. Но Милославские во главе с боярином Иваном Михайловичем и старшей дочерью Алексея Михайловича Софьей не смирились с поражением и начали подстрекать к бунту московских стрельцов. В майские дни 1682 года в столицу из ссылки прибыл А. С. Матвеев. Царица Наталья Кирилловна надеялась, что он сможет усмирить ропот стрельцов и одолеть Милославских, но было уже поздно.

Пятнадцатого мая, поверив распускавшимся Милославскими слухам об убийстве царевича Ивана Нарышкиными, стрельцы в боевом порядке двинулись в Кремль. На дворцовое крыльцо к ним вышел А. С. Матвеев. Ему удалось усмирить толпу, но когда боярин повернулся, чтобы идти к царице Наталье Кирилловне, князь М. Ю. Долгорукий с бранью набросился на стрельцов, был поднят ими на копыя и изрублен бердышами. Кровопролитие началось. Артамона Сергеевича вырвали из рук царицы и убили. Стрельцы бегали по всему дворцу и убивали ненавистных бояр, приказных, стрелецких командиров.

Тело Матвеева осмелился подобрать его слуга-арап. Похоронили боярина в усыпальнице его приходской церкви Николы в Столпах. Впервые этот храм упомина-

ется как каменный в 1629 году. По иронии судьбы через три года здесь же погребли злейшего врага Матвеева — боярина И. М. Милославского, двор которого также находился в приходе этого храма. Впрочем, покой Милославского оказался не вечным. В 1697 году во время казни участников заговора И. Е. Цыклера и А. П. Соковнина Петр I приказал извлечь тело боярина из земли, на шести «чудских» свиньях привести его гроб в село Преображенское и поставить под плахой так, чтобы кровь казненных стекала на останки. Позже труп боярина был рассечен палачами на части. Сын А. С. Матвеева Андрей Артамонович со злорадством описывает эту сцену и вид тела Милославского после вскрытия гроба: «...Голова согнила у него и так мала была, как бы ручной кулак, и борода его черная выросла до самого его пупа и ниже лежала; а чему надлежало по четыредесятом дне весьма разрушиться, то есть чреву и прочим членам, и все это было так крепко надуто, как бы тимпан; руки и ноги в самой целости, как бы у тридневного погребенного мертвеца»⁷⁷.

Ближе к стене Белого города находились слободы котельников и колпачников, память о которых сохранили наименования: церковь Успения Богородицы в Котельниках и Колпачный переулочок. От Артемонова переулочка к следующей радиальной улице — Фроловке (Мясницкой) — вновь протянулись дворы Покровской сотни. Ближе к Китай-городу, между Покровкой и Евлочкой (начало современной Мясницкой) находился Златоустовский монастырь.

В этой обители, известной с 1412 года, в 1660—1663 годах был выстроен монументальный собор. Описание, сделанное после пожара 1737 года, зафиксировало, помимо соборного храма Святителя Иоанна Златоуста, церкви Спаса Нерукотворного, Благовещения, Иоанна Воина, Покрова Богородицы (надвратную), каменный келейный корпус с деревянным верхом, хлебную, конюшенную и поварские «полатки», конюшню, каретный сарай, «избу людскую». Как видим, обитель была состоятельной, чему способствовали вклады московской аристократии.

В Благовещенской церкви находилась усыпальница Апраксиных. Этот дворянский род, члены которого в

первой половине XVII века были дьяками и воеводами, выдвинулся после женитьбы царя Федора Алексеевича на его представительнице. Восемнадцатилетняя Марфа Матвеевна пробыла супругой царя совсем недолго: 14 февраля 1682 года состоялась свадьба, а 27 апреля государь скончался. Зато ее братья при Петре I занимали видные должности. Апраксины щедро жертвовали средства Златоустовскому монастырю, где был похоронен их отец, воевода Матвей Васильевич. Как гласит надгробная надпись, в 1667 году он был «убиен на степи меж Саратова и Пензы, переехав реку Медведицу, от калмыков и от башкирцов, и изсечен многими ранами и изстрелен ноября 6 числа, на память иже во святых отца нашего Павла Исповедника, и с ним побиты до смерти государевых и его дому людей 40 человек, и тело его на степи сыскано»⁷⁸.

К Златоустовскому монастырю примыкала монастырская слобода, а у церкви Гребневской иконы Божией Матери на Лубянке лежала стрелецкая слобода. Неподалеку от обители, как указывает перепись 1620 года, жил Петр Тимофеевич Пушкин (Толстой) — прямой предок поэта. В 1625—1628 годах он был воеводой в Тюмени, в 1633-м — сотенным головой в Москве на случай осады. По-видимому, его двор находился в позднейшем Артемоновом переулке, где жил и его сын, стольник Петр Петрович.

От монастыря в сторону Китай-города ближе к Лубянке располагался Новый Английский двор, который подданные британской короны приобрели в 1636 году. Согласно описанию 1651 года, двор протянулся вдоль на 59 саженей, а поперек — на 34. На дворе был вырыт колодец, а каменное строение состояло из семи кладовых палат с погребями. Тут же имелись пять деревянных «горниц белых на подклетах с чуланы и 3 сенми» и погребями, избы, амбары и городьба с воротами. Всё вместе оценивалось в солидную сумму — 2600 рублей⁷⁹.

В 1654 году здесь разместился Новый денежный двор (его по привычке также именовали Английским) и началась чеканка медной монеты, введенной царем Алексеем Михайловичем. Первым делом укрепили охрану — по углам забора встали целых четыре караульни.

На дворе были сооружены плавильные печи, кузницы, в отдельных палатах и избах разместились волочильщики («волочили» проволоку из медных брусков), бойцы (резали проволоку и били из нее заготовки для монет) и чеканщики (выбивали на монете «легенду» — царский герб и титул). На столах под навесом изготовленные деньги «перебирали», выбрасывая брак. Руководство двора — голова и целовальники — сидело в особых каменных палатах, где также хранились сырье, монеты и стояли весы с гирями. На Денежном дворе работали 600 человек, избравшихся на год из посадского населения Москвы, за которыми очень строго следили, стремясь не допустить воровства. Однако все меры оказывались бесполезными. В годы монетной реформы широко расцвело изготовление фальшивых денег — монеты чеканились из меди, а приравнивались по стоимости к серебряным, поэтому, поскольку казенная медь тщательно взвешивалась, работники Денежного двора часто приносили свой металл и чеканили «на себя». Иногда Приказ Большой казны проводил ревизии, во время которых ловили на воровстве или чеканке фальшивой монеты не только мастеров, но и старост, и даже целовальников. Некоторых преступников казнили, другие продолжали работать на Денежном дворе «в железах»⁸⁰.

С Новым денежным двором соседствовал «тюремный двор». В начале XVIII века он уже не использовался по назначению — здесь были окруженные забором каменная палата с погребом и деревянная изба, «непокрыта и вся ветха, и своды и стены разщелялись». 20 апреля 1704 года двор был пожалован Леонтию Филипповичу Магницкому «и детям и в род его» в награду за составление «Арифметики», а обветшавшая палата отремонтирована за счет казны⁸¹. Сам «арифметики учитель», скончавшийся в 1739 году, был погребен у церкви Гребневской иконы Божией Матери на Лубянке, несмотря на то, что его двор находился в приходе другого храма — Георгия Победоносца в Лучниках (вернее — в Лужках, по-тогдашнему — «Лушках»).

От Никольских (они же Владимирские или Сретенские) ворот Китай-города путь шел по Сретенке, Лубянке и безымянной улице, являвшейся началом поздней-

шей Мясницкой. Наименование «Сретенка» связано с событиями, произошедшими в 1395 году, когда грозный среднеазиатский полководец Тимур (Тамерлан) выступил в поход на Русь. Великий князь Василий I вышел с войском к Оке, а митрополит Киприан молился о заступничестве свыше. По указанию предстоятеля в Москву была перенесена чудотворная икона Владимирской Божией Матери. Как сообщает летописная повесть, 26 августа, когда икона была встречена в Москве, Тимур остановился на южных окраинах русских земель и повернул обратно. В честь чудесного спасения Москвы великий князь и митрополит основали на месте встречи («сретения») иконы Сретенский монастырь, по которому звалась и улица.

Происхождение названия «Лубянка» чаще всего связывают с лубяным торгом, который мог здесь располагаться. Есть также мнение, что этот топоним принесли с собой новгородцы, которых после присоединения Новгородской республики (1478) переселил сюда великий князь (в Новгороде была улица Лубяница). В районе современной Лубянской площади располагалось Рязанское подворье (впервые упоминается в 1634 году) с двумя храмами — Живоначальной Троицы и Архангела Михаила. В 1677 году на подворье создали госпиталь для лечения русских воинов, раненных во время Русско-турецкой войны 1676—1681 годов.

По безымянной улице между Рязанским подворьем и церковью Гребневской иконы Божией Матери можно было попасть на Евпловку, получившую свое название по храму Святого архидиакона Евпла. Евпловка переходила в Фроловку, названную по церкви Святых мучеников Флора (Фрола) и Лавра. Этот храм (известен с 1547 года, выстроен в камне в 1657-м) стоял на Мясницком холме, превышавшем Кремлевский. Неподалеку от церкви, у Фроловских ворот, находилась черная Мясницкая полусотня — слобода мясников. Впоследствии слобода дала наименование и улице Мясницкой, и воротам Белого города. Отходы мясницкого промысла сбрасывались в пруд за стеной Белого города, получивший название Поганого. В начале XVIII века любимец Петра I А. Д. Меншиков, пожалованный усадьбой в этом

месте, приказал очистить пруд, который с тех пор стал называться Чистым.

У Сретенских ворот Белого города находилась еще одна черная сотня — Сретенская. В начале улицы на ее правой стороне располагался двор боярина князя Дмитрия Михайловича Пожарского. Согласно переписи 1620 года его размеры составляли 37×35 сажений. В настоящее время на этом месте (Большая Лубянка, дом 14) размещается центральный дом городской усадьбы XVIII века с пышным фасадом. Скорее всего, это здание включает в себя фундаменты и другие фрагменты палат великого полководца эпохи Смуты. Приходским храмом Пожарского была церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы. Летопись упоминает ее в числе других каменных храмов, возведенных при Василии III Алевизом Фрязином. Владимирский летописец сообщает, что церковь строили на средства псковичей, которых великий князь «перевел к Москве да и подавал им дворы по Устретенской улице, всю улицы дал за Устретень, а промешал с ними ни одного москвитина».

Сретенский монастырь был основан в местности, носившей наименование Кучково Поле и традиционно связываемой с легендарным боярином Степаном Кучко (Кучкой). В 1378 году здесь был казнен претендент на должность тысяцкого И. В. Вельяминов. Согласно преданию, на месте казни выстроили церковь во имя Марии Египетской. После создания (1397) монастыря она стала монастырской, но при этом сохраняла особый приходской статус.

Монастырь, основанный на Владимирской дороге, вплоть до конца XV века находился на самом краю городской территории. Первоначально его главный храм был деревянным, в 1482—1485 годах псковские мастера возвели его в камне, а в 1679-м он был переделан. В 1706 году к храму пристроили придел Рождества Иоанна Предтечи. Каменный храм Марии Египетской построен в 1482 году и позднее неоднократно перестраивался. В 1688 году была поставлена еще одна монастырская церковь — Николая Чудотворца.

В XIV—XVII веках из Кремля к Сретенскому монастырю устраивались крестные ходы в ознаменование

избавления Москвы от татар: 21 мая — от нашествия крымского хана Мехмед-Гирея в 1521 году, 23 июня — хана Большой Орды Ахмата в 1480 году, 26 августа — Тамерлана.

Со Сретенским монастырем были связаны еще четыре ежегодных крестных хода. В первое воскресенье Петрова поста и 22 октября в день праздника чудотворной иконы Божией Матери Казанской шествия двигались из Кремля вдоль стен Белого города и встречались у Сретенских ворот, в монастыре совершался молебен и крестный ход возвращался в Кремль. В четверг седьмой недели по Пасхе (Семик) и 1 октября на праздник Покрова Богородицы крестный ход с участием сретенского игумена шел из монастыря к Убогим домам — местам погребения умерших насильственной смертью, бродяг и неопознанных трупов, где совершались заупокойная служба и погребение мертвецов в скудельнице — братской могиле.

Пушечный двор и Кузнецкая слобода

При выходе из Никольских ворот Китай-города перед наблюдателем открывалось неожиданное зрелище: на берегу реки возвышался Пушечный двор — обширное строение с круглыми кирпичными башнями, из которых валил дым. Именно так изображен он на хрестоматийно известной картине Аполлинария Васнецова «Пушечно-литейный двор на Неглинной в XVII веке». Древнейшее московское промышленное предприятие в XV—XVII столетиях являлось центром передовых технологических разработок в России, да и не только.

Пушечный двор впервые упоминается в летописи под 1508 годом как «Пушечная изба». Уже тогда он находился на реке Неглинной за пределами Великого посада. С 1535 года встречается наименование «Пушечный двор». При его создании в XV веке не обошлось без итальянских инженеров, о деятельном участии которых в создании отечественной артиллерии сообщают источники. Строитель Успенского собора Аристотель Фиораванти в 1485 году во время похода на Тверь командовал

артиллерией. Алевиз Фрязин занимался изготовлением пороха на своем дворе, располагавшемся на Успенском Вражке (между Тверской и Никитской улицами). В 1531 году здесь произошла трагедия: «Загорелся внезапно зелье пушечное... делали бо его на том дворе градские люди, и згореша делателей тех от зелья того в один час более двюсот человек»⁸².

Летописи сообщают, что в 1488 году мастер Павлин Фрязин Дебосис (итальянец Паоло де Боссе) отлил «пушку большую». Орудие, изготовленное тремя годами ранее мастером Яковом, не имело литейных швов, а его дуло завершалось раструбом. В Западной Европе такие пушки появляются около 1480 года как результат прогресса в литейном деле. Как видим, пушечных дел мастера далекой Московии не сильно отставали от лучших европейских литейщиков, работавших при дворе германского императора Максимилиана. (Любопытно, что пушка де Боссе, судя по ее изображению в Лицевом летописном своде, имела швы, то есть не была цельнолитой⁸³.)

Немец Кашпир Ганусов в 1554 году изготовил мортиру, чей вес превышал 19 тонн, а стреляла она ядрами весом в 320 килограммов. В 1563 году это гигантское орудие участвовало в осаде Полоцка, во время которой ядра русских пушек, пробивая одну стену замка, долетали до другой.

Учеником Ганусова был прославленный Андрей Чохов. Первая из известных его пушек была отлита в 1568 году. Самые крупные, «стенобитные» орудия Чохова носили имена по имевшимся на них изображениям: «Лисица», «Волк», «Троил», «Аспид», «Лев», «Скоропея», «Инрог» (единорог). Это были огромные орудия весом от пяти до семи тонн. Но их превзошла пушка «Царь», на которой было отлито изображение государя на коне. Самое крупное орудие русской артиллерии весит 38 400 килограммов. С Пушечного двора до Красной площади его волокли на катках не менее двухсот лошадей.

Там же лили колокола. В 1533 году Николай Немчин изготовил тысячепудовый колокол-благовестник, который поставили «на деревянной колокольнице». Великий мастер Андрей Чохов также делал колокола, до-

бившись и в этом деле выдающихся успехов. Колокол «Лебедь», отлитый им в 1594 году для Троице-Сергиева монастыря, весил десять тонн, «Годунов» (1598) — более 29 тонн.

Вес самого большого колокола, который Чохов отлил в 1600 году, достигал 64 тонн. Естественно, он получил имя «Царь». Колокол поместили в проеме Воскресенской звонницы. Впрочем, его первенство было недолгим. В середине XVII столетия на смену ему пришел «тезка», отлитый в 1655 году мастером Александром Григорьевым, весом в 128 тонн. Стоит ли говорить, что и этот рекорд был побит потомственными литейщиками Пушечного двора Иваном Федоровичем и Михаилом Ивановичем Маториными, в 1735 году создавшими прославленный колокол, также носивший имя «Царь» и достигший рекордного веса более чем в 200 тонн?

Пушечный двор неоднократно упоминается в иностранных описаниях Москвы и отмечается на ее планах. С 1630-х годов его изображают с двумя литейными башнями. Сохранился подробный «чертеж» Пушечного двора и местности вокруг него, выполненный русскими картографами в середине XVII века: с двумя башнеобразными литейными «амбарами» и большим колодцем с колесом посередине. Двор был окружен каменной стеной с воротами с восточной стороны; на противоположной стороне, у Неглинной, к стене примыкали кузницы, по всем другим сторонам — амбары. В плане Пушечный двор представлял собой неровный четырехугольник со сторонами 88 саженей по южной стене, 82 — по северной, 27 — по восточной и 48 саженей — по западной⁸⁴.

Двор был многолюден. Во второй половине XVI века только в штате Пушкарского приказа состояли 37 мастеров с учениками и подмастерьями. При создании двора Иван III поселил рядом с ним слободу кузнецов, по которой мост через Неглинную получил наименование Кузнецкого. Описи 1620 и 1638 годов свидетельствуют, что за Пушечным двором на Рождественке и поблизости жили кузнецы, пушечные извозчики, литцы, подвясчики (строители лесов и других приспособлений, необходимых для отливки орудий), плотники.

Согласно росписи 1629 года, Пушкарскому приказу подчинялись 479 человек, большинство из них (318 человек) составляли пушкари. Литцов было пятеро, знаменщиков (художников) и резцов — четверо, паникадильных мастеров — восьмеро, паяльщиков — семеро, пушечных учеников — 49, кузнецов — 12, паникадильных учеников — семеро, канатчиков — четверо, плотников и бочарников — семеро, пильников — трое, извозчиков — 12, сторожей — четверо, зеленых и селитренных мастеров — 33. Один человек именовался особым званием «пушечных дел мастер»⁸⁵.

Анисим Михайлович Радишевский был «русским Леонардо» XVII века. Он родился на Воляни, в Остроге, учился у Ивана Федорова и работал в его типографии. Около 1586 года Радишевский перебрался в Москву. Поначалу он работал на Печатном дворе переплетчиком, а в 1603 году возглавил собственную «печатную избу». Изданные им при царе Василии Шуйском «Евангелие» и «Устав, или Око церковное» отличались великолепным качеством печати, изяществом рисунка гравюр, изображавших евангелистов и их символы, а также инициалов («буквиц») — начальных букв. Особенно примечателен «Устав» — самая большая русская старопечатная книга, насчитывающая 1266 листов. Историки книгоиздания полагают, что Радишевский, возможно, сам был и словолитцем, и гравером, и печатником или, по крайней мере, превосходно руководил всеми этими работами, и считают, что издания этого мастера свидетельствуют о качественно новом уровне полиграфического мастерства в России.

После Смуты Радишевский уже не вернулся на Печатный двор. В описи Москвы 1620 года он упоминается как «колокольник». Вскоре Анисим Михайлович получил звание «пушечных дел мастер», которое ни до, ни после него не присваивалось никому другому из служащих Пушечного двора. По-видимому, он являлся своего рода главным инженером первой русской мануфактуры. В 1622 и 1625 годах он выполнял важное поручение царя в Путивле — делал «колодезное и тайничное дело», в 1623-м строил плотину и заводил пруды в дворцовом подмосковном селе Рубцове.

Самым главным достижением Радишевского является создание первого русского научно-технического трактата «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки...». В книге, завершённой в 1620 году, автор подводил итоги предыдущему развитию русской научной мысли, знакомил читателя с трудами западноевропейских инженеров, математиков, физиков и архитекторов. Тематика книги чрезвычайно широка: организация военного дела, тактическая, строевая, осадная, артиллерийская науки, военная инженерия (строительство мостов, наведение переправ), геодезия, химия, физика, металлургия... Несмотря на то, что «Устав» не был напечатан, он распространялся в списках и, несомненно, использовался на Печатном дворе⁸⁶.

Пушкари, служившие вне Пушечного двора, жили в слободе за Сретенскими воротами Белого города. Их ближайшими соседями были печатники, чья слобода находилась за Сретенскими воротами, ближе к городским стенам. Кузнецы ещё со времен Ивана III обитали рядом с Пушечным двором, в непосредственной близости от реки Неглинной, что было вызвано огнеопасным характером их производства. Из Пушкарской слободы через Неглинную был перекинут деревянный мост, получивший наименование Кузнецкого. В 1764 году он был отстроен в камне, а после 1812-го погребен под землей вместе с рекой Неглинной, оставшись в названии улицы, которая в XIX веке прославилась модными французскими магазинами, затмившими память о местных тружениках молота и наковальни.

Пушечный двор располагался между рекой Неглинной и одной из древнейших московских дорог — Рождественкой, названной по монастырю, стоявшему в конце улицы. Впервые Рождественский монастырь упоминается под 1389 годом в летописном сообщении о погребении в нем княгини Марии Кейстутовны (в монашестве Марфы), матери князя Владимира Андреевича Серпуховского Храброго, основательницы обители. Там же завещала себя похоронить и вдова Владимира Андреевича Елена Ольгердовна. Возможно, первоначально монастырь располагался в Кремле и был выведен оттуда при Иване III. В любом случае при описании

пожара 1500 года он упоминается на этом месте. Здесь в 1525-м насильно постригли в монахини несчастную Соломонию Сабурову, неплодную первую супругу великого князя Василия III.

Монастырский собор является одним из древнейших в Москве — он возведен в 1500—1505 годах. Храм сильно пострадал при пожаре 1547 года. Видимо, во время ремонта к нему пристроили южный Никольский придел, увенчанный главкой. В XVII веке к приделу добавили трапезную, вход в которую был с запада, и шатровую колокольню взамен разобранной звонницы. Никольский придел перенесли в церковь Святителя Иоанна Златоуста, возведенную в 1676—1687 годах на месте деревянной. В 1688 году монастырь погорел и патриарх Иоаким пожертвовал сестрам «на строение» 100 рублей. Опись 1701 года упоминает в числе монастырских построек каменные собор, церковь Иоанна Златоуста, колокольню, деревянные кельи и горницы. Всего в обители была 71 монашеская келья⁸⁷.

Неподалеку располагался еще один монастырь, имевший более редкое посвящение, — Варсонофьевский. Согласно преданию, он был основан матерью святого митрополита Филиппа Варварой Колычевой, в иночестве Варсонофией. В XVI—XVII веках тут располагалась скудельница (Убогий или Божий дом) — братское кладбище, на котором хоронили умерших без церковного отпевания, бродяг, иноземцев, казненных. Каменный Вознесенский собор был построен в 1709—1730 годах, а после упразднения монастыря в 1764-м обращен в приходскую церковь. В 1931 году храм был уничтожен. Ныне от Варсонофьевского монастыря сохранилось только наименование переулка между Рождественкой и Лубянской.

От Божьего дома на Рождественке получил наименование и храм Николы Божедомского (известен с 1619 года), находящийся на противоположной стороне улицы. Другое его наименование — «в Звонарях» — напоминает о существовании здесь слободы кремлевских звонарей, по соседству с Кузнецкой, также находившейся на левой стороне Рождественки, на склоне, уходящем к реке Неглинной.

Петровка, Дмитровка, Тверская

Освоение северо-западной части посада — Занеглименя, как было установлено во время раскопок на Манежной площади в 1993—1997 годах, началось еще в домонгольскую эпоху. Застройка этого района формировалась вокруг радиальных улиц-дорог, сходящихся к переправам (а затем и мостам) через Неглинную. Эти дороги существовали уже в XIV веке. В 1410—1431 годах упоминаются Тверская и Можайская дороги, в 1475-м — Арбат, в 1486-м — Волоцкая (будущая Никитская) улица, в 1504-м — Юрьевская дорога (впоследствии — Дмитровка). Уже в XVI столетии в этой части Москвы появляются дворы знати, а к концу XVII века большинство дворов на основных улицах Занеглименя принадлежало боярам и дворянам, служившим по «московскому списку».

Петровка, шедшая почти параллельно реке Неглинной, получила название по Высокопетровскому монастырю, располагавшемуся в конце улицы у ворот Белого города, которые также именовались Петровскими. Московское предание связывает основание монастыря с митрополитом Петром, чему, однако, нет подтверждения в источниках. Впервые монастырь (вернее, его настоятель архимандрит Иоанн) упоминается в летописи под 1379 годом: «...Се бысть пръвый общему житию начальник на Москве». Таким образом, получается, что Петровский монастырь был первым в Москве общежительным и мог возникнуть еще в середине XIV века. В ранних источниках монастырь упоминается как Петровский, а его современное наименование, которое предание связывает с одним из владений легендарного Кучки — селом Высоким, — появляется позднее. Во время археологических исследований было установлено, что монастырь был поставлен на пустом месте, а не на обжитой территории, а самые ранние слои, в том числе некрополь, относятся к XV столетию. Первоначально монастырский собор был деревянным, а в 1514—1517 годах итальянским архитектором Алевизом Фрязином был создан каменный храм, который сохранился до наших дней, хотя и в перестроенном виде⁸⁸.

В последней трети XVII века Высокопетровский монастырь, посвященный святому патрону царевича Петра Алексеевича, пользовался особым вниманием родичей царицы Натальи Кирилловны. В 1680—1690-х годах на средства царицы и других Нарышкиных в монастыре возвели церкви во имя Боголюбской иконы Божией Матери (1684—1685), преподобного Сергия Радонежского с трапезной (1690—1694), Покрова Богородицы в Святых воротах (1690—1694). Тогда же был построен выходящий фасадом на Петровку корпус Братских келий, богато украшенный наличниками, колонками и карнизами в стиле нарышкинского барокко. Храм Боголюбской иконы Божией Матери стал усыпальницей Нарышкиных. Здесь погребены братья царицы Иван и Афанасий, убитые стрельцами во время бунта 1682 года, ее отец, тогда же насильно постриженный в монахи с именем Киприан, и другие родственники.

Средневековая Петровка в описании москвоведов В. В. Сорокина предстает в следующем виде: «На возвышенной левой стороне у Петровской дороги и образовалась пока односторонняя Петровская улица, по-простонародному — Петровка. Здесь находились дворы знати и была построена приходская церковь Рождества Богородицы. Правая сторона улицы от дороги была пустой, широкой и, спускаясь к реке, становилась поймой, заливаемой в весенние паводки и после больших дождей. У дороги тянулись огороды с небольшими хозяйственными постройками, ниже устраивались пруды для содержания рыбы, а у воды склоняли свои ветви плакучие ивы. На другом противоположном возвышенном берегу реки Неглинной располагалась древняя Кузнецкая слобода, к которой в нескольких местах через реку были перекинута деревянные мосты»⁸⁹.

Неподалеку от Высокопетровского монастыря находился храм Преподобного Сергия Радонежского, именовавшийся «в Серебряниках», а позднее — «в Крапивниках». По-видимому, здесь существовала слобода мастеров-серебряников, однако к XVII веку от нее не осталось и следа. Владения около этой церкви принадлежали в основном дворянам.

Судя по местной топонимике, между Петровкой и Дмитровкой располагалось поселение столешников

(мастеров, изготавливавших скатерти). Их слободским храмом была церковь Рождества Богородицы в Столешниках, упоминаемая еще в грамоте Ивана III 1504 года. В советские годы церковь снесли, но наименование «Столешников переулочек» сохранилось. К середине XVII века владения в этом переулочке также в основном принадлежали не мастерам, а дворянам.

Древняя дорога на Дмитров после строительства стен Белого города оказалась замкнутой в его пределах. В начале Дмитровки на берегу Неглинной находились Мучной, Хлебный и Солодовенный ряды, которые видны на старинных картах Москвы. Позднее на этом месте располагался знаменитый Охотный ряд. Местная церковь была посвящена покровительнице торговли Параскеве Пятнице. Неподалеку от нее, за Мучным рядом, стояла церковь Великомученицы Анастасии Узорешительницы — утешительницы заключенных. Оба храма в документах XVII века именуется также «что у Поль» или «у старых Поль», что может свидетельствовать о их возникновении в те времена, когда здесь было поле, то есть в глубокой древности. Заселение Дмитровской дороги происходило в XV веке. Видимо, тогда же возникла и черная Дмитровская слобода (в XVII столетии она именуется также Дмитровской сотней). Ее продолжала Новая Дмитровская слобода за Тверскими воротами, в Земляном городе. Со временем слово «Дмитровская» отпало и здешняя улица стала просто Новослободской. Дмитровская слобода не имела особой специализации, отсюда и ее наименование по месту расположения.

На левой стороне улицы располагался Георгиевский монастырь, основанный во второй половине XV века. Каменная церковь «святого Егорья на посаде» упоминается еще в духовной грамоте великого князя Василия II (1462). Согласно монастырскому преданию, эту женскую обитель в память об отце основала Феодосия, дочь боярина Юрия (Георгия) Захарьевича Кошкина, родоначальника династии Романовых, тетка будущей царицы Анастасии Романовны. Во всяком случае, в 1498 году монастырь уже существовал. От него произошло древнейшее название Дмитровки — Юрьевская улица, употреблявшееся в источниках XV—XVI веков.

В XVI—XVIII столетиях Георгиевский монастырь служил усыпальницей многих знатных особ, живших неподалеку — на Дмитровке, Тверской и Никитской улицах. В 1949 году при строительстве школы на месте собора было обнаружено монастырское кладбище, на котором найдены — целиком или фрагментарно — 34 надгробия. Эпитафии сообщают имена князей и стольников Вельяминовых, Головиных, Гагариных, Мезецких, Мещерских, Савеловых, Траханиотовых и других представителей знатных родов⁹⁰. В 1683 году здесь упокоился боярин князь Ю. И. Ромодановский, любимец царя Алексея Михайловича, а в 1717-м — его сын, ближайший сподвижник Петра I, грозный глава Преображенского приказа «князь-кесарь» Ф. Ю. Ромодановский.

Совершенно особый статус имела Тверская улица — главная дорога на Тверь и Новгород. Уже в Средние века она приобрела положение самой парадной улицы города, в связи с чем и носила второе наименование — Царская. По Тверской въезжало в Москву большинство западноевропейских посольств, и на ней организовывались их парадные встречи. Например, прибывавшее из Смоленска в 1678 году польско-литовское посольство специально провезли лишних 15 верст вокруг Москвы, чтобы оно въехало в город по Тверской дороге. «По длинной и широкой улице, — пишет находившийся в его составе Б. Таннер, — была расставлена пехота, а на площади — конница, встретившая нас разными приветственными звуками». Тот же автор сообщает, что Тверская и в пределах Земляного города была замощена бревнами, правда, «неудобными для езды в экипажах». За стрельцами и иными служилыми людьми, стоявшими в парадных одеждах вдоль улицы, толпился московский люд, желавший посмотреть на редкое и красивое зрелище — въезд посла со свитой в окружении почетного караула пышно одетых дворян. «Народу вышло на улицы столько, сколько могли они поместить; прочие глядели из окон, с карнизов и с крыш в таком множестве, что я дивился, как под такой массой не развалились дома, выстроенные только из дерева. В числе зрителей было немало и девиц, постаравшихся приукрасить себя для въезда послов», — вспоминал Таннер⁹¹.

К Тверской улице из Воскресенских (Неглиненских, Львиных) ворот Китай-города вел сооруженный в 1602 году каменный мост «з зубцы», под которым была устроена мельница. Планы Москвы конца XVI—XVII века изображают этот мост с пятью (реже — шестью) арками. Он представляется весьма солидным сооружением, гораздо более основательным, чем мост через Неглинную от Троицких ворот Кремля к Куцафьей башне.

За мостом по берегу Неглинной тянулись торговые ряды: с правой стороны — Мучной, Хлебный и Солодовенный, с левой — Обжорный. О последнем историк Москвы А. А. Мартынов пишет: «Здесь были лавки со съестными припасами, приготовленными в пищу, которые тут же и потреблялись простым народом. Из дел Камер-коллегии узнаём, что в харчевнях и пирожных народ теснился с утра до ночи... Печи в иных харчевнях устраивались без труб, а дым выходил из окна. Издревле место это было очень людное»⁹².

Вероятнее всего, харчевников, ранее сидевших «в каменных лавках» на самой Красной площади, «для уличного простору» определили на Неглинную царским указом 1626 года, содержавшим строгое предписание: «...А есть им варить из колодезя, для чистоты выкопав колодезь в горе, к Самопальному ряду, а из Неглиненской воды есть им не варить»⁹³. Мы не знаем, соблюдался ли этот запрет; однако нет сомнений в том, что место было весьма популярным, — при раскопках на Манежной площади на месте Обжорного ряда был обнаружен значительный слой костей животных, которые посетители харчевен, обглодав, бросали под ноги.

В непосредственном соседстве с этим шумным местом находился женский Моисеевский монастырь, который также именовался «у Богаделен» или «у Житной решетки». С другой, северной, стороны к его стенам вплотную подходили дома стрелецкой слободы. Эта обитель имела интересное происхождение и особую специфику. В 1600 году царь Борис Годунов призвал из Пскова трех «стариц-мирян» для устройства в Москве богаделен, согласно «псковскому благочинию». Так был создан монастырь, в богадельне которого содержались «нищие миряне»⁹⁴.

Поставленный в самом центре торговой Москвы, у большой проездной дороги, Моисеевский монастырь задумывался как один из первых в городе центров призра и благотворительности. Первоначально обитель была деревянной, каменный соборный храм во имя Боговидца (пророка) Моисея возвели в середине XVII века. В 1690 году известный зодчий Яков Бухвостов с товарищами выстроил каменные кельи. В 1709 и 1737 годах монастырь сильно пострадал от пожаров, а в 1765-м был упразднен. Спустя 22 года храм и богадельни разобрали, а на месте обители и кладбища появилась Моисеевская площадь.

При раскопках на Манежной площади весной—летом 1995 года некрополь Моисеевского монастыря был вскрыт и исследован. На сравнительно небольшой территории находились более шестисот расположенных в четыре яруса погребений XVII — начала XVIII века, на которые приходилось всего 30 надгробий; останки лежали в деревянных гробах и долбленых колодах, а одно тело было даже завернуто в бересту. Примечательно, что 25 тел оказались мумифицированными. Из общего числа похороненных мужчины составляли лишь треть, поскольку монастырь был женским. По остаткам одежды удалось определить, что один из погребенных был стрельцом, очевидно, жителем соседней стрелецкой слободы. Его внешний облик можно представить по антропологической реконструкции, выполненной Г. В. Лебединской. Ею сделана и реконструкция облика одной из женщин, при этом удалось восстановить даже прическу — косы, уложенные вокруг головы⁹⁵. После исследования останки были перезахоронены на кладбище при церкви Святителя Иннокентия митрополита Московского в Ракитниках. Из некрополя Моисеевского монастыря в собрание Музея археологии Москвы поступила обширная коллекция предметов: 70 нательных крестов, 65 ставившихся в гроб сосудов с миром, шитые покровы, четки, пуговицы, пряжки, бусины.

За Моисеевским монастырем по левой стороне улицы тянулись дворы стрелецкой слободы, а по правой, за торговыми рядами — владения вельмож. В XVII веке на Тверской располагались дворы князей и бояр Д. М. Чер-

касского, В. В. Голицына, Ю. А. Долгорукого, И. Б. Троекурова, Г. Г. Ромодановского и других, многие из которых прославились как крупные государственные или военные деятели.

В середине улицы на правой стороне располагался мужской Воскресенский Высокий монастырь, именованный также «у Золотой решетки». В 1651 году он был отдан под подворье любимого царем Алексеем Михайловичем Саввино-Сторожевского монастыря. В 1691 году здесь был возведен каменный храм во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» с приделом преподобного Саввы Сторожевского. Подворье просуществовало до Октябрьской революции 1917 года. В 1905—1907 годах здесь по проекту архитектора И. С. Кузнецова было построено новое здание в неорусском стиле. Ему посчастливилось уцелеть во время реконструкции Тверской улицы в 1937—1938 годах — подворье пожалели как памятник архитектуры и передвинули на 50 метров вглубь двора.

Между Тверской и Никитской в XVII веке также проживали в основном знатные домовладельцы. Исключения составляют дворы ремесленников и торговцев тяглой Новгородской сотни, находившиеся в конце улицы, неподалеку от Тверских ворот Белого города. Приходской церковью сотни был храм Николая Чудотворца в Гнездниках. Московеды не пришли к единому мнению относительно того, кем были эти загадочные «гнезники» и что они изготавливали — литейные формы или стрелы (стрелы считали «гнездами» — полными колчанами). Другая ремесленная слобода между Тверской и Никитской, также тяглая, именовалась Устюжской полусотней. По-видимому, первоначально жители данных слобод были выходцами из Новгорода и Устюга.

Между Тверской и Никитской располагался Успенский Вражек, известный по упоминанию о взрыве пороха на дворе Алевиза Фрязина в 1531 году. На Вражке еще в XVI веке стояли два храма — Воскресения Словущего и Успения Пресвятой Богородицы. В 1620 году к ним добавился храм Пророка Елисея, сооруженный по распоряжению патриарха Филарета в память об освобождении из плена и окончании русско-польской вой-

ны, поскольку встреча предстоятеля с сыном-царем и московским народом произошла 14 июня, на память пророка Елисея. Храм имел приделы Святого мученика Иустина Философа (1 декабря, в день его памяти, было заключено русско-польское перемирие) и Иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» (в ознаменование радости тюремных сидельцев, освобожденных в честь прибытия владыки в Москву). Ближе к стене Белого города располагалось торговое Шведское подворье, которое начало действовать с 1630 года согласно условиям Столбовского мира (1617). Каменное здание подворья выстроили в 1685 году. Здесь жили не только торговые, но и дипломатические представители Швеции. Аналогичный русский торговый двор в Стокгольме был создан в 1630-х годах.

Опричные земли

При введении опричнины (1565) Иван Грозный первоначально забрал в свой удел часть Москвы от Никитской улицы к югу, вплоть до Москвы-реки, а позднее расширил опричную территорию до Неглинной. Возможно, что уже к середине XVI века западная часть Москвы приобрела социальную и экономическую специфику — здесь располагались многочисленные дворцовые слободы, в том числе и кормовые, и ее выбор Иваном Грозным для своей резиденции и размещения опричников определялся чисто прагматическими причинами.

На этой территории находились четыре крупные радиальные улицы: Никитская, Воздвиженка (Смоленская), Знаменская и Чертольская. Опричная территория простиралась и дальше, на земли позднейшего Земляного города, включая Арбат и Сивцев Вражек, до самой городской окраины — «Дорогомиловского всполия». У Никитской улицы была включена в опричнину только левая сторона. На этих землях, с которых были изгнаны прежние владельцы, поселились опричники: «И в тех улицах велел быти бояром и дворяном и всяким приказным людям, которых государь поймал (взял. —

С. Ш.) в опришнину, а которым в опришнине быти не велел, и тех ис всех улиц велел перевести в иные улицы на посад»⁹⁶.

Никитская улица представляет собой начало древней Волоцкой (на Волок Ламский) дороги. Свое наименование она получила по церкви Великомученика Никиты «у Ямского двора», известной с 1534 года. Вероятно, еще при Иване III здесь, на границах Москвы, был поставлен Ямской двор. В 1582 году боярин Никита Романович Юрьев основал при храме женский монастырь во имя своего святого покровителя. В 1629 году в обители выстроили храм Димитрия Солунского, а в 1680-м — придел Введения во храм Пресвятой Богородицы в соборной церкви.

В 1655 году в обители жили 40 монахинь, а согласно описанию 1701 года — уже 100 «удельных стариц», 29 «безудельных стариц вкладчиц», «вкладчиц» девок и вдов — соответственно 5 и 37, «да безместных стариц 11 человек» (они размещались в деревянных богадельнях)*. В кельях у монахинь обитали также 18 келейниц — вдов и девок. В небольшой обители, какой был Никитский монастырь (его территория представляла собой прямоугольник со сторонами 46×39 сажений), 200 монахинь и белиц умещались, видимо, не без труда. Монастырь не имел вотчин и иных угодий и жил за счет царской руги (содержания) в 240 рублей в год, доставляемых с Житного двора ржи и овса (по 356 четвертей), а также пожертвований⁹⁷.

Сама Никитская улица впервые упоминается в летописи в 1548 году, когда дядя молодого царя Ивана IV князь Михаил Васильевич Глинский, тайно вернувшийся в Москву после неудачной попытки бежать в Литву, был арестован князем П. И. Шуйским во дворе церкви Вознесения Господня «у Хорошие колоколицы». Вероятнее всего, так именовался храм на правой стороне улицы, ближе к Кремлю, ныне известный как

* Число «удельных стариц», по-видимому, не случайно. В 1655 году в Ивановском монастыре также было 100 стариц, не считая игуменьи и девяти «безместных» вкладчиц, столько же обреталось в Страстном (и еще пять «безместных»), а в Алексеевском немногим больше — 103 (см.: Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. 1887. Кн. 3. С. 11—12, 21).

«Малое Вознесение». 13 июля 1560 года от этой церкви начался пожар, во время которого «погорело много дворов»⁹⁸.

В Занеглименье, напротив Кремля, в 1566 году началось строительство Опричного двора. Он был возведен между современными улицами Воздвиженкой, Большой Никитской, Моховой и Романовым переулком. В свою новую резиденцию царь переехал 12 января 1567 года. Ее подробное описание оставлено Штаденем:

«Великий князь приказал снести к западу от крепости на высочайшем холме дворы многих князей, бояр и торговых людей, находившиеся на расстоянии ружейного выстрела по четырехугольнику, и обнести эту площадь стенами высотой в сажень от земли из тесаных камней, две же сажени были из обожженного кирпича. Наверху стены были заострены, без крыши и защитных ходов вокруг, примерно в 130 саженей в длину и столько же в ширину с тремя воротами: одними — на восток, другими — на юг, третьими — на север. Северные ворота находились напротив крепости и были окованы листами железа, покрытого оловом. Внутри — там, где эти ворота открывали и закрывали, — в землю были вбиты два толстых массивных дубовых бревна, в которых были сделаны два больших отверстия, так что через эти массивные бревна можно было протащить или продеть бревно, укрепленное в стене — когда ворота были закрыты — до другой половины стены по правую руку... У этих ворот были установлены два резных и расписных льва — на том месте, где у льва находятся глаза, были вставлены зеркала... Один лев был с раскрытой пастью и смотрел в сторону земщины, другой же смотрел во двор. Между этими двумя львами находился двуглавый черный орел с раскрытыми крыльями, грудью к земщине. В этом дворе были построены три массивных здания, и на каждом сверху на шпиле помещался деревянный выкрашенный в черное двуглавый орел с раскрытыми крыльями, грудью к земщине. От этих особых главных строений шел переход по двору до юго-восточного угла.

Там был построен перед избой и палатой невысокий покой с горницей, вровень с землей; стена здесь была на добрые полсажени ниже на всем протяжении, где

она обрамляла этот покой и горницу, для доступа воздуха и солнца.

Здесь великий князь всегда по утрам или в обед имеет обыкновение есть... Досюда простиралась особая площадь великого князя. Эта площадь была посыпана белым песком высотой в локоть из-за сырости. Южные ворота были небольшие, только чтобы там можно было въехать и выехать. Здесь были построены все приказы, и здесь правили со всех должников и били батогами и плетью до тех пор, пока священник не выносил даров и не ударял в колокола.... На западе ворот не было, а была большая внутренняя площадь, ничем не застроенная. На севере были большие ворота, обитые железными листами, покрытыми оловом; здесь были все кухни, погреба, хлебни и мыльни. На погребах, где хранился различный мед, а в некоторых лежал лед, сверху были построены большие помещения из досок, укрепленных камнями, а все доски насквозь прорезаны в виде листвы. Здесь вывешивали всех зверей, рыб, большей частью происходивших из Каспийского моря, таких как белуга, *averra* (осетр? — С. III), севрюга и стерлядь. Здесь были небольшие ворота, так чтобы из кухонь, погребов и хлебень в правый двор можно было доставлять еду и питье... Здесь были две лестницы, по которым можно было подняться до больших покоев; одна была напротив восточных ворот. Перед этими лестницами стоял небольшой помост, похожий на четырехугольный стол; на него становился великий князь, садясь на коня или слезая. Опорой этим лестницам служили колонны, на них находились крыша и деревянный свод; на колоннах и на своде была резьба в виде листвы. С лестниц шел свод во все покои вплоть до стены, чтобы великий князь мог пройти по этому переходу из верхних покоев до стены и через нее — в церковь, что находилась перед двором за окружной стеной на востоке. Эта церковь была построена в форме креста и имела фундамент высотой в восемь дубовых бревен от земли и три года стояла непокрытой. При этой церкви висели колокола, которые великий князь наградил и забрал в Великом Новгороде. Другая лестница была по правую сторону, если входить в восточные ворота. Под этими двумя лестницами и переходами пятьсот стрельцов еженощно несли караул в покоях или в палате, в которой великий князь имел обыкновение есть...»⁹⁹

Раскопками, проводившимися на месте Опричного двора, в 1996—2002 годах была вскрыта северная, хозяйственная часть комплекса. Уникальной для Москвы особенностью этой территории является скопление большого количества печей. Даже на крупных боярских дворах располагалось не более трех печей. Здесь же на 900 квадратных метрах найдено десять печей с четырнадцатью топочными камерами, что служит ярким свидетельством существования крупного хозяйственного комплекса, о котором говорит Штаден. Согласно заключению археологов, печи являлись своего рода полевыми кухнями — на них готовили еду в больших железных котлах. Их расположение под открытым небом было вызвано стремлением избежать пожара. Штаден пишет о сотнях стрельцов и служилых людей, которые несли службу на Опричном дворе. Если прибавить к ним проживавших там же царя и свиту, то большие масштабы подготовки становятся очевидными¹⁰⁰. На Опричном дворе также обнаружены многочисленные фрагменты кувшинов и стеклянных изделий, наконечники стрел, пули и другие предметы быта. Редкой находкой является роговая пороховница с изображением мужчины, изготовленная в Западной Европе во второй половине XVI века.

Археологами выявлены следы пожара 1571 года, уничтожившего Опричный двор. По сообщению Генриха Штадена, двор, к большой радости земских, сторел дотла, так что даже расплавились колокола дворцовой церкви. Историк А. Л. Юрганов высказал мнение, что планировка и топография Опричного двора были тесно связаны с религиозно-философскими представлениями царя Ивана Грозного о конце света. По мнению исследователя, гибель Опричного двора в пожаре явилась для царя и его современников свидетельством того, что политика опричнины негодна Богу¹⁰¹.

Историки выдвигали разные предположения о судьбе Опричного двора после упомянутого пожара. Точку в их спорах поставили данные археологии, свидетельствующие о том, что хозяйственный комплекс возродился и продолжал функционировать, хотя и не в таких масштабах, до смерти Ивана Грозного. Видимо, имен-

но здесь царь жил в 1575—1576 годах, когда выехал из Кремля, уступив «великое княжение» Симеону Бекбулатовичу. Возможно также, что бывший Опричный двор стал административным центром «двора» — особой параллельной структуры власти, унаследовавшей традиции опричного управления.

После кончины Ивана Грозного двор оставался в казне. «Пискаревский летописец» сообщает о строительстве нового здания Земского приказа «у мосту, против старого государева двора, где после князь Дмитрий Шуйский жил»¹⁰². Вероятно, брат будущего царя Василия получил это владение при Борисе Годунове. В начале XVII века, скорее всего в царствование Лжедмитрия I, территория бывшей опричной резиденции была пожалована боярину И. Н. Романову и стала называться Романовым двором. По Никитской улице обширное владение протянулось на 40 саженей, по переулку — на 50. Романов двор занимал половину современного квартала по левой стороне Никитской от Моховой до Романова переулка. В настоящее время на этой территории находятся корпуса старого здания Московского университета (в том числе и церковь Святой Татианы), а также доходный дом постройки 1900 года.

Иван Никитич Романов, чудом выживший во время ссылки, был одним из кандидатов на престол в 1613 году. После избрания Земским собором его племянника боярин принимал деятельное участие в управлении государством, в основном на дипломатическом поприще. После его кончины в 1640 году двор отошел к его единственному сыну. Никита Иванович получил боярство в 1645 году, особого влияния на государственные дела не имел, но занимал одно из первых мест при дворе по близкому родству с царем, знатности и богатству. Ему принадлежало более семи тысяч крепостных дворов, в том числе два города.

Роспись вещей боярина Никиты Романова, скончавшегося в 1654 году, занимает более ста страниц — в ней перечислены драгоценности, одежда, посуда (в том числе «солоница» царевича Федора Ивановича, ковши царей Бориса Годунова и Василия Шуйского), иконы и святыни, книги, оружие, конская сбруя, экипажи и дру-

гое имущество бездетного боярина, отошедшее в казну. Из него царь Алексей Михайлович забрал себе деньги и драгоценные камни (алмазы, изумруды, яхонты*, топазы), редкое оружие, в том числе трехствольную пицаль. Патриарху достались тысяча рублей, пуд серебра в слитках, часы и многое другое, включая даже оружие. Своему тестю боярину И. Д. Милославскому государь подарил дубовую ванну, боярину князю Я. К. Черкасскому — «кровать немецкое дело дерево гебан с завесом, завеса тафта зелена». Щедрые пожалования получили слуги покойного боярина и духовенство Знаменской церкви, что «у Романова двора», которое ранее содержалось за счет самого Никиты Ивановича. Впечатляет количество съестных припасов, принадлежавших боярину. Семи стрелецким полкам (3444 человекам) были розданы 21 куль сухарей, 90 кулей толокна, 250 кулей муки, 180 четвертей ржи, 200 четвертей овса, 500 полтей** ветчины. В восемь московских женских монастырей отправили муку, сухари, толокно, горох и другие припасы общим числом 550 четвертей. Кроме того, на помин души Никиты Ивановича были сделаны щедрые раздачи в другие монастыри Москвы, а также тюремным сидельцам¹⁰³. По-видимому, боярину принадлежал и нож с рукоятью из моржового клыка и серебряной обоймицей, изготовленный в конце XVI—XVII веке и найденный во время раскопок на Романовом дворе.

Во время денежной реформы царя Алексея Михайловича на Романовом дворе был создан монетный двор, именовавшийся в документах «новым дворцовым». Как и на Новом Английском, здесь велась чеканка медной монеты. Просуществовал он также недолго — в 1663 году после отказа правительства от медных денег его работа прекратилась. Монетный двор был опечатан и охранялся стрельцами, пока не сгорел. Под слоем пожара оказались погребены следы монетного производства, которые были обнаружены и исследованы во время археологических работ.

Здесь были найдены многочисленные монетные за-

* Яхонт лазоревый (сапфир) и красный (лал, рубин) — драгоценные камни, разновидности корунда.

** Полть — половина туши.

готовки и упавшие и затерявшиеся готовые копейки, обнаружено и немало инструментов — зубил для откалывания заготовок от проволоки и чеканов. Все орудия были сделаны из железа очень плохого качества и потому быстро ломались. Сохранились археологические свидетельства воровства — клады: шесть с отчеканенными копейками, а два — с заготовками (вероятно, последние принадлежали мастерам, имевшим дома чеканы). Семь кладов были спрятаны у стен деревянной постройки, в которой чеканились деньги, а один зарыт с внутренней стороны частокола. Среди производственного мусора нашлись косточки слив и вишен, скорлупа орехов, рыбы хвосты — остатки «перекуса» рабочих. В мусорной куче рядом с постройкой валялись коровьи кости, а на самом дворе — старые лапти, их обрывки, куски ткани, рваные шерстяные носки, стельки. Этот хлам бросался прямо в грязь, через которую положили доски для прохода¹⁰⁴.

После того как денежное производство на Романовом дворе прекратилось, он был передан в ведомство Оружейной палаты «для пушечных и иных розных дел», а также иконописного и «золотного и серебряного дела». При этом южная часть двора с церковью Иконы Божией Матери «Знамение» осталась в собственности государя и в 1671 году была пожалована его тестю К. П. Нарышкину. В 1689—1691 годах брат царицы, глава Посольского приказа боярин Лев Кириллович перестроил церковь в пышной стилистике нарышкинского барокко, сближающей этот храм с другой знаменитой постройкой по заказу Нарышкина — церковью Покрова Богородицы в Филях.

В XVII веке Никитская улица, как и Тверская, была заселена знатными людьми. Из ее жителей следует отметить князя Федора Юрьевича Ромодановского, одного из самых близких к Петру I людей. Царь особо почитал Ромодановского за верность и исполнительность и поручил ему руководство Преображенским приказом, в котором велось следствие по политическим преступлениям. Бывая ежедневно в застенке, князь снимал стресс старинным русским способом. «Пьян по всея дни», — писал о нем князь Б. И. Куракин. Пьянство Ромоданов-

ского возмутило даже Петра, однако князь на упреки царя с достоинством отвечал: «Неколи мне с Ивашкою [Хмельницким] знатца (то есть пьянствовать. — С. III.), всегда в кровях омываемся». Помимо этой важнейшей в государстве должности Ромодановский занимал высшую ступень в шутовской иерархии дружеской компании царя, именуясь «князь-кесарем». Петр соблюдал по отношению к нему видимое почитание: спешил к вороту двора на Никитской, снимал в присутствии Федора Юрьевича шляпу, писал письма с обращением *Sir*. От князя-кесаря Петр принимал военные чины и награды. Помимо этого, Ромодановский исполнял много важных и серьезных поручений царя: управлял Москвой, занимался формированием гвардейских и солдатских полков, возглавлял Боярскую комиссию в Ближней канцелярии, Аптекарский и Сибирский приказы.

На портрете у Ромодановского широкое волевое лицо с длинными на польский манер усами, жесткие глаза — над князем было опасно шутить. Зато сам Федор Юрьевич обладал весьма своеобразным юмором, впрочем, привычным в то грубое время. Согласно свидетельствам современников, при входе в его дом гостей встречал медведь, который подносил входящим чарку водки, тех же, кто отказывался пить, драл.

Дом Ромодановского располагался в приходе храма «Малое Вознесение». На кладбище при этом храме в 1990-х годах было обнаружено надгробие Якова Анисимовича Князева, одного из холопов князя. Сам храм был возведен в 1630-х годах, а затем неоднократно перестраивался и достраивался. До нашего времени дошли и церковь, и шатровая колокольня.

На другой стороне улицы, в переулках по направлению к Воздвиженке (Смоленской), в XVII веке находились дворцовая и патриаршая Кисловские слободы. Их обитатели готовили кислые щи — прохладительный напиток из ржаного и ячменного солода и пшеничной муки, похожий на квас. Дворцовая Кисловская слобода находилась в ведении приказа Царицыной мастерской палаты. Память об этих слободах сохранилась в наименовании местных переулков — Большого, Среднего, Нижнего и Малого Кисловских.

Соседями кислошников были калачники, также трудившиеся на царский обиход. Калачи подавались в обычные и праздничные дни, рассылались духовенству, «всяким чинам», нищим и «тюремным сидельцам». О существовании Калашной слободы напоминает одноименный переулочек, соединяющий Никитскую улицу с Воздвиженкой. Перепись 1638 года упоминает среди местных жителей калачников Федьку Борисова с сыном Гришкой, Мишку Степанова, Савку Иванова, Михалка Екимова с сыном Савкой, а также иных тружеников пищевого цеха: масленика Лукьянку Андреева, хлебника Ивашку Иванова, медовщика Артемку Иванова, блинника Никитку Алексеева, государевых мельников Кирилку Екимова и Трофима Овдокимова, «грешневика» (готовившего запеканки из гречневой каши) Федьку Ильина и др.¹⁰⁵

Улица Воздвиженка, называвшаяся также Смоленской, а иногда и Арбатом, начиналась от Кутафьей башни, замыкавшей мост от Троицких ворот Кремля. Как и Никитская, она возникла в древности и являлась началом дороги на Смоленск. Неподалеку от башни находилась церковь Николая Чудотворца «у Каменного моста». Во время строительства первой очереди Московского метрополитена рабочие наткнулись на кладбище этого храма. В дневнике известного археолога И. Я. Стеллецкого есть запись: «При проходке тоннеля метро через кладбище у башни Кутафьи встреченные погребения не могли, конечно, замедлить темпы работ... Один цельный гроб велел окопать. Пока осматривал другой, первый был растащен крючьями, а череп из него, с волосами, усами, бородой, вызвав огромный интерес, пошел по рукам, пока не исчез бесследно... В шахте № 30, что возле Кутафьи, на глубине 7—8 метров найдено очень интересное погребение: в выдолбленной колоде белый труп, всё сохранилось как следует, только кончик носа поврежден. Ляжки, как у живого. Куски савана (полотно) и толстая подошва...»¹⁰⁶ Рядом с церковью Николая на берегу Неглинной стояли кузницы, за которыми, опять-таки у реки, располагался Аптекарский сад.

Ведал этим садом Аптекарский приказ, созданный в конце XVI века для охраны здоровья царя и членов его

семьи. Позднее пользоваться лекарствами из государственной аптеки получили возможность бояре, а с 1673 года — и все остальные москвичи. Первоначально Аптекарский приказ находился в Кремле, а в 1676 году его перевели на Воздвиженку, на двор боярина Ивана Богдановича Милославского, где был выстроен комплекс каменных зданий, получивший название Нового Аптекарского двора. Там не только составляли лекарства, но и врач вел осмотр в «дохторской палате», а также жили сами лекари и фармацевты. До настоящего времени сохранилась двустолпная Трапезная палата приказа со сводчатыми перекрытиями, поставленная на подклет из трех белокаменных погребов.

Здание Трапезной палаты выходит в современный Староваганьковский переулочек, получивший свое наименование от села Ваганькова. В московедческой литературе это название обычно связывается с глаголом «ваганить» — играть, что якобы свидетельствует о существовании здесь слободы скоморохов. С. К. Романюк выдвинул другое объяснение: денежный налог за взвешивание товара назывался «ваганным», а место его взимания могло именоваться Ваганьковым. Правда, тот же исследователь отмечает, что в XVII веке Ваганьково служило местом публичных увеселений, и приводит текст указа царя Михаила Федоровича 1627 года: «...Чтоб вперед за Старое Ваганково никакие люди не сходились на безделицу николи; а будет учнут ослушаться и учнут на безлепицу ходить, и Государь указал тех людей имать и за ослушание бить кнутом по торгам... и о том память послана, чтоб на безлепицу за Ваганково с кабацким питьем не въезжали»¹⁰⁷.

Впервые эта местность упоминается в летописи под 1446 годом, когда великий князь Василий II «ста на дворе матери своеа за городом на Ваганкове». Следовательно, в первой половине XV века здесь существовал загородный двор великой княгини Софьи Витовтовны. Документы XVII столетия упоминают о трех церквях на Старом Ваганькове — Благовещения (построена в камне при Василии III Алевизом Фрязином), Живоначальной Троицы и Николая Чудотворца. В приходе последней находился двор боярина князя Ивана Ивановича

Шуйского, младшего брата царя Василия и последнего представителя знаменитого рода. По владению князя нынешний Староваганьковский переулок назывался Шуйским.

За Аптекарским двором находился Воздвиженский мужской монастырь, давший наименование улице. Время его основания неизвестно. Кирпичный соборный храм был выстроен в 1550-х годах. В начале XVIII века собор сильно обветшал и был перестроен в редкой для Москвы стилистике, близкой к украинскому барокко. После французского нашествия и пожара Москвы монастырь был упразднен, а собор обращен в приходскую церковь. В 1934 году его разрушили.

По составу домовладельцев Воздвиженка не сильно отличалась от Никитской и Тверской. Уже в XVI веке здесь жило немало аристократов. Во время пожара 18 апреля 1564 года сгорели дворы царского шурина князя Михаила Темрюковича Черкасского, князя Семена Палецкого, церковь Димитрия Солунского и иные строения, располагавшиеся в начале улицы. Опись 1638 года упоминает среди ее жителей боярина Б. И. Морозова, управлявшего государством при юном царе Алексее Михайловиче, окольных В. И. и Ф. С. Стрешневых, судью Пушкарского приказа П. Т. Траханиотова, убитого во время московского восстания 1648 года за многочисленные злоупотребления¹⁰⁸.

Последние две улицы в юго-западной части Белого города, Знаменка и Чертольская, шли от Боровицких ворот Кремля, где также был перекинут мост через реку Неглинную, рядом с которым был создан Лебяжий пруд, где выращивали птиц для царского стола. Слева в начале Знаменки располагалась стрелецкая слобода с церковью Николая Чудотворца «Стрелецкого» (на левой стороне улицы), справа стоял храм Михаила Малеина, святого патрона царя Михаила Федоровича, вероятно, в правление этого государя и выстроенный. Сама улица получила название по существовавшей, по-видимому, еще в XVI веке церкви Иконы Божией Матери «Знамение». В 1948 году во время строительных работ в районе этого храма был обнаружен белокаменный саркофаг с женскими останками. В собрание Музея Москвы

поступили фрагмент крышки этого саркофага и женский головной убор из погребения — волосник, шитый золотыми нитями, с изображениями мирового древа и единорогов. По части сохранившейся эпитафии можно предположительно реконструировать ее текст и установить имя женщины, скончавшейся в 1603 году: Мария, супруга «мутьянского воеводича» Радула (выходца из молдавских феодалов), дочь окольного Афанасия Федоровича Нагого, в постриге нареченная Александрой¹⁰⁹.

Чертольская улица получила название от ручья Черторый, бравшего начало из Патриаршего пруда, текшего за стеной Белого города и впадавшего в Москву-реку за Алексеевским женским монастырем. Благочестивый царь Алексей Михайлович счел наименование, созвучное слову «черт», неприемлемым и в 1658 году указал переименовать улицу в Пречистенскую в честь Смоленской иконы Божией Матери («Пречистой»), находившейся в Новодевичьем монастыре, к которому вела эта улица.

Еще с XIV века берега реки Москвы к западу от Кремля использовались для выпаса великокняжеских лошадей и заготовки сена, чем объясняется расположение в более поздние времена между Знаменкой и Пречистенкой государевых конюшен и Колымажного двора (на нем хранились царские экипажи). Другие конюшни и Конюшенные слободы располагались чуть дальше, в Земляном городе. Возведенная на Колымажном дворе церковь Священномученика Антипия, одна из древнейших в Москве, датируется первой половиной столетия.

В самом конце Пречистенки, на левой стороне, находились два храма, связанных с чудотворными иконами из Ржева — Параскевы Пятницы и Божией Матери. К стене Белого города примыкали дворы Ржевской сотни. Непонятно, происходит ли это наименование от храмов в честь ржевских икон или поселения выходцев из Ржева предшествовали церковному строительству.

Справа, у самой стены (до ее постройки — на берегу реки Москвы), находился женский Алексеевский монастырь. Он был основан около 1360 года святителем Алексием митрополитом Московским и его сестрами преподобными Иулианией и Евпраксией и первона-

чально располагался на Остоженке на месте позднейшего Зачатьевского монастыря. Иулиания стала его первой игуменьей. В 1514 году Алевиз Фрязин выстроил здесь по велению Василия III каменную церковь во имя преподобного Алексия человека Божия. В 1547 году (по другим данным — в 1514 или 1571-м) после пожара Москвы монастырь перенесли на урочище Чертолье, ближе к Кремлю. Обитель вновь пострадала от пожара в 1629 году и была восстановлена в 1634-м. В 1655 году в монастыре было 100 стариц (сакральное «круглое» число), в 1712-м — 187.

Глиняные холмы Заяузья

Укрепления Земляного города замкнули кольцо вокруг полукольца стен Белого города, придав городу завершенный вид окружности с расходящимися от центра лучами радиальных дорог. Самая значительная по площади территория Земляного города включила в себя наибольшее количество слобод, придав этому району определенную социальную специфику. Здесь уже гораздо реже селились дворяне, а дома, принадлежавшие ремесленникам, а также стрельцам и иным служилым людям «по прибору», были, как и большинство храмов, по преимуществу деревянными. Каменные церкви стали появляться в Земляном городе во второй половине XVII века.

Заяузь было освоено еще в домонгольский период. Московское предание связывало первоначальное расположение древнего города с одной из местных возвышенностей — Таганним холмом (он также именовался Швивой или Вшивой горкой), чего не исключали и историки Москвы. Первые стационарные археологические раскопки, проводившиеся здесь в 1946—1947 годах под руководством М. Г. Рабиновича, доказали ошибочность этого суждения. Было установлено, что у подножия холма, в местности, носившей название Пристанище, располагалась пристань на Яузе. Вершину холма венчала церковь Никиты Великомученика, впервые упоминаемая в 1476 году. В 1533 и 1595 годах храм был построен

в камне (второй раз — на средства купца Саввы Емельяновича Вагина) и перестроен в 1684—1685 годах, тогда же возведена колокольня. Вокруг храма и развернулись археологические работы.

Были обнаружены многочисленные следы гончарного производства. Память о существовавшей здесь в XV—XVII веках Гончарной слободе сохранила и местная топонимика — у устья Яузы находятся Гончарные переулки, Гончарная набережная. Слободским храмом была церковь Успения Богородицы в Гончарах, с великолепными изразцами и изразцовыми же рельефными фигурами четырех евангелистов, выполненными прославленным мастером Степаном Полубесом. Другую слободскую церковь, Воскресения Христова, украшали не менее интересные изразцы с сюжетами осады польско-литовским войском Троице-Сергиева монастыря в Смутное время, а на изразцах круглой формы были изображены двуглавые орлы. Гончарная слобода занимала склоны и подножия Таганского холма, простираясь вдоль Москвы-реки вплоть до устья Яузы. На склонах располагались горны для обжига изделий, в стороне — мастерские и дома.

Археологи исследовали гончарный горн, яму для бракованной посуды (в ней обнаружено множество черепков, в том числе с клеймом мастерской — крест в круге — на днище), глиняные игрушки и изразцы. Эти находки ученые датировали XVII веком. К тому же времени относится и развал печи, облицованной всеми существовавшими тогда видами изразцов: красными с индивидуальными рисунками и фрагментами общей композиции, муравлеными (покрытыми зеленой прозрачной глазурью) с изображениями птиц, «ценинными» (глазурованными многоцветными и рельефными) с растительным орнаментом. Эта печь в жилом доме в Гончарной слободе, по-видимому, демонстрировала возможности местных мастеров¹¹⁰.

Помимо гончаров в Заяузье, ограниченном двумя реками, жили и работали другие ремесленники, чьи производства были связаны с применением открытого огня, поскольку заниматься ими здесь было наименее опасно. Рядом с Гончарной слободой находились

План Москвы изображает город с высоты птичьего полета, благодаря чему отчетливо видна его структура. М. Мериан. 1638 г.

Кузнецкая, Котельная и Таганная (Таганская). В XVII веке они также были дворцовыми. Их приходские храмы — Николы в Кузнецах, Николы в Котельниках, Космы и Дамиана на Вшивой горке и одноименный в Старых Кузнецах — были посвящены святым, считавшимся покровителями кузнечного дела. Мастера Котельной и Таганной слобод делали котлы, таганы (треножные подставки либо котлы на ножках), кумганы (большие кувшины с узким горлом и узким изогнутым носиком, использовавшиеся для умывания) и другую металлическую посуду. Жили здесь и оружейники. При раскопках М. Г. Рабиновича было обнаружено погребение скончавшегося в 1596 году кольчужника Григория Дмитриева сына¹¹¹. Согласно переписи Москвы 1638 года, в соседней Семеновской черной слободе (получила название по храму Симеона Столпника за Яузой, сохранившемся до наших дней) жили бронники. Их соседями по слободе опись называет портного, «оловеничника», денежного мастера, мельника, серебряного мастера, подмастерья каменного дела, мясника, солодовника, сапожников, батырщика, кузнеца печатного дела, пирожника, печника и иных мастеров. Напротив, в Котельной слободе, обитали, судя по описи, исключительно котельники, а в Кузнецкой преобладали кузнецы¹¹². При Иване Грозном рядом с Таганной слободой, в местности, известной как Болвановка, существовала московская Иноземная слобода.

В XVII веке наряду с ремесленными слободами в Заязье существовала еще и стрелецкая, насчитывавшая в 1699 году 198 дворов «жилых и пустых». Стрелецкая слобода соседствовала с Гончарной и Котельной, а ее слободским храмом была церковь Спаса Всемилостивого в Чигасах, имевшая древнюю историю. Под 1483 годом летопись сообщает: «...заложил церковь кирпичную Спас святых за Яузою игумен Чигас». В 1480-х годах храм был расписан великим Дионисием, но в московском пожаре 1547 года фрески погибли. Когда прекратил существование Чигасов монастырь, неизвестно, но с 1625 года церковь Спаса упоминается как приходская. И сам храм, и его приход в XVIII веке славились богатством, о чем гласит народная песня:

У Спаса в Чигасах, за Яузою,
Живут мужики богатые,
Гребут золото лопатами,
Чисто серебро лукошками.
Слава!

Бараши, огородники, пушкари, печатники

Восточная и северо-восточная части Земляного города, протянувшиеся между реками Неглинной и Яузой, занимали более обширное пространство, нежели компактное Заяузье, и, соответственно, отличались большей пестротой профессионального и социального состава жителей. Всего на этой территории насчитывалось 14 слобод: четыре стрелецких, семь дворцовых, Пушкарская, Иноземная и черная.

Сразу за Яузскими воротами Белого города, на берегу Яузы находились Кошельная и Денежная слободы. В Денежной слободе жили мастера монетного дела и ювелиры, о чем свидетельствует наименование слободского храма — Троицы в Серебряниках. Сложнее ответить на вопрос о происхождении наименования Кошельной слободы и занятиях ее жителей. Ремесленники, изготавливавшие кошель, неоднократно упоминаются в документах XVII века. Возможно, эти мастера и населяли Кошельную слободу. Но, по другой версии, кошельниками могли называть рыбаков, ловивших в подмосковных селах рыбу и доставлявших ее на дворцовую кухню в особых садках-«кошелях»¹¹³.

Местность к востоку от Денежной слободы с XIV века именовалась Воронцовым Полем или просто Воронцовым. Историки Москвы связывают это наименование с прозвищем владельца — боярина Федора Васильевича Воронца из рода Вельяминовых, жившего в эпоху Дмитрия Донского. При Иване III эти земли уже принадлежали великому князю. По велению Василия III Алевиз Фрязин возвел здесь церковь Благовещения, более известную впоследствии по приделу Пророка Илии. В XVII веке на Воронцовом Поле находилось целых пять слобод — две стрелецких, Садовничья, тяглая Воронцовская и Иноземная. Постепенно стрельцы вытеснили

других жителей, и в 1699 году в приходе церкви Благовещения им принадлежали 302 двора из 317. За стеной Белого города был еще один «стрелецкий» храм — церковь Николая Чудотворца в Воробине (Воробьине), получившая наименование от полка Даниилы Воробина (уничтожена в 1932 году).

Между Покровкой и Воронцовым Полем располагались две крупные дворцовые слободы — Казенная и Барашевская. В конце XV — начале XVI века на месте Казенной была «слободка княж Васильевская Ромодановского», которая в 1504 году перешла во владение великого князя Ивана III.

Население Казенной слободы составляли дворцовые служители и ремесленники, подведомственные Казенному приказу. Перепись 1620 года в числе ее жителей упоминает холщевников, кузнецов, калачников, красильников, сапожников, хлебников, мясника, сермяжника, плотника, рукавичника, шапочника, седельника, бочарника и других мастеров. Слобода протянулась от Воронцова Поля до Покровских ворот. На одном ее конце располагалась церковь Апостола Иакова Зеведеева, на другом — Усекновения главы Иоанна Предтечи. В 1699 году приходы обоих храмов насчитывали 216 дворов, в том числе 93 двора составляли владения жителей Казенной слободы¹¹⁴.

Барашевская или Барашская слобода была населена барашами — дворцовыми служителями, которые в походах ставили шатры, занимались их изготовлением и ремонтом, а также, по-видимому, обивкой стен тканями. Слобода возникла еще до Смутного времени, поскольку в 1615 году правительство разыскивало ее жителей даже в Перми, ибо сказывался недостаток людей, способных исполнять «шатерную службу». В 1632 году в слободе было 69 дворов, в 1638-м — 163, в 1679-м — 183. К концу столетия эта слобода утратила свою специализацию: в 1699 году в приходах храмов Введения во храм Пресвятой Богородицы в Барашах и Воскресения Словущего в Барашах была ровно сотня дворов, из которых один принадлежал шатернику, а пять — барашам¹¹⁵.

Оба храма Барашевской слободы сохранились до наших дней. В 1476 году здесь существовала церковь

Илии Пророка «под сосенками». К 1620 году она стала приделом храма Введения во храм Пресвятой Богородицы, каменное здание которого было возведено в 1647—1653 годах, а в 1688—1701 годах перестроено в стилистике московского барокко: окна украшены наличниками с колонками и замысловатыми гребнями, стены завершаются наличниками, восьмигранный барабан единственной главы — граненой главкой. В трапезной находятся два придела — северный во имя Илии Пророка и южный во имя Лонгина Сотника. В 1660-х годах священник Введенской церкви Иван Фомин на свои средства устроил школу при храме.

Церковь Воскресения Словущего в Барашах известна с XVI века. В 1652 году ее выстроили в камне, а современное здание возвели в XVIII столетии, включив в него нижний ярус более древнего храма. С 1769 года церковь имела приделы Захарии и Елисаветы и Мученика Себастиана: первый — в честь святой покровительницы императрицы Елизаветы Петровны, а второй — в честь святого, память которого отмечалась в день рождения государыни. Тогда же главу храма украсили императорской короной, что породило легенду о том, что в нем Елизавета Петровна венчалась с графом А. Г. Разумовским.

Барашевская слобода примыкала к Покровке. Между Покровкой и следующей радиальной улицей, Мясницкой, располагалась еще одна дворовая слобода — Огородная, где жили царские огородники и находились сами огороды, на которых в парниках («содилках») выращивали даже арбузы и дыни. По описи 1638 года в слободе было 212 дворов «разных чинов людей»; причем из 267 учтенных жильцов 260 человек имели оружие, в том числе 136 — пищали¹¹⁶. В 1679 году в слободе насчитывалось уже 373 двора.

Как и Барашевская слобода, Огородная имела два храма — Трех Святителей (впервые упоминается в 1635 году) и Харитона Исповедника (известна с 1618 года, в 1652-м выстроена в камне), к названиям которых прибавлялось «в Огородниках». Церковь Харитона упоминается в «Евгении Онегине»: именно здесь, «у Харитонья в переулке», А. С. Пушкин поселил семью Лариных. В этих местах прошло раннее детство самого поэта.

На Сретенке в пределах Земляного города располагались четыре слободы, из которых самой крупной была Пушкарская. По описи 1638 года она насчитывала 204 двора пушкарей и работников Пушечного двора — пушечных мастеров, литцов, учеников, колокольников, паникадильных мастеров, плотников, канатных мастеров, зелейщиков и зелейных учеников и т. д. Их приходским храмом была церковь Сергия Радонежского в Пушкарях (выстроена в камне в 1689 году). Когда из нее совершался крестный ход на Неглиненский пруд, пушкари салютовали залпами из орудий. В 1699 году в ее приходе было 124 двора, из которых 103 принадлежали пушкарям. Примечательно, что более чем за полвека количество пушкарских дворов в этом приходе не изменилось: в описи 1638 года говорится о 102 дворах. Был в слободе и другой храм — во имя Спаса Преображения, приход которого включал 218 пушкарских дворов.

Соседями пушкарей были работники Печатного двора, приходской храм которых — Успения в Печатниках (известен с 1625 года, современное здание построено в 1695-м) — сохранился до нашего времени. По описи 1638 года в слободе насчитывалось 76 дворов. Помимо печатников здесь жили дворяне, приказные иноземцы (греки, немцы, литвин и татарин), царские мастера, торговые люди¹¹⁷.

Ближе к Сретенским воротам Земляного города находилась черная Панкратьевская слобода, получившая наименование по храму Священномученика Панкратия. Кроме ремесленников разных специальностей в 1638 году здесь жили служилые люди — казаки. По другую сторону Сретенки, также у стены Земляного города, существовала стрелецкая слобода. В 1657 году командиром размещавшегося здесь стрелецкого полка был Василий Пушечников, и слободской храм именовался церковью Троицы, что «в Васильеве приказе Пушечникова», а также «в Листах». Эта церковь, возведенная в 1651—1661 годах, сохранилась до нашего времени. На ее строительство из приказа Большого дворца в 1657 году было заимообразно выделено 150 тысяч кирпичей. Отдать этот долг стрельцы не торопились либо не могли, и царь Алексей Михайлович распорядился его

простить «за поимание и привод в Москву бунтовщика Стеньки Разина с товарищами». После ликвидации стрелецких полков в 1699 году храм получал государственное содержание — ругу, однако было предписано: «...давать сполна, покамест вместо стрельцов иных чинов люди будут на их местах жить, а того смотреть накрепко, чтоб той дач при прямых прихожанах не было»¹¹⁸.

С 1685/86 года полком командовал стольник Лаврентий Панкратьевич Сухарев. Во время противостояния Петра I с сестрой-царевной Софьей в 1689 году Сухарев со своим полком одним из первых перешел на сторону молодого государя. Согласно московскому преданию, Петр распорядился в знак признательности за поддержку возвести на месте Сретенских ворот Земляного города башню с часами и наречь ее именем полковника. На самом деле возведенная в 1692—1695 годах башня, великолепный памятник гражданской архитектуры XVII века, получила название Сухаревой по общепринятой традиции называть храмы и местности по фамилиям стрелецких командиров.

За Сретенскими воротами Земляного города в 1670—1671 годах была создана Мещанская слобода, заселенная выходцами из белорусских городов и селений, вывезенных в Москву во время русско-польской войны 1654—1667 годов. Их называли мещанами, то есть горожанами (от белорусского «место» — город). Здесь жили белорусы, украинцы, поляки, евреи. Жители слободы подчинялись Посольскому приказу, имели выборное самоуправление и ряд налоговых привилегий, занимались ремеслами и торговлей. Особо славились своим искусством белорусские изразцовые мастера, которые принесли в Россию новые технические приемы. В 1672 году в слободе построили церковь Адриана и Наталии.

С Мещанской слободой соседствовала Троицкая, принадлежавшая Троице-Сергиеву монастырю. Слободской храм Святой Троицы был освящен в 1632 году. В приходе этого храма в 1718 году поселился сержант Александр Петрович Пушкин, прадед поэта. Судьба его была трагичной: в припадке ревности или сумасшествия он зарезал супругу Евдокию Ивановну (урожденную Головину), был арестован и умер в тюрьме.

Троицкая слобода находилась на высоком правом берегу Неглинной, и ныне ее храм (возведен к 1696 году) возвышается над Самотечной площадью. В Средние века здесь существовал Самотечный пруд, на который в праздник Крещения Господня приходили окунуться в прорубь священники церкви Святого Сергия Радонежского и ее прихожане-пушкарки. На Самотеку река поступала из «трубы», в которую была заключена под стеной Белого города. Это гидротехническое сооружение и дало здешней местности наименование Труба, позднее — Трубная площадь и Трубная улица.

С другой стороны Неглинной, за стеной Белого города, на Трубе, находился Лубяной торг. Олеарий описывает его таким образом: «В этой части находится лесной рынок и вышеназванный рынок домов, где можно купить дом и получить его готово отстроенным [для установки] в другой части города через два дня: балки уже пригнаны друг к другу, и остается только сложить их и законопатить щели мхом»¹¹⁹. Иностранцы справедливо замечали, что существование такого торгового места было связано с частыми пожарами, опустошавшими Москву.

Дворцовые слободы Занеглименья

Земли по другую сторону Неглинной, в северной части Земляного города, имели много общего с вышеназванными территориями. Здесь также была чересполосица военных, дворцовых, тяглых и иноземных слобод. Одной из крупнейших в этом районе была Бронная слобода, память о которой сохранилась в наименовании современных Малой и Большой Бронных улиц. В ней обитали мастера-оружейники, работавшие на нужды царского дворца. Слобода являлась одной из старейших в Москве — возникла на рубеже XV—XVI веков — и сохраняла свой уклад и подведомственность Оружейной палате до конца XVII столетия. Она была довольно крупной: по переписи 1638 года здесь находилось 328 дворов; в 1665-м — 224, из которых 41 пустовал.

Приходским храмом Бронной слободы была церковь

Иоанна Богослова, каменное здание которой было выстроено в 1652 году, а в 1662—1665 годах перестроено и сохранилось до наших дней. Эта церковь знаменита тем, что при ней существовала одна из первых в Москве школ. Второй приходской храм — Рождества Христова — именовался «в Старых Палачах», а впоследствии «в Старых Палашах», отчего и близлежащий переулочек получил название Палашевского. Версия о том, что здесь жили мастера, изготавливавшие прямые кавалерийские сабли — палаши, явно несостоятельна, поскольку в документах XVII—XVIII веков встречается только один вариант — «в Старых Палачах». Несмотря на сомнения москвоведов, следует признать, что здесь располагалась слобода палачей, но к XVII веку она прекратила свое существование — ни одного представителя этой профессии в приходе храма Рождества Христова не встречается.

О московских палачах в источниках сохранились разрозненные свидетельства. Известно надгробие палача Марка Никитина (XVI век). В переписях Москвы также встречается упоминание о палачах, которые, правда, именуются «наплечными мастерами». Так, на Рождественке в 1620 году находился двор «наплечного мастера» Ивашки Варфоломеева. Любопытно также указание лейб-медика царя Алексея Михайловича, англичанина С. Коллинса: «Должность палача наследственна, и он учит детей своих сечь кожаные мешки». Существование слободы палачей допускали такие знатоки древней Москвы, как А. А. Мартынов, И. М. Снегирев и П. В. Сытин¹²⁰.

С восточной стороны к Бронной слободе примыкала Патриаршая. Святой патриарх Гермоген выстроил здесь церковь во имя своего покровителя — священномученика Ермолая, давшую название современному Ермолаевскому переулку. В 1683—1684 годах при патриархе Иоакиме здесь были вырыты три пруда, которые получили наименование Патриарших. Позднее два из них были засыпаны, однако древнее наименование сохранилось и по сей день. К Патриаршим прудам примыкала местность с красноречивым названием Козье Болото. Там был исток крупнейшего московского ручья — Черторыя, протекавшего под стеной Белого го-

рода и впадавшего в Москву-реку. Притоком Черторья была речка Сивка, промывшая Сивцев Вражек.

Эти земли, протянувшиеся на западе Москвы от Патриарших прудов и верхнего течения Черторья, были заняты по преимуществу дворцовыми слободами. Значительную часть из них составляли кормовые слободы, жители которых обеспечивали изобилие царского стола. Кормовые слободы занимали всё пространство между Никитской улицей и Арбатом (Смоленской). Память о них сохранили современные наименования переулков: Хлебный, Столовый, Ножевой, Скатертный, — а также Поварская улица. Переписи Москвы XVII века демонстрируют все разнообразие специальностей местных жителей: в 1668 году здесь обитали повара, сытники, хлебники, уксусники, помясы (мясники), винокуры, браговары, куретники, коровники, пивовары... Ножевники, скатертники и бочары занимались посудой и кухонной утварью. Бок о бок с ними проживало немало других дворцовых служителей: истопники, ключники, сторожа, сокольники, дрововозы, певчие. Среди них упоминается «накрачей» Иван Григорьев сын Кузовлев — музыкант, игравший на накрах (керамических литаврах)¹²¹. Ведал жителями кормовых слобод приказ Большого дворца, в составе которого находились Сытный, Кормовой и Хлебный дворцы. В 1701 году в нем служили 532 человека, в том числе 69 поваров и столько же хлебников, 44 помяса, 22 уксусника, восемь коровников, семь кислошников, девять куретников, четыре винокура, шесть браговаров, восемь квасоваров и др.

Рядом с кормовыми слободами находились и другие поселения дворцовых служителей. Так, современный Трубниковский переулок, протянувшийся от Арбата от Большой Никитской улицы, обязан своим происхождением Трубничьей слободе. Чем занимались населявшие ее трубники, также не вполне ясно. А. А. Мартынов полагал, что они были печниками, чистильщиками труб. С ним был согласен и П. В. Сытин, писавший, что здесь жили не только печники и трубочисты, но также «мастера казенных соляных варниц в XVII в. на Девичьем поле, выкачивавшие трубами раствор соли из земли». Таким образом, ученый свел в одну слободу одинаково

называвшихся мастеров разных специальностей. Но существовало и другое значение слова «трубник» — трубач. Описывая индийских бояр, Афанасий Никитин писал: «А все их носят на кровати своей на серебряных, да пред ними водят кони в снастях золотых до 20; а на конех за ними 300 человек, а пеших пятьсот человек, да трубников 10 человек, да нагарников (это уже упоминавшиеся выше накрачеи. — *С. III*) 10 человек, да свирелников 10 человек». Трубники, места обитания которых встречаются в переписи 1665 года по соседству с двором накрачея Кузовлева, вполне могли быть царскими трубачами. Здесь же находился и «двор государев съезжий трубного ученья». Надо ли было учить трубочистов? Скорее всего, двор предназначался для подготовки музыкантов-трубачей¹²².

Неподалеку от Трубничьей слободы находились царские Кречетный и Псаренный дворы, обслуживавшие государеву охоту. Местная церковь во имя Иоанна Предтечи «у Кречетного двора» впервые упоминается как каменная в 1657 году (ныне на ее месте располагается Дом Морфлота, выходящий на угол Нового Арбата и Новинского бульвара). Трубничью слободу окружали три стрелецкие слободы, а еще три были размещены в южной части Земляного города, у Арбатских и Чертольских (Пречистенских) ворот. Такая концентрация стрелецких слобод на западе столицы объясняется тем, что в XVII веке западное направление считалось более опасным, нежели восточное.

За Никитскими воротами Белого города располагался Федоровский мужской монастырь, основанный патриархом Филаретом (в миру Федором Никитичем Романовым) в ознаменование своего освобождения из польского плена. Когда 14 июня 1619 года владыка возвращался в Москву, сын-государь встречал его на Пресне, за стенами города. Далее шествие двигалось по Никитской улице, а духовенство вышло навстречу патриарху крестным ходом у стен Белого города за Никитскими воротами. Видимо, эти обстоятельства и повлияли на выбор места для будущей обители. В память о том, что он находился в заточении в Смоленске, Филарет дал обет устроить мужской монастырь во имя Смоленской

иконы Божией Матери. Новую церковь освятили 1 февраля 1627 года: главный престол — в честь Смоленской иконы Божией Матери, располагавшийся в трапезной придел — во имя преподобного Феодора Студита.

Документы патриаршей канцелярии сообщают, как создавался монастырь: иконописец Назарий Истомина писал для него иконы, завершалась отделка храма, в Сусальном ряду купили подсвечники, в Иконном «променяли» деревянный напрестольный крест. Богослужбные книги поступили в новую обитель из патриаршей домово́й казны и с Печатного двора, а частично были приобретены у торговцев Овощного ряда. В Котельном ряду купили «в церковь сосуды церковные потир, блюда и копые и лжица», укропник медный и два деревянных ковшика, а позднее — два колокола и паникадило; в Железном ряду приобрели крест на Святые ворота. Было куплено также облачение: «ризы миткальные», «оплечье бархателное», «стихарь полотняной», «поручи бархателные», пошиты хоругвь и «пелены комчатые». Плотник Никита Онофриев с товарищами огородил монастырь забором, поставив 50 прясел*. Работы по организации обители проводились с 6 сентября 1626 года по 8 апреля 1627-го. Заключительным аккордом стал сбор братии. Шесть черноризцев «с рухлядью» были переведены сюда из Новоспасского монастыря, а из Симонова монастыря привезли «нищего старца». Обустройство монастыря продолжалось и впоследствии, из патриаршей казны неоднократно выдавались средства на платье, посуду, предметы быта. Так, 6 марта 1629 года старцы купили за восемь денег бадью с веревкой «черпачи вода из колодезя», а 6 августа за пять алтын приобрели «доску сосновую, на чем капусту сечи про братию на шти»¹²³.

От Федоровского монастыря к Арбату тянулась Мاستрюкина улица (Мамстрюков переулок), чье название связано с двором видного деятеля эпохи Смуты и царствования Михаила Федоровича боярина и воеводы князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского (ум. 1651). После кончины боярина владение было продано, а

* З а м е т — здесь: забор из досок, закрепленных горизонтально в пазах вертикальных столбов. П р я с л о — здесь: участок забора от одного столба до другого.

деньги розданы на помин его души. Перепись 1670 года отмечает здесь полтора десятка дворов, один из которых, принадлежащий стольнику Самсону Емельяновичу Бутурлину, находился на месте современного дома 7а по Никитскому бульвару, в котором скончался Н. В. Гоголь¹²⁴. Соседний с этим владением переулочек к XIX веку приобрел более привычное для русского слуха наименование Мерзляковский.

Средневековый Арбат

Арбат впервые называется в летописи в 1475 году, когда в этом районе сгорел двор окольничего Никифора Басенкова, сына Федора Васильевича Басенка, видного деятеля эпохи Василия II. Двор находился напротив Кремля, в районе позднейшей Воздвиженки, которая и в XVII веке часто именовалась Арбатом. Следующее упоминание встречается спустя 18 лет при описании страшного пожара, начавшегося от церкви Николы «на Песку» (так именовался храм в Замоскворечье, позднее получивший название Николы на Берсеневке). Пожар 1493 года, начавшийся от «копеечной свечи», был одним из крупнейших: «...летописец и старые люди сказывают: как Москва стала, таков пожар на Москве не бывал»¹²⁵. Он начался за рекой, потом огонь перекинулся в район Чертолья, охватил Арбат, Занеглименье, Кремль и Великий посад. В числе храмов, пострадавших от пожара, упоминается церковь Бориса и Глеба на Арбате.

В XV—XVI веках Арбатом (Орбатом) называли довольно значительный район в Занеглименье, от самой Неглинной до городских границ, вплоть до Новинского монастыря. Главная улица в этой местности именовалась (в пределах Земляного города) Арбатом, Смоленской и Воздвиженкой. Царский указ 1658 года предписал закрепить за ней название Воздвиженка, однако ее по-прежнему звали Арбатом вплоть до XVIII века, когда две ее части получили разные имена: от Кремля до Арбатской площади у одноименных ворот Белого города протянулась Воздвиженка, далее до границ бывшего Земляного города — Арбат.

Название «Арбат» имеет несколько объяснений. Историк князь М. М. Щербатов полагал, что оно происходит от восточного слова «арба». И. Е. Забелин выводил этот топоним от русского слова «горбат». В. К. Трутовский связывал Арбат и арабское «рабад», «рабат» — предместье. Есть и другие гипотезы, с разной степенью убедительности объясняющие странное название, однако ни одна из них не является окончательной¹²⁶.

В XVII веке к Арбату с обеих сторон примыкали слободы. У начала улицы с правой стороны размещалась черная Арбатская четверть сотни, с левой — дворцовые Иконная и Царицына слободы. Слободские храмы были освящены во имя Воскресения Слоущего (с приделом Апостола Филиппа) и Афанасия и Кирилла Александрийских. Церковное предание гласит, что храм Воскресения в XVI веке находился на загородном дворе митрополита Филиппа (Кольчева), осмелившегося обличать кровавые злодеяния Ивана Грозного и убитого по приказу царя. В источниках эта церковь впервые упоминается в 1631 году в описании Иконной слободы. В 1688 году были выстроены каменный храм и шатровая колокольня. Храм во имя Афанасия и Кирилла Александрийских возвели в XVI веке на подворье Кирилло-Белозерского монастыря. В Смутное время он был сильно разрушен и долго не восстанавливался. В конце XVII столетия было возведено его каменное здание, причем с 1681 года главным являлся престол во имя Спаса Нерукотворного Образа. К наименованию храма в Средние века прибавляли «на Сивцевом Вражке» — река Сивка протекала непосредственно за дворами Царицыной мастерской слободы по линии современного переулка Сивцев Вражек.

Украшением улицы являлась великолепная церковь Николая Явленного на Арбате, построенная в 1600 году «повелением царя и великого князя Бориса Федоровича»¹²⁷. Она была приходской для части стрельцкой слободы, располагавшейся по правую сторону улицы, за дворами черной Арбатской четверти сотни. Одноглавый храм с тремя ярусами кокошников получил посвящение по «явленному» образу Николая Чудотворца. В 1689 году у него появилась каменная шатро-

вая колокольня. В 1696 году патриарх Адриан отпевал в этом храме окольного Ивана Ивановича Чаадаева — видного дипломата, предка «басманного философа» П. Я. Чаадаева. В арбатской стрелецкой слободе стояли еще два храма — Николая Чудотворца и Спаса Преображения, оба именовавшиеся «на Песках». По другую сторону улицы, в дворцовой Плотничьей слободе, находился храм Николы в Плотниках, что дало Арбату еще два наименования: «улица трех Никол» или «улица святого Николая».

За Сивцевым Вражком вплоть до Пречистенки располагались дворы царской Конюшенной слободы. Здесь же стояла церковь Святого Власия, считавшегося покровителем домашней скотины (другой слободской храм был освящен во имя Иоанна Предтечи). Как мы помним, юго-западная часть города издревле была связана с великокняжеским, а затем и царским конюшенным хозяйством.

Низкий правый берег Москвы-реки к западу от Кремля (как и Васильевский луг) в древности был занят покосами, от чего и произошло название этой местности — Остожье, а позднее и улицы Остоженка. В XII—XIII веках по будущей Остоженке шла дорога на Киев (с XIV столетия этот путь пошел по Арбату через Смоленск). В XIV веке местность Остоженки занимало село Семчинское (Семцинское), упоминаемое еще в духовной грамоте Ивана Калиты. Память о нем сохраняла в XVII веке стоявшая на Остоженке церковь Успения Богородицы «в Семьценском селе». Неподалеку от нее на берегу реки у стены Земляного города располагался государев Конюшенный остожный двор. Рядом находились еще две слободы царских конюхов — на Остоженке и за Пречистенскими (Чертольскими) воротами Земляного города.

По обе стороны Пречистенки тянулись дворы двух стрелецких слобод, а за стеной Земляного города — обширная казенная Хамовная слобода, населенная мастерами Хамовского двора, одной из первых московских ткацких мануфактур. Центром слободы была великолепная церковь Николая Чудотворца в Хамовниках, сохранившаяся до наших дней (построена в 1679—

1682 годах). В стрелецких слободах были расквартированы полки Афанасия Ивановича Левшина и Ивана Дмитриевича Зубова. Фамилии этих командиров дали прибавки к наименованиям слободских храмов: Покрова Богородицы в Левшине, иконы Божией Матери «Знамение» и Живоначальной Троицы в Зубове, а в настоящее время они сохранились в названиях Большого и Малого Левшинских переулков, Зубовского бульвара и площади.

Переписи 1669 и 1676 годов показывают, что эта местность, как и Арбат, была населена дворцовыми служителями, в первую очередь конюхами. Встречаются здесь также трубники, накрачеи, сурначеи (игравшие на духовых музыкальных инструментах — сурнах или зурнах), сытники, бараши, подключники, истопники, сторожа, певчие, стряпчие, ремесленники разных специальностей, дворяне и приказные (в основном дворцовых приказов)¹²⁸.

В конце XVII века Пречистенка и Остоженка стали заселяться крупными вельможами, возводившими здесь каменные хоромы. Два таких памятника сохранились до настоящего времени — «Белые палаты» и «Красные палаты». Первые были поставлены (1685—1688) по заказу боярина князя Бориса Ивановича Прозоровского (1661—1718) и перестроены (1712—1713). Хоромы Прозоровского (современный адрес — Пречистенка, дом 1) представляют собой обширные двухэтажные палаты «на погребях» Г-образной формы, в отличие от большинства других палат того времени не укрытые в глубине двора, а ориентированные на проезжую часть улицы. В центре здания находилась арка, выведившая в парадный внутренний двор.

«Красные палаты» находятся на стрелке Пречистенки и Остоженки. Их возвели в 1680-х годах для боярина Бориса Гавриловича Юшкова (?—1713), «дядьки» царя Ивана V. Дом Юшкова на Остоженке — двухэтажное величественное здание, первоначально имевшее еще один — деревянный — этаж. Внизу располагались хозяйственные помещения, второй этаж предназначался для приемов, третий был жилым. Соединяла их винтовая лестница. Здание выходило торцом на Остоженку, а

лицевым фасадом, декорированным пышными наличниками, было обращено к Чертольским воротам Белого города.

В этой же части города находился один из древнейших женских монастырей Москвы — Зачатьевский, предшественником которого являлся Алексеевский, о котором уже шла речь. После переноса Алексеевского монастыря в Чертолье это место некоторое время находилось в запустении. Царь Федор Иванович, не имевший детей, в 1584 году выстроил здесь по обету храм в честь Зачатия праведной Анны, матери Пресвятой Богородицы. Монастырский собор получил также приделы во имя великомученика Феодора Стратилата и мученицы Ирины (святых покровителей царя и царицы Ирины Федоровны, урожденной Годуновой) и трапезный храм Рождества Богородицы. В Смутное время обитель была разорена, а при царе Михаиле Федоровиче восстановлена. В последней трети XVII века в монастыре велось большое каменное строительство. В 1696 году на средства стольника Андрея Леонтьевича Римского-Корсака на месте надвратной часовни был возведен храм в честь Спаса Нерукотворного Образа.

В советское время монастырь был уничтожен, а на месте собора поставлена школа. В 1995 году обитель была возрождена, а в 2006—2010 годах сооружен собор Рождества Богородицы. В его подzemелье открылся церковно-археологический музей, в котором выставлены экспонаты, обнаруженные во время предшествовавших строительству раскопок: средневековые надгробия, фрагменты деревянных срубов, монеты, сосуды и т. д. Археологические работы на территории Зачатьевского монастыря под руководством Л. А. Беляева подтвердили существование на этом месте древней обители XIV века.

Замоскворечье, или Стрелецкий город

Замоскворечье, именовавшееся также Заречьем, в конце XVI — XVII веке входило в границы Земляного города, однако чаще всего воспринималось как отдельная часть Москвы. Это было вызвано и его удаленностью, и

особенностями местного уклада. Обширная местность за Москвой-рекой к югу от Кремля стала заселяться позднее других частей города из-за угрозы ордынских и крымских набегов. С этим связаны и бедность этого района в Средние века (каменные храмы здесь появляются только во второй половине XVII столетия), и обилие военных слобод (в основном стрелецких).

Основная дорога, проходившая через Замоскворечье, именовалась Ордынской (ныне это улицы Большая и Малая Ордынка). С татарским влиянием связаны и другие топонимы этой местности — улицы Балчуг и Большая Татарская, Толмачевский переулочок. Здесь располагались слободы татар, а южнее, за пределами города, Крымский и Ногайский торговые дворы. Не случайно именно в Замоскворечье в начале XIX века была поставлена древнейшая в Москве мечеть.

Как и другие районы Москвы, Замоскворечье было пестрым по социальному составу: со стрелецкими слободами соседствовали черные ремесленные и дворцовые. К этому добавлялось этническое разнообразие. После создания в 1652 году Иноземной (Новой Немецкой) слободы на Яузе только в Замоскворечье сохранились районы проживания иноземцев — Панская, Татарская и Толмачевская (Толмацкая) слободы.

Впервые Заречье упоминается при описании крупного пожара 1365 года. Еще в XIII—XIV веках за Москвой-рекой располагались села, существование которые можно проследить и в более поздние времена: к западу от современной Якиманки — Голутвино, рядом с ним — Кольчево, в районе станции метро «Полянка» — Хвостово. Наименование последнего, с храмом Петра и Павла, связывают с личностью московского тысяцкого Алексея Петровича Хвоста, убитого во время боярской усобицы в 1356 году. Память о древнем селе сохранилась в названии Первого и Второго Хвостовых переулочков.

Превращение Замоскворечья в полноценную городскую территорию завершилось во второй половине XV века. Летописное известие о пожаре, произошедшем в 1475 году за рекой, говорит: «...И погоре дворов много». При описании пожара 1493 года упомянута церковь Иоакима и Анны (стоявшая в середине позд-

нейшей Якиманки), по-видимому, находившаяся тогда на городской окраине — далее простирались луга, выгоны, огороды, поля. Венецианец Амброджио Контарини, посетивший Москву в 1476 году, сообщает, что на одной стороне Москвы-реки «находится замок и часть города, на другой — остальная часть города. На реке много мостов, по которым переходят с одного берега на другой»¹²⁹.

«Территория в Замоскворечье, — писал академик М. Н. Тихомиров, — примыкавшая непосредственно к Китай-городу, называлась Балчугом, по правдоподобию предположению, от татарского названия “балчуг”, грязь. Поблизости от этой улицы находилось урочище “в Ендове”, или в “Яндове”, т. е. в яме. Непролазная грязь отделяла Замоскворечье от города и в других местах, оставив о себе воспоминание в названиях “болото”, “за болотом”. Крупнейшую ремесленную слободу в Замоскворечье называли Кадышевской слободой — “в Кадышеве”, “что на грязи”»¹³⁰.

Южная часть Москвы по-прежнему оставалась самой уязвимой во время татарских набегов. Видимо, этим было вызвано решение Василия III создать здесь слободу иноземцев-военных. Так возникла первая из московских иноземных слобод, известная как Наливки, о которой еще пойдет речь.

После учреждения стрелецкого войска в Замоскворечье были созданы стрелецкие слободы. К концу XVII века в этом районе их было шесть, что дало иностранцам основание называть всё Замоскворечье «Стрелецким городом» или «Стрелецкой слободой». Наиболее подробно повествует о служилых людях Замоскворечья Б. Таннер: «Прямо против Кремля, на той стороне реки, лежит Стрелецкая слобода, населенная... княжескими солдатами и разделенная, ввиду их многочисленности, на 8 кварталов; им только и позволено иметь тут дома. Их обязанность — охранять великого князя; каждому из них из княжеской казны дается ежегодно и жалованье, и одинакового цвета одежда... Так как для незнающих число их может показаться превышающим вероятно, то я счел лучше умолчать о нем; скажу только одно, что солдат, охраняющих г. Москву, свыше 50 тысяч... Этот

солдатский город крепок столько же силой и множеством воинов, сколько и своим положением. С одной стороны обтекает его полукругом р. Москва, с другой защищают двойным рядом стены»¹³¹.

Стрелецкие слободы, а также слободские храмы именвались по фамилиям командиров полков, и память о некоторых из них сохранилась в замоскворецкой топонимике. Так, храм стрелецкого полка под командованием Богдана Клементьевича Пыжова звался Николой в Пыжах, а церковь в слободе полка Матвея Михайловича Вешнякова — Троицей в Вешняках; от них пошли названия Пыжевского и Вешняковского переулков.

В Замоскворечье располагалась еще одна военно-служилая слобода — Казачья, населенная казаками, несшими постоянную службу за жалованье. Ее слободская церковь была отстроена в камне (1695—1697) на пожертвования стольника В. Ф. Полтева; она сохранилась до наших дней, будучи сильно перестроенной в манере классицизма. В эпоху Петра I Казачья слобода, как и другие военно-служилые слободы, была ликвидирована, но здесь сохранилось подворье (представительство) Войска Донского, на котором еще в начале XIX века жили несколько казаков с урядником. В настоящее время память о слободе хранят Первый и Второй Казачьи переулки.

История Замоскворечья тесно связана с московско-ордынскими контактами и взаимоотношениями Российского государства с осколками Золотой Орды — Казанским и Крымским ханствами. Возможно, именно здесь в XIV веке находился Ордынский посольский двор. В 1532 году упоминается Крымский посольский двор в Замоскворечье, вероятно, располагавшийся там же, где и в более поздние времена, — на окраине Земляного города, у Калужских ворот¹³².

Крымский двор, огороженный забором, представлял собой четырехугольник со сторонами 98 (с западной и восточной стороны), 81 (с южной) и 88 (с северной) метров. Внутри находились несколько деревянных изб, деревянные поварни и конюшни, у ворот — сторожевая изба. По докладу служащих Посольского приказа, в 1643 году эти строения находились в плачевном со-

стоянии: «На Крымском посольском дворе десять изгнили и углы пообвалились, и впредь в тех избах, полом и гонцом от дождя и морозу стоять не мочно; да две поварни были рублены, и те поварни сгнили и развалились...» Впоследствии Крымский двор не раз перестраивался, в последний раз, видимо, в 1702 году, когда сюда были привезены крымцами 54 полоняника для обмена на пленных татар.

Ханские послы прибывали в Москву с большой свитой — до пятидесяти человек, содержание которой обходилось казне в значительную сумму. В 1649 году Посольский приказ потребовал от крымских дипломатов ограничить число послов тремя человеками, их свиту сократить до двенадцати человек, а для гонцов — до трех. В итоге переговоров сошлись на двадцати пяти сопровождающих у послов и пятнадцати — у гонцов. Во время пребывания крымцев на подворье их строго охраняли, не допуская посторонних и не давая возможности самим татарам выйти в город. Караул на Крымском дворе состоял из полусотни стрельцов. Когда во время эпидемии чумы их число уменьшилось до пяти, было принято решение направить сюда еще 25 человек из опасения, «как бы и от крымских татар на Москве какова дурна не учинилась». «Дурно», однако, всё равно «учинялось» — правда, в пределах самого Крымского двора: в 1642 году стрельцы жаловались, что татары их побили; пятью годами ранее сам посол Ибрагим был убит подчиненными¹³³.

Важной задачей властей было ограничить общение послов с их соплеменниками, жившими в Москве. К европейским послам не пускали московских «немцев», крымцев всячески старались оградить от контактов с жителями Татарской слободы. Эта задача облегчалась для караульщиков еще и тем, что слобода находилась в другой части Замоскворечья — за Кузнецкой улицей.

Помимо стрельцов и татар довольно многочисленную группу составляли жители ремесленных и дворцовых слобод Замоскворечья. За Москвой-рекой напротив Кремля раскинулся обширный Государев сад. В 1495 году для защиты Кремля от огня Иван III повелел снести все строения в Заречье на протяжении 110 саже-

ней и на этом месте «чинити сад». Он хорошо виден на планах Москвы XVI—XVII веков, правда, его планировка показана по-разному; однако очевидно, что сад был устроен по регулярному плану, его территория разбита на участки (куртины), проложены аллеи, выкопаны клумбы и гряды¹³⁴.

Государев сад был главным в Москве, он постоянно находился перед глазами царя, его показывали иностранным дипломатам, поэтому его устройству и содержанию уделялось особое внимание. Слободы царских садовников занимали всю прибрежную часть Замоскворечья: Верхняя Садовническая слобода располагалась к востоку от Государева сада, Средняя — сразу за ним, напротив Китай-города и Васильевского луга, Нижняя — в восточной части Замоскворечья, напротив Заяузья. Во второй половине XVII столетия в Садовнических слободах было более четырехсот дворов.

По соседству с Верхней Садовнической слободой находился двор крупного приказного деятеля — думного дьяка Аверкия Степановича Кириллова. Согласно легенде, в XVI веке на этом месте был дом главного опричника Малюты Скуратова, из которого якобы вел в Кремль проложенный под Москвой-рекой подземный ход. Подлинная же история палат Аверкия Кириллова не менее интересна. Здесь первоначально находился двор известного боярина Ивана Никитича Берсена Беклемишева, от прозвища которого здешний храм Николая Чудотворца «на Песках» получил название Николы в Берсеневке (в XVII веке он именовался также «за Берсеневою решеткою», «в Берсеневских Садовниках», «в Верхних Садовниках»). По-видимому, это владение принадлежало еще предкам думного дьяка, «государевым садовникам» — ими были его дед Кирилл, отец Степан и дядя Филипп. Их надгробия и захоронение самого Аверкия Кириллова обнаружены при реставрационных работах в церкви Николы в Берсеневке, выстроенной в 1656—1657 годах на его пожертвования.

Палаты, возведенные в 1656—1657 годах, по-видимому, соединялись с церковью переходом и имели деревянный третий этаж. В 1690-х появились постройки с восточной и западной стороны, а также богато укра-

шенное красное крыльцо, а в 1703—1711 годах к основному зданию пристроили выступ с мезонином в центре богато украшенного парадного фасада. В XVIII веке в здании находился Сенатский архив, жили сенатские курьеры (отсюда второе название — «Курьерский дом»). С 1868 года тут разместилось Московское археологическое общество, которое провело реставрацию палат. В настоящее время здание занимает Российский институт культурологии.

Кончина видного купца и приказного деятеля была трагичной — 16 мая 1682 года он был обвинен мятежными стрельцами в том, что, «будучи у великих государевых дел, со всяких чинов людей великие взятки имал и налогу всякую и неправду чинил», и убит. Мы никогда не узнаем, справедливы ли были эти обвинения или в стрельцах говорили злоба и зависть; однако перечень боярских преступлений, поданных стрельцами, включает в себя многие фантастические обвинения и доверять ему нельзя¹³⁵. Невестка А. С. Кириллова Ирина Симоновна, вдова его сына Якова, также служившего думным дьяком, а затем принявшего постриг в Донском монастыре, в конце XVII века дала деньги на строительство колокольни над воротами и пожертвовала храму двухсотпудовый колокол. Изящная церковь, украшенная кокошниками, наличниками, колонками, изразцами с изображением двуглавых орлов, по счастью, сохранилась до настоящего времени¹³⁶.

На правой стороне Большой Ордынки располагалась Кадашевская слобода, которая в 1630 году насчитывала 413 дворов, а в 1682-м — 510. Она получила название от села Кадашева, упомянутого в завещании Ивана III. Существует мнение, что это название происходит от слова «кадка» и, таким образом, отражает главное занятие жителей. Есть также предположение, что наименование «Кадашево» идет от мужского некалендарного (отсутствующего в святцах) имени или прозвища Кадаш. К началу XVII века относятся сведения о ткацком производстве в Кадашеве. Ремесленники изготавливали льняное полотно для нужд двора, а потому слобода находилась в привилегированном положении: управлялась приказом Царицыной мастерской палаты и была одной из самых

богатых. Ее жителям выделялись земельные участки, от размеров которых зависели количество и тип тканых изделий, сдаваемых ими в казну. В слободе было немало редких для того времени каменных домов.

В 1658—1661 годах в Кадашах выстроили комплекс государева Хамовного двора, располагавшийся на месте современных домов 5—11 по Старомонетному переулку: «четыре палаты поземные, а меж них сени, а мерою тех палат и сеней длиннику 21 сажень, поперек 5 саж[еней]. А против тех палат другие же четыре палаты и сени, а мерою тако ж». В каменных палатах стояли ткацкие станы, в деревянных избах располагались белильные и вышивальные мастерские. В плане Хамовный двор представлял собой почти квадрат со сторонами приблизительно 86 метров. Каменные палаты производственных помещений стояли по всему периметру, над ними возвышались высокие бочкообразные кровли. После строительства Хамовного двора на нем сосредоточились всё ткацкое производство и отделка тканей, которые ранее мастера и мастерицы осуществляли на дому¹³⁷.

Храм Кадашевской слободы во имя Воскресения Христова впервые упоминается в завещании князя И. Ю. Патрикеева (1498), где именуется «церковью Воскресения, что на Грязех». В 1657 году он был возведен в камне. Строительство современного церковного здания началось около 1687 года на средства купцов Кондрата и Логина Добрыниных, отца и сына. Возможно, архитектором был Сергей Турчанинов, колокольных дел мастер, завершивший шатер Воскресенского собора в Новом Иерусалиме. Церковь Воскресения в Кадашах — уникальный памятник архитектуры конца XVII века, сочетающий в себе черты традиционного посадского храма со стилистикой нарышкинского барокко. Двухъярусный Воскресенский храм имеет очень необычное оформление в верхней части, которая завершается тремя ярусами белокаменных «петушиных гребней» — фронтонов, расположенных уступами. Украшает храм и резная виноградная лоза. Пять глав, венчающих церковь, установлены на призматических барабанах, грани которых подчеркнуты тонкими витыми колоннами.

По другую сторону Большой Ордынки, в восточной части Замоскворечья находилась еще одна казенная слобода — Овчинная. В 1632 и 1658 годах здесь было 103 двора. Слобода относилась к конюшенному ведомству, а ее население обрабатывало овечью шерсть и выделывало шкуры. До нашего времени сохранились слободская церковь Михаила Архангела (возведена в XVII веке, сильно перестроена в 1700 году), а также палаты XVII—XVIII столетий (Средний Овчинниковский переулок, дом 10). Там, возможно, находился административный центр слободы — братский двор — либо производственные помещения.

Севернее Овчинной располагалась черная Кузнецкая слобода, именовавшаяся также Новой Кузнецкой. По-видимому, ее жители переселились из Заяузья и потому слобода получила название Новой (память о ней сохранилась в названии Новокузнецкой улицы). В 1638 году в слободе насчитывалось 72 двора, спустя 20 лет — 185. Скорее всего, их обитатели там и работали, поскольку проводившаяся в 1641 году перепись кузниц зафиксировала в Замоскворечье всего 28 штук, часть которых принадлежала жителям соседних слобод — Садовнических и Кадашевской¹³⁸. Слободская церковь Николая Чудотворца была возведена в камне в 1681—1683 годах (дошедшее до нашего времени здание выстроили в начале XIX века).

Другая черная слобода — Голутвинная — находилась в западной части Замоскворечья, за Якиманкой. Она и ее слободской храм во имя Рождества Богородицы впервые упоминаются в 1504 году в духовной грамоте Ивана III. Считается, что она являлась слободой Богоявленского Старо-Голутвинского монастыря, основанного в XIV веке на окраине Коломны, однако наименование слободы могло происходить и от слова «голутва», означающего ровное, расчищенное место. В XVII столетии слобода была черной. В 1632 году здесь было 77 дворов, в 1653-м — 111 дворов. К Голутвинной слободе примыкала Панская, населенная выходцами из Польши, Литвы и иных земель. Среди них встречаются офицеры полков «иноземного строя», военные музыканты, толмачи, русские дворяне. Жил в слободе даже

новокрещеный «араплинин» Дмитрий — соплеменник пушкинского предка Абрама Петровича Ганнибала¹³⁹. Слободской храм был посвящен празднику Благовещения.

Местность, расположенная к западу от Голутвинной и Панской слобод, по направлению к Москве-реке, называлась Бабыим Городком (ныне здесь находится Бабьегородский переулок). Это название вызвало много различных гипотез. Впервые оно встречается в источнике начала XVII века в форме «Бабыя городня». И. М. Снегирев предположил, что оно связано с мостом через реку Москву, устроенном на «городнях» — клетках и сваях. Слово «баба» могло означать либо речную старицу, либо болванку, которой забивают сваи.

Во второй половине XVII века столица уже сильно шагнула за границы Земляного города. За его пределами находились 34 слободы, тесно привязанные к Москве как в административном, так и в экономическом отношении. Некоторые из них, например Новая Дмитровская, были продолжением старых городских; другие — Иноземная (Новая Немецкая), Мещанская — создавались правительственными указами; третьи развивались самостоятельно. К 1701 году число дворов за городскими стенами (6115) было вполне сопоставимо с их количеством в самом Земляном городе (7394). За пределами города находились десять монастырей — Спасо-Андроников, Новоспасский, Покровский, Симонов, Данилов, Донской, Андреевский, Саввинский, Новодевичий, Новинский, — прославленных своими святынями и подвижниками благочестия и, несомненно, воспринимавшихся как московские. Наконец, за городом — в Коломенском, Измайлове, Рубцове, Преображенском, Воробьеве-Алексеевском и других местностях — в XIV—XVI веках возникали и обустроивались, а в XVII столетии достигли расцвета царские усадьбы, в которых располагались великолепные архитектурные и садово-парковые ансамбли, а также одни из первых русских промышленных производств — казенные мануфактуры.

«ПО БОЛЬШОЙ МОСТОВОЙ УЛИЦЕ»

Размеры и вид города

Русские средневековые авторы, повествуя о Москве, употребляют общие выражения, которые не дают возможности представить внешний вид города. Например, патриарх Иов так рассказывает о строительной деятельности Бориса Годунова: «И самый царствующи богоспосаемы град Москву, яко некую невесту, преизрядною лепотою украси: многия убо в нем прекрасные церкви камены созда и великие полаты устрои, яко и зрение их великому удивлению достойна; и стены градные окрест всея Москвы превелики камены созда и величества ради и красоты проименова его Царьград; внутри же его и полаты купеческии созда во упокоение и снабдение торжником...»¹⁴⁰

Гораздо более информативны описания иностранцев, обращавших на общий вид Москвы особое внимание. Далеко не все иноземные путешественники были в восторге от увиденного, однако наблюдатели сходятся в одном — их поражает огромное пространство.

«Сам город — деревянный и довольно обширен, — пишет Герберштейн, — а издали кажется еще обширнее, чем на самом деле, ибо весьма увеличивается за счет пространных садов и дворов при каждом доме. Кроме того, в конце города к нему примыкают растянувшиеся длинным рядом дома кузнецов и других ремесленников, пользующихся огнем, между которыми находятся поля и луга. Далее, неподалеку от города заметны какие-то домики и заречные слободы, где немного лет тому назад государь Василий выстроил своим телохрани-

телям новый город *Nali*... Недалеко от города находятся несколько монастырей, каждый из которых, если на него смотреть издали, представляется чем-то вроде отдельного города. Следствием крайней обширности города является то, что он не заключен в какие-либо определенные границы и не укреплен достаточно ни стенами, ни рвом, ни раскатами»¹⁴¹. Путешественник мог обозревать панораму Москвы с Поклонной горы на Смоленской дороге (той, которая в XIX веке осталась единственной из многих Поклонных гор, существовавших на каждом направлении).

Автор «Трактата о двух Сарматиях» Матвей Меховский сам в Москве не был, но составил ее описание со слов путешественников, посещавших столицу России: «Москва — столица Московии. Это довольно большой город: вдвое больше тосканской Флоренции и вдвое больше, чем Прага в Богемии... Москва вся деревянная, а не каменная. Имеет много улиц, притом где кончается одна улица, не сразу начинается другая, а в промежутке бывает поле. Дома также разделены заборами, так что непосредственно не примыкают друг к другу. Дома знати большие, дома простых людей низенькие»¹⁴².

Англичанин Ричард Ченслор, побывавший в городе в 1553 году, сравнивал его с английской столицей: «Сама Москва очень велика. Я считаю, что город в целом больше, чем Лондон с его предместьями. Но она построена очень грубо и стоит без всякого порядка. Все дома деревянные, что очень опасно в пожарном отношении»¹⁴³.

Антонио Поссевино — иезуит, присланный папой в Россию в 1581 году для посредничества на переговорах между Иваном Грозным и польским королем Стефаном Баторием, — также не впечатлился Москвой: «И какое бы впечатление ни производил город на человека, подъезжающего к нему, когда приезжий оказывается на небольшом расстоянии (я не говорю уже о въехавшем), открывается картина, более соответствующая истинному положению дел: сами дома занимают много места, улицы и площади (а их несколько) широки, всё это окружено зданиями церквей, которые, по-видимому, воздвигнуты скорее для украшения города, чем для совершения богослужений, так как по большей части почти

целый год заперты. Конечно, и при нынешнем государе Москва была более благочестива и многочисленна, но в 70-м году нынешнего века она была сожжена татарами, большая часть жителей погибла при пожаре и всё было сведено к более тесным границам. Сохранились следы более обширной территории в окружности, так что там, где было 8 или, может быть, 9 миль, теперь насчитывается уже едва 5 миль. И так как быки, коровы и прочие подобные животные, ежедневно выгоняемые на пастбища, содержатся в городских домах, большая часть которых окружена изгородью или плетнем, дома имеют вид наших деревенских усадеб». Очевидно, Поссевино, впечатленный величественной панорамой русской столицы, оказался разочарован ею, когда увидел деревянную застройку, домашнюю скотину и т. д.

Вместе с тем взыскательный иезуит отметил, что в московских крепостях (Кремле и Китай-городе) «есть нечто великолепное»: «Одну из них украшают несколько замечательных храмов, построенных из камня (в то время как остальные храмы города деревянные), и княжеский дворец, другую же — новые лавки, которые расположены каждая на своей улице по характеру представленного в них товара»¹⁴⁴.

Зимой 1599/1600 года Москву посетил посольство персидского шаха. Его первый секретарь Орудж-бек, впоследствии принявший католичество с именем Жуан (Жуан) и ставший известным как Дон Жуан Персидский, оставил интересные заметки об этом посольстве, проехавшем из Персии через Россию и Европу в Испанию. Любопытно, что Орудж-бек умудрился не заметить укреплений Белого и Земляного города — в его описании Москва защищена только стенами Кремля. Упомянув о мнении Джованни Ботери, что Москва в окружности не превышает двух лье (4,5 километра), Орудж-бек пишет: «Но я с особым вниманием обошел ее вокруг, исследуя это дело очень тщательно. Население города, я подсчитал, составляет 80 тысяч дворов (или 360 тысяч душ) и более. Они живут в отдельных домах с сараями и амбарами, и, следовательно, количество земли, занимаемой здесь людьми, более чем необходимо. Действительно, населенная площадь, показалось мне, полностью зани-

мает окружность, по меньшей мере, в три лье, а может быть, больше»¹⁴⁵. В подсчетах относительно размеров Москвы Орудж-бек оказался близок к истине — протяженность стен Земляного города составляла 15,6 километра, — а количество жителей сильно преувеличил. В начале XVII века население Москвы немного превышало 100 тысяч человек и лишь в конце столетия достигло 200 тысяч.

О том, что Москва в пределах деревянной стены больше, чем Париж, писал француз Жак Маржерет, служивший последовательно Борису Годунову, Лжедмитрию I и польскому королю Сигизмунду III. Капитан одновременно был прав и ошибался. Протяженность окружавших Париж стен равнялась 16 километрам, но диаметр охваченной ими территории составлял более 2,5 километра. Длина стены Скородома была не больше, зато диаметр городской территории составлял от 4 до 4,8 километра¹⁴⁶.

Английский посол Джильс Флетчер, обычно точный в деталях, сообщает, что в Москве до пожара 1571 года насчитывалось 41 500 домов¹⁴⁷. Эти сведения так же фантастичны, как и подсчеты Орудж-бека, голландского парусного мастера Я. Стрейса (90 тысяч дворов) и других авторов. Первая общемосковская перепись 1701 года зафиксировала 16 357 дворов¹⁴⁸.

«Город, однако, не обнесен стеной и стоит на открытой местности, и защитой ему служат болота, реки и лагуны, окружающие его, — пишет Орудж-бек. — Огромный дворец (Кремль) окружен стеной, и он настолько обширный, что сам по себе является приличного размера городом... Кремль так велик, что вся знать, которая служит князю, живет в Кремле. Я не знаю в действительности общее число тех, кто его населяет, но домов, которые видны за его стенами, насчитывается более шести тысяч»¹⁴⁹. Очевидно, персидский дипломат не только не заметил стен Земляного и Белого города, но также объединил в одну крепость Кремль и Китай-город.

Измерять Москву в окружности пытались и другие путешественники. Олеарий пишет, что размеры Москвы — три немецкие мили, курляндец Рейтенфельс говорит о четырех. Если учесть, что в разных областях

Германии применялись мили от 5,7 до 7,5 километра, то оценить эти сообщения будет еще труднее. Голландец Я. Стрейс, очевидно, измерявший расстояние ногами, пишет, что город достигает «9 часов в окружности». Его соотечественник Витсен объехал вокруг города на лошади, что заняло у него три часа. «Два раза переехали реку Москву, а Неглинную и Язуз один раз, — пишет Витсен. — Вал очень запущен, частокол из бревен упал. С одной стороны видны несколько неупорядоченных бастионов из земли, с другой много деревянных башенок, а с третьей — вал, но это плохой бруствер. Вокруг него идет канава — сухой ров». Объезжая Москву по периметру, Витсен наблюдал укрепления Земляного города, которые к 1665 году действительно пришли в упадок, поскольку утратили свое оборонное значение. Эти методы измерения, конечно, не вполне корректны — и всаднику, и пешеходу приходилось перебираться через реки, двигаться по пахотным землям, преодолевать овраги и т. д.¹⁵⁰

Наблюдатели XVII столетия отмечают, что в панораме города появился новый элемент — каменные храмы. Действительно, в то время их число существенно увеличилось и они стали заметным украшением города. «Что же касается кремлевских церквей, — повествует Олеарий, — то в них колокольни обтянуты гладкою густо позолоченною жостью, которая при ярком солнечном свете превосходно блестит и дает всему городу снаружи прекрасный облик...» Рейтенфельс пишет, что Москва «поражает своими приблизительно двумя тысячами церквей, кои почти все каменные и придают городу великолепный вид». О двух тысячах московских храмов говорят и другие авторы (например, Олеарий), однако эта цифра явно преувеличена. Аксель Гюльденстиерне, приезжавший в Россию в свите несчастного датского принца Иоанна, жениха царевны Ксении Годуновой, пишет о тридцати пяти храмах в Кремле и четырехстах во всем городе. Эти подсчеты, в свою очередь, преуменьшают число церквей в столице. Согласно подсчетам церковных историков, в конце XVII века в ней было 943 храма¹⁵¹.

Рейтенфельс отмечает холмистый рельеф города,

упоминая, под влиянием мифической топографии Рима, о семи московских холмах: «Этой внешней красоте немало способствуют семь умеренной высоты холмов, на которых она отлого возвышается». Итальянец Эрколе Зани, опубликовавший в 1690 году реляцию о предпринятом им восемнадцатью годами ранее путешествии в Московию, также сообщает о легендарном московском семихолмии: «Я удивился громадности города. Он превосходит любой из европейских и азиатских... Он заключает в своей окружности семь холмов; церквей, и там и сям рассеянных, насчитывают свыше 2 тысяч. Все они — каменные; главы и колокольни либо вызолочены, либо раскрашены, что издали представляет приятную картину...»¹⁵²

Въезжая в Москву, иностранцы миновали несколько рядов городских укреплений, что также производило на них большое впечатление. «Сначала мы вступили чрез земляной вал и большой ров, окружающие город, — пишет архидиакон Павел Алеппский, — потом въехали во вторую, каменную стену, которую соорудил дед теперешнего царя, Феодор (имеется в виду царь Федор Иванович, двоюродный брат по матери деда Алексея Михайловича патриарха Филарета. — С. III.), коим насыпан также и земляной вал. Окружность вала 30 верст; он снабжен кругом деревянными башнями и воротами. Вторая же, каменная стена имеет в окружности семь верст. Затем мы вступили в толстую окружную стену, также из камня и кирпича, а потом в четвертую, называемую крепостью. Она совсем неприступна, с весьма глубоким рвом, по краям которого идут две стены и за которыми еще две стены с башнями и многочисленными бойницами. Эта крепость, составляющая дворец царя, имеет по окружности пять ворот; в каждой воротах несколько дверей из чистого железа, а посредине решетчатая железная дверь, которую поднимают и опускают посредством машин. Все бойницы в стенах этого города имеют наклон к земле, так чтобы можно было стрелять в землю, а потому никак нельзя ни скрыться под стеной, ни приблизиться к ней, ибо бойницы весьма многочисленны»¹⁵³.

Архидиакон въехал в Москву с восточной стороны, а Бернгард Таннер — с северо-запада. Еще на последней перед городом остановке на реке Ходынке Таннер и его спутники наблюдали «золоченые башни, дворцы и прочее великолепие». Литовское посольство, в составе которого находился автор, торжественно двигалось по Тверской дороге:

«Мы миновали предместье *Slobodow*, имея пред собою столь разнообразное зрелище и сами служа предметом зрелища для многочисленной толпы, и подъехали к городским воротам, где был сильный караул и пушки. Часть эта называется Земляным городом. Проехав здесь опять длинную улицу, вымощенную круглыми, очень неудобными для езды в экипажах бревнами, мы достигли площади, где стояли солдаты и трубачи, приветствовавшие нас торжественною музыкой. Потом мы проехали в другую часть города, стены коей белы, почему она и зовется Белым городом. Ворота ее тоже были заняты вооруженным отрядом с пушками; по длинной и широкой ее улице расставлена была пехота, а на площади — конница, встретившая нас разными приветственными звуками.

Наконец подъехали к Китай-городу, укрепленному лучше прочих частей, на воротах коего на наш въезд глядел сам царь, а чтобы лучше было видеть, посольству велено было остановиться на полчаса. Проехав этими воротами, мы достигли площади, которая вся была вымощена гладкими бревнами, где... встретили... отряд воинов с крылатыми драконами на пиках, впереди коего было 6 барабанщиков, кои били палками в огромные барабаны, удивительно ровно и согласно все двигая вокруг головы руками и раскачиваясь телом. Проехав площадь, мы повернули в улицу налево и на великолепном, построенном для иноземных послов подворье 17-го мая положили желанный конец своему путешествию в 219 немецких миль»¹⁵⁴.

Таким образом, проехав через Красную площадь, Таннер и его спутники прибыли на Ильинку, где остановились на Посольском дворе.

Ночь, улица, фонарь...

Иностранцы описывают строгие порядки на улицах средневековой Москвы. Еще в 1504 году Иван III распорядился установить на них решетки¹⁵⁵, представлявшие собой несколько бревен, которыми перегораживали улицу. При решетках существовал караул во главе с решеточным приказчиком. Создание решеток и караулов стало важной мерой по борьбе с уличной преступностью, достигавшей значительных масштабов.

Одним из первых сообщает о решетках Герберштейн: «В некоторых местах улицы запираются положенными поперек бревнами и при первом появлении сумерек так стерегутся приставленными сторожами, что ночью после определенного часа там ни для кого нет проходу. Если же кто после этого времени будет пойман [сторожами], то его или бьют и обирают, или бросают в тюрьму, если только это не будет человек известный и именитый: таких людей сторожа обычно провожают к их домам»¹⁵⁶.

Именитого человека отличали от уличной рвани по фонарю или факелу, который несли слуги. Об этом сообщает итальянец Павел Йовий, сам в Москве не бывавший, но писавший о ней со слов посла Дмитрия Герасимова, отправленного Василием III к папе Клименту VII: «Караульную же стражу несет верное городское население; ибо всякий квартал города заграждается воротами и рогатками и ночью не позволено просто так бродить по городу или не иметь при себе светильника». Венецианец Марк Фоскарينو, посетивший Москву в 1557 году, пишет: «На каждой улице имеются свои ворота и рогатки, так что ночью нельзя ходить по городу, не имея при себе светильников»¹⁵⁷.

Ему вторит поляк Самуил Маскевич, участник событий Смуты: «Боярин, выезжая из дому, садится в сани, запряженные в одну рослую, по большей части белую лошадь с сороком (связкой. — *С. III.*) соболей на хомуте... Ночью же или по захождению солнца челядинец, стоящий впереди, держит большой фонарь с горящею свечою, не столько для освещения дороги, сколько для личной безопасности: там каждый едущий или идущий

ночью без огня считается или вором, или лазутчиком. Посему и знатные, и незнатные во избежание беды должны ездить и ходить с фонарем; а кто попадетсЯ в лапы дозора без огня, того немедленно отправляют в крепость, в тюрьму, откуда редкий выходит»¹⁵⁸.

Греческое слово «фонарь» (светоч, факел) было хорошо известно на Руси. Фонари делались из слюды, окованной железом. Иоганн Кильбургер, составивший описание России при царе Алексее Михайловиче, упоминает, что «русские фонари делали из слюды весьма красиво и на разные цены». Фонари могли быть узорчатыми, расписанными красками, позолоченными. В хоромАх царицы Евдокии Лукьяновны, супруги царя Михаила Федоровича, висел фонарь «слюден, теремчат о девяти верхах с нацветы с розными, по нем писаны розными краски травы в кругах, на травах птицы розные». Обычно фонари были четырех- или шестиугольные. При крестных ходах и во время царских свадеб несли большие фонари на шестах. Например, на свадьбе Михаила Федоровича «над свечами у фонарей были: у государева фонаря стряпчие Дмитрий Баимов сын Воейков да Нефед Кузмин сын Минин (сын одного из руководителей Второго ополчения. — *С. Ш.*); у государынина фонари стряпчие Федор Андреев сын Олябьев да Дорофей Шипов». 22 января 1586 года за два алтына «без денги» был куплен фонарь в архимандричью келью Чудова монастыря¹⁵⁹.

Требование передвигаться ночью с фонарем или светильником вовсе не было блажью. Честному человеку нечего было опасаться ночной стражи, а вот тать предпочитал скрываться, поскольку караул смотрел также на одежду и имел право допрашивать: кто идет и куда? Состоял этот ночной дозор из местных жителей, которых было трудно провести. Припозднившихся горожан, доказавших свою благонадежность, караульщики должны были передавать от одной решетки к другой — «расспросЯ провожать до тех мест, куды едет или идет».

Уличные решетки довольно часто упоминались в документах XVII века и стали частью названий некоторых церквей. Например, церковь Николы на Берсеневке именовалась «за Берсеневою решеткою», церковь

Иоанна Милостивого на Арбате в 1690 году названа «в Кисловке у решетки», к названию церкви Космы и Дамиана в Шубине прибавлялось: «...за золотой решеткой». В 1632 году на всех улицах Кисловской слободы между Никитской и Воздвиженкой были установлены решетки, в свою очередь, получившие названия по монастырям или храмам. Так, решетка, перегораживавшая улицу, которая вела к Воздвиженскому монастырю, именовалась Здвиженской; Никитская стояла возле Никитского монастыря, Ивановская — у церкви Иоанна Милостивого¹⁶⁰.

Организацией решеточной стражи занимались объезжие головы — им предписывалось «по улицам расписать решеточных приказчиков и уличных сторожей, а кто именно у них будут десятские, составить роспись и отдать в Земской приказ». В сторожа брали по человеку с десяти мелких дворов или с одного большого. На устройство заграждений и содержание сторожей Земского приказа дворовладельцы платили «решеточные деньги».

Караул должен был наблюдать, чтобы «в улицах и в переулках бою и грабежу, и корчмы, и табаку, и никакого воровства, и блядни не было... чтоб воры нигде не зажгли, и огня на хоромы не кинули, и у заборов с улицы ни у кого ни с чем огня не подложили». Те же задачи стояли и перед дневными охранниками — сторожами и десятскими Земского приказа. Им предписывалось уделять особое внимание соблюдению мер противопожарной безопасности¹⁶¹.

Сторожа были вооружены рогатинами, топорами и водоливными трубами. Ночная караульная служба была «замочная» и «кровельная»: одни охраняли запертую на замок решетку, всматриваясь в тьму ночной улицы, другие с крыши следили, не появится ли где огонь, нет ли какого беспорядка во дворах, не крадется ли ночной вор. Сторожа перестукивались, подавая друг другу сигналы, и, чтобы не уснуть, пели песни. Посланник А. Мейерберг пишет, что сторожа «каждую ночь, узнавая время по бою часов, столько же раз, как и часы, колотят в сточные желоба на крышах или в доски, чтобы стук этот давал знать об их бдительности шатающимся по

ночам негодьям и они из боязни быть схваченными от-
стали бы от злодейского дела, за которое принялись».

Австрийский дипломат имел возможность лично убедиться в бдительности русской стражи. Посольский двор и днем и ночью охраняли 40 стрельцов: «Один из часовых, по распределению мест, должен был стоять на карауле под окошками моей спальни. В летние ночи он не давал мне спать диким пением либо нелепыми играми с сослуживцами. А зимою, чтобы согреться, бил в ладоши и скакал, притоптывая ногами»¹⁶².

Объезжие головы, десятские и решеточные приказчики должны были наблюдать за тем, чтобы сторожа «не спали и не бражничали и ни за каким воровством не ходили». Проверки караулов осуществлялись регулярно. В июле 1674 года во время такой проверки объезжий голова не застал сторожа у запертой решетки. Наконец после долгих призывов тот появился. Сторожа взяли на съезжий двор и подвергли битью батогами, обвинив в более серьезном проступке, чем сон на посту, — объезжий голова заподозрил, что тот, заметив приближение проверяющего, бросился будить караульных по всей улице.

Сторожевая повинность была населению в тягость, и ее стремились избежать. Мелкие торговцы Ветошного ряда, уклонявшиеся от обязанности нести караул у своих лавок, оправдывались: «Лавок у нас малое число, а иные лавки пустые». Из Соляного ряда как-то не присылали ни десятских, ни караульщиков целое лето. Кстати, саму караульную службу горожане несли весной, летом и ранней осенью; зимой «лихим людям» должна была противостоять сама природа.

Решетки были единственным действенным средством от ночных грабителей. Тем не менее С. К. Богоявленский констатирует: «Нельзя сказать, чтобы объезжие головы, решеточные приказчики и сторожа всегда были на высоте призвания. Нередко жители терпели от них больше, чем от воров: то решеточный приказчик окажется руководителем шайки ночных грабителей, то стрелец убил и ограбил мирного жителя»¹⁶³. Слабую эффективность общественной организации охраны

порядка заметило, наконец, и правительство, и к концу XVII века сторожевая повинность посадских людей была постепенно заменена денежным налогом.

«Для уличного простору...»

Улицы средневековой Москвы по сравнению с узкими улочками западноевропейских городов казались иностранным наблюдателям очень просторными. Например, шведский военный агент Петр Петрей, побывавший в России в Смутное время, сообщает: «Везде большие и широкие улицы, так что могут ехать четыре телеги рядом. В дождик всюду бывает такая слякоть и грязь, что никому нельзя выйти без сапог, оттого-то большая часть их главных улиц имеют деревянную мостовую». Ему вторит Стрейс: «Улицы в городе широкие, но не мощеные, как и во всей стране, вследствие чего после сильных дождей нельзя было бы перейти улицу, если бы москвиты не настелили местами балок и не перебросили мосты через канавы». Англичанин Чарлз Карлейль, побывавший в Москве в 1663 году, напрямую связал ширину улиц с противопожарными мерами: «Улицы довольно широки, и местами, чтобы препятствовать силе огня, оставлены промежутки»¹⁶⁴.

Русские документы свидетельствуют, что для поддержания достаточной ширины улиц и надлежащего качества их мощения властям приходилось прикладывать значительные усилия. Вероятно, уже в правление Ивана III были выработаны общие представления о том, какой ширины должны достигать улицы. В 1508 году великий князь направил в Новгород Василия Бобра «улиц мерити, болши старого учиниша: 4 сажени ширина; дворы велики давати людем, и ряды торговые переведе по своему обычаю, не яко преже было, а от стены не быти двором 40 сажень». Московский посланец не только поновому измерил улицы, но и распланировал торговые ряды — отодвинув их от городской стены, вероятно, опираясь на московский опыт. В 1531 году московские дьяки вновь мерили новгородские улицы, в частности Великую улицу, по-видимому, также неспроста, а для дальнейшей перепланировки¹⁶⁵.

К сожалению, данные о тогдашней регулировке ширины московских улиц пока не обнаружены. Самое раннее свидетельство об этих мерах правительства относится к правлению царя Федора Ивановича. Указ от 12 мая 1626 года, изданный вскоре после большого московского пожара, информировал подданных, что остановить распространение огня не удалось «потому, что в те поры ветры были великие, да и потому, что улицы и переулки и тупики были перед прежним тесны, а прежде сего блаженные памяти при государе царе и великом князе Федоре Ивановиче всея Руси для береженья от пожаров учинены были улицы большия в ширину по двенадцати сажен, а переулки по ш[ес]ти сажен, и от городовыя стены дворы ставлены были далеко». Поскольку «после Московского разорения тех улиц и переулков приняли много во дворы всякие люди и к городской стене поставили дворы близко, а у иных дворов меж города и проезду нет, поставили дворы до стены», всё это, по справедливому выводу составителей указа 1626 года, стало одной из причин распространения огня на обширной территории Китай-города и Кремля¹⁶⁶.

Исправить это положение должны были окольный князь Г. К. Волконский и дьяк В. Волков: им было поручено «измерити и описати улицы большия, и переулки, и тупики, в государеву указную сажень» — какова была их ширина до пожара и при царе Федоре Ивановиче — и представить проект расширения: «сколько ныне у дворов с обе стороны в прибавку к улице и к переулку земли отойдет против прежняя меры». Эту работу чиновники провели довольно быстро — уже 21 мая великие государи патриарх Филарет Никитич и царь Михаил Федорович по их докладу вынесли решение: расширить большие улицы до 6,5 сажени, малые — до пяти саженей, переулки — до четырех саженей и восстановить проезды у городских стен шириной до 2,3 сажени. Как видим, по сравнению с досмутным временем властям пришлось сильно ужать проезжие территории. Однако и эти требования не были реализованы в полной мере. Щадя каменную застройку, государи указали: в случае, если каменные строения занимают уличное пространство, такие строения не трогать, а «впускать в

улицу», а расширять проезжую часть за счет противоположной стороны; если же палаты стоят с обеих сторон, оставить «по прежнему»¹⁶⁷.

В Кремле были расширены 29 улиц и переулков и восстановлен переулок, ведущий к храму Рождества Богородицы, «позади Николы Гостунского», захваченный князем Ф. И. Мстиславским под конюшню. В Китай-городе расширить Никольскую улицу у Кремля помешали «столбы и стены каменные»; в результате в этом месте улица сохранила ширину в пять саженей. По этой же причине была оставлена прежняя ширина в начале Ильинки. Основную же часть Никольской и Ильинки, а также Варварку, где стояли деревянные строения, удалось расширить до «указных» 6,5 сажени¹⁶⁸.

После пожара, охватившего в апреле 1629 года почти весь Белый город, аналогичные меры со ссылкой на указ царя Федора Ивановича были осуществлены в западной (от Тверской до Чертольи) части Москвы. Занимались измерением улиц и их дальнейшей перепланировкой окольников Л. И. Долматов-Карпов и дьяк И. Грязев. Сложность заключалась в том, что царь указал беречь «целые (уцелевшие от пожара. — С. III.) дворы». В результате и улицы, и переулки на западе Белого города получили различную ширину: Чертольская улица в ее начале была шириной в пять саженей, у ворот Белого города — семь, а в середине — от шести до девяти; Знаменская расширена до четырех саженей, «а где было до пожара больше того, и тут указали быть по прежнему»; Арбат (Воздвиженка) был в узких местах расширен до 5,5 сажени, с оставлением «по прежнему» мест, шириной превышающих «указную»; ширина Никитской улицы также составляла теперь 5,5 сажени, «а где было до пожара семи или шти сажен, тут быти по прежнему»; Тверская была раздвинута до 6,5 сажени, кроме оставшихся неизменными более широких мест. Переулки были расширены до 2,5—3 саженей, часть старых переулков и проездов была восстановлена, проезды между городской стеной и жилой застройкой увеличены до трех саженей¹⁶⁹.

Проанализировав эти мероприятия, С. К. Богоявленский писал: «Из указа можно установить, что границы

дворов шли по улице не прямыми, а ломаными линиями, один двор выступал вперед, другой отступал назад, третий стоял боком и одним углом далеко выдавался в улицу... Новая планировка 1629 года, выпрямляя в большинстве случаев линии дворов, иногда достигала противоположного результата. Именно в тех случаях, когда на улице попадался уцелевший от пожара двор, тогда улица расширялась только за счет противоположащего погоревшего двора, который, таким образом, отступал за общую линию улицы, тогда как уцелевший двор более или менее выдвигался вперед сравнительно со своими соседями».

Хаотичная застройка создавала много проблем при стандартизации ширины улиц. Мероприятия по расширению проезжей части, проводившиеся после крупных пожаров, давали лишь частичные результаты из-за стремления сохранить каменные дома, а иногда и деревянную застройку, уцелевшую от пожара.

Иностранные путешественники обращали внимание на деревянное мощение московских улиц. «На улицах вместо мостовых лежат обтесанные деревянные сосновые бревна, одно подле другого», — пишет Флетчер. «Улицы вымощены не камнем, а деревянными бревнами или кольями, положенными в один непрерывный ряд, постоянно, впрочем, покрытыми грязью или толстым слоем пыли, и бывают довольно гладки только зимою, когда снег и лед сровняют всё», — сообщает Рейтенфельс¹⁷⁰.

Результаты археологических раскопок свидетельствуют, что первые деревянные мостовые появились в Москве еще в XII веке. Они были обнаружены во время раскопок в Кремле в 1963—1965 годах. На Тверской были найдены четыре яруса мостовых, относящихся к XIV веку, у Кутафьей башни — девять ярусов. При археологических работах, проводившихся на Ильинке в 1995—1998 годах, обнаружены 23 яруса мостовых — больше чем где бы то ни было в Москве. Самые ранние ярусы имеют ширину 4,5 метра, позднее она сократилась до четырех метров (встречались и отдельные поперечные плахи длиной 3,2 метра). Мостовые состояли из двух (позднее — трех) продольных лаг, на которые укладыва-

лись плахи из бревен, расколотых вдоль. Подкладки под лаги и края плах встречаются крайне редко, а подрубки или пазы, которые должны были служить для лучшего соединения деревянных конструкций, и вовсе не были обнаружены. В этом отношении московские мостовые заметно уступали новгородским, на которых пазы присутствуют всегда. По сторонам мостовой существовало открытое пространство, которое иногда занимали заборы городских усадеб. Вероятно, усадьбы то подступали к улице, то отступали от нее после принятия правительственных мер по регулировке застройки¹⁷¹.

Деревянные мостовые изображены на планах Москвы конца XVI—XVII века. «Сигизмундов план» (1610) показывает деревянную мостовую даже на удаленной от центра Ордынке, план М. Мериана (1638) — на Таганной улице в Заязье. Переписи Москвы XVII столетия свидетельствуют, что мостовые укладывались только на главных, «больших» улицах, которые соответственно именовались «большими мостовыми улицами». Именно в это время в русском обиходе появляется слово «мостовая», и тогда же возникает популярная народная песня:

По улице мостовой,
По широкой столбовой,
Шла девица за водой,
За ней парень молодой...

Деревянными были и набережные. Раскрытая во время археологических работ набережная Неглинной в районе Троицкой башни представляла собой часток из вертикально врытых бревен. Красный пруд имел набережную из вертикальных брусьев, скрепленных поверху горизонтальным. Уже в XV веке появляются деревянные сооружения — трубы, подземные водостоки. Первоначально воду отводили в реку, но после строительства стен Китай-города это стало невозможным. С первой трети XVI столетия в Китай-городе рыли колодцы, доходившие до песчаного слоя и поглощавшие сточные воды, а к ним вела система деревянных труб. К концу XVII века строительство водоотводных сооружений становится общепринятой практикой. В 1702 году

Петр I указал во время строительства мостовых в Иноземной (Новой Немецкой) слободе «зделать скаты и рвы и трубы и водяной проход»¹⁷².

Мощением улиц занимался Земский приказ, собирая с дворов «мостовые деньги». По всей видимости, такая практика окончательно сложилась в XVII веке, поскольку ранее обязанность мостить улицы лежала на самих дворовладельцах. Так, в 1585 году Троицкий Болдин монастырь должен был «мостити на Покровской улице мост с московского двора» (то есть напротив своего подворья), для чего было куплено 50 двухсаженных бревен и уплачено за работу плотникам, а всего израсходовано 32 алтына. Чудов монастырь в апреле 1586 года для мощения своего участка (шести саженей) в Кремле приобрел 100 бревен, 30 сосновых досок и 100 гвоздей «больших» — общий расход обитатели по этой статье составил семь рублей две гривны и 16 алтын. Как видим, в Кремле мостовые делались более тщательно, чем на посаде — поверх бревен клали доски и прибивали их гвоздями¹⁷³.

С начала XVII века встречается замена натуральной повинности деньгами. В 1607 году Иосифо-Волоколамский монастырь заплатил в казну два рубля за 2,5 сажени мостовой на Ильинке напротив его московского подворья¹⁷⁴.

Активное мощение улиц проводилось Земским приказом на протяжении всего XVII столетия. Царь Михаил Федорович указал мостить улицы в Земляном городе, за Сретенскими и Покровскими воротами, взимая деньги с расположенных там лавок. Спустя несколько лет мостовые были уже и в Заяузье. О масштабах работ по мощению улиц свидетельствует «Роспись, что мостится из Земскаго Приказу мостов из сборных денег», относящаяся к 1645—1648 годам:

«В Китае-городе мостят Земскаго двора от мосту, которой мост от Спасских ворот (Москворецких) Плоучего мосту до Фроловских ворот 139 саж. Да от Ильинскаго мосту мощено, против новаго овощнаго ряду, через грязь, 8 саж.; да от Неглиненских от обоих ворот мимо Отдаточнаго двора 29 саж.

В Белом каменном городе от двора боярина князя Бориса Александровича Репнина до богаделен 57½ саж.; от Боровицкого мосту до двора князя Михаила Пронского 7 саж.; да на Чертольском же мосту горелое место мощено 18 саж., да от Неглиненских ворот через Неглинну на клетках до Мушного ряда в две ряды 70 саж., а от Мушного ряда до Житной решетки в одно ряд 25 саж.; да через Неглинну к Пушечному двору на клетках 40 саж.

За Белым за каменным городом, за Чертольскими вороты, от ворот съезду 8 саж., да через ручей 8 саж. Да за Арбатскими вороты, от ворот съезду 17 саж. За Тверскими вороты, от ворот 377 саж., да через грязь 9½ саж.; да за Стретенскими вороты от ворот 159 саж.; да за Фроловскими вороты через ров 12 саж. За Покровскими вороты, от ворот до ц[еркви] Иоанна Предтечи 360 саж. За Яузскими вороты, от Яузского моста к Таганным воротам, мощено в трех местах 184 саж.; да за Таганными воротами через ров 10 саж.

Всего мостится мостов, oprичь рундуков и дву труб, 1793½ саж. да байдашными досками побивается 313⅜ сажень».

Общая площадь замощенной территории, по подсчетам П. В. Сытина, составила 33 гектара. В 1650 году было указано замостить 128 саженой за Москворецким мостом — на Болоте и у Серпуховских ворот¹⁷⁵. Из описания Таннера известно, что Красная площадь целиком была замощена бревнами.

В семейном архиве Самариных сохранились расписки, выдававшиеся за взятые «мостовые деньги» служащими Земского приказа: «Лета 7186-го марта в 26 день. По государеву царя и великого князя Феодора Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, указу взято в ево великого государя казну в Земской приказ мостовых денег в Белом городе от Тверской улицы по Неглинну з двора стольника [Ивана] Федорова сына Волынского з длиннику с 40 с 1 сажени с четвертью, с поперечнику с обoих концов с 18 сажени без с-получетверти в прошлой на 177-й год 14 рублей 10 алтын, да по окладу на 182-й год тож. Те денги платил стольника Иванов человек Волынского Ивашко Позняков. Диак Борис

Протопопов. Справил Ганка Кашкин». Такую сумму платил со своего двора И. Ф. Волынский с 1678 по 1684 год, раз в пять лет, а затем она почему-то была уменьшена вдвое — за пятилетие с 1689 по 1694 год (с прибавлением «решеточных денег») с владельца взяли 7 рублей 15 алтын. Правда, в расписках 1691—1719 годов размеры двора Волынских указаны уже по «поперечнику» — «17 сажень с полусаженью без получети». Не было ли тут утайки истинных размеров дворовладения?

Интересно, что при Петре I «мостовые деньги» собирались с владений, располагавшихся за границами Земляного вала. С двора боярской вдовы Екатерины Семеновны Волынской (48 саженей в поперечнике «с третью и полполтредью») было взято 2 рубля 14 алтын — по десять денег с сажени. В 1720—1725 годах за пределами Земляного города собирали по 6—10 денег с сажени. Размер «мостовых денег» в Кремле, Китай-городе и Белом городе был в несколько раз выше — от одной до четырех гривен с сажени, к которым добавляли еще и «решеточные деньги». Впрочем, и мостовых за Земляным городом практически не было. Правда, сохранились документы о мощении улиц в 1700—1702 годах в отдельных слободах, например в Иноземной (Новой Немецкой)¹⁷⁶. С 1705 года Кремль и основные радиальные улицы начали мостить камнем.

На крестце

Перекрестки улиц, именовавшиеся в средневековой Москве крестцами, были центрами деловой и общественной жизни: здесь ставились храмы, часовни, кресты, стояли торговые лавки или «шалаша», толпился народ, ожидали седоков извозчики, просили подаяние нищие... Художественную реконструкцию крестца сделал А. М. Васнецов (1902). В очерке «Облик старой Москвы» художник дает литературное описание к картине «На крестце в Китай-городе»:

«В Китай-городе — кружала и харчевни, погреба в Гостином дворе с фряжскими винами, продаваемыми на вынос в глиняных и медных кувшинах и кружках... Здесь

же, на крестцах неожиданно раздававшийся вопль и причитание о покойнике говорили о том, что родственники узнали в выставленном божедوماми покойнике своего родственника... Здесь же зазывали прохожих в кружала и притоны словоохотливые веселые женщины с бирюзовыми колечками во рту (“знак продажности бабенок”, — по объяснению иностранца-дипломата того времени). Слышен был плач детей-подкидышей, вынесенных сюда в корзинах всё теми же божедوماми, собирающими добровольные приношения на их пропитание... Пройдет толпа скоморохов с сопелями, гудками и домрами... Раздастся оглушительный перезвон колоколов на низкой деревянной колокольне на столбах... Склоняются головы и спины перед проносимой чтимой чудотворной иконой... Разольется захватывающая разгульная песня пропившихся до последней нитки бражников... Гремят цепи выведенных сюда для сбора подаяния колодников... Крик юродивого, песня калик перехожих... Смерть, любовь, рождение, стоны и смех, драма и комедия — всё завязалось неразрывным непонятым узлом и живет вместе как проявление своеобразного уклада средневекового народного города»¹⁷⁷.

Не менее любопытную картину представил историк Москвы И. М. Снегирев:

«На московских крестцах, особенно в Китай-городе, стояли часовни от разных церквей, монастырей и пустынь; туда прихаживали крестцовые попы служить молебны требовавшим... Крестцы были свидетелями разных событий, удобным и любимым у народа местом сходбища, пристанищем мелкой торговли предметами, необходимыми для удовлетворения насущных потребностей жизни. На них теснились стрелецкие подлавки, шалаши, рундуки, скамьи и веки мелочных торговцев с разными товарами, между прочим, рукописными и печатными книгами; также выставлялись бочки, кади с квасом и выносные очаги, на которых блинники пекли блины, лепешки и оладьи... Там объявлялись и царские указы, кликали клич, т. е. объявляли о каком-то распоряжении правительства, вызывали военных людей к походу или желающих смотреть разные казни в Преображенском, как это было при Петре I.

На перекрестках обыкновенно стекались отовсюду нищие, лёженки, калеки, юродивые, певцы Лазаря и Алексия Божия человека; с чашкой в руке они просили встречных и поперечных. Там можно было увидеть полубнаженный смердящий труп и подле него открытый гроб, в который прохожие клали деньги на свечи и на ладан, куски холстины и саваны. Это безродный тюремный сиделец, умерший от истомы в душной и мрачной тюрьме или замученный пытками в застенке; он переходит из рук палачей в руки божедома, который собирал деньги на погребение...

Тогда еще не было Воспитательного дома, и сторож Убогого дома содержал подкидышей мирским подаянием... На городском распутии, среди плача и писка безродных малюток, раздавался унылый речитатив божедома, обличительный для утаивших себя родителей: “К-ин сын, батька, к-на дочь, matka, подайте своему дитятке!” Такое разнообразное зрелище представляли крестцы на Москве до самого XVIII века. Собравшаяся там толпа народа беспечно толковала о разных делах; но вдруг слышался голос: “Языков ведут!” При этом возгласе никем не гонимые, с перекрестка все разбежались в разные стороны, кто куда попало. Что это за страшные языки? — спросят ныне. Почти до конца XVIII века языками назывались колодники из Разбойного или Сыскаго приказа, из Черной палаты, которых водили по городу скованных, с полузакрытым лицом, впрочем, так, чтобы они могли смотреть и говорить, водили для отыскания участников в их преступлениях... Нередко по затаенной злобе на кого-нибудь либо по наущению подьячих языки опутывали невинных. Лишь только на кого закричат они роковое “слово и дело”, тотчас хватают его к допросу и розыску в застенки...»¹⁷⁸

Сохранились любопытные свидетельства о количестве нищих, промышлявших на московских крестцах. Так, в 1672 году на похоронах патриарха Иоасафа II было роздано милостыни на 760 рублей 26 алтын и 4 деньги, при этом «по мостам да по крестцам» раздали восемь рублей. Обычно при таких раздачах давали по 4—6 денег на человека; следовательно, по мостам и крестцам было благодетельствовано от 266 до 400 нищих!¹⁷⁹

И. Е. Забелин писал, что крестцами именовались не только собственно перекрестки, но «даже и целые улицы, на которых сходились из одной в другую многие переулки»: Никольская, Ильинка, Варварка, «прорезанные целою сетью перекрестных переулков, составлявших в этих улицах сплошные крестцы»¹⁸⁰. Скрещении нескольких улиц в Китай-городе дало, в частности, наименование храму Иоанна Предтечи, «что на Пяти улицах», располагавшемуся на левой стороне Варварки. Другие китайгородские храмы именовались «на Ильинском крестце», «у Варварского крестца» и т. д.

Самым известным из китайгородских крестцов был Никольский, изображенный на картине А. М. Васнецова. Здесь находился знаменитый Большой Крест, у которого происходили клятвы при судебных разбирательствах. Общемосковское значение Большого Креста на Никольской было официально закреплено указом царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета от 20 мая 1625 года, предписывавшим: «...у крестного целования у Николы Старого целовати крест, который крест будет написан с Роспятием и с Деянием, а крестов медных не носити и меденых крестов не целовати...»¹⁸¹ Само сочетание Креста и крестца, перекрестка имеет глубокий смысл. Скрещения дорог почитались еще в языческие времена (вспомним вещей «горюч камень» русских былин), а с началом христианской эпохи на них ставились кресты для молитв перед началом нового пути. Интересно, что Никольских крестцов в Москве было два — второй находился в Кремле, на перекрестке Никольской и Чудовской улиц.

Не менее знаменит был и Спасский крестец, находившийся перед Спасскими (Фроловскими) воротами Кремля. Собственно, на самом деле это был не крестец, а, скорее, образованная торговыми рядами и соседними строениями небольшая площадь перед Спасским мостом, переброшенным от одноименных ворот через Алевизов ров. Жизнь Спасского крестца подробно описана И. Е. Забелиным в «Истории города Москвы». Приведем выдержки из его сочинения, наиболее полно отражающего всё своеобразие этого культурного центра средневековой Москвы:

Красная площадь с Покровским собором и Лобным местом.
*Гравюра из книги А. Олеария «Описание путешествия в Московию
и через Московию в Персию и обратно». 1656 г.*

Сидение царя Михаила Федоровича с боярами в его государевой комнате.
А. Рябушкин. 1893 г.

Интерьер приказной избы.

Реконструкция. Московский государственный объединенный музей-заповедник

Земский приказ на Красной площади.
А. Васнецов. 1922 г.

Орудия труда приказных людей —
чернильница, песочница, гусиное перо

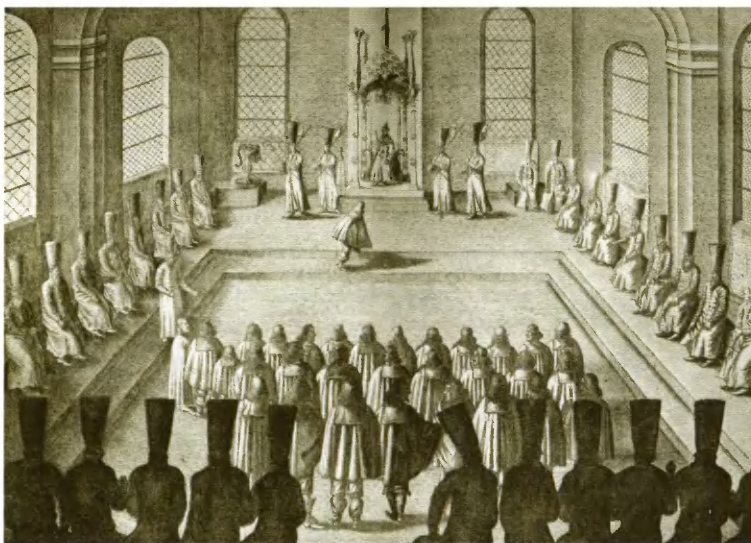

Кремль и Красная площадь.

На переднем плане изображены иностранцы, наблюдающие за религиозной процессией. Гравюра из книги Оlearия

Представление царю голштинского посольства. Гравюра из книги Оlearия

Австрийский посол
Сигизмунд
Герберштейн
в русском одеянии,
пожалованном
ему в 1517 году
великим князем
Василием Иоанновичем.
*Гравюра из книги
С. Герберштейна
«Записки
о московитских делах».*
1556 г.

Современный вид
Старого
Английского двора

Русский купец и иноземный купец. *Немецкие гравюры XVI в.*

Деталь весов и «носы» — палочки с зарубками для счета — из раскопок на территории Зарядья. XVII в. *Собрание Музея Москвы*

Лавка сапожника и московитские деньги.
Гравюра из книги Олария

Гири. Из раскопок на территории Зарядья.
XVII в. Собрание Музея Москвы

Интерьер
Успенского собора
Московского Кремля

Подъем колокола
на колокольню «Иван Великий».
*Рисунок из книги «Путешествие
в Московию» Э. Пальмквиста. 1674 г.*

Церковь Николая «Большой крест» на Ильинке. *Литография 1840-х гг.*

«Шествие на осляти» —
выход патриарха из Кремля в Покровский собор в Вербное воскресенье.
Гравюра из «Путешествия в Московию» А. Мейерберга. 1663 (1679?) г.

Крестное целование. Гравюра из книги А. Олеария

Сани знатной
женщины
на московской
улице.
*Гравюра из книги
А. Оlearия*

Знатная горожанка
в душегрее.
*Западноевропейская
гравюра XVI в.*

Общественные бани
в XVII веке.
А. Васнецов.
1928 г.

Баня.
Миниатюра
из книги
«Лекарство душевное».
Конец XVII в.

Венчание.

Гравюра из книги А. Олеария

Поминование усопших.

Гравюра из книги А. Олеария

Пир в Грановитой палате Московского Кремля.
Миниатюра из книги «Об избрании на царство царя Михаила Федоровича».
1672 г.

Свадебный пир. *Гравюра из книги А. Оллария*

Кабак.

Гравюра из книги А. Оллария

Кубок, стопа, кружка, стакан, братина, ковш, чарка

Царь Иван Грозный показывает сокровища английскому послу Горсею.
А. Литовченко. 1875 г.

Ильинский клад. XVII в. Собрание Музея Москвы

Икона «Насаждение древа государства Российского»
с изображением Московского Кремля и членов царской семьи.
С. Ушаков. 1668 г.

«Спасский мост... отличался от Никольского тем, что, в силу большого торгового движения вблизи него, он был застроен по сторонам небольшими торговыми лавками, в которых главным товаром была грамотность, т. е. рукописные, а потом печатные книги и тетради, а также и лубочные картины и фряжские листы (иноземные гравированные эстампы) и т. п. В том отношении Спасский мост представлял в древней Москве средоточие всенародных потребностей именно в той грамотности, если не просвещении, какая в то время господствовала во всем составе народного знания или образования...

Главными производителями этой литературы, по всему видимо, были низший разряд церковников, оставленные священники, дьяконы, пономари, монахи, даже вообще грамотные люди из простонародья, которые во множестве толпились на площади у Спасского моста как особый отряд общей великой толпы, заполнявшей всю Красную площадь походячею торговлею.

В XVII ст. на Спасском крестце собирались безместные попы (наймиты), нанимавшиеся отправлять церковныя службы в домовых и приходских церквях. От этого крестца они так и прозывались крестцовскими попами и по случаям требования торговали божественною литургиею, как выразился про них первый из патриархов Иов.

Но об этом самом крестце упоминает уже известный Стоглав или Стоглавный собор 1551 г. ...В 69 главе своих установлений он свидетельствует, что «в царствующем граде Москве в митрополиче дворе исконивечная тиунская пошлина ведется глаголема Крестец, не вем како уставися кроме священных правил. Изо всех городов Русской митрополии архимандриты, игумены, протопопы, священноиноки, священники и дьяконы, приедет [кто] по своей воле, за своими делами, иные за поручками и приставами в боях и грабежах и в прочих различных делах, — да живучи на Москве, сходятся на Крестце, на торгу, на Ильинской улице да наймутся у московских священников по многим святым церквам обедни служить; да о том митрополичу тиуну являются и знамя (письменный документ. — *С. III.*) у него емлют одни на месяц, иные на два, другие же множае и пошлину ему от того дают на месяц по 10 денег, иные по два алтына. А которые не доложат тиуну начнуть служити, и он на них емлет промыты (штраф. — *С. III.*) по два рубля, а о

том не обыскивает, есть ли у них ставленья и отпускныя грамоты и благословенныя». Собор установил без явки таких грамот не давать разрешения служить обедни по найму, а тем, кто приедет в Москву тягаться по суду, или попавшим под суд, если и грамоты представят, совсем не давать разрешения».

Священники и дьяконы собирались на Спасском крестце, поскольку там располагалась Тиунская изба — орган, «заведывавший порядками поповского управления и собиравший упомянутые, как и другие различные и крестцовские пошрины с церковников в доход патриаршаго дома». Это собрание сильно раздражало ревнителей благочестия, и патриарху не раз поступали жалобы на безместных попов, которые «безчинства чинят великия, меж себя бранятся и укоризны чинят скарденныя и смехотворныя, а иные меж себя играют и борются и в кулачки бьются; а которые наймуются обедни служить, и они с своею братьею, с которыми бранилися, не простясь, божественную литургию служат».

На протяжении XVII века духовные власти тщетно пытались привести шумную братию к порядку и добиться того, чтобы попы «стояли б у правила со страхом Божиим и смехословия никакого и безчинства у них бы не было; а служить им наймоватися с патриаршаго указу...». В 1722 году Синод намеревался ликвидировать это собрание, но ввиду большого спроса на совершение различных обрядов в домашних храмах и часовнях крестцовские попы и дьяконы никак не исчезали от Спасских ворот. Ситуация не изменилась и во второй половине XVIII столетия. Красочную картину «неблагоповедения» крестцовских попов и дьяконов изобразил в 1768 году московский архиепископ Амвросий: «В Москве праздных священников и прочего церковного причта людей премногое число шатается, которые к крайнему соблазну, стоя на Спасском крестце для найму к служению по церквам, великия делают безобразия, производят между собою торг и при убавке друг перед другом цены вместо подлежащаго священнику благоговения произносят с великою враждою сквернословную брань, иногда же делают и драку. А после служения, не

имея собственного дому и пристанища, остальное время или по казенным питейным домам и харчевням провозжают или же, напившись допьяна, по улицам безобразно скитаются».

Это заключение привело Амвросия к окончательно решению ликвидировать неблагочестивое сборище, что произошло уже после его трагической гибели во время Чумного бунта в 1771 году. «Так как народное возмущение началось и сильно распространялось по поводу молебнов у Варварских ворот пред иконою Боголюбской Божией Матери, а главное, по поводу собираемых за молебны денег, то по связи всех обстоятельств невозможно избежать предположения, что в распространении возмущения и ненависти против архипастыря участвовал и разоренный им Спасский крестец», — заключает И. Е. Забелин¹⁸².

«А было б везде чисто»

Соблюдение чистоты на московских улицах и дворах составляло важную задачу для Земского приказа. «Улицы в Москве довольно широки, но осенью и вообще в дождливую погоду ужасно грязны, и грязь там глубокая; поэтому лучшие улицы выложены деревянной мостовой, состоящей из положенных одно подле другого бревен, по которым ходят и ездят, как по мосту», — рассказывает Олеарий. О грязи на улицах города напоминают старинные топонимы («Грязь», «Грязи», «Глинище», «Балчуг» и др.), часть которых сохранилась и донныне (Садовая-Черногрязская улица, Спасоглинищевский переулок).

Следить за тем, чтобы на улицах не было «нечистоты и помету», поручалось объезжим головам, однако убирать как дворы, так и улицы должны были сами жители. Москвичи по-разному относились к этим обязанностям. Некоторые сами умножали грязь, выбрасывая на улицу разный сор, вывозя навоз, вываливая мусор и нечистоты.

В марте 1585 года, как только начал таять снег, власти Троицкого Болдина монастыря подрядили за девять

денег батраков «чистить кельи и возить с двора» на монастырском подворье. Следующая уборка подворья проводилась 19 апреля и стоила монастырским властям уже целых восемь алтын. 16 апреля 1587 года монахи наняли извозчиков «возити грязи с улицы с Покровки от монастырского двора за город»¹⁸³. В 1702 году Францу Тиммерману и другим иноземцам, подрядившимся класть деревянные мостовые в Иноземной (Новой Немецкой) слободе, вменялось в обязанность «гряз... и навоз и землю до подошвы изо всех улиц свозить». Однако, как выяснилось впоследствии, ничего этого они не сделали¹⁸⁴.

В большинстве московских дворов нужники ставились на дворах или в сенях. В 1712 году, ходатайствуя о расширении монастырской территории до стены Белого города, игуменья Олимпиада доносила, что на этом участке земли «останется для нужников и для поклажи дров» пять саженей. Очевидно, такие нужники были деревянными и ставились в отдалении от жилья, существенно не отличаясь от позднейших дачных сортиров. В каменных палатах под нужники отводились специальные помещения, отгороженные от других деревянными стенами. В деревянных хоромах туалет именовался «столчаковской избой» (отсюда произошло современное слово «стульчак»). Такая «изба» была включена в единый комплекс с другими помещениями — в нее проходили через переходы-сени.

Оба вида отхожих мест — дворовые и домовые — чистились нанимаемыми рабочими. Любопытно, что в XVII веке слово «золотарь» по отношению к этим рабочим не употреблялось — их называли «чистопрятами». 8 февраля 1697 года сестры Вознесенского монастыря наняли «чистопрятов», крестьянина Костку Офанасьева «с товарищи», «вычистити в монастыре большой игуменский да в Приказе монастырских дел нужники». Сумма вознаграждения Костке и его товарищам представляется вполне приличной — два рубля десять алтын, поскольку «чистопряты» за очистку 15 марта того же года «келарского и казначейского» нужников получили всего 23 алтына и две деньги. Нечистоты выгребались и вывозились за город, «ниже Спасского монастыря Но-

вого», где их предписывалось забрасывать землей. Понимая опасность того, что нечистоты во время дождей или паводка могут попасть в реку, власти мудро распорядились сваливать их ниже по течению.

Впрочем, такой порядок не всегда поддерживался. Некоторые хозяева, ленившиеся чистить нужники, засыпали их и выкапывали новые. Были на дворах и помойные ямы, которые также, если пространство двора позволяло, закапывали¹⁸⁵.

Европейцы обычно считали себя гораздо культурнее русских во всех отношениях; однако свидетельство голландца Николааса Витсена (1664) весьма красноречиво показывает, что иноземные гости были готовы пренебречь санитарией, а русские, напротив, довольно жестко за ней следили: «В комнатах обычно имеются окошки, через которые мы часто ночью мочились. Как-то через окно один из членов английского посольства справил свою нужду. Русские узнали об этом, а он сбежал; если бы его поймали, то зарубили бы. Это заставило нас остерегаться»¹⁸⁶.

Полноценная канализация в XVII веке существовала только в царском дворце; она выводила нечистоты в Неглинную у Боровицких ворот. Лейб-медик царя Алексея Михайловича С. Коллинс рассказывает: «Старый генерал, Александр Лессли, 99-летний шотландец, который живет теперь в Смоленске, говорил однажды с императором о способах взять Смоленск приступом. Царь слушал внимательно и не отпускал от себя генерала Лессли, которого мучил очень жестокий понос; скромность удержала его слишком долго; наконец, потеряв терпение, он вдруг ушел. Император удивился и спрашивал о причине его внезапного удаления; но, узнав ее, смеялся от всего сердца и тем показал, что не был в неудовольствии за внезапное удаление генерала»¹⁸⁷. Эта история, помимо прочего, свидетельствует о наличии в царском дворце туалетов, доступных для посетителей.

Нечистоты не составляли большой проблемы в Москве, где не было, как в западноевропейских городах, общественных туалетов. Но с разнообразным мусором, кухонными отходами и дохлятиной приходилось бороться более серьезно. Опись повреждений Китайго-

родской стены, составленная в 1629 году, отмечает, что в промежутке между Никольскими и Ильинскими воротами жители «из дворов навоз и всякое сметье мечют в ров»¹⁸⁸. Перед большими крестными ходами с участием царя и патриарха по улице проходили 50 метельщиков, подметавших мостовые. Большая приборка велась и перед приездом в город иностранных послов. Повседневная обязанность содержать улицы в чистоте была возложена на горожан, которым предписывалось: «В улицах всё вычистить. Чтобы из поварен и из заходов на улицу отнюдь не было». Следили за этим объезжие головы и другие представители власти.

Особую проблему составляли торговые ряды. Нередко хозяева лавок прятали там мертвечину, которую скармливали собакам. В 1693 году торговец Железного ряда Сергей Ловушкин был взят на съезжий двор и бит батогами за то, что спрятал у себя дохлую корову. В 1692-м торговцы Холщевого, Шубного и Птичного рядов жаловались, что в соседних Овчинном и Лапотном рядах некоторые места настолько «заскордели пометом», что «от того помету и от духу сидеть в лавках невозможно»¹⁸⁹. Позднее, в XVIII—XIX веках, прославился своей вопиющей антисанитарией Охотный ряд.

В Зарядье по соседству с торговыми рядами находился Мытный двор, на котором взимали пошлину с различных товаров, в том числе скота и птицы. В связи с этим, писал в XIX веке видный москвовед А. А. Мартынов, «от помета разного рода здесь была большая нечистота, поэтому раньше и переулочек назывался Пометным». Мытный двор просуществовал здесь до XVIII столетия, оставив в слоях второй половины XVI века вполне узнаваемые следы — мощный слой навоза со щепой (видимо, затем навоз стали убирать). В этом слое обнаружены интересные находки — палочки с зарубками для счета, так называемые носы, породившие поговорку «Заруби себе на носу»¹⁹⁰.

Замусоренность московских улиц вызвала указ Петра I от 8 апреля 1699 года: «По Москве по большим улицам и по переулкам чтобы помету никакого и мертвечины не было, а было б везде чисто; и о том указал великий государь сказать на Москве всяких чинов людям»¹⁹¹. На-

рушителей ждало суровое наказание — битье кнутом и штраф. Впрочем, такие меры не могли решить проблему. После кончины первого императора даже Кремль, покинутый и постепенно разрушавшийся, был завален нечистотами и мусором. В 1727 году начальство Казенного двора сообщало: «От старого и доимочного приказов всякой пометной и непотребный сор от нужников и от постою лошадей подвергает царскую казну немалой опасности, ибо от того является смрадный дух, а от того духа Его Императорского Величества золотой и серебряной посуде и иной казне ожидать опасной беды, отчего б не почернела»¹⁹².

Грязь на московских улицах оставалась насущной проблемой вплоть до конца XIX века. В ней тонули экипажи, лошади, горожане теряли обувь. Знаменитый разбойник XVIII столетия Ванька Каин использовал это обстоятельство при совершении одного из грабежей: завез угнанную груженую карету в грязь, посадил в нее сообщницу, а сам с подручными под видом провинившихся слуг спокойно выносил имущество, награждаемый потоками брани, исходящими от мнимой «барыни». Однако в средневековых городах Западной Европы дела обстояли еще хуже. Стоки общественных и частных туалетов вели к городским ручьям и рекам. В 1350 году под Монмартром построили первую подземную клоаку. Дурной запах, исходивший от нее, заставил короля Франциска I (1515—1547) перевезти свою мать Луизу Савойскую из Лувра в Тюильри. В Москве до таких ужасов не доходило — ее воздух очищался многочисленными садами, а горожане поддерживали чистоту частыми посещениями бань, стоявших на Москве-реке и Неглинной.

Московский двор

В Средние века дома горожан существенно различались в зависимости от благосостояния и социального положения владельцев. В разных частях этого обширного спектра были великолепные дворцы царя и патриарха, хоромы бояр, думных людей и богатых купцов,

рядовые дворы посадских, курные избы небогатых горожан. Существенно различались также размеры дворовладений, хотя иностранцы отмечают, что характерными особенностями московских дворов являлись их обширность и наличие у большинства сада и огорода. Отразились эти реалии и в народной песне «По улице мостовой»:

Ах ты, парень, паренек,
Твой глупенький разумок!
Не кричи во весь народ:
Мой батюшка у ворот,
Зовет меня в огород,
Чесноку, луку полоть,
Маку сеяного,
Луку зеленого.

Наиболее подробно пишет о московских домах (1527) П. Иовий со слов Д. Герасимова: «Именно городские здания тянутся длинной полосой по берегу Москвы на пространстве пяти миль. Дома в общем деревянные, делятся на три помещения: столовую, кухню и спальню; по вместимости они просторны, но не огромны по своей постройке и не чересчур низки... Почти все дома имеют при себе сады как для разведения овощей, так и для удовольствия, отчего редкий город по своей окружности кажется много большим»¹⁹³.

Многочисленные археологические находки и документы, а также сохранившиеся здания XVI—XVII веков позволяют достаточно полно представить себе различные типы московских домов. Каменных палат XVII столетия до нашего времени дошло несколько десятков.

С самого начала существования города его застройка состояла из дворов-усадеб. Жилой дом, хозяйственные постройки, мастерские, сад, огород, парадный двор — всё это окружал частокол или тын — забор с воротами. Для того чтобы войти на чужой двор, нужно было, постучав, сказать: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!» С ответным возгласом «Аминь!» ворота открывали. Такой порядок и поныне существует в монастырях.

Двор богатой усадьбы был замощен плахами и дранью. Боярский дом обычно стоял в глубине двора. На улицу выходили тын и здания хозяйственных построек.

ек. Позднее, в XVIII веке, в дворянских усадьбах сформировался курдонер — парадный, чистый двор перед главным домом, а хозяйственные постройки и сад были отнесены за дом. Ремесленники и торговцы, напротив, стремились располагать свои дома ближе к улице для удобства общения с покупателями и заказчиками. В раннесредневековой Москве, как свидетельствуют результаты раскопок в Зарядье, твердых традиций на этот счет еще не сложилось: дом кожевника в усадьбе XII—XIII веков стоял в глубине двора, дом литейщика-ювелира XIV—XV столетий выходил на улицу, дом сапожника XV века стоял во дворе. В усадьбе литейщика рабочее помещение было устроено позади дома под навесом и углублено в землю; там же находились печь-домница, хозяйственная постройка (видимо, хлев) и колодец¹⁹⁴.

Деревянные жилые дома в XII—XV веках были срубными. Они строились обычно из сосны и ели; реже применялся дуб — обычно его использовали для хозяйственных построек и оборонительных сооружений. Чаще всего дом имел подклет, где хранились припасы; над ним располагалась жилая комната с печью. В жилище поднимались по наружной лестнице. Встречались также и поземные дома, стены которых утеплялись земляной подсыпкой — завалинкой. Но и в этом случае дом мог иметь погреб, заглубленный в землю. Конструктивную основу дома составляла квадратная клеть, которая рубилась «в обло» — на концах бревен сверху делалась полукруглая выемка, огибавшая вышележащее бревно.

«Дома их деревянные, без извести и камня, построенны весьма плотно и тепло из сосновых бревен, которые кладутся одно на другое и скрепляются по углам связями, — пишет Флетчер. — Между бревнами кладут мох (его собирают в большом изобилии в лесах) для предохранения от действия наружного воздуха»¹⁹⁵.

Часто цельный сруб разделялся капитальной стеной пополам, при этом в одной части дома — избе («истобке») располагалась печь, а через нее входили в другую — чистую, неотапливаемую (светлицу).

Самые простые избы, топившиеся по-черному — без трубы, имели маленькие волоковые окна — выемки в двух бревнах, вырубленные на половину их ширины,

закрывавшиеся деревянными задвижками. В такие окна в железной раме могли вставлять куски слюды. В целях экономии тепла в черных, курных избах могли и вовсе обойтись без окон. Потолка в этих домах не было, дым поднимался под крышу и выходил через ее щели. Поскольку дымовой слой находился на довольно большой высоте, то находиться в этих домах было не так трудно, как представляется. Иностранцам, впрочем, такое жилье казалось некомфортным. «Дома в этом городе, как и в прочих городах и селениях, небольшие и дурно расположенные, без всякого удобства и надлежащего устройства, — пишет англичанин Р. Барберини. — Во-первых, большая изба, где едят, работают, одним словом, делают всё: в ней находится печь, нагревающая избу, и на этой печи обыкновенно ложится спать все семейство; между тем не придет им в голову хотя б провести дымовую трубу, а то дают распространяться дыму по избе, выпуская его только чрез двери и окна, так что немалое накавание там оставаться»¹⁹⁶.

В домах, где была печь с трубой, делали окна современного типа, которые закрывали растянутым бычьим пузырем, слюдяной оконницей, реже — стеклом. Такие окна называются красными или косячатыми. Стекло появляется в Москве довольно рано — в XIV веке.

Двускатные крыши домов крылись тесом (тонкими досками древесины разных пород), дранью (тонкими пластинами хвойных деревьев) и лемехом (изогнутыми деревянными дощечками)¹⁹⁷.

Богатые хоромы того же времени состояли из нескольких срубов и обычно достигали трех этажей: первый был отведен под нежилые постройки, служившие для хозяйственных нужд; на втором находились основные помещения — жилые комнаты и парадные горницы, где принимали гостей; на третьем располагались терема и светлицы, а также галереи-гульбища. Крытая галерея верхнего этажа в XII—XV веках именовалась сенями. Особые сени устраивались для хозяйки со свитой. Деревянные хоромы венчал терем с высокой крышей, откуда через «стекольчатые окна» открывался вид на город и окрестности.

Деревянные хоромы знати богато украшались резь-

бой, металлическими коваными деталями, на крыши выходили дымовые трубы с резными украшениями. Отдельно стоявшие (или соединенные со всем комплексом сенями) «повалуши», по мнению М. Г. Рабиновича, являлись башнеобразными сооружениями в несколько этажей на подклетах, схожими с теремами, и имели расписные горницы без печей. Возможно, первоначально они являлись сторожевыми башнями. На тогдашних миниатюрах крыши княжеских палат изображаются двускатными, а «повалуши» завершаются крышами разных видов — двускатными, четырехскатными, бочкообразными¹⁹⁸.

Располагавшиеся на дворах хозяйственные постройки также были срубными. Самые простейшие погреба представляли собой врытые в землю бочку, выдолбленную из целого пня, или сосуд. У зажиточных людей погреб мог быть двухэтажным, над ним возвышалась «напогребница», в которой тоже хранили запасы. На дворах стояли поварни (с XV века — могли быть и каменные, но чаще всё же деревянные), конюшни, хлев, бани¹⁹⁹.

В XV—XVI веках наряду с распространением каменных и кирпичных построек появляются комбинированные — возведенные из камня и дерева. Каменная палата могла встраиваться в обширный деревянный дом, часто на каменном первом этаже ставили деревянные второй и третий. В XVI столетии на каменном подклете царского дворца высились «брусяные избы». Москвичи предпочитали жить в деревянных помещениях, более полезных для здоровья. С ними был согласен Флетчер: «Деревянная постройка для русских, по-видимому, гораздо удобнее, нежели каменная или кирпичная, потому что в последних больше сырости и они холоднее, чем деревянные дома, особенно из сухого соснового лесу, который больше дает тепла»²⁰⁰. Сходное сообщение содержится и у Павла Алеппского.

В это время распространяется новый строительный прием — рубка углов сруба «в лапу», при которой концы бревен не выступают за плоскость стены. Московские плотники применяли самый сложный вариант такого крепления — «в лапу с зубом» (прямоугольным

выступом в верхнем бревне, входящим в соответствующий паз нижнего бревна). Как и в более ранний период, деревянные дома XVI—XVII веков ставились на подклете или были поземными. При раскопках были обнаружены остатки поземных домов с погребями. В доме хлебника в Заяузье в погребе хранились бочки с зерном, хотя на усадьбе был и амбар. В XVI—XVII веках получают распространение дома, состоящие из трех помещений — избы, сеней и клети. Изба, как и ранее, была единственным отапливаемым помещением, она стояла на подклете и потому именовалась горницей (от слова «горний» — верхний, высший). Горница была «черной» или «белой». Печь складывали из кирпича или делали глинобитной, трубы в «белой» горнице были керамическими и имели вьюшки. На некоторых рисунках XVI века встречаются изображения деревянных трубдымниц, подобных тем, что, согласно этнографическим данным, использовали крестьяне в XIX столетии²⁰¹.

Богатые хоромы отличались большими размерами, сложной планировкой и значительной высотой. Они всегда ставились на подклетах и на уровне второго этажа соединялись переходами и сенями. Такой комплекс включал в себя жилые помещения — покои хозяина, его жены, комнаты детей, рабочий кабинет, а также парадные и хозяйственные помещения. Сени, часто встречающиеся в богатых домах XVI—XVII веков, в это время превратились в неотапливаемые помещения типа прихожей или передней. Они могли выполнять роль парадной приемной — в таком случае их богато украшали. Помимо горниц и изб (упоминаются также «столовые избы») в состав богатых палат входили чердаки (верхние помещения над сенями или горницами), чуланы (жилые комнаты или кладовые), светлицы (там женская часть домочадцев занималась рукоделием), «повалуши». Последние соединялись с палатами сенями и переходами, но стояли отдельно. Зато в общей связи с другими постройками находилась мыльня — небольшая баня. Включалась в этот комплекс и домовая церковь, располагавшаяся на втором или третьем этаже²⁰².

На обширных дворах XVI—XVII веков выделялись зоны, имевшие различное предназначение. Двор перед

господским домом был парадным, чистым. По нему, спешившись либо выйдя из саней или кареты, к парадному крыльцу проходил гость. Передний двор образовывали не только забор с воротами, но и постройки, выходившие фасадами на улицу. Чаще всего это были амбары, сушила, «людские чуланы», житницы, ледники, дровяные сараи и т. д. За боярским домом располагался хозяйственный двор, на котором стояли поварни, конюшни, хлев, псарни, были разбиты сад и огород, могли располагаться мастерские ремесленников, кузницы, баня. Двор мог заборами делиться на части — отделялись от других территорий сад, хозяйственный двор. Иногда для этого было достаточно плетня, который не давал скотине и домашней птице пробраться на огород. На дворах были вырыты колодцы. Помимо частных существовали и особые «большие колодези» для «пожарного времени», которые устраивались на улицах по одному на десять дворов. Колодец имелся не на каждом дворе, и, видимо, не из каждого колодца можно было пить воду, поэтому на боярских дворах жили слуги-водоносы²⁰³.

Во второй половине XVII века правительство обращало особое внимание на каменное строительство в Москве. Возведение каменных домов представлялось властям лучшим средством против распространения пожаров. Еще в 1633 году царский указ обещал желающим «ставить палаты каменные»: «...и тем людям от государя и отца его государева великого государя святейшего патриарха будет милостивое слово».

Однако число каменных домов увеличивалось медленно, и к концу столетия царские указы изменили тональность. 23 октября 1681 года указ «о покрытии палатного строения тесом или дранью и о делании каменного строения» уже требовал, чтобы «всякое палатное строение крыли тесом, а сверх тесу усыпали землей и укладывали дерном; или крыть дранью на подставках, чтобы легче тесу для того, чтобы в пожарное время можно было для отъёмки кровли сломать скорее, чтобы от того пожары не множились». Кроме этого, объявлялось: «...у которых у вас дворы по большим улицам, к городской стене к Китаю и к Белому городу, и которые

ныне погорели, и тем людям указал Великий Государь делать каменное строение; а на то строение пожаловал Великий Государь, велел вам дать кирпичу из приказа Большого дворца по указной цене по полтора рубля за тысячу, в долг, а деньги в Свою Государеву казну взять с вас погодно в десять лет... А кому за чем каменного строения строить не в мочь, и тем по большим улицам, вместо забору, строить стенки каменные неотложно по весне, для того, что большие улицы, во многих местах тесны, и в пожарное б время свободно было стрельцам от пожара дворы отымать». Видимо, никто не спешил воспользоваться царской милостью, поэтому 1 сентября 1685 года и 3 октября 1688-го правительство царевны Софьи повторило этот указ, прибавив: «Деревянного строительства отнюдь никому не делать, а кто сделает какие хоромы или чердаки высокие, у тех строение велеть сломать»²⁰⁴.

Несмотря на это, вплоть до конца столетия Москва оставалась в основном деревянным городом. Даже в 1787 году число каменных домов в городе составляло 18 процентов. С учетом каменного строительства, которое велось в XVIII веке, можно полагать, что веком ранее число каменных домов не достигало и десяти процентов.

На протяжении всего XVII столетия на дворах москвичей строились и сохранялись те же основные типы и виды построек, но сочетание основных элементов дома и дворовых строений в каждом владении было своеобразным, о чем свидетельствуют их описания в документах. Выше уже приводилось описание усадьбы князя И. В. Ромодановского, вольготно расположившейся за стенами Богоявленского монастыря. Еще более обширным был двор князя Юрия Андреевича Пенинского-Оболенского, который описан в его духовной грамоте, составленной не позднее 1565 года: «А что на Москве на моем подворье хоромов на заднем дворе горница с комнатою, перед комнатою сени, перед горницей повалуша да сени же, да на заднем дворе две избы хлебные, да пивоварня, да поварня, да мыльня, а на переднем дворе две повалуши да анбар, а на другую сторону ворот два погребя, конюшня, две сенницы да житница. А сто-

ловую горницу с комнатою и с подклеты, да повалушу комнат... да сени с задним крыльцом, и с переходы, да горница одинока на конюшенном дворе...» Как видим, в княжеской усадьбе было два двора — передний и задний, господский дом располагался в глубине и состоял из нескольких помещений. Столовая горница с «повалушей», сенями и переходами стояла отдельно²⁰⁵.

В 1559 году Яков Степанович Бундов продал Кирилло-Белозерскому монастырю двор «на Орбате подле Савинского монастыря», на котором стояли три избы, «да пристена (пристройка к стене дома. — *С. Ш.*), да клеть», мыльня, погреб, ледник с напогребицами. Двор был огорожен заметом — дощатым забором²⁰⁶.

В 1586/87 году Дмитрий Леонтьевич Ворыпаев заложил свой двор у церкви Введения во храм Богородицы рядом с Соловецким подворьем монаху Протасию за пять рублей. На дворе имелись «горенка да сени бревенные не покрыты, да погреб под сеньми, да мыленка ветха, да городьба кругом»²⁰⁷.

Вдова сусального мастера Афанасия Яковлева Анна Сидоровна в 1630 году продала Новоспасскому монастырю за 30 рублей двор «за Яу[з]скими вороты, за Белым городом, в слободе Денежных мастеров, в приходе Живоначальные Троицы и Чюдотворца Сергия». На дворе стояли строения: «изба, а против избы повалуша, а промеж избы-повалуши (в данном случае, вероятно, так названа горница на высоком подклете. — *С. Ш.*) сени с крыльцом; да на дворе погреб». Владение было окружено «городьбой» и соседствовало с подворьем Новоспасского монастыря, потому и было приобретено старцами²⁰⁸.

В 1646 году Федор Криков Большой Протасьев продал Никифору Демидовичу Малыгину за 100 рублей двор у Никитских ворот Белого города. На дворе находились «горница на подклете, против ее повалуша, меж ими сени, да два погреба, да колодезь, а двор огорожен забором»²⁰⁹.

В 1674 году было составлено описание двора стольника Петра Хитрово (ранее он принадлежал дьяку Ефиму Юрьеву) у Пречистенских ворот. Двор имел в длину от ворот $25\frac{1}{2}$ сажени, поперек на одном конце $19\frac{1}{6}$

сажени, на другом — 11¼ сажени (всего — 378 квадратных сажений). На нем располагалось довольно много строений, весьма тесно поставленных: «палата передняя, сени, другая палата, сени проходные о 3 житъях, третья палата, четвертая палата, где кладут запасы, под ней палата ж. Перед тою палатою сени да чюлан, а под теми всеми палатами два погреба мерою против палат, да подле погребов палатка, да на дворе другая палатка людцкая, избушка людская да полатка, где кладут хлебные запасы, а у тех у всех и у сеней, вместо сводов, потолки деревянные; да деревяннаго строения: на больших палатах два чердака горница на жиле подклете, изба белая с сеньми передними, клетка, ледник дубовый, на нем напобребица, 5 чюланов людцких, конюшня, на ней сушило, да два чюлана, сарай, покрытый дравью, горница на жиле подклете, изба белая с сеньми передними, тесом; около двора 18 звен забору; на том же дворе сад...»²¹⁰.

Бывали, впрочем, и редкие случаи появления иных типов сооружений. На дворах бояр ставились каменные церкви, а на дворе известного своим нищелюбием Федора Михайловича Ртищева были две богадельни, одна из которых была каменной. Строили богадельни также и другие состоятельные дворовладельцы.

Сборник правил, советов и наставлений XVI века «Домострой» предписывал рачительному хозяину особенно заботиться о своем доме: «...езде на дворе всегда у себя смотрети, или ключнику, или кому приказано, или тын попортился, или городба в поле или в огороде, или ворота, или замки попортились, или которой хоромины кровля гнила или об[в]етшала, или конюшни и хлевы, и всякая хоромина, или жолобы засорилися, всё то смывати и мести, и жолобы вычищати, и перекрывать, и перекрепливати, кое поветшало и поломилось...»²¹¹

Дотошный автор наставлений, казалось, не упустил ни одного элемента обширного московского дома, призывая чинить окна, столы, лавки, двери, ставни, цепи; наблюдать за порядком в мыльне, погребе, леднике и т. д.; смотреть, чтобы «всё бы было и твердо и крепко и не згнило и не накапало и не нагрязнено и не намочено и в кровли и в суши, ино тому подворью, и всякому оби-

ходу домовитому старости и об[в]етшания нет, всегда живет внове». Предписывалось уделять особое внимание печам, следить за тем, чтобы по двору не валялись метлы и лопаты, колодец был чистым, а если колодца нет — чтобы существовал запас воды на случай пожара.

Особые главы в «Домострое» посвящены обустройству хозяйственного двора — поварен, пивоварен, винокурен, погребов, ледников, сушил, сенниц, житниц, конюшен, скотных дворов и т. д. Не забыл автор напомнить, что собак необходимо держать на привязи или цепи, и сделал это весьма своевременно — Судебник 1589 года предусматривал ответственность хозяев: «А у кого во дворе или под окном на улице или в избе собака изъест стороннего человека, ино чем тот раненый пожалует, или кормить, поить и рана лечить, покаместа изживет, тому на дому своем, чья собака, потому что, зная у себя собаку съедисту, а не крепит...»²¹²

Самая обширная глава, касающаяся дворовой территории, в «Домострое» посвящена тому, «как огород и сад водити»: как огораживать и охранять территорию, удобрять почву, спасать посадки от мороза, создавать парники, ухаживать за растениями и овощами. Судя по «Домострою», на московском дворе XVI века произрастали яблони, груши, вишни, капуста, свекла, огурцы, дыни, морковь, горошек, борщевик (его съедобные листья использовали в пищу — варили и добавляли соленья) и зерновые²¹³.

По «Домострою» сад и огород носили исключительно утилитарный характер, но в то время, как утверждает Иовий, сады создавались также «для удовольствия». В XVII веке на декоративные элементы в садах стали обращать еще больше внимания. Рейтенфельс свидетельствует: «Богатые люди присоединяют к городским домам своим садики, засаженные пахучими растениями»²¹⁴.

Огромный сад был на дворе боярина Василия Ивановича Стрешнева на Воздвиженке. Сам двор имел протяженность в 70 саженей по Воздвиженке, 40 саженей по переулку, шедшему от Знаменки, по двум другим сторонам — 64 и 54 сажени. Сад, располагавшийся за главным домом, в длину достигал 33 саженей (вдоль сорокасаженной стены), а в ширину — 20,5. Видимо, Стрешнев

был большим любителем садов — он владел также загородным двором и огородом подле Остожного двора за Пречистенскими воротами и огородом за Фроловскими воротами²¹⁵.

К сожалению, мы не знаем, что росло в саду у Стрешнева, однако другие описания московских дворов дают представления о разводимых растениях. Так, у стольника Петра Хитрово росли «4 черемхи, 2 рябины» — деревья, имевшие чисто декоративную функцию. На одном из посадских дворов на Поварской можно было увидеть более полезные растения: «22 яблони, да груша, куст вишен, три куста серебориннику (возможно, шиповника. — *С. Ш.*), да смородины 17 кустов красной доброй, 13 кустов красной плохой, да белой куст, крыжу (крыжовника. — *С. Ш.*) 11 кустов; да цветов: куст пионий, да лилей и гвоздики мест с 20, малины 3 куста». Как можно видеть, этот сад сочетал в себе плодовые деревья и кусты с цветами. В XVII веке, по свидетельству Олеария, в России начинают выращивать розы²¹⁶.

Наибольших успехов в садоводстве достигли царские садовники. В Кремлевском дворце были устроены Верхний и Нижний Набережные сады, процветали Государев сад за Москвой-рекой и Аптекарские сады в Москве. Однако самыми великолепными были сады в царских загородных усадьбах, прежде всего в Измайлове.

Царь, не ограниченный ни в средствах, ни в размерах своих владений, мог производить какие угодно садовые эксперименты. Простым москвичам в этом отношении было труднее — размеры их садов напрямую зависели от площади дворовладений, а та, в свою очередь, от социального статуса владельца.

«Размеря против наказу...»

В Средние века церковное и частное землевладение как в городах, так и за их пределами существенно уступало царскому. Вотчина — частное владение землей, находящейся в сельскохозяйственном обороте, — не сильно отличалась от поместья — условного владения (при условии и на срок службы). Их хозяева были обя-

заны нести государеву службу, выступать в поход «конно, людно и оружно». Разница между вотчиной и поместьем состояла в том, что первую можно было продавать, завещать, давать в монастыри, закладывать, а второе — нет.

В городах ситуация была несколько иной. Дворы служилых людей «по отечеству» (бояр и дворян) были освобождены от налогов (тягла), но с них платились подати на городские нужды — «мостовые» и «решеточные деньги». В таком же положении находились и церковные владения. И те и другие могли быть куплены, получены в наследство или в дар либо даны верховной властью. Служилые получали от царя за службу дворы, дворовые места и «огородную» землю. Такие «дачи» регламентировались согласно чину служилого человека. По ходу карьерного роста служилый человек мог несколько раз сменить место жительства, подавая челобитные о выделении ему более обширных дворовладений. Царь жаловал городские земли церковным иерархам и монастырям (последние чаще всего получали участки для строительства подворий), раздавал под дворы белому, приходскому духовенству. Эти владения были «обелены» — освобождены от тягла, а их владельцы назывались «беломестцами».

Другим типом белых земель были слободские. На них выделялись участки под дворы служилым людям «по прибору» или ремесленникам дворцовых слобод, «размеря против наказу». Хозяева таких дворов пользовались ими, пока несли государеву службу (стрельцы, пушкари) или трудились в мастерских «на царев обиход». До 1649 года существовали также белые слободы, в которых земля принадлежала духовным властям и боярам.

Жители черных слобод могли свободно заниматься торговлей и ремеслами, но несли тягло — платили поземельный налог. К тяглу прибавлялись городские повинности и выплаты, общие для всех дворовладельцев: сборы на мощение улиц и содержание решеток, сторожевая служба, поддержание улиц в чистоте. «Домострой» советовал дворовладельцу «дани и пошлины, и всякого оброку, и всяких даней и всяких государских

податей на себе не задерживати, копити не вдрут, а платити ранее до сроку»²¹⁷. В случае неуплаты горожанин рисковал попасть в тюрьму «на правеж» — его истязали до тех пор, пока он каким-нибудь образом не находил деньги.

После Смутного времени в Москве образовалось значительное количество опустевших территорий, которые правительство щедро раздавало служилым людям и ремесленникам дворцовых слобод. Однако к 1620 году большинство земель в пределах Белого и в значительной части Земляного города было роздано. Тогда служилые люди начали приобретать черные земли и «по стачке» с «тяглыми людьми» превращать эти дворы в белые. В результате черные слободы запустевали, недоимки росли, а доходы казны снижались. В 1621 году появился царский указ: «...тяглых дворов и дворовых мест беломестцам не продать, и не заложить, и по душе, и в приданое никому не отдать». Продажа и передача дворов в черных слободах могли осуществляться только между их жителями. Но москвичи игнорировали этот запрет. В 1639 году правительство его подтвердило, а в 1649-м он был закреплен в Соборном уложении, однако и после этого нарушался, что вызвало новый его повтор в указе 1660 года. В 1686 году новый указ несколько смягчил прежние требования — «беломестцам» было разрешено покупать дворы в черных слободах при условии, что они будут платить с него налог в тех же размерах. Как можно видеть, весь XVII век москвичи стремились облегчить себе жизнь, избавившись от тягла (не случайна его связь со словом «тяжесть»), пусть даже при помощи не вполне законных операций с недвижимостью в створе с более удачливыми «беломестцами»²¹⁸.

Само существование белых слобод вызывало недобрые чувства у жителей тяглых, черных слобод. «Заложившись» за патриарха, епископа, «честную обитель» или «сильного человека», сосед не платил городской налог, а вел такой же промысел и мастерил такую же продукцию. «Где же справедливость?» — вопрошал обитатель тяглого двора. Негодование жителей черных слобод вылилось на улицы во время московского восстания 1648 года (Соляного бунта), и правительство

было вынуждено прислушаться к гласу народа. Первая же статья девятнадцатой главы Соборного уложения гласила: «Которыя слободы на Москве патриарши и митрополичи и владычни и монастырския и бояр и околничих и думных и ближних и всяких чинов людей, а в тех слободах живут торговые и ремесленные люди и всякими торговыми промыслами промышляют и лавками владеют, а государевых податей не платят и служеб не служат, и те все слободы со всеми людьми, которые в тех слободах живут, всех взяти за государя в тягло и в службы безлетно и бесповоротно... А впредь, опричь государевых слобод, ничьим слободам на Москве и в городех не быть»²¹⁹.

Белые слободы церковных иерархов, монастырей и бояр были ликвидированы, но само белое землевладение сохранилось. По-прежнему оставалась актуальной и проблема проникновения «беломестцев» в черные слободы.

При распределении самих белых земель правительство стремилось следовать определенным нормативам, ставившим размеры выделяемого земельного участка в прямую зависимость от служебного положения его владельца. В 1643 году служилые люди были разделены на три «статьи». Людям первой «статьи» (боярам) давались двory размером 30×20 сажений. Окольничие и думные дьяки, составлявшие вторую «статью», получали владения площадью 30×15 сажений. В третьей «статье» оказались дворяне, дьяки и подьячие, размеры дворов которых должны были равняться 30×10 сажений²²⁰. При переводе в современную систему мер это соответственно 2799,3, 2099,5 и 1399,6 квадратного метра. Естественно, истинные размеры дворовладений служилых людей несколько отличались от «указных» (например, вышеупомянутый двор Петра Хитрово, принадлежавшего к третьей «статье», имел площадь в 378 квадратных сажений), но в целом такой порядок стремились соблюдать. Комментируя этот документ, П. В. Сытин пишет: «Это очень важный указ, сыгравший большую роль в планировке и застройке Москвы. До 1917 года и даже теперь площадь большинства дворов в Садовом кольце приближается к указанным трем размерам или

к их кратным, за исключением бывших дворов церковного причта на “монастырях” церквей, площадь которых большей частью не превышала 100 квадратных саженей. Длина дворов — 30 саженей — определила длину кварталов между переулками в 60 саженей, несколько уменьшенную впоследствии при расширении улиц за счет дворов, или удвоенную и утроенную при ликвидации некоторых переулков»²²¹.

В 1652 году при создании Иноземной (Новой Немецкой) слободы на Яузе был применен тот же принцип распределения земельных участков. Правда, слобода разбивалась на пустом месте, поэтому дворы здесь были ровнее, чем на московском посаде. Царский указ об организации слободы гласил: «Служивым немцам, первая статья, вдоль по 40, поперек по 20 саженей; другая статья, вдоль по 20, поперек по 15 саженей; третья статья, вдоль по 15, поперек по 10 саженей; а докторам — против первой статьи, аптекарям — против средней статьи, алмазного, и золотого, и серебряного, и канительного, или кружевного дела немцам мастерам... всем — против средней статьи, и торговым немцам, и вдовам, примеривая к прежним их московским дворам; меньших статей немцам: сержантам, и капралам, и полковым обозничим, всяких мелких чинов служилым немцам — вдоль по 10 саженей, поперек по 8 саженей... Дати под дворы места немцам, вдовам, и всяким мелким людям немцам, у которых своих дворов на Москве нет, вдоль по 8, поперек по 6 саженей...»²²²

Таким образом, площадь самых крупных дворов в Иноземной слободе составляла 3732,4 квадратных метра, самых мелких — 223,9 квадратных метра. Такие большие размеры «первостатейных» дворовладений, превышавших даже боярские, объясняются тем, что слобода ставилась за городом, где земля имела совсем иную цену, чем в пределах Земляного города. Примечательно, что в числе крупнейших дворовладельцев оказались протестантские пасторы.

В стрелецких слободах дворы полковников и сотников составляли 16×12, 14×12 и 12×12 саженей, их площадь — соответственно 895,7, 773,8 и 671 квадратный метр. Под дворы рядовых стрельцов выделялась

площадь в $5\frac{1}{4}\times 6$ саженей (146,9 квадратного метра). По указанию П. В. Сытина, близким по размеру к стрелецкому был обычный двор посадского человека — 116—139 квадратных метров²²³.

Анализ переписи московских дворов 1620 года, проведенный Е. А. Звягинцевым, показал, что крупных дворовладений в восточной части Белого города (от Неглинной до Яузы), заселенной в основном жителями черных, дворцовых и стрелецких слобод, было крайне мало. Из 3240 дворов всего восемь занимали площадь более тысячи квадратных саженей (4665,6 квадратного метра), 57 дворов — более 500 квадратных саженей (2332,8 квадратного метра), зато 804 двора имели 50 квадратных саженей (233 квадратных метра), а площадь почти двух тысяч дворов в среднем составляла около 60 квадратных саженей (279,9 квадратного метра). В дальнейшем и этот средний размер уменьшился почти вдвое из-за увеличения числа жителей Москвы. В загородной Мещанской слободе, которая, как и Иноземная, была разбита на пустом месте, средний размер двора составлял 20×5 саженей (466,5 квадратного метра), но встречались и дворы площадью 81,6 квадратного метра²²⁴.

Как можно видеть, размеры московских дворов весьма серьезно колебались — от гигантской усадьбы В. И. Стрешнева в 1,47 гектара до посадского «дворишка» с избой, службами и огородом общей площадью 139 квадратных метров. Однако маленькие дворы преобладали, а большие были редкостью. Этот вывод Е. А. Звягинцева и П. В. Сытина подтверждается исследованиями другого знатока средневековой Москвы С. К. Богоявленского. Он оценивал население Москвы в последней четверти XVII века примерно в 200 тысяч человек, из которых 48 тысяч составляли жители черных и ремесленных слобод, 44 тысячи — стрелецких и других военных слобод; дворян было 53 тысячи, духовенства — 27 тысяч, иноземцев — 28 тысяч. Таким образом, дворяне, которые могли иметь владения площадью от 300 квадратных саженей и больше, составляли только четверть населения. Следовательно, остальные три четверти москвичей жили на небольших дворах²²⁵.

Помимо дворовой земли служилые люди, особенно члены Боярской думы и дворяне, имевшие придворные чины, били государю челом о «даче» земли под «огороды». «Огороды» были загородными усадьбами, на которых ставились избы и хозяйственные постройки, создавались сады и сажались овощи, содержалась скотина.

В начале царствования Михаила Федоровича раздача земли под «огороды» шла весьма активно. Но уже в 1623 году правительство начало ограничивать этот процесс — царь указал не давать «в додачу» земли тем, у кого есть дворы и «огороды», а также конфисковать излишки земли в пользу тех, кто ее «сыщет». Легко представить, какие конфликты вызвало это распоряжение. В 1649 году размеры «огородов», как ранее дворов, решили соотносить со служебным положением их владельцев: боярам было указано давать 100×50 саженей, окольных — 80×40, думным дворянам и думным дьякам — 60×30, стольникам — 35×17,5, стряпчим и дворянам московским — 30×15, подьячим — 6×3 сажени. В результате самые большие «огороды», согласно указу, могли достигать пяти тысяч квадратных саженей (2,33 гектара), а самые маленькие — 18 квадратных саженей (83 квадратных метра). Если же «огород» давался в границах Земляного города, то его площадь уменьшалась вдвое²²⁶.

Надо ли говорить, что и тут «указная мера» нарушалась «сильными людьми»? Например, боярин Иван Федорович Стрешнев, владевший загородным двором и «огородом» между Никитскими и Смоленскими воротами Земляного города, в 1682 году передал их своему внуку князю Алексею Васильевичу Голицыну, сыну знаменитого правителя. Размеры владения составляли 90×80 саженей (3,3 гектара)²²⁷. Для сравнения — Красная площадь занимает 2,3 гектара.

Как видим, пресловутый «квартирный вопрос» и в Средние века серьезно осложнял жизнь москвичам. Одни имели материальные возможности улучшить жилищные условия, но наталкивались на запретительные указы. Другие, задавленные тяглом и иными поборами, с завистью смотрели на первых, но были не прочь вступить с ними в сговор, обмануть власти и избыть тягла. Для получения дворовой или огородной земли необхо-

димо было предпринимать серьезные усилия — искать ее, просить («бить челом») и, несомненно, подмазывать скрипящие колеса делопроизводственной машины щедрыми посулами и «дачами».

Большинство москвичей жили тесно и небогато, что соответствовало их прибылям. «Домострой» справедливо указывал, что каждый хозяин должен строить дома, «сметя по промыслу, и по добыткы, и по своему имению», а служилый человек — «по государьскому жалованию, и по доходу, и по поместью и по вотчине». Перепись 1634 года, проведенная в черных слободах, установила, что 45 процентов их жителей владели имуществом, оценивавшимся до пяти рублей, столько же — от пяти до 50 рублей, четыре процента — от 50 до 100 рублей, два процента — до 250 рублей, примерно столько же — свыше 250 рублей; имуществом оставшихся двух процентов слобожан осталось невыясненным²²⁸. Эти данные хорошо сочетаются с подсчетами по переписи 1620 года, согласно которым 1,8 процента жителей восточной части Белого города владели дворами площадью в 500 квадратных саженой и только 0,25 процента — в тысячу квадратных саженой. Во второй половине XVII века Боярская дума включала 50—60 членов, гости и члены Гостиной сотни (корпорации, включавшие самых богатых и именитых купцов) составляли около шестисот человек. Таким образом, владельцев богатых и обширных дворов в Москве было не более семи сотен, что составляет 0,35 процента от двухсоттысячного населения города. Это незначительное меньшинство владело огромными дворами, как городскими, так и загородными, на которых ставились великолепные палаты, островерхие терема и «повалуши», домовые храмы и даже монастыри.

Далеко не все горожане были дворовладельцами. Переписи Москвы сообщают о многочисленных «захребетниках» и жильцах, ютившихся на чужих дворах «из найму». Они проживали на монастырских подворьях, квартировали у духовенства и посадских людей, жили даже на боярских дворах. Усадьбы вельмож наполняли многочисленные слуги и приживальцы. Некоторые знатные люди содержали на своих дворах богадельни (о них речь пойдет ниже).

Сад и огород, хотя и небольшие, были почти на каждом дворе. Однако это не всегда спасало от городской тесноты. Соборное уложение говорит о разных конфликтных ситуациях, которые могли возникнуть при плотной застройке: «А будет кто учнет у себя на дворе ставити хоромы блиско межи соседа своего, и ему тех своих хором на меже соседа своего не ставити, а будет кто на меже хоромы поставит и в том на него будет челобитье, и тому хоромы велеть с межи отнестъ». Для предотвращения пожаров запрещалось строить печи и поварни вплотную к стене соседнего дома — «и у него ту печь и поварню от стены соседа его отломать». Живая картинка городского быта возникает и при чтении следующей статьи: «А будет у кого на дворе будут хоромы высокия, а у соседа его блиско тех высоких хором будут хоромы поземныя, и ему из своих высоких хором на те ниския хоромы соседа своего воды не лить и сору не метать, и инья ни которья тесноты тому своему соседу не делать». Нарушителям этого запрета на первый раз предписывалось «те свои высокия хоромы от тех соседних хором велеть отнестъ», а в случае продолжения безобразного поведения Соборное уложение указывало высокие хоромы «отломати»²²⁹.

Кто и как управлял Москвой в XIV—XVI веках

Первоначально Москва, одна из крепостей Владимиро-Суздальского (Ростово-Суздальского) княжества, управлялась наместниками великих князей — Юрия Владимировича Долгорукого, Андрея Юрьевича Боголюбского, Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, Юрия Всеволодовича, Ярослава Всеволодовича, Андрея Ярославича и Александра Ярославича Невского. Имена наместников в источниках не сохранились, однако есть предположение, что легендарный Степан Кучка мог быть тиуном (управляющим) Юрия Долгорукого, а не местным владельцем, как изображает легенда. В 1238 году во время разгрома Москвы армией монгольского хана Бату был убит воевода Филипп Нянка и взят в плен князь Владимир Юрьевич, сын Юрия Всеволодо-

вича. Нет данных, указывающих на то, что Филипп был московским наместником. Скорее всего, его отправили вместе с князем для организации обороны города. Прозвище Нянка («нянька») указывает на то, что Филипп мог быть «дядькой» при молодом князе Владимире Юрьевиче²³⁰.

По завещанию Александра Невского (ум. 1263) Москва была выделена в удел его младшему сыну двухлетнему Даниилу. Первоначально ею управляли наместники его дяди, тверского великого князя Ярослава Ярославича, а затем Михаила Ярославича. Повзрослевший московский князь (1276—1303) городом ведал сам, редко покидая его. Сын Даниила, великий князь Московский Юрий Даниилович (1303—1325), напротив, много времени проводил в походах и поездках в Орду, а в его отсутствие столицей княжества управлял его младший брат Иван. Заняв престол после гибели Юрия, Иван Калита (1325—1340) по-прежнему оставался хозяином города.

В то же время уже при Калите (а возможно, еще при его отце) в Москве появляются тысяцкие. О их функциях и полномочиях в науке ведутся споры. В Великом Новгороде тысяцкий был вторым после посадника лицом в управлении городом и республикой. Московского тысяцкого традиционно считали начальником городского ополчения — «тысячи». По мнению М. Н. Тихомирова, тысяцкие в Москве ведали «судебной расправой над городским населением, распределением повинностей и торговым судом» и при поддержке бояр и горожан могли «становиться грозной силой, с которой приходилось считаться самим великим князьям». Житие митрополита Петра называет тысяцкого «старейшиной граду». В. А. Кучкин на основании изучения документов из архива бояр Вельяминовых предположил, что тысяцкие были «руководителями княжеской экономики», играли ведущую роль в административном и финансовом управлении великокняжеским хозяйством²³¹.

Первый московский тысяцкий Протасий Федорович, согласно легенде, был потомком знатного варяга Шимона (Симона) Африкановича, упоминаемого в Киево-Печерском патерике (1076). Сын Шимона Георгий Симонович, по преданию, был опекуном князя Юрия

Владимировича Долгорукого и первым тысяцким в Ростово-Суздальском княжестве. Протасий, по легенде, был тысяцким еще при Данииле Александровиче. Житие митрополита Петра отмечает, что перед смертью (21 декабря 1326 года) митрополит призвал Протасия — «князю бо тогда не прилучися в граде» — и передал ему средства, собранные на «церковное строение», чтобы тот завершил строительство Успенского собора. Житие дает Протасию характеристику: «...муж честен, и верен, и всякими добрыми делы украшен». Предание говорит, что Протасий был также строителем Богоявленского монастыря (на территории позднейшего Китай-города), заложенного Иваном Калитой незадолго до смерти. Анализ письменных источников по ранней истории этой обители и их сопоставление с результатами археологических исследований позволяют считать Протасия и его потомков бояр Вельяминовых ктиторами монастыря. При раскопках в Богоявленском монастыре обнаружен древний некрополь XIII—XIV веков, сходный с аристократическим некрополем того же времени в Кремле. Это позволяет предполагать, что Богоявленский монастырь был усыпальницей рода Протасия. Вельяминовых погребали там и в XVII столетии²³².

Возможно, молитвенное имя Протасия было Вениамин (Вельямин), поскольку его сын Василий упоминается в источниках то как Вельяминович, то как Протасьевич. От этого имени и произошло родовое прозвание династии московских тысяцких и бояр Вельяминовых. Протасий Федорович умер вскоре после Калиты, и на договоре великого московского князя Семена Ивановича Гордого с братьями (1340/41) уже стоит подпись Василия Протасьевича. После его кончины должность тысяцкого ушла из рода.

При великом князе Иване Ивановиче Красном (1353—1359) тысяцким стал Алексей Петрович Хвост. По-видимому, это был человек конфликтный, резкий. В 1356 году он был убит в результате боярского заговора («боярской думою»), возможно, при участии Вельяминовых. Убийство вызвало «мятеж велий на Москве», и часть бояр, в том числе внук Протасия Василий Васильевич, отъехала к рязанскому князю.

В 1357/58 году великий князь Московский «перезвал» Василия Васильевича Вельяминова обратно в Москву и сделал тысяцким. При Иване Ивановиче и в малолетство его сына Дмитрия Ивановича Вельяминов занимал очень высокое положение. В одном из документов XIV века он именуется «дядей», то есть воспитателем князя Дмитрия. Василий Васильевич умер в 1374 году, приняв перед смертью схиму с именем Варсонофий, и был погребен в Богоявленском монастыре. Как говорилось выше, после его кончины князь Дмитрий упразднил должность тысяцкого. Сын старого тысяцкого Иван, не смирившись с этим, перешел на службу к тверскому князю, умышлял «зло» на Дмитрия Московского, но был схвачен и казнен в 1379 году.

В источниках встречаются редкие упоминания о лицах, которым великий князь поручал «ведать» Москву в его отсутствие, в частности во время военных походов. В 1382 году Дмитрий Донской, отправившись собирать войска для отражения похода хана Тохтамыша на Кострому, доверил столицу Москву митрополиту Киприану, а военным предводителем в осажденном городе стал князь Остей, внук литовского великого князя Ольгерда. В 1408 году, когда армия Едигея осадила столицу, в городе командовал серпуховской князь Владимир Андреевич Храбрый, дядя великого князя Василия I. Во время похода Ивана III на Новгород в 1471 году «на Москве» были оставлены княжич Иван Иванович и его дядя Андрей Васильевич Меньшой. И в дальнейшем во время разъездов государя либо Иван Иванович, либо братья великого князя с боярами осуществляли руководство городом и командовали собранными в нем силами. Этот принцип действовал и в XVI столетии, когда Иван IV оставлял «на Москве» младшего брата Юрия Васильевича, двоюродного брата Владимира Андреевича Старицкого, а также бояр. В XVII веке для управления городом и приказными делами на время отсутствия государя создавались специальные боярские надворные комиссии.

Наряду с этим текущее управление городом — решение судебных дел, сбор налогов и пошлин — находилось в ведении наместников. Еще по завещанию

Калиты город был разделен на трети между его сыновьями — Семеном, Иваном и Андреем, чтобы сохранить единство княжеского рода и установить статус столицы как общего достояния, которое князья должны совместно защищать. В каждой княжеской трети со временем появился свой наместник (в 1447 году в летописи упоминаются наместники князей Дмитрия Шемяки и Ивана Можайского Федор Галицкий и Василий Чешиха). Наместник великокняжеской трети именовался «большим». М. Н. Тихомиров полагал, что тот обладал обширными судебными полномочиями: «Наместнику подчинялись по суду об убийствах все московские дворы без изъятия, в том числе дворы митрополита, великой княгини, монастырей и самого великого князя... Наместник с третником судил дела о душегубстве, о кражах с поличным, о нанесении бесчестья и т. п. Он же устанавливал для враждующих сторон “поле” — судебный поединок, весьма распространенный в московском законодательстве»²³³. К «большому» наместнику перешла и часть функций, которые ранее принадлежали тысяцкому. Однако, рассматривая систему управления Москвой в Средние века, нельзя забывать, что на протяжении всего этого периода государи очень внимательно относились к управлению столицей, зачастую вникая в самые мелкие его детали и лично принимая решения, которые обычно делегировались служилым людям и приказному аппарату. За безличным сообщением летописи или грамоты о том, что великий князь или царь «указал» что-то сделать, может скрываться решение, принятое на разных уровнях власти — лично государем, боярином или дьяком.

«Третное» управление оказалось очень живучим и просуществовало до XVI века, несмотря на то, что за это время целые ветви Московского великокняжеского дома прекратили свое существование. Дмитрий Донской сосредоточил в своих руках владение двумя третями, его двоюродный брат Владимир Андреевич Храбрый владел отцовской третью. В 1389 году, незадолго до смерти, великий князь заключил с братом договор, одним из пунктов которого стало участие великокняжеских наместников в судах, проводившихся намест-

никами Владимира Андреевича. По всей Москве теперь судили от имени одного государя — великого князя. Две московских трети Дмитрий Донской разделил между сыновьями: одна отошла старшему, Василию, другая — остальным сыновьям вместе. В результате князья владели ею «по годам», когда наместник каждого удельного князя собирал для него налоги и доходы. Так же разделил свою треть между сыновьями и Владимир Андреевич. В случае бездетной смерти удельных князей эти «годы» переходили к великому князю, а поскольку на протяжении XV века количество удельных князей постепенно сокращалось, то к концу столетия Москва почти целиком оказалась в руках Ивана III²³⁴.

Великий князь в духовной грамоте 1504 года передал две трети Москвы старшему сыну Василию, оговорив, что тот должен держать «на Москве болшого наместника по старине и как было при мне, а другово своего наместника держит на Москве на княж Владимирской трети Андреевича». «Годы» удельных князей были даны Василию III и другим сыновьям в совместное управление: «А держат сын мой Василий и мои дети меньшие Юрьи з братьею на тех годах на Москве своих наместников, переменяя пять лет, по годом». В дальнейшем удельные князья вовсе отказались от содержания наместников, довольствуясь доходами с судебных пошлин, которые поступали к ним от великого князя. Известны имена «больших» и «московских» («княж Володимерской трети Андреевича») наместников. В 1420—1440-х годах «большим» наместником был князь Юрий Патрикеевич, правнук основателя Литовского государства Гедимина, зять Василия I. Возможно, что он командовал с перерывом и какое-то время при юном Василии II был наместником видный боярин, потомок смоленских князей Иван Дмитриевич Всеволож. Впоследствии Всеволож рассорился с великим князем, перешел на сторону его дяди Юрия Дмитриевича Звенигородского, затем был схвачен и по приказу Василия II ослеплен. При Иване III наместником был боярин и князь Иван Патрикеев, сын Юрия Патрикеевича и двоюродный брат государя, а в начале XVI века эту должность занимал князь Даниил Васильевич Щеня, племянник И. Ю. Патрикеева. Тог-

да же наместником бывшей «трети» князя Владимира Храброго являлся князь И. В. Телеляш Ромодановский, о котором уже шла речь выше ²³⁵.

«Третное» владение в последний раз упоминается в духовной грамоте Ивана Грозного (1572), где говорится о «большом» наместнике на Москве «по старине, как было при отце моем при великом князе Василье Ивановиче всея Росии, и как было при мне», и наместнике «на трети на княж Володимерской Андреевича Донскаго на Москве ж». Однако на этот раз все доходы с Москвы должны были поступить старшему сыну государя Ивану Ивановичу, а другой царевич, Федор Иванович, уже ничего не получал ²³⁶.

Когда составлялось завещание Ивана Грозного, в Москве уже существовал Земский приказ, к которому должны были перейти обязанности наместников, в первую очередь сбор налогов и пошлин с тяглого, черного населения столицы. Не вполне понятно, как царь мыслил сосуществование наместников и Земского приказа. Историки считают, что «третное» управление было упразднено к 1569 году, когда в источниках впервые упоминается Земский приказ. Возможно, фраза о наместниках была механически перенесена в духовную царя из более ранних вариантов, составленных в то время, когда Земский приказ еще не существовал. В любом случае после его организации система управления городом была усовершенствована, но и тогда отличалась отсутствием централизации и административной неразберихой.

Земский приказ и объезжие головы

Г. К. Котошихин характеризует функции Земского приказа в середине XVII века следующим образом: «А в нем ведомо московские посадские люди, и города небольшие. Да в нем же ведомы на Москве и в городех дворовые места, белые и черные, и слободы, продажею и мерою, такъже и улицы мостят и чистят, а собирают мостовщину со всякого чину жилецких людей... А доходов в тот Приказ с Московских торговых людей, и з

городов, и 3 записки продажных дворов и мест с 15 000 рублей в год; а расход бывает во всякие статьи. Да в том же Приказе ведомо Московские розбийные, и татинные, и всякие воровские приводные дела»²³⁷. Очевидно, эта сфера ответственности Земского приказа сложилась далеко не сразу, но уже в самом начале деятельности он занимался сбором налогов с тяглого населения и судом над ним, наблюдением за порядком в городе, соблюдением противопожарных мер и борьбой с пожарами, благоустройством города.

Земский приказ располагался на Красной площади, там, где ныне возвышается здание Исторического музея. В эпоху опричнины за рекой Неглинной был образован Новый земский приказ, который стоял на месте современного Манежа. Первоначально он ведал только территорией опричной Москвы, затем — всем Белым городом, а после 1612 года был упразднен. Немец-опричник Генрих Штаден называл Земский приказ «общей судной палатой» и «общим судным двором», полагая, что среди его функций судебные были самыми главными. Судным называет этот приказ и английский дипломат Флетчер. Штаден впервые называет имена руководителей приказа: Иван Долгоруков и Иван Мятлев. Первый — вероятно, князь Иван Михайлович Птица Долгоруков, который в 1579 году управлял Разбойной избой; второй — представитель старомосковского рода Иван Иванович Мятлев-Слизнев, начавший службу в 1555 году воеводой в Чебоксарах, затем в качестве воеводы участвовал в различных походах, а в 1567-м был зачислен в опричнину. Можно предположить, что Мятлев совместно с Долгоруковым управлял опричным Земским двором. Однако тот же Штаден свидетельствует, что на нем был судьей Григорий Борисович Грязной. По-видимому, появление И. И. Мятлева в Старом земском приказе было связано с начавшимся после 1568 года проникновением опричных выдвиненцев в управленческий аппарат земских учреждений²³⁸.

К сожалению, архив Земского приказа до нас не дошел, лишь несколько разрозненных дел попали в фонды других учреждений. В Земском приказе, как и в других учреждениях, велись указные книги. Сохранились запи-

си о пятидесяти двух указах с 1557 по 1588 год и с 1620 по 1649-й. 15 указов посвящены городскому землевладению: содержат запреты на распространение белого владения в черных слободах, распоряжения о «дачах» дворовых земель, решения о границах владений. Пять указов касаются взыскания долгов с посадских людей, четыре — противопожарных мер, два — ликвидации последствий пожара 1626 года. Остальные затрагивают различные правовые и административные вопросы управления городом и населением: регистрации извозчиков, организации торговли в праздничные дни, принятия мер против распространения эпидемии чумы, запрещения иноземцам приезжать для торго в Москву и т. д.²³⁹

Указ от 20 мая 1625 года был посвящен организации порядка принесения присяги («крестного целования»). 23 мая того же года был издан уже упоминавшийся указ о запрещении сходиться «на безлепицу» на Старое Ваганьково. 24 декабря 1627 года появился похожий указ великого государя патриарха Филарета Никитича: «Чтобы с кабылками не ходили и на игрище бы мирские люди не сходились, тем бы смуты православным крестьяном не было бы, и коледы бы и овсеня и плуги не кликали». Видно, в XVII веке среди москвичей были весьма популярны народные игрища, восходящие к языческим временам. 7 декабря 1640 года москвичам было запрещено «биться в кулачки» — эту забаву власти также сочли неблагопристойной. Было велено приводить нарушителей в Земский приказ и «чинить наказание». Через тот же орган реализовывались уже известные нам указы об уничтожении «немецких ропат» в Белом городе, запрете «беломестцам» покупать дворы в черных слободах, ограничениях на раздачу «огородной» земли и т. д.²⁴⁰

Одна из челобитных, поданная в приказ 23 марта 1645 года, живо рисует бытовую драму москвича того времени. Протопоп Иоаким, настоятель церкви Святого Александра Невского, сообщал, что в 1634/35 году получил от государя пустое место в Китай-городе за Рыбным рядом, в углу Китайгородской стены, где и построил «хоромишка». Место оказалось крайне неудобным — «тесное и тиновато», «грязь и болотина непроходная».

К тому же священника сильно донимали соседи: «...нынешнее время в летнее рыбники на мое дворишко льют беспрестани воду, и от того беспрестани грязь, и хоромишка от того гниют». Можно себе представить, какие запахи стояли на дворе, куда сливалась вода из бочек с живой рыбой! «А в пожарное время, — продолжает Иоаким, — как толко грех учинится, и мне, богомольцу твоему, с женишкою и с детишками уйтить никуда не мочно». Протопоп просил дозволения продать этот двор в казну и купить новый. Государь был милостив к своему «богомольцу» — указал выкупить у него двор²⁴¹.

Важными функциями Земского приказа были сбор «мостовых денег» и мощение улиц. В 1643 году предполагалось получить более пяти тысяч рублей, но нужная сумма не была собрана, поскольку далеко не всех дворовладельцев удалось сыскать. В ведении приказа состояли также решетки, за которыми наблюдали объезжие головы.

В компетенцию приказа входили все вопросы, связанные с учетом городской недвижимости. Объезжие головы составляли переписные книги и сверяли их с крепостными актами. При этом переписи подлежали не только черные слободы, подведомственные Земскому приказу, но и территории, подчинявшиеся другим учреждениям. Нередко это приводило к конфликтам. В 1674 году, когда писцы явились на двор иноземца Бахрата в Басманной слободе (она подчинялась приказу Большого дворца), тот «учинился непослушен», не дал измерить свое владение и не предоставил документов на него.

Помимо переписных и писцовых книг в Земском приказе велись «дворовые книги», в которых фиксировались смены владельцев. Поскольку слободы Москвы подчинялись разным приказам и данные на дворы выдавались самыми различными учреждениями, навести в этом деле порядок было очень трудно. Еще одной заботой приказа была регистрация жилых записей — договоров найма жилья. С каждой такой записи приказ взимал пошлину — 1,5 копейки с рубля стоимости жилища. Оценивали стоимость дворов служащие Земского приказа. При этом средняя стоимость дворовладе-

ний со всем хоромным строением в середине XVII века составляла 20—30 рублей²⁴².

Примечательно, что мероприятия по расширению улиц проводились чиновниками, не имевшими отношения к Земскому приказу. Проведение этих работ царь рассматривал как отдельные, особо важные поручения.

Наряду с принятием и контролем за соблюдением противопожарных мер, о чем будет рассказано ниже, Земский приказ отвечал за общественный порядок и участвовал в борьбе с преступлениями. В 1647 году его служащие приказа переловили за месяц 25 опасных преступников, признавших в пятидесяти семи грабежах и убийствах. Содержали арестованных в тюрьме при Земском приказе.

Для обеспечения порядка по улицам стояли караулы из земских ярыжек (полицейских служителей) и стрельцов. В их обязанности также входило следить за соблюдением тогдашних правил дорожного движения. Полторы тысячи извозчиков, работавших в городе, платили в Земский приказ по 50 копеек промыслового сбора. Им было запрещено гонять по улицам, щелкать бичами; устраивать стоянку можно было только в отведенных местах, одним из которых была часть Красной площади²⁴³.

Возглавлял приказ дворянин в чине стольника, со второй половины XVII века — окольничего или думного дворянина, а в 1682—1688 годах — боярин Михаил Петрович Головин. Второй судья приказа также был дворянином, но менее знатным, чем первый. Делопроизводством руководили дьяки, число которых колебалось от двух до десяти. В первой половине столетия в приказе служили не более десяти человек, в 1675 году — уже 46 подьячих и 53 решеточных приказчика, ярыжки и др. Спустя 12 лет только подьячих насчитывалось 59 человек, а в последнее десятилетие века — 80²⁴⁴.

Среди руководителей приказа было немало выдающихся личностей. Например, судья Григорий Федорович Образцов — крупный деятель Смутного времени — в 1606 году состоял приставом при бывшем «царе» Симеоне Бекбулатовиче, сосланном Лжедмитрием I в Кирилло-Белозерский монастырь. Возглавив

Старый земский приказ при царе Василии Шуйском, он по указанию патриарха Гермогена собирал москвичей из сотен и слобод в церковь для «разрешения» (прощения) за нарушение присяги царю Борису Годуну, а в 1612 году был одним из воевод Второго ополчения. Степан Матвеевич Проестев возглавлял приказ рекордно долго — с 1618/19 по 1634 год, после чего вместе с князем А. М. Львовым был отправлен на переговоры с поляками по завершении русско-польской войны 1632—1634 годов. После подписания Поляновского мира Проестев получил щедрую награду: «шуба атлас золотной на соболях в 130 рублей, кубок серебряный вызолочен... придача к окладу 60 рублей да вотчины 600 четвертей» и чин думного дворянина. Зато другую посольскую миссию он провалил: будучи в 1642 году отправлен в Данию для подтверждения мирного договора и получив тайный наказ вести переговоры о женитьбе королевича Вольдемара на царевне Татьяне Михайловне, не сумел добиться ни того ни другого, — а потому после возвращения в Москву оказался в опале. Впрочем, вскоре Проестев был прощен и служил до конца 1640-х годов, а умер в 1651-м в глубокой старости²⁴⁵.

В те же годы в приказе служил дьяк Афанасий Давыдович Костяев. Мирная профессия не мешала ему быть отчаянным храбрецом. В 1619 году, будучи послан из Ярославля против литовцев, «бился, убил на боях трех мужиков, а воеводу Ивана Бутурлина на бою отнял, да взял поручика Яна Турского, а другого взял черкешенина». Каширский род Костяевых вообще отличался воинственностью. Согласно челобитной Афанасия Давыдовича, его отец был убит на государевой службе при царе Василии Шуйском, а при Михаиле Федоровиче в Смоленском походе погиб двоюродный брат, а четыре брата ранены и изувечены, всего же «на разных боях убито было» 27 его предков. Сам же Афанасий не побоялся бить челом на второго судью приказа Никиту Наумовича Беглецова²⁴⁶.

В 1648 году Земским приказом управлял Леонтий Степанович Плещеев. С 1627 года он служил в чине дворянина московского, в 1629-м участвовал в царском походе на богомолье в Николо-Угрешский монастырь,

в 1635—1636 годах был воеводой в Вологде. В 1640-м эта рядовая карьера служилого человека прервалась — Леонтий Степанович и его сын Иван были арестованы по обвинению в «ведовстве и воровстве», пытаны и сосланы в Сибирь, а позднее возвращены. Несмотря на то, что биография Плещеева была далеко не безупречна, в 1648 году он благодаря поддержке всеильного боярина Б. И. Морозова возглавил один из крупнейших приказов. Плещеев и его шурин Петр Траханиотов беззастенчиво грабили москвичей. Злоупотребления были настолько велики, что оба чиновника вызывали всеобщую ненависть. Во время московского восстания 1648 года толпа потребовала у царя выдать на расправу Морозова, Плещеева и Траханиотова. Царю удалось отстоять свояка (Морозов был женат на сестре царицы Анне Ильиничне Милославской), но Плещеев и Траханиотов были растерзаны толпой.

Адам Олеарий сообщает, что Плещеева считали чародеем, и описывает происшествие во время московского восстания: «Когда вечером около 11 часов несколько немцев остановились, глядя с большим страхом на стоявший в пламени великокняжеский кабак, они вдруг увидели черного монаха, стонавшего и кричавшего, точно он тащил за собою большой груз. Когда он подошел поближе, он громко начал кричать о помощи и сказал: “Этот страшный пожар прекратится не раньше, как будет брошено в огонь и сгорит проклятое тело безбожного Плещеева”. Как оказалось, он и притащил сюда это тело. Так как немцы ему не хотели оказать помощи, монах начал свирепо ругаться. Тогда подошло несколько взрослых юношей, которые помогли донести труп до пожарища и бросить его в огонь. И как только этот труп начал сгорать, тотчас же стало уменьшаться и пламя и погасло на глазах у наблюдавших это удивительное зрелище немцев»²⁴⁷.

В 1651—1655 годах приказ возглавлял видный деятель эпохи Алексея Михайловича окольничий Б. М. Хитрово, в 1672—1674 годах — думный дворянин И. И. Чаадаев, в 1689—1699-м — окольничий князь М. Н. Львов. Боярин князь Михаил Никитич Львов был близок к Петру I. Его супруга княгиня Неонила Ерофеевна в 1672 году стала

кормилицей новорожденного царевича. Карьера боярина двигалась обычным путем: в 1695 и 1696 годах он участвовал в Азовских походах Петра I, во время Великого посольства вошел в состав комиссии, оставленной для управления городом и государством. В 1697 году с ним случился внезапный приступ помешательства, о чем царю подробно сообщал князь Ф. Ю. Ромодановский: «Известно тебе буди: на Москве многих улиц ездить отстали за великими недомосками и грязми, нерадением князь Михайлы Львова. Бояре, такожде и иных чинов всякие люди ему, князь Михайлу Никитичю, о мостах со многою доукою говорили. И он, князь Михайла Никитич, многожды отмалчивался. И после того был в сумнении великом, и припала болезнь к нему неисцелная, кричал трои сутки, а после почал людей драть, такоже и зубом есть. Был под началом у Спаса на Новом с месяц и там чернца изъел, и чернец после того только был жив з две недели, и умре; а он, князь Михайла Никитич, и доднесь сидит раскован. В том, пожалуйста, помолитесь за общего нашего богомолца, дабы Господь Бог не помятовал ево греха, избавил бы ево от такой тяжкой болезни вашими молитвами. И о сем о всем известно Тихону Никитичю (Стрешневу. — С. III), такожде и иным многим. А как приехал Тихон Никитич навещать, чуть Бог пощедил; кабы не знакомец ево, изъел бы и ево». Удивительно, что после такого тяжелого состояния князь Львов смог поправиться. В 1700 году он вошел в комиссию по составлению нового Уложения, а в 1703-м был на службе в Тихвине²⁴⁸.

В правление Бориса Годунова в Москве появляются объезжие головы. В 1599 году царь назначил на эти должности: в Кремль — князя М. Ф. Гвоздева-Ростовского и князя Ф. А. Мещерского, в Китай-город — князя Ф. С. Друцкого и Д. И. Милюкова, в Белый город от Неглинной по Язу — князя Г. И. Черта Долгорукова и Д. Т. Ошанина, в западную часть Белого города — князя П. Т. Пожарского и З. Отрепьева (кстати, двоюродного деда будущего Лжедмитрия I). В Земляном городе, в том числе и за Москвой-рекой, объезжие головы появились годом позже.

Главной задачей объезжих голов было «бережение от пожаров» и наблюдение за порядком на улицах. Пер-

воначально их служба была не менее почетной, чем воеводская. В апреле 1603 года объезжими головами были назначены члены Боярской думы: в Кремль — боярин князь Н. Р. Трубецкой, в Китай-город («на большой половине») — окольный И. И. Годунов, на другой половине — боярин М. Г. Салтыков, в Белом городе от Тверской до Неглинной — боярин князь В. В. Голицын и др. Объезжие головы местничались* между собой, как и при прочих назначениях; в результате правительство чаще всего объявляло на этой службе «безместье», то есть она не учитывалась в местнических спорах. В результате статус должности резко упал. В 1649 году объезжие головы подали царю Алексею Михайловичу челобитную, чтобы «им у того дела быть от своей братье не в упрек и не в укоризне»²⁴⁹.

Объезжих голов назначали на участки в апреле—мае, с началом пожароопасного сезона. При Борисе Годунове в Москве было 11—12 участков: два участка составляли Кремль и Китай-город, остальные находились в Белом и Земляном городе. В 1653 году столица была разделена на 17 участков: «1) Кремль; 2) Китай-город; 3) Белый каменный город — в Чертолье от Водяных ворот, что у конюшен, по Арбатскую улицу; 4) от Арбатской улицы вправо по Тверскую улицу; 5) от Тверской улицы вправо по Неглинную; 6) от Неглинной по Стретенскую улицу; 7) от Стретенской по Покровскую улицу; 8) от Покровской улицы по Яузские ворота и к Васильевскому лужку. За Белым каменным городом; 9) от Зачатьевского монастыря направо по Арбатскую улицу; 10) от Арбатской улицы по Тверскую улицу [пропущено: 11) от Тверской улицы по Неглинную; 12) от Неглинной по Стретенскую улицу]; 13) от Стретенской улицы до Благовещения, что на Воронцовом поле; 14) за Яузскими воротами: от Благовещения, что на Воронцовом поле, и за

* Местничество — существовавший до 1682 года порядок назначения на служебные посты и распределения мест на торжественных церемониях в зависимости от знатности, под которой понимались служебные заслуги предков и самого служилого человека. Бояре, стольники, воеводы, головы и иные служилые люди местничались, отстаивая право на более высокое назначение, что существенно мешало нормальному ведению боевых действий и управлению государством.

Яузой, за мостом, по большую улицу, что ездят к Спасу на Новое, по левую сторону, по Яузу; 15) от Яузских ворот за мостом, от большой улицы, что ездят к Спасу на Новое, направо к Никите Христову мученику и по Москву-реку; 16) за Москвой-рекой: от Пятницкой улицы, едучи из города с Живого моста, налево: 17) от Пятницкой улицы ж, едучи из города с Живого мосту, направо, и в слободах, и в Лужниках»²⁵⁰.

Наказы предписывали объезжим головам «ездити в объезде по всем улицам и переулкам, в день и ночь безпрестани», пресекать преступления и драки, корчемство и тайную продажу спиртного, курение и продажу табака, бороться с уличной проституцией, а особо — с поджогами и несоблюдением противопожарных мер. Объезжие головы должны были «нарядить» дневные и ночные караулы, расписать решеточных приказчиков и сторожей, а затем днем и ночью проверять их. За оплошность объезжим головам грозила опала. В 1674 году объезжий голова князь Федор Борятинский, мучаясь от зубной боли, отправил вместо себя в ночной дозор дьяка Симона Калинина. Обоих ждал серьезный выговор. Калинину пригрозили «жестоким наказанием» в случае, если подобное повторится²⁵¹.

Объезжих голов назначал Разрядный приказ, а вместе с каждым — дьяка и подьячих. Из Земского приказа под начало к объезжему голове направляли решеточных приказчиков, а из Стрелецкого — стрельцов. Помучившись с комплектованием своей «команды», объезжий голова отправлялся на участок, где встречал сопротивление горожан, не желавших идти в караулы и соблюдать правила противопожарной безопасности, не дававших запечатывать бани. Одни прикрывались реальными или мнимыми льготами, другие нагло игнорировали требования объезжих голов, вступали с ними в ссору.

Летом 1695 года объезжий голова Никита Головин неоднократно жаловался царю на жителей Ордынки, Пятницкой и Екатерининской улиц: «...чинятся не послушны... дневных и ночных караулов нет, и надолбов на ночь не закладывают, и избы и мыльни топят безвременно, и чинятся бои и драки и ножевое резанье, а

уличные караульщики не стоят николи, взять не с ким и ночью в объезде ездить опасно...» Как видим, работа у стражей порядка во все времена была неблагодарной. 30 мая того же года десятник Яким Леонтьев доносил голове И. И. Корееву: «Улицы Татарской иноземцы, толмачи и переводчики по наряду десятского на уличный караул не ходят, и людей не высылают, и десятника бьют и собаками травят, и говорят такие слова, что объезжего с подьячими и служилыми людьми хотят бить до смерти»²⁵². Объезжие головы заваливали Разрядный приказ списками «ослушников», не желавших идти в караулы и нарушавших запреты на разведение огня.

Иногда дело принимало совсем серьезный оборот. 1 мая 1695 года голова Даниил Андреевич Львов и подьячий Григорий Друковцев, назначенные в объезд в Земляном городе от Никитской до Тверской, присмотрели было под съезжий двор (место, куда следовало свозить нарушителей) двор тяглеца Патрикея Мартьянова. Однако оказалось, что хозяином двора был весьма влиятельный человек — «верховой» (дворцовый) карлик Ермолай Данилович Мишуков, которому принадлежал и сам Патрикей с семьей. Разобраться с наглецами явился сам Мишуков «со многолюдством». Львова и Друковцева схватили на прежнем съезжем дворе, привезли на двор Мартьянова и, раздев, били плетьюми, приговаривая: «Не занимайте на съезжий двор и не подписывайте двора Ново-Никитской слободы Патрикея Мартьянова!»

В Разрядном приказе, куда пожаловался Львов, было велено осмотреть побои (его спина, бока и плечи были избиты, кое-где до крови, в других местах — «сине и багрово»), а относительно обидчика дьяк осторожно пометил: «у Ермолая взять в Разряд для допроса человека его» — самого карлика призвать к ответу побоялись. Его подьячий (!) Алексей Юрин отговорился, что сам ничего не видел, никого не бил, объезжего голову не знает.

Восьмого мая история едва не повторилась. Львов и Друковцев были в объезде с небольшим караулом из чернослободцев, как вдруг за ними погнались сын Патрикея Мартьянова «со многими людьми» — «и гнався бранили и бесчестили». Объезжий голова едва ушел от

погони. Он опасался тех «сильников и ослушников», поскольку в карауле было всего три человека — больше посадские люди не давали. Тяглец Мартьянов был фигурой уже совсем не того масштаба, что дворцовый карлик, и его призвали к ответу. Он во всём отпирался и в свою очередь жаловался, что Данила Львов бил его на съезде двора батогами неизвестно за что, а себя представлял образцом добродетели: и в караул ходит, и избу топит только в указные дни, и «объезжому во всем послушен». Забрал его под расписку из приказа Алексей Юрин, подьячий Поместного приказа и одновременно секретарь Мишукова.

Закончилось это примечательное дело решением боярина Т. Н. Стрешнева: «...по указу великих государей (Ивана и Петра Алексеевичей. — *С. Ш.*)... Даниле Львову и подьячему увечья и бесчестья своего искать судом»²⁵³. Вряд ли Львов и Друковцев решились подать на своего обидчика в суд, раз от них отступилось собственное начальство. Ермолай Мишуков в 1697 году отправился в Европу в составе Великого посольства. Всего поехали четыре карлика, но Ермолая Даниловича Петр I особенно любил. После бала в Вене царь отправил к графине Иоганне Туринской, с которой он танцевал, Мишукова с ценными подарками — перстнем с алмазом ценой в 205 золотых и четырьмя сороками соболей. Возможно, Мишуков всё же не был совсем бессовестным — после возвращения из Европы во искупление грехов, накопившихся за время заграничных увеселений, он пожертвовал в Тихонову пустынь «коня бура с седлом и с саблею гишпанской работы и узду окладену медью».

Судя по документам Разрядного приказа, каждый летний сезон вызывал поток взаимных жалоб: головы обвиняли горожан в непослушании, оскорблениях и насилии, горожане их — в побоях, оскорблениях, истязаниях, вымогательствах. Кто в этих случаях прав, кто виноват, дьяки Разрядного приказа часто решить не могли. Столкновение Львова с карликом Мишуковым — один из немногих случаев, где было очевидно, кто является пострадавшей стороной, а кто — преступником.

Еще один объезжий голова, Петр Иванович Шилов, жаловался на... свой караул: составлявшие его черносло-

бодцы «пьют и бражничают», уходят со съезжего двора, бранят самого голову, бьют его слугу и закладывают топоры и бердыши. Призванные к ответу тяглецы во всем отпирались. Мишка Чудов заявил, что вообще никогда не бывает пьян, а Петрушка Любимов хотя и признался, что «пьян бывает иногда», отрицал уходы со съезжего двора, брань, битье и отдачу оружия в заклад. Исход этого дела неизвестен²⁵⁴.

Очевидно, что сами объезжие головы вовсе не были невинными овечками, как представляются в челобитных на государево имя. Брань и побои, арест и нанесение увечий были для них обычными средствами наведения порядка. Так же вели себя подьячие и караульщики, посланные в объезд. Горожане имели основания, мягко говоря, недолюбливать таких блюстителей порядка.

Как уже говорилось, Земский приказ ведал только черными слободами. Стрелецкие слободы находились в ведении одноименного приказа, Иноземная, Мещанская и ряд других слобод подчинялись Посольскому, Кисловская — Царицыной мастерской палате, Бронная — Оружейной палате и т. д. Духовенство и певчие не подчинялись объезжим головам — за ними наблюдали патриаршие дворяне. Однако в 1671 году причетников вновь передали в ведение объезжих. Эта административная неразбериха порождала множество конфликтов. Особенно сложно было разобраться с подсудностью. Так, житель Мещанской слободы Филатко Дмитриев затеял тяжбу с тещей, которая жила в Кадашевской слободе. Поскольку Мещанская слобода подчинялась Посольскому приказу, а Кадашевская — Царицыной мастерской палате, истец и ответчица просто не имели возможности встретиться в одном суде. Наконец Посольскому приказу удалось добиться перевода дела под свою юрисдикцию²⁵⁵.

Показательный случай произошел в 1651 году с объезжим головой князем Анастасом Алибеевичем Македонским, участок которого находился в Китай-городе. Он приказал за бесчинство забрать на съезжий двор нескольких стрельцов. Нарушителей порядка судили и подвергли битью батогами. Стрельцы пожаловались на самоуправство объезжего головы, Стрелецкий при-

каз направил жалобу в Разрядный. В результате был составлен и оглашен царский наказ, адресованный Македонскому: «Князь Анастас! Государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси велел тебе сказать: стрельцы московские и всех городов по государеву указу ведомы в Стрелецком приказе у боярина у Ильи Даниловича Милославского, а ты самодуром стрельцов московских имал к себе на съезжий двор, бил их батогами и тем ты боярина Илью Даниловича бесчестил. Государь указал: тебя за бесчестье боярина Ильи Даниловича посадить в тюрьму на один день»²⁵⁶.

Московские пожары

На протяжении всего Средневековья пожары в деревянной Москве были самым страшным и наиболее частым бедствием. Первый крупный пожар Москвы упомянут в летописи под 1177 годом. В ту осень рязанский князь Глеб Ростиславич «приеха на Московь и пожже город весь и села». Сообщения о московских событиях XIII—XVI веков пестрят известиями о больших и малых пожарах. В январе 1238 года город был сожжен монголами. Этот кошмар повторился в 1293 году во время печально знаменитой Дюденевой рати²⁵⁷. Хроника пожаров великокняжеской Москвы выглядит следующим образом:

1331 год — «погоре весь град Москва».

1337 год — «бысть пожар на Москве и згоре святых церквей 18».

1343 год — «погоре град Москва весь, и згоре церквей 18; се же убо четвертый пожар быть в тринадцать лет на Москва» (таким образом, еще один пожар в промежутке между 1329 и 1343 годами не отражен в летописях).

1354 год — «погоре град Москва весь, и церквей згоре 13».

1365 год — «пожар бысть на Москве, бе же тогда сухмень и зной велицы, возста же тогда и буря с вихрем силна зело, и размета огонь повсюду и много людеи поби и пожже, и вся погоре и безвести бысть, и той зовется великий пожар, еже от Всея Святых начаса и разыдеса ветром и вихрем повсюду».

1368 год — во время нашествия великого князя литовского Ольгерда «князь же великий Дмитрий Иванович повеле у себя под Москвою посад пожещи», а Ольгерд «стоал около града Москвы три дни, града не взя, а зла много сътвори, пожже и поплени людей бесчисленно».

1382 год — во время «Тохтамышева взятия» Москвы татары «град огнем запалиша, а товары и богатство все разграбиша», город «взят и пожжен, не видети иного ничегоже, разве дым и земля, и трупиа мертвых лежаща; а церкви святыя запалены быша и падошася, а каменья стояша, выгоревша внутри и огоревша вне».

1389 год — «июля 21, загореся на Москве внутри града церковь Святого Афанасия о обеде, и мало не весь город Кремль погоре, по вечерни же едва угасиша».

1390 год — «в Петрово говенье, месяца июля в 22 день, в полдни на Москве загореся посад от Авраама некоего Армянина, и сторе дворов неколико тысящ».

1395 год — «на посаде пожар бысть велик зело, и згоре неколико тысяч дворов».

1439 год — хан Махмет «пришед под Москву и стояв десять дней посады пожже».

1445 год — «июля в 14 день, в среду, загореся град Москва внутри града, в ночь, и выгоре весь, яко ни единому деревеси на граде остатися, но и церкви каменныя расподошася, и стены градныя каменныя падоша во мнозех местех. А людей много множество изгоре. Казны же многи выгореша и безчисленное товара всякого, от многих бо градов множество людей бяху ту в осаде».

1451 год — татары царевича Мазовши «посады зажгоша в един час, а сами в то время со все страны начаша к граду приступати. А тогда и засуха велика бе, и со вся страны огонь объять град, а храмы загоряхуся, а от дыма не бе лзе и прозрети».

1453 год — «априля 9 выгоре Москва, Кремль весь».

1457 год — «октября в 20 день в 9 час ноци, загореся на Москве внутри града близко Володимеровы церкви Ховрина и много погоре, до третьей части града, а прочее Бог сохранил»²⁵⁸.

Особенно много пожаров приходится на правление Ивана III. В этот период происходит активный рост го-

рода. По мере того как Москва увеличивалась, пожары учащались и охватывали всё большую территорию. 23 мая 1468 года сгорел весь посад — от Богоявленского монастыря «по самую реку, да по Кузьму [и] Дамиана на Востром конце», то есть до границ позднейшего Китай-города: «Истомно же тогда было и нутри граду, понеже бо ветрено было и вихорь мног; но Бог сохранил его». 30 августа 1470-го загорелся двор на кремлевском Подоле; огонь распространился за реку, где «многи дворы погорели, а иных отнимали»; «головни и береста с огнем далече носило, за много верст». Спустя два года огнем был охвачен посад от церкви Воскресения «на Рву»: «... множество дворов згоре, единых церковей 25 згорело». Во время пожара была такая буря, что пламя метало через восемь дворов. В Кремле опять было «истомно», но ветер тянул в другую сторону и «град уцелел». 4 апреля 1473 года пожаром был объят Кремль, «погоре много дворов», в том числе двор митрополита и князя Бориса Васильевича, Житный двор великого князя. В 1475-м в городе случилась целая серия пожаров — 10 июня, 12 сентября, 2 октября (два пожара), 27 октября. Горели Кремль, Занеглименье, Арбат. В 1476 году сгорела церковь Воскресения «на Рву». 16 февраля 1477 года огонь охватил трапезную Чудова монастыря, 20 марта — кремлевские дворы. В 1479-м загорелись поварни на подворье Никола-Угрешского монастыря в Кремле «и от того кровля градная загорелась, также и хоромы иже в граде». Пожар заметили только тогда, когда стали кричать жители Замоскворечья. 12 апреля 1485 года «погоре град Москва, Кремль весь». В 1488-м огонь пришел из Замоскворечья и охватил всю восточную часть посада вплоть до Неглинной, сгорело 42 (по другим данным — 30) церкви и пять тысяч (!) дворов. Самым страшным был пожар 1493 года, также начавшийся из-за реки — от церкви Николы «на Песку» и охвативший всю территорию города: «И тогда людем скорбь бысть: болши двоюсот человек згорело людей, а животов безчисленно выгоре». В 1500 году загорелся двор Василия Бобра за Неглинной, на Большом посаде, сгорела вся западная часть посада от Москвы-реки до Неглинной, огонь перекинулся за реку и дошел до Пушечного двора и Рождественского монастыря²⁵⁹.

Огонь стал постоянным кошмаром князя-строителя Ивана III. Историк Н. С. Борисов пишет об этом очень образно: «Среди “стихийных” духов главным врагом Ивана стала саламандра. Она была страшнее, чем все его земные недруги вместе взятые. Нападения татар и литовцев, немцев и шведов можно было отразить при помощи сильного войска. Но против нее опускали оружие самые храбрые московские воеводы. За несколько часов огонь уничтожал то, что Иван и его подданные возводили многие годы... Там, где пробегала по городу юркая саламандра, брызгая вокруг “легковоспламеняющейся” мочой, поднималась стена огня. А когда пламя угасало, на его месте дымились лишь головешки. Среди них бродили обезумевшие от горя люди. Они отыскивали обгорелые трупы своих родных и близких. Они раскапывали на пепелищах жалкие остатки прежнего благополучия и достатка. Даже такому железному человеку, как Иван, смотреть на них было невыносимо тяжело»²⁶⁰.

Скорбная летопись московских пожаров потянулась и далее, в XVI век. Только в 1517 году город горел трижды — 18 и 25 апреля и 20 июня. Самыми страшными в этом столетии были два пожара — 1547 и 1571 годов.

Зимой 1547 года Москва торжественно праздновала невиданное дотоле событие: молодой государь Иван Васильевич принял титул царя, который ранее на Руси употребляли только по отношению к императорам Византии и ханам Золотой Орды. Торжественное «венчание на царство» прошло в Успенском соборе 16 января. Коронационные торжества сменились свадебными — 3 февраля семнадцатилетний царь обвенчался с московской боярышней Анастасией Романовной «и была радость велиа о государьском браце». Но не зря говорят, что вслед за большой радостью приходит большая горе.

Весна и лето в тот год выдались на редкость жаркими. «...Бе бо тогда засуха велика», — сообщает летописец. В апреле трижды горел Великий Новгород, тогда же запылала и Москва. 12 апреля загорелась одна из лавок в Москотинном (Москательном) ряду, где торговали дегтем и красками; выгорели две тысячи лавок с товарами, огонь уничтожил приречную часть посада к югу от

Ильинки и добрался до Соляного двора. В башне у реки загорелся порох, и ее разорвало, «размета кирпичие по берегу реки». Было много жертв. Той же ночью сгорело десять дворов в Чертолье. 15 (по другим данным — 20-го) апреля занялось Заяузье, сгорела церковь Спаса в Чигасах, в которой погибли фрески Дионисия, «погореша Гончары и Кожевники», «и Лыщиково погоре по Язу». Огонь уничтожил 2200 дворов²⁶¹. Но апрельские гари были только прелюдией.

«Великий пожар» начался 21 июня от Воздвиженского монастыря «на Арбатской улице»: «...и бысть буря велика и потече огонь, якоже молния, и пожар силен промче в един час Занеглименье огонь и до всполия Неглимною, и Черториа погоре до Семчиньского селца възле реку Москву, и до Феодора Святого на Арбатской улице». От сильного ветра огонь перекинулся на Кремль, где загорелись соборные храмы и святыни, сгорели царская казна и Оружейная палата; «и все дворы в граде погореша, и на граде кровли градцкая, и зелие пушечное, где бе на граде, и те места разорвашася градные стены». В Чудовом монастыре погибли 18 старцев и восемь слуг (по другому источнику — 56 монахов), в Вознесенском — десять монахинь. Несчастные задохнулись в погребах, где пытались спрятаться. Пострадал и митрополит Макарий — «опалеста ему очи от огня». Его едва успели вывести из Успенского собора, провели к нижним воротам на Москве-реке и стали спускать со стены, обвязав веревкой. За три сажени до земли веревка оборвалась, и владыка сильно разбился. Едва живого митрополита вывезли в Новинский монастырь, а сопровождавшие его ясельничий Кекса Татищев и священник Иван Жижелев погибли.

Огонь охватил Китай-город, уничтожив новопостроенные дворы и лавки. Горела восточная часть города, примыкавшая к Большому посаду: Кулишки, Воронцовский сад, Старые Сады у церкви Владимира, Мясники. Занеглименье было уничтожено полностью, «до всполя». Пожар бушевал вечером и ночью. «Бяша бо дотолє видети град Москву велик и чуден и много людей в нем и всякого узорочья исполнен и в том чєсе изменися, егда бяше погоре. Не видети иногò ничегò же, но токмо

дым и земля и трупия мертвых многолежаще. Много церковей святых погоре, а каменя стояще выгореша внутри и огореша в ней несть видети в них пения и звонения», — говорит летописец. Никоновская летопись сообщает, что «в един час» погибли 1700 человек²⁶². Вероятно, реальное число погибших было еще более значительным — несколько тысяч человек.

Государь с молодой супругой во время пожара находился в царском селе Острове. Приехав на день в Москву, он совершил моление и проливал слезы в Успенском соборе, как мог утешал москвичей и уехал в подмосковное село Воробьево, подальше от людских страданий. Обезумевшие от горя столичные жители стали искать виновников бедствия. Еще во время апрельских пожаров по городу говорили о поджогах. «И зажигальщиков многих имали и пытали их. И на пытке они сами на себя говорили, что они зажигали. И тех зажигальщиков казнили смертной казнию, глав им секли и на колье их сажали и в огонь их в те пожары метали»²⁶³.

Цена признаниям, сделанным под пыткой, невелика. Мы не знаем, были ли казненные виновниками апрельских пожаров или стали козлами отпущения. Но, поддержав слухи о «зажигальщиках», власти открыли ящик Пандоры — после нового пожара требовалось указать имена еще более страшных злодеев. Постниковский летописец сообщает, что «по улицам и по иным городом, и по селом» появились «многие сердечники» — «вымали из людей сердца».

После «великого пожара» гнев москвичей обратился на ненавистных князей Глинских, родственников царя по матери. Глинских, прибывших при Василии III из Литвы, опасались и не любили за притеснения, чинимые москвичам. Когда 26 июня московские бояре, выехав на площадь, стали вопрошать народ: «Кто поджигал Москву?» — то услышали в ответ: «Княгиня Анна Глинская с детьми!» Бабку царя (она происходила из сербского знатного рода и считалась вдвойне иноземкой) обвиняли в том, что она «вымала сердца человеческия да клала в воду да тою водою ездячи по Москве да кропила и оттого Москва выгорела». Другие прибавляли, что княгиня Анна по ночам превращалась в соро-

ку, «летала да зажигала». Самой княгини в это время не было в Москве, но «черные люди», собравшись «вечем», схватили в Успенском соборе ее сына Юрия, убили его «камением на площади», а тело бросили на Торгу, «иде же казнят». Вслед за этим толпа разгромила дворы ненавистных Глинских и их земляков, северских дворян²⁶⁴.

Расправы над князем Юрием восставшим показалось мало — они жаждали крови княгини Анны и ее второго сына Михаила. В поисках Глинских мятежники, возглавляемые городским палачом, двинулись в Воробьево. Приход вооруженной толпы испугал царя. Позднее он вспоминал: «Вниде страх в душу мою и трепет в кости моя и смирися дух мой». Ивану IV удалось убедить москвичей, что он не прячет у себя родственников, и народ разошелся. Некоторое время спустя царь приказал ловить зачинщиков выступления, но побоялся прибегнуть к широким репрессиям. В то же время, чтобы успокоить недовольство горожан, им по государеву велению раздавали деньги.

Пожар 1571 года, по-видимому, был еще более масштабным. В 1547 году, по крайней мере, уцелели Замоскворечье и Заяузье, тогда как в 1571-м говорили, что не осталось даже столба, чтобы привязать лошадь.

Когда весной 1571 года стало известно, что крымский хан Девлет-Гирей готовит набег, русские войска приготовились их встречать на берегу Оки у Тулы и Серпухова — в обычных местах, где выставлялся заслон против татар. Однако татары благодаря перебежчику Кудеяру Тишенкову обошли оборону с запада, разбили у Серпухова опричный полк воеводы Я. Волынского и двинулись к Москве. Иван Грозный бросил столицу и армию и уехал на Север. Воеводы всё же успели отойти к столице и занять оборону. Начались небольшие стычки между противниками, в одной из которых был ранен земский главнокомандующий князь И. Д. Бельский. Но татары не стали ни биться с русским войском, ни штурмовать столицу — 24 мая они подожгли ее незащищенные предместья.

Огонь быстро охватил Китай-город. Запылал и опричный дворец. Город сотрясала от взрывов — это взлетали на воздух «зелейные» погребка в башнях Крем-

ля и Китай-города: «...вырвало две стены городских: у Кремля пониже Фроловского мосту против Троицы, а другую в Китае против земского двора». Многие тысячи москвичей гибли в пламени и дыму. Горел и Кремль. «Колокола на храме, вместе со стеной, на которой они висели, обрушились, а тех, кто рассчитывал там спрятаться, насмерть побил камнями. Храм был охвачен огнем снаружи и внутри, церковные башни со всеми украшениями и святыми изображениями; остались только стены. Расплавившиеся и поврежденные колокола, висевшие на колокольне посредине крепости, обрушились, некоторые расколовшись на части; самый большой упал и треснул», — вспоминал Генрих Штаден. Люди пытались бежать из Кремля, и в городских воротах началась страшная давка. Воевода Бельский хотел укрыться от пожара в погребе своего кремлевского двора, но задохнулся от дыма. Другой воевода, князь Никита Петрович Шуйский, пробивался через толпу по Живому мосту из Кремля в Замоскворечье и был в давке заколот ножом. Армия, стоявшая в городе, несла огромные потери. «В живых не осталось и 300 способных к бою», — пишет немец-опричник. Сохранял боеспособность только полк князя Михаила Ивановича Воротынского, стоявший на Таганском лугу и отбивавшийся от татар. В это время в городе погибла от пожара дочь князя Агриппина Михайловна — ее надгробие в соборе Новодевичьего монастыря сохранилось до наших дней. Штаден со своими слугами во время пожара прятался в каменном доме за железной дверью. «Когда закончился пожар, — вспоминал он, — я приказал осмотреть, что происходит в погребе подо мной. Всех бывших там нашли мертвыми и обезображенными огнем». Согласно «Пискаревскому летописцу», за три часа Москва выгорела целиком «и людей без числа згорело всяких»²⁶⁵.

Еще один иноземец, англичанин, сумевший выбраться из города незадолго до пожара, вспоминал: «Утро было чрезвычайно хорошее, ясное и тихое, без ветра, но когда начался пожар, то поднялась буря с таким шумом, как будто обрушилось небо, и с такими страшными последствиями, что люди гибли в домах и на улицах. На расстоянии 20 миль в округности погибло множество

народа, бежавшего в город и замки, и пригороды, где все дома и улицы были так полны народом, что некуда было притесниться; и все они погибли от огня, за исключением некоторых воинов, сражавшихся с татарами, и немногих других, которые искали спасения через стены, к реке, где некоторые из них потонули, а другие были спасены». Он считал: «В два месяца едва ли будет возможно очистить от человеческих и лошадиных трупов город, в котором остались только одни стены да там и сям каменные дома, словно головки водосточной трубы». Царь, не церемонясь, приказал сбросить все тела в Москву-реку, и она вышла из берегов. Началась эпидемия — «того же году и на другой год на Москве был мор и по всем городом русским»²⁶⁶.

Автор донесения папе римскому о делах в Московии Фульвио Руджиери сообщает, что 60 тысяч москвичей погибло и столько же было взято в плен. Возможно, эта оценка преувеличена, но, очевидно, число жертв пожара 1571 года значительно превышало количество погибших в 1547-м.

Вскоре после пожара Девлет-Гирей прислал к царю послов требовать «выхода» — повышенной дани. Согласно позднему летописцу, Грозный разыграл перед ними целое представление, вырядившись в сермягу и баранью шубу: «Видишь де, меня, в чем я? Так де меня царь зделал! Всё де мое царство выпленил и казну пожег, дати де мне нечево царю!» Джером Горсей повествует об этих событиях не менее красочно. По его словам, татарский посол протянул царю «грязный острый нож», якобы посланный ханом, чтобы он мог перерезать себе горло и тем избавиться от позора²⁶⁷.

Пожар Москвы оказал значительное влияние на внутреннюю политику царя. Он потерял доверие к опричникам, оказавшимся слабыми воинами. Опричный воевода князь В. И. Темкин-Ростовский, незадолго до этого выкупленный из литовского плена за огромную сумму в десять тысяч золотых, был казнен за то, что не смог спасти от пламени Опричный дворец. Когда в следующем году стало известно о новом набеге хана, царь объединил опричное и земское войско под командованием земского воеводы боярина князя М. И. Воротын-

ского. 30 июля — 24 августа 1572 года у села Молоди к югу от Москвы состоялась решающая битва. Татары были разбиты и бежали, погибло множество крымской знати, в том числе родственники хана, а знаменитый полководец Дивей-мурза попал в плен. Молодинская битва ознаменовала закат опричнины — вскоре она была отменена и под угрозой наказания было запрещено даже упоминать о ней.

Новый большой пожар произошел в Москве при царе Федоре Ивановиче в 1591 году. Согласно «Новому летописцу», он охватил Белый город от Чертолья до Неглинной, потом «загорелось на Покровке, и горело до Покровки, и выгорело много дворов». «Пискаревский летописец» сообщает, что пожар начался в торговых рядах: «И от того выгоре весь град, и церкви, и монастыри, без остатка везде». Правитель государства Борис Годунов распорядился о щедрой раздаче средств пострадавшим, но это не утишило народный ропот. Незадолго до пожара в Угличе при таинственных обстоятельствах погиб царевич Дмитрий, младший сын Ивана Грозного. Годунова обвиняли в том, что он погубил царевича, а затем поджег Москву, «чтобы одна беда перебила другую и каждый больше скорбел бы о собственном несчастье, нежели о смерти царевича»²⁶⁸.

В следующий раз Москва сгорела в Смутное время. Весной 1611 года, когда от имени «короля Владислава Жигимонтовича» (польского королевича, приглашенного на русский престол Семибоярщиной) городом управлял наместник Александр Гонсевский, отношения между интервентами и москвичами были враждебными. Поляки постоянно опасались народного восстания. Глава патриотической оппозиции патриарх Гермоген по распоряжению Гонсевского был взят под стражу, но 17 марта освобожден для торжественного обряда «шествия на осляти», совершаемого в Вербное воскресенье. В этот раз процессия была малолюдной — горожане были напуганы слухами, что поляки начнут убивать ее участников. Тем временем шляхта спешно укрепляла город, к которому подходило Первое ополчение. Поляки принялись втаскивать дополнительные пушки на стены Кремля и Китай-города и понуждали к тому же

городских извозчиков. Те отказались, поднялись крик и ругань. В Китай-городе началась страшная резня, во время которой погибло до семи тысяч человек.

Жители Белого города встретили врага саблями. К этому времени в столицу уже проникли передовые отряды Первого ополчения. Участник событий поляк Николай Мархоцкий пишет: «Страшный беспорядок начался вслед за тем в Белых стенах (Белом городе. — *С. III*), где стояли некоторые наши хоругви (роты. — *С. III*). Москвитяне сражались с ними так яростно, что те, опешив, вынуждены были отступить в Китай-город и Крым-город (Кремль. — *С. III*). Волнение охватило все многолюдные места, всюду по тревоге звонили в колокола... И мы решили применить то, что ранее испробовали в Осипове (Иосифо-Волоколамском монастыре. — *С. III*): выкурить неприятеля огнем»²⁶⁹.

В тот же день поляки запалили Белый город. Согласно «Новому летописцу», первым запалил свой двор боярин-изменник Михаил Салтыков. Пока пожар разгорался, на улицах шли жестокие бои. По словам немца Конрада Буссова, сражавшегося на стороне поляков, они вернулись с боя на Никитской «похожие на мясников: рапиры, руки, одежда были в крови, и весь вид устрашающий». Тем временем огонь распространялся по деревянному городу. Благодаря этому, пишет Буссов, «наши и победили, ибо русским было не под силу обороняться от врага, тушить огонь и спасти оттуда своих, и им пришлось поэтому обратиться в бегство и уйти с женами и детьми из своих домов и дворов, оставив там всё, что имели». На другой день интервенты подожгли Чертолье и Замоскворечье. В это время к Москве подошел по Можайской дороге тысячный отряд пана Н. Струсая. Его конники стали «рыскать по всему городу, где вздумается, жечь, убивать и грабить всё, что попадалось»²⁷⁰.

Москвичи побежали из выжженного города. «В тот день мороз был великий, они же шли не прямой дорогой, а так, что с Москвы до самой Яузы не видно было снега, всё люди шли», — сообщает «Новый летописец». Пожар уничтожил всю городскую застройку в Белом и Земляном городе. Поляк Маскевич вспоминал: «До прихода нашего все три замка обнесены были деревянною

оградой, в окружности, как сказывают, около 7 польских миль, а в вышину в 3 копья. Москва-река пересекала ее в двух местах. Ограда имела множество ворот, между которыми по 2 и по 3 башни; а на каждой башне и на воротах стояло по 4 и по 6 орудий, кроме полевых пушек, коих так там много, что перечесть трудно. Вся ограда была из теса; башни и ворота весьма красивые, как видно, стоили трудов и времени. Церквей везде было множество и каменных, и деревянных: в ушах гудело, когда трезвонили на всех колоколах. И всё это мы в три дня обратили в пепел: пожар истребил всю красоту Москвы. Уцелели только Кремль и Китай-город, где мы сами укрывались от огня; а впоследствии русские сожгли и Китай-город; Кремль же мы сдали им в целости»²⁷¹.

В 1626 году пожар охватил Кремль и Китай-город. Источник свидетельствует: «Лета 7134 мая в 3 день, в среду, в 10 часу дни, в Москве, в Китае, загорелся двор вдовы Иванова жены Третьякова, и учал быть в то время ветер великой к Кремлю граду, и от ветру занялись в Китае церкви и многие дворы, и в рядах лавки, и учал в Китае пожар быти великой, и от того пожару у Покрова Пречистой Богородицы на Рву на всех церквах занялись верхи, и по Фроловской башне учало гореть, и на Кремле кровля, и от того в Кремле-городе и всяких чинов людей дворы почали гореть, и многие церкви Божии в Китае и в Кремле городе погорели, опричь больших соборов, и в Государевых... дворах деревянные крыши погорели, и в палатах... во многих горело, и во многих приказах многие Государевы дела и многая Государева казна погорели...» «Новый летописец» сообщает, что «после пожара послал государь писцов по всей земле, потому что книги и дела все погорели»²⁷².

Десятого апреля 1629 года выгорела вся западная часть Белого города, а восточная — по Покровку включительно. Эти пожары вызвали перепланировку улиц, о которой шла речь выше. Однако она не сыграла значительной роли в предотвращении таких бедствий в дальнейшем. Новый большой пожар охватил Белый город и Китай-город во время восстания 1648 года: бунтовщики подожгли дома ненавистных служилых и приказных людей, а ветер разнес огонь по всему посаду. Сгорела

вся западная половина Белого города от Арбата до Петровки.

Один из последних общегородских пожаров случился в 1688 году. Огнем были уничтожены: «в Китай-городе: в Знаменском монастыре 6 церквей... 5 монастырских подворий и от Посольского двора до Ильинских и до Варварских ворот и до Ростовского подворья и до Знаменского монастыря и до Зачатия, что в углу, всяких чинов людей 67 дворов, да у Варварских ворот караульная изба; разломано 12 дворов. В Белом городе: от Варварских ворот по правую сторону к Яузским воротам и по левую сторону до Ивановского монастыря, и на Покровке и на Хохловке на 6 церквях и богадельнях кровли, в Ивановском монастыре... на соборной церкви кровли, 80 келий; Крутицкого митрополита на подворье, всяких чинов людей 212 дворов, у Яузских ворот караульная изба, на Соляном дворе на амбарах и на лавках кровли, 8 лавок, 2 харчевни, 2 избы нищенских, разломано 9 дворов да 32 хоромы да с 4 лавок верх. В Земляном городе: за Яузскими воротами на церковь Троицы в Серебряниках кровля и в церкви выгорело, церковь Николы в Кошелях сгорела, на церкви Покрова Богородицы кровли обгорели, на реке Яузе половина моста, разных чинов людей 90 дворов, 50 лавок, разломано 5 дворов в Андрееве полку Нармоцкого у церкви Николы Чудотворца, съезжая изба и казенный амбар, 9 дворов церковных причетников, 509 дворов стрельческих, 57 дворов отставных стрельцов, 55 дворов вдовьих, 2 торговых бани. За Яузой в Ямской Рогожской слободе 45 дворов, 2 двора разломано». Всего сгорело более тысячи дворов, монастыри, церкви²⁷³.

Таков лишь краткий перечень больших пожаров, а менее крупные были пугающей повседневностью средневековой Москвы. Дневник австрийского дипломата И. Корба упоминает о пожарах с впечатляющей частотой. Первая подобная запись появляется 6 мая 1698 года, когда шло празднование Пасхи: «Новый пожар, случившийся вследствие постоянного пьянства черни, причинил нам новое и сильнейшее беспокойство. Здесь чем больше праздник, тем сильнее повод к широкому пьянству... Почти ежегодно празднование важнейших празд-

ников сопровождается пожарами, которые тем больше причиняют народу бедствий, что случаются почти всегда ночью и иногда превращают в пепел несколько сот деревянных домов. На последний пожар, уничтоживший в этой стороне реки Неглинной 600 домов, прибежали было тушить огонь несколько немцев. Русские, совершенно напрасно обвинив немцев в воровстве, жестоко их сперва избили, а после бросили в пламя...» 13 июня Корб записал: «Ночью вновь случился пожар, который истребил семнадцать домов». Запись за 26 августа: «В городе сильный пожар, истребивший более сотни домов».

Еще больше упоминаний о пожарах содержится в дневнике за следующий год: «8 и 9 [апреля]. Около десяти часов утра был большой пожар недалеко от Посольского двора, за палатами воеводы Шеина. Боярин Салтыков и князь Алексей Михайлович Черкасский много пострадали через это несчастье; горело в продолжении четырех часов, отчего обращены в пепел их собственные палаты и многие окружавшие оные деревянные дома. <...> 21 и 22 [мая]. Лев Кириллович Нарышкин с соизволения царя вернулся в Москву по той причине, что палаты сего боярина сгорели. <...> 20 [июня]. Был ужасный пожар: сгорело два дома в Немецкой слободе и несколько сот домов в городе. <...> 11 [июля]. Недалеко от дома Нарышкина вспыхнул вечером пожар и превратил в пепел сто тридцать домов, принадлежавших как благородным лицам, так простонародью. <...> 6 [сентября]. В наше отсутствие пришло письмо из Москвы, в коем извещали, что в тот день, в который происходил церемониальный въезд в Москву Великого шведского посольства, был в городе большой пожар. Кроме многих других, сгорели палаты посольская, генералиссимуса Шеина, князя Голицына вместе с пятнадцатью тысячами домов»²⁷⁴.

Пожары считались божественным наказанием, но при этом часто не исключалась чья-то злая воля. Тень «зажигальщика» мерещилась за каждым крупным пожаром вне зависимости от того, скрывался ли за трагедией злой умысел или она была результатом небрежного обращения с огнем. Но есть и вполне конкретные, заслуживающие доверия данные о поджигателях. Так, «Новый летописец» сообщает, что около 1595 года был раскрыт

замысел «зажигальщиков»: «Враг, не желая добра роду человеческому, вложил мысль в людей, в князя Василия Щепина да в Василия Лебедева и в их советников, зажечь град Москву во многих местах, а самим у Троицы на Рву, у Василия Блаженного, грабить казну, что в ту пору была большая казна. Советникам же их Петру Байкову с товарищами в ту пору решеток не отпирать. Бог же, не хотя видеть православных христиан в конечной погибели, тех окаянных Бог и объявил, и их всех перехватили и пытали, они же в том все повинились. Князя Василия и Петра Байкова с сыном на Москве казнили, на Пожаре главы им отсеки, а иных перевешали, а остальных по тюрмам разослали». По словам Корба, после одного из пожаров 1699 года были пойманы «восемь зажигателей; бывшие в их числе два попа сознались, что виновниками пожара были стрельцы, которые только тогда успокоятся, когда обратят всю Москву в пепел». Вероятнее всего, «зажигальщики» преследовали гораздо более земные цели, чем отомстить царю за разгром стрелецкого восстания. Царский указ от 23 июля 1699 года грозил смертной казнью тому, кто будет «из ружья в день и по ночам пулями и пыжами стрелять, или ракеты пущать» «для своего воровства и грабежу» (30 августа законодательство слегка помягчело к «зажигальщикам» — их было велено в первый раз бить батогами, а во второй — ссылать в Азов с женами и детьми). Поджигатели применяли и более простые способы — метали на крыши и между домами порох в тряпицах, трут, серу, бересту, лучину²⁷⁵.

С ужасом перед огненной стихией тесно сплетались страх перед колдовством, боязнь стать жертвой злых чар, подозрения, что пожары вызваны «чародеями» вроде княгини Анны Глинской. Считалось, что лучшее средство избавиться от такого колдовства — предать самого чародея огню: тогда и злодей погибнет, и пожар прекратится. Именно поэтому был сожжен в 1648 году труп Л. С. Плещеева, поэтому же москвичи бросили в огонь немцев, прибежавших тушить пожар. Это, однако, не мешало москвичам бороться с пожарами, а властям — разработать целый комплекс мер по их предотвращению. Рассматривая скорбную хронику

пожарных бедствий столицы, сложно сказать, насколько действенны были эти меры. Но очевидно, что, если бы не прилагались столь серьезные усилия по «бережению» от огня, пожаров в городе было бы еще больше.

«От огня беречь накрепко...»

Первые противопожарные мероприятия были осуществлены Иваном III. В 1493 году он приказал расчистить от застройки территорию в 110 саженой за Неглинной и в Заречье. Видимо, тогда же была создана и свободная от застройки зона с восточной стороны — будущая Красная площадь. Спустя два года подобная мера была принята в отношении территорий, находившихся в Заречье. Охранять город от распространения огня должны были решеточные караулы, также уставленные при Иване III.

Следующим шагом в создании системы противопожарных мер было введение при Борисе Годунове регулярных объездов. Они производились в самое огнеопасное время — с апреля по октябрь. Сохранившиеся наказы объезжим головам содержат подробное перечисление запретов и других мер, призванных оградить город от огня. Самим головам предписывалось смотреть, чтобы «воры нигде не зажгли, и огня на хоромы не кинули, и у хором и у заборов с улицы ни у кого ни с чем огня не подложили»²⁷⁶.

Объезжий голова и члены его караула в объезде должны были быть снаряжены рогатинами, топорами и «водоливными» трубами. Этот инвентарь («пожарную рухлядь») обязаны были иметь и предоставлять посадские. Переписи Москвы отмечают наличие или отсутствие «водоливных» труб в слободах — к примеру, в Больших Лужниках в 1672 году: «Двор десяцкого Петра Борисова, а у него в десятке 2 медные трубы... двор десяцкого Ивана Борисова, а у него в десятке труб медных и деревянных нет... двор десяцкого Ивана Елизарьева, а у него в десятке труб медных и деревянных нет... двор десяцкого Елизара Михайлова, а у него в десятке медная труба...» Царские наказы требовали, чтобы в каждой десятке бы-

ло по две трубы — по одной на пять дворов. Были такие трубы и у богатых дворовладельцев. Так, боярин Н. И. Романов держал у себя десять труб медных «заливных». На худой конец хозяева должны были устанавливать у себя кади с водой. Это же рекомендовал и «Домострой» тем, кто не имел на своем дворе колодца. Медные и деревянные «водоливные» трубы были своеобразными прототипами пожарных шлангов, источником воды для них являлись пожарные колодцы. В 1629 году было указано сделать в Белом городе «большие колодези», по одному на десять дворов, а также поставить на земском дворе бочки с водой²⁷⁷.

При царе Михаиле Федоровиче на земском дворе была создана целая пожарная команда — с 1613 по 1622 год там находились 30 ярыжек и три лошади. Средства на их содержание взимались с черных слобод и сотен. В 1622-м количество ярыжных увеличилось до семидесяти пяти человек, для которых с московских тяглецов собирали 60 рублей. Слобожане должны были также доставлять на земский двор «всякую пожарную рухлядь, парусы, и крюки, и трубы медные, и топоры, и заступы, и кирки, и пешни, и бочки, и ведра». Эти обременительные обязанности в том же году выросли еще раз — было указано прибавить еще 15 ярыжек, увеличить число лошадей до шести, а на каждом тяглеце «править» по одной медной трубе. 13 апреля чернослободцы били челом царю и патриарху, жалуюсь: «И нам, Государи, сиротам вашим Государевым, стало не в силу, невозможно взяти нам труб негде, а купить нечем, людишка бедные молодчие и от того великого тягла бредут розно». Царь сжалился над тяглецами и велел распределить содержание пожарной команды между ними и купцами Гостиной и Суконной сотен. Количество ярыжных в итоге было доведено до ста человек, а число лошадей оставлено прежним («для того, что без того нельзя»). Было указано «не намetyвать» на слобожан лишних труб: на земском дворе должны были иметься 30 штук, а по слободам велено «сказать накрепко»: «Притчею, где пожар учинится, и у них бы с трубами люди были готовы тотчас, а людем велеть смотреть, для того, коли уже взали то на себя, и они б на пожар ходили не ленились»²⁷⁸.

После апрельского пожара 1629 года пожарная команда Земского приказа была увеличена до двухсот человек и получила новое оборудование. К этому времени содержание ярыжек взяла на себя казна. Царь указал также держать на земском дворе 20 бочек с водой и мобилизовать для тушения огня извозчиков. «А извозщиков расписать указал Государь по 20 человек в ночь, а в день съезжать для извозу; а будет и в день где по грехом учинится пожар, и им потому ж быть на земском дворе по 20 человек, а телеги и бочки в день и в ночь готовы Государевы на земском дворе». Было указано изготовить 50 пожарных парусов и пожарные щиты с рукоятями. Паруса представляли собой полотнища шириной в четыре или пять сажений, которыми покрывали здание, отстаиваемое от огня, и поливали их. Помимо ярыжек участвовать в тушении пожаров были обязаны стрельцы. Указ о модернизации пожарной команды на земском дворе гласит: «А расписать извозчиков, опричь стрельцов, а стрельцов не писать, потому что они сами всегда на пожаре»²⁷⁹.

Другим направлением противопожарных мер являлись строгие запреты на разведение огня в летнее время. Объезжие головы должны были следить за тем, чтобы в жаркие дни изб и мылен не топили, а «в вечеру поздно со огнем не сидели». Печь хлеб и готовить еду предписывалось «в поварнях и на полых местах», а при отсутствии поварен — сделать печи на огородах. Разрешалось топить избы «для болей и родильниц», то есть там, где рожали женщины, и то «в неделе один день». Запрет топить бани и избы в летнее время вызывал недовольство и жалобы слобожан. Указ царя Алексея Михайловича слегка смягчал запрет — разрешал топить избы «в воскресенье да в четверток», «в холодные да в ненастные дни». Если стояла жаркая или ветреная погода, объезжие головы должны были запечатывать печи и бани. Особое внимание уделялось огнеопасным производствам. Как мы знаем, слободы кузнецов и гончаров были выселены за Москву-реку и Язу. Однако далеко не всегда удавалось заставить мастеровых выполнять противопожарные требования. Например, по поводу чеканщиков монеты, работавших на бывшем Романовом

дворе, объезжие головы получили наказ: «Горны у них не печатать и караулов с дворов их не имать, потому что они у государевых дел вседневно»²⁸⁰.

Объезжие головы постоянно вступали в конфликты с горожанами по поводу несоблюдения последними противопожарных мер. С обеих сторон слышалась брань, а иногда пускались в ход кулаки и палки. Так, в 1693 году «государев нищий и бродящий богомолец» Тихон Иванов, обитавший в Зарядье, жаловался на произвол подьячего съезжего двора Тимофея Романова. В «наемную подклеть», где проживал нищий с женой, ночью явился подьячий — проверить, как соблюдается «бережение от огня». Неизвестно, какие он нашел нарушения, однако распорядился арестовать Иванова с женой, «поволок» обоих на съезжий двор, а по дороге избил и ограбил — снял с нищего «крест, цена 2 гривны», а с его «женишки» «сорвал 10 алтын да 2 креста серебряных» стоимостью две гривны. Как ни оправдывался подьячий, а всё же был отдан под суд. Другие проверяльщики, обнаружив топившуюся печь, залили ее «поганую водою из шайки и всю еству перепоганили». В доме пекаря был устроен настоящий погром: «Двери из сеней выбиты, из крюков вон вышиблены. Запорка переломлена. В подклети окошко выбито... а на окошке в трех местах бито и в двух местах колото. У печи устье выломано, да в сенях стоит корыто большое с тестом пшеничным, да сверх теста покинуты сайки сырые...»²⁸¹

Если огонь всё же разгорался, то ярыжки, стрельцы и жители соседних дворов бежали тушить пожар. Несмотря на особое внимание властей к «водоливным» трубам, бочкам и колодцам, толку от них было немного. Олеарий свидетельствует: «При подобных несчастиях наряжаются стрельцы и особая стража, которые должны действовать против огня; но огонь там никогда не тушат водою, а прекращают распространение его тем, что ломают близ стоящие строения для того, чтобы огонь, потеряв силу, потух сам собою. Для этой же цели каждый солдат и ночной сторож должен носить при себе топор»²⁸². Дополняет это свидетельство австрийский дипломат А. Лизек (1675): «Обязанность пожарных исполняют стрельцы; туша пожар, они ломают строения

до самой улицы, а если надо спасти дом, то закрывают его бычьими кожами, поливая их беспрестанно водой. Впрочем, беда или печаль невелика, если дом и сгорит: имущество у них хранится в подвалах, а дом можно на следующий день купить на рынке (где, видели мы, продавали их тысячами, вполне готовые), сложить снова и поставить на прежнем месте, почти без всяких затей и расходов»²⁸³.

Сходным образом характеризует борьбу с пожарами Котошихин: «А как бывает на Москве пожарное время, и они стрелцы повинни ходить все на пожар, для отниманья, с топорами, и с ведрами, и с трубами медными водопускными, и з баграми, которыми ломают избы. А после пожару бывает им смотр, чтоб кто чего пожарных животов захватя не унес; а кого на смотре не объявитца, бывает им жестокое наказание батоги»²⁸⁴.

В 1695 году Петр I попытался создать новую противопожарную службу в Москве. «Дневные записки» И. А. Желябужского сообщают: «В то ж время даточных брали на Москве у всех палатных людей, на пожар бегать и караулы стеречь вместо стрельцов, и прозвание им было Алеши»²⁸⁵. Но эта реформа не удалась, и создание полицейских брандмейстерских команд произошло уже в XVIII столетии.

Сигналом о пожаре был колокольный звон. Павел Алеппский пишет: «В Молдавии и Валахии в случае пожара обыкновенно кто-нибудь ударяет в большой колокол об один из его краев, причем раздается страх наводящий гул, крайне неприятный и пугающий; это служит знаком людям собраться для тушения пожара или спастись. В московской же земле ударяют в приятный по звуку колокол, висящий над городскими воротами»²⁸⁶. В Москве издревле при пожарах звонили во все городские колокола особым частым — набатным — звоном. Когда началось московское восстание 1606 года, бояре-изменники успокаивали Лжедмитрия I, спрашивавшего о причине колокольного звона, говоря ему, что где-то горит город. На самом же деле набат поднимал служилых людей против поляков и охраны самозванца. В 1668 году появился указ (его черновик правил лично царь Алексей Михайлович), регламентирующий набат-

ный звон. Он предписывал в случае, если пожар начнется в Кремле, бить во все три набатных колокола — на Набатной, Тайницкой и Троицкой башнях — «в оба края поскорю»; «а будет загорница в Китае» — в один Спасский набат на Набатной башне, «в один край, скоро же»; при пожаре в восточной части Белого города бить в Спасский набат «в оба ж края потише» и в Троицкий набат; в Земляном — в колокол на Тайницкой башне «развалом с расстановкой». По этой системе извещали о пожарах в других районах Москвы: в западной части Белого города, Садовниках и Кадашах — как в Китай-городе, «в иных местех за рекою же» — как в Белом городе, в заречной части Земляного города — как в Земляном. С набатных башен велось и наблюдение за пожарами²⁸⁷.

Достопримечательности «царствующего града»

Скорбная хроника московских пожаров создает впечатление, что Москва регулярно превращалась в груды развалин и пепла, из которых возрождалась заново. Тем не менее иностранцы, посещавшие русскую столицу в XVI—XVII веках, рассказывают об одних и тех же ее достопримечательностях, часть которых дошла и до наших дней. Московские достопримечательности составляли славу и гордость города. Их защищали от огня, а если не удавалось спасти, восстанавливали. Они являлись одной из основ московского бытия, без них невозможно было представить себе город.

Главными достопримечательностями Москвы были, конечно, ее храмы и святыни — мощи чудотворцев в Успенском соборе, Риза Господня, чудотворные иконы, соборы Кремля, великолепный Покровский храм на Красной площади, монастыри. Каждый храм имел икону, святые мощи, крест или иную, глубоко почитаемую прихожанами и пришлыми богомольцами «святость».

Поражали воображение четыре линии московских стен, особенно великолепный Кремль. С Соборной площади или из-за Кремлевской стены путешественник мог полюбоваться красочным царским дворцом.

Со времен Бориса Годунова иностранные авторы описаний России особое внимание обращают на кремлевские колокола. Рассказывая об аудиенции, данной в 1602 году Шлезвиг-Голштейнскому принцу Гансу, его приближенный Аксель Гюльденстриерне пишет: «Тем временем звонили в очень большой колокол, висящий в Кремле, он был отлит в 1601 году, и до сих пор в него ни разу не звонили, кроме как в прошлую Пасху; весил он, как утверждают русские, 641 шиффунт и 5 лисфунтов на копенгагенский вес»²⁸⁸. Речь идет о самом большом на то время кремлевском колоколе «Царь», отлитом А. Чоховым, имевшем вес 64 тонны.

Годуновский колокол упоминает в своем описании Москвы и Мейерберг. Однако его воображение поразила другой гигант — новый Царь-колокол, отлитый в 1655 году: «В Кремле мы видели лежащий на земле медный колокол удивительной величины, да и произведение русского художника, что еще удивительнее. Этот колокол по своей величине выше Эрфуртского и даже Пекинского в Китайском царстве. Эрфуртский вышиною девять футов шесть дюймов, диаметр его жерла без малого 8 футов, окружность 9 футов, толщина стен шесть с половиною дюймов, а весит 25 400 фунтов. Пекинский колокол 13¹/₂ фута, поперечник его 12 футов, окружность 44 фута, толщина 1 фут, а вес 120 000 фунтов. Но русский наш колокол вышиною 19 футов, шириною в отверстии 18 футов, в окружности 64 фута, а толщиной 2 фута, язык его длиною 14 футов. На отлитие этого колокола пошло 440 000 фунтов меди, угару из них было 120 000 фунтов, а все остающееся затем количество металла было действительно употреблено на эту громаду... Он лежит еще на земле и ждет художника, который бы поднял его, для возбуждения его звоном в праздничные дни набожности москвитян, потому что этот народ вовсе не желает оставаться без колокольного звона, как особенно необходимого условия при богослужении»²⁸⁹.

Свидетелем изготовления этого огромного колокола был Павел Алеппский. Сделанное им подробное описание очень похоже на аналогичный сюжет в фильме Андрея Тарковского «Андрей Рублев». Не был ли

вдохновлен им великий мастер кинематографа? Павел Алеппский рассказывает, что царь первоначально обратился к иноземным мастерам, которые запросили слишком большой срок для отливки колокола. После этого «явился русский мастер, человек малого роста; невидный собой, слабосильный, о котором никому и в ум не приходило, и просил царя дать ему только один год сроку». Мастер Емельян Данилов принялся за работу, но во время чумы скончался, и «эта редкостная вещь осталась испорченной». Тогда «явился еще один мастер из переживших моровую язву, молодой человек, малорослый, тщедушный, худой, моложе двадцати лет, совсем еще безбородый, как мы видели его потом, дивясь милостям Всевышнего Бога, коими Он осыпает свои создания. Этот человек, явившись к царю, взялся сделать колокол больше, тяжеловеснее и лучше, чем он был прежде, и кончить работу в один год». По русским документам мы знаем, что звали молодого мастера Александр Григорьев.

Яма для отливки колокола была вырыта прямо на Ивановской площади Кремля. Подробно описав подготовительные работы, процесс отливки и очистки колокола, Павел Алеппский переходит к рассказу об извлечении колокола из литейной ямы: «Вышел колокол редкостный, одно из чудес света по своей громадной величине. В течение долгого времени не переставали кирками отбивать от формы те места, по которым текла медь, и очищать их до 1 декабря, когда решили вынуть колокол из ямы и повесить... Машины и канаты были привязаны и приготовлены в нашем присутствии, и горожане сошлись на зрелище. Каждую из этих шестнадцати машин приводили в движение 70—80 стрельцов, и над канатом каждой машины сидел человек, чтобы давать знать, как следует вертеть, дабы тянули все одновременно. То был день зрелища, какие бывают в жизни на счету. Многие веревки полопались, но тотчас же были заменены другими. После величайших усилий и огромных, свыше всякого описания, трудов по истечении трех дней совершили поднятие колокола и повесили его над ямой на высоту около роста человека при всевозможных хитрых приспособлениях. Над отверстием

ямы положили толстые бревна, закрыв ее всю, над ними положили еще бревен, пока этот чудо-колокол не встал на них, и тогда приступили к подвешиванию железного языка, который весит 250 пудов, а толщина его такова, что мы с трудом могли охватить его руками, длина же более полутора роста... Когда мы входили под него, нам казалось, будто мы в большом шатре...»²⁹⁰

Этот колокол пролежал в Кремле до 1679 года, удивляя всех наблюдателей, пока, наконец, не был поднят на Большую Успенскую звонницу. Во время пожара 19 июня 1701 года он разбился, но из его обломков отцом и сыном Маториными был отлит новый «Царь».

Удивляли иностранцев не только кремлевские колокола, но и другие памятники русского литейного искусства. Артиллерийские орудия, установленные на Красной площади, которые могли стрелять «поверх восточных ворот через стену и Москву реку», стояли на Красной площади еще при Штадене. Самое почетное место занимала среди них отлитая А. Чоховым в 1586 году мортира «Царь». Она находилась здесь не случайно, защищая москворецкую переправу. Для нее был вырыт специальный окоп со скошенной передней стенкой. Правда, в деле Царь-пушка ни разу не использовалась, зато служила предметом гордости и удивления.

«Мы гуляли по городу и видели там удивительное разнообразие лавок и главную площадь, где разместились основная часть артиллерии, — пишет Орудж-бек. — Эти пушки так велики по размерам, что два человека должны влезть в ствол, чтобы его прочистить». Ему вторит Маскевич: «Среди рынка я видел еще мортиру, вылитую, кажется, только для показа: сев в нее, я на целую пядень не доставал головою до верхней стороны канала. А пахолики (бедные шляхтичи-гусары. — *С. III.*) наши обыкновенно влезали в это орудие человека по три и там играли в карты под запалом, который служил им вместо окна». Он же сообщает о другом удивительном артиллерийском орудии, стоявшем на Красной площади: «Там, между прочим, я видел одно орудие, которое заряжается сотнею пуль и столько же дает выстрелов; оно так высоко, что мне будет по плечо; а пули его с гусиные яйца. Стоит против ворот, ведущих к Живому мосту»²⁹¹.

Удивительная стоствольная пушка была создана также Андреем Чоховым. Надпись на ней гласила: «Слитая пушка при державе государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа великия России лета 7096 (1588. — *С.Ш.*) году делал Андрей Чохов», а ниже — «Пушка о сте зарядах, в ней весу 330 пуд 8 гривенок» (более 5,2 тонны). Это орудие использовалось во время боев Второго ополчения с поляками. Затем его перевезли на Пушечный двор. В 1640 году ее осмотрели «пушечные литцы» Алексей Якимов, Михаил Иванов и Никифор Баранов и дали заключение: «...в Московское разорение у тое же пищали засорилось камнем и грязью закачено 25 зарядов и тем де зарядом помочь они не умеют. А ныне-де она и досталь заржевела. А осталось-де у нее целых 40 зарядов и теми заряды стрелять мочно». К сожалению, эта пушка до нашего времени не сохранилась, вероятнее всего, ее переплавили в начале XVIII века²⁹².

Огромные колокола и пушки были доступны для обозрения всем посетителям Красной площади и Кремля, но мало кто удостоивался чести быть приглашенным в царскую сокровищницу. И всё же несколько иностранцев оставили ее описание. Поэтический рассказ Джерома Горсея даже вдохновил художника Александра Литовченко на создание (1875) картины «Царь Иван Грозный показывает сокровища английскому послу Горсею».

Англичанин пишет: «Каждый день царя выносили в его сокровищницу. Однажды царевич сделал мне знак следовать туда же. Я стоял среди других придворных и слышал, как он рассказывал о некоторых драгоценных камнях, описывая стоявшим вокруг него царевичу и боярам достоинства таких-то и таких-то камней». По рассказу Горсея, Иван Грозный оказался знатоком драгоценных камней и легенд, связанных с ними. О магните царь отозвался так: «Магнит, как вы все знаете, имеет великое свойство, без которого нельзя плавать по морям, окружающим землю, и без которого невозможно узнать ни стороны, ни пределы света...» Затем он показал придворным свойства магнита, притянув к нему металлическую цепочку. Вообще свойства камней особо интересовали царя. Взяв в руки коралл и бирюзу,

он заключил: «Я отравлен болезнью, вы видите, они показывают свое свойство изменением цвета из чистого в тусклый, они предсказывают мою смерть», — а затем потребовал жезл из рога единорога «с великолепными алмазами, рубинами, сапфирами, изумрудами и другими драгоценными камнями» и несколько пауков. «Он приказал своему лекарю Иоанну Ейлофу обвести на столе круг; пуская в этот круг пауков, он видел, как некоторые из них убегали, другие подышали». Затем Грозный показывал и расхваливал алмаз, рубин, сапфир, изумруд и другие камни, пока ему не стало плохо и он [не] потребовал унести его из сокровищницы²⁹³. Видимо, об этом же посохе сообщает Штаден, называя его «прекрасным драгоценным посохом с тремя огромными драгоценными камнями».

Другой посетитель царской сокровищницы, Оруджебек, был более краток: «Здесь, перед воротами, стояли две статуи львов: одна, по-видимому, из серебра, другая — из золота, но обе грубо сделаны. О том, что мы увидели внутри сокровищницы, о невообразимых богатствах трудно рассказать и описать всё это невозможно, так что я замолкаю»²⁹⁴. Капитан личной охраны Лжедмитрия I Жак Маржерет бывал в царской сокровищнице неоднократно. Он сообщает, что видел там четыре короны, два посоха, два золотых державных яблока, «два цельных рога единорога и один посох, с которым ходят императоры, сделанных из цельного куска [рога] единорога», золотой посох, множество «больших и малых золотых блюд и чаш для питья». К несчастью, легендарная сокровищница московских государей была разграблена поляками и литовцами в Смутное время. Активное участие принял в этом и сам Маржерет. Например, в марте 1611 года он «взял» у боярина Ф. И. Шереметева, ведавшего государственной казной, «обруч золотой шляпочный с яхонты и с олмазы, цена 500 рублей; да 2 чарки золоты, да манелы (браслет?), стебель золот ложечной с камнем весу 2 гривенки и 31 золотник с полужолотником, по 30 рублей гривенка, итого 79 рублей и 22 алтына пол 6 (пять с половиной. — С. III.) денги; да жемчугом дано 782 золотника, цена 986 рублей 23 алтына 2 денги»²⁹⁵.

«Семь царских корон и три скипетра, из них один — из цельного рога единорога, очень богато украшенный рубинами и алмазами, а также несказанно много редкостных драгоценных изделий должны были познать, как кочевать по чужим землям», — пишет Буссов²⁹⁶. Удивительно еще, что после такого разграбления в царской сокровищнице еще остались «шапка Мономаха», золотой трон Бориса Годунова и другие реликвии, находившиеся там до Смуты.

Торг на Красной площади, на улицах и в переулках Китай-города и Живой мост, о котором упоминал Маскевич, также славились как московские достопримечательности. О первом сложили пословицу-пожелание: «Что в Москве в торгу, то в твоём доме». Живой — наплавной — мост был примечателен своими размерами. Для древнерусских городов такие мосты были обыденными, они представляли собой связанные плоты, положенные на воду и убиравшиеся при проходе судов. Перед весенним половодьем Живой мост разбирался, иногда его разметывали осенние ветры.

В 1643 году голландец Иван (Яган) Кристлер предложил выстроить на этом месте каменный мост. Царь Михаил Федорович заинтересовался проектом и повелел создать «мостовой образец», который живописец Анц Детерс (Ганс Детерсон) расписал суриком, чернью и белилами. 31 июля 1644 года в Посольском приказе Кристлер представил посольским дьякам Григорию Львову и Степану Кудрявцеву модель моста и чертеж «на три статьи». На вопрос, не развалится ли мост во время ледохода, Кристлер отвечал: «У него будут сделаны шесть быков каменных острых, а на те быки учнет лед, проходя, рушит[ь]ся». По словам инженера, своды моста могли выдержать попадание «большого пушечного снаряда». В тот же день «мостовой образец» осматривал царь, и в результате проект Кристлера был одобрен. 12 августа 1644 года голландец подал в Посольский приказ смету на строительство, и вскоре начались подготовительные работы. Но после кончины в 1645 году Кристлера и царя Михаила Федоровича проект каменного моста через Москву-реку был надолго забыт²⁹⁷.

Вернулись к нему в правление царевны Софьи Алек-

сеевны, видимо, по инициативе князя Василия Васильевича Голицына, придававшего особое значение каменному строительству в столице. В 1687 году, взяв за основу план Кристлера, возведение моста возглавил «мостового каменного дела мастер» монах Филарет. Мост было решено строить не на месте Живого моста, а между Садовниками и районом Алексеевского монастыря. От Всехсвятской башни Белого города, к которой мост примыкал, он получил наименование Всехсвятского Каменного. Основу моста составили дубовые сваи, вбитые в русло реки. Строительство велось пять лет и встало казне в весьма значительную сумму, что породило в Москве присказку: «Дороже каменного моста».

Двенадцатирочный мост имел в поперечнике 11 сажень, то есть был шире большинства московских улиц. Со стороны Замоскворечья была выстроена украшенная часами предмостная башня с шестью проездными воротами, завершавшаяся двумя шатрами, увенчанными двуглавыми орлами. В конце столетия в башне находились Корчемная канцелярия и тюрьма для арестованных за незаконную продажу спиртного. У отводных быков были выстроены две мельницы, а на самом мосту в конце XVII века стояли различные торговые и иные заведения. В 1696 году здесь находились четыре каменные палатки, принадлежавшие А. Д. Меншикову, табачная таможня, пивной двор, кружало (кабак) «Заверняйка» (хочешь — не хочешь, а завернешь!), лавки, торговавшие щепетным (мелочным) товаром. На левом берегу располагались торговые бани, принадлежавшие тому же Меншикову, и казенные житницы для солдат, а под самим мостом — пивной фартинный ледник. Вокруг башни были устроены галереи — Верхние гульбища, где москвичи пили пиво и любовались видом Кремля. Как свидетельствуют документы Казенного приказа, с «водошной и пивной и медовой продажи», осуществлявшейся на мосту, в казну поступал питейный сбор, составлявший «немалую прибыль».

Монахи Азовского Предтеченского монастыря просили дозволения поставить именно на мосту, у башни, часовню и келью для старца. Дозволение было дано, и старец начал жить у моста и собирать милостыню. Воз-

можно, подогретые пивом москвичи жертвовали щедрее, чем трезвые.

В XVIII веке под одной из арок моста на левом берегу (москвичи называли ее «девятой клеткой») обосновались «лихие люди». Там начинал свою преступную карьеру прославленный московский разбойник Ванька Каин²⁹⁸.

Вернемся с Москвы-реки на Красную площадь. Здесь во второй половине XVI — начале XVII века можно было наблюдать еще одну диковину, поражавшую воображение не меньше огромных колоколов и пушек. Вдоль Кремлевской стены шел Алевизов ров, выкопанный в 1508 году. Во второй половине XVI столетия ров обмелел и в нем был устроен «двор лвиной», который, согласно описи «ветхостей» московских укреплений, был «пригорожен к стене». В 1557 году английская королева Мария I Тюдор преподнесла Ивану Грозному в подарок льва и львицу. На миниатюре Лицевого летописного свода, изображавшей прибытие московского посланника с дарами королевы, львы вполне узнаваемы²⁹⁹.

Ход мыслей царя, приказавшего поместить львов в кремлевский ров, очевиден. «Львиный ров» — одно из центральных мест в Книге пророка Даниила. Именно туда был брошен пророк, но Ангел Господень «заградил пасть лвам». Тогда в ров были сброшены обвинители Даниила — «как они сами, так и дети их и жены их; и они не достигли до дна рва, как львы овладели ими и сокрушили все кости их» (Дан. 6:7, 6:12, 6:16, 6:19, 6:22, 6:24). На русских иконах Даниил изображался с львами, падающими к его ногам и всячески ласкающимися.

О содержании львов в кремлевском рву сообщает Генрих Штаден. Он также пишет, что после пожара 1571 года «львов, бывших под стеной во рву, нашли мертвыми на торгу». При Борисе Годунове львы вновь появляются в Москве — вероятно, в качестве подарка персидского шаха. Орудж-бек сообщает: «Нам также показывали огромную клетку с дикими зверями: среди других там был лев, громадный, как лошадь, чья грива падала на обе стороны его шеи, позже он в ярости сломал две огромные деревянные балки в своей клетке». Быть может, зверь так разозлился, увидав персов, которых счел виновни-

ками его отправки в холодную Московию? Этот лев (а возможно, их было больше) дожил до Смутного времени. «К югу от города вырыт глубокий ров, в котором великий князь обыкновенно держит львов, чтобы всякий, кому только угодно, мог смотреть их», — сообщает Петр Петрей, впервые попавший в Москву в 1608 году³⁰⁰. Повидимому, во время «Московского разорения» львы погибли. Память о них сохранялась до второй половины XVII века в названии Львиных (Неглименных) ворот Китай-города, которые потом стали именовать Иверскими или Воскресенскими.

Генрих Штаден сообщает также, что неподалеку от львов содержали слона, прибывшего из Аравии. Его история еще печальнее. Немец-опричник пишет: «Великому князю был подарен слон вместе с арабом, управлявшим этим слоном. Этот араб получил в Московии много денег. Это заметили русские бражники — бездельники, горькие пьяницы, которые в тайных корчмах бросают кости и ведут игру, тайно убили жену араба ради денег. Этого араба русские обвинили вместе со слоном, объявив, что чума, которой будто бы отродясь не помнили в Москве, пошла от араба и слона. Тогда араб впал в немилость и был сослан в посад Городки». Там он скончался, а слон лег и умер на его могиле. Швед Павел Одерборн рассказывает другой вариант этой драмы: слона, подаренного персидским шахом Тахмаспом, царь пытался заставить становиться перед ним на колени, прокалывая ему железным острием кожу на лбу. Увидев бесплодность своих попыток, Грозный приказал изрубить животное³⁰¹.

При царе Алексее Михайловиче в Москве появился новый слон, опять же присланный в подарок персидским шахом. Первоначально его поместили у кремлевского рва, а затем перевели в зверинец в Измайлове. Позднее шах дарил слонов Петру I и один из них уже в 1713 году поселился в Санкт-Петербурге. Прибывали в Москву и другие диковинные животные. Например, в 1620 году в числе других подарков от английского посла Джона Мерика царь Михаил Федорович получил двух «индейских» попугаев и «зверя индейского антилопа». Не в диковинку были москвичам и обезьяны. Корб

передает курьезную историю, случившуюся с доктором Цопотом, жившим в конце XVII века в Москве: «Какой-то писарь из Царского приказа принес к этому же самому врачу обезьяну для оказания ей медицинского пособия, но врач отговорился незнанием русского языка и указал на своего товарища, Карбонарии, как на человека более способного к тому, так как он хорошо знает уже язык страны»³⁰².

Царский Измайловский зверинец, Соколиный и Потешные дворы (там держали медведей) не показывали даже иностранным послам. Голландец Витсен рассказывает, что попытался подкупить сторожей, чтобы заглянуть на Соколиный двор, но те решительно отказались. Рядом с Соколиным двором находились «Монстерхауз» и «охотничий домик», в которые Витсену также не удалось попасть. «Когда мы спросили сторожей, какие там животные и рыбы, мы получили ответ: “Чтобы ответить на этот вопрос, у нас дня не хватит; почему вы спрашиваете об этом?”». «Эти люди очень ревнивы и боятся, что выдадут тайну, даже в мелочах», — заключает голландец³⁰³. При Петре I членам австрийского посольства уже разрешили посетить зверинец. И. Корб пишет: «6 [декабря 1698 года]. Сегодня мы были в царском зверинце, где видели неимоверной величины белого медведя, леопардов, рысей и многих других зверей, которые содержатся здесь только для удовлетворения любопытства»³⁰⁴. В XVIII веке Измайловский зверинец считался одним из крупнейших в Европе; помимо животных лесной полосы там содержались львы, тигр, дикобраз, антилопа гну и другие экзотические звери.

Завершая рассказ о московских достопримечательностях, необходимо сказать о великолепном дворце князя Василия Васильевича Голицына на Тверской улице. Хоромы фаворита царевны Софьи отличались изысканной роскошью. Опись имущества князей Голицыных, составленная после их опалы, занимает в сборнике документов «Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках» (СПб., 1893) почти 200 страниц печатного текста.

В 1638 году двором на Тверской улице владел князь Андрей Андреевич Голицын, дед фаворита. Сам князь

Василий Васильевич начал сооружать свой дворец в 1684-м и ко времени опалы так и не успел завершить строительство, однако здание было возведено, основная часть помещений отделана и обжита. Двухэтажные хоромы достигали высоты в восемь сажень. Со второго, жилого, этажа переходы вели в церковь Параскевы Пятницы, где князь выстроил верхний храм во имя Воскресения Христова и специальную палату, в которой молился с семьей во время богослужения. Над воротами усадьбы находилась жилистая «палатка» с шатровой крышей, крытой черепицей. Над шатром возвышался «прапор» (флюгер) — человек на коне. Крыша основного здания была обита железными и медными листами.

В княжеском доме было 28 различных помещений и четверо входных сеней. Внутри дом делился на несколько частей — покои князя Василия Васильевича, его супруги Евдокии Ивановны и сыновей Алексея и Михаила. Самой большой комнатой была «большая столовая палата» хозяина дома с великолепным убранством. Свет падал через стеклянные окна, потолок украшало изображение ночного неба с созвездиями — «беги небесные с зодиями и планеты, писаны живописью». В красном углу помещались иконы в окладах, на стенах — портреты: князя Владимира Святославича, царей от Ивана Грозного до Ивана и Петра Алексеевичей и европейских королей. Посередине комнаты висело «костяное» (видимо, из моржового клыка) паникадило, которое при описи имущества опальных было оценено в 200 рублей. Вдоль стен, также украшенных зеркалами, стояли шкафы, посередине комнаты — столы, стулья, лавки. Видимо, именно здесь князь Голицын принимал француза де Невилля, который после беседы с ним записал: «Если бы я захотел письменно изложить здесь всё, что я узнал об этом князе, то никогда бы не смог сделать этого; достаточно сказать, что он хотел заселить пустыни, обогатить нищих, дикарей превратить в людей, трусов — в храбрецов, а пастушеские хижины — в каменные дворцы»³⁰⁵. Была у князя Василия и другая «столовая палата»; а еще одна — у его сына Алексея.

Домашняя молельня располагалась в Верхней «крестовой палате». Помимо икон и портретов царя Федора

Алексеевича, патриархов Никона и Иоакима на стенах там хранились книги, в основном церковные, но было и несколько светских, в том числе «Книга с польского писма с истории о Магилоне кралевне», «О строении комедии», какие-то польская и «немецкие» книги, переведенный с польского Коран (!) и др. Здесь же находились целых девять часов — «боевых» (с боем) и «столовых» (настольных), общая стоимость которых составляла 429 рублей. В этой же палате висел герб князей Голицыных.

На втором этаже имелись целых три спальни князя Василия. Одна из них была зимней, другая летней (она названа «спальным чуланом»). В третьей, видимо, главной, была немецкая ореховая резная кровать, висели четыре зеркала и персидский ковер, стояли девять стульев. Хозяйские спальни размещались и на нижнем этаже, в одной из них висел живописный портрет самого князя. У княгини Евдокии Ивановны была своя «крестовая палата», а также еще одна палата, спальня, два хозяйственных помещения — «казенные палаты». Рядом с одной из них располагалась содержавшаяся княгиней богадельня. В нижнем этаже по традиции размещались «людская палата» и хозяйственные помещения — погреб, «винная палата», мастерская палата, поварни. На дворе стояли конюшня, оружейная и каретная палаты.

Дом князя Голицына был, по-видимому, самым богатым и роскошным в Москве, уступая лишь царскому дворцу. По стенам висели западноевропейские шпалеры и восточные ковры, по всему дому стояла «немецкая» мебель, даже самые простые предметы были «писаны», «резаны» или еще каким-либо образом украшены. Среди прочего упоминаются шесть клеток для попугаев. Мы не знаем, были ли в них попугаи в момент описи имущества князя. Помимо портретов, зеркал и гобеленов стены дома украшали «немецкие» карты. Опись дотошно перечисляет иконы, книги, одежду, посуду, оружие, съестные припасы, принадлежавшие Голицыным. Скорее всего, основную часть имущества князь приобрел в годы своего фавора — у него не было предметов с историей, как у боярина Никиты Романова. Общая стоимость вещей, согласно подсчетам оценщиков, соста-

вила 13 493 рубля. Из других владений Голицына в дом было привезено добра еще на 26 741 рубль. Эта сумма отражает только стоимость «животов», то есть движимого имущества князя, а его общее состояние, включающее стоимость вотчин и московских дворов, даже трудно представить³⁰⁶.

Этот удивительный дом открывал свои двери немногим. Гостями князя были бояре, иностранные дипломаты, приказные люди. Простые москвичи могли лишь любоваться дивными палатами из-за ограды. Сходным образом был украшен и дом боярина Артамона Сергеевича Матвеева в Артемоновом переулке. На стенах висели «чертеж Архангельского города и иных Поморских городов», «чертежи» Швеции, Дании, России, Польши, Англии, портреты хозяина дома, его сыновей, польских королей и почему-то Ильи Даниловича Милославского³⁰⁷.

Матвеев, Голицын и люди их круга не были зачинателями моды на «заморские» диковины и предметы, но в их домах эта мода получила наибольшее распространение. Постепенно проникала она и в хоромы других аристократов, от них — к дворянам, купцам и посадским. Столица готовилась к переходу в Новое время, не ожидая, что оно окажется для нее столь жестоким...

Тать в нощи

Преступность, в том числе и уличная, составляла большую проблему как для Москвы, так и для других городов средневековой России. О широком распространении различных видов уголовных преступлений свидетельствуют русские законодательные своды — судебники.

Двенадцать из шестидесяти восьми статей Судебника 1497 года были посвящены наказаниям за различные виды уголовных преступлений. В Судебнике перечислены такие разновидности преступлений, как «татьба», «душегубство», «разбой», «ябедничество» (соответственно грабеж, убийство, грабеж с опасностью для жизни пострадавшего, ложный донос). Впервые появляется

термин «ведомый лихой человек» — тот, чья преступная сущность была очевидна для окружающих, готовых подтвердить это под присягой. В другой статье этого законодательного свода список криминальных специальностей дополняют «государский убийца» (убийца своего господина), «коромольник» (мятежник), «церковный тать» (грабитель церковного имущества), «головной тать» (грабитель-убийца), «подымщик» («лихой человек», скрывающийся под чужим именем) и уже знакомый нам «зажигальник». За все эти преступления полагалась смертная казнь. Исключение делалось лишь для тех, кто был пойман на грабеже впервые; таковых полагалось наказывать торговой казнью — «бити кнутием» на торговой площади и конфисковать их имущество, из которого следовало возмещать убытки потерпевшей стороне³⁰⁸.

Судебник 1550 года пополняет список злодеев «градским здавцем» (изменником, сдавшим город неприятелю) и «подметчиком» (составителем «подметных писем» — анонимных писаний, возмущавших народ)³⁰⁹.

Наконец, самый полный перечень преступлений и наказаний содержит Соборное уложение 1649 года. Этот законодательный свод сортировал злодеяния по их опасности, начиная с преступлений против Бога, Церкви и государя, а затем переходил к уголовным и иным видам преступлений. Смертная казнь (сожжение) полагалась богохульнику, мешавшему свершению Божественной литургии или совершившему убийство в храме; за другие бесчинства в церкви — нанесение ранений, «непристойные речи» и оскорбление — следовала «торговая казнь» или тюремное заключение. Грабителей церковного имущества карали смертью. Казнь применялась и за политические преступления — «умысел на государское здоровье», измену, мятеж («А кто учнет к царьскому величеству или на его государевых бояр и околничих и думных и ближних людей, и в городех и в полках на воевод, и на приказных людей, или на кого ни буди приходити скопом и заговором»). К числу особо опасных преступлений был отнесен и поджог города по злому умыслу или вследствие измены³¹⁰.

Особое внимание уделяло Соборное уложение охра-

не государевой чести — даже за появление на государевом дворе с пищалью или луком полагалось бить виновного батогами, а посмевающим обнажить оружие должны были отрубить руку. Жестоко наказывались драка и брань на царском дворе. Смертная казнь грозила поддельвателям государственной печати и фальшивомонетчикам; для последних она была особо жестокой — им заливали в горло расплавленный металл³¹¹.

Уголовные преступления против граждан также карались весьма сурово: за убийство полагалась смертная казнь, за нанесение увечий — аналогичное истязание виновного и штраф. За первую кражу должны были отсечь левое ухо, посадить в тюрьму на два года, а затем сослать «в украинные города»; за вторую отсекали правое ухо, отправляли в тюрьму на четыре года, а затем снова ссылали, за третью казнили. Таким же образом, как воров («татей»), наказывали мошенников.

Сходным образом характеризует преступления по уголовным делам Р. Ченслер, побывавший в России за сотню лет до составления Соборного уложения, в царствование Ивана Грозного и обративший внимание на отличия в русском и английском уголовном законодательстве: «По их законам никто не может быть повешен за свой первый проступок; но виновного долго держат в тюрьме и часто бьют плетьюми и иначе наказывают, и он должен оставаться в тюрьме, пока друзья не поручатся за него. Если вор или мошенник, которых здесь очень много, попадетя вторично, ему отрезают кусок носа и выжигают клеймо на лбу и держат в темнице, пока он не найдет поручителей в своем добром поведении. Если же попадетя в 3-й раз, его вешают»³¹².

Пятнадцатая статья 21-й главы Соборного уложения «О розбойных и о татиных делех» предусматривала наказание за целый ряд взаимосвязанных преступлений. В ней составители нарисовали портрет типичного для средневековой Москвы криминального персонажа: «А которые воры на Москве и в городех воруют, карты и зерню играют, и проигрався воруют, ходя по улицам, людей режут, и грабят, и шапки срывают, и о таких ворах на Москве и в городех и в уездех учинити заказ крепкой и биричем кликати по многия дни, будет где такие воры

объявятся, и их всяких чинов людям имая приводити в приказ... и тем вором чинити указ тот же, как писано выше сего о татех»³¹³.

Вероятно, упомянутая в Соборном уложении кража шапок была распространенным видом «татьбы», поскольку встречается в сохранившихся делах. Например, осенью 1687 года был ограблен возвращавшийся ночью из гостей торговый человек Иван Дмитриев: «Набежали на меня воровские люди, стали бить, грабить и грабежом взяли у меня шапку, оторвали от пояса ножик и мешочек козлиный, в нем денег семь рублей и ключи лавочные». На счастье торговца, на следующий же день он углядел свои вещи, выставленные на продажу в лавке тяглеца Бронной слободы Ивана Иванова. По жалобе Дмитриева Иванов был взят на съезжий двор и наказан за продажу краденого³¹⁴.

Другое дело о «татьбе» также упоминает покражу шапки. Михаил Тихонов пришел на съезжий двор с жалобой, что у него со двора украли черную курицу. Он также увидел свою курицу (видимо, она была приметной) в рядах на Красной площади в руках у тяглеца Казенной слободы Андрея Аникеева и повел того на съезжий двор. По дороге к ним присоединились какие-то люди (очевидно, приятели Аникеева), которые, жаловался Тихонов, «учали меня бить и тое курицу отбили. Да сбили с меня шапку. Полторы рубли за нее уплатил», курицу же Аникеев удавил и бросил. Однако Аникеев утверждал, что курицу купил в Охотном ряду, а «Мишка» сам напал на него, отнял курицу и свернул ей шею, о шапке же предпочитал не упоминать. Кто из тяжущихся говорил правду, дьяки съезжего двора разобрать не смогли, и в конце концов дело закончилось полюбовно³¹⁵.

Как правило, объезжим головам и дьякам приходилось решать проблемы более серьезные, нежели кража куриц и шапок. Выше уже говорилось о широком распространении поджогов с целью грабежа. Несмотря на все меры по охране порядка — караулы и решетки, — ночным кошмаром для горожан были грабежи и убийства. Участник голландского посольства Николаас Витсен писал в 1665 году: «Теперь мы, идя по улицам,

заметили озорство русских: в сумерках у некоторых из наших отняли ружья, и нам сказали, будто за одну ночь были убиты 12 человек, им перерезали горло, и что это здесь часто случается»³¹⁶.

Схожие сообщения содержатся и в дневнике австрийца Корба. 16 июня 1698 года он записал: «...На многолюднейших улицах столицы найдены два москвитянина, которым неистовые злодеи отсекали головы. По ночам в особенности невероятное множество всякого рода разбойников рыщет по городу». Запись от 2 декабря сообщает: «Нашли на улице двух мертвых голландцев, в убийстве которых подозревают москвитян»³¹⁷.

Многие иностранцы, испуганные ночными убийствами и грабежами в Москве, приписывали злодейскую сущность всем русским. Таков, например, отзыв Б. Таннера: «Удивительно, что в течение 15 недель я не мог заметить в москвитянах ничего добродетельного или приятного, или хоть сколько-нибудь похожего на истинное благочестие. Я вынужден поэтому сказать, что в большинстве случаев они лукавы, развратны, обманчивы, надувалы, вероломцы, вздорливы, разбойники и человекоубийцы, так что если в надежде на прибыток или получение денег убьют человека да поставят за его душу одну зажженную свечку в церкви, то считаются свободными и наказанию не подлежащими»³¹⁸. Впрочем, некоторые путешественники придерживались иного мнения. «Обмануть друг друга почитается у них ужасным преступлением; прелюбодеяние, насилие и публичное распутство также весьма редки; противоестественные пороки совершенно неизвестны, а о клятвопреступлении и богохульстве вовсе не слышно», — пишет в середине XVI века итальянец Альберт Кампензе, правда, никогда в России не бывавший³¹⁹. Истина, как обычно, была где-то посередине между этими полярными оценками. Во всяком случае, Таннер явно не был компетентен в той части своего отзыва, где речь идет о наказаниях за уголовные преступления, которые, как известно, были весьма жестокими.

О них сообщают более информированные чужеземцы. Например, рассказ Витсена может служить своеобразной иллюстрацией к статьям Соборного уложения.

Он присутствовал при смертной казни 120 человек, «кроме тех, которые кнутом или иначе были наказаны». Один из осужденных был сожжен — «это был монах, который обокрал свой монастырь, и, как русские сказали, он и колдовал своим крестом». Сожгли «церковного татя» и колдуна в костре «в виде домика из квадратно уложенных друг на друга бревен; вокруг и внутри “домика” полно соломы, примерно на два фута высоты». «На том же месте у двух-трех человек были отрублены руки и ноги, а затем голова, — продолжает голландец. — Одни потеряли руки, другие — ступни; жуткое зрелище. Ничем не связанные, они ложатся на землю и кладут голову, руки или ноги на два бревна. Затем подходит палач с маленьким топориком и отрубает сперва руки и ноги, а затем голову... В общем, то здесь, то там вешали, обезглавливали и т. д. Кнутом бьют, прогоняя по улице... Эшафотов здесь не употребляют, только скамьи, на которых стоит писец с двумя помощниками, и перед ними без особого труда происходит казнь прямо на улице»³²⁰.

Иностранные наблюдатели особо отмечали, что разбои часто совершались холопами. Мейерберг пишет:

«Москвитяне держат довольно многочисленных холопов и рабов, но с небольшими расходами, потому что, не заботясь о разноцветных платьях (ливреях. — С. Ш.), одевают их в какие ни есть обноски. Но [так] как пайков или месячины у них не водится, а притом много по закону постов, к которым они из бережливости прибавляют еще несколько от себя, то кормят слуг самым сухим хлебом, тухлой или сушеной рыбой и редко мясом, назначая в питье им чистую воду... Жалованья не дают им никакого, потому что большая часть из них холопы или крепостные, но и вольным-то очень ничтожное. Стало быть, они никогда не выходят с сытым желудком из-за домашнего стола, и вот вместе с празднующимися бедняками, которых бесчисленное множество, дожидается такой на площади без всякой работы, чтобы достать денег для насыщения себя, особливо на выпивку; не зная, по своей вине, никакого честного ремесла, они принимаются, как негодяи, за дурное: либо обворовывают тайком дома, которые стерегутся поплотнее, либо грабят их, нарочно поджигая у

людей позажиточнее и явившись будто бы подать помощь, либо в ночное время нападают открытою силой на встречаемых людей и, лишив их неожиданным ударом сначала голоса и жизни, чтобы они не могли кричать о помощи к соседям, отбирают у них потом деньги и платье. Так как и в трезвом состоянии они готовы на ссоры и гнусные обиды, то в пьяном виде очень часто поднимают драки из самых пустяков и, тотчас выхватив ножи, вонзают их друг в друга с величайшим ожесточением. Правда, что на всякой улице поставлены сторожа, которые каждую ночь, узнавая время по бою часов, столько же раз, как и часы, колотят в сточные желоба на крышах или в доски, чтобы стук этот давал знать об их бдительности шатающимся по ночам негодьям, и они из боязни быть схваченными отстали бы от злодейского дела, за которое принялись; а не то, если лучше хотят быть злодеями, сторожа их ловят и держат ночью под караулом, чтобы с рассветом отвести к уголовному судье. Но эти сторожа, либо по стачке с ворами, сами имеют долю в украденном, либо из страха их нерасположения к себе, будто объятые глубоким сном, не трогаются, потворствуя их злодействам, так что в Москве не рассветет ни одного дня, чтобы на глаза прохожих не попалось множество трупов убитых ночью людей»³²¹.

Мейербергу вторит его современник голландец Я. Стрейс: «Они рабы во природе и рождены для рабства, они весьма редко работают добровольно и без принуждения; их всегда принуждают к тому побоями. Они так привыкли к своему рабству, что, получив свободу после смерти своего господина или по доброте его, сами себя продают в рабство... Их скверно кормят, что способствует распространению воровства. Также часто происходят убийства, и каждый, кто боится потерпеть убыток или потерять что-либо, должен быть настороже. Несмотря на суровые наказания за небольшие кражи, холопы торговцев табаком и водкой не удерживаются от них»³²².

По-видимому, в этих сообщениях есть зерно истины. Не случайно во время голода при Борисе Годунове разбойничьи шайки, состоявшие из бывших боярских холопов, терроризировали почти весь Московский уезд.

Выходили на ночную улицу или на большую дорогу с кистенем и ножом боевые холопы — военные слуги дворян, обученные обращению с оружием. Окольничий И. А. Желябужский сообщает в своих записках: «Ноября в 20 день (1697 года. — С. III.) покрали на Москве дьяка Казанского приказа Григорья Кузьмина, и после того на третий день явились разбойники, дворовые люди Кирюшка Шамшин с братом, также и иных всяких разных чинов, и пытаны, и в разбое винились, и повешены»³²³. Таким образом, ядро разбойной шайки составляли два брата-холопа, к которым примыкали выходцы из других социальных слоев. Случалось, что такие шайки создавали и сами господа. Так, в 1688 году были пойманы на разбое стольник князь Яков Иванович Лобанов-Ростовский и дворянин Иван Микулин с сообщниками. За разбой и убийство двух царских крестьян князь был бит кнутом, а его холопа-калмыка и казначея повесили³²⁴.

Этот случай был не единичным. Вплоть до XIX века помещики, особенно в провинции, сколотив шайки из дворовых, грабили и убивали на дорогах и в соседних имениях. Одна из таких историй вдохновила А. С. Пушкина на создание «Дубровского». Но всё же в большинстве случаев господа были непричастны к преступлениям, совершавшимся их холопами. Соборное уложение особо оговаривает такие случаи: «А будет такое убийственное дело учинят чьи люди или крестьяне без ведома бояр своих, и их за такое дело самих казнить смертию безо всякие пощады»³²⁵.

Из-за плохой сохранности архива Земского приказа, ведавшего борьбой с преступностью в Москве, подробности криминальной жизни «стольного града» приходится выуживать из самых разнообразных документов. Например, из прошения игуменьи Алексеевского монастыря Олимпиады, поданного в 1712 году, явствует, что одна из разбойничьих шаек обосновалась неподалеку от святой обители. Игуменья просила пристроить монастырскую ограду непосредственно к стене Белого города, поскольку «за монастырскою их оградою меж городской стены у Алексеевской башни от воровских людей бывает грабеж и в монастыре их из того глухо-

го проезду крадут»³²⁶. Видимо, тогда же «лихие люди» обосновались под «девятой клеткой» Всехсвятского Каменного моста, находившегося по соседству.

В XVII—XVIII веках эта местность являлась окраиной города, хотя и не очень удаленной, а окраины во все времена были наиболее опасны для припозднившихся прохожих, о чем в 1643 году один из дворцовых служителей, «Потешные палаты Федка Завалской», даже решился, хотя и не напрямую, напомнить царю. 28 ноября он подал челобитную: «В прошлом, государь, 149 году (7149-м, то есть 1641/42-м. — *С. III.*) пожаловал ты, государь, меня, холопа своего, отписным опальным дворником за Белым городом в Псарях; и мне, холопу твоему, к твоему государеву делу отгуды ходить в вечеру поздно нельзе», — вслед за чем следовала просьба разрешить продать этот двор и купить новый, в Белом городе «для поспешения к твоему государеву делу». Вероятно, стремление получить двор в Белом городе было связано вовсе не со стремлением Завальского побыстрее добираться на государеву службу, а с тем, что он опасался за свою жизнь, отправляясь вечером со службы домой. Царь снизошел до его просьбы — разрешил продать двор и купить новый³²⁷.

Если разбои и убийства, как свидетельствуют иностранные путешественники, совершались в основном в ночное время, то «татьба» (воровство) не стеснялась белого дня. Документы свидетельствуют, что в средневековой Москве промышляли карманники-виртуозы, которых не смущали ни множество людей, ни благочестивые поводы для народных собраний. 1 октября 1692 года, в праздник Покрова Пресвятой Богородицы, вору умудрились на Красной площади обокрасть подьячих Василия Юдина и Романа Артемьева, наблюдавших за порядком во время крестного хода, стащив у обоих весьма примечательные предметы — наборы из ножа и вилки, крепившиеся к поясу. Позднее Юдин так описывал пропажу: «Черенки разукрашены финифтью лазоревою. По финифти серебром положены жуки серебряные да вызолоченные». Стоила такая вещица аж пять рублей.

Обнаружив пропажу, Юдин тут же на площади схватил стоявшего рядом мальчишку Гараську, отправлен-

ного хозяином, мастеровым Иваном Герасимовым, продавать деготь. Тот оставил деготь в «шалаше» у торговца Елисеева и пошел глазеть на крестный ход, где и попался под руку подьячему. По-видимому, краденых предметов при нем не нашли и подозрение в воровстве сняли, однако на всякий случай отдали на поруки под расписку — но не Ивану Герасимову, а мастеровому Осипову. Быть может, хозяин поспешил откреститься от мальчишки, заподозренного в «татьбе»³²⁸.

Колечко с бирюзой

Красива была в середине XVII столетия главная торговая площадь Москвы, расположившаяся прямо перед стенами священной городской цитадели — Кремля. По старинке ее еще продолжали называть Пожаром, но уже постепенно стало утверждаться новое название, более соответствующее внешнему облику этого великолепного и шумного торжища, — Красная площадь. Народу на ней всегда было великое множество, поэтому москвичи, попав в какое-нибудь многолюдство, говорили: «Толчя, как на Пожаре!» Пришелец из дальнего города поначалу и в толк не мог взять: при чем тут пожар?

На Красной площади вокруг каменных лавок, деревянных скамей и шалашей толклись тысячи покупателей, сновали разносчики всякой снеди, наперебой расхваливая свой товар. Подле собора Покрова Пресвятой Богородицы, именовавшегося чаще храмом Василия Блаженного, находился довольно специфический торговый ряд — Белильный. Продавали здесь белила и румяна, причем не в лавках, а в более хлипких сооружениях — шалашах. В этом ряду, пожалуй, единственном на весь торг, царствовали женщины-торговки и конечно же женщины были и покупательницами столь важного товара.

Помимо шалашей «жонки и девки» торговали белилами, румянами, холстами «и всякой мелочью», «выше и ниже Лобного места ходячи на площади». Особым указом патриарха Филарета такая торговля с рук была запрещена, но, несмотря на запрет, продолжалась³²⁹. Этих

торговок отметил и Олеарий, тем более что наряду с холстами у них можно было прикупить и более привлекательный для заезжего путешественника товар: «Перед Кремлем находится величайшая и лучшая в городе рыночная площадь, которая весь день полна торговцев, мужчин и женщин, рабов и празднующихся. Вблизи помоста... стоят обыкновенно женщины и торгуют холстами, а иные стоят, держа во рту кольца (чаще всего — с бирюзой) и предлагая их для продажи. Как я слышал, одновременно с этой торговлею они предлагают покупателям еще кое-что иное». Если верить Олеарию, то колечко с бирюзой во рту отличало московских проституток XVII века, именовавшихся в русских источниках «непотребными женками». Таннер, посетивший Москву через 40 лет после Олеария, сообщает: «Любо в особенности посмотреть на товары или торговлю стекающихся туда москвитянок: нанесут ли они полотна, ниток, рубах или колец на продажу, столпятся ли так позевать от нечего делать, они поднимают такие крики, что новичок, пожалуй, подумает, не горит ли город, не случилось ли внезапно большой беды... Некоторые во рту держали колечко с бирюзой; я в недоумении спросил, что это значит. Москвитяне ответили, что это знак продажности бабенок»³³⁰.

Дореволюционные историки писали, что в допетровские времена продажной любви в России не существовало, и считали ее порождением Нового времени, занесенным к нам из Западной Европы. В русских документах упоминания об этом «ремесле» весьма скудны. Однако проституция в средневековой России, в том числе в Москве, существовала, хотя, видимо, не в таких масштабах и формах, как в Новое время.

Из отечественных источников наиболее конкретные сведения о проституции и вообще о развратном поведении можно почерпнуть в исповедных вопросниках — перечнях вопросов, которые священник должен был задавать кающимся. Они показывают, что Церковь интересовалась моральным состоянием обоих участников «блудного дела» — «непотребной женки» и ее клиента. При этом грань между блудом ради удовольствия и за деньги проводилась не очень четко. И если мужчин

спрашивали: «От блуда мзду давал, с кем хотя быти?» — то женщин менее конкретно: «Во блудницах не бывала ли?»³³¹ Вместе с тем 70-я статья Судебника 1589 года является уникальным свидетельством того, что проституция признавалась если не законным, то реально существовавшим промыслом: «А блядем и видам бесчестия 2 денги против их промысла». Размер штрафа за бесчестие был ничтожно мал (скоморохам, например, платили целых два рубля), однако его существование показывает, что колдовство и проституция были внесены в своеобразный реестр профессий эпохи русского Средневековья³³².

Разнообразные косвенные и обрывочные сведения о бытовании этого явления в России XV—XVII веков позволяют предположить, что оно уходит корнями в более древние времена, когда на Руси бытовало рабство. Очень любопытное свидетельство оставил бургундский рыцарь Гильбер де Ланноа, побывавший в Новгороде в 1413 году: «...есть рынок, где они продают и покупают своих женщин, поступая по их закону, мы же, истинные христиане, не посмели бы этого делать никогда в жизни. И обменивают своих женщин одну на другую за слиток или два серебра, как договорятся, чтобы один возместил разницу в цене другому»³³³. Конечно, новгородцы не продавали друг другу жен; по-видимому, речь идет о торговле холопками-наложницами. О распространении аналогичной торговли в Москве в более позднее время (1518—1519) рассказывает итальянец Франческо да Колло: «В городе Московии некоторые из наших купили нескольких молоденьких девиц от пятнадцати до восемнадцати лет, поистине прекрасных, для своего употребления и удовольствия, всего за один дукат или унгар, и так обычно их покупают за большую или мелкую цену, и дети, которые рождаются, остаются во власти купивших, которые могут их для своего удовольствия продавать и менять, хотя и не могут вывозить из страны, но могут только держать для всяческого употребления...»³³⁴

Правда, да Колло поместил этот рассказ после сообщения о том, что на рынке отцы и матери продают «за ничтожную цену» своих детей, что заставляет по-

лагать, будто «поистине прекрасных девиц» участники австрийского посольства купили таким же образом. Вероятнее всего, да Колло в такие детали не вникал, однако нельзя утверждать, что безраздельное властвование родителей над детьми, в особенности над дочерьми, не могло принимать такие уродливые формы. Современник да Колло М. Меховский писал: «Есть еще в тех странах — в Литве, Московии и Татарии — исконный обычай продавать людей: рабы продаются господами, как скот, и дети их и жены; мало того, бедные люди, родившиеся свободными, не имея пропитания, продают своих сыновей и дочерей, а иногда и сами себя, чтобы найти у хозяев какую-нибудь, хоть грубую пищу»³³⁵. Об абсолютном характере родительской власти в средневековой России мы еще поговорим, а пока отметим, что Соборное уложение за убийство детьми родителей наказывало смертной казнью, а за убийство родителями детей — тюремным заточением на год и церковным покаянием³³⁶. Власть над женщиной передавалась от отца к мужу.

Разные источники свидетельствуют, что были мужья, которые не гнушались продавать жен для утех другим мужчинам. Об этом сообщает, например, Р. Ченслор: «С другой стороны, есть много таких, которые сами продают себя дворянам и купцам в холопство... А некоторые так даже продают своих жен и детей в наложницы и слуги покупателю». Швед П. Петрей, неоднократно бывавший в России в начале XVII века, пишет: «Когда бедные и мелкие дворяне или граждане придут в крайность и у них не будет денег, они бродят по всем закоулкам и смотрят, не попадет ли каких-нибудь богатых молодчиков, и предлагают им для блуда своих жен, берут с них по два и по три талера за раз, смотря по красавости и миловидности жены, или как сойдутся в цене. Муж всё время ходит за дверью и сторожит, чтобы никто не вошел, не помешал и не потревожил их в таком бесчестном и распутном занятии»³³⁷. Это известие можно было бы посчитать выдумкой недоброжелательного иностранца, однако оно подтверждается вполне авторитетным отечественным свидетельством.

В 1622 году патриарх Филарет в послании тоболь-

скому митрополиту Киприану осуждал бесчинства, творившиеся в Сибири: «Многие служилые люди, которых воеводы и приказные люди посылают в Москву и в другие города для дел, жен своих в деньгах закладывают у своей братья у служилых же и у всяких людей на сроки, и те люди, у которых они бывают в закладе, с ними до выкупу блуд творят беззасорно, а как их к сроку не выкупят, то они их продают на воровство же и в работу всяким людям, а покупщики также с ними воруют и замуж выдают, а иных бедных вдов и девиц беспомощных для воровства к себе берут силою, у мужей, убогих работных людей жен отнимают и держат у себя для воровства, крепости на них берут воровские заочно, а те люди, у которых жен отняли, бегают, скитаются между дворами и отдаются в неволю, в холопи всяким людям, и женят их на других женах, а отнятых у них жен после выдают за других мужей... Сибирские служилые люди приезжают в Москву и в другие города и там подговаривают многих жен и девок, привозят их в сибирские города и держат вместо жен, а иных порабощают и крепости на них берут силою, а иных продают литве, немцам и татарам и всяким людям в работу»³³⁸.

Как можно видеть, в Сибири практиковалась как отдача жен в залог, так и продажа девушек и женщин. Такие случаи известны и в более поздние времена. Так, в 1742 году крестьянин Верхотонского острога Красноярск отправился с женой по торговым делам и в пути продал ее в деревне Усовой. Несомненно, эти факты заставляют более внимательно отнестись к сообщению Петрея. И всё же, вероятно, большинство московских жриц любви допетровской эпохи, как и впоследствии, промышляли на свой страх и риск. В XVIII веке борьба с проституцией сводилась к поимке «непотребных женок», их наказанию и ссылке на отдаленные окраины империи, где их было приказано выдавать замуж. Одновременно власти требовали «подавать изветы», «где явятся подозрительные дома, а именно: корчемные, блядские и другие похабства». По-видимому, продажные женщины обретались и при вполне официальных кабаках и корчмах. Так, в 1722 году священник церкви Воскресения Христова на Успенском Вражке доносил,

что его вдовый дьякон Иван Иванов «всегда приходит в дом пропившийся и в одной рубаше, и, разбив замки, крадет де одежду и деньги и всякую домовую рухлядь и ушед живет недели по две и больши, неведь где в корчмах, где обретаются непотребные женки; и когда и дома живет непрестанно имеет раздоры и драки и всякое бесчинство чинит...»³³⁹.

Исповедные вопросники свидетельствуют, что в Средние века также существовали заведения, в которых можно было найти продажную любовь. Священник должен был спрашивать мужчин: «Или в сонмищи быв ли? В гостиницу ходил ли еси блуда ради?» — а женщин: «Чи была ли в сонмищи вдов или с блудными? Или бывала еси в сонмищи с блудники и со блудницами?» Содержателям притонов были адресованы вопросы: «Корчму или блядню собрания ради богатства не держал ли еси? На корчми блудниц не держала ли?» Таким образом, публичные дома средневековой России были известны под наименованием «сонмищ» и «гостиниц». Продажные женщины обретались при корчмах. Любопытно, что исповедные вопросники обозначают вдов как категорию женщин, промышлявших блудным ремеслом³⁴⁰.

Несколько упоминаний о проституции содержится в грамотах, адресованных центральной властью своим представителям на местах и предписывавших с этим явлением бороться, например в послании патриарха Гермогена, датированном августом 1611 года: «Да и к Рязанскому [архиепископу] пишете тож, чтоб в полки так же писали к бояром учительную грамоту, чтоб уняли грабеж, корчму, блядню, и имели б чистоту душевную и братство, и промышляли б, как реклись, души свои положить за Пречистыя дом, и за чудотворцов, и за веру, так бы и совершили»³⁴¹. Те же наставления правительство молодого Петра I направляло 13 октября 1698 года в Ярославль воеводе Степану Траханиотову: «Да и того беречь накрепко, чтоб в городе на посаде, в уезде во всех станах и селах и в деревнях разбоев и татьбы, и грабежу, и убийства, и корчем, и блядни, и табаку ни у кого не было; а которые люди учнут каким воровством воровать, грабить, разбивать и красть или иным каким

воровством промышлять, и корчмы и блядны и табак у себя держать, и тех воров служилым людям велеть иметь и приводить к себе в Ярославль и сыскивать про их воровство накрепко»³⁴².

Гражданские законы допетровской России не предусматривали особых наказаний за занятие проституцией. Вероятнее всего, против «непотребных женок», как и в более позднее время, применялась «торговая казнь» — публичное битье кнутом. По свидетельству Котошихина, именно так карали за прелюбодеяние: «А которые люди воруют з чужими женами и з девками, и как их изымают, и того ж дни или на иной день обеих, мужика и жонку, кто б каков ни был, водя по торгом и по улицам вместе нагих бьют кнутом». Сводничество, сопровождавшее проституцию, наказывалось так же, о чем свидетельствует соответствующая статья Соборного уложения: «А будет кто мужескаго полу, или женского, забыв страх Божий и христианский закон, учнут делати свады жонками и девками на блудное дело, а сыщется про то допряма, и им за такое беззаконное и скверное дело учинити жестокое наказание, бити кнутом». За убийство детей, рожденных от «блуда», следовала смертная казнь: «А будет которая жена учнет жити блудно и скверно, и в блуде приживет с кем детей, и тех детей сама или иной кто по ея велению погубит, а сыщется про то допряма, и таких беззаконных жен, и кто по ея велению детей ея погубит, казнити смертию безо всякия пощады, чтобы на то смотря, иные такова беззаконного и скверного дела не делали и от блуда унялися». Котошихин конкретизирует: «А погубление детей и за иные такие ж злые дела живых закопывают в землю, по титки, с руками вместе и отоптывают ногами, и от того умирают того ж дни или на другой и на третьей день»³⁴³.

Всё же битье кнутом за «блудное дело» применялось довольно редко, чаще всего ограничивались церковным покаянием. Так, в 1675 году стольник князь Иван Петрович Козловский повинился царю в том, что «жил с племянницею своею с двоюродною с Петровой женою Петрова сына Пушкина с Настасьею Офанасьевой дочерью лет с десять и больши». Алексей Михайлович приказал взять Козловского под стражу, а Анастасию от-

править в Страстной монастырь, где держать «под крепким начальством». Впрочем, мягкость наказания была, возможно, связана с тем, что к тому времени Анастасия Пушкина (урожденная Желябужская) уже 14 лет вдовствовала³⁴⁴.

Другой случай, видимо, был признан более тяжелым, поскольку имел место свальный грех. Окольничий И. А. Желябужский в записках за 1695 год рассказывает: «...июня в 1 день приведены в Стрелецкой приказ Трофим да Данила Ларионовы в блудном деле с девкою ево жены в застенки. И они повинились в застенке в блудном деле: сказали, что они с девкою блудно жили. Одному учинено наказанье перед Стрелецким приказом: вместо кнута бить батоги, — а другога отослали в патриарш приказ для того, что он холостой»³⁴⁵. Но и в этом случае, как можно видеть, наказанию кнутом подвергся только один из братьев, который преступил заповедь супружества; другой же, по-видимому, отделался епитимьей.

В любом случае страх перед «торговой казнью» не очень-то мешал московским жрицам любви прохаживаться с бирюзовыми колечками во рту по той самой площади, на которой секли кнутами и батогами. Авторы замечательной книги очерков о быте и нравах древней Москвы К. В. Кудряшов и А. М. Яновский пишут, что поимкой московских проституток занимались объезжие головы: «Забываясь о благопристойности и тишине, съезжие двory вели борьбу с “блудом” и сводничеством, которые становились на одну доску с воровством. Преследование “блудных женок” и сводней встречало сочувствие трудового народа»³⁴⁶. В последнем утверждении можно усомниться. Вряд ли московские мастеровые так уж радовались, когда продажных бабенок доставляли на съезжий двор, а затем секли.

Вероятно, формы и методы деятельности «непотребных женок» не сильно изменились за столетие между эпохой царя Алексея Михайловича и императрицы Екатерины II, при которой в России побывал Себастьян Франсиско де Миранда (1750—1816) — прославленный борец за независимость Южной Америки от Испании. Он не только вел переговоры с российскими властите-

лями (оказавшиеся весьма успешными), но и знакомился со всеми возможными российскими достопримечательностями, не упуская случая узнать русских женщин.

В московской главе его дневника 13 мая следует запись: «По моей просьбе извозчик (*svoschik*), или кучер, привел хорошенькую девушку шестнадцати лет, за что я вознаградил его двумя рублями. Провел с нею ночь, и наутро она ушла очень довольная, получив от меня два дуката». Спустя неделю национальный герой Венесуэлы записал: «Когда вернулся домой, мне привели девушку, не слишком привлекательную». В Петербурге Миранда продолжал пользоваться услугами русских проституток: «В половине одиннадцатого пришла хорошенькая девица, которую прислала домоправительница Анна Петровна; она немного говорила по-французски, и мы преотлично понимали друг друга. Потом легли в постель и были вместе до восьми утра, после чего девушка ушла... Заплатил ей за ночь десять рублей, но ее хозяйка осталась недовольна, передав через моего слугу, что этого мало и что я должен был дать ей по меньшей мере 25 рублей» (запись от 16 июня). Иногда путешественнику случалось, говоря современным языком, «обламываться». 28 июня он пишет: «Мой слуга отправился за девушкой и больше не появился. Пришлось лечь спать». Правда, на другой день Миранде повезло: «Слуга привел мне русскую девушку-швею, которая показала себя в постели настоящей чертовкой и в пылкости не уступит андалузкам. За ночь я трижды убеждался в этом. Утром она ушла, удовлетворившись пятью рублями»³⁴⁷.

Несомненно, в Новое время нравы стали более либеральными; но если сравнить с дневником Миранды отзывы некоторых иностранных путешественников XVII века о доступности русских женщин, становится очевидно, что такое мнение связано с существовавшим в средневековой Москве рынком интимных услуг. Об этом прямо пишет итальянец М. Фоскарино (1557): «Другие же женщины совращаются за дешевую плату, чрезвычайно расположены к иноземцам, охотно ложатся с ними и отдаются, лишь бы попросили их...»³⁴⁸

В свете сказанного любопытной представляется гипотеза москвоведа А. В. Рогачева относительно наиме-

нования одной из замоскворецких местностей — Бабьего городка. Перечисляя различные версии, объясняющие его, Рогачев замечает, что их авторы «догадывались, но, наверное, из этических соображений вслух не говорили о наиболее вероятной версии происхождения названия — от существовавшего в неудобной для жилья местности промысла определенного сорта»³⁴⁹.

«Мор и глад»

При зачаточном состоянии медицины в средневековой Москве не только обычные болезни, но и смертоносные эпидемии являлись печальной страницей повседневности. Самые ранние известия об эпидемиях и эпизоотиях, неурожае и голоде сохранили летописи. В ранний период существования Московского княжества они не сообщают о подобных бедствиях в городе и округе. В XII—XIII веках «мор» неоднократно отмечается в Смоленске, Твери, Пскове, однако Москва в списке пострадавших городов и земель не упоминается.

Столь благоприятная для Москвы обстановка, насколько можно судить по летописным данным, сохранялась довольно долго. Однако в 1340-х годах на Руси почувствовали приближение беды. Под 1346 годом летописец записал: «...бысть мор силен зело под восточную страну: на Орначи, и на Азсторокани, и на Сарай, и на Бездежи, и на прочих градех тех, на Христианех, на Арменах и на Фрязех, и на Черкассах, на Татарах, и на Обязех, и яко не бысть кому погребать их»³⁵⁰. О страшной эпидемии чумы, поразившей степи Центральной Азии, Кавказ и Крым, свидетельствуют и восточные источники, в которых говорится, что «в землях Узбековых» (владениях хана Золотой Орды Узбека) «обезлюдели деревни и города; потом чума перешла в Крым, из которого стала исторгать ежедневно до 1000 трупов или около того...».

По мнению эпидемиологов, именно в Центральной Азии около двадцати тысячелетий назад и возник вирус этой страшной болезни, переносчиками которой в степи являлись сурки, а в лесной зоне — крысы и мыши,

а вернее, паразитировавшие на этих животных блохи. Изначально чума была болезнью животных. Но, продвигаясь в степь, кочевники-скотоводы вступили в тесное соприкосновение с очагами чумы и открыли пути для ее широкого распространения по миру³⁵¹. Исследования природы и механизма распространения чумы позволили в конце концов в XX столетии победить эту болезнь, но в Средние века миллионы людей умирали в муках или теряли близких.

Эпидемия чумы, распространившаяся в степях Золотой Орды и в других улусах Монгольской империи, в 1347 году проникла в Европу. Л. Н. Гумилев пишет: «Говорят, что хан Джанибек, осаждая Кафу (Феодосию), приказал перебросить через стену этой генуэзской крепости труп человека, погибшего от чумы. Так зараза проникла в неприступную твердыню. Генуэзцы спешно эвакуировались и двинулись домой, но по дороге останавливались в Константинополе и в Мессине в 1347 г. Чума поразила Византию и Сицилию*. В 1348—1349 гг. эпидемия опустошила Италию, Испанию, Францию, Венгрию, Англию, Шотландию, Ирландию, Данию, Норвегию, Швецию, Нидерланды, была занесена на кораблях в Исландию и в Пруссию, после чего в Западной Европе затихла, но в 1351 г. перекинулась во Псков. В 1353 г., опустошив Великое княжество Московское, злая зараза ушла на юг, в степи, не затронув Нижнего Новгорода. Москва и Подмосковье на время опустели. Гибель от эпидемии, по непроверенным сведениям, достигала 30% населения... Но на одном месте эпидемия продолжалась от четырех до шести месяцев, после чего уцелевшие могли считать себя в безопасности и оплакивать погибших родственников»³⁵².

По примерным оценкам, эпидемия «черной смерти», как называли чуму в Европе, унесла около двадцати миллионов жизней. Впоследствии чума неоднократно возвращалась, вплоть до конца XVIII века, собирая жуткую жатву³⁵³.

* Эпидемиологи отвергают эту версию распространения чумы, восходящую к свидетельству очевидца, нотариуса Г. де Мюсси, как не соответствующую известным сведениям о путях заражения; ими также корректируется и распространение эпидемии, поскольку к моменту появления беглецов из Кафы чума уже охватила Южную Европу и Средиземноморье.

В 1349 году моровое поветрие пришло на территорию Великого княжества Литовского — ближайшего соседа русских княжеств. Летописец зафиксировал: «Мор бысть на люди в Полоцке». Вероятно, первая волна эпидемии была не слишком сильной. Но уже в 1352 году бедствие охватило Европу: «Того же лета нача слыти мор в людех, тако бо изволися Господу Богу на своей твари на всяка времена помышление творя, роду человеческому полезное и спасение даруя, всегда ища нашего обращения к Нему и покаяния от злых дел наших, их же творим съгрешающе непрестанно». «Черная смерть» уже стояла на пороге Руси. Эпидемия началась в следующем, 1353 году с Пскова, пограничного города, через который шла торговля с германскими землями. «Сице же смерть бысть скоро: храхнет человек кровию, и в третий день умираше, и быша мертвые всюду... — сообщает Никоновская летопись, — убо и священницы не успеваху тогда мертвых погребати, но во едину нощь до заутра сношаху к церкви мрътвых до двадесять и до тридцати, и всем тем едино надгробное пение отпеваху, точию молитву разрешалную, иже глаголется рукопись, комуждо особь изглаголаваху... И не бе где погребати мертвых, все убо бяше могилы новые... и мног плач и рыданье во всех людей бе, видяще друг друга скоро умирающе и сами на себя тоже ожидающе»³⁵⁴.

Эти жуткие сцены повторялись во всех городах, охваченных эпидемией, — Новгороде, Смоленске, Киеве, Чернигове, Суздале, — «и во всей земле Русей смерть люта, напрасна и скоро». Весной 1353 года «черная смерть» добралась до Москвы. О масштабах трагедии свидетельствуют летописные записи, рассказывающие о кончине 11 марта митрополита Феогноста, на той же неделе — двух сыновей великого князя Московского Семена Ивановича Гордого, Ивана и Семена, 26 апреля — самого великого князя, а вскоре и его брата князя Андрея Лопаснинского³⁵⁵. Из троих сыновей Калиты выжил только Иван Красный. Если болезнь так жестоко выкосила великокняжескую семью, где мужчины были здоровее и крепче большинства горожан, а против чумы, несомненно, принимались защитные меры, следовательно, потери среди рядовых горожан были не

меньше — видимо, до $\frac{2}{3}$ жителей Москвы, как и в Западной Европе.

Следующий удар эпидемия нанесла в 1364 году. Ей предшествовали неоднократные грозные знамения: «прехожаху по небу облаци крови», «погибе солнце, и потом месяц преложиися в кровь»³⁵⁶. На этот раз чума пришла с востока, из Орды. «Мор велик» начался в Нижнем Новгороде: «хракаше люди кровию, а инии железюо болезноваху день един, или два, или три дня мало неции прибывшее, и тако умираху». Смерть забирала по 50, 100 и более человек в день. Из Нижнего Новгорода эпидемия перекинулась в центр страны, охватив Рязань, Коломну, Переславль-Залесский, Москву, Тверь, Владимир, Суздаль, Дмитров, Волок Ламский, Можайск — «и во все грады разыдеся мор велик и страшен»³⁵⁷. Симптомы болезни летописи описывают подробно и единообразно: кровохарканье и опухание лимфатических желез (появление бубонов).

В XIV—XV веках болезнь возвращалась неоднократно. Например, в 1366 году «бысть мор велик в граде Москве и по всем властем (волостям. — *С. III.*) Московским». Сильнейший удар чума нанесла в 1420-х годах. Под 1425-м летописец записал: «Сентябрь. Нача мор преставати в Новегороде в Великом, и паки возста силен зело во Пскове, и в Новегороде Великом, и в Торжку, и во Тфери, и на Волоце, и в Дмитове, и на Москве, и во всех городах Русских, и во властех, и в селе по всей земле; и бысть туга и скорбь велия в людех». На следующий год эпидемия повторилась: «Мор бысть велик во всех градах Русских, по всем землям, и мерли прыщем: кому умереть, ино прыщъ синь и в 3-й день умираше; а кому живу быти, ино прыщъ черлен да долго лежит, доднеже выгниет. И после того мору, как после потопа, толико лет люди не почали жити, но маловечны и щадущни начаша быти»³⁵⁸.

О масштабах эпидемии опять можно судить по потерям в составе московского княжеского дома. Во время чумы 1425—1427 годов скончались все пятеро взрослых сыновей героя Куликовской битвы князя Владимира Андреевича Серпуховского, а в феврале 1428-го, вероятно, также от чумы, умер их троюродный брат, сын Дмитрия Донского Петр³⁵⁹.

На всем протяжении XV века и значительную часть XVI столетия чума щадила Москву, хотя неоднократно опустошала пограничные Псков и Новгород. Вероятнее всего, центральные области страны удавалось уберечь от эпидемии благодаря жестким мерам: на дорогах устраивались заставы, несчастные жители городов, где свирепствовала чума, изгонялись отовсюду. Ливонская война (1558—1583) повлекла за собой разорение и запустение прибалтийских и литовских земель, и оттуда в Россию вновь пришла чума. В 1566 году эпидемия распространилась на Смоленск, Луки, Торопец, Новгород, Псков, Можайск, в 1569-м охватила Москву и другие города и продолжалась до 1571 года. Составитель Морозовского летописца писал: «Такового поветрия не бысть, отнеже и царство Московское начася, понеже невозможно исписати мертвых множества ради». В отдаленном Устюге в 1571 году умерло 12 тысяч человек, «опроче прихожих», «а мерли прищем да железую»³⁶⁰.

Современник событий немец-опричник Генрих Штаден писал об эпидемии 1566—1571 годов: «Сверх того Бог Вседержитель наслал великое чумное поветрие, и если в какой двор или дом приходила чума, тотчас этот дом и двор забивали; умирал кто-нибудь внутри, там же его и следовало хоронить, так что многие обречены были на голодную смерть в своих домах и дворах. По стране во всех городах, монастырях, незащищенных посадах и деревнях, а также на всех путях и проезжих дорогах были поставлены заставы, чтобы никто не мог добраться до друг друга. А если на заставе кого хватали, того тотчас следовало бросить в костер, бывший на той заставе, со всем, что при нем было: повозкой, седлом, уздой. По стране повсеместно на съедение собакам доставались многие тысячи людей, умерших в чуму»³⁶¹.

Карантины и заставы, горящие костры «для очищения воздуха», забитые дома, сожжение трупов и даже живых людей, бежавших из чумных районов (в этом Штаден был абсолютно прав), были в те времена главными средствами борьбы с эпидемией. Новгородские летописи сообщают, что во время эпидемии 1567—1568 годов «которые люди побегоша из града, и тех людей, беглецов, имаша и жгоша». В 1571-м больных чумой было

запрещено исповедовать; «а учнет которой священник тех людей каяти, бояр не доложа, ино тех священников велели жещи с теми же людми с болными». Царский указ костромским воеводам от 4 сентября того же года предписывал оперативно сообщать государю о развитии эпидемии («на посаде и в уезде от поветрия тишает, и сколь давно, и с которова дни перестало тишать?»), а в случае ее распространения «поветренные места... крепить засеками и сторожами частыми... чтобы из поветренных мест на здоровые места поветрия не навести». Если же чуме удастся пробраться сквозь заставы, Иван Грозный угрожал сжечь самих воевод³⁶².

Несмотря на столь жесткие меры, чума охватила столицу. «Мрут сильно в 28 городах, в особенности же в Москве, где ежедневно гибнет 600 человек, а то и тысяча», — свидетельствует А. Шлихтинг. Умерших зарывали прямо на дворах. Так поступили с телом царского советника по ливонским делам Каспара Эльферфельдта. Позднее Генрих Штаден перезахоронил его на иноземном кладбище в Наливках, а в 1989 году во время земляных работ в районе Шаболовки погребение Эльферфельдта было обнаружено³⁶³. Сам царь укрывался от эпидемии в Александровской слободе, загородившись крепкими заставами. Вместе с чумой разразился и голод: зимой 1570/71 года «бысть меженина велика добре на Москве, и в Твери, и на Волоце, ржи четверть купили по полутора рубля и по ш[ес]тидесяти алтын. И много людей мерло з голоду». «Из-за куска хлеба человек убивал человека», — свидетельствует Штаден.

Следующая эпидемия произошла спустя почти столетие — при царе Алексее Михайловиче. Болезнь начала свирепствовать в Москве и центральных областях в июле 1654 года. Сам государь в это время находился в литовском походе. Русские воеводы брали один за другим города Смоленской земли и соседней Белой Руси. В это время из столицы приходили печальные вести. Патриарх Никон распорядился вывезти из Москвы царицу Марию Ильиничну со всем семейством. Вскоре царь предписал и ему покинуть город, оставшийся на попечение боярской комиссии во главе с князем Михаилом Петровичем Пронским. Заставы были установлены на

Смоленской, Троицкой, Владимирской и других дорогах. Особо строго следили за тем, чтобы не допустить распространения эпидемии на запад, где находились войско и сам государь. Во дворце каменщики срочно заделывали окна, чтобы зараза не пропитала царскую одежду. Дворы, на которых обнаруживались больные, как и 100 лет назад, забивали и приставляли к ним стражу. По дорогам жгли костры, было запрещено переезжать из зараженных местностей в незараженные. Царские грамоты и отписки диктовали «через огонь»: с одной стороны костра стоял гонец из зараженной местности и слово за словом выкрикивал содержание грамоты, а на другой стороне писец записывал его на новую бумагу. В царском письме от 17 января 1655 года из Вязьмы, где государь переживал эпидемию, упоминается еще об одном примечательном методе дезинфекции. Государь приказал «перемывать» в воде деньги, присылаемые в Москву из других городов, и отправлять их в Вязьму³⁶⁴.

Эпидемия достигла пика в сентябре. В начале месяца князь Пронский писал царице, что «православных христиан остается немного», а 11 сентября смерть забрала и его самого. Историк С. М. Соловьев писал: «Померли гости, бывшие у государевых дел; в черных сотнях и слободах жилецких людей осталась самая малая часть; стрельцов из шести приказов и одного не осталось, многие померли, другие больны, иные разбежались; ряды все заперты, в лавках никто не сидит; на дворах знатных людей из множества дворни осталось человека по два и по три; объявилось и воровство: разграблено было несколько дворов, а сыскивать и унимать воров некем; тюремные колодники проломилась из тюрьмы и бежали из города, человек сорок переловили, но 35 ушло». Кремль был заперт, и сообщение с остальным городом осуществлялось через небольшую калитку в Боровицких воротах. Эпидемия вызвала разброд и шатание в умах москвичей — одни ополчились против Никона за исправление печатных книг, другие рассказывали о посещавших их видениях. Многие, считая свою жизнь конченной, приняли монашество, а позднее, когда чума прошла, вернулись обратно в мир. «...Живут во своих дворех з женами и многие постри-

женные в рядах торгуют, и пьянство и воровство умножились», — сокрушался царь³⁶⁵:

Страшную повседневность зараженного места помогает представить Н. С. Лесков, изобразивший ее в повести «Несмертельный Голован»:

«Когда, то есть в каком именно году последовал мор, прославивший Голована “несмертельным”, — этого я не знаю. Такими мелочами тогда сильно не занимались и из-за них не поднимали шума... Местное горе в своем месте и кончалось, усмиряемое одним упованием на Бога и его Пречистую Матерь, и разве только в случае сильного преобладания в какой-нибудь местности досужего “интеллигента” принимались своеобразные оздоровляющие меры: “во дворах огонь расклали ясный, дубовым деревом, дабы дым расходился, а в избах курили пельнею и можжевельновыми дровами и лиственничным рутовым”. Но всё это мог делать только интеллигент, притом при хорошем зажитке, а смерть борзо брала не интеллигента, но того, кому ни в избе топить сидеть некогда да и деревом дубовым раскрытый двор топить не по силам. Смерть шла об руку с голодом и друг друга поддерживали. Голодающие побирались у голодающих, больные умирали “борзо”, то есть скоро, что крестьянину и выгоднее. Долгих томлений не было, не было слышно и выздоравливающих. Кто заболел, тот “борзо” и помер, кроме одного. Какая это была болезнь — научно не определено, но народно ее звали “пазуха”, или “веред”, или “жмыховой пупырух”... Началось это с хлеботорговых уездов, где, за неимением хлеба, ели конопляный жмых. <...> “Пупырух” показался сначала на скоте, а потом передавался людям. “У человека под пазухами или на шее садится болячка червена, и в теле колотье почюет, и внутри негасимое горячество или во удесах некая студеность и тяжкое воздыхание и не может воздыхати — дух в себя тянет и паки отпускает; сон найдет, что не может перестать спать; явится горесть, кислоть и блевание; в лице человек сменится, станет образом глиностен и борзо помирает”. <...> Вскочит на теле прыщ, или по-простонародному “пупырушек”, зажелтоголовится, вокруг зардеет, и к суткам начинает мясо отгнивать, а потом борзо и смерть. Скорая смерть представлялась, впрочем, “в добрых видах”. Кончина приходила тихая, не мучительная, самая крестьянская, только всем

помиравшим до последней минутки хотелось пить. В этом и был весь недолгий и неутомительный уход, которого требовали или, лучше сказать, вымаливали себе больные. Однако уход за ними даже в этой форме был не только опасен, но почти невозможен, — человек, который сегодня подавал пить заболевшему родичу, — завтра сам заболел «пупырухом», и в доме нередко ложилось два и три покойника рядом. Остальные в осиротелых семьях умирали без помощи — без той единственной помощи, о которой заботится наш крестьянин, «чтобы было кому подать напиток». Вначале такой сирота поставит себе у изголовья ведро с водою и черпает ковшиком, пока рука поднимается, а потом сосчит из рукава или из подола рубашки соску, смочит ее, сунет себе в рот, да так с ней и закостенеет»³⁶⁶.

С октября 1655 года мор начал потихоньку сходить на нет, а некоторые заболевшие стали выздоравливать. В начале декабря во исполнение царского указа подсчитали, сколько в Москве и других городах умерло народу и сколько осталось: в Чудовом монастыре умерли 182 монаха, остались в живых 26; в Вознесенском — соответственно 90 и 38 монахинь; в Ивановском — 100 и 30. На дворе боярина Б. И. Морозова чума унесла 343 жизни, уцелели всего 19 человек; на дворе князя А. Н. Трубецкого — соответственно 270 и восемь; в Кузнецкой черной слободе — 173 и 32; в Новгородской — 438 и 72; в Устюжской полусотне — 320 и 40. Таким образом, Москва лишилась более $\frac{2}{3}$ населения. В других городах картина была схожей: в Туле умерли 1808 человек, выжили 760; в Переславле-Залесском — соответственно 3627 и 939; в Суздале — 1177 и 1390³⁶⁷. По всей Москве стояли выморочные пустые дворы, на которых валялась «всякая рухлядь». Царь в письме боярину И. В. Морозову от 28 января 1655 года приказал всё «заморное» имущество по улицам подобрать и закопать в «непроходимом месте»³⁶⁸.

Москва еще долго приходила в себя после страшной эпидемии. В 1657 году по царскому приказу была составлена перепись церковных земель, чтобы огородить и закрыть для дальнейшего использования кладбища кремлевских и иных церквей, а также стихийные брат-

ские могилы умерших от чумы. Из переписи явствует, что даже Красная площадь стала местом погребения жертв эпидемии. Возле Покровского собора была вырыта братская «яма»; напротив деревянных церквей «на крови» вдоль Кремлевской стены стояли «8 обрубков (срубов. — С. Ш.), где кладены в большое морозное поветрие умершие»³⁶⁹. По всей Москве церковные кладбища были «тесны», «порозжих мест» на них не было, без сомнения, именно в связи с чумной эпидемией 1654—1655 годов. Под новые погосты было приказано отчуждать дворы причетников.

В 1655 году эпидемия охватила Нижнее и Среднее Поволжье, в 1657-м распространилась по Вятке, а затем вновь вернулась в низовья Волги. Общее число умерших от чумы в России составило примерно 300 тысяч человек. Были ужесточены правила въезда в страну. Иностранцев, собиравшихся во второй половине XVII века въехать в Россию с дипломатической миссией или по иным делам, пытливо расспрашивали: нет ли чумы в тех краях, откуда они едут? Бывало, что путешественников и даже послов задерживали в карантине. Сложно сказать, насколько были действенны такие меры, однако в следующий (и последний) раз чума появилась в Москве только в 1770 году.

В отличие от чумы голод был более редким гостем в средневековой Москве. В крупнейшем торгово-промышленном центре начиная с XIV века было в избытке и продовольственных товаров, и ремесленной продукции, продажа которых обеспечивала москвичей средствами существования. Венецианец Амброджио Контарини, побывавший в Москве в 1476—1477 годах, удивлялся обилию и дешевизне съестного: «Край чрезвычайно богат всякими хлебными злаками. Когда я там жил, можно было получить более десяти наших стайев* пшеницы за один дукат, а также, соответственно, и другого зерна. [Русские] продают огромное количество коровьего и свиного мяса; думаю, что за один маркет (мелкая венецианская монета. — С. Ш.) его можно получить более трех фунтов. Сотню кур отдают за дукат; за

* Мера сыпучих тел, не имевшая, как все средневековые меры, четкого установленного веса. 12 стайев по венецианскому измерению составляли примерно 20 килограммов хлеба.

эту же цену — сорок уток, а гуси стоят по три маркета за каждого»³⁷⁰.

Летописи XIV—XVI веков содержат упоминания о хлебном недороде, дороговизне и голоде «по всей Русской земле», который захватывал и Москву. Однако в столице эти времена переживались гораздо легче, чем в провинциальных городах или сельской местности. Единственный раз в истории средневековой Москвы голод принял катастрофические размеры в начале XVII века. Летописи сообщают, что внезапный мороз, снег и частые дожди три года подряд — с 1601 по 1603-й — губили урожай. Установлено, что причиной природного катаклизма было извержение в 1600 году перуанского вулкана Уайнапутины, которое повлекло за собой так называемую вулканическую зиму: пепел так сильно загрязнял атмосферу, что не давал пробиться к земле солнечным лучам.

Голод постепенно охватил всю страну, и его последствия были жуткими. Русский автор, живший где-то в районе Шацка (в Рязанском крае), пишет: «Много людей с голоду мерло, а иные люди мертвечину ели и кошки, и люди людей ели, и много мертвых по путем валялось и по улицам и много сел позапустело, и много иных в разные града разбрелось, и на чюжие страны помроша и без покаяния и даров причастия, и отцы чад своих и матери невзведоша, а чады отец своих и матерей»³⁷¹. Ему вторит служивший в столице К. Буссов: «...Я собственными глазами видел, как люди лежали на улицах и подобно скоту пожирали летом траву, а зимой сено. Некоторые были уже мертвы, у них изо рта торчали сено и навоз, а некоторые пожирали человеческий кал и сено. Не сосчитать, сколько детей было убито, зарезано, сварено родителями, родителей — детьми, гостей — хозяевами. Человеческое мясо, мелко-мелко нарубленное и запеченное в пирогах, т. е. паштетах, продавалось на рынках за мясо животных и пожиралось... Ежедневно повсюду на улицах по приказу царя подбирали сотни мертвецов и увозили их в таком множестве телег, что смотреть было страшно и жутко»³⁷². Троицкий келарь Авраамий Палицын сообщает, что в трех скудельницах (братских могилах) под Москвой было похоронено

127 тысяч человек³⁷³. Вероятно, эти данные преувеличены, но несомненно, что счет умерших шел на десятки тысяч.

Царь Борис Годунов, как мог, боролся с бедствием: повелел раздавать деньги и хлеб нуждающимся, организовал масштабные строительные работы в Москве, участников которых кормили за государственный счет. Именно тогда в Кремле началось строительство святыня — копии иерусалимского храма Гроба Господня, не завершенное из-за войны с Лжедмитрием I. По сообщению «Пискаревского летописца», ежедневно из царской казны раздавалось милостыни «по триста и по четыреста рублев и выше»³⁷⁴.

Энергичные меры царя по оказанию помощи страждущим не давали результата — поток голодающих, устремившийся в столицу, был столь огромен, что казенные житницы быстро истощились. В то же время монастыри и бояре предпочитали придерживать свои запасы зерна, наживаясь на бедствии. Результатом голода стало широкое распространение разбойничьих шаек, в которые собирались боярские холопы, распущенные господами, бывшими не в состоянии их прокормить, и обнищавшие крестьяне. Сражение между отрядом царского воеводы Ивана Федоровича Басманова и целой армией мятежников под началом атамана Хлопка (1603) произошло под самой столицей. Басманов был убит, но разбойники потерпели поражение, а их атаман взят в плен и повешен. Остатки армии Хлопка бежали на русско-литовское пограничье, где зародился новый мятеж — авантюра самозванца.

Благотворительность в древней Москве

В Средние века благотворительность («нищелюбие») считалась одной из важнейших добродетелей. Великий князь Киевский Владимир Мономах в «Поучении детям» наказывал: «Всего же паче убогих не забывайте, но елико могуще по силе кормите, и подайте сироте, и вдовицю оправдите сами, а не вдавайте сильным погубити человека... Куда же поидете, идеже станете,

напоите, накормите унеина (нищего. — *С. Ш.*)»³⁷⁵. Древнерусские княжеские уставы, начиная с устава Владимира Святого, причисляли нищих, калек, странников, паломников и вдовиц к церковным людям, подсудным только митрополитам. Уже в этом документе упоминаются монастырские больницы, гостиницы, странноприимные дома — традиции благотворительности были заимствованы Русью из Византии и в дальнейшем продолжались³⁷⁶.

В истории Москвы до XVII века сведения о таких учреждениях приходится выискивать по крупницам. Центрами благотворительности были монастыри. Обычно она осуществлялась через устройство трапез для неимущих, особенно в голодные годы. Преподобный Иосиф Волоцкий писал о подобной деятельности созданного им монастыря: «А расходится на всякий год по полутора рубля денгами, а иногда боле, да хлеба по три тысячи четвертей на год розходится, занеж на всякий день в трапезе едят иногда шестьсот, а иногда семьсот душ, ино коли Бог пошле, тогды ся и разоидет»³⁷⁷. При монастырях обретались и нищие; например, в 1695 году упоминаются десять нищих, «которые сидят при Богоявленском монастыре»³⁷⁸. В то же время средневековые монастыри не содержали больниц для мирян или богаделен, как это было в Новое время. Упоминающиеся в документах монастырские больницы с «больничными старцами», ухаживавшими за недужными, были предназначены только для братии и существовали далеко не во всех московских монастырях. Так, ни в приходорасходной книге 1585/86 года, ни в других документах, связанных с Чудовым монастырем, упоминаний о монастырской больнице нет, зато в Знаменском монастыре она упоминается с 1677 года³⁷⁹.

В 1551 году церковный Стоглавый собор, рассуждая о тяжелобольных нищих («прокаженных, и о клосных, и о престаревшихся, и по улицам в коробьех лежащих, и на телешках, и на санках возящих, и не имущих где главы подклонити»), предложил организовать для них приют за государственный счет — «в каждом городе устроить богаделны, мужский и женский»³⁸⁰. Духовенство было готово взять на себя попечение о душах больных и

заботу о их христианском погребении и поминовении. Реализация этой программы началась только в самом конце XVI столетия. В 1600 году были «взяты из Пскова к Москве из богадельны три старицы миряне, устраивати богадельны по псковскому благочинию». Одна богадельня была поставлена у храма Моисея Пророка (в будущем — Моисеевский монастырь) в самом начале Тверской улицы, «а в ней нищие миряне», другая — «против Пушечново двора, а в ней инокини», третья — на Кулишках, «а в ней нищие, женский пол»³⁸¹.

В XVII веке число московских богаделен увеличилось: в 1652 году упоминается богадельня при церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы в Барашевской слободе, в 1672-м — Варварская, в 1679-м — Петровская у одноименного монастыря, в 1691 году — женская богадельня при церкви Николая Стрелецкого, что у Боровицкого моста, и др.³⁸² Чаще всего богадельни создавались при церквях. В 1678 году во всех московских богадельнях жили 412 человек («стариц и нищих мужеска и женска полу»), на содержание которых из казны отпускалось 1780 рублей, а также значительное число съестных припасов. В этом году по указу царя Федора Алексеевича эти траты были переложены на патриаршую казну³⁸³. Для их обеспечения был введен специальный ежегодный сбор — по гривне со всех храмов страны. В начале XVIII столетия суммы ежемесячной выдачи богаделенным нищим колебались около тысячи рублей. Также из патриаршей (с 1721 года — синодальной) казны выдавались средства на строительство зданий богаделен.

К началу XVIII века число их обитателей возросло многократно, что было связано со стремлением Петра I упорядочить и эту сферу московской жизни. В 1701 году было указано выстроить в Москве 60 богаделен и забрать туда нищих, «которые по улицам ходят и на мостах лежат». Согласно документам начала XVIII века, количество нищих, получавших средства «на корм» (как правило, по копейке или деньге в день) из церковной казны, колеблется от трех с половиной до четырех тысяч человек. В 1710 году во всех богадельнях Москвы обреталось 3519 нищих, в 1717-м в девяноста богадель-

нях — 3402 нищих, в 1729-м в девяносто четырех богадельнях (31 мужская и 63 женские) — 3727 (по другим данным — 4094). К 1731 году добавились еще две богадельни и общее число их нищих обитателей достигло 4073 человек³⁸⁴.

Согласно росписи 1722—1726 годов, в которой были учтены 33 мужские богадельни, все они находились при храмах (Смоленской иконы Божией Матери на Никитской (бывший Федоровский монастырь), Великомученика Георгия на Всполье за Никитскими воротами, Василия Кесарийского на Тверской, Рождества Богородицы за Смоленскими воротами, Сошествия Святого Духа на апостолов за Пречистенскими воротами и др.). В них проживали 979 нищих, содержавшихся церковным ведомством. У каждой богадельни был староста — обычно отставной солдат 50—70 лет³⁸⁵. Возможно, эти богадельни служили местом призрения отставных стрельцов и солдат. Чех Б. Таннер, посетивший Россию в 1678 году, свидетельствует: «Престарелые и негодные на службу [стрельцы] на княжеский же счет содержатся с женами и детьми во многих назначенных для того богадельнях до самой смерти»³⁸⁶. С другой стороны, было бы логично, чтобы богадельни для отставников создавались при храмах стрельецких слобод, а в списке 1722—1726 годов такие заведения вовсе не упоминаются.

Богатые нищелюбы создавали богадельни в своих домах. Так, князь А. М. Курбский свидетельствовал об Алексее Федоровиче Адашеве, что он сам ухаживал за больными «обмывающа их, многажды же сам руками своими гнои их отирающа». Содержал на своем дворе две богадельни (одна из них была каменной) известный благотворитель и деятель просвещения Федор Михайлович Ртищев. Знаменитая боярыня Феодосия Прокопьевна Морозова заботилась в своем доме о больных и убогих — согласно «Повести о боярыне Морозовой», «прокаженных в дому своем упокоеваше». Протопоп Аввакум сообщает о своей духовной дочери другие подробности: «Еще же она, блаженная вдова, имела пред враты своими нища клосна (увечного. — *С. Ш.*) и расслабленна. Устроили ему келеицу, и верная ее Анна Амосова покоила его, яко матери чадо свое, и гнойные его

ризы измываху, и облачаху в понявы мягкие. Сама же по вся ночи от него благословение приемлюще, рабыня же не отлучахуся от нищего по вся времена»³⁸⁷. Богдельня была и в доме князя В. В. Голицына — ею, как мы помним, занималась княгиня Евдокия Ивановна.

Нищие, проживавшие в богдельне при царском дворце, именовались «верховыми». Им было отведено особое помещение в составе дворцового комплекса — над подклетным этажом, неподалеку от Теремных покоев самого государя³⁸⁸. Правда, «государевы богомольцы», в отличие от убогих жителей домов Адашева и Морозовой, по-видимому, отличались крепчайшим здоровьем. Врач царя Алексея Михайловича С. Коллинс сообщает: «Он содержит во дворце стариков, имеющих по 100 лет от роду, и очень любит слушать их рассказы о старине»³⁸⁹.

И. Е. Забелин рисует трогательную картину общения царя с «верховыми нищими»: «В длинные зимние вечера государь призывал их к себе в комнату, где, в присутствии царского семейства, они повествовали о событиях и делах, проходивших на их памяти, о дальних странствованиях и походах. Это были живые летописатели, которые своими рассказами пополняли скудость писанных летописей... Особое уважение государя к этим старцам простиралось до того, что государь нередко сам бывал на их погребении, которое всегда отправлялось с большою церемониею, обыкновенно в Богоявленском монастыре на Троицком Кремлевском дворе». Другим местом погребения «верховых нищих» было кладбище Чудова монастыря. Среди царских богомольцев бывали и юродивые. В свою очередь, царицы и взрослые царевны также имели при своих комнатах «верховых богомолиц» и юродивых. «Глубокое, всеобщее уважение к этим старцам и старицам, Христа ради юродивым, основывалось на их святой богоугодной жизни и благочестивом значении для нашей древности, — пишет далее Забелин. — ...Верховые богомольцы певали государю Лазаря и все те духовные стихи, которые можно еще слышать и теперь от странствующих слепцов»³⁹⁰. При патриархе Никоне больница и богдельня были созданы при Патриаршем дворе в Кремле.

В 1668 году в патриаршей больнице находились 12 нищих, а в 1672 году в богадельне жили 16 нищих³⁹¹.

Обычай содержать нищих и юродивых при царском дворце дожил до начала XVIII века. В 1704 году в Измайлове при дворе царицы Прасковьи Федоровны, вдовы Ивана Алексеевича, поселился юродивый Тимофей Архипович (?—1731) — бывший подьячий, а затем иконописец, создававший образа для Чудова монастыря. По словам эпитафии, он, «оставя иконописное художество, юродствовал миру, а не себе». Тимофей Архипович почитался как провидец. Он завещал семейству Нарышкиных хранить после его кончины его бороду, предсказав, что в случае ее утраты род прервется. Борода Тимофея Архиповича сохранялась до начала XIX века, а когда потерялась, то эта линия рода пресеклась. Со свойственной человеку Просвещения иронией В. Н. Татищев описывал Тимофея Архиповича: «Двор царицы Прасковьи Феодоровны от набожности был госпиталь на уродов, ханжей и шалунов. Между многими такими был знатен Тимофей Архипович, сумазбродный подьячий, которого за святого и за пророка суеверцы почитали... Он императрице Анне, как была царевною, провесчал быть монахинею и назвал ее Анфисою... А после как Анна императрицею учинилась, сказывали, якобы он ей задолго корону провесчал. Другое, как я отъезжал 1722-го в другой раз в Сибирь к горным заводам и приехал к царице просчение принять, она, жалуя меня, спросила онаго шалуна, скоро ли я возвращусь. Он, как меня не любил за то, что я не был суеверен и руки его не целовал, сказал: он руды много накопает, да и самого закопают. Но сколько то право, то всякому видно»³⁹².

В нашем распоряжении нет точных данных о числе нищих в Москве. Если считать, что после указа 1701 года удалось загнать в богадельни большинство московских нищих, то получается, что их было три-четыре тысячи человек. Однако немалой их части долго удавалось уклоняться от переселения в богадельни, поэтому, вероятно, в конце XVII века в столице профессиональными побирушками были около пяти тысяч человек. Выше уже говорилось, что особое скопление нищих наблюдалось на крестцах и мостах. «В допетровское время

нищий был необходимейшим и самым излюбленным членом общежития, — пишет И. Е. Забелин. — Без него не было возможно исполнять закон благочестия и великий завет богоугодной жизни о милостыни. Сами цари, как бы по завету первых московских князей Даниила Александровича и Ивана Даниловича Калиты ходившие в известные дни по улицам Москвы, по тюрьмам и богадельням, щедро рассыпали подаяние во множестве собиравшимся к этому времени всяким бедным и бездомным людям»³⁹³.

Свидетельства этой широкой благотворительности сохранились в документах. Любой выход предстоятеля сопровождался раздачей «поручной милостыни». В 1655 году патриарх Никон ходил в храм Василия Блаженного к обедне и раздал нищим рубль, 29 алтын и четыре деньги. Если считать обычной суммой четыре—шесть денег на человека (по стольку давали «в руки», например, на похоронах патриарха Иоасафа II в 1672 году), то получается, что на коротком пути от Патриаршего двора до храма Василия Блаженного милостыню получили более шести десятков нищих. В 1667 году Никон вновь ходил к Василию Блаженному и на этот раз раздал 13 рублей 17 алтын и четыре деньги, облагодетельствовав сотни нищих. Деньги достались «успенским», «архангельским», «чудовским» и «покровским» нищим, сидевшим соответственно у Успенского и Архангельского соборов, Чудова монастыря и собора Василия Блаженного, а также обитателям патриаршей больницы. В 1677 году в храмовый праздник Покрова Пресвятой Богородицы поход патриарха Иоакима в собор Василия Блаженного сопровождался раздачей подаяния не только нищим, но и колодникам, содержащимся в Большой тюрьме (три рубля), на земском дворе (рубль) и в нескольких приказах (два рубля)³⁹⁴. Размеры милостыни существенно колеблются. Так, 23 июля 1655 года патриарх Никон ходил к церкви Максима Исповедника на Варварке отпевать дьяка Дмитрия Васильева и раздал десять алтын. 13 апреля 1675 года патриарх Иоаким во время похода в Богоявленский монастырь раздал всего четыре алтына, а 10 июня при тех же обстоятельствах — рубль (сотне нищих по две деньги на человека)³⁹⁵.

Во время царских выходов милостыню не раздавали. Напротив, от наплыва толпы государя защищали 100 стрельцов с батогами. Только в определенные дни — в канун Рождества Христова, на Пасху, в другие праздники и в начале постов — государь лично в сопровождении отряда стрельцов и подьячих приказа Тайных дел посещал тюрьмы и богадельни, одаривая подаянием заключенных, полоняников и нищих на улицах. Так, в 1664 году в пятом часу утра царь Алексей Михайлович посетил Большой тюремный и Английский дворы, где подавал милостыню пленным (полякам, немцам, украинцам, казакам и др.), разбойникам, холопам. Всего в обеих тюрьмах были осчастливлены 1054 человека. Кроме того, идучи от Английского двора, царь жаловал нищих, бедных и раненых солдат «безщотно». Одновременно стрелецкие полковники от его имени раздавали милостыню колодникам Земского приказа и толпе нищих на Красной площади и у Лобного места. В тот раз царское нищелюбие обошлось казне в 1131 рубль и четыре алтына. Любопытно, что размер подаяния существенно колебался: пленному полковнику царь пожертвовал 40 рублей, другим офицерам — по шесть, шляхтичам давал по рублю, а гайдукам, казакам, мещанам и прочим малозначимым пленникам — по полтине. В 1665 году в среду Страстной недели царь раздал 1812 рублей. По полтине получили и 713 стрельцов, сопровождавших государя и стоявших в тот день в карауле.

Также по государеву указу нищих и заключенных в праздники кормили. Так, сидевшим на Английском дворе пленникам в 1664 году на праздник Рождества Христова достались вино, мед, свинина, говядина, сыры, ситные калачи и т. д. В том же году на Благовещение на Аптекарском дворе нищих кормили ухой — всего ее отведали 682 человека. На Пасху колодники получали не только милостыню и щедрый обед, но в придачу шубы, рубашки и «порты»³⁹⁶.

Раздача милостыни сопровождала важнейшие события семейной жизни царя — женитьбу и рождение детей. Г. К. Котошихин пишет, что после свадьбы «царь и царица ходят по богаделням и тюрьмам и дают милостыню ж; так же и нищим и убогим дают по рублю и по

полтине и менши человеку». «И тех денег расходуется множество тысяч», — отмечает беглый подьячий. Празднование рождения царских детей, по свидетельству Котошихина, сопровождалось еще и масштабной выпивкой, которую «ставил» царь стрельцам, солдатам и другим служилым низшего ранга: «...им среди царского двора испоставят ведер по 100 и по 200 в кадях да пива и меду против того вшестеро и всемеро, и кто хочет пить и окроме стрелцов, и ему пить волю; а з двора к себе никому домов носить не дадут»³⁹⁷.

Еще одним — печальным — поводом для гигантских раздач милостыни были похороны. Согласно Котошихину, во время царских похорон «во всех приказах, изготовя множество денег, завертывают в бумаги по рублю и по полтине и по полуполтине, и вывезши на площади, подьячие роздают милостыни нищим и убогим и всякого чину людям поручно, в богадельнях роздают всякому человеку рублей по 5, и по 3, и по 2, и по одному, смотря по человеку; да и во всех городех чернцом, и попом, и нищим дают погребальные денги и милостыню, против московского вполы и в третью долю». При погребении царицы раздача милостыни была «против царского вполы», царевича — «против царицына малым чем с убавкою», царевны — «против царского в четвертую долю»³⁹⁸.

Раздавалась богатая милостыня и на похоронах патриархов. Вероятно, ее размер был, по выражению Котошихина, «против царского вполы», однако на протяжении всего XVII века эти суммы увеличивались. В 1640 году на погребении патриарха Иоасафа I было в несколько приемов роздано (в том числе 300 богадельным нищим и 923 колодникам) 503 рубля 28 алтын и четыре деньга, а в 1672-м, когда хоронили патриарха Иоасафа II, раздали 760 рублей 26 алтын и четыре деньга. В числе получателей милостыни упоминаются колодники, обитатели богадельни, нищие на мостах и крестцах. Документы свидетельствуют, что раздача милостыни проходила в далеко не благостной обстановке. В число расходов, связанных с погребением Иоасафа II, вошел и рубль, данный подьячему Тимофею Васильеву на гроб, камку, саван и могилу нищему Мартину, «котораго растоптали на патриарше дворе нищие»³⁹⁹.

За погребальной милостыней следовала щедрая раздача денег на поминование, особенно в сорокоуст. Выше уже говорилось об огромных раздачах припасов после смерти боярина Никиты Ивановича Романова, в результате которых были облагодетельствованы семь стрелецких полков и восемь московских женских монастырей, не считая духовенства разных церквей и московских колодников.

Было бы неверно полностью отождествлять московских нищих с современными бомжами, хотя, конечно, и такие персонажи встречались среди них очень часто. Вместе с тем в переписях Москвы XVII века нищие многократно упоминаются в качестве домовладельцев. Так, согласно переписи 1638/39 года, трое нищих владели дворами в Бронной слободе, причем их дворы были записаны в тяглые. Как видим, правительство не делало поблажек для тех, кто «кормится Христовым именем», хотя духовенство от тягла освобождалось⁴⁰⁰. На церковной земле храма Всех Святых на Кулишках в 1638 году проживал нищий Григорий, на дворе которого жили «захребетники» — четверо ярославцев и два галичанина — люди, видимо, не совсем бедные, поскольку трое из них имели пищали, с которыми собирались сражаться в случае боевых действий⁴⁰¹. Согласно переписям, большинство московских нищих жили на церковных землях. При описании этих дворов часто встречаются термины «дворишко» или «келья», а об их хозяевах иногда говорится «увечный» или «слепой». Были, однако, среди них и вполне крепкие люди. Так, по данным военной переписи Москвы 1638 года, нищий Ивашка Заика намеревался сражаться рогатиной.

Петр I со свойственным ему рационализмом не признавал социального значения нищенства. При нем были приняты меры по борьбе с этим явлением, которые осуществлялись по двум направлениям: организации богаделен для убогих и стариков и борьбы с побирающимися на улицах. Царским указом от 1691 года осуждались нищие, которые, «подвязав руки, також и ноги, а иные глаза завеса и зажмуря, будто слепы и хромы, притворным лукавством просят на Христово имя милостыни, а по осмотру они все здоровы». Таким обманщикам

следовало «чинить жестокое наказание, бить кнутом и ссылатъ в ссылку в дальние сибирские города». Как говорилось выше, в 1701 году московских нищих было указано собрать в 60 новооткрытых богаделен; на их содержание выделялись средства из Монастырского приказа, а затем из Синода. Очевидно, при приеме в богадельни нищие должны были пройти освидетельствование, и на государственное попечение попадали действительно увечные, больные и старые.

В 1718 году появился запрет подавать «поручную милостыню» под страхом пятирублевого, а при повторном нарушении — десятирублевого штрафа. «Для ловления нищих и подавцев милостыни» было указано «определить из московского гарнизона нарочных посыльщиков, из каких чинов пристойно». В том же году вышел указ о наказаниях нищих: в первый привод — битьем батогами, во второй — кнутом и ссылкой в каторжную работу. Женщин было велено отсылать в «шпингауз» (прядильню), а «ребят» — на Суконный двор и иные мануфактуры. Если нищие были зависимыми людьми, на их хозяев «за их несмотрение» налагался штраф в пять рублей. В 1738 году во исполнение этого указа были пойманы два незрячих нищих. Напрасно несчастные оправдывались, что из-за слепоты ничем иным не могут добыть пропитания. Оказалось, что один из них был пойман уже во второй раз и, несмотря на уверения в том, что его так и не определили в богадельню, подвергся порке батогами. Ни слепота, ни старость не спасли его от суровой кары⁴⁰².

Но даже столь жестокие меры не могли полностью уничтожить нищенство. В 1734 году во время голода в новой столице в Москве и вдоль Петербургской дороги собралось более семи тысяч нищих. Богадельни не справлялись с наплывом этих обитателей городского дна: «...в Москве по церквам во время службы, и паче в праздники ходят нищие и по дорогам, лежа, просят милостыни, из которых и пьяные бывают и необычно кричат; также и в грацких воротах и в прочих местах происходит»⁴⁰³. В 1761 году правительство приказало возобновить борьбу с нищенством, но, несмотря на все

усилия, ликвидировать его так и не удалось и оно благополучно дожило до наших дней, ухитрившись пережить даже строгости социализма.

Кабак — пропасть, там и пропасть

Смачное тюркское слово «кабак» глубоко укоренилось в российской и, в частности, московской повседневности. Истории кабаков, кабацкого дела и традиций питья посвящена значительная литература, которая включает и исследование И. В. Курукина и Е. А. Никулиной о повседневной жизни русского кабака. Предшественником «государева кабака» была древнерусская корчма, где пили мед и пиво. Где-то на рубеже XV—XVI веков в Москве получает распространение водка, а вслед за этим корчмы сменяются царскими кабаками, в которых продавали пиво и водку, длительное время именовавшуюся «хлебным вином». Доходы от питейной продажи шли в казну, а управлялись кабаки официально утвержденными должностными лицами — кабацкими целовальниками, реже — жаловались служилым людям или отдавались на откуп⁴⁰⁴. Англичанин Флетчер, уделявший особое внимание доходам царской казны, пишет, что царь получает с кабаков «оброк, простирающийся на значительную сумму: одни платят 800, другие 900, третьи 1000, а некоторые 2000 или 3000 рублей в год»⁴⁰⁵.

Государственная монополия на производство и продажу спиртного была установлена еще Иваном III, о чем свидетельствует венецианец И. Барбаро: «Нельзя обойти молчанием одного предусмотрительного действия упомянутого великого князя: видя, что люди там из-за пьянства бросают работу и многое другое, что было бы им самим полезно, он издал запрещение изготовлять брагу и мед и употреблять цветы хмеля в чем бы то ни было. Таким образом, он обратил их к хорошей жизни». Вторит Барбаро его современник и соотечественник А. Контарини: «Они величайшие пьяницы и весьма этим похваляются, презирая непьющих. У них нет никаких вин, но они употребляют напиток из меда, который они

приготавливают с листьями хмеля. Этот напиток вовсе не плох, особенно если он старый. Однако их государь не допускает, чтобы каждый мог свободно его готовить, потому что если бы они пользовались подобной свободой, то ежедневно были бы пьяны и убивали бы друг друга, как звери»⁴⁰⁶.

С этого времени разрешение на производство пива и других хмельных напитков стало особым видом пожалования. С. Герберштейн свидетельствует, что его получили иноземцы, состоявшие на службе у Василия III. Описывая Москву, он сообщает: «Далее, неподалеку от города заметим какие-то домики и заречные слободы (*villae*), где немного лет тому назад государь Василий выстроил своим телохранителям (*satellites*) новый город *Nali*; на их языке это слово значит “налей”, потому что [другим] русским, за исключением нескольких дней в году, запрещено пить мед и пиво, а телохранителям одним только предоставлена государем полная свобода пить и поэтому они отделены от сообщения с остальными, чтобы прочие не соблазнялись, живя рядом с ними»⁴⁰⁷.

С легкой руки Герберштейна наименование первой московской Иноземной слободы Наливки прочно связывалось с льготой, предоставляемой иноземцам на производство и потребление спиртного. Флорентийский купец Джованни Тедальди, неоднократно бывавший в русской столице, сообщает: «В городе Москве существовало нечто вроде маленького городка, называемого Наливки, где жили католики, но без церкви; они приезжали в этот квартал с правом продажи вина, пива и прочего; что не дозволено самим москвитам». О том же говорят и другие авторы XVI века, например англичанин Джильс Флетчер в сообщении об опустошении Москвы пожаром 1571 года: «...в особенности же на южной стороне города, где незадолго до этого царь Василий построил дома для солдат своих, позволив им пить мед и пиво в постные и заветные дни, когда другие русские должны пить одну воду, и по этой причине назвал новый город Налейка...»⁴⁰⁸

Историки Москвы склоняются к мнению, что наименование Наливки не имеет отношения к призыву

налить спиртного, а происходит от слова «наливка», означающего рощу. В подтверждение приводится одно из постановлений Стоглавого собора 1551 года: «В первый понедельник Петрова поста в рощи ходят и в наливки бесовские потехи деяти. И о том ответ. Чтобы православные хрестьяне в понедельник Петрова поста в рощи не ходили, и в наливках бы бесовских потех не творили, и от того бы в конец престали, понеже то все еллинское бесование и прелесть бесовская, и того ради православным хрестьяном не подобает таковая творити»⁴⁰⁹. Действительно, если судить по контексту, то рощи и «наливки» были местом «бесовских потех»; однако архимандрит Макарий (Веретенников) предположил, что составители Стоглава имели в виду конкретную Иноземную слободу в Наливках в Москве, от дурного влияния которой архиереи намеревались оградить христиан. Таким образом, круг рассуждений замкнулся, а происхождение названия «Наливки» так и осталось непонятным.

Первый историк русских кабаков И. Г. Прыжов писал о начале кабацкого дела в Москве: «Воротившись из-под Казани, Иван IV запретил в Москве продавать водку, позволив пить ее одним лишь опричникам, и для их попоек построил на балчуге особый дом, называемый по-татарски кабаком». Никаких ссылок на источники своего сообщения И. Г. Прыжов не привел и, скорее всего, опирался на московское предание. Тем не менее это утверждение получило широкое распространение в московведческой литературе⁴¹⁰. Между тем известные реалии вступают в явное противоречие с этим сообщением. Во-первых, от завоевания Казани до введения опричнины прошло 13 лет; во-вторых, Балчуг (если иметь в виду конкретную территорию в Замоскворечье, а не тюркское значение этого слова — «грязь») находился далеко за пределами опричной территории; наконец, в-третьих, монополия на продажу спиртного была введена еще дедом Грозного, Иваном III. Вероятно, следует считать сведения о первом московском кабаке для опричников на Балчуге не более чем легендой.

Очевидно, что уже при Иване Грозном в Москве было несколько кабаков в разных местах. Некоторые из них

отдавались на откуп служилым людям, причем особо выделялось право служилых иноземцев на получение спиртного из казны и его продажу. Так, несколько кабаков содержал Генрих Штаден. Он пишет, что продавал в розлив пиво, мед и водку, а покупатели сходились к нему с бочками и кувшинами. Питейная продажа принесла немцу-опричнику значительную выгоду, что сильно раздражало его недругов⁴¹¹.

Штаден также сообщает о существовании тайных кабаков (корчем) в Москве, с которыми боролся Земский приказ. Спиртное конфисковывали, продавцов штрафовали и подвергали торговой казни⁴¹². С корчемством правительство продолжало воевать и в XVII веке, предписывая воеводам следить, чтобы в уезде «опричь государевых кабаков, корчемного и неявленного питья и зерни, и блядни, и разбойником и татем приезде и приходу и иного никоторого воровства ни у кого не было». Аналогичные инструкции получали и объезжие головы в Москве («что ни у кого корчемного питья не было, а у выемки над солдатами смотреть, чтоб никого не били, не грабили и не утрашали, и корчемным бы питьям не подметывали и клепать никого не учили»⁴¹³).

Однако борьба с незаконной продажей спиртного редко проходила без эксцессов. И. Корб рассказывает (1699), что солдаты, посланные конфисковать водку у ямщиков, встретили упорное сопротивление: «Многие ямщики, собравшись гурьбой, принялись их отгонять, и в происшедшей свалке пало три солдата и многие из них ранены. Ямщики угрожали притом, что будет и хуже, если еще раз назначат подобное преследование»⁴¹⁴.

Свидетельств о собственно московских кабаках, к сожалению, в документах сохранилось мало. В 1626 году в Москве было 25 кабаков, что не так уж и много для многотысячного города. На протяжении XVII—XVIII веков их число росло, и к 1775 году насчитывалось уже 151 подобное заведение. Располагались они во всех частях города, кроме Кремля. В 1620 году упоминается кабак у Ильинских ворот⁴¹⁵; в конце столетия кабаки существовали около Зачатьевского монастыря, на Красной площади (он находился под пушечным раскатом и именовался «Под пушкой») и в других местах.

В 1652 году, стремясь ограничить пьянство, царь Алексей Михайлович указал уничтожить откупа и вести продажу спиртного кружками, а не маленькими порциями. В связи с этим кабаки получили наименование кружечных дворов и в разговорный обиход вошло еще одно слово — «кружало». Состоявшийся в том же году в Москве «собор (в данном случае — совещание царя с думными чинами и архиереями. — С. Ш.) о кабаках» ввел еще несколько ограничений: продавцам запрещались торговля спиртным в посты и продажа больше указанной меры; «питухам» не разрешалось сидеть на кружечных дворах, а «ярыжек», «бражников», «зернщиков» (игроков в кости) было велено с них гнать. Ограничивалось и время продажи спиртного — «в летний день после обедни с третьего часа дни, а запирать за час до вечера; а зимою продавать после обедни ж с третьего часа, а запирать в отдачу часов летних». По свидетельству А. Олеария, по всей России функционировала лишь тысяча кружечных дворов. Впрочем, благие мысли об исправлении общественных нравов скоро уступили место прагматическим соображениям и уже в 1663 году, чтобы пополнить пустеющую казну, реформу похоронили, возродив откупную торговлю⁴¹⁶.

Политика правительства в отношении «народной трезвости» в Средние века вообще отличалась двойственностью. С одной стороны, под влиянием увещаний духовенства царь указывал жестоко карать бражников и пьяниц. В 1571 году в Новгороде местные дьяки, исходя из государевых наставлений, чинили суровое наказание: «Поймают винщика с вином, или пьяного человека, и они велят бити кнутом, да в воду мечют с великого мосту». В Москве с пьянством боролись объезжие головы, а своеобразным «вытрезвителем» являлась тюрьма за Варварскими воротами Китай-города, которую автор «Петрова чертежа» именует «Бражник». Но находившиеся на другой чаше весов интересы казны заставляли правительство поощрять спаивание народа — пиво и водка отпускались в долг под залог вещей и даже одежды, в результате чего пьяницы пропивались донага в самом прямом смысле. Один из первых таких случаев известен еще по новгородским берестяным грамотам XIII века⁴¹⁷.

В сочинениях иностранцев описание русского пьянства стало общим местом. Особенно красочно свидетельствовали о нем те, кто бывал в России и своими глазами наблюдал красочные картины пьяного разгула на улицах русских городов. Олеарий описывает его следующим образом: «Порок пьянства так распространен у этого народа во всех сословиях, как у духовных, так и у светских лиц, у высоких и низких, у мужчин и женщин, молодых и старых, что если на улицах видишь лежащих в грязи пьяных, то не обращаешь внимания; до того всё это обыденно... Никто из них не упустит случая, чтобы выпить или хорошенько напиться, когда бы, где бы и при каких обстоятельствах это ни было; пьют при этом чаще всего водку». Он сообщает, что своими глазами видел, как из кабака выходили пропившиеся горожане — «иные без шапок, иные без сапог и чулок, иные в одних сорочках», а один мужик и вовсе лишь в подштанниках⁴¹⁸.

Мейерберг повествует о Пасхальной неделе: «...Все без разбору, как знатные и незнатные, так и простой народ обоего пола, так славно веселят свой дух, что подумаешь, не с ума ли сошли они. Потому что все ничего не делают: лавки и мастерские на запоре; кабаки и харчевни настезь; в судебных местах тишина; в воздухе раздаются буйные крики; при встрече друг с другом где-нибудь в первый раз, если это люди знакомые, то говорят один другому: “Христос воскрес!” Другой отвечает: “Воистину воскрес!”... На больших улицах так много увидишь лежащих мужчин и женщин, мертвецки пьяных, что невольно подумаешь, столько ли милости Божией принесет им строгий их пост, сколько они навлекут на себя Его негодование нарушением законов воздержания такую необузданную распущенностью»⁴¹⁹.

Почти в тех же выражениях рассказывает о русском пьянстве курляндец Я. Рейтенфельс, бывавший в России при царях Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче: «Они думают также, что невозможно оказать гостеприимство или заключить тесную дружбу, не наевшись и напившись предварительно за одним столом, и считают поэтому наполнение желудка пищею до тошноты и вином до опьянения делом обычным и делающим честь...

В праздники им позволено, даже дано преимущественное право, напиваться безнаказанно допьяна; тогда можно видеть, как они валяются на улицах, замерзнув от холода, или развозятся, наваленные друг на друга, в повозках и санях по домам. Об этот камень часто спотыкается и слабый пол, а также и непорочность священников и монахов»⁴²⁰.

Эти и другие подобные отзывы можно было бы приписать злонамеренному стремлению иноземцев очернить Россию и русских, если бы не многочисленные увещевания духовенства, обращенные к любителям выпить. «Господь заповеда рек: “Блюдайте, да не отягчают сердца ваши обиадением и пианством”. Ты же обиадаешишь, яко скот, и пианствуешь день и ночь многажды и до блевания, якоже и главою болети и умом пленитися. Несть сие христианского закона», — осуждал такое поведение митрополит Даниил (1522—1539)⁴²¹. Современник владыки, живший на Северо-Западе России, писал, что «в корчемницах пьяницы без блудниц никакоже бывают... се есть ведомо... блуд хластым и прелюбодейство женатым... придут же ту неции кощунницы имуще гусли, и скрыпели, и сопели, и бубны, и ина бесовские игры и перед мужатицами скача и скверныя песни припевая»⁴²².

Многочисленные челобитные доносят до нас жалобы на детей, мужей, жен, зятьев, племянников, регулярно в пьяном виде творивших разные «непотребства». Отчаявшись справиться с буйными во хмелю домашними, люди обращались к царю с просьбой о их наказании. В исповедных текстах вопрос: «Упился без памяти?» — был стандартным. Иногда интересовались последствиями пьянства: «Или пила еси в чаши и блевала еси?» — либо: «Или будешь напилася бес памяти и блуд сотворил некто с тобою?» Любопытно, что епитимья за пьянство была не очень суровой — семь или восемь дней поста, — что связано, вероятно, с широким распространением этого порока. Что же говорить о пастве, если церковный Стоглавый собор (1551) не решился запретить употребление спиртного даже монахам, оговорив, что они должны пить умеренно: «Иноком пити вино в подобно время, егда подобает, а не всегда: овогда же по три

чаши, овогда по две, овогда по единой». При этом «пианственного питиа, сиречь хмельного и вина горячего» держать и употреблять запрещалось, а вот на питье «фряских (итальянских. — *С. Ш.*) вин» иноки получили санкцию: «...яко же устав повелевает в славу Божию, а не в пианство»⁴²³.

Внешне кабак был похож на обыкновенную городскую усадьбу, однако с некоторыми специфическими постройками — стоечной избой, где производилась продажа, ледником, сушилом и др. В провинции он объединял на общем дворе место торговли, пивоваренные и винокуренные «поварни», амбары для хранения припасов и готовой продукции; в больших городах кабак и производственные помещения могли располагаться в разных частях посада⁴²⁴. Вероятно, в Москве существовали кабаки обоих типов.

Внутренняя обстановка средневекового кабака была проста и даже аскетична. Довольно мрачное помещение с лавками было перегорожено стойкой, за которой стоял кабацкий целовальник, в чьем распоряжении находились запасы вина и пива и немудреный инвентарь: «Вина в государево мерное заорленое ведро (с клеймом в виде государственного герба — двуглавого орла. — *С. Ш.*) — 51 ведро, да два ушата пива 50 мер, да судов: чарка копейная винная медная двоерублевые продажи, да деревянная чарка грошевая, да горка алтынная, да ковш двоеалтынный. Да пивных судов три, да ковшик копейный, а другой денежный. Посуды: печатных заорленых две бочки винные дубовые, большие, да полуберемьянная бочка пивная, да четвертная бочка винная, да замок висячий»⁴²⁵.

Оживлялась мрачная обстановка кабака гомоном голосов, бранью бражников, стуком чарок и кружек. Здесь ругались и мирились: «Где хотите, там и бранитесь, а на кабаке помиритесь!» У кабака кривлялись скоморохи, плясал медведь, слышались непристойные песенки. «Питухи» снимали с себя одежду, отдавая ее в заклад за водку, один уже лежал под лавкой, а другой спал, положив голову на стол. Вокруг любителей выпить вертелись «непотребные женки», кто-то тайком доставал запрещенный табак, который тогда не только курили, но

также жевали, нюхали и пили. В последнем случае употреблялась табачная настойка на спиртовой основе, которая в буквальном смысле валила человека с ног. Табак проникал в Россию из Западной Европы, Крыма, Османской империи и Персии. Для его курения использовали бычьих рога, а начиная с Петровской эпохи — глиняные трубки турецкие, литовские, голландские и московской работы, подражавшие заграничным образцам. Однако до Петра I употребление табака в любом виде жестоко преследовалось — за это били кнутом, вырывали ноздри, резали носы и ссылали «в дальние города»; поэтому пили и курили его в тайных корчмах, а не в «царевых кабаках», куда в любой момент мог нагрязнать объезжий голова со стрельцами⁴²⁶.

Другим удовольствием, которому предавались как в царских кабаках, так и в тайных корчмах, были зернь и карты. Азартные игры осуждались светскими и церковными властями, а воеводам предписывалось унимать служилых людей от проигрыша. О тесной связи выпивки и азартных игр свидетельствуют показания жителей Тюмени на следствии по кабацким «непотребствам» (1668): «...как де зерни и карт не будет, и государева питья де никто без того пить не станет». По Соборному уложению развратный образ жизни, в том числе и игра в азартные игры («а которые воры на Москве и в городех воруют, карты и зерню играют, и проигрався воруют, ходя по улицам, людей режут, и грабят, и шапки срывают»), подлежал наказанию. Но при этом, как доказал С. Б. Веселовский, сама игра не была запрещена, поскольку существовала практика откупа «зернового и картового суда», который брали кабацкие целовальники у местных властей⁴²⁷.

Воеводы попадали в довольно трудное положение: они наблюдали, как от карт и зерни «чинятся промеж служилыми людьми шатости и убийства и всякие грабежи», неоднократно получали от верховной власти указания пресекать подобные эксцессы («унимать» игроков), но наталкивались на сопротивление кабацких голов, владевших монополией на организацию азартных игр. Колебалось в этом вопросе и само правительство, так и не решившееся в XVII веке твердо запретить их. И хо-

тя большинство известных документов, касающихся азартных игр, относится к провинциальным городам, нет сомнений, что зернь и карты были широко распространены и в Москве.

Игра в зернь возникла еще в Античности и получила большую популярность в средневековой Европе и на Востоке. Время ее появления на Руси точно неизвестно. Игры в кости и шахматы (!) упоминаются как «бесовские» в «Домострое». Еще более удревяняют распространение зерни и шахмат в Москве данные археологии. В 1956 году под кремлевским Троицким мостом через ров около Кутафьей башни в слое XV века была обнаружена кожаная сумка-калита, украшенная прорезями и аппликацией. Ремень у сумки был срезан, по-видимому, вором-карманником, однако она упала под мост и пролежала там 500 лет. В одном из отделений сумки лежал шестигранный кубик с нанесенными на каждой грани точками от одной до шести, в другом — острый стальной стилет с костяной ручкой. Владелец сумки, игрок, был типичным «вором» (согласно терминологии Соборного уложения) — в спорах за игорным столом мог пустить в ход оружие. Шахматные фигурки встречаются в культурном слое Москвы начиная с XIV века⁴²⁸.

Само наименование игры связано с точками-«зернами», нанесенными на кубики. Иногда некоторые грани оставляли пустыми или чернили. В таком случае на грани могло быть максимально четыре точки. При игре обычно метали по три кубика — побеждал тот, у чьего кубика оказывалось больше точек на верхней грани. Игра могла происходить на специальной «зерновой доске». С. Б. Веселовский предположил, что на этой доске рисовали фигуры. В таком случае зернь превращалась в сложную игру, схожую с «гуськом», который описал в первой половине XIX века этнограф И. П. Сахаров: в зависимости от числа выпавших очков играющие ходили по доске, где были изображены дорога и разные фигуры — числа, гуси, постоялый двор, кружало, тюрьма. Смысл игры был в том, чтобы первым дойти до последнего знака. При этом тот, кто попадал в «тюрьму», лишался хода; угодивший на «постоялый двор» должен был платить пеню и т. д.⁴²⁹ Возможно,

такая сложная разновидность игры также существовала, однако чаще распространены были примитивные броски кубиков с целью получить больше очков, чем у соперников.

Место, где происходила игра, называлось майданом (от *араб.* мейдан — площадь); владелец игорных принадлежностей — майданщиком. Последнее слово закрепилось и в тюремном жаргоне, где означает подпольного торговца водкой или содержателя притона. Зачастую майданщик имел право суда по «зерновым искам», писал кабалы на несостоятельных игроках. За использование игорной доски и костей, суд в игре и написание кабалы он получал от игроков вознаграждение. Чаще всего игорный откуп держали кабацкие целовальники, однако среди откупщиков встречаются служилые люди и даже воеводы. Впрочем, последнее было явным злоупотреблением и часто сопрягалось с другими преступлениями. Например, енисейский воевода В. В. Голохвастов не только держал откуп с зерни, карт и корчмы, но и отдавал «безмужних жен на блуд»⁴³⁰.

Играли в зернь и карты не только в кабаках, но и в специальных «зерновых избах», банях и даже, таясь от начальства, в лесу или в подпольных игорных домах, чтобы доход с игры шел мимо государственной казны. В документах часты упоминания о вредных последствиях карточной игры: служилые люди, крестьяне, иноземцы проигрывались «донага», закладывали одежду, оружие, лошадей, писали на себя кабалы. При игре возникали ссоры, драки, совершались убийства, должники в поисках денег занимались грабежом.

С. В. Бахрушин установил, что кости служили не только для игры, но и для гадания — «развода костного». Предсказание совершалось по комбинации трех выпавших цифр. Специальные гадательные книги (одна из них связывалась с именем пророка и царя Давида) содержали разъяснения, как трактовать те или иные сочетания. Эти определения, как и полагается, были туманны. Так, числа 3.3.0 означали: «Сердце радуется, не ведая над собой недруга лесна под рукою стояща, а сами от тобя больше бояца, а начаятися от своих же недруга, по болезни здавие кажет». Цифры

Verrichtliche
Reisebeschrei-
bung

Vom Andern mahl
heraus gegeben
Durch

Adam Olearius

Русский боярин.

Титульный лист книги А. Оlearия

Царь Алексей Михайлович.
Неизвестный художник.
Рубеж 1670—1680-х гг.

Царица Наталья Кирилловна.
Копия XVIII в.
с портрета К. Шурмана 1687 г.

Всехсвятский мост и Кремль в конце XVII века. *А. Васнецов. 1922 г.*

Реконструкция внешнего облика мужчины и женщины из некрополя XVII века на месте современной Манежной площади. *Г. В. Лебединская*

Вид Москвы в XVII веке с деревянными и каменными домами горожан. *Гравюра из книги А. Оlearия*

Теремной дворец царя Алексея Михайловича в Кремле.
Акварель Д. Кваренги. 1797 г.

Крестовая палата Теремного дворца

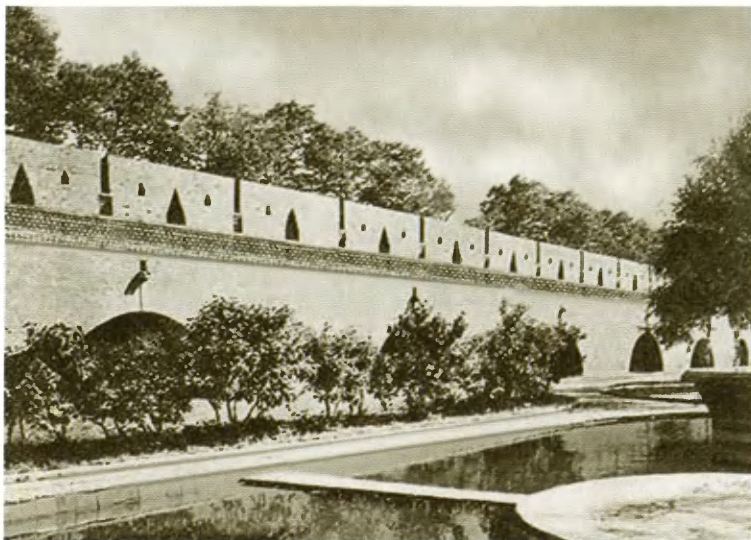

Палаты царицы Натальи Кирилловны в Кремле.
Реконструкция А. Векслера, И. Ильенко. Рисунок К. Лопяло

Опочивальня Теремного дворца

Стена Китай-города. Фото начала XX в.

Дом бояр Романовых и Знаменский монастырь на Варварке.
Почтовая открытка начала XX в.

Кабинет и трапезная
в боярском доме.

Реконструкция.

Музей «Палаты Романовых в Зарядье»

Царевна
Софья Алексеевна.
Гравюра Л. Тарасевича. 1688 г.

Князь
Василий Васильевич Голицын.
Не ранее 1687 г.

Палаты князя Голицына. *Реконструкция П. Д. Сухова*

Лазарь Сербин
в 1404 году
показывает первые
московские часы
великому князю
Василию I.
*Миниатюра
Лицевого
летописного свода*

Часы патриархов
Никона и Филарета.
*Оружейная палата
Московского Кремля*

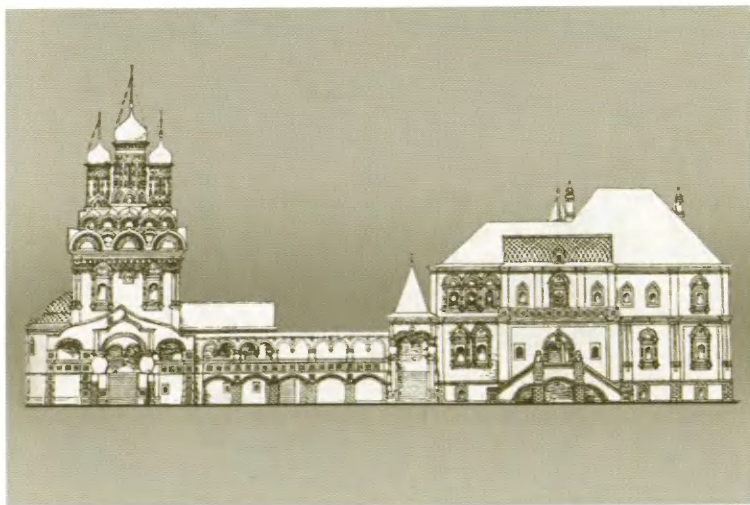
Настольные часы.
XVII в.
*Музей-усадьба
«Коломенское»*

Возведенные
в 1656—1657 годах
палаты
думного дьяка
Кириллова
на Берсеневской
набережной
сохранились
до сегодняшних
дней в сильно
перестроенном
виде

Палаты
Кириллова
и церковь
Николая
Чудотворца.
Реконструкция
Д. В. Разова

Московские изразцы:
красноглиняные,
муравленные,
многоцветные (ценинные).
XVI—XVII вв.

В горнице древнерусского дома московских времен. А. Васнецов. 1908 г.

Рукомойник
из Ипатьевского клада.
XVI в. *Собрание Музея Москвы*

Блюдо боярина Б. М. Хитрово.
1667—1676 гг. *Оружейная палата
Московского Кремля*

Деревянная посуда,
чернолощенные кувшин и фляга
из раскопок М. Г. Рабиновича
в Зарядье.
XV—XVI вв. Собрание Музея Москвы

Пушечно-литейный двор на реке Неглинной.
А. Васнецов. 1918 г.

Кузнечные изделия — замки, ключи, стремена, ствол пищаля, боевые топоры и ножи — из раскопок в Зарядье и Ипатьевского клада.
XVI—XVII вв. Собрание Музея Москвы

Глиняные игрушки из раскопок М. Г. Рабиновича
в Зарядье и Гончарной слободе.
XVI—XVII вв. Собрание Музея Москвы

Шахматные фигурки и игральная кость.
XVII в. Собрание Музея Москвы

Библиотека XVII века.
Музей «Палаты Романовых в Зарядье»

4.1.3 давали более благоприятный прогноз: «Сердце радосно вельми, а недруг, что под рукою стоит — ты ево не бойся, а начаятися после радости и одоление на враги...» Одни «меты» считались «добрыми», другие — «злыми», «негодными». Кости отвечали на вопросы о здоровье, недругах, корысти и радости, сердечных и домашних делах и т. д. В некоторых книгах итоги метания костей толковались с помощью библейских и евангельских цитат. Традиция гадания по костям была столь же древней, как и сама игра. В России XVI—XVII веков гадание по костям, как и любое иное, считалось бесовской забавой, а сами гадалщики преследовались. Восходило это еще к осуждению «развода костного» Отцами Церкви Климентом Александрийским и Иоанном Златоустом, вошедшего в постановления VI Вселенского собора (680). В 1647 году был отдан в монастырь «под крепкий начал» крестьянин Н. И. Романова Мишка Иванов «за чародейство и за косной развод и наговор»⁴³¹.

По-видимому, второе место среди азартных игр занимали карты. Впервые они упоминаются в сочинениях князя Андрея Курбского, осуждавшего «западных царей», имеющих обычай «все целые ночи истребляти, над карты сидяще и над протчими бесовскими бреднями». Церковное осуждение карт (как игральных, так и гадальных) тем не менее, как и в случае с зернью, не приводило к их полному запрету. Карты являлись одним из популярных импортных товаров, и ввозили их не скрываясь. Например, в 1647 году голландские купцы, жаловавшиеся на незаконные пошлины, которые берут с них таможенные головы и целовальники, в числе товаров, обложенных этими пошлинами, называли карты⁴³². Еще одной азартной игрой был «яичный бой». С. Б. Веселовский сравнивал его с традиционной пасхальной забавой — бить одним вареным яйцом другое, чтобы разбить скорлупу. Играли в «яичный бой» также на деньги. Наконец, осуждались Церковью шахматы и шашки. По-видимому, в них также могли играть на деньги. Джером Горсей сообщает, что последние часы своей жизни Иван Грозный провел за игрой в шахматы. Шахматы и

шашки (даже «хрустальные» шахматы) упоминаются среди обстановки царских палат XVII века.

О том, что духовенство имело основания опасаться дурных последствий шахматной игры, свидетельствует эпизод из жизни тяглеца Огородной слободы Ивана Григорьева. Проходя 21 июля 1687 года по Овощному ряду, он согласился на предложение незнакомого ему ранее торговца Кондратия Степанова сыграть в шахматы «за любовь» (то есть не за деньги). Видимо, в процессе игры правила изменились и с него потребовали деньги. Результат оказался плачевным. Кондратий «после той игры учал... бить и бранить и с Ивашки сбил шапку, а из той шапки пропал плат, а том плату завязаны были запаны золотыя с алмазы»⁴³³.

Рассказ о кабаке увел нас довольно далеко от винопития к иным сторонам московской жизни. Тем не менее азартные игры и гадания были тесно связаны с времяпрепровождением за чаркой в царском кабаке. Здесь кипела своя жизнь, с трудом поддававшаяся регулированию государевыми указами и церковными запретами. В весьма жестко регулировавшихся государстве и обществе кабак был территорией, обладавшей значительной степенью свободы.

Не случайно в кабаках XVII века часто можно было услышать грозный отзвук недавней Смуты. В 1625 году, сидя в кабаке, ряжский приказчик Васька Шолкин предавался воспоминаниям: «В меж де усобную брань, как был в Калуге вор, и де в те поры был у него на службе в Шацком, и собрався де Шацкого уезда мужики коверинцы, котыринцы, конобеевцы, и говорили де меж себя так: “Сойдемся де вместе и выберем себе царя”». Ностальгию Шолкина не поддержал ямщик Кузьма Антонов, который в верноподданническом духе отвечал: «От тех де было царей, блядиных детей, которых выбирали в межусобную брань меж себя, наша братья, мужики, земля пуста стала»⁴³⁴. Такой диалог был возможен в те времена только в кабаке, где развязывались языки и начинался разговор по душам, а за ним, возможно, драка и иное непотребство, в котором находила выход стихия протеста против жесткой иерархии и регламентации частной жизни средневекового человека.

Сон да баба, кабаж да баня — одна забава

В иерархии жизненных ценностей баня находилась поблизости от кабака и так же, как и он, представляла собой бросающуюся в глаза специфическую особенность русского (и московского) бытия. На иностранцев, посещавших Московию, она производила шокирующее впечатление. Первая русская летопись не без иронии относит знакомство иноземцев с отечественной банной традицией к апостольским временам, повествуя о путешествии святого Андрея Первозванного в Новгород. «Дивно видех Словенскую землю идучи ми семо, — изумлялся, согласно «Повести временных лет», апостол Андрей. — Видех бани древены, и пережыгут е рамяно, и совлокуться, и будут нази, и облекутся квасом уснияным, и возьмутъ на ся прутье младое, и бьют ся сами, и того ся добьют, едва слезуть ле живы, и облекутся водою студеною, и тако оживуть. И тако творят по вся дни, не мучимы никем же, но сами ся мучать, и то творят мовенье собе, а не мученье»⁴³⁵.

Любопытно, как это летописное свидетельство преломилось спустя несколько столетий. Павел Аллепский записал следующее анекдотическое известие о происхождении наименования «Россия»: «Город Новгород, на нашем языке мадинэт-эль жаидэ (новый город), как говорят, основан Иафетом, сыном Ноя; поэтому его строения, как мы это видели, очень древни. Он есть первый город в этой стране, после Киева, принявший христианскую веру чрез ап. Андрея, как об этом написано в их книгах. Рассказывают, что, когда ап. Андрей к ним пришел и проповедовал, они, озлобившись, собрались на него и посадили его в очень горячую баню, нагретую до крайней степени, а затем стали лить сверху холодную воду: от плит поднимался пар, жар усилился, а также и потение святого, и он воскликнул по-гречески: “α ιδρωσα”, т. е. “ах! я вспотел”; отсюда и произошло название этой страны “Россия”»⁴³⁶.

Баня еще пару раз упоминается в «Повести временных лет», но уже не в столь идиллическом контексте. В 945 году княгиня Ольга сожгла в бане древлянских послов, прибывших сватать ее за своего князя, — «влезоса

деревляне, начашу ся мыти; и запроша о них истобьку, и повеле зажеги я от дверей, ту згореша вси». Под 1071 годом содержится запись о другом не менее примечательном известии — религиозном споре языческих волхвов и киевского воеводы Яна Вышатича. По мнению волхвов, «Бог мывся в мовници и вспомивься, отерся ветхем, и верже с небес на землю». Из этой ветошки и был сотворен человек; дьявол придал ему обличье и жизнь, а Бог — душу⁴³⁷. Существует обширная литература о значении бани в мифологии и магической практике русского народа. Однако в городе баня лишалась тех многих магических свойств, которыми ее наделяли селяне.

Рассказ «Повести временных лет» не случайно связан с Новгородом. В древнерусский период баня (мовница) как отдельная постройка была распространена в основном на севере и в лесной зоне, на юге же мылись в домашней печи. В древней Москве придерживались северной традиции. Выше уже говорилось, что во время раскопок в Зарядье были обнаружены остатки бани, сгоревшей при пожаре 1468 года⁴³⁸.

М. Г. Рабинович описывает московскую баню XV века следующим образом: «Ее венцы срублены из бревен неравной толщины, уже бывших ранее в какой-то другой постройке; пол устроен из тонких неотесанных жердей, неплотно прилегающих друг к другу для лучшего стока воды, как в современных деревенских банях. Такими жердями была выстлана земля перед срубом (возможно, над ним был навес); это можно объяснить известным обычаем выходить во время паренья из бани на свежий воздух. Баня была невелика (3,60×3,80 м). Большую часть ее занимала глинобитная печь. Найденный возле бани обгорелый деревянный желоб позволяет предположить наличие водоотводных приспособлений, соединяющихся с каким-либо из более крупных водотоков. В бане были, по всей вероятности, как и в более поздние времена, жбаны с водой, деревянные ушаты и ковши». Историк добавляет, что крыша бани не всегда была деревянной, а могла быть и земляной⁴³⁹.

Как можно видеть, средневековая баня в архитектурном отношении не представляла собой ничего особенного. Такие еще сохранились кое-где в российской

глубинке. В комплексе боярской усадьбы баня располагалась на заднем, хозяйственном дворе или на огороде либо могла примыкать к хоромному строению, как и «столчаковская изба». Парились в ней, вероятно, поливая водой камни, заложенные в печь. Странно, что М. Г. Рабинович не пишет ни о камнях, ни о наличии или отсутствии печной трубы, поэтому неясно, как топились зарядьевская баня — «по-белому» или «по-черному». Воду в нее доставляли из дворовых колодцев. Такие бани были распространены на дворах простых москвичей в XV—XVII веках. Большинство из них были одно- или двухкамерными, срубными; иногда встречаются бани с сенями или предбанником. Топили их чаще всего березовыми дровами, которые не дают искр, и, следовательно, можно было меньше опасаться пожара. Однако, как мы видели, пожаров всё равно боялись и запрещали топить бани летом, даже опечатывали их. С домашних бань брался ежегодный оброк.

А. Олеарий оставил сходное описание домашней бани, правда, принадлежавшей иностранцу, живущему в Москве: «В этих банях устроены сводчатые каменные печи, в которых на высокой решетке помещается много камней. Из такой печи идет отверстие в баню, которое они закрывают крышкою и коровьим навозом или глиною. Снаружи имеется другое отверстие — поменьше первого — для выхода дыма. Когда камни достаточно накалятся, открывается внутреннее отверстие, а внешнее закрывается, и сообразно тому, сколько требуется жара, наливают на камни воды, иногда настоянной на добрых травах. В банях по стенам кругом устроены лавки для потенья и мытья — одна выше другой, — покрытые кусками холста или тюфяками, набитыми сеном, осыпанные цветами и разными благовонными травами, которыми утыканы и окна. На полу лежит мелко изрубленный и раздавленный ельник, дающий очень приятный запах и доставляющий большое удовольствие»⁴⁴⁰.

Почетное место занимала баня (мыленка) и в комплексе царской резиденции. При Алексее Михайловиче она находилась на втором этаже Теремного дворца. В нее вели специальные «мовные» сени из опочивальни. В «предмылье» (предбанник) раздевались, здесь же ле-

жала и «мовная стряпня» — колпаки, простыни, опахла-ла. Сама царская баня, по описанию И. Е. Забелина, была обустроена со всеми возможными удобствами:

«В углу стояла большая изразчатая печь с каменкою, или каменницею, наполненную “полевым круглым серым камнем”, крупным, который назывался спорником, и мелким, который назывался конопляным. Камень раскаливался посредством топки внизу каменки. И каменка, и эта топка закрывались железными заслонами. От печи по стене, до другого угла, устраивался поллок с несколькими широкими ступенями для входа, как и в теперешних банях. Далее по стенам до самой двери тянулись обычные лавки. Мыленка освещалась двумя или тремя красными окнами с слюдяными оконницами, а место на полке — волоковыми... Двери и окна со вставнями и втулками обивались красным сукном по полстям, или войлоку, с употреблением по надобности красного сафьяна и зеленых ремней для обивки двери. Оконный и дверной прибор был железный луженый. Окна завешивались суконными или тафтяными завесами. В переднем углу мыленки всегда стояла икона и поклонный крест...

Когда мыльня топилась, т. е. изготовлялась для мытья, то посреди нее ставили две липовые площадки (род чанов или кадей ушата в четыре), из которых в одной держали горячую, в другой — холодную воду. Воду носили в липовых изварах (род небольших ушатцев, или бадей), в ведрах и в шайках (1684 г., в августе, в село Коломенское в мыленку взято 2 кади липовых облых по 30 ведр, 2 кади по 20 ведр, четыре извары липовых же по 5 ведр, 20 ушатов, 20 гнезд ведр), наливали медными лужеными ковшами и кунганами, щелок держали в медных же луженых тазах. Квас, которым обливались, когда начинали париться... держали в тuezах — больших берестяных бураках. Иногда квасом же поддавали пару, т. е. лили его в каменку на раскаленный камень спорник. Нередко для того же употреблялось и ячное пиво. Мылись большею частью на свежем душистом сене, которое покрывали, для удобства, полотном и даже набивали им подушку и тюфяки. Кроме того, на лавках, на полках и в других местах мыленки клались пучки душистых, полезных для здоровья трав и цветов, а на полу

разбрасывался мелко нарубленный кустарник — можжевельник, что всё вместе издавало весьма приятный запах».

Забелин сообщает интересную подробность о вениках — ими брали оброк с крестьян подмосковных волостей: «В течение года обязывались доставить про царский обиход: крестьяне Гвоздинской волости 320 веников, Гуслицкой 500, Селинской 320, Гжельской 500, Загарской 320, Раменской 170, Куньевской 750, села Новорожественного 130; всего 3010 веников. Впрочем, не всегда этот оброк поставлялся натурою: крестьяне нередко платили мовным истопникам, вместо веников, деньгами, по 23 алтына 2 деньги за сотню»⁴⁴¹.

Вода выводилась по желобам, а если баня, как в Теремном дворце, находилась на втором этаже, пол в ней выстилался свинцовыми досками, по швам запаянными оловом. Такую работу в 1681 году выполнял мастер водовозного дела Иван Охов. В те времена не знали о вредных для организма свойствах свинца; его присутствие в царской бане, несомненно, не могло не оказать влияния на здоровье царя Алексея Михайловича, скончавшегося в 47 лет.

Бани были далеко не у всех горожан. Не имевшие собственных бань мылись в общественных, городских, которые также именовались «наротцкими» (народными) или торговыми, поскольку, как и кабаки, сдавались на откуп. По свидетельству Флетчера, Борис Годунов в бытность боярином получал с московских бань доход в 1500 рублей. Располагались они чаще всего на реках — Москве-реке, Неглинной и Яузе, однако встречались и среди городской застройки, вдали от водоемов. Например, один из переулков между Никитской и Тверской шел «мимо бань вражком»⁴⁴². Число таких бань в Москве XV—XVII веков неизвестно, но в конце XVIII столетия их насчитывалось 70⁴⁴³. Посещали общественные бани и приезжие. Здесь можно было не только помыться, но также остановиться на ночлег и поесть. Содержателям бань строго предписывалось «табаку, и карт, и зерновых костей у себя не держать и не продавать», однако этот

запрет нарушался. Общественные бани производили сильное впечатление на иностранцев. Предоставим слово А. Олеарию:

«Баня была разгорожена бревнами, чтобы мужчины и женщины могли сидеть отдельно. Однако входили и выходили они через одну и ту же дверь, притом без передников; только некоторые держали спереди березовый веник до тех пор, пока не усаживались на место. Иные не делали и этого. Женщины иногда выходили без стеснения голые — поговорить со своими мужьями.

Они в состоянии переносить сильный жар, лежать на полке и вениками нагоняют жар на свое тело или трутся ими (это для меня было невыносимо). Когда они совершенно покраснеют и ослабнут от жары до того, что не могут более вынести в бане, то и женщины, и мужчины голые выбегают, окачиваются холодной водой, а зимою валяются в снегу и трут им, точно мылом, свою кожу, а потом опять бегут в горячую баню. Так как бани обыкновенно устраиваются у воды и у рек, то они из горячей бани устремляются в холодную. И если иногда какой-либо немецкий парень прыгал в воду, чтобы купаться вместе с женщинами, то они вовсе не казались... обиженными...»⁴⁴⁴

Такие отзывы содержат и другие западноевропейские описания России. В 1678 году участники польского посольства, среди которых был и чех Таннер, рискнули посетить русскую баню, но остались недовольны: «Ради любопытства некоторые из нас захотели посмотреть на нее и по принятому у нас обыкновению пришли покрытыми, думая, что здесь моются так же, как и в наших краях, но с первого же шага заметили разницу: дверь, увидели мы, отворена, окна не заперты, но в бане было все-таки очень жарко. Как завидели москвитяне нас покрытыми — сами они безо всякого стыда были голы совершенно, — так и разразились хохотом. Прислуги тут нет, банщика и цирюльника тоже; кому надо воды, тот должен был сам спускаться к реке. Мы побыли там немного и ушли сухими, как пришли, поглядев на их способ мыться, как они вместо того, чтобы тереться, начали хлестать себя прутьями, орать, окачиваться хо-

лодной водой да, сверх того, при детях выделявать непристойные телодвижения. Нам стало противно, мы со смехом и вышли. Так же моются, видели мы, и женщины и тоже голыми бегают взад и вперед, не стесняясь»⁴⁴⁵.

Удивлявшее иностранцев соседство моющихся мужчин и женщин действительно было нормой. «Стоглав» свидетельствует, что в бане находились вместе не только миряне, но и монахи — «мотюца в банях мужи и жены, и чернцы и черницы в одном месте без зазора», что было строжайше запрещено. Тем не менее этот обычай продолжал существовать; только в XVIII веке были установлены мужские и женские дни, дожившие до нашего времени. Однако уже в XVII столетии в Москве существовали отдельные бани. В 1620 году упоминаются на реке Неглинной «бани Ивана Гладина — баня мужская, под нею земли вдоль 12 сажень, поперек 6 сажень, баня женская, под ней земли вдоль 12 сажень, поперек 8 сажень»⁴⁴⁶.

Баня играла важнейшую роль в жизни каждого москвича. В нее часто ходили во время постов, ее нужно было посещать после ночи, проведенной с женщиной. Обязательным был поход в баню после первой брачной ночи. Дворцовые разряды упоминают поход в мыленку как обязательный элемент царской свадебной церемонии. Например, на свадьбе царя Михаила Федоровича и княжны Марии Владимировны Долгоруковой были «у мыленки князь Андрей Васильевич Хилков да постельничей Константин Михайлов. У воды: Дмитрий Лодыгин да Василей Полтев»⁴⁴⁷. В бане молодых обмывали вином и медом — этот обычай сохранился с языческих времен и должен был способствовать благоденствию семьи и рождению детей. В бане невеста должна была продемонстрировать свидетельство своего добрачного целомудрия — сорочку и простыню, которые прятали и хранили. После бани новобрачная посылала супругу дорогую сорочку, расшитую жемчугом.

Посещение бани рассматривалось в Средние века как признак принадлежности к русской, православной культуре. Отказ ходить в баню приравнивался к еретицеству. В пренебрежении баней обвиняли, например, Лжедмитрия I, что стало для современников одним из свидетельств его самозванства. Вместе с тем сама баня

считалась нечистым местом, особенно в сельской местности. По народным поверьям, именно туда шел колдун в то время, когда все православные шли в церковь. Такое поведение приписывалось тому же самозванцу. Поздняя историческая песнь гласит:

Весь народ да весь пошел на службу на христианскую,
А Гришка да разстрижка со своею царицею Маришкой,
Мариной Ивановной, князя Литовского дочь,
Они не на службу христовскую пошли,
Пошли в парную баенку,
В чистую умывальню.

Баня, находившаяся у воды, считалась местом обитания нечистой силы — банника (обнаженного карлика) или банницы (одноглазой старушки), — которая могла навредить людям. Поэтому банных духов кормили, оставляя им домашнюю снедь. В бане происходили роды, причем даже царицыны. Здесь также гадали, совершали магические обряды для выздоровления и попросту лечили, разминая тело, прикладывая примочки, травы и т. д. До наших дней баня считается местом сосредоточения нечистой силы и совершения магических обрядов. Еще бы — ведь в ней человек снимал даже нательный крест, оставался беззащитным перед таинственными стихиями огня и воды, совместно творившими то волшебство, которое именуется русской парной⁴⁴⁸.

«Къш на Кукуй!»

На протяжении своей многовековой истории, вплоть до XX столетия, Москва была мононациональным, русским городом. При этом ее обширность и уникальное географическое расположение между Западной Европой и Азией придавали весьма существенное значение небольшим иноземным колониям. В Москве жили представители десятков различных народов, как подданные Российского государства, так и приезжавшие из-за рубежа. Их поселения придавали городу своеобразную экзотику, которая была чужда большинству российских городов, за исключением, может быть, окраинных.

Известия о чужеземцах, селившихся в Москве, встречаются в источниках с XIV века. В описании пожара 1389 года упоминается двор армянина Авраама. Уже при Дмитрие Донском в Москве существовала значительная колония купцов-сурожан. Десять сурожан участвовали в походе Дмитрия Донского на Куликово поле (впрочем, не все они были уроженцами Крыма — сурожанами звались и русские купцы, торговавшие с Суροжем). При Донском упоминаются Андрей Фрязин и его дядя Матфей Фрязин — итальянцы. В 1408 году в Москву из Литвы выехал князь Свидригайло, сын литовского великого князя Ольгерда и тверской княжны Ульяны, враждовавший со своим двоюродным братом великим князем Витовтом. Вместе с Свидригайло приехали литовские и южнорусские князья и бояре. Традиционно в Москве было много греческих выходцев — спутников московских митрополитов, ставленников Константинополя. Огромную роль в истории русской культуры сыграл иконописец Феофан Грек, работавший в Новгороде и Москве.

С конца XIV века появляются в Москве выходцы из Золотой Орды — не только послы и торговцы, но и новые слуги великих князей. Царевич Серкиз (Черкиз) прибыл на службу к Дмитрию Донскому, крестился с именем Иван и получил владение, в его честь называвшееся Черкизово. В 1393 году приняли крещение три знатных татарина — Бахты Хозя, Хидырь Хозя и Мамат Хозя, получившие имена Анания, Азария и Мисаил — «и была радость велика в граде Москве». Крестил их сам митрополит Киприан, а присутствовали на обряде «великий князь, и вси князи, и боаре их, и весь народ града Москвы»⁴⁴⁹.

Одна из немногих московских берестяных грамот, найденная при раскопках в Кремле в августе 2007 года и датируемая рубежом XIV—XV веков, представляет собой перечень имущества некоего Турабия (судя по имени, выходца из Орды), жившего на Подоле в Кремле. Он владел большим стадом — в грамоте дается внушительный перечень ездовых и «страдных», пашенных лошадей — и, вероятно, землями. В документе также перечисляются «молодые люди», служившие Турабию и,

видимо, составлявшие его дружину. Многие из них, как и господин, были татарами — упоминаются имена Елбуга, Баирам, Ахмед.

Приток выходцев из Орды усилился в княжение Василия II в эпоху распада Золотой Орды. В 1446 году казанский хан Улу-Мухаммед послал на помощь Василию II против Дмитрия Шемяки сыновей Касима и Якуба. Царевичам удалось соединиться с войском сторонников низложенного великого князя и способствовать его победе. Затем они остались на службе у московского князя и вместе со своими отрядами участвовали в военных походах его воевод. В конце правления Василия II Касим получил в удел Городец Мещерский, где под протекторатом Москвы было создано Касимовское ханство.

Потомки татарской и ногайской знати вошли в состав российского дворянства, многие роды заняли видное положение в среде московской аристократии. В XV—XVII веках боярами, окольниковыми, думными дворянами, стольниками, воеводами служили князья Мещерские, Сулешовы, Урусовы, Ширинские-Шихматовы, Юсуповы; Апраксины, Барановы, Баскаковы, Бахметевы, Беклемишевы, Бибиковы, Вельяминовы, Годуновы, Измайловы, Карамышевы, Комынины, Мансуровы, Нарбековы, Огаревы, Сабуровы, Талызины, Тургенева, Ханыковы, Юшковы и др.⁴⁵⁰

Согласно старинному московскому преданию, Ордынский посольский двор располагался в Кремле на том месте, где впоследствии митрополитом Алексием был основан Чудов монастырь. Специальное исследование Т. Д. Пановой установило недостоверность этого сообщения. Ни летописи, ни акты не сохранили упоминаний об этом подворье в Кремле как в XIV веке, так и в более раннее время⁴⁵¹. Более вероятно, что Ордынский посольский двор находился в Замоскворечье, где в XVI—XVII веках существовала Татарская слобода — место компактного проживания татар.

Впервые слобода упоминается в 1619 году. Вероятно, тогда же возникло и мусульманское кладбище за Калужскими воротами Земляного города, о существовании которого известно из жалобы (1638) жителей

Татарской слободы на ямщиков Коломенской слободы: те распахали их старинное кладбище — «на могилах каменья сломали и кирпич развозили и могилы многие разорили». Ямщики оправдывались тем, что получили эти земли по царскому указу. Однако царь указал «то их прежнее татарское кладбище отмерить вдоль и поперег по сту сажень, а ямщикам того их кладбища и никакой порухи чинить не велено». (При Петре I над татарским кладбищем нависла новая угроза — эти земли облюбовал статский советник, а впоследствии генерал-лейтенант Ф. В. Наумов, намереваясь выстроить здесь загородный двор. Захватчик уже начал сваливать на могилах стройматериалы, но царь распорядился оставить кладбище в покое. Некрополь был ликвидирован после чумной эпидемии 1771 года, а новое татарское кладбище создано неподалеку от Даниловского⁴⁵².)

Переписные книги Татарской слободы 1669 и 1672 годов показывают, что здесь жили в основном переводчики и толмачи, а также «кормовые иноземцы», как татары (Янгур Бегишев, Тугей Иমেv, Тюгей Кангулов), так и европейцы (капитан Григорий Барановский). Были здесь и владения московских дворян и приказных. В челобитной в защиту татарского кладбища на первом месте среди жителей слободы упоминаются татарские князья и мурзы. Однако и тогда большинство слобожан составляли переводчики и толмачи. Согласно переписи 1669 года, в Толмачевской (Толмацкой) слободе жили приказные, а также несколько толмачей, носивших русские имена. Толмачевская слобода, располагавшаяся к западу от Ордынки (ныне о ее существовании напоминают Большой, Малый и Старый Толмачевские переулки), видимо, когда-то выделилась из Татарской слободы. В 1634 году в ней жили переводчики и толмачи Посольского приказа, которые переводили не только с татарского, но и с других языков. Вероятно, со временем в Толмачевской слободе стали селиться переводчики и толмачи, не являвшиеся татарами. Переписи слободы 1639 и 1671 годов показывают, что здесь располагались дворы толмачей, «кормовых иноземцев», подьячих, а также владение стрелецкого головы Б. К. Пыжова, в числе других пострадавшее от пожара 1 июня 1671 года⁴⁵³.

Толмачами в Средние века называли устных переводчиков. О их службе в Посольском приказе подробно пишет Г. К. Котошихин: «Для переводу и толмачества переводчиков Латинского, Свейского, Немецкого, Греческого, Полского, Татарского, и иных языков, с 50 человек, толмачей с 70 человек. А бывает тем переводчиком на Москве работа по вся дни, когда прилучатца из окрестных государств всякие дела; такъже старые писма и книги для испытания велят им переводити, кто каков к переводу добр, и по тому и жалованье им даецца; а переводят сидячи в Приказе, а на дворы им самых великих дел переводити не дают, потому что опасаются всякие порухи от пожарного времени и иные причины». Жалованье переводчиков составляло от 50 до 100 рублей в год, «смотря по человеку», толмачей — от 15 до 40 рублей. Получали они и «поденный корм», размеры которого также зависели от квалификации. «Да они ж, толмачи, — пишет Котошихин, — днюют и начуют в Приказе, человек по 10 в сутки, и за делами ходят и в посылки посылаются во всякие; да они ж, как на Москве бывают окрестных государств послы, бывают представлены для толмачества и кормового и питейного збору»⁴⁵⁴.

О том, что основной контингент жителей Татарской слободы также составляли переводчики и толмачи, свидетельствуют строки из челобитной слобожан Петру I: «В прошлых, государь, годах выехали нижепоименованных рабов ваших прадеды, и деды, и отцы наши [во] всероссийский царствующий град Москву к прадеду, и деду, и к отцу вашему великих государей, и к вашему царскому величеству, и служили в вашем государственном Посольском приказе в переводчиках и толмачах...»⁴⁵⁵

О внутренней жизни Татарской слободы сообщает интересный документ — обнаруженный и опубликованный О. А. Ивановым фрагмент дела, содержащего жалобу романовского татарина* Досая Мамкеева на переводчика Абдулу Баицына. Челобитчик выдвигал весьма серьезное обвинение: Баицын якобы «держит у себя великого государя заповедных людей русской благо-

* Поселение татар в Романове (Ярославский уезд) берет начало в XVI веке, когда этот город был дан во владение ногайским мурзам.

честивой веры и поженил на татарках и кормит кобылятиною». (Иноверцам запрещалось держать в холопах православных, за нарушение этого запрета Соборное уложение предусматривало «жестокое наказание» как господ, так и холопов, «чтоб им и иным таким не повадно было так делати»; виновного же в принуждении к «бусурманской» вере приговаривали к сожжению.) Абдула ответил похожими обличениями самого Досая: у него «и у братий его и иных у многих их братьи татар такие многие люди в дворех есть и женаты на татарках». На очной ставке Баицын добавил, что Мамкеев «держит у себя русских жонок и тем жонкам принесет он, Абдул, роспись». К сожалению, окончание документа не сохранилось; но если взаимные обвинения подтвердились, то обе стороны не могли рассчитывать на благополучный исход дела⁴⁵⁶.

Выше уже говорилось, что жители Татарской и Толмачевской слобод слабо поддавались мерам по охране порядка, которые пытались проводить служащие Земского приказа. По-видимому, вплоть до Нового времени эти районы сохраняли специфику замкнутого инокультурного и иноязычного анклава, в который было опасно соваться даже представителям властных структур.

Другие иноземные слободы в Москве были заселены выходцами из Западной Европы и именовались «немецкими». Ранее уже шла речь о древнейшей из них — слободе Наливки, которая, как и Татарская, находилась в Замоскворечье. При Иване Грозном (вероятно, в 1560—1570-х годах в связи с эпидемией чумы) она переместилась в Заяузье и обосновалась рядом с Таганной слободой, в местности, известной как Болвановка. Английский торговый агент и дипломат Джером Горсей писал, что по его совету царь создал из лифляндцев, французов, голландцев, шотландцев и англичан, взятых в плен в Ливонской войне, отряд в 1200 человек, которые «сражались с татарами успешнее, чем двенадцать тысяч русских с их короткими луками и стрелами». Горсей, очевидно, прихвастнул. О Болвановской слободе, где «живут немецкие воинские люди, которых великий князь употребляет против крымского царя», сообщает еще Штаден, живший в Москве до приезда англичанина.

Вероятнее всего, основное ядро населения слободы составили ливонские пленники, служившие царю. В слободе существовали два протестанских храма и кладбище, плиты с которого (в частности, надгробие умершей 8 июня 1593 года Варвары, дочери уроженца Магдебурга Э. Гротхузена) обнаружены в кладке церкви Николы на Болвановке («в Кузнецах»).

В ноябре 1578 года после неудач в Ливонской войне — разгрома русского войска под Кесью (Венденем) и измены датского принца Магнуса, которого Иван Грозный намеревался сделать ливонским королем, — слобода подверглась разгрому, но уцелела. В следующем году разряды упоминают «на Москве немец 400 человек». Судя по эпитафиям, Болвановская Немецкая слобода просуществовала до конца XVI века. В это время образовалась другая иноземная слобода — за пределами города, на Яузе. По-видимому, при Борисе Годунове жители Болвановской слободы переселились туда, была открыта кирха. Но в Смутное время Яузская слобода была разорена⁴⁵⁷.

После этого «немцы» расселились в нескольких местах на территории Белого и Земляного города. Крупная колония западноевропейцев находилась на Покровке. Описи 1621 и 1638 годов упоминают здесь даже дворы «немецких попов». На дворе «немецкого дьячка» Якова Юстрова, как полагает Д. В. Цветаев, проходили молитвенные собрания, на средства прихожан было выстроено небольшое здание лютеранской кирхи. Пастором был Георгий Оксе, который именуется в русских документах Юрием Томосовым. В 1626 году кирха сгорела, и вскоре была поставлена новая — в Огородной слободе Земляного города, вблизи церкви Святого Харитония в Огородниках. Она зафиксирована в переписи 1638 года: «Немецкой приходной двор, на нем ропота, в нем живет пономарь немецкой стар и увечен, ружья нет». Рядом с ним находился «двор немецкого попа, а в нем с людьми его 3 человека; у них 2 пищали». Та же перепись отмечает в Огородной слободе дворы служилых иноземцев, а за Земляным городом, между Мельничной и Сыромятной слободами, целую иноземную слободу, состоявшую из пятидесяти одного двора.

На территории Белого города была возведена еще одна кирха, пастором которой стал учитель Яков Нигенборг (Нейенберг). Наконец, третья, кальвинистская церковь существовала рядом с двором промышленника Петра Марселиса у Поганого пруда. В переписи 1638 года о ней сказано: «Покровской сотни двор немецкой мирской; живет немецкий поп Индрик».

В 1643 году священники и служители церквей Николы в Столпах и Космы и Дамиана на Покровке и еще девяти приходских храмов подали жалобу на «немцев», которые «в их де приходех на своих дворах близко церквей поставили ропаты (кирхи. — *С. III.*), и русских людей немцы у себя во дворах держат, и всякое осквернение русским людем от тех немец бывает, и те немцы, не дождався государева указа, покупают дворы в их приходех вновь, и вдовые немки, и держат у себя в домех всякие корчмы, и многие де прихожане, которые у них в приходех живут, хотят свои дворы продавать немцам, потому, что немцы покупают дворы и дворовые места дорогою ценою, перед русскими людами вдвое и болши, и от тех немец приходы их пустеют». В ответ на это челобитье власти распорядились снести лютеранские кирхи на Покровке и в Огородной слободе, кальвинистскую кирху у Поганого пруда, а также запретить иностранцам покупать дворы у русских. Напрасно доктор Иван Белау и его товарищи били челом царю, пытаясь убедить его, что церковь не угрожает православным: «О том дворе челобитчиков, и близ его русских храмов нет, кругом всё огороды», — кирхи сломали.

Олеарий оставил любопытное свидетельство о причинах ликвидации кирхи в Белом городе: «Когда перед тогдашней осадой Смоленска немецкие военные офицеры женились на купеческих служанках, то эти последние как жены капитанов и поручиков уже более не хотели сидеть ниже бывших своих барынь. Жены же купцов полагали, что было бы постыдно для них, если бы те, кто недавно были их служанками, стали сидеть выше, чем они сами. Вследствие этого в церкви поднялся большой спор, который, в конце концов, перешел в драку. Патриарх в это время проезжал мимо церкви, увидел свалку и спросил о причинах ее. Когда ему со-

общили, что это в немецкой церкви идет спор из-за мест, он сказал: “Я полагал, что они будут приходить в церковь с благоговейными мыслями для совершения своего богослужения, а не ради высокомерия”. После этого он приказал, чтобы тотчас церковь была сломана, и, действительно, в тот же день она была разрушена до основания»⁴⁵⁸.

Правда, перед приездом королевича Вольдемара русское правительство, стремясь показать себя с лучшей стороны, разрешило построить кирху на бывшем огороде Н. А. Зюзина за Земляным городом, между Фроловскими (Мясницкими) и Покровскими воротами⁴⁵⁹.

Расселение западноевропейцев в восточной части города обусловило создание «немецкой» слободы на Яузе, неподалеку от того места, где она находилась до Смуты. Иноземная (Новая Немецкая) слобода была образована по указу царя Алексея Михайловича от 4 октября 1652 года. Выше уже говорилось, что слобода была четко распланирована дьяками Земского приказа — «служилые иноземцы» получили дворы разной площади в зависимости от служебного положения. На земли слободы были перевезены деревянные дома и другие постройки, возведены и три церкви — две лютеранские и голландская реформатская. Слобода расположилась между реками Яузой, Ольховцом и Чечорой. Через нее протекал ручей Кокуй (Кукуй), который дал еще одно название слободе. Наименование слободы носило оскорбительный характер, что вызвано явным созвучием топонима с известным матерным словом.

На это прямо указывает Олеарий: «Это место лежит на реке Яузе и получило название Кокуй по следующей причине. Так как жены немецких солдат, живших там, видя что-либо особенное на мимо идущих русских, говорили друг другу: “*Kuck! Kucke hie!*”, т. е. “Смотри! Смотри здесь!”, — то русские переменили эти слова в постыдное слово: “х..й, х...й” (что обозначает мужеский член) и кричали немцам, когда им приходилось идти в это место, в виде брани: “Немчин, мчись на х...й, х...й”, т. е. “Немец, убирайся на...” и т. д. По этому поводу к его царскому величеству была направлена жалостливая челобитная: они, немцы, видят, что в настоящее время, бе-

зо всякой причины, подвергались они поношению со стороны русской нации и, несмотря на верную службу свою и доброе расположение, выказанные перед его царским величеством и его подданными, тем не менее, на улицах, со стороны разных оборванцев, встречают и слышат вслед столь постыдные слова. Они просят поэтому его царское величество, чтобы он, по похвальному примеру предков своих, принял их под милостивейшую защиту свою и оберегал от таких поносителей и т. д. После этого его царское величество велел публично объявить следующее: «Кто с этого дня будет кричать подобные слова, хотя бы вслед самому незнатному из немцев, тот, безо всякого снисхождения, будет наказан кнутом»... Действительно, несколько человек нарушителей этого запрета были так наказаны, что ушли домой с окровавленными спинами. Теперь немцы освободились от этих позорных криков вслед»⁴⁶⁰. Олеарий прав, когда связывает дразнилку немцев с матерной бранью, но ошибается, говоря о ее полном запрете. Несмотря на то, что за «задоры и брани» с иноземцами действительно наказывали, издевательский клич «Кыш на Кукуй!» или «Шиш на Кукуй!» продолжал бытовать вплоть до конца XVII столетия.

Первоначально Немецкая слобода не сильно отличалась по внешнему облику от деревянных русских городов. Однако к концу XVII века, когда здесь появилось значительное количество каменных зданий, она приобрела черты, сближавшие ее с западноевропейскими городами. В 1686—1694 годах все три протестантских храма были отстроены в камне. «Основавшись там, — пишет об обитателях слободы Таннер (1678), — они сохранили ненавистный москвитянам порядок на образец германских городов при сооружении и умножении домов, которые они строили красиво и расчетливо... При каждом доме есть хорошо содержимый сад, засаженный латуком и цветами, хотя это и дает повод москвитянам смеяться»⁴⁶¹. В слободе было три рынка — Большой (Верхний), Средний (на нем находилась съезжая изба) и Нижний; на улицах стояли кабаки, харчевые избы, лавки и шалаши, типичные для всей Москвы. В 1665 году в слободе было 206 дворов, в 1702-м — 336.

По подсчетам В. А. Ковригиной, население слободы составляло примерно 1200 человек в 1665 году и около 2500 человек в первой четверти XVIII века — всего два процента от общего числа жителей Москвы⁴⁶².

Указ об образовании слободы перечислял основные категории ее населения: «служилые немцы» (офицеры полков «иноземного строя»), доктора, аптекари, мастера, торговцы. Больше всего было военных. Из 206 дворов, переписанных в 1665 году, 126 принадлежали штаб- и обер-офицерам, 32 — офицерским вдовам, 14 — сиротам. Преобладание военных накладывало особый отпечаток на жизнь слободы. Будничным делом были дуэли, тем более что удаленность от властей позволяла скрывать эти эксцессы. Шотландец Патрик Гордон в дневниковой записи от 25 октября 1662 года упомянул аж о трех дуэлях: на одной полковник Штрасбург убил обидевшего его полковника Лицкина (правда, дуэль происходила в Севске); другая произошла за Яузой, и ее участники вернулись «с честью и целыми шкурами»; наконец, третья дуэль не состоялась, так как ее участников помирил сам Гордон. Через четыре года влип в историю и он — стрелялся с майором Монтгомери. Оба дуэлянта промахнулись, и было решено сразиться холодным оружием, но возникла заминка, а на другой день противников помирили. Еще об одной дуэли упоминает Иоганн Корб⁴⁶³.

Однако далеко не всегда конфликты в слободе решались «судом чести». Грубость нравов, свойственная наемникам, усугублялась при соприкосновении с бытовой агрессией, царившей на московских улицах и в домах. Брань, кулачные расправы, нанесение увечий — всё это было одинаково распространено и в слободе, и в Москве в целом. В 1659 году один капитан, заманив к себе другого, жестоко избил его, а когда тот стал жаловаться, ложно обвинил в попытке совершить насилие над его женой. Причиной инцидента стала вражда по службе. Спустя несколько дней генерал-майор Друммонд также зазвал в свой дом купца Карла Коля и вместе со слугами избил батогами за то, что он непочтительно отзывался о шотландцах. В том же году некая генеральша изувечила свою служанку — та «не хотела уступить

своей хозяйке по части распутства или, по крайней мере, до известной степени подражала ей»⁴⁶⁴.

Частыми были и конфликты между «немцами» и москвичами, зачинщиками которых являлись как русские, так и иноземцы. В ночь на 3 сентября 1651 года шведский резидент К. Поммеринг «скакал из гостей пьян» и напал на спешивших на пожар «для унятия и брежения» боярина князя А. Н. Трубецкого и стрелецкий караул. Трое стрельцов получили ранения, причем двое были ранены тяжело. Ночью 14 января 1678 года англичане из свиты посланника И. Гебдона подрались в Немецкой слободе со стрелецким караулом. Дворянина Ивана Пазухина иноземцы «тащили по земли, и били, и за волосы драли», а стрельца Андрея Нестерова застрелили из пистолета. В обоих случаях царь не решился покарать преступников, обладавших дипломатическим иммунитетом, и просил монархов Швеции и Англии «достойное учинить наказание»⁴⁶⁵.

Другие столкновения заканчивались не столь трагично. В 1659 году майор фон Зален, напившись у датского посланника, возвращался домой и по дороге, решив «пошутить» над торговцем, бросил в того несколько яиц, запачкав ему лицо и одежду. Набежавшие торговцы отлупили майора и его слугу, которых спасли от дальнейшего избиения стрельцы. 8 июля 1677 года англичанин Чарлз Гердон, поругавшись на Балчуге со стрельцом, выхватил шпагу, но, получив поленом по голове, бросился наутек от разъяренной толпы русских и нашел спасение у стрелецкого караула. Материалы этого дела свидетельствуют, что поводом к драке стали выкрикнутые кем-то слова: «Шиш на Кукуй!» Бывало, иностранцы становились невинными жертвами. Так, 9 октября 1685 года на Мясницкой улице на карету датского резидента А. Бутенанта фон Розенбуша напали с палками и дубинами люди стольника Б. К. Пыжова, при этом слуг дипломата побили, а его самого «безчестили и оскорбляли»⁴⁶⁶.

Поддержанием порядка в слободе были озабочены и московские власти, и сами жители. В январе 1658 года тамошние купцы жаловались царю, что «у них учало в слободе от служилых иноземцев и от всяких прихожих

людей воровство большое, людей их грабят, побивают до смерти, и из слободы де им в город рано и из города поздно ездить страшно, и московским и их торговым людям для расплаты в товарных денгах ходить к ним опасно ж», и просили «их от таких людей оберечь». Царь указал дворянину Василию Кузьмичу Безобразову организовать в слободе охрану порядка согласно установленным в Москве правилам: «...в всех улицах и переулках со всех сторон для брежения ото всякого воровства велено учинить решетки», «учинить в Немецкой слободе з дворов сторожи з десяти дворов по человеку», «да и самому ему будучи в Немецкой слободе, ездить по слободе по часту и смотреть, и беречь того на крепко: что б в той Новой Немецкой слободе отнюдь никакого воровства и душегубства, и поединков, и корчмы, и блядни не было». Естественно, в число запретов входили также курение и нюханье табака⁴⁶⁷. Как мы знаем, караулы в слободе были учреждены, что, однако, не являлось гарантией тишины и спокойствия. Так, 13 сентября 1671 года жена голландца Адольфа Гутмана «иноземка Сарка Антонова» жаловалась на «неведомо каких воровских людей», поджегших и разграбивших ее дом⁴⁶⁸.

В наказе В. К. Безобразову и его преемникам правительство особо подчеркивало необходимость следить за соблюдением установлений Соборного уложения, запрещавших службу у «немцев» православных людей. Такие случаи были далеко не редкими. Сохранилось несколько дел, связанных с жалобами русских слуг на религиозные притеснения со стороны хозяев-иноземцев. «К церкви не отпускает», «в постные дни» «сквернит» своими яствами и хочет привести «в немецкую веру» — таков их стандартный набор. В свою очередь, бывшие господа всячески отреклись от приписываемых им деяний, объясняли доносы злобой нерадивых слуг. Представляется, что правду говорили иноземцы, поскольку, прекрасно зная о жестоком наказании, грозившем тому, кто в России покусится на православие, они вряд ли стали бы принуждать слуг к перемене веры или притеснять их в религиозном отношении.

Центром слободского управления и самоуправления была съезжая изба. Здесь находился противопо-

жарный инвентарь, хранились «цепи одношейные да железа ножные» для преступников. Распространение на слободу власти объезжего головы встретило серьезное сопротивление иноземцев, добивавшихся подсудности только Посольскому приказу. В результате к концу XVII века здесь сложилась своеобразная система управления. С 1695 года всеми делами в съезжей избе ведал полковник-иноземец, назначавшийся из Военного приказа, а для несения караула в его подчинение командировались 20 солдат и капрал. Зачастую в конфликтах с представителями московской администрации полковник «укрывал» и «не выдавал» жителей Немецкой слободы. Наряду с представителем центральной администрации в управлении слободой участвовали и «знатные люди», выборные от населения. По всей видимости, они же занимали первенствующее положение и в трех церковных общинах слободы.

Как уже говорилось, в слободе существовали три храма — два лютеранских и один реформатский. Община лютеранской кирхи Святого Михаила, основанная еще в первой половине XVII столетия иноземными купцами, именовалась «старой» или «купеческой». Вторая кирха, Петра и Павла (ее каменное здание было заложено в 1694 году в присутствии царя Петра I), объединяла «новую» или «офицерскую» общину. Впоследствии «офицерская» распалась на две и по инициативе энергичного генерала Николая Баумана была построена еще одна кирха, пастором которой стал Иоганн Готфрид Грегори, сыгравший впоследствии значительную роль в создании русского театра. Реформатская кирха именовалась также голландской. С 1692 года в Немецкой слободе было разрешено и католическое богослужение. Главное кладбище слободы было единым для всех исповеданий⁴⁶⁹.

Наконец, следует сказать о национальном составе слободы. Большинство ее жителей были выходцами из германских земель. Вероятно, на втором месте находились шведы и голландцы. Жили в слободе также датчане, англичане, шотландцы, ирландцы, значительно меньше было французов и итальянцев.

Немецкая слобода и ее жители оставили и более за-

метный след в истории Москвы, нежели уличные драки и стычки. Повседневное общение москвичей с носителями иных культурных традиций подготовило почву для восприятия Петровских реформ, развернувших Россию в сторону Запада. Далеко не все москвичи считали иноземцев «погаными» и сторонились их. Русские аристократы бывали в домах генералов и полковников в слободе, а те, в свою очередь, посещали их усадьбы. Например, зимой 1678 года, когда проводилось следствие по убийству стрельца в слободе, один из опрашиваемых, ротмистр И. И. Март, заявил, что ничего не может сообщить о происшествии, поскольку в тот вечер был в гостях у стольника князя Михаила Волконского⁴⁷⁰.

Западное влияние успешнее всего распространялось в России через бытовую культуру — мебель, посуда, картины, гравюры и даже одежда из Европы были широко распространены в домах московских бояр и дворян. По свидетельству Олеария, двоюродный брат царя Михаила Федоровича боярин Н. И. Романов часто выезжал на охоту в «немецком платье». Да и сам Алексей Михайлович царевичем для «потехи» наряжался в иноземное платье, а уже будучи государем, в 1660 году велел прислать себе из-за границы «кружев, в каких ходит шпанский король и французский, и цесарь». При его дворе носили польские ферезеи (не путать с ферязью)* и «турские» (турецкие) кафтаны, однако более радикальные перемены в одежде запрещались. В 1675 году царь выпустил указ, предписывавший дворянам, «чтобы они иноземских немецких и иных извычаев не перенимали, волосов у себя на голове не постригали, тако ж и платья, кафтанов и шапок с иноземских образцов не носили, и людем свои потомуж носить не велели». Поводом к появлению этого указа стало поведение стольника князя Андрея Михайловича Кольцова-Мосальского, который «на голове волосы у себя постриг», за что был понижен в чине — переведен в жильцы. Следование князя западноевропейской моде легко объяснимо — его отец, по

* Ферязь (от тур. фередже) — верхняя одежда длиной почти до лодыжек, без перехвата и воротника, с суживающимися к запястьям рукавами и застежкой спереди на пуговицы с длинными петлицами или завязками; ферезея — имела аналогичный покрой, но надевалась на ферязь сверху.

свидетельству голландского посланника Кунрада фон Кленка, жившего и торговавшего в Москве, был тому «брат названной, пивали и едали вместе по многие времена в дому боярина Никиты Ивановича Романова»⁴⁷¹.

В 1680 году царь Федор Алексеевич выпустил первый в отечественной практике указ о регламентации придворной одежды: «...с 24 числа (октября. — С. III.) носить служивое платья фerezей и турские, и долгополые кавтаны, а бешметов и коротких ковтанов отнюдь не носить». Было велено «отставить» также охабни и однорядки — верхнюю долгополую одежду. Очевидно, что главный смысл указа состоял не в том, чтобы ориентировать московскую знать на ту или иную культурную традицию, а во введении единообразия придворного платья⁴⁷². При этом сам придворный костюм при Федоре Алексеевиче подвергся влиянию и с Запада, и с Востока, сохранив при этом традиционную основу.

Весьма существенным было влияние западноевропейцев на военное дело в Московском государстве. Они служили офицерами в полках «иноземного строя», численность которых на протяжении XVII века постоянно увеличивалась, пока к концу столетия не достигла более половины от общей численности российской армии. При Петре I полки «иноземного строя» стали основой для формирования регулярной армии, а военные из Немецкой слободы — ее создателями. Оттуда вышли многие сподвижники царя-реформатора, сыгравшие большую роль не только в военной, но и в иных сферах — в науке, просвещении, промышленности: военачальник и дипломат Ф. Я. Лефорт, генерал и контр-адмирал П. И. Гордон, ученый-энциклопедист и фельдмаршал Я. В. Брюс, врач и первый президент Академии наук Л. А. Блюментрост, придворный медик Петра I Н. Бидлоо, промышленник И. Тамес и др.

В Немецкой слободе берет начало история русского театра. В 1672 году любимец царя Алексея Михайловича Артамон Матвеев организовал в «комедийной хоромине» в Преображенском представление «Артаксерксова действия» (по сюжету библейской книги Эсфири). Режиссером выступил пастор Грегори, актерами — «немцы» и русские. Царь был в восторге от представления,

щедро наградил его участников и приказал создать постоянную театральную труппу, для которой закупили за границей музыкальные инструменты и создали богатые декорации⁴⁷³.

Мещанская слобода

Рассказ об иноземных поселениях в средневековой Москве будет неполон без упоминания еще одного уникального культурного центра, располагавшегося за городской чертой, — Мещанской слободы. Ее историю, устройство, внутреннее управление, нравы и быт жителей подробно изучил выдающийся историк Москвы С. К. Богоявленский⁴⁷⁴. Эта слобода возникла в результате русско-польской войны 1654—1667 годов. Когда царские войска вступили на территорию Белоруссии, царь издал указ, призывавший население «итти на его великого государя имя». Многие православные жители Речи Посполитой, с восторгом встречавшие русских, воспользовавшись этим указом, переселились в Россию. Наряду с добровольными переселенцами было много пленных — офицеров, солдат, мирных жителей.

Судьба жителей белорусско-литовских городов (они именуются «мещанами» от польских слов *miasto* — город, *mieszczanin* — горожанин) была определена мирными договорами 1667 и 1672 годов. Желавшие возвращения на родину могли вернуться; те же, кто хотел остаться в России, могли оставаться. Так в Москве образовалась крупная колония выходцев из Речи Посполитой — белорусов, литовцев, поляков, евреев. В начале 1671 года за Сретенскими воротами Земляного города была образована Мещанская слобода, в которую царскими указами свели всех выходцев из белорусско-литовских земель, ранее живших в слободах Москвы, а также в других русских городах и уездах. В документах того времени слобода также называется Новомещанской. В XVIII — начале XX века территорию бывшей Мещанской слободы занимали параллельные 1-я, 2-я, 3-я и 4-я Мещанские улицы, в настоящее время это проспект Мира, улицы Гиляровского и Щепкина и Мещанская улица.

Слобода была многолюдной. Не полностью сохранившиеся результаты первой переписи 1676 года зафиксировали в ней 570 дворов. По переписи 1684 года в слободе было 692 двора⁴⁷⁵.

Большинство жителей слободы занимались торговлей; правда, вполне возможно, что они сами и производили товары, которыми торговали, и, следовательно, были одновременно и ремесленниками. Жители слободы сбывали свою продукцию в торговых рядах на Красной площади и около нее. В двух Мещанских рядах, располагавшихся у Нового гостиного двора и на Ильинке, были лавки двадцати одного мещанина. Еще 26 мещан торговали в Мучном и Ветошном рядах. От одного до шести торговцев стояли в Москательном, Житном, Игольном, Шапочном, Шелковом и других рядах. Кроме того, мещане-торговцы встречались и в других частях Москвы — на Болоте они продавали хлеб, на Неглинной — мясо. Многие торговали «походячим товаром» (вразнос): закусками, яблоками, орехами, хлебом. Были среди «походячих» и продавцы предметов роскоши. Двое мещан ходили по боярским дворам с «каменьем и жемчугом».

Ремесленники Мещанской слободы работали для царского двора, по заказам москвичей и для слобожан. Среди слобожан были серебряники, кузнецы, золотых дел мастера, портные, сапожники, скорняки, гончары, свечники, мыльники, хлебники, печники, плотники, сабельники, в том числе мастера высокой квалификации. Например, Ян Граковский изготавливал серебряные изделия с чернью для государя и имел весьма высокий оклад — десять рублей в месяц. Другие мастера до переселения в слободу состояли в государевой Серебряной палате, куда брали только лучших профессионалов. Ремесленные навыки мещане передавали своему окружению. В документах часто встречаются указания, что тот или иной ремесленник «жил меж своей братьи» и научился мастерству.

Особенностью слободы было наличие в ней представителей свободных профессий. Одним из ее жителей был Иван Федорович Волошенинов — учитель и руководитель актерской труппы, заменившей артис-

тов из Немецкой слободы. Она состояла в основном из юношей и мальчиков. В 1673 году «в учение комедии» было набрано 26 человек из слободы, в 1674-м — 50, а в 1675 году — 70 человек. Они получали кормовые деньги — в день по копейке, а Волошенинов — пять копеек. Участвовали актеры не только в драматических представлениях. Инженер Николай Лима поставил балет, для которого мещанским мальчикам были пошиты платья немецкого покроя, украшенные красными и зелеными шнурами и золотым шитьем. После смерти царя Алексея Михайловича придворный театр был закрыт и молодежь Мещанской слободы освобождена от этой своеобразной придворной службы.

Слобода была подведомственна Посольскому приказу. Как и в Немецкой слободе, в ней сосуществовали центральное управление и самоуправление. От лица центральной власти слободой управлял служилый человек — дворянин. С 1684 года им был стольник Петр Петрович Жадовский, близкий к правителю государства князю В. В. Голицыну. Наказы дворянам, управлявшим слободой, демонстрируют стандартный набор их обязанностей: сбор пошлин «с питейных явок и работничьих записей», суд и расправа, противопожарные меры, наблюдение за порядком, в частности за тем, чтобы москвичи не ездили сюда «без дела». Дворянин решал далеко не все судебные дела — расследование уголовных преступлений и дел о нанесении крупного ущерба велось в Посольском приказе. Злоупотребления, присущие всей системе управления в Московском государстве, наблюдались и в слободе. Дворянин часто практиковал бессудную расправу, был груб и жесток. Житель слободы Юрий Евреинов жаловался на стольника И. Н. Тараканова, державшего на цепи и бывшего батогами в съезжей избе его сына Феодосия. Делу дали ход и изъяли всю семью Евреиновых, занимавшую значительное положение в слободе, из-под юрисдикции Тараканова, подчинив напрямую Посольскому приказу. Правда, бедствий семейства такое решение не прекратило — вскоре Евреинов снова пожаловался, что его сына насильно держали в съезжей избе.

Самоуправление в слободе существовало в виде мир-

ского схода и выборных лиц — старост, окладчиков (они составляли окладные книги, по которым взималось тягло) и сборщиков (собирали деньги «по окладу»). Мирской сход представлял собой собрание жителей, однако далеко не всех, а «лучших», «пожиточных» и «добрых», плативших значительные суммы податей. Помощниками старосты в наведении порядка были десятские — представители (неясно, выборные или назначаемые) от каждого десятка дворов. Исполняя обязанности по управлению слободой, староста и другие должностные лица часто вступали в конфликты со слобожанами. Преследуя корчемство и контрабанду табака, надзирая за соблюдением противопожарных мер, наводя порядок на улицах, старосты часто слышали в свой адрес «скаредную брань» и, не имея возможности справиться с буйными слобожанами, жаловались в приказ. В свою очередь, жители слободы били челом на старост, злоупотреблявших своим положением — присваивавших окладные деньги, незаконно распоряжавшихся слободским имуществом. Впрочем, такие жалобы были редки, поскольку в старосты обычно выбирали людей наиболее уважаемых и солидных. Напротив, известны случаи, когда староста вносил собственные деньги, если не мог собрать достаточную сумму со слобожан. Служба старосты не оплачивалась ни государством, ни «миром». К тому же, занятый делами управления, староста запускать собственные дела и хозяйство его приходило в упадок. Так, староста Игнатий Алексеев жаловался, что «за слободским всяким делом ходил и, ходя за тем, оскудал, и одолжал великим долгами, и промыслу своего отбыл». Другой староста, Степан Холщевник, влез в долги ради решения слободских дел и оказался банкротом. Поэтому старосты обычно работали по году — с 1 сентября. Не только в старосты, но и в другие выборные лица городского управления слобожане не рвались, а напротив, стремились уклониться от исполнения этих обязанностей, чреватых ссорами с соседями, ответственностью и потерей времени.

В 1672 году в слободе был построен храм во имя Святых Адриана и Наталии. Святая Наталия была покровительницей царицы Натальи Кирилловны Нарыш-

киной — воспитанницы А. С. Матвеева, покровителя иноземцев, в том числе мещан. Слобожане щедро украсили свой храм. Когда спустя два года церковь ограбили, воры вынесли из нее драгоценные оклады, прикладные кресты и камни на сумму 160 рублей. В 1688 году деревянный храм сгорел, и на его месте возвели каменный, освященный уже во имя апостолов Петра и Павла, один из которых был святым патроном юного царя Петра I. В этом храме служил священник Иван Фомин, ранее бывший настоятелем церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы в Барашах и создавший при ней школу. Ее здание было на средства мещан разобрано и перевезено в их слободу (жители Барашевской слободы отказались его выкупить и сами предложили вывезти). Учителем в этой школе был уже упоминавшийся Иван Волошенинов. В те времена учебное заведение, содержавшееся на средства слободского мира, было редкостью. Известны также еще две слободские церкви — Апостола Филиппа и Преподобного Сергия Радонежского на Трубе (по главному престолу — Святой Троицы), существовала и богадельня.

К концу XVII века слобода значительно пополнилась выходцами из коренных российских территорий. Постепенно разрушался традиционный слободской уклад, а сами жители начинали забывать о своем «иноземском» происхождении. Один из них, мещанин Василий Самойлов, даже был арестован за то, что называл иноземцев «шишами» и чинил с ними «задоры и брани». Буйный патриот был наказан батогами.

Параллельно с развитием Мещанской слободы шел процесс слияния слобод и сотен в единое пространство посадской Москвы. Уже при создании слободы властям не удалось собрать в нее всех мещан, многие из которых к тому времени уже обжились в других слободах и платили там тягло. Общее единство посадского мира осознавали и сами мещане. Один из них, обвиненный (1692) в том, что пишет тяглом разных слобод, отвечал, что «то-де ему не улика», поскольку он «посадских человек, а не гулящий и тягло и всякие подати, также промыслу своего подати в казну великих государей платит»⁴⁷⁶. Городская реформа 1699 года стала важным

шагом на пути уничтожения слободского устройства и введения единого финансового управления в городе. В первой половине XVIII века земли слободы стали покупать и застраивать купцы, дворяне, ремесленники, а в 1785 году термин «мещане» был распространен на всех городских обывателей «среднего рода», то есть не зажиточных.

Сердце всероссийской торговли

Огромный торг, занимавший значительную часть московского посада, уже в XV веке стал одной из главных достопримечательностей города. Его изобилие и разнообразие вошли в народные пословицы. Говорили, что в Москве найдешь всё, кроме птичьего молока, и желали: «Что в Москве на торгу, чтобы у тебя в дому»⁴⁷⁷.

Главным центром московской торговли была Красная площадь, которая, как говорилось выше, до последней трети XVI века именовалась Торгом. Огромное торжище под стенами Кремля описано многочисленными свидетелями-иностранцами, которых поражало здесь всё — и обширность торговых рядов, и разнообразие товаров, и строгий порядок размещения каждого товара в своем ряду.

Когда образовалась торговая площадь перед Кремлем, не вполне ясно. Первое летописное упоминание о Торге на посаде относится к описанию пожара 1493 года⁴⁷⁸. Венецианец Амброджио Контарини, побывавший в Москве в 1475—1476 годах, ничего не говорит о торговле перед стенами московской крепости, а повествует о торге на льду Москвы-реки: «В конце октября река, протекающая через город, вся замерзает; на ней строят лавки для разных товаров, и там происходят все базары, а в городе тогда почти ничего не продается. Так делается потому, что место это считается менее холодным, чем всякое другое: оно окружено городом со стороны обоих берегов и защищено от ветра. Ежедневно на льду реки находится громадное количество зерна, говядины, свинины, дров, сена и всяких других необходимых товаров... К концу ноября обладатели коров и свиней бьют

их и везут на продажу в город. Так цельными тушами их время от времени доставляют для сбыта на городской рынок, и чистое удовольствие смотреть на это огромное количество ободранных от шкур коров, которых поставили на ноги на льду реки»⁴⁷⁹.

Впрочем, Контарини был в Москве осенью и зимой, когда вся торговля переносилась на лед Москвы-реки. Странно, что о московском торге ничего не говорит такой внимательный наблюдатель, как С. Герберштейн, посещавший столицу России в 1517 и 1526 годах. В летописях Торг начинает периодически упоминаться с самого начала XVI века — под 1508, 1514, 1533, 1534, 1536 и другими годами. Первое его описание дает немец-опричник Генрих Штаден: «На каждой из торговых улиц имеется один товар. Вдоль площади перед крепостью шли одни торговые улицы». Очевидно, что «торговыми улицами» Штаден именовал деревянные крытые (это видно на планах) ряды. Поляк Самуил Маскевич, еще заставший московский торг до страшного пожара 1611 года, пишет: «Трудно вообразить, какое множество там лавок: их считается до 40 000; какой везде порядок (для каждого рода товаров, для каждого ремесленника, самого ничтожного, есть особый ряд лавок, даже цирюльники бреют в своем ряду)»⁴⁸⁰.

Торговые ряды быстро возродились после «Московского разорения» и крупных пожаров XVII века. С. К. Богоявленский собрал по различным документам сведения о 110 рядах. Размеры лавок должны были быть стандартными — две сажени в ширину и две с половиной в глубину. При этом многие торговцы владели половиной или даже четвертью лавки. Так, согласно переписи 1701 года, владельцами целой лавки были 189 торговцев, половины лавки — 242, а трех четвертей лавки — 77 человек. Даже целые лавки казались иностранцам маленькими. Швед Иоганн Кильбургер, составивший в 1676 году специальный трактат о русской торговле, писал: «Всякий, без сомнения, должен признать славу города Москвы и согласиться, что в нем так много лавок, как и в некоторых других европейских городах, хотя большая часть из них так малы и узки, что купец часто едва может надлежащим образом повернуться

между своими товарами». Тот же автор в другом месте замечает, что в Москве находится более лавок, чем в Амстердаме или «целом княжестве», но они так малы, что «из одной амстердамской лавки можно сделать десять и более московских»⁴⁸¹. Помимо лавок торговля на Красной площади, прилегающих территориях и других площадях и улицах Москвы велась в менее благоустроенных точках — шалашах и «местах скамейных», также делившихся между продавцами, не говоря уже о торговле вразнос.

Более чем в трети рядов торговали съестным — Свежем, Живом и Просольном Рыбных, Масляном, Селедном, Луковом, Чесноковом, двух Медовых, двух Овощных, Хлебном, Калачном, Ветчинном, Уксусном, Соляном, Пирожном, Яблочном, Дынном, Огуречном, Ягодном, Капустном... Особые места на «скамьях без кровель» были выделены для торговли «белой рыбицею», «паровыми селдми», «столовыми колачами», гречневиками, клюквой, молоком, сметаной, квасом и прочей едой и питьем, с которыми, однако, было запрещено ходить по рядам. Впрочем, коробейники, державшие свой товар в коробьях, нарушали эти запреты, торгуя вразнос и на Красной площади, и в рядах.

Ремесленные изделия можно было купить в Скобяном, Замочном, Саадашном (саадак состоял из лука и колчана со стрелами), Седельном, Игольном, Самопальном (ружейном), Железном, Судовом, Котельном, Красном Сапожном, Сапожном, Ирошном*, Подошвенном, Коробейном, Лубяном и др. Одежду продавали в Кафтанном, Манатейном (торгующим монашескими рясами), Чулочном, Колпачном, Рукавичном, Треушном, Войлочном и иных; ювелирные изделия — в Золотом, Серебряном, Жемчужном, Монистном. Товары для поддержания чистоты и освещения дома продавались в Мыльном, Свечном и Восковом рядах. Еще в 1547 году упоминается Москотильный (Москательный) ряд, где торговали веществами, необходимыми для окрашивания ткани. Были, наконец, и совсем экзотические ряды. В Зольном торговали золой в лукошках, применявшей-

* В Ирошном ряду торговали иргой (польск. *ircha* — замша от лат. *bircus* — козел) — дублеными козьими или овечьими шкурами, выделанными наподобие замши.

ся в качестве удобрения; правда, неясно, почему ее покупали при обилии печей. В Белильном москвички могли приобрести белила и румяна. Целых девять лавок было в Орешном ряду. В Потешном ряду продавали игрушки, в Фонарном — фонари, в Польском — иноземные товары⁴⁸².

Торговые ряды (включая и каменные), лавки, шалаши, скамьи занимали более половины Красной площади, улицы и крестцы Китай-города. На мосту у Спасских (Фроловских) ворот торговали книгами. На Никольскую выдвинулись Ножовый и Иконный ряды. На Ильинке расположился Вшивый рынок, на котором стригли и брили. По сообщению Олеария, «он так устлан волосами, что по ним ходишь, как по мягкой обивке». «Шагу не сделаешь без того, чтобы не наступить, точно на подушку, на крайне грязную их кучу», — вторит ему Таннер. На Торгу стояли десятки извозчиков, о которых С. Маскевич пишет: «Кто захочет быть в отдаленной части города, тому лучше нанять извозчика, чем идти пешком: за грош он скачет как бешеный и поминутно кричит во всё горло: Гис, гис, гис!; а народ расступается в обе стороны. В известных местах извозчик останавливается и не везет далее, пока не получит другого гроша»⁴⁸³.

Торг на Красной площади во всей его красе описал во второй половине XVII века курляндец Яков Рейтенфельс:

«Перед царским дворцом... простирается четырехугольная площадь, на которой стоят несколько пушек необыкновенной величины, поставленные на кирпичных подмостках, близ которых находится храм Св. Иерусалим (Покровский собор. — С. III.) изящнейшей постройки. Здесь и на соседних площадях постоянно производится торговля съестными припасами и иными предметами, необходимыми в жизненном обиходе, при густейшем стечении народа. К этому рынку примыкает другой, полукругом расположенный, тянувшийся почти на полмиллиария*, где лавки для разного товара устроены так, что каждый отдельный, какой угодно, то-

* Миллиарий (лат. *milliarium*) — римская миля, мера длины, равная тысяче двойных шагов (14 835 метров).

вар выставлен для продажи только в назначенном для него месте. Так, например, в одном месте видишь шелковые ткани, в другом — шерсть, в третьем — полотно; в одном — золотые и серебряные вещи и драгоценные камни, в другом — благовония, в третьем — иностранные вина, причем до двухсот погребов расположено в ряду под землю, в четвертом — разные иного рода напитки, приготовленные из меда, вишен и других ягод. Одним взглядом можно увидеть здесь в одном месте дорогие меха разного рода, в другом — колокола, топоры, подсвечники и иные металлические изделия, в третьем — ножи, рукавицы, чулки, ковры, завесы и разные ткани. Особый ряд занимают масло, сало и ветчина, особый — свечи и воск, особый, наконец, разные изделия из дерева. В кожаном ряду лежат кожаные изделия: вожжи и прочая конская сбруя, в меховом — шубы и шапки. В одном месте выставлены лечебные разные зелья и травы, в другом — запоры, ключи, гвозди, далее — шелк нитками, канитель, украшения для девиц, браслеты — всё в особом месте. Также продаются, каждое в своем особом месте рынка, и обувь, и поножи, и хмель, и ячная крупа, и рыба соленая, и сено, и овес. Не говоря уж о многом другом еще, и муке, и зерновому хлебу, и иным всякого рода вещам, и чинящим обувь, и низеньким лавочкам цирюльников — всему точно определен свой ряд, и все они прекрасно и удобно расположены так, что покупателю дается полная возможность выбрать наилучшее из всех, собранных в одном месте, тех или других товаров. Немало увеличивает красоту рынка то, что на нем нет ни одного жилого помещения, дабы таким образом держать огонь, сильно свирепствующий обыкновенно в этом городе, как можно далее. По этой же причине рынок тщательно оберегается сторожами, и те мастера, кои работают с огнем, живут в отдаленном от рынка месте»⁴⁸⁴.

Кильбургер отметил любопытный по своей специализации «птичий рынок», недалеко от «замка и Земского приказа», «на котором имеются в продаже разные живые птицы: глухари, тетерки, рябчики, пиголицы (чибисы. — *С. Ш.*), чайки-рыбалки, соколы, перепелки, соловьи, жаворонки, щеглы и т. д., а также куры, голуби, гуси, утки и живые кошки»⁴⁸⁵.

Помимо Красной площади торговля широко велась по всей территории Китай-города, на главных улицах и крестцах. Немало было торгов и торжков и в Белом городе. На Соляном дворе велась бойкая торговля рыбой, на Неглинной — мукой, зерном, дичью, здесь же стояли и «харчевые лавки». О рыбном торге иностранцы оставили далеко не лучшие отзывы. И. Кильбургер в 1674 году свидетельствовал: «В Москве есть длинный рынок исключительно с солеными рыбами всякого рода, особенно лещами, окунями и т. д. Об этом рынке справедливо сказать, что говорят и об островах Мадагаскар и Цейлон, а именно, что такие места можно раньше обонять, чем видеть. Смрад здесь так велик, что все иностранцы должны из-за этого затыкать нос, русский, напротив того, совсем не замечает такого сильного смрада и чувствует себя хорошо». Р. Ченслер добавляет: «Да и нет такой вонючей и тухлой рыбы, которую бы они ни ели и ни похваливали, говоря, что она гораздо здоровее, чем всякая другая рыба и свежее мясо»⁴⁸⁶.

Крупные хлебные рынки находились у Тверских ворот Белого города и на Болотной площади в Замоскворечье, лошадьми торговали у Покровских ворот, сеном — между Покровскими и Сретенскими воротами Белого города. Особую известность имел Лубяной торг на Трубе. Зимой ежегодно велась обширная торговля на льду Москвы-реки⁴⁸⁷. Рынки располагались у городских ворот, на пространстве за стенами, на пустырях и площадях. Данные переписи 1701 года свидетельствуют: на 6894 посадских двора в Москве приходились 2664 торговых места.

Центрами продажи импортных товаров были гостиные двory. Помимо Старого и Нового гостиных дворов за рядами на Красной площади, о которых уже шла речь, в средневековой Москве существовали несколько иноземных гостиных дворов. Панский двор, располагавшийся в Китай-городе, впервые упоминается в 1508 году; впоследствии он был перенесен в Белый город к церкви Гребневской иконы Божией Матери. Персидский двор находился неподалеку от Старого и Нового гостиных дворов в Китай-городе, Армянский — на Сретенке, Английский — на Варварке и Новый анг-

лийский — в Белом городе, Греческий — на Никольской улице. Есть смутное известие об Испанском дворе в восточной части Китай-города. Крымский и Ногайский дворы размещались на южной окраине Москвы. Основным товаром ногайских купцов были лошади. В первой половине XVI века на Ногайский двор пригоняли ежегодно по две—восемь тысяч лошадей, к середине столетия масштабы этой торговли увеличились до двадцати тысяч. Табуны ногайских коней в ожидании покупателей паслись на широких лугах у Симонова монастыря⁴⁸⁸.

Уже в XIII столетии Москва была центром международной торговли, о чем свидетельствуют не только письменные источники, но и археологические находки. В XIV—XV веках в городе преобладал восточный импорт: керамика, изделия из стекла, драгоценности, ткани⁴⁸⁹. В дальнейшем всё возрастало число западноевропейских товаров, что в первую очередь связано с открытием англичанами в 1553 году морского пути вокруг Скандинавии к устью Северной Двины. Вслед за английскими торговцами, создавшими Московскую компанию и получившими значительные привилегии от Ивана Грозного, в городе появились голландцы, которые в XVII веке сильно потеснили англичан, и в значительно меньшем количестве — французы. Из Архангельска через Вологду и Ярославль ехали возы с западноевропейскими товарами, прибывшими из-за моря. Польские, литовские и немецкие купцы прибывали в Москву через Смоленск, сухим путем.

Еще более значима была роль Москвы как общероссийского торгового центра. С севера в столицу везли соль, рыбу, слюду, меха, моржовый клык («рыбий зуб»), металлы и кузнечные изделия. Из замосковных (располагавшихся к северу и северо-востоку от Москвы) городов в столицу доставляли ткани, ремесленные изделия, продукты огородничества, мед, воск, пеньку. С востока — через Владимир, Нижний Новгород и Казань — поступали товары из Сибири, в первую очередь меха. Меховая торговля состояла в ведении казны, «мягким золотом» платили царю дань (ясак) сибирские инородцы. При этом часть мехов доставалась боярству и

крупному купечеству. Пушнина с большой выгодой для казны и знатных продавцов покупалась западноевропейскими купцами.

Торговля была уделом купцов — влиятельного городского сословия, в свою очередь разделявшегося по объемам капиталов. Термин «гости», употребляющийся в летописях по отношению к купцам, восходит к «Повести временных лет». Первоначально он означал иноземного торговца или его русского коллегу, ведущего торговлю с зарубежными странами и совершавшего поездки за рубеж. Отсюда происходили и термины «гостьба» (заморская торговля), «гостиница», «Гостиный двор»⁴⁹⁰.

Как говорилось выше, гости-сурожане вели торговлю с Крымом. Распространялись их интересы также на территорию Золотой Орды, Византию, Средиземноморье. Южная торговля была опасным занятием — купцов часто обирали власти пограничных городов, грабили в степи кочевники, а случалось, захватывали в рабство или убивали. Тем не менее прибыль от южной торговли была столь велика, что даже потеря товара и иные бедствия не могли остановить предприимчивых сурожан.

Гости-сурожане активно участвовали не только в торговых делах. Они исполняли дипломатические поручения, доставляли из Москвы пожертвования в монастыри Святой земли, находившейся под властью турок. Участие сурожан в Куликовской битве, возможно, было связано с тем, что Мамаи поддерживали их конкуренты — генуэзцы. Из сурожан вышли известные деятели российской истории и культуры — родоначальник боярского рода Головиных «гость и боярин» Владимир Григорьевич Ховрин, прославленный зодчий Василий Дмитриевич Ермолин, купеческие династии Салаевых, Шиховых и др. Сурожане и их потомки строили в Москве каменные храмы, делали богатые вклады в монастыри, покровительствовали летописанию, книжному делу, иконному письму⁴⁹¹.

Другая купеческая корпорация, члены которой торговали со странами Восточной и Центральной Европы, именовалась суконниками. Понятно, что основным товаром, доставляемым ими в Россию, была шерстяная ткань — сукно. Они ездили в Литву, Польшу, Германию,

Ливонию, но редко проникали дальше на Запад. Помимо сукна привозили они в Москву и серебро, которого на Руси не хватало. В отличие от сурожан суконники никогда не именуется в летописях и других источниках гостями — вероятно, их статус и влияние были не столь значительными⁴⁹².

Расслоение в купеческой среде еще усилилось в XV—XVI веках, и его результатом стало законодательное оформление трех привилегированных купеческих корпораций: гостей, Гостиной и Суконной сотен. Так, штраф за бесчестье гостя составлял 50 рублей, члена Гостиной сотни — от 10 до 20 рублей (в зависимости от «статьи»), Суконной сотни — от 5 до 15 рублей. Оскорбление слобожан оценивалось в 5—7 рублей, также в зависимости от зажиточности. В Соборном уложении гости и члены Гостиной и Суконной сотен были названы в числе авторитетных свидетелей при исках. Дворы гостей освобождались от постоя и посадского тягла, они могли владеть вотчинами и поместьями, но не имели права приобретать крестьян (на землях работали их слуги и холопы-должники). Гостям и членам купеческих сотен было разрешено «про свой расход, держати питье, и варити и курити». Наконец, гости и члены Гостиной сотни имели право выезда за границу и были подсудны только царю или руководству приказов, но не наместникам и воеводам. Члены Суконной сотни свободно выезжать за границу не могли, в чем, впрочем, и не нуждались⁴⁹³.

Одновременно купцы имели немало обязанностей перед царем. Согласно свидетельству Котошихина, гости «бывают у царских дел в верных головах и в целовалниках у соболиные казны, и в таможняк, и на кружечных дворех», а члены Гостиной и Суконной сотен «на Москве и в городех бывают у зборов царские казны, з гостми в товарыщах, в целовалниках». Тот же Котошихин пишет, что, если при исполнении этих обязанностей члены купеческих корпораций увеличивали прибыль казны, их награждали — «по кубку или по ковшу серебряному, да по сукну, да по камке». Напротив, за убыток, причиненный казне, полагалось наказание: «А будет которой гость, или иной человек, будучи у збору или у прода-

жи, перед старыми годами прибыли соберет менши прошлого году, своим нерадением, гулянием, или пьянством, и тое прибыль, которой было быть в котором году, сколки против иных городов прибылей, берут на них на самих; да сверх того бывает наказание кнутом. А будет они верные головы и целовалники и истинны не соберут сполна, за дороговью, или за иным чем нибудь, а не своим нерадением, и таким за такие дела не бывает ничего»⁴⁹⁴. Зачастую разобраться в причинах недобора пошлин не всегда было возможно и поэтому компенсация убытков казны ложилась на купечество.

Исполнение хлопотных и обременительных обязанностей довольно часто приводило к разорению гостей и членов купеческих сотен. Поэтому правительство было вынуждено постоянно пополнять эти корпорации, «жалуя гостинным именем» новых торговцев в Москве и городах. Первые пожалования в чин гостя были осуществлены, по всей видимости, еще в 1530-х годах в период регентства великой княгини Елены Глинской. Выдавалась специальная жалованная грамота от имени государя, сообщавшая, что такому-то торговцу царь велел «быть в гостях». На протяжении большей части XVII века число гостей колебалось от 15 до 33 человек, а в 1675 году выросло до 54 и далее до конца столетия оставалось в пределах 46—54 человек⁴⁹⁵.

С учетом того, что далеко не все гости были москвичами, количество гостей в городе было небольшим, однако их влияние на дела экономического управления — весьма существенным. И. Кильбургер дополняет отзыв Котошихина: «Гости — царские коммерц-советники и факторы, неограниченно управляют торговлей во всём государстве. Это есть корыстолюбивая и вредная коллегия, довольно многочисленная... Они проживают в разных местах по всему государству и имеют под видом своего звания право повсеместной первой покупки, хотя это не всегда бывает к выгоде царя... Они оценивают товары в Москве в царской казне, также распоряжаются в Сибири соболиной ловлей и соболиной десятиной, как и архангельским рейсом, и дают совет царю и проекты к учреждению царских монополий. Они беспрестанно думают о том, как совсем и совершенно притес-

нить торговлю на Восточном (Белом. — С. Ш.) море и нигде не позволить никакой свободной торговли, чтобы только они могли тем лучше разыгрывать хозяина и набивать свои собственные карманы»⁴⁹⁶.

Гостиная и Суконная сотни были более многочисленными, но не столь влиятельными. Их членами пополнялась корпорация гостей. В 1680-х годах власти ликвидировали Суконную сотню и перевели ее членов в Гостиную, которая увеличилась почти вдвое. Всего же на протяжении XVII столетия известны поименно 2781 человек, принадлежавшие к Гостиной сотне⁴⁹⁷. Число членов Суконной сотни можно считать приблизительно равным этому количеству.

При этом большинство московских торговцев не являлись членами привилегированных купеческих корпораций. Они жили в слободах, подчинялись слободскому укладу, платили тягло. Так же, как гости и члены Гостиной и Суконной сотен, московские «торговые люди» могли быть избраны правительством для несения службы таможенных голов или кабацких целовальников, а другие брали таможенный или кабацкий промысел на откуп. Большинство московских ремесленников продавали собственные изделия. Так, из семидесяти четырех «промышленных и торговых людей» Бронной слободы только 12 человек торговали продуктами, остальные — товарами собственного производства (оружием, одеждой, предметами повседневного обихода, металлическими и кожаными изделиями)⁴⁹⁸.

Торговый мир Москвы был богат и разнообразен. Московская экономика была ориентирована в первую очередь на торговлю — международную, общероссийскую и внутригородскую. В торговую деятельность были вовлечены большинство посадских людей. Куплей-продажей занимались через своих слуг бояре и дворяне, торговую деятельность вели монастыри и приходское духовенство. Крупнейшим участником торговых операций была царская казна, интересы которой представляли гости. Очевидно, что именно в Средние века благодаря тому важнейшему значению, которое торговля занимала в жизни города, и сложился социальный облик москвича — делового, мобильного, предприимчи-

вого и оборотистого, а также стремительный и шумный ритм московской жизни, поражавший провинциалов еще четыре сотни лет назад.

«Отличаются смышленостью и хитростью»

Отзывы о хитрости и плутовстве русских и особенно московских купцов стали общим местом в повествованиях иностранцев от Герберштейна до Корба. Каждый из них считал своим долгом предостеречь соотечественников: «Русский народ по природе склонен к обману».

«...Если при заключении сделки ты как-нибудь обмолвишься или что-нибудь неосторожно пообещаешь, то они всё запоминают в точности и настаивают на исполнении, сами же вовсе не исполняют того, что обещали в свою очередь. А как только они начинают клясться и божиться, знай, что тут сейчас же кроется коварство, ибо клянутся они с намерением провести и обмануть», — пишет Герберштейн. Ему вторит Олеарий: «Что касается ума, русские, правда, отличаются смышленостью и хитростью, но пользуются они умом своим не для того, чтобы стремиться к добродетелям и похвальной жизни, но чтобы искать выгод и пользы и угождать страстям своим... Так как они избегают правды и любят прибегать ко лжи и к тому же крайне подозрительны, то они сами очень редко верят кому-либо; того, кто их сможет обмануть, они хвалят и считают мастером». «...Они весьма способны к торговым делам и крайне искусны во всякого рода хитростях и обманах, особенно там, где дело идет о их собственной выгоде», — подтверждает Рейтенфельс, подчеркивая, как и Герберштейн, побывавший в столице более чем за столетие до него, что жители Москвы «считаются более хитрыми, чем остальные»⁴⁹⁹.

Вряд ли следует объяснять столь показательное единодушие неприязню к русским и России. Тем не менее следует обратить внимание на то, что эти отзывы касаются исключительно общения русских с иностранцами. А в международной торговле, как правило, были нечисты на руку обе стороны. Тот же Герберштейн сооб-

щает: «Иностранцам любую вещь они продают дороже и за то, что при других обстоятельствах можно купить за дукат, запрашивают пять, восемь, десять, иногда двадцать дукатов. Впрочем, и сами они в свою очередь иногда покупают у иностранцев за десять или пятнадцать флоринов редкую вещь, которая на самом деле вряд ли стоит один или два»⁵⁰⁰. Многочисленные неприятности преследовали русских купцов за рубежом, в том числе и в Западной Европе, выходцы из которой были столь скептически по отношению к нравам московского торгового мира. Например, в царствование Михаила Федоровича один купец с меховым товаром отправился морем в Амстердам, чтобы получить выгоду от прямой торговли. Однако голландцы, сговорившись, не купили у него ничего, а выкупили весь товар после его возвращения в Архангельск и напоследок разъяснили бедняге механизм совершённого ими мошенничества⁵⁰¹.

Серб Юрий Крижанич (1618—1683), автор трактата «Политика», в котором он выступает патриотом России и славянства, считал русских торговцев страдающей стороной в сношениях с иностранцами: «Нашего народа умы не развиты и медлительны и люди неискусны в ремесле и мало сведущи в торговле, в земледелии и в домашнем хозяйстве... Поэтому чужеземным торговцам всегда легче бывает нас перехитрить и нещадно обмануть, тем паче, что они живут по всей Руси и скупают наши товары по самой дешевой цене. Можно было бы это стерпеть, если бы и наши [люди] у них жили и также дешево покупали. Но наши у них не живут и жить отнюдь не могут из-за своей природной непригодности и неразвитого природного ума и особенно вследствие зависти и злобы немцев, изведенной многими нашими»⁵⁰². Почти теми же словами отзывались о трудностях международной торговли русские гости, сетуя, что дела идут очень плохо из-за «немецкого завидения и злобы, кою суть многи наши отведали».

Как можно видеть, резким отзывам иностранцев о коварстве русских в торговых делах можно противопоставить столь же неблагоприятные свидетельства наших соотечественников об обмане, процветающем у «немцев». Тем не менее взаимные обиды не препят-

ствовали успешному развитию как импортной, так и экспортной торговли и, очевидно, компенсировались прибылью, получаемой опять-таки обеими сторонами. Москва, в которую стекались иноземные товары из двух международных портов — Архангельска и Астрахани, — а также продукция, доставлявшаяся сухим путем через Псков, Новгород, Смоленск, украинские города и донские степи, занимала ключевое положение в процессе международного торгового обмена на территории Российского государства. Здесь же, наряду с иноземными товарами, встречались и узнавали друг друга представители разных культур, религий и народов. Голландец Н. Витсен, сидя в гостях у персидского торговца, вместе с гостеприимным хозяином осуждал грубость и невежество русских⁵⁰³; при этом оба как бы не замечали, что их встреча произошла именно в Москве.

Свидетельства о нравах торговой Москвы в Средние века не исчерпываются пристрастными отзывами иноземцев. Однако материалы судебных разбирательств также не являются объективным источником информации. Они донесли до нас известия о многочисленных конфликтах, случавшихся в китайгородских торговых рядах. Конечно, по судебным делам судить о реальной жизни не вполне корректно, поскольку в таком случае повседневность может представиться чередой конфликтов. Однако столкновений между продавцами и покупателями, а также торговцев между собой действительно было немало.

Любой пустячный повод приводил к брани и дракам между продавцами. Стрелец Афанасий Семенов, торговавший на Красной площади яблочным квасом, после двухлетней отлучки попытался было занять привычное торговое место, но был изгнан новым хозяином Тимофеем Степановым, который Афанасия «бранил и посуду у него перебил». Другой торговец жаловался, что конкурент свалил с его лотка на землю вареное мясо и «продажные» деньги. Еще один лавочник в злобе так отодвинул кадку соседа, что она покатилась под гору, а его самого, «повалая на землю», «бив на земле, бранил всякой бранью». В 1687 году продавец калачей Иван Карпов жаловался, что его конкурент Семен Трофимов охаял его

товар перед покупателем — «от продажи отбил». Порой для драки не нужно было даже повода. Торговец Серебряного ряда Дмитрий Климов от скуки решил поспать на прилавке, расположившись ногами к лавке соседа, Михаила Карпова. Тот «завернул его, Митькины ноги в его Митькину лавку, и молвил ему, что де, Митька спишь, надеяшся де ты на бабушкины деньги». О дальнейшем нетрудно догадаться: «Митька его, Мишку, за те слова пхнул ногою, и Мишка за то его, Митьку, зашиб молотком, пробил в дву местах до крови голову»⁵⁰⁴.

Павел Алеппский свидетельствовал, что московские купцы не любили торговаться. Ему, выросшему на Востоке, такая сдержанность была в диковинку. Однако и сами москвичи могли на своей шкуре почувствовать, что пословица «спрос не грех» далеко не всегда верна в торговых рядах. Так, 3 октября 1693 года слуга думного дьяка П. Загребин приценивался к крашенине Романа Игнатева и, «поторговав, прочь пошел». Продавец так оскорбился невниманием к своему товару, что начал Загребина «бранить и бесчестил, и называл ево вором и мошенником». Попавший в такую же ситуацию солдат потешного Преображенского полка Игнатий Косточкин был обозван «боярским холопом и оленьим ухом». Иногда достаточно было просто пройти мимо чьей-то лавки и остановиться у другой, чтобы получить порцию брани, а то и побои. Так, пострадал от члена Гостиной сотни Бориса Полосина холоп стольника Нарышкина, покупавший белорыбицу в Рыбном ряду. Впоследствии он жаловался, что торговец его «бранил и бесчестил и бил и увечил и кричал товарыщем своим и сидельцом, чтоб его бить». 11 мая 1687 года тяглец слободы Большие Лужники Алфер Осипов, торговавшийся с мясником Константином Игнатьевым, предложил ему цену за мясо существенно ниже той, которую запрашивал продавец. Торговца это так разозлило, что он не только выбранил покупателя, но и, «взяв часть мяса, ударил Осипова в лицо и подшиб глаз»⁵⁰⁵.

Впрочем, и покупатели не всегда были невинными жертвами грубых и агрессивных продавцов. Случалось, они ломали товар, пытались его унести, не заплатив, бранили и били самих торговцев. 28 сентября 1687 го-

да слуга думного дьяка В. Г. Семенова Андрей Савельев отправился в ряды купить оконные рамы, но качеством товара остался недоволен — всячески хулил его, бросал на прилавок, бил по нему рукой. Дело закончилось матерной перебранкой — до драки с кровопролитием на этот раз не дошло. В том же году торговцу Федору Васильеву был нанесен, говоря современным языком, моральный и материальный ущерб. В его лавку пришел тяглец Мещанской слободы Иван Романов и начал придираться к внешнему виду продавца — «стал его бранить и бесчестить и говорить, у тебя де ухо отсечено и ты за то ухо взял пять рублей, и повалил у него скамью с товаром с яблоки на землю и там товар перебил и перемарал и ногами перетоптал, цена на 6 рублей с полтиною»⁵⁰⁶.

Суммируя сведения о нравах торговой Москвы, обратим внимание на то, что известия иностранцев и русские судебные дела свидетельствуют о разных негативных явлениях. Иностранцы жалуются на обман, а русские — на грубость и агрессивность. Это, конечно, не означает, что иностранцев не «бранили матерно», а русских покупателей не стремились обмануть. Разница состоит в том, что иностранцы имели дело с крупными торговцами, гостями и членами купеческих сотен, которые своими хитроумными торговыми операциями стремились ввести их в убыток, а русские получали свою порцию брани или удар куском мяса в лицо прямо в рядах или на рынке. Цена вопроса в первом случае составляла десятки или даже сотни рублей, во втором — исчислялась рублями, алтынами или копейками. Однако и сами московские торговцы могли предъявить те же претензии иностранным и русским покупателям. В этих конфликтах обе стороны, по-видимому, стоили друг друга.

ЖИЛИ-БЫЛИ МОСКВИЧИ

Дом — полная чаша

В области этнографии средневековой Москвы и средневековой России исследователи добились значительных успехов, детально описав классическую этнографическую триаду «жилище, одежда, пища». Богатый материал для этого дают письменные источники (документы и описания иностранцев), а также результаты археологических исследований. Опираясь на труды предшественников, мы можем представить себе, как выглядели дома столичных жителей, как протекала повседневная жизнь московской семьи той эпохи.

Дом зажиточного горожанина состоял из нескольких групп помещений — парадные комнаты, покои хозяина дома, женская и детская половина, хозяйственные и служебные помещения. Если с отцом жили взрослые сыновья или дочери, они также имели собственные комнаты.

Для хозяйственных нужд обычно отводился подклет. В источниках говорится о жилых и «глухих» подклетах. Вероятно, в первом случае это было пространство на первом этаже под жилыми комнатами хозяев, которое также могло использоваться под жилье (чаще всего для слуг), а во втором — не имевшие отдельного входа помещения первого этажа, в которые спускались сверху⁵⁰⁷.

Подклет существовал и в одноэтажных избах. В этом случае он представлял собой врытый в землю сруб, в котором находился хозяйственный подпол. 55-я глава «Домостроя» была посвящена тому, как «в клетех, и в

подклетех, и в онбарех устроити всякая порядня ключнику по государеву наказу». Под клетью в данном случае имеется в виду отдельное срубное помещение хозяйственного назначения, а вот подклет мог подразумеваться как первого типа (условно говоря, первый этаж), так и второго — подземное хранилище, подпол. М. Г. Рабинович, проанализировав описания московских дворов XVI—XVII веков, встретил упоминания о шестнадцати «поземных» избах и тринадцати домах на подклетах, при этом первые были у феодалов, а вторые — у посадских людей⁵⁰⁸.

В княжеском, а затем царском дворце подклеты использовались не только для хозяйственных нужд. Здесь жили княжеские слуги и другие зависимые люди, а в московскую эпоху располагались приказные учреждения, стрелецкие караулы, жильё дворцовых служителей, «мыленки».

В богатом доме высокое парадное крыльцо (оно по традиции называлось «красным») вело прямо на второй этаж. Посетитель попадал в красиво отделанные сени, а оттуда — в жилые помещения. Аналогичным образом был организован и вход в главную парадную залу царского дворца — Грановитую палату, также стоявшую на высоком подклете. Комната для приемов именовалась «передней», реже — «столовой». По отношению к помещениям второго этажа упоминалось также общее наименование «горница», поскольку они были «горниами» — верхними. Иногда «передняя» и «столовая» существовали отдельно: в первой хозяин беседовал с гостями, садившимися на лавки у стен, во второй происходили пиршества.

Такова, например, была царская «передняя» в Теремном дворце. И. Е. Забелин пишет: «Приемной комнатой была передняя, поэтому главный предмет ее уборки, который обращал на себя внимание, было царское место, стоявшее в переднем углу, или же большое кресло, соответствовавшее по своему значению упомянутому месту. Затем никакой другой мебели, кроме обычных лавок у стен, в передней не было. Гостей приглашали садиться на эти лавки по старшинству, более почетных ближе к креслам или к месту»⁵⁰⁹.

Войдя в «переднюю», гость первым делом искал взглядом иконы, помещавшиеся в «красном углу», чтобы сотворить молитву, а уже затем общался с хозяином. «Образа ставились в переднем углу покоя, и этот угол задергивался занавесом, называемым застенком, — писал Н. И. Костомаров. — Сверх того, каждый образ по одиночке задергивался привешенным к концу его убрусцем, а внизу спускался кусок материи, называемый пеленою. Застенки, убрусцы и пелены у богатых людей унизывались драгоценными камнями и дробницами (металлическими блестками), особенно по концам, а иногда на них вышивались изображения святых. Убрусцы и пелены переменялись на образах и в известные праздничные дни привешивались более нарядные, чем в будни и посты. Перед иконами висели лампы и стояли восковые свечи. Между всеми образами, стоявшими в одном углу, был один главный, поставленный на первое место посредине угла»⁵¹⁰.

Иконы, или «образа», особо ценились людьми Средневековья. В духовных грамотах или описях приданого богатых и знатных людей они перечисляются десятками. Например, князь Д. М. Пожарский в 1642 году «благословил» своего сына Петра: «...образ Пречистые Казанской в серебряном киоте; да образ в киоте их ангел, оклад чеканной; да образ Пречистые Богородицы... да образ Зосимы и Савватаея чеканной в киоте ж». Сыну Ивану были завещаны «образ Пречистые Богородицы Знамение, да образ Николая Чудотворца в киотах, да Миней месечные, да Макарий Унежской, да Пафнотей Боровской чюдотворец». Иконы, находившиеся в «крестовой палате» (домашней молельне), князь велел разделить «детем моим пополам», а образа «в постельной у княгини в хоромех» должны были отойти его вдове, «потому что теми образами нас с нею на свадьбе благословили»⁵¹¹.

Вероятнее всего, главной иконой в доме князя Д. М. Пожарского была Казанская икона Божией Матери, с чьим чудотворным заступничеством он связывал освобождение Москвы от поляков в 1612 году. Очевидно, находилась она в «передней», а не в «крестовой» («моленной»).

Сохранился перечень икон из «столовой палаты» князя В. В. Голицына: «Образ Распятия Господня на кипарисе; по правую сторону образ Пресвятыя Богородицы, а по левую сторону образ Иоанна Богослова; ризы и поля наклеены розных цветом обьярьми и отласы, венцы медные с лучами. Перед тем же образом лампада медная, вызолочена, да завесь — тафта рудожелтая. Цена лампаде рубль, а завесу 6 рублей. Итого 7 рублей...» Так же описаны и два других образа из «столовой палаты» — Богоявления Иоанна Предтечи. Как видим, Голицын не стремился удивить посетителей количеством икон, зато в палате висели целых 15 портретов («парсун») русских государей, польских королей и еще двух человек, оставшихся неизвестными составителям описи имущества князя. Была у Голицына и «крестовая палата». Помимо икон там были, по-видимому, и картины религиозной тематики («в рамках: Отечество, и Пресвятыя Богородицы, и апостолов, и иных святых, писан по полотну»), а кроме того — портреты, книги (среди них, как уже говорилось, и светские, и даже Коран), герб князей Голицыных. Вероятно, князь не только использовал «крестовую» для молитв, но и хранил там значительное число различных предметов обихода: часы, посуду, мебель, одежду, шкатулки, ткани и пр.⁵¹² В домах москвичей победнее, конечно, не было ни такого количества икон, ни особой молельни, однако два-три образа обязательно помещались на видном месте.

Печь, стоявшая в парадной комнате, была выложена изразцами, в XV—XVI веках терракотовыми, в XVII столетии — поливными муравлеными. В домах зажиточных москвичей верхние этажи нагревались трубами, шедшими от печей нижнего яруса и также украшенными изразцами. Дымоходы завершались изразцовыми коронками и шатерчиками, а «для птичьих гнезд, для галок и для сору» защищались медными решетками⁵¹³.

Печь была основой существования жилого дома. В наиболее ранних источниках упоминается жилище только двух видов — изба и клеть. Наличие печи являлось главным отличием «истобки» от клетки — хозяйственной постройки.

Печи домонгольского времени имели полусфери-

ческую форму с топкой внизу и отверстием для выхода дыма наверху. Однако при отсутствии дымохода искры, вылетающие через верхнее отверстие, представляли большую пожарную опасность. Позднее (возможно, на рубеже XV—XVI веков) появились печи кубической формы, у которых дым выходил через топку. Они быстрее нагревались, лучше держали тепло и были менее опасны в пожарном отношении. Дым от них выходил через щели в потолке или верхнее волоковое окошко. На некоторых миниатюрах XVI столетия изображены дымовые трубы («дымницы»), которые выводили дым из избы — но не от самой печи, а из помещения. Ранние печи были глинобитными, а с XV века стали появляться каменки и кирпичные печи⁵¹⁴. В жилище простого москвича печь служила и для отопления, и для готовки, а в богатой усадьбе варили, жарили и пекли отдельно — на печах, стоявших в поварнях.

Вернемся теперь в парадную «хоромину» богатого московского дома. Мебель «передней» или «столовой» горницы состояла из лавок и столов; в XVII веке стали более широко распространяться кресла, стулья, шкафы. Лавки, плотно примыкавшие к стенам, изготавливались и «опушались» (украшались резьбой по нижнему краю) плотниками при строительстве дома. Под лавками иногда делали небольшие рундуки — ящики с подъемными крышками. И. Е. Забелин пишет: «Лавка, находившаяся у входных дверей комнаты, в заднем углу, называлась коником, может быть, потому, что ею оканчивалась линия лавок, что она служила концом комнатных или избных лавок. Под нею, как в самом удобном месте, почти всегда устраивался рундук, ларь, служивший для поклажки разных вещей из хоромного убора». Лавки обивали войлоком, а поверх него либо драпировали той же тканью, которой были обиты стены в помещении, либо покрывали «полавочниками». В будние дни стелились «полавочники» попроще, суконные, а в праздники и во время приема гостей — понаряднее, шелковые или бархатные, разных цветов, иногда вышитые. Такие же куски материи — «наоконники» — украшали подоконники. Иногда на лавки клали тюфяки или «бумажники» — матрасы⁵¹⁵.

Столы большого размера предназначались для трапезы. Небольшие столы в царском дворце и домах вельмож расписывались «травами» (узорами), символическими изображениями, «притчами» из Священного Писания. Они делались чаще всего из дуба или липы с круглыми, овальными, четырехугольными, восьмигранными столешницами, с выдвигаемыми ящиками, на точеных, резных или «львиных» ногах. Столовая доска иногда могла быть каменной — мраморной или аспидной (из черного сланца). Со второй половины XVII века начали распространяться «немецкие» и «польские» столы, еще более изысканно украшенные инкрустацией и другими приемами декоративного искусства той эпохи. Столы также покрывались — в обыденное время сукном, в праздники — коврами или «подскатертниками» из дорогих тканей; скатерти же появлялись на них во время трапезы⁵¹⁶.

За столами сидели на скамьях, опиравшихся на четыре ножки или глухие ноги из целой доски. Скамейная спинка могла быть перекидной на обе стороны — такие скамьи именовались «переметными» или «опрометными». На больших «спальных» скамьях отдыхали днем, для чего на одном конце у них делался «взголовашек». Скамьи также покрывали или обивали тканями. Реже встречались кресла и стулья — в основном иноземной работы. Вероятно, отечественное происхождение имели «стольцы» — маленькие круглые или четырехугольные табуреты⁵¹⁷.

Дополняли интерьер парадной залы богатого дома «шкафы» (шкафы), поставцы (полки), рундуки, скрыни (шкафы с выдвигаемыми ящиками типа комодов). В шкафах и на поставцах стояла дорогая посуда, а на рундуках и скрынях — различные «дикивины»: часы, «органы» (органы) и пр. Стены, как уже говорилось, украшали «парсуны», карты («чертежи»), гравюры и, видимо со второй половины XVII века, живописные полотна. Свет в помещение попадал через слюдяные или стеклянные «косячатые» окна, а с наступлением темноты оно освещалось восковыми или сальными свечами, которые ставились в паникадило или в «шендан» (шандал) — подсвечник, стоявший на столе или на полу или крепив-

шийся к стене. В царском дворце и у вельмож были дорогие серебряные шандалы — например такой: «птица, вверху позолочена сама себя ест; в середине два человека, мужеск пол в левой руке держит рукавицу перчатую, а женский пол держит мужика по правую руку»⁵¹⁸.

Примером того, как эта мебель и предметы интерьера сочетались друг с другом, может служить «столовая палата» князя В. В. Голицына. Помимо уже упомянутых икон и произведений искусства в ней находились три стола (два из них имели аспидные столешницы, а третий — вероятно, обеденный — был дубовым), семь скамей «опрометных», 22 стула, шкафы с серебряной и стеклянной посудой, рундук со стоявшими на нем «органами» в соседстве с «домброй большой басистой», большое и дорогое паникадило, «шенданы», подсвечники и пр.⁵¹⁹

Голландец Н. Витсен, побывавший в 1665 году в гостях у богатого московского купца Аверкия Степановича Кириллова, был более скуп на описание его дома, чем оценщики имущества опального Голицына:

«Я посетил Аверкия Степановича Кириллова, первого гостя, которого считают одним из самых богатых купцов. Он живет в прекраснейшем здании; это большая и красивая каменная палата, верх из дерева. Во дворе у него собственная церковь и колокольня, богато украшенные, красивый двор и сад. Обстановка внутри дома не хуже, в окнах немецкие разрисованные стекла. Короче — у него все, что нужно для богато обставленного дома: прекрасные стулья и столы, картины, ковры, шкафы, серебряные изделия и т. д. Он угостил нас различными напитками, а также огурцами, дынями, тыквой, орехами и прозрачными яблоками, и всё это подали на красивом резном серебре, очень чистом. Не было недостатка в резных кубках и чарках. Все его слуги были одеты в одинаковое платье, что не было принято даже у самого царя»⁵²⁰.

Как видим, парадные помещения старомосковских палат производили впечатление. Теперь постараемся составить представление о других комнатах богатого московского дома эпохи Средневековья. По-видимому, женская и мужская его части не обязательно были разне-

сены по разным этажам, хотя, очевидно, для светелок — женских комнат, где занимались рукоделием, — отводился верхний этаж постройки. Можно предположить, что ближе всего к парадным помещениям располагался кабинет хозяина, который именовался «комнатой». Правда, не во всех богатых домах такой кабинет существовал. Например, В. В. Голицын, человек образованный и много работавший с бумагами, без него обходился. Возможно, кабинетом князю служила «крестовая палата», где, помимо прочей мебели, стояли столы, а среди утвари были приборы для письма — чернильница и «песошница» (написанное посыпали песком, чтобы чернила быстрее сохли и не размазывались)⁵²¹.

В монументальном труде о быте русских царей И. Е. Забелин уделит значительное внимание кабинетам царей и других членов царской фамилии. Он отмечает: «Комната, в собственном значении, была кабинетом или вообще таким помещением, в котором оставались большую часть дня. Поэтому она ближе может ознакомить нас со вкусами и потребностями повседневной жизни в царских хоробах». Каждый хозяин обставлял кабинет в соответствии со своими интересами и вкусами. Очень хорошо это проиллюстрировал Забелин: «Книга церковных поучений или церковно-исторических сказаний, житий и т. п. сменялась иногда шахматною доскою или, особенно на женской половине, какими-либо предметами мастерства и работ, которые нужно было осмотреть, обсудить, рассказать и приказать, чего хочется и что нужно делать, а нередко и предметами собственного рукоделья. Кто особенно прилежал книжному учению, у того на комнатном столе чаще встречались книги, чем другие предметы, у того и в комнате стояла особая книгохранительница с запасом избранных, или наиболее необходимых, так сказать, настольных книг, для душевного спасения»⁵²².

Чаще всего «комната» служила хозяину дома для работы: в ней создавали литературные произведения, вели переписку, занимались бухгалтерскими подсчетами. Поэтому главное место в ней занимали стол и кресло, нужные для работы книги и документы, письменные принадлежности. Забелин описывает рабочий стол

царей: «Чистая бумага... большею частию резалась на столбцы, которые по написании подклеивались один под другой, для чего на столе находилась и клеельница с клеем. Письменный прибор заключался в чернильнице с песочницею и с трубкою, где перья мочить. Перья государь употреблял обыкновенно лебязьи. Знатные люди в то время редко писали гусиными. Кроме того, были перья с карандашами и с грифелями для записок в книжках левкасных, пергаментных и каменных или на грифельных досках... В числе царских вещей, описанных в 1611 г. по случаю их продажи в уплату жалованья находившимся тогда в Москве польским ротам, между прочим была чернильница серебряна, в ней свистелка серебряна с зуботычками да с ухверткою. Свистелка нужна была для призыва слуг и заменяла в то время теперешний колокольчик. Зуботычка есть собственно зубочистка, предмет, вместе с ухверткою, необходимый в повседневной жизни»⁵²³. Письменный прибор также мог включать в себя «осла» (оселок), «монастырек» (готовальню), нож для очинки перьев, свечные ножницы и прочие принадлежности. Эти предметы упоминаются не только среди царского имущества, но также в описях «животов» бояр Н. И. Романова, А. С. Матвеева и В. В. Голицына.

Цари Михаил Федорович и Алексей Михайлович для чтения и письма пользовались очками. «У царя Михаила Федоровича (1636 г.), — пишет И. Е. Забелин, — находим двои очки во влагалищах в серебряных; на одном влагалище была надпись: “очки князь Олексея Васильевича Приимково-Ростовского”. Оно было украшено с одной стороны клеймом с двумя львами, а на другой стороне был изображен инрог... со змием дерется. У других очков у влагалища по сторонам резаны в травах птицы... У царя Алексея Михайловича в 1676 году были очки большого стекла, в золотой оправе, в серебряном, местами позолоченном, влагалище»⁵²⁴.

Каждый кабинет обставлялся и украшался различными предметами роскоши и «диговинами». Это были часы, различные музыкальные инструменты и автоматы («арганы», «цымбалы»), драгоценная посуда, небольшие скульптуры западноевропейского производства,

картины, карты («чертежи»), зеркала, шкатулки, ларцы и прочие затейливые вещицы, радовавшие глаз хозяина и удивлявшие гостей. Например, среди имущества боярина Н. И. Романова были «2 яблока немецкия большия, писано на них землемерие на стоянах в кольцах медных на верху по колечку медному»; понятно, что речь идет о глобусах. Для полноты картины следует добавить клетки с птицами — попугаями, канарейками, снегирями, щеглами, перепелками и др.

Следующей комнатой была «крестовая палата». В богатых усадьбах имелись домовые церкви, что не исключало наличия «крестовой» (так, например, было в доме В. В. Голицына). Одна стена такой молельни представляла собой иконостас, здесь же хранилась всякая домашняя «святость»: кресты, панагии, частицы мощей святых в специальных ковчезцах, особо чтимые предметы из Святой земли, священные книги и жития святых, четки, «лествицы» (лестовки — особый вид плетеных четок). Здесь стоял аналой, на который клался молитвенник. В «крестовой» совершали утренние и вечерние молитвы, могли проходить церковные службы, особенно если владелец усадьбы не имел домашней церкви.

Самой удаленной комнатой была «постельная» или «спальная». В домах среднего достатка спали на лавках, которые делались шире обычных, а в богатых хоромах были кровати. Старинная русская кровать, по объяснению И. Е. Забелина, «была в настоящем смысле кровом, в роде сени и шатра». Над ней возвышался балдахин, именовавшийся «небом» или «подволокой». Шился он из камки — шелковой материи с узором, образованным блестящим атласным переплетением нитей на матовом фоне, — и украшался кружевом и кистями; по «небу» вышивались орнаменты, изображения людей и зверей. Деревянные части самого ложа украшались резьбой, росписью, позолотой, обивались дорогими тканями, иногда в изголовье вставляли зеркала. Очень высоко ценились кровати «немецкие» (иноземной работы). В 1654 году после смерти Н. И. Романова его «немецкая» кровать «с завесом» по воле государя досталась князю Я. К. Черкасскому⁵²⁵. Князь являлся состоятельным человеком, однако, вероятно, обрадовался подарку.

«Немецкая» кровать могла стоить и 150 рублей (упоминается в описях имущества князя В. В. Голицына), и даже 2800 рублей — именно за такую цену была куплена пышнейшая кровать, которую в 1662 году царь Алексей Михайлович отправил в дар персидскому шаху⁵²⁶.

В царском дворе и в домах вельмож кровать не была в полном смысле супружеским ложем. Обычно муж и жена спали отдельно. У князя В. В. Голицына и его супруги Евдокии Ивановны было несколько разных спален, но не было общей. Отдельная «постельная» была и у жены князя Д. М. Пожарского Феодоры Андреевны⁵²⁷. Г. К. Котошихин пишет: «И на празники господския, и в воскресные дни, и в посты царь и царица опочивают в своих покоях порознь; а когда случитца быти опочивати им вместе, и в то время царь по царицу посылает, велит быть к себе спать, или сам к ней похочет быть»⁵²⁸. В таких случаях стелилась «постель большая пуховая»: «...наволока тафта желта, верхняя наволока полотняная бела полосата. Бумажник (тюфяк из хлопчатобумажной ткани, который всегда лежал под постелью. — *С. III.*), наволока тафта червчата, верхняя наволока полотняная ж полосата. Взголовье (подушка во всю ширину кровати. — *С. III.*) пуховое, наволока тафта червчата, верхняя наволока полотняная полосата. Две подушки пуховыя, наволочки куфтерныя желты, верхняя наволочки полотняныя. Две подушечки пуховыя, наволочки отлас червчат. Одеяло камка кизылбашская по серебряной земле травы шолк гвоздичен, зелен, празелен, червчат; в травках листье золотное с розными шолки; грива (кайма) отлас золотной по зеленой земле полосы с белым да с червчатым шолком; испод и опушка горностайная. Одеяло холодное камка кизылбашская цветная по белой земле листье золото в травах; грива отлас золотной по лазоревой земле; подкладка тафта лазорева»⁵²⁹. «Односпальная» царская постель была убрана гораздо проще.

На полу лежал «ковер цветной велик», а на нем стояли «две колодки сафьянные червчаты», приставлявшиеся к кровати, чтобы на нее легче было взбираться. Помимо перин, подушек и одеял в «постельной» палате держали белье, часть одежды и находились предметы

для утреннего туалета: зеркала (чаще всего небольшие, хранившиеся в ларцах), гребни, щетки, у женщин — белила, румяна и другая косметика. Как ни удивительно, уже в XVII веке по утрам некоторые знатные москвичи вставали по будильнику. Например, у Алексея Михайловича еще в его бытность наследником в спальне был «будильник на стоянце меденном, наверху немчин с копьем»; его брат царевич Иван просыпался под звуки, которые издавали «часы боевые с будильником и с дробным перечасьем медные прорезные теремчаты позолочены четвероугольны с дву сторон стекла вставлены хрустальные круглые; на поддоне деревянном черном, у поддона 4 подножка медные луженые. Интересно, что первые часы появляются в домашнем быту еще в XVI веке. Это были настенные часы царя Симеона Бекбулатовича, которые находились в его хоромах в селе Кушалино Тверского уезда»⁵³⁰.

Из «постельной» палаты через сени часто устраивали переход в «мыльню» — домашнюю баню.

По всей видимости, женская половина дома в основном повторяла мужскую: у цариц и боярынь были свои «комнаты», где преобладали, конечно, предметы, связанные с рукоделием (в первую очередь с шитьем и вышивкой), и «постельные» палаты. Описание дома В. В. Голицына упоминает об отдельных кладовых у каждого из супругов. Перечень добра княгини Евдокии Ивановны не отличается оригинальностью. Она хранила посуду, одежду (как мужскую, так и женскую), постельное белье; были тут и сладости: «ковришка сахарная большая», «в коробе 12 голов сахару», «4 коробе с постилами, с сахарами и с ковришки» и др.⁵³¹ Специфическими помещениями были светелки — комнаты с большими окнами (иногда они делались даже в крыше), в которых женщины и девушки шили и вышивали. Эти комнаты, располагавшиеся на верхних ярусах дворца или богатых хором, назывались также «теремами» или «чердаками». С «чердака» мог быть устроен выход на «гульбище» — балкон с резными перилами. Как можно видеть, фольклорный образ царицы или княгини, тоскующей по мужу в высоком тереме, либо царевны, ожидающей там же суженого, имеет вполне реальную историческую основу.

Неизвестно, имелись ли в богатых старомосковских домах детские комнаты. Во дворце у царевичей и царевен были свои помещения. Сыновья князя В. В. Голицына, к моменту составления описи уже достигшие «совершенного возраста», также жили в собственных комнатах. Учитывая то, что юный барич или боярышня были окружены заботой кормилиц, «дядек» и нянек, можно предположить, что отдельное помещение, подобное позднейшей детской, существовало где-то поблизости от апартаментов хозяйки дома.

Дополняли комплекс богатого старомосковского дома многочисленные подсобные помещения — «казенные палаты» (кладовые), чуланы, каморки, а также «людское жильё» (комнаты для слуг), богадельни и т. п. Особое место в архитектурном комплексе боярской усадьбы занимали башни-«повалуши», существовавшие в архитектуре городской усадьбы еще в домонгольское время и широко распространенные в XVI—XVII веках.

Царский дворец и дома вельмож и крупного купечества богато украшались как снаружи, так и изнутри. Фасады (как каменные, так и деревянные) декорировались резьбой, росписью и позолотой; кроме того, в каменные или кирпичные стены вставлялись изразцы. Над воротами и входами в дом помещались иконы. «Хоромный наряд» — внутренняя отделка дома — состоял из «плотничного» (деревянные пол, потолок, лавки, резные детали) и «шатерного» (обивка стен и мебели тканями). Собственно, название «обои» для стенового покрытия пошло с тех времен, поскольку стены в богатом доме почти всегда обивались материей. Для этого использовались холсты и полотна, по которым потом наносился рисунок — «травчатый» или «аспидный». Иногда применялись западноевропейские шпалеры — безворсовые ковры-гобелены, которыми обивали как стены, так и потолок.

В избе простого горожанина

Большинство москвичей жили гораздо скромнее. Согласно данным археологии, в XIII—XV веках большинство домов в Москве состояло из одной рубленной

клетки (от 3,5×3,5 до 6×6 метров). Ее могла разделять пополам деревянная стена, в результате чего образовывались два помещения: «истобка» с печью и «светлица» (по отношению к избе, топившейся по-черному, она была светлой). С крыльца входили в светлицу, а через нее — в теплую избу.

В XVI—XVII веках такие одно- и двукамерные посадские дома продолжали существовать, однако были широко распространены трехкамерные, состоявшие из избы, сеней и клетки. В это время на московском посаде встречаются жилища, сочетавшие избу, сени и чулан или избу, сени и «повалушу». Вот одно из описаний такого «трехкамерного» дома XVII столетия: «...горница белая на глухом подклете да горница черная на глухом же подклете, меж ними сени... да под сенями погреб»⁵³².

Такая планировка предполагала проживание всей семьи зимой в одном помещении — черной избе. Летом для жилья и сна могли использоваться холодные клетки, чуланы и «повалуши». Сени в данном случае являлись коридором и местом хранения различных предметов. Если в хоромы богача существовали отдельные помещения для приема гостей, молитвы, работы, проживания хозяина и хозяйки, то в доме рядового москвича были соответствующие зоны, расположение которых и внутреннюю планировку жилища определяла печь. Она ставилась слева или справа от входа, устьем к противоположной стене, и занимала целый угол. По диагонали от нее находился «красный угол», где располагались иконы. У рядового москвича их было немного, однако их также украшали окладами, занавешивали, зажигали перед ними лампы. Под иконами сажали почетных гостей — здесь была парадная часть дома.

Напротив печного устья находился «бабий кут» (угол) — место для стряпни и женских работ; здесь стояла деревянная и глиняная (реже — металлическая) посуда, находились прялка и другие инструменты женского рукоделия. Четвертый угол избы, по диагонали от «бабьего», предназначался для мужских работ. Здесь же, на лавке-конице (койнике, койке), под которым в «задвигной залавке» хранились различные ценности, спал сам хозяин дома.

Мебель в избе была простая: лавки, крепившиеся к стенам, переносные стол и скамьи. Последние, как и лавки или полаты с боковой стороны печки, могли использоваться для сна. На стены набивались полки, именовавшиеся «грядками». Освещалась изба лучиной, пучки которой вставлялись в металлические кованые светцы, ввинченные или вбитые в деревянные стены. Использовались также масляные светильники — плоски, в которые опускался фитиль. В избе было темно из-за дыма курной печи, однако древние обитатели таких жилищ говорили: «Горечи дымные не претерпев, тепла не видати»⁵³³.

«Домострой» предписывал блюсти чистоту в доме: «Стол и блюда и ставцы и лошки и всякие суды и ковши и братены, воды согрев, из утра перемыти и вытереть и высушить, а после обеда такоже и вечере, а ведра и ночвы (лотки. — *С. III*) и квашни и корыта и сита и решета и горшки и кукшины и корчаги також всегда вымыти и выскресть и вытереть и высушить и положить в чистом месте, где будет пригоже». В случае, если в посуде осталась еда, автор «Домостроя» протопоп Сильвестр советовал: «...то бы покрыто было чистоты ради... и повязано от тороканав и от всякия нечистоты». Покончив с посудой, хозяйке предстояло приняться за сам дом: «...изба и стены и лавки и скамьи и пол и окна и двери и в сенех и на крыльцы вымыть и вытереть и выместь и выскресть, всегда бы было чисто и десницы и нижнее крыльце все бы то было измыто и выскреблено и вытерто...» Перед крыльцом надо было положить сено, у входа — рогожку или ветхий войлок для вытирания ног, а в плохую погоду менять то и другое⁵³⁴.

Эти, в общем, довольно банальные правила хорошие хозяйки знали и следовали им и без наставлений. Интересен перечень посуды, имевшейся в посадском доме: блюда, ковши, братины, горшки, кувшины, сита, решета, ложки и пр. При археологических раскопках такие предметы находили неоднократно. Пищу в печи готовили в горшках, в них же и подавали. Затем появились специальные, парадные горшки, украшенные орнаментом, которые и ставились на стол. Употреблялись также глиняные сковороды-«латки», имевшие полые глиняные

ручки с отверстиями, в которые вставлялись деревянные рукояти. В зажиточных домах употребляли металлические сковороды. Металлические котлы в повседневном городском быту не употреблялись, их использовали для варки пива. Например, в описи имущества Н. И. Романова перечислены «в пивоварне котел большой железной пивной в очаге ведро во 140. Другой котел железной же в очаге в 16 ведер. 2 котла медных один ведр в 16, а другой в 12»⁵³⁵. Котлы брали с собой в путешествия, когда предстояло готовить на открытом огне.

Помимо печной посуды в доме было немало другой, также глиняной. Вино, масло или зерно хранились в больших амфорах, называвшихся корчагами. С кувшином, поставив его на плечо, могли ходить за водой. Потому и появилась поговорка: «Повадилса кувшин по воду ходить — тут ему и голову сложить!» Чаще всего кувшины «складывали голову» в колодце. Один из таких сосудов, значительный по размерам, упавший в колодец, был обнаружен при строительных работах в Казарменном переулке. Его примечательной особенностью являлась надпись: «Кувшин добра человека Григория Афанасьева», выполненная в конце XVI — начале XVII века. Удалось собрать сведения о владельце — он имел лавку в Китай-городе и действительно был «добрым», то есть зажиточным человеком. Помеченный его именем кувшин соответствовал статусу владельца не только размерами — он был выполнен в технике чернолощенной керамики, более качественной, чем бело- и красноглиняная. Блестящие чернолощенные сосуды были похожи на более редкие и более ценные металлические. В XVII веке наряду с чернолощенной посудой появились поливные (ценинные) кувшины, однако они стоили дороже. Из глины же делались кружки, миски (средних размеров — на одного человека или большие — на всю семью, называемые «солилами»), стаканы, чашечки, фляги, кумганы, рукомошни, плоски-свечильники, лампы.

Блюда для подачи кушаний на стол были деревянными, керамическими, серебряными. Для готовки применялись деревянные решета и сита, квашни для теста, корыта. Воду хранили и носили в бочках разных размеров

и ведрах с железными дужками. В источниках упоминаются бочки «возовые», с которыми водовозы ездили за водой. При археологических раскопках найдены также коромысла вполне традиционной формы, просуществовавшей до XX века⁵³⁶.

Жители древней Москвы ели ложками и ножами. При археологических раскопках часто находят деревянные или костяные ложки, а также сильно сточенные кухонные ножи. Дорогие — серебряные или золотые — ложки были в домах государей и знати. Вилки появились во второй половине XVII века как предмет роскоши и, как правило, входили в состав богато украшенных столовых наборов: ножик, вилка и ложка или ножик и вилка⁵³⁷. «Каждому из обедающих кладут ложку и хлеб, но только не всегда, а тарелки, салфетки, ножа и вилки не кладется никому, кроме знатных», — сообщает А. Мейерберг. Подтверждает это свидетельство и голландец Витсен (1665): «Вскоре прибыл пользующийся большим уважением князь Петр Семенович Прозоровский-меньшой с “царским столом” угостить посла. Стол накрыли белой скатертью и поставили тарелку, нож и вилку, три-четыре пустых кувшинчика, все из серебра, но металл так потемнел, что едва был похож на серебро»⁵³⁸.

Питье наливали в глиняные кувшины (в домах состоятельных людей — в металлические сосуды), а пили из ковшей, кубков, чар, чарок, стаканов, кружек. В зависимости от достатка употребляли серебряную, медную, стеклянную, глиняную или деревянную посуду для питья. В описи имущества опальных князей Голицыных упоминаются граненые стаканы; таким образом, присловье «триста лет граненому стакану» вполне соответствует истине. Описание имущества боярина Н. И. Романова упоминает много драгоценных сосудов для питья, аналогичных хранящимся в Оружейной палате: «Кубок с кровлею яйцо строкомилово (страусиное. — С. III.) обложен серебром золоченым, на кровли мужичок, в руке кольцо, а в другой щит, 2 фунта 38 золотников... Ковш гладкой, а на ковше в кругах написано Б[о]жию м[и]лостию Ц[а]рь и великий Кн[я]зь Василей Иванович Г[осу]д[а]рь всеа Руси. Весу в том ковше 95 золотников... Чарка раковинная винная обложена

серебром золоченым, весу в ней с раковинами 11 золотников» и т. д.⁵³⁹

Появление другого сосуда — братины — относилось, по-видимому, к дружинным временам. Она была похожа на горшок и закрывалась крышкой, напиток из нее черпали ковшами — по-братски. Впрочем, в музеях сохранились и небольшие братины, употреблявшиеся как чаши. Подобно другим видам посуды, братины могли быть деревянными, медными, серебряными или золотыми. В 1637 году польскому королю Владиславу IV была поднесена от царя золотая братина «с кровлею», украшенная яхонтами, лалами, изумрудами и жемчугом, стоимостью две тысячи рублей. Аналогом братины, но с более низкими бортами, была ендова, которая также могла иметь разные размеры.

Естественно, что каждый дом москвича среднего или низкого достатка имел свои индивидуальные особенности. К избе ремесленника пристраивалось помещение для работы, либо он работал в клети или в теплой избе. Бывало, что в типичном для Москвы трехкамерном доме жила не одна, а несколько семей. Как мы помним, нищий Тихон Иванов в 1693 году жил в «наемной подклети». Тем не менее общие черты рядового средневекового жилища были весьма типичны и довольно близки к крестьянскому дому. К этой же аналогии прибегают в 1824 году и Н. М. Загоскин в романе «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году», правда, повествуя о постоялом дворе: «Домашний простонародный быт тогдашнего времени почти ничем не отличался от нынешнего; внутреннее устройство крестьянской избы было то же самое: та же огромная печь, те же полаты, большой стол, лавки и передний угол, украшенный иконами святых угодников. В течение двух столетий изменились только некоторые мелкие подробности: в наше время в хорошей белой избе обыкновенно кладется печь с трубою, а стены украшаются иногда картинками, представляющими “Шемякин суд” или “Мамаево побоище”; в семнадцатом веке эта роскошь была известна одним боярам и богатым купцам Гостиной сотни. Следовательно, читателям нетрудно будет представить себе внутренность постоялого двора, в котором за большим дубовым столом сидело несколько

проезжих. Пук горящей лучины, воткнутый в светец, изливал довольно яркий свет на всё общество; по остаткам хлеба и пустым деревянным чашам можно было догадаться, что они только что отужинали и вместо десерта запивали гречневую кашу брагою, которая в большой медной ендове стояла посреди стола».

Дневной круг

Время в средневековой Руси считали по солнцу, разделяя дневные (от восхода до захода) и ночные (от захода до восхода) часы. Согласно свидетельству книжника Кирика Новгородца (XII век), количество дневных и ночных часов было одинаковым — по 12, при разной их продолжительности в разное время года и на разной географической широте: дневные часы удлинялись летом и сокращались зимой, ночные — наоборот. Такие часы принято называть «косыми». Они были известны на Руси по крайней мере с XI века и бытовали до XVII столетия. Свидетельство дневного и ночного счета времени сохранили летописные сообщения:

«В лето 6933 (1425. — *С. Ш.*). Преставися князь велики Василей Дмитриевич, внук Иванов, правнук Иванов же, праправнук Данила Московского, месяца Февраля в 27 день, на второй недели во вторник Великого поста, в 3-й час ночи. <...>

Априля в 4 день (1473 года. — *С. Ш.*), в неделю пятую поста, еже глаголется Похвальная, в 4 час ночи, загоряся внутри града на Москве у церкви Рождества Пресвятыя Богородици близ, иже имать придел Воскресение Лазарево; и погоре много дворов... <...>

Того же месяца 28 (мая 1489 года. — *С. Ш.*), в среду, в 11 час дни, преставилься пресвященный митрополит Геронтий и положен на Москве в соборной церкви Успения Пречистыа на северной стране»⁵⁴⁰.

Помимо «косых» существовали и «ровные» (равноденственные) часы, продолжительность которых составляла 60 минут. В случае применения «ровных» ча-

сов отсчет времени по-прежнему шел от восхода и от заката солнца, только количество ночных и дневных часов различалось: 17 дневных и семь ночных летом и наоборот — зимой. Сосуществование двух вариантов суточного счета времени отразилось и в письменных источниках. Летописец, рассказывая (1551) о пожаре в новгородском Юрьевом монастыре, отмечает, что загорелось «в третий час ночи по Московским часом, а по Новгородским часом на шестом часе, на ночном»⁵⁴¹.

«Ровные» часы менялись по святцам: 1 сентября — в тогдашний Новый год — сутки включали 12 часов дня и 12 часов ночи, с 24 сентября — 11 часов дня и 13 часов ночи, с 10 октября — 10 часов дня и 14 часов ночи, с 26 октября — 9 часов дня и 15 часов ночи; с 11 ноября — 8 часов дня и 16 часов ночи; с 27 ноября — 7 часов дня и 17 часов ночи. 12 декабря был день зимнего солнцестояния и потому часы оставались теми же. С 1 января день начинал расти, а ночь соответственно убывать — 8 и 16 часов, с 17 января — 9 и 15 часов, с 2 февраля — 10 и 14 часов, с 18 февраля — 11 и 13 часов, с 6 марта — по 12 часов, с 22 марта — 13 и 11 часов, с 7 апреля — 14 и 10 часов; с 23 апреля — 15 и 9 часов; с 9 мая — 16 и 8 часов; с 25 мая — 17 и 7 часов. 12 июня, в летнее солнцестояние, часы оставались прежними, а потом дневные начинали уменьшаться, а ночные расти: с 6 июля — соответственно 16 и 8 часов, с 22 июля — 15 и 9 часов; с 7 августа — 14 и 10 часов, с 23 августа — 13 часов дня и 11 часов ночи⁵⁴².

На своеобразии русского счета времени обращали внимание иностранцы. Мейерберг пишет: «Дню вместе с ночью дают 24 часа, для различия которых принимают за правило присутствие и отсутствие солнца: от восхода его часы бьют 1-й дневной час, все прочие до самого его захождения означают, по общему обыкновению, умножая число ударов; а потом начинают опять с 1-го часа ночи и продолжают бить прочие часы до самого солнечного восхода. Если бы этого не сказали мне прежде, я бы и сам узнал в продолжение стольких моих бессонных ночей».

До сих пор остается загадкой, как люди Средневековья определяли точное время, ведь первые часы поя-

Часы на Фроловской (Спасской) башне Кремля имели 17 делений циферблата и принятые в допетровской России буквенные обозначения цифр. Гравюра из книги А. Мейерберга

вились в Москве только в начале XV века, а в других городах — еще позднее. Но, несмотря на это, летописные известия начиная с XI столетия содержат многочисленные и, как показывают специальные исследования, вполне достоверные указания на точное (в пределах часа) время дня⁵⁴³. Допустим, в солнечные дни часы могли определять по длине тени; но что использовали для измерения времени в осенне-зимний период — размеченные горящие свечи, песочные часы, какие-то водяные устройства вроде клепсидры? Пока археологами не выявлены специальные приспособления для счета времени, которыми могли пользоваться на Руси до XV века. Конечно, ориентирами были церковные службы, но и они начинались далеко не всегда в одно и то же время и имели разную продолжительность, зависевшую в том числе от прилежания духовенства. Впрочем, простому горожанину знать точное время было совсем не обязательно — его день начинался с рассветом и корректировался по церковной службе. Другое дело — книжник, летописец, стремившийся к точности в самых мелких деталях и по возможности указывавший время рождения, смерти, начала и окончания пожаров, битв и других событий. Для него приспособления, показывавшие время, конечно, имели важнейшее значение.

Летописи сообщают, что в 1404 году мастер Лазарь Сербин по велению великого князя Василия I поставил «часник» на великокняжеском дворе за Благовещенским собором. Наиболее подробное описание этих часов сохранилось в Троицкой летописи: «Сий же часник наречется часомерье; на всякий же час ударяет молотом в колокол, размеряя и расчитая часы нощныя и дневныя; не бо человек ударяше, но человека видно, самозвонно и самодвижно, страннолепно некако створено есть человеческою хитростью, преизмечтано и преухищрено...»⁵⁴⁴ Лазарь прибыл в Москву с Афона, где особенно почиталась точность времени и часы были привычным предметом в монастырях. Изготовление диковинки обошлось великому князю в значительную сумму — 150 рублей. В Лицевом летописном своде имеется изображение этих часов и мастера, демонстрирующего их великому князю.

Историк часового дела Т. А. Фокина по летописно-

му сообщению и рисунку реконструирует этот прибор следующим образом. Часы, вероятно, имели три гири, что говорит о сложности их конструкции: одна гиря, вероятно, приводила в действие основной механизм часов, вторая — устройство боя, третья — указатель фаз Луны (правда, на рисунке диск светила не виден). Стрелки на циферблате отсутствуют. Скорее всего, вращался центральный диск, а время показывал неподвижный указатель, не изображенный на рисунке. Многие историки часового дела полагают, что слова «не бо человек ударяше, но человековидно, самозвонно и самодвижно» означают, что в колокол била механическая фигура, подобная тем, что использовались в Западной Европе и назывались «жакемары». Однако в Лицевом своде эта фигура не изображена, поэтому, возможно, летописец под словом «человековидно» подразумевал автоматическое движение молота, ударявшего в колокол без человеческого участия.

На циферблате по кругу были расположены 12 букв кириллицы, означающих цифры: А — 1; В — 2; Г — 3; Д — 4... АІ — 11; ВІ — 12, причем цифра 12 сдвинута влево, так как сутки принято было начинать с восходом солнца. Вероятно, в этих часах была задействована система счета времени с «косыми» часами. Но в таком случае часовой механизм был чрезвычайно сложным: чтобы часы показывали и отбивали круглый год 12 часов днем и 12 часов ночью, причем разной продолжительности, либо необходимо менять скорость вращения циферблата после каждого поворота стрелки на 12 часов, либо в устройстве часов должно быть два механизма, чтобы стрелка переключалась с одного на другой при смене дня и ночи. Возможно, в качестве регулятора хода был использован так называемый шпиндельный ход с бильяном — пилообразной перекладной (коромыслом), на концах которой подвешены грузы, вращающейся вправо и влево, причем изменение положения грузов позволяло менять скорость вращения циферблата⁵⁴⁵.

В 1585 году упоминаются первые часы на Спасской, Ризоположенской (Троицкой) и Тайницкой башнях Кремля, стоявшие в специальных шатрах. В 1624—1625 годах спасские часы перестроили под руковод-

ством англичанина Христофора Галлодея, а для боя отлили 13 колоколов. Вскоре часы сгорели и Галлодею пришлось их восстанавливать. Еще раз главные московские часы горели в 1654 году и вскоре опять были восстановлены. Мейерберг указывает, что они отмеряли «ровные», а не «косые» часы: «Часы сии показывают время от восхождения до заката солнца. В летний солнечный поворот, когда дни бывают самые долгие, когда ночь в 7 часов, эта машина показывает и бьет 17 часов дневных. Утвержденное над часовой доской неподвижное изображение солнца лучом своим показывает часы, означенные на часовом круге. Это самые большие часы в Москве».

Спасские куранты отличались не только громким звоном (по свидетельству Павла Алеппского, видимо, преувеличенному, он был слышен «более чем на 10 верст»), но и особым великолепием. Циферблат украшало изображение небесного свода со звездами и светилами, вокруг были расположены слова молитвы и знаки зодиака. Сходным было и оформление часов на других кремлевских башнях. Еще двое часов были установлены во дворце — в башне Набережного сада и в башне Конюшенного дворца. Башенные часы были и в царских загородных усадьбах, а солнечные — в монастырях, на дворах вельмож и т. д. Такие часы сохранились с внутренней стороны ворот Новодевичьего монастыря и (в перестроенном виде) на фасаде здания Печатного двора, а затем Синодальной типографии на Никольской улице. Нельзя не сказать, что солнечные часы появились на Руси гораздо раньше механических. Они были обнаружены при реставрации Спасо-Преображенского собора в Чернигове — архитектурного памятника первой половины XI века. По всей видимости, были они и в других крупных древнерусских городах, быть может, и в Москве XIV столетия.

Специалисты-часовщики, обслуживавшие кремлевские башенные часы, упоминаются уже в 1585 году. При часах на Ризоположенской башне их было даже двое. Работа эта была весьма ответственной, поэтому с часовщика брали обязательство: «...у дела на Спасской башне в часовниках не пить и не бражничать с чернью и карты

не играть и вином и табаком не торговать и воровским людем стану и приезду не держать». Тем не менее в работе Спасских курантов случались и сбои. Так, часовщик Троицкой башни доносил: «В прошлом, 7196 (1688. — *С. III.*) году часовщика Спасской башни Андрияна Данилова не стало, а по смерти осталась его вдова Улита бездетна и безродна. И живет она на той Спасской башне и часы держит неуставно, по многие времена часы мешаютца передачею часов дневных и ноцных. Бывает, у нее один час продлитца против двух часов, а в нынешнее время, бывает, в одном часе два часа поскорит»⁵⁴⁶. Как сообщает всё тот же Мейерберг, ночью звон кремлевских часов повторяли все сторожа ударами в желоба или колотушки, демонстрируя свое присутствие на посту.

Часы, виденные Мейербергом, просуществовали до Петровской эпохи; в 1706 году по велению царя их сменили на новые, с двенадцатичасовым циферблатом. К этому времени к идее «ровного» часа знатные москвичи могли уже привыкнуть — ведь часы, стоявшие в царском дворце и боярских хоромы, были западноевропейского производства и, следовательно, отмеряли 24 ровных часа, если, конечно, не предположить, что их переделывал на русский лад местный умелец. Вероятнее всего, русские аристократы XVII века приноравливали ход «немецких» часов к строю окружающей жизни и каждый раз совершали по ним необходимые вычисления. Вероятно, это было совсем не трудно, раз в покоях шестилетнего брата царя были часы. Вряд ли сам царевич Иван Михайлович уже умел по ним узнавать время, однако управлять такими часами вполне мог его «дядька» Глеб Иванович Морозов. Несколько часов с будильниками было у царя Михаила Федоровича, а также Алексея Михайловича и Федора Алексеевича⁵⁴⁷.

Наличие либо отсутствие как городских, так и домашних часов не сильно влияло на распорядок дня, схожий у горожан разных сословий и занятий. От современного он весьма существенно отличался — ранним подъемом, отсутствием утренней трапезы, послеобеденным сном и ранним, по современным меркам, отходом ко сну ночному. Причем вставали рано и летом — с восходом солнца, и зимой — за несколько часов до рассвета.

Для большинства людей «будильником» был петух, третий крик которого приходился на четыре часа утра.

Поднявшись с зарей или до света, москвич начинал день с молитвы — краткой или пространной в зависимости от религиозности. «Домострой» предписывал хозяину дома «утре встав Богу молитися и отпети заутреня и часы*, а в неделю и в праздник молебен с молитвою и молчанием и с кроткостоянием и единогласно пети и со вниманием слушати и святым кажение...». Как видим, автор наставления предписывал горожанину в обычные дни самому петь молитвы, а в воскресенье и на праздники приглашать к себе в дом священников с кадилами для утреннего молебна. Очевидно, это наставление «Домостроя» обращено к состоятельному москвичу, у которого была своя «крестовая палата». Однако автор не забывал и горожан победнее: «...а где некому пети, ино молится доволне вечере и утре, а мужем отнюдь не погрешити по вся дни церковнаго пения вечерни, заутрени, обедни», то есть нельзя было пропускать и церковные службы⁵⁴⁸. Во время утренних молитв, когда вся семья собиралась в «крестовой» или под образами, хозяин дома читал молитвы, а домочадцы внимали ему.

Образцом благочестивого москвича был царь Алексей Михайлович, начинавший свой день в четыре часа утра с молитвы в «крестовой», продолжавшейся четверть часа. Государь слушал поучение, которое читал один из «крестовых дьяков», а после этого вместе с царицей направлялся в одну из дворцовых церквей стоять заутреню, а иногда и раннюю обедню. Выйдя из церкви, в «передней» царь здоровался с боярами и другими служилыми людьми, явившимися «челом ударить государю» и «видеть государевы очи». Затем он в сопровождении бояр и придворных вновь отправлялся в церковь — на

* Ч а с ы — здесь: молитвословия, входящие в суточный богослужебный круг, содержащиеся в Часослове; состоят из трех псалмов, нескольких стихов и молитв, подобранных соответственно к каждой четверти дня и к особенным обстоятельствам страданий Спасителя. В первый час (соответствует семи часам утра), освящающий наступивший день, вспоминаются изгнание Адама и Евы из рая и предстояние Христа на суде Каиафы; в третий час (девять часов утра) вспоминается сошествие Святого Духа на апостолов, в шестой час (полдень) — распятие Христа; в девятый час (три часа пополудни) — смерть Иисуса Христа на кресте.

этот раз на позднюю обедню, а выходил из храма уже в одиннадцатом часу утра по нашему счету времени. Во время обедни государь начинал заниматься делами — читал доклады, разговаривал о делах, отдавал приказания. После службы Алексей Михайлович направлялся в «комнату», где приступал к решению государственных вопросов. Таким образом, каждое утро царь не менее пяти часов проводил в молитве и на богослужении, при этом ничего не ел и не пил. Лейб-медик царя С. Коллинс особо отмечает его богомольность: «Он всегда во время богослужения бывает в церкви, когда здоров, а когда болен, служение происходит в его комнате; в пост он посещает всенощные, стоит по пяти или шести часов сряду, кладет иногда по тысяче земных поклонов, а в большие праздники по полутора тысяч»⁵⁴⁹.

Конечно, большинство москвичей были не столь благочестивы, как царь, ощущавший на себе ответственность перед Господом за всех православных христиан. Прочитав утреннюю молитву, горожанин принимался за дела. Богатый хозяин обсуждал с женой или ключником домашние заботы, как то советовал всё тот же «Домострой»: «...И после пения мужу с женою советовать о устройении домовнем, на ком что положено, и кому которое дело приказано ведати, и тому наказати, что коли устроить, ести и пити про гость или про себя или ключник по государеву наказу прикажет что купити на обиход, и купив что принесет, то сметити...»⁵⁵⁰ Простые горожане, не имевшие ни ключника, ни слуг, разбирались поутру со своим хозяйством сами — надо было позаботиться о скотине, разжечь печь, натаскать воды. Что-то хозяин мог переложить на плечи жены и детей, о чем-то должен был позаботиться лично.

Решив домашние дела, москвичи приступали к дворцовой или приказной службе, торговой или ремесленной деятельности. Самые благочестивые с утра отправлялись в церковь — слушать заутреню (она начиналась еще перед восходом) и первый час. Вскоре открывались городские ворота и закипала жизнь на московских торгах. В половине восьмого начинали службу дьяки и подьячие московских приказов. После многочасовых молитв и посещения богослужения приступал к решению

текущих дел и сам царь: принимал в «комнате» бояр и приказных людей, разбирал доклады руководителей приказов, выносил решения по челобитным. Активная жизнь города продолжалась до полудня (по нашему счету времени), когда москвичи садились обедать. Это негласное правило не касалось только монастырской братии, жившей в своем ритме. В монастырях время трапезы определялось богослужением — чем значительнее был праздник и продолжительнее церковные службы, тем раньше начиналась трапеза. В Новоспасском монастыре в воскресные дни и в великие праздники садились за нее около десяти утра (по старомосковскому времени — в три часа дня), поскольку в эти дни был разрешен ужин. В субботу трапеза начиналась в 12 часов, в великие праздники — около часа дня, а в постные дни и в малые праздники, когда пищу принимали раз в день, трапезу устраивали в середине дня — около четырех часов или позже⁵⁵¹.

После обеда москвичи отправлялись два-три часа поспать. Эта традиция восходила к древним временам. Владимир Мономах писал о ней как об общепринятом правиле: «Спанье есть от Бога присужено полудне. От чина бо почивает и зверь, и птицы, и человеци». Как видим, князь-писатель не только освящал обычай полуденного сна ссылкой на Божественное установление, но и почему-то распространял его на всю живую природу. Обычай поспать после обеда был повсеместно распространен на Руси и свято соблюдался, что иногда приводило к печальным последствиям. Например, в 1410 году татары «приидоша к Володимерю лесом безвестно из-за реки Клязьмы, людем в полдень спящим, а града тогда не было, а наместника Юрья Васильевича Щоки не было в граде»⁵⁵². В результате татары сожгли и разграбили город, перебили и взяли в плен его жителей.

Послеобеденный сон стал в Средние века настолько важной частью русского быта, что ассоциировался с национальной самобытностью и православной исключительностью. Весьма информированный Конрад Буссов писал, что Лжедмитрий I «не отдыхал после обеда, как это делали прежние цари и как это вообще принято у русских», что, помимо всего прочего, вызывало

недоумение москвичей и «послужило причиной больших подозрений и сомнений относительно их нового царя». Царь Алексей Михайлович, напротив, прилежно соблюдал обычай послеобеденного сна, а затем вновь отправлялся в церковь к вечерне, которая служилась в дворцовых церквях раньше, чем в монастырях. «После вечерни, — пишет И. Е. Забелин, — иногда также слушались дела или собиралась Дума. Но обыкновенно всё время после вечерни и до вечернего кушанья, или ужина, государь проводил уже в семействе или с самыми близкими людьми»⁵⁵³.

По-видимому, так же поступали и многие московские торговцы. Не случайно А. Контарини в 1477 году аттестовал москвичей: «Их жизнь протекает следующим образом: утром они стоят на базарах примерно до полудня, потом отправляются в таверны есть и пить; после этого времени уже невозможно привлечь их к какому-либо делу»⁵⁵⁴. Тем не менее деловая жизнь в Москве во второй половине дня всё же продолжалась. Например, приказные после двухчасового перерыва на отдых возвращались к своим занятиям и сидели на службе до восьми часов вечера. Когда 15 мая 1665 года в Суконном Смоленском ряду в одиннадцатом часу утра (по-нашему — в пятом часу дня) начался пожар, торговцы находились в лавках и бросились искать источник возгорания⁵⁵⁵. Царь в эту пору также мог заседать с боярами, но чаще предавался отдыху — шел в баню, играл в шахматы, слушал рассказы «верховых богомольцев» и бахарей (сказителей), читал или слушал чтение книг, в основном духовного содержания. После вечерней трапезы, совершив моление в Крестовой палате, государь ложился почивать.

Молились «по вся дни вечера» все благочестивые горожане, которым «Домострой» предписывал: «...отпети вечерня, павечерница и полунощница с молчанием, и со вниманием, и с кроткостоянием, и с молитвою, и с поклоны, пети внятно и единогласно, а после правила отнюдь не пити и не ясти, ни молвы творити...»⁵⁵⁶ С наступлением темноты город погружался в сон, и лишь перезвон кремлевских курантов, стук колотушек сторожей да лай собак нарушали тишину.

Муж-государь

Мужчина безраздельно главенствовал в русском средневековом обществе. Об этом единодушно рассказывают как русские источники, так и описания иностранцев. Наиболее ярко власть мужчины обрисована в «Домострое», который предписывал главе семьи заботиться не только о порядке в домашней жизни, но также и о спасении душ всех домочадцев и слуг. «Государю» полагалось свою жену, детей и слуг «учити не красти, не блясти, не солгати, не оклеветати, не завидети, не обидети чюжаго, не претися всуе, не осуждати, не бражничати, не просмеивати, не помнити зла, не гневатится ни на кого...». Согласно «Домострою», муж, который сумел «соблюсти» души своих домашних, получает в награду жизнь вечную; не радевший же о семье и домочадцах и попустивший их грехи обречен на бесконечные мучения⁵⁵⁷. То есть господство мужчины осознавалось еще и как его ответственность. В строго иерархичном старомосковском обществе глава семьи заменял царя, а царь — Бога.

Иностранцы этого не осознавали — они писали лишь о внешней стороне семейных отношений в средневековой России. С легкой руки С. Герберштейна утвердилось представление о «теремном рабстве», сводившееся к тому, что женщина в те времена была принижена, забита и заперта в собственном доме, «не имея совершенно никакого голоса и участия в хозяйстве». Герберштейн, также первым из иностранных авторов, сообщает, что побои воспринимаются русскими женщинами как проявление любви: «Есть в Москве один немецкий кузнец, по имени Иордан, который женился на русской. Прожив некоторое время с мужем, она как-то раз ласково обратилась к нему со следующими словами: “Дражайший супруг, почему ты меня не любишь?” Муж ответил: “Да я сильно люблю тебя”. — “Но у меня нет еще, — говорит жена, — знаков любви”. Муж стал расспрашивать, каких знаков ей надобно, на что жена отвечала: “Ты ни разу меня не ударил”. — “Побои, — ответил муж, — разумеется, не казались мне знаками любви, но в этом отношении я не отстану”. Таким образом, немного спустя он

весьма крепко побил ее и признавался мне, что после этого жена ухаживала за ним с гораздо большей любовью. В этом занятии он упражнялся затем очень часто и в нашу бытность в Московии сломал ей, наконец, шею и ноги»⁵⁵⁸.

«Домострой» существенно корректирует слова австрийского дипломата. Он предписывает мужу с женой регулярно посещать церковь, наставляет, как ходить в гости и принимать гостей у себя, уделяет большое внимание роли женщины как хозяйки дома. Совершенно по-иному трактует «Домострой» и значение побоев: это средство убеждения должно было применяться лишь в том случае, когда не действует «рассуждение». При этом автор советовал совершать наказание наедине, втайне от домочадцев и слуг, «соимя рубашка плеткою вежливо побить за руки держа по вине смотря», не давая волю гневу и поучая при этом словесно. Предостерегал «Домострой» и от нанесения телесных повреждений: «...а по всяку вину по уху ни по виденью не бити, ни под сердце кулаком ни пинком ни посохом не колоть никаким железным или деревяным не бить; хто с сердца или с кручины так бьет, многи притчи от того бывают: слепота и глухота и руку и ногу вывихнуть и перст и главоболие и зубная болезнь, а у беременных жен и детем повреждение бывает во утробе, а плетью с наказанием бережно бити, и разумно и болно и страшно и здорова, а толко великая вина и кручинавата дело, и за великое, и за страшное ослушание и небрежение...»⁵⁵⁹

Впрочем, средневековый сборник хозяйственных рекомендаций содержал правила и советы, которым не всегда соответствовала реальная жизнь. Многочисленные указания на страшные проявления власти мужчин над женами и детьми, содержащиеся в документах XVII века и более позднего времени, заставляют признать домашнее насилие частью повседневной жизни старомосковского общества. «Русские обходятся с женами жестоко и держат их в строгом повиновении; но прежде они обращались с ними еще бесчеловечнее, нежели теперь. Года три или четыре тому назад один купец бил жену свою до тех пор, пока мог, плетью пальца два толщины; наконец заставил ее надеть платье, напи-

танное водкой, три или четыре раза перегнанной, зажег его, и таким образом несчастная погибла в пламени», — пишет С. Коллинс⁵⁶⁰.

Случаи постоянных истязаний женщин и детей запечатлели судебные дела XVII века. На мужей-садистов били челом родители или другие родственники жен, а иногда и они сами. В 1627 году Аксинья Гурьева жаловалась царю, что зять и его дядя избивают ее дочь Наталью: «...мучат без вины, водят нагу и босу, угрожают убийством...» Другое дело, 1687 года, содержало жалобу крестьянина Григория Попова, дочь которого Ирину постоянно били муж и свекор. Последний однажды так ударил несчастную, что у нее «от того удара жилы и персты сволокло крюком, никакие работы работать не может». Жалобы на домашних тиранов неслись к царю со всех концов страны: «И он, Иван, в таких молодых letech пьет, и напившись пьян свою жену бьет и мучит; а дому, государь, своего не знает, у Ивана жена и сын всегда в слезах пребывает»; «Тот Артемий Михайлов, забыв страх Божий, пьет, а свою жену, а мою племянницу, безпрестанна мучит, и что было за нею приданнова — то всё пропил...»⁵⁶¹ Такие описания, к несчастью, типичны. В повседневной жизни наших предков домогостроевское право «учить» и «наказывать» превращалось в обыденное насилие, на которое власти взирали снисходительно, реагируя лишь тогда, когда оно переходило определенные границы.

Побои широко практиковались во всех слоях русского средневекового общества, охватывая и боярскую аристократию, и «черный люд» — рядовых горожан и крестьянство. Ф. М. Достоевский описал психологический механизм домашнего насилия, объясняющий его широкое распространение в крестьянской среде XIX века. Нет сомнений, что сходным образом этот механизм действовал и в средневековом городе: «Видали ли вы, как мужик сечет жену? Я видал. Он начинает веревкой или ремнем. Мужичья жизнь лишена эстетических наслаждений — музыки, театров, журналов; естественно, надо чем-нибудь восполнить ее. Свяжав жену или забив ее ноги в отверстие половицы, наш мужичок начинал, должно быть, методически, хладнокровно, сонливо да-

же, мерными ударами, не слушая криков и молений, то есть именно слушая их, слушая с наслаждением, а то какое бы удовольствие ему бить?.. Удары сыплются всё чаще, резче, бесчисленнее; он начинает разгорячаться, входить во вкус. Вот уже он озверел совсем и сам с удовольствием это знает. Животные крики страдальницы хмелят его, как вино... Он вдруг бросает ремень, как ошалелый схватывает палку, сучок, что попало, ломает их с трех последних ударов на ее спине, — баста! Отходит, садится за стол, воздыхает и принимается за квас»⁵⁶².

Можно говорить и о неравенстве мужчины и женщины перед законом. Соборное уложение, содержащее специальную статью с описанием казни женщин-мужеубийц, ничего не говорит о наказании мужей, убивших жен. Случайно ли это? Власть мужчины над женой была во многом сродни власти отца, а наказание за детоубийство, как уже говорилось, наказывалось не так строго, как убийство родителей⁵⁶³.

Об одной из таких трагедий рассказывает челобитье вдовы Феодоры Желябужской: «В прошлом, государь, во 121 (7121-м, то есть 1613-м. — С. III.) годудала я, государь, дочеришко свое Таньку замуж за Федора Иванова сына Нащокина, и ныне, государь, тот Федор дочеришко мое Таньку убил до смерти, а тело ея лежит не погребено, а сынишко мой, государь, Ивашка на твоей государевой службе под Смоленском, опричь его вступитья некому. Милостивый государь, царь и великий князь Михаил Федорович все Руси, покажи милость, пожалуй меня горькую вдовицу, призри на мои сиротьи бедные слезы своим царским милостивым призрением, вели, государь, сынишка моего Ивашка с государевой службы отпустить не на многое время к Москве погребсти тело дочеришка моего»⁵⁶⁴. Примечательно, что несчастная мать просит вовсе не о наказании убийцы, а об отпуске сына в Москву для похорон его сестры. Царь разрешил отпустить Ивана Желябужского со службы, о чем свидетельствует резолюция на челобитной, а женоубийца Нащокин, вероятнее всего, остался безнаказанным. По крайней мере известно, что какой-то Федор Иванович Нащокин в 1619 году был воеводой в Новосиле, с 1627 по 1640 год служил в чине дворянина московского, а в

1631 году воеводствовал в Кузнецке. Других представителей этого рода с такими именем и отчеством родовая не упоминает⁵⁶⁵.

И всё же масштабы домашнего насилия не следует преувеличивать, а также недооценивать степень уважения, которым наделялась русская женщина в Средние века. Мужчина, являвшийся в своей семье полновластным господином, далеко не всегда был тираном и мучителем — его останавливали страх Божий и поучения духовенства, совесть, любовь и уважение к супруге и детям. Имеющиеся источники не позволяют рисовать картину нравов средневековой Москвы исключительно в мрачных тонах.

Собирательный внешний облик средневекового москвича представить проще. Его отличительной особенностью была, естественно, борода. Почитание бороды восходило еще, по-видимому, к языческим временам. Не случайно уже Русская Правда (XI век) устанавливала за повреждение бороды немалый штраф — 12 гривен, тогда как за отсеченный палец брали всего три гривны, а за убийство свободного воина («мужа») — 40 гривен. На защите бороды стояла и Церковь. Церковный устав князя Ярослава предписывал: «Аще кто пострижет голову или бороду, митрополиту 12 гривен, а князь казнит». Средневековая нравоучительная литература уделяла бороде большое внимание. Согласно учению церковных авторитетов, мужчина, бреющий бороду, нарушал цельность облика, дарованного ему Богом. Бладобритие ассоциировалось с еретичеством или содомией.

Один из самых ярых борцов за бороду митрополит Даниил (1522—1539) писал: «Каа же тебе нужна есть выше меры умыватися и натирыватися? И почто неточию власа твоя, но и плоть свою с власы твоими отстригаеши от брады и ланит твоих, многажды и главу твою, и повешаеши под брадою пугвицы сияющие красны зело, а красишися тако, якоже и женам не лепо есть? Каа же тебе нужна есть сапоги шолком шитыа носити или каа ти нужна есть неточию выше меры умывати руце, но и перстни злата и сребреныа на персты твоя налагати?..»⁵⁶⁶ Как видим, Даниил осуждал не только «бритобрадцев», но и вообще щеголей, стремившихся украшать себя всевозможными способами.

Запрещали брить или подстригать бороды или усы также Стоглав («Священная правила православным крестьянам всем возбраняют не брить брад и усов не постригати»), митрополит Макарий («Если же некоторые из вас, забыв страх Божий и заповедь царскую, и наше духовное наставление, не станут каяться в своих согрешениях и впредь начнут брить или обсекать бороду, или подстригать усы, или впадать в скверные содомские грехи с отроками, или впадать в прелюбодеяние и блуд с пленными женами и девицами и потом будут обличены, то всем таким быть от благочестивого царя в великой опале, а от нашего смирения и от всего священного Собора — в отлучении, по священным правилам, от святой Церкви и всякой святыни») и все прочие иерархи, вплоть до последнего старомосковского патриарха Адриана⁵⁶⁷. Усиленная защита бороды архиереями свидетельствует не только о том, что этот мужской атрибут находился в большом почете, но и о том, что находились смельчаки, пренебрегавшие дедовским обычаем — брившие, подстригавшие и даже выщипывавшие растительность на лице. Брадобритие было уделом молодых щеголей, стремившихся понравиться женщинам; солидные мужи отращивали бороды, ходили степенно и важно.

«Они очень почитают длинные бороды и толстые животы, и те, у кого эти качества имеются, пользуются у них большим почетом. Его царское величество таких людей из числа купцов назначает обыкновенно для присутствия при публичных аудиенциях послов, полагая, что этим усилено будет торжественное величие приема. Усы у них свисают низко над ртом», — свидетельствует Олеарий. «Волосы отращивают, только не длиннее концов ушей, чтобы не повредить достоинству бороды, которая в высоком уважении», — вторит ему Мейерберг. Впрочем, иностранцы также замечали, что длинные бороды носят далеко не все русские. «Некоторые отращивают очень длинные и густые бороды, — пишет Петрей. — Другие бреют бороду и всю голову бритвой, а иные выдергивают волосы на бороде маленькими железными щипчиками, оставляя только усы и маленькие полоски к ушам»⁵⁶⁸.

Самым известным «бритобрадцем» XVI века был великий князь Василий III, расставшийся с растительностью на лице в угоду молодой жене Елене Глинской. Герберштейн приводит диалог между ним и великим князем: «Среди прочего он спрашивал меня, брил ли я бороду... Когда я сознался в этом, он сказал: “И это по нашему”, т. е. как бы говоря: “И мы брили”. В самом деле, когда он женился вторично, то сбрил совершенно бороду, чего, как они уверяли, не делал никогда никто из государей»⁵⁶⁹. Любопытно, что на известных портретах оба — и великий князь, и Герберштейн — изображены с бородами; период брадобрития был у них, вероятно, недолгим.

Еще одним безбородым государем был Лжедмитрий I, однако он имел на это право, будучи еще молодым человеком, — ему не было тридцати лет. На миниатюрах Лицевого летописного свода Иван IV до этого возраста также изображается без бороды. Безбородым показан на парсуне XVII века и герой Смутного времени, выдающийся полководец князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский, умерший в 24 года. Другой деятель Смуты, приближенный самозванца Михаил Андреевич Молчанов, согласно описанию участников русского посольства к польскому королю Сигизмунду III, был, напротив «возрастом не мал», но бороду не отпускал: «...ус чорн, а бороду стрижет, на щеке бородавка с волосы»⁵⁷⁰. Сподвижник самозванца стрелецкий голова Григорий Иванович Микулин также носил только усы — об этом свидетельствует его портрет, написанный несколькими годами ранее в Англии, куда Микулин ездил посланником. Очевидно, что в годы Смуты бритье бороды на польский манер распространилось весьма широко. Смута закончилась, но «бритобрадцы» не перевелись. Протопоп Аввакум вспоминал: «Василей Петрович Шереметев, пловучи Волгою в Казань на воеводство, взяв на судно и браня много, велел благословить сына своего Матфея бритобрадца. Аз же не благословил, но от писания ево и порицал, видя блудолюбный образ. Боярин же, гораздо осердясь, велел меня бросить в Волгу и, много томя, протолкали»⁵⁷¹.

Волосы на голове, как правило, коротко стригли или

же брили голову. Посол Священной Римской империи Даниил Принц из Бухова описывает внешность Ивана Грозного таким образом: «Борода у него рыжая (*rufa*), с небольшим оттенком черноты, довольно длинная и густая, но волосы на голове [он], как большая часть русских, бреет бритвой». О том же говорит Петрей: «Перед большими праздниками все они, высшего и низшего звания, кроме только таких, которые в опале у великого князя, снимают волосы с головы бритвою»⁵⁷². Опальные бояре и дворяне в знак печали волосы не стригли и не брили. Не стриглись и во время путешествий. Как и в случае с бородой, здесь не было единого для всех правила или канона. На миниатюрах Лицевого летописного свода можно видеть изображения мужчин с волосами средней длины, духовенство вообще не стригло волосы. Обнаруженные в погребении царя Федора Ивановича волосы были длиной пять-шесть сантиметров. По-видимому, он стриг и бороду⁵⁷³.

Борода была не только украшением, но и воплощением мужского достоинства. Таскать или дергать за бороду значило нанести оскорбление. Царь Алексей Михайлович в гневе таскал за бороды провинившихся бояр. Иван Грозный был более жесток — в 1547 году приказал мучить псковичей, бивших челом на своего наместника, — «бесчествовал, обливаючи вином горячим, палил бороды и волосы да свечою зажигал и повеле их покласти нагых на землю».

Большая борода дополнялась «дородством», сочетавшим физическую силу и полноту. «Мужчины у русских, большею частью, рослые, толстые и крепкие люди, кожею и натуральным цветом своим сходные с другими европейцами», — пишет Олеарий. «Русские обыкновенно высокие, крепкие, дородные и статные молодцы», — замечает Петрей. «Надо отметить, что летом все ездят верхом, а зимой на санях, так что не совершают никаких упражнений, что делает их жирными и тучными, они даже почитают наиболее пузатых, зовя их Дородный Человек, что означает славный человек...» — вторит им Маржерет⁵⁷⁴.

Идеалом средневекового мужчины мог считаться царь Иван Грозный. По отзыву Даниила Принца, «он

очень высокого роста. Тело имеет полное силы и довольно толстое». Этому описанию вполне соответствуют результаты антропологического исследования останков царя, проведенного М. М. Герасимовым и его сотрудниками в 1963 году: «Он был высок и дороден (рост — 178 см, вес — не менее 85—90 кг). Судя по степени развития рельефа костей скелета, он был очень силен, смолоду хорошо тренирован»⁵⁷⁵. Могучим сложением отличался и воевода М. В. Скопин-Шуйский. «Повесть о преставлении и погребении князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского» рассказывает: «И тогда привезоша гроб каменен велик, но ни той довяше вместити тело его, понеже велик бе возрастом телес своих, по Давиду пророку рече: “паче сынов человеческих”»⁵⁷⁶. Не столь могуч, но также вполне близок к средневековому идеалу мужчины был царь Алексей Михайлович — по описанию Мейерберга, «статный муж, среднего роста, с кроткой наружностью, бел телом, с румянцем на щеках, волосы у него белокурые и красивая борода; он одарен крепостью телесных сил, которой, впрочем, повредит заметная во всех его членах тучность, если с годами она всё будет увеличиваться и пойдет, как обыкновенно, в живот; теперь он на 36 году жизни»⁵⁷⁷.

Конечно, далеко не каждый москвич, будь то боярин или посадский человек, отличался физической крепостью, но полнота и степенность были обязательны для вельможи. Фигуре соответствовала и важность — медленная походка, плавные движения, властный взгляд. Солидное положение бояр подчеркивалось и многослойной одеждой — кафтан*, ферязь, шуба, — и высокими «горлатными» (сшитыми из куньего или собольего меха, взятого с горлышек зверей) шапками, и символами власти — посохами. Парадное одеяние патриархов и царей весило десятки килограммов, поэтому во время торжественных церемоний их вели под руки бояре, что и называлось шествием. Принадлежность к сильным мира сего определяла и внешний облик, и одеяние, и манеру поведения.

«Каждый ходил в приличном состоянии costume,

* Кафта н — длинная мужская одежда с рукавами и застежками спереди; ферязь надевали поверх кафтана.

выступал присвоенной званию походкой, смотрел на людей штатным взглядом. Занимал человек властное положение в обществе — он должен был иметь властные жесты, говорить властные слова, глядеть повелительным взглядом, с утра до вечера не скидывать с себя торжественного костюма, хотя бы всё это было ему тяжело и противно. Родился князем Воротынским — поднимай голову выше и держи себя по-княжески, поворотынски, а стал монахом — так и складывай смиренно руки на груди и береги глаза, опускай их долу, а не рассыпай по встречным и поперечным, — пишет В. О. Ключевский. — Когда древнерусский боярин в широком охабне и высокой горлатной шапке выезжал со двора верхом на богато убранном ногойском аргамеке, чтобы ехать в Кремль челом ударить государю, всякий встречный человек меньшего чину по костюму, посадке и самой физиономии всадника видел, что это действительно боярин, и кланялся ему до земли или в землю, как требовал обычай, потому что ведь он — столп, за который весь мир держится, как однажды выразился про родовитых бояр знаменитый, но неродовитый князь Пожарский»⁵⁷⁸.

Важной особенностью средневекового мироустройства было господство мужчины не только в общественной и семейной жизни, но также в культуре и искусстве. Вся культура была мужским миром, итогом мыслительной и творческой деятельности мужчин (за исключением такого жанра декоративно-прикладного искусства, как лицевое шитье). Поэтому, читая отзывы иностранцев о грубых крепышах-бородачах, которыми представлялись западноевропейцам москвиты, нельзя забывать о том, что мужчины средневековой России не только грудью стояли на защите Отечества, омываясь в крови, и строили крепости, храмы и дома, обливаясь потом, но также создали своими руками все произведения искусства и литературы той поры, которыми мы восхищаемся и поныне. Иконы и фрески Феофана Грека, Андрея Рублева, Дионисия, Симона Ушакова, «Слово о полку Игореве», «Задонщину», «Повесть о Дракуле», сочинения Андрея Курбского, Ивана Грозного, Авраамия Палицына, Семена Шаховского, протопопа Аввакума,

Симеона Полоцкого — эти шедевры русской средневековой культуры были созданы мужчинами — «государями» того мира.

Облик средневекового москвича получился не столь ярким, как портрет москвички, следующий далее в нашем повествовании. Отчасти это объяснимо. Помимо того, что мужская природа проще и примитивнее женской, последняя была предметом дискуссий, изысканий и специальных сочинений. Понятие «муж» не требовало особых комментариев. «Муж» господствовал внешне, он всегда был на виду, тогда как женщина, скрываясь в его тени, оставалась загадочной фигурой, объяснения которой сами же мужчины и предлагали.

О злых и добрых женах

В древнерусской духовной литературе созданное монахами учение о «злых» и «добрых» женах претендовало на понимание женской природы. К счастью для наших предков, аскетическое представление о женщине не принималось как безусловное руководство к действию. Несмотря на явное неравноправие полов, положение женщины в средневековой Москве всё же не было столь унижительным, как это представлялось историкам XIX века, например Н. И. Костомарову, писавшему: «Русская женщина была постоянно невольницею с детства и до гроба»⁵⁷⁹. Исследования последних лет показывают, что семейный и общественный статус женщины на протяжении средневекового периода российской истории претерпевал существенные изменения. Господство того уклада, который можно условно назвать «теремным рабством», одновременно с активной проповедью женофобии приходится на весьма недолгий срок: середину XVI — первую половину XVII столетия⁵⁸⁰. Впрочем, и в этот период, как свидетельствуют разнообразные источники, женщина не являлась такой уж бесправной и забитой.

Отечественное и западноевропейское искусство XVI—XVII веков сохранило десятки изображений русских мужчин той эпохи (в основном царей и послов) —

солидных и дородных бородачей. Женских портретов той эпохи крайне мало. Это изображения цариц Натальи Кирилловны, Марфы Матвеевны (второй жены Федора Алексеевича), царевны Софьи Алексеевны. Поэтому получить представление об идеале женской красоты эпохи Московского царства можно только из письменных источников. Обычно эти описания приукрашены литературными изысками, но сохранились и вполне реалистические словесные портреты, в первую очередь в брачных делах царской фамилии. Например, двенадцатилетняя княжна Евдокия (Овдотья) Гундорова, по описанию князя И. Мезецкого и дьяка Щенка, была «телом ровна, ни тонка, ни толста, очи находили на черно, нос по лицу не долог, волосы темнорусы». «Смотрили» ее царские слуги в январе 1547 года как возможную невесту Ивана IV⁵⁸¹. Неизвестно, они ли отклонили кандидатуру княжны или сам государь, но царицей стала боярышня Анастасия Романовна Захарьина-Юрьева. О грузинской царевне Леле (Елене), которую прочили в невесты царевичу Федору Борисовичу Годунову, в документе сказано: «Рожаем добра, а не отлично красна, лицом бела, только белится не самое знатно (слишком мало. — *С. III*), а очи черны, нос не велик, по лицу волосы крашены на красно, а сказывают, что у нее волосы черны, а в стану царевна пряма, только тоненька, что молод...» Несмотря на то, что царевна не показалась московскому посланнику М. И. Татищеву красавицей, он всё же отвечал ее отцу, картлийскому царю Георгию, что «Елена, дал Бог, добра, и чаем Божьей милости, что царского величества сыну пригодится»⁵⁸². Вероятно, она была не старше княжны Гундоровой, но возраст 12—13 лет уже считался подходящим для замужества.

Одновременно с невестой для царевича Федора Татищев искал на Кавказе жениха для его сестры Ксении. Об этой девушке современники единодушно говорят как о дивной красавице. Автор «Летописной книги», повествующей о Смуте (князь И. М. Катыврев-Ростовский или князь С. И. Шаховской), пишет: «Царевна же Ксения, дщерь царя Бориса, девица сущи, отроковица чюдного домышления, zelною красотою лепа, бела велми, ягодами (щеками. — *С. III*) румяна, червлена губами, очи

имея черны великы, светлостию блистаяся; когда же в жалобе слезы изо очию испущаше, тогда наипаче светлостию блистаху зеленою; бровми союза, телом изобилна, млечною белостию облиянна; возрастом ни висока ни ниска; власы имея черны, велики, аки трубы, по плещам лежаху...»⁵⁸³ Этот образ — белое лицо, румяные щеки, красные губы, черные густые брови и длинные волосы, средний рост и плотное телосложение, — созданный при помощи переводной «Троянской войны», может рассматриваться как идеальный. По поводу роста царевны мы можем слегка поправить автора: он был, скорее всего, ниже среднего, о чем свидетельствует найденная в гробнице царевны туфелька очень маленького размера⁵⁸⁴.

Русская литература Средних веков, к сожалению, не богата образами идеальных красавиц. Гораздо большее распространение имели не лишённые эротизма описания «злых жен», разжигающих блудную страсть и влекущих душу к гибели. Одно из классических женофобских произведений, «Беседа отца с сыном о женской злобе» (XVII век), изображало греховную прелесть женщины таким образом: «Таковая жена мужу своему во стретение изыдет, ланитами склабящися и нравом уничижающися, и за руце мужа принимающе, и одеяние совлачающе; словесы лстящи, усты лобызаючи, сице глаголющи: “Пойди, государю мой, свет очей моих, сладость гортани моему, зрети я без тебя, света моего, не могу, и ни единого слова проглаголати. Лице мое потекло, и сердце мое окаменело, и егда возрю на тя, света моего, тогда зело возрадуюся: составы мои разступаются и вси уди тела моего трепещутся и руце мои ослабевают. Брак ты мой любезный, всегда пред очима моима есть, егда услышу слаткая твоя словеса, тогда не смею что отвещати: не отверзутся ми уста, огонь в сердцы моем горит и лице мое палить и все составы мои греются”. И аще будет юн мужь, и она его вскоре оболстит; и аще в дому его не прилучится, и она близ оконца приседит, семо и овамо колеблющися, а со смирением не сидит: скачет, пляшет и всем телом движется, сандалиями стучит, руками плещет и пляшет, яко прелстившаяся блудница Иродиада бедрами трясет, хрептом вихляет и главою

кивает, голосом поет, языком глаголет бесовская, ризы многи пременяет и в оконцо часто призирает, подобно Иродиаде чинится и многим юным угодит, и всякого к себе лстит»⁵⁸⁵.

Самое удивительное, что в тексте речь идет именно о жене, а не о женщине вообще. Таким образом, автор «Беседы» вообще отказывал женщине в праве на проявление страсти из соображений «как бы чего плохого не вышло». Жуткие последствия увлечения женской красотой описал, в свою очередь, митрополит Даниил: «Жены красны блудница... и светло и мягко тело обыхав, и притек, объем, целуеши, мыззжеши и рукама осязаеши, и толико безстуден и безумен быв бесовьскою любовию восхотився к ней, аки бы внутрь себе вместити, сице помрачен сый, якоже от безсловестных бываа аки жеребец некий слатнояростливый, рзяя и сластию распалаася, аки огнем горя, яко вепрь к свинии своей похотствуя, и употевая и пены испущаа...»⁵⁸⁶

Послушав этих старцев, можно было сделать только один вывод: женская красота — это страшная сила, которая вовсе не спасет, а, напротив, погубит мир. Мужчины эпохи Средневековья, несомненно, слушали такие поучения с вниманием, а может быть и со страхом, однако, когда возникал вопрос выбора, часто поступали по-своему. Антропологические реконструкции внешнего облика великих княгинь Евдокии Дмитриевны и Елены Глинской, цариц Марфы Собакиной и Ирины Годуновой свидетельствуют, что русские государи выбирали в жены красавиц.

Для полноты картины следует привести описания внешности русских женщин, оставленные иностранцами, гораздо более содержательные, чем свидетельства зажатых женофобией русских авторов.

П. Петрей: «Что касается женщин, они чрезвычайно красивы и белы лицом, очень стройны, имеют небольшие груди, большие черные глаза, нежные руки и тонкие пальцы и безобразят себя часто тем, что не только лицо, но глаза, шею и руки красят разными красками, белою, красною, синею и темною: черные ресницы делают белыми, белые опять черными или темными и проводят их так грубо и толсто, что всякий это заметит, особли-

во же, когда ходят в гости или в церковь, потому что их не часто выпускают бродить по улицам, разве только в праздники или для посещения друзей и родных».

А. Олеарий: «Женщины среднего роста, в общем красиво сложены, нежны лицом и телом, но в городах они все румянятся и белятся, притом так грубо и заметно, что кажется, будто кто-нибудь пригоршнею муки провел по лицу их и кистью выкрасил щеки в красную краску. Они чернят также, а иногда окрашивают в коричневый цвет брови и ресницы».

Я. Стрейс: «Женщины Московии обычно хорошо сложены, у них гладкая и белая кожа, но тем не менее они мажут свои лица мазями и делают это так искусно, как шут, посыпаящий свое лицо мукой. Они красят кисточкой щеки и чернят брови, воображая, что это делает их необычайно красивыми».

А. Лизек: «Русские женщины сколько красивы, столько ж и умны; но все румянятся. Не набелившись и не нарумянившись, ни одна не смеет явиться к царице. Замужние прячут волосы под повязкой, а девушки спускают косу на плечо и на конце вплетают в нее шелковую ленту»⁵⁸⁷.

Подлинный гимн русской женщине оставил немец Ганс Мориц Айрманн, побывавший в России при царе Алексее Михайловиче:

«Было бы слишком длительно рассказывать всё, что я вспомнил о Москве. А если немногим упомянуть жен и женщин московитов, то таковые с лица столь прекрасны, что превосходят многие нации, и самих их редко кто может превзойти, — если только посчастливится увидеть их, ибо они столь бережно содержатся в Москве и не могут показываться так публично, как у нас. Они ходят постоянно покрытыми, как, по-видимому, и дома, и поэтому солнце и воздух не могут им повредить, но, кроме того, они не удовлетворяются естественной красотой, и каждый день они красятся, и эта привычка обратилась у них в добродетель и обязанность. Они телом стройны и высоки, поэтому их длинные, доходящие сверху до самого низа одежды сидят на них очень красиво. Они, по своему обычаю, сверх меры богато украшают себя жемчугом и драгоценностями, которые у

них постоянно свисают с ушей на золотых колечках; также и на пальцах носят они ценные перстни. Свои волосы, будучи девицами, заплетают они в косу и еще украшают жемчугом и золотом так, что это выглядит чудесно, а на конец свисающей косы навешивают они кисть из золотых или шелковых нитей или переплетенную жемчугом, золотом и серебром, что очень красиво; на ногах носят кожаные сапоги разных расцветок. Эта московитская женщина умеет особенным образом презентовать себя серьезным и приятным поведением. Когда наступает время, что они должны показываться, и их с почетом встречают, то такова их учтивость: они являются с очень серьезным лицом, но не недовольным или кислым, а соединенным с приветливостью; и никогда не увидишь такую даму хохочущей, а еще менее — с теми жеманными или смехотворными ужимками, какими женщины нашей страны стараются проявить свою светскость и приятность. Они не изменяют своего лица то ли дерганьем головой, то ли закусывая губы или закатывая глаза, но пребывают в принятом сначала положении. Они не носят, точно блуждающие огоньки, но постоянно сохраняют степенность, и если кого хотят приветствовать или поблагодарить, то при этом выпрямляются, изящным образом и медленно прикладывают правую руку на левую грудь к сердцу и сейчас же изящно и медленно опускают ее, так что обе руки свисают по сторонам тела; затем они склоняют верхнюю часть корпуса низко, до половины тела, и после такой церемонии возвращаются к прямому положению. Рукопожатие у них также не принято. В итоге они производят впечатление благородных личностей, но должны остерегаться своих мужей, которые им не слишком-то доверяют»⁵⁸⁸.

Иностранцы, в большинстве относящиеся к России весьма критично, были единодушны в оценках красоты русских женщин и солидности мужчин. Еще одно общее место в их описаниях — замечания, что москвитянки чрезмерно увлекаются косметикой. Они весьма активно белились, румянились, чернили брови и даже зубы. Впрочем, зубы чернили и в Западной Европе, откуда, вероятно, эта мода пришла на Русь, а также в Японии. Есть мнение, что чернение зубов должно было скрыть их дефекты.

Коллинс сообщает: «Они чернят свои зубы с тем же намерением, с которым наши женщины носят черные мушки на лице: зубы их портятся от ртутиальных (ртутных. — С. III.) белил, и потому они превращают необходимость в украшение и называют красотой сущее безобразие». Этот обычай дожил до XIX столетия. Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» пишет о жене новгородского купца: «Парасковья Денисовна, ево новобрачная супруга, бела и румяна. Зубы как уголь. Брови в нитку, чернее сажи. В компании сидит потупя глаза, но во весь день от окошка не отходит и пялит глаза на всякаго мужчину. Под вечерок стоит у калитки. — Глаз один подбит. Подарок ее любезнова муженька, для перваго дни; а у кого догадка есть, тот знает, за что». Добавим сюда же еще одну сентенцию Коллинса, в полной мере относящуюся как к горожанкам XVII века, так и к купеческим женам XVIII столетия: «Красотою женщины считают они толстоту.. Худощавые женщины почитаются нездоровыми, и потому те, которые от природы не склонны к толстоте, предаются всякого рода эпикурейству с намерением растолстеть: лежат целый день в постели, пьют *Russian Brandy* (очень способствующую толстоте), потом спят, а потом опять пьют»⁵⁸⁹.

Для авторов поучений о «злых женах» употребление женщинами косметики было признаком их «блудливого характера». Всякое стремление украсить себя, чтобы понравиться мужчине, резко осуждалось. «А прелюбодейна румянами, белилами умазался, брови и очи посурьмила, уста багряноносна...» — писал протопоп Аввакум. Впрочем, эти наставления духовных отцов москвички XV—XVII веков чаще всего игнорировали. Косметика была столь популярным товаром, что на Красной площади существовал даже специальный Белильный ряд. Олеарий и другие иностранцы свидетельствуют, что те женщины, которые не хотели белиться и румяниться, подвергались резкому осуждению товаров. Так, московские боярыни заставили белиться супругу князя Ивана Борисовича Черкасского, не желавшую портить свою природную красоту. И. Е. Забелин справедливо указывает, что увлечение косметическими

средствами должно было сделать из живой женщины не просто красавицу, а «писаную красавицу»:

Белое лицо, как бы белый снег,
Ягодицы (щеки. — *С. Ш.*), как бы маков цвет,
Черные брови, как соболи,
Будто колесом брови проведены;
Ясные очи, как у сокола,
Она ростом-то высокая,
А у ней кровь на лице, словно белаго зайца,
А ручки беленьки, пальчики тоненьки...
И ходит она словно лебедушка,
Глазом глянет, как светлый день.

Стремление к идеальной красоте лица приводило московских модниц к тому, что они, по описанию И. Е. Забелина, «чтобы еще больше возвысить ясность, светлость и блеск очей, подкрашивали не только ресницы под стать бровям тоже черною краскою, сурьюмою, но пускали черную краску и в самые глаза, особым составом из металлической сажки с гуляфною водкою или розовою водою»⁵⁹⁰. Злоупотребление косметикой не могло пройти бесследно, поскольку она делалась на основе отравляющих веществ — мышьяка, свинца и сурьмы. Не в этом ли причина ранней смерти многих московских цариц?

Если представить себе внешний облик московской женщины того времени вполне возможно, то обрисовать ее внутренний мир гораздо сложнее. Непросто также выявить истинное положение женщины в средневековом обществе. Сочинения монашествующих старцев и свидетельства иноземцев рисуют яркую, но не вполне достоверную картину, принижая и достоинства, и значение русских женщин в семье и обществе того времени.

Родоначальником женофобской традиции в древнерусской литературе был писатель XIII века Даниил Заточник. В его «Слове» тема «злой жены» занимает значительное место. «Что есть жена зла? Гостинница неуповаема, кощунница бесовская. Что есть жена зла? Мирский мятеж, ослепление уму, началница всякой злобе, в церкви бесовская мытница, поборница греху, засада от спасения. Аще который муж смотрит на красоту жены своа и на я и ласковая словеса и льстива, а дел ея

не испытает, то дай Бог ему трясею болети, да будет проклят... Кто лва злей в четвероногих, и что змии лютей в ползущих по земли? Всего того злей зла жена. Несть на земли лютей женской злобы. Женою сперва прадед наш Адам из рая изгнан бысть; жены ради Иосиф Прекрасный в темници затворен бысть; жены ради Данила пророка в ров ввергоша, и лви ему нози лизаху. О злое, острое оружие диаволе и стрела, летящая с чемерем!» Единственное спасение от женской злобы Заточник видел в полном подчинении женщин мужьям: «Жены же у церкви стойте молящися Богу и святей Богородици; а чему ся хотите учить, да учитесь дома у своих мужей. А вы, мужи, по закону водите жены свои, понеже не борзо обрести добры жены». Однако и это не могло успокоить страх Даниил перед «злой женой», рассуждение о которой он завершал словами: «Не у кого же умре жена; он же по матерных днех нача дети продавати. И люди реша ему: чему дети продаешь? Он же рече: аще будут родилися в мать, то, возрошьши, мене продадут»⁵⁹¹.

Особый страх вызывала у женофобов именно красивая женщина, что вполне понятно для монаха, но не для мирянина: «Не стречай жены сничавы (красивой. — *С. III.*), отвори очи: лубодеяние бо жены во высоте очью (в глубине ее глаз. — *С. III.*), невод — сердце ее, силки — уды ея, ловление — беседы ея, осилы (силками. — *С. III.*) устенными заведет во блуд...»⁵⁹²

Вероятно, Даниил Заточник и его последователи всё же сознавали, что «не суть зло естество женское». Однако как литературные примеры, так и некоторые реальные жизненные ситуации не могли примирить их с этим. В результате авторы подобных текстов продолжали расплывать свою ненависть к женщинам, вспоминая всё новые и новые их дурные качества: самовластие, гнев, зависть, злоязычие, сварливость, лукавство, расточительство, распутство, чародейство... Результатом таких размышлений был вывод, что само существование женщины возможно лишь при жестком контроле со стороны духовенства и супруга, а любое послабление немедленно ведет к «пагубе», потому что враг рода человеческого еще в райском саду избрал своим орудием женщину и далее старался действовать через нее на мужчину.

Но если с образом «злой жены» всё более или менее понятно, то какой же представлялась «жена добрая»? Даниил Заточник лишь кратко обмолвился о том, что «добра жена венец мужу своему и безпечалие; а зла жена — лютая печаль, истощение дому». Гораздо больше сообщает об этом «Домострой», старательно обозначающий круг обязанностей и кодекс поведения «доброй жены»: «Аще дарует Бог кому жену добру, дражайши есть камени многоценнаго, таковая от добрыя корысти не лишитца, делает мужу своему всё благое житие... встает из нощи, даст брашно (пищу. — *С. III.*) дому и дело рабыням, от плода руку свою насадит тяжание много, препоясавше крепко чресла своя, утвердит мышца своя на дело и чад своих поучает, тако ж и рабынь...» Трудолюбие «Домострой» почитал самой важной женской добродетелью, а кроме того, восхвалял нищелюбие, смирение и молчание жен, замечая в конце: «Жены ради добры блажен есть муж, и число дней его сугубо... Добрая жена по смерти мужа своего спасает...»⁵⁹³

Итак, «Домострой» очерчивал для русской женщины весьма узкий круг обязанностей: домашние дела, воспитание детей, помощь мужу, благотворительность. Исполнение их правил являлось уделом «доброй жены», своей активной трудовой деятельностью приводившей к спасению и себя, и супруга. Литературные тексты XVII столетия дополняют образ «доброй жены» другими качествами — «душевною добротою» и «многим разумом». В отличие от Даниила Заточника авторы этих сочинений не только высоко ставили женскую добродетель и верили в нее, но и были готовы признать женскую мудрость, причем не только житейскую. Яркий пример тому — «Повесть о Петре и Февронии Муромских», составленная в XVI веке Ермолаем-Еразмом, где княгиня — главное действующее лицо — многократно демонстрирует это качество. Так, когда будущий муж послал ей пучок льна, приказав соткать из него рубашку, порты и полотенце, то в ответ получил обрубок бревна и пожелание сделать из него ткацкий станок.

Гораздо жестче отзывались о добродетелях русских женщин и их положении в семье иностранцы, кажется, стремившиеся самоутвердиться за счет осуждения се-

мейного варварства московитов. Вполне типичен отзыв Рейтенфельса: «Дома у себя, согласно старинному русскому и нынешнему восточному обычаю, как, быть может, нигде еще на земле, мужья пользуются такой властью над женами, что могут даже продавать их другим в рабство на известный срок. Эта подчиненность супругу, кажется, по необходимости существует у русских, так как без нее не могло бы быть любви. Действительно: так как народу этому от рождения суждено рабски повиноваться, то отеческая власть одинаково сурова относительно слабого пола, дабы дочери приучались по примеру матерей исполнять приказания и дабы склонное к разврату сословие бабенок находилось в постоянном страхе, а мужья только такого рода суровым обращением успокаивали бы ту ревность, которую часто возбуждают в них дерзкие созерцатели красоты. Поэтому у них на первом месте, около кровати, между другими предметами, необходимыми в хозяйстве, вешается и ременная плетка, называемая “дураком”, и жены постоянно оказывают мужу почтение, с притворно скромным видом, с опущенною главою и наполовину закрытыми очами быстро исполняя все его приказания, так что по виду супруги скорее совершенно чужды друг другу, а не связаны брачными узами. Тем не менее, однако, и у мосхов встречается немалое количество Вулканов-рогносцев, и притом между знатью»⁵⁹⁴. В разных вариациях, с прибавлением известий о том, что русские женщины любят выпить и склонны к разврату (особенно с иностранцами), такие отзывы кочуют по всей россике, а противоположные — как, например, свидетельство Г. М. Айрмана, — единичны.

Свидетельства иностранцев возвращают нас к представлению о «теремном рабстве», которому положил начало Герберштейн. Австриец писал: «Они (москвиты. — *С. III*.) не верят в честь женщины, если она не живет взаперти дома и не находится под такой охраной, что никуда не выходит. Они отказывают женщине в целомудрии, если она позволяет смотреть на себя посторонним или иностранцам. Заключение дома, они только прядут и сучат нитки, не имея совершенно никакого голоса и участия в хозяйстве; все домашние рабо-

Свадьба князя Владимира Андреевича Старичко
и Евдокии Нагой в 1551 году.

Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

ты считаются делом рабов. Всем, что убито руками женщины, будь то курица или другое какое животное, они гнушаются как нечистым. У тех же, кто победнее, жены исполняют домашние работы и стряпают. Если они хотят зарезать курицу, а мужа или рабов случайно нет дома, то они становятся у дверей, держа курицу или другое животное и нож, и усердно просят прохожих мужчин, чтобы те зарезали животное. Весьма редко допускают женщин в храмы, еще реже — на беседы с друзьями, и только в том случае, если эти друзья — совершенные старики и свободны от всякого подозрения»⁵⁹⁵.

Странная зарисовка с натуры — боярыня с курицей и ножом на пороге своего дома — другими авторами не повторяется; однако мнение, что русские мужчины запирают своих жен в тереме, высказывают также Принц, Маржерет, Петрей, Олеарий, Мейерберг, Рейтенфельс, Корб и др. По счастью, эта нерадостная и однобокая картина не во всём достоверна, начиная с хрестоматийного утверждения о безусловной власти родителей над девушкой и принятии ими решения о выдаче ее замуж.

Это, казалось бы, незыблемое правило, отраженное в «Домострое» и описанное Котошихиным и иностранными путешественниками, иногда нарушалось. Из духовной грамоты Марфы, вдовы благовещенского протопопа Василия Кузьмича, мы узнаём историю замужества ее внучки княжны Евдокии (Авдотьи) Мезецкой. После смерти родителей — князя Ивана Мезецкого и Евфимии Протопоповой — сирота осталась на попечении бабушки. Когда она подросла, бабушка и дядя-опекун Иван Протопопов «сговорили» ее (не позднее июня 1546 года) за представителя старомосковского боярского рода Ивана Михайловича Воронцова. Сговор был оформлен по всем правилам, о которых сообщает Котошихин: «...и они меж себя, с обе стороны, учнут уговариватца о всяких свадебных статьях и положат свадьбе срок, как кому мочно к тому времени изготовится, за неделю, за месяц, и за полгода, и за год и болши... а напишут, что ему по тому зговору тое невесту взять на прямой установленный срок, без пременения, а тому человеку невесту за него выдать на тот же срок, без пременения, и положат в том писме между собой заряд: будет тот человек на тот ус-

тановленной срок не выдаст, взяти на виноватом 1000, или 5000, или 10 000 рублей денег, сколько кто напишет в записи»⁵⁹⁶. Однако на сей раз планы сватов неожиданно разрушила сама невеста. «И по грехом моим, вражью споную внука моя за Ивана не похотела», — пишет Марфа. На этот раз внушительный «заряд» (неустойку) пришлось платить родне невесты, что, несомненно, было большой редкостью. Однако бабушка, жалея Евдокию («ее для слез»), выложила целых 500 рублей, продав для этого два села. Отказав Воронцову, княжна стала женой храброго воеводы князя Юрия Ивановича Шемякина-Пронского. Брак этот был недолгим — через восемь лет, достигнув боярского чина, князь скончался. Вдова в монахини не постриглась, но и замуж не вышла, храня верность любимому⁵⁹⁷.

Посадские повести XVII столетия наделяли девиц значительной свободой в выборе будущего супруга. В «Повести о семи мудрецах» девушка спорила с матерью: «Рече ей мати: “Кого хочещи любити?” — Она же отвеща: “Попа”. — Мати же рече: “Лутчи... дворянина, но менши греха”. — Она же рече: “Попа хочу”»⁵⁹⁸. Странный выбор и не менее странная аргументация (вряд ли священник был более греховен, чем дворянин, но на социальной лестнице стоял ниже), но перед нами — проявление свободной воли девушки. А уж в «Повести о старом муже и молодой девице» незадачливый жених и вовсе подвергается издевательствам со стороны приглянувшейся ему барышни: «О безумный и несмысленный старый старик, матерой материк! Коли ты меня прекрасную девицу, поимешь за себя, храбрость твоя укротитца, и образ твой померкнет, и седины твои и уды ослабеют, и плоть твоя обленитца, и не угоден будещи младости моей и всему моему животу не утеха будещи; ум твой от тебя отъидет и учнешь ходити, аки лихая понурая свинья, на добро и на любовь не помыслишь, и уды твои ослабеют, и плотскому моему естеству не утеха будещи; тогда аз, девица, от распаления впаду в преступление с младым отроком, с молодцом хорошим, а не с тобою, старым мужем, с вонючею душою, с понурою свиньею»⁵⁹⁹. Литература второй половины XVII века вообще демонстрирует иной взгляд на женщину, содер-

жит откровенные эротические описания и рассказы о весьма щекотливых ситуациях. Не совсем ясно, было ли это связано с реальным освобождением женщины от мужского диктата; однако понятно, что представление о забитой и бесправной русской женщине XVII века как минимум не вполне соответствует действительности.

Это подтверждают и документы, рассказывающие о семейных конфликтах. В 1612 году крестьянин Беляйка Артемьев жаловался архиерею, что его жена ушла из дома к отцу, прихватив с собой имущество. Когда незадачливый супруг попытался вернуть свою вторую половину, его избили отец и братья беглянки. Аналогичный случай произошел в 1626 году. Кирилл Григорьев жаловался на сноху, ушедшую от сына и забравшую с собой общее добро. Другая челобитная повествует о многолетнем конфликте в семье приходского священника. Его сноха Анна уходила из мужнего дома аж четырежды и каждый раз не с пустыми руками. Батюшка утверждал, что к снохе относились хорошо и не били ее, но она всё равно возвращалась к родителям, поскольку не любила супруга. Еще один жалобщик, Григорий Вологжанин, натерпелся от своей жены Матрены — та продавала его дворы, присвоила его деньги, грозила убийством, а затем ушла⁶⁰⁰. То, что эти случаи происходили не в Москве, сути не меняет — документы свидетельствуют, что женщины XVII века были готовы на бунт против законных мужей. Впрочем, неменьшее число челобитных содержит жалобы жен на избиения и притеснения со стороны супругов.

Как уже говорилось, «Домострой» резко противоречит сообщениям иностранцев о том, что знатные женщины полностью удалены от любых дел и проводят дни в безделье и скуке. Еще более явственно проявляется роль женщины как помощницы, советчицы, а порой и соправительницы супруга в документах и частной переписке следующего столетия. Н. Л. Пушкирева справедливо замечает: «Сами обстоятельства — постоянные и частые отлучки мужей на “государеву службу” — заставляли “жен дворянских” подолгу выполнять функции управительниц поместий, показывая себя властными и расчетливыми домодержицами. В пользу этого говорит

количество сделок второй половины XVII в., заключенных женщинами от собственного имени и по поручению мужа»⁶⁰¹.

Сам факт существования во второй половине XVII века переписки между супругами свидетельствует о том, что женская грамотность в дворянской среде стала обыденным явлением. Сложнее что-то сказать о более раннем периоде. Послания, адресатами или авторами которых являются женщины, встречаются среди новгородских берестяных грамот. Очевидно, что умели читать и писать женщины в великокняжеской и царской семье. Об этом свидетельствуют духовные грамоты княгинь XIV—XV веков, собственноручные письма Ксении Годуновой, любовные письма царевны Софьи князю В. В. Голицыну, собственноручная переписка царицы Прасковьи Федоровны и ее дочерей и др. О грамотности святых жен — монахинь и подвижниц — рассказывают жития. Свидетельством распространения в XV—XVII веках грамотности среди простых москвичек являются женские имена, нацарапанные на кувшинах или бочках, обнаруженных при археологических раскопках в городе. Пометив свое имущество, горожанка уже не опасалась, что его уведет у колодца проворная соседка. К сожалению, таких данных немного, но для того, чтобы опровергнуть представление о «темноте» русских женщин, вполне достаточно.

Что касается «теремного рабства», то, по справедливому замечанию Н. Л. Пушкиревой, сама возможность такой изоляции женщины от окружающего мира существовала только в боярских семьях, поскольку обычные горожанки жили не в теремах и проводили дни в хлопотах по хозяйству. Исследовательница приводит весьма характерную приписку, сделанную в тексте одного из «Прологов» XV века неким священником: «Плечи болят. Похмелен... Пошел бы в торг, да кун нет. А попадя ушла в гости...»⁶⁰² Ясно, что командовала в этой семье жена — ушла в гости, не оставила мужу денег, чтобы вновь не напился, и тому ничего не оставалось делать, кроме как читать душеспасительные книги да жаловаться на судьбу. Не менее показательны статьи «Псковской судной грамоты» того же времени, оговаривавшие право

женщин... на «поле» — судебный поединок! Составители этого кодекса определили, что в случае, если на бой за правду выходят две женщины, за них не могут биться «наймиты» — нанятые бойцы⁶⁰³. Очевидно, что никаким «теремным рабством» в Пскове в XV столетии и не пахло, не говоря уже о том, что зрелище двух сражающихся псковитянок, несомненно, производило сильное впечатление. К слову, «поле» или «Божий суд» были средствами разрешения споров в первую очередь в феодальной среде, и поэтому выходявшие на поединок дамы, скорее всего, относились именно к боярству.

Заточение в тереме боярынь XVI—XVII столетий также представляется спорным. Как уже говорилось, жены бояр и дворян принимали деятельное участие в управлении вотчинным и домашним хозяйством. Опасность сближения боярыни с первым лицом домашнего управления — ключником — метко подмечена в фольклоре, породившем образ «Ваньки-ключника, злого разлучника». Думается, такие сюжеты подбрасывала народным сказителям сама жизнь, ведь служилый человек часто подолгу отсутствовал дома, находясь в походах и «на службах». Однако оставим пока тему адюльгера и вернемся к общественному положению боярыни. Дворцовые разряды свидетельствуют, что жены бояр являлись обязательными участницами свадебных церемоний русских царей. Нельзя также забывать и о том, что они составляли придворный штат цариц и так же, как их мужья, регулярно являлись во дворец. Ходили знатные люди и в гости друг к другу, о чем свидетельствует «Домострой».

Получается, что на затворничество были обречены только девицы из знатных семей, что засвидетельствовали как иностранцы, так и Котошихин: «...а дочерей они своих девиц к гостем не выводят и не указывают никому, а живут те дочери в особых далних покоях». Таково было общее правило, но в реальной жизни дворянская девица могла обрести желаемую степень свободы — с вполне определенными последствиями. Тот же Котошихин отмечает, что на другой день после бракосочетания жених ездит «бить челом царю»; в случае же, если «невеста... девства своего не сохранила», одуроченный

муж и не думает показываться во дворце, «потому что уж царю до его приезде объявят, и он его к себе на очи пустить не велит». Несомненно, данная коллизия случалась крайне редко, но в самой ее возможности Котошихин не сомневался⁶⁰⁴.

Нельзя не сказать и о так называемом «поцелуйном обряде» — еще одном случае появления женщин в обществе, весьма удивлявшем иноземцев. Мейерберг рассказывает: «Всегда входит в столовую и жена хозяина в самой нарядной телогрее и во всём женском убранстве в сопровождении двух или многих прислужниц; она подает знатнейшему из собеседников чару водки, омочив в ней края своих губ. А пока пьет он, она поспешно уходит в свою комнату, надевает на себя другую телогрею и тотчас же приходит назад для исполнения такой же обязанности к другому собеседнику. Повторив этот обряд с каждым из прочих гостей, потом она всегда становится у передней стены: стоя там с опущенными на пол глазами и сложив по бокам свешенные вниз руки, она отдает терпеливые уста поцелуям собеседников, которые подходят к ней по степени своего достоинства и от которых так и разит неприятным запахом всего, что они ели и пили». Сходно с этим и описание Котошихина, знавшего, чем поразить читателей-шведов. Правда, беглый подьячий описывает ритуал в обратном порядке: сначала целование, а затем питье: «Обычай же таковый есть: пред обедом велят выходить к гостем челом ударить женам своим. И как те их жены к гостем придут, и станут в полате, или в ызбе, где гостем обедать, в большом месте, а гости станут у дверей, и кланяются жены их гостем малым обычаем, а гости женам их кланяются все в землю; и потом господин дому бьет челом гостем и кланяетца в землю ж, чтоб гости жену его изволили целовать, и наперед, по прошению гостей, целует свою жену господин, потом гости един по единому кланяются женам их в землю ж, и пришед целуют, и поцеловав отшед потомуж кланяются в землю, а та, кого целуют, кланяетца гостем малым обычаем; и потом того господина жена учнет подносить гостем по чарке вина двойного или тройного з зельи, величиною та чарка бывает в четвертую долю квартаря или малым болши; и тот

господин учнет бити челом гостем и кланяетца в землю ж, сколько тех гостей ни будет, всякому по поклону, чтоб они изволили у жены его пити вино; и по прошению тех гостей господин прикажет пити наперед вино жене своей, потом пьет сам, и подносят гостем, и гости пред питием вина и выпив [и] отдав чарку назад, кланяютца в землю ж; а кто вина не пьет, и ему вместо вина романей, или ренского, или иного питья по купку; и по том питии того господина жена, поклонясь гостем, пойдет в свои покои, к гостем же, к боярням, тех гостей к женам»⁶⁰⁵.

На первый взгляд не вполне ясно, как «поцелуйный обряд» мог сочетаться со строгостью древнерусских нравов. Разгадка лежит в средневековой трактовке поцелуя как знака внимания и уважения, бессловесного пожелания человеку быть целым (отсюда и само слово) и здоровым. Н. Л. Пушкарева пишет: «“Поцелуй” предполагал лишь прикосновение губами к губам, “дух в себе удержав”. Так должны были целовать друг друга соседи, побратимы, друзья, гости, а также все власть имущие (давно известно, что русская культура предполагала нормальность таких поцелуев между лицами одного пола, и выражали они признательность, соучастие, уважение и расположение)»⁶⁰⁶. Таким образом, «поцелуйный обряд» не носил никакого оттенка сексуальности, как бы этого ни хотелось видеть иностранным наблюдателям русской жизни.

Очевидно, что «теремное рабство» русской женщины было весьма условным. Скорее всего, иностранцы сконструировали этот миф под влиянием женофобской идеологии их отечественных собеседников и впечатлений от домашнего обихода знатных москвичей, чьи дома четко разделялись на мужскую и женскую половины, причем вторая, естественно, была закрыта от посторонних глаз. Конечно, ни о каком гендерном равноправии в XVI—XVII веках и в более раннее время говорить не приходится; однако нельзя не признать за женщиной той эпохи определенные права, равно как и обязанности. С одной стороны, многочисленные свидетельства указывают на господство мужчины над женщиной, поддерживавшееся авторитетом церковных писателей, юридической практикой и кулачным

правом. Добавим, что само наименование женщин в документах по имени, фамилии и чину супруга уже указывает на их зависимое положение: «Ивановская жена Морозова вдова Марья» или «стольничья жена Петровская Вельяминова Мария». На надгробиях иногда прибавлялось и имя отца: «преставился раба Божия Васильева жена Ивановича Карпова Мария Григорьева дочь Афанасьевича Булгакова». С другой стороны, можно говорить о том, что в эпоху Московского государства свобода женщин, уважение к ним, их роль и значение в семейной и общественной жизни были более значимы, чем это традиционно представлялось. Вероятно, широкому распространению мифа о «теремном рабстве» мы обязаны не только иностранным путешественникам, но и историкам XIX века, сочувствовавшим современному им движению за равноправие полов и невольно сгущавшим краски при описании суровых нравов эпохи русского Средневековья. Следующая глава посвящена любви, которая вряд ли могла бы расцвести, если бы в средневековой Москве в отношениях между мужчиной и женщиной господствовали только плетка да грубая ругань.

Была ль любовь?

Ответ на вопрос, вынесенный в название параграфа, зависит от методологии исследования. В исторической науке, упрощая, можно выявить две противоположные позиции на мышление и эмоции людей прошлого. Согласно первой, человек, внешне не изменяясь на протяжении последних десятков тысяч лет, существенно не менялся и внутренне. Люди прошлого были способны на те же чувства и переживания, что и современные, — они любили и страдали, боялись и преодолевали страх, были способны на подлость и на подвиг. Иная точка зрения считает, что мышление людей прошлого изменялось, в разные эпохи и в разных культурах люди обладали разным менталитетом и представлявшееся одним безусловным злом для других являлось добром. Казалось бы, вторая позиция имеет более серьезную дока-

зательную базу. Например, людоедство, убийство детей или стариков, бытовавшие у народов с традиционным образом жизни, ужасали людей христианизированной европейской культуры. Но если отказаться от общих для человечества категорий Добра и Зла, что останется главным критерием единства человеческого рода?

Была ли в средневековой Москве любовь? И если была, то какая? И насколько наши представления о любви соответствуют тому, что по этому поводу считали наши предки несколько столетий назад? Эта проблема в последние годы активно изучается в русле гендерных исследований и изучения повседневной жизни. Не претендуя на новизну мыслей и наблюдений, ограничимся необходимым набором данных, которые позволят читателю самостоятельно сделать выводы. Ведь если мы и в собственной жизни не всегда можем разобраться с этим вопросом, то решить его на расстоянии в несколько столетий еще сложнее...

Если не любовь, то, по крайней мере, секс в средневековой Москве был — и не только с целью продолжения рода, но и для получения чувственного удовольствия. Разнообразные свидетельства указывают на то, что плотские радости, несмотря на строгую аскетическую проповедь Церкви, занимали важное место в жизни русского человека той эпохи. На противоречие между строгостью внешних правил и стремлением к сексуальной свободе обращали внимание иностранцы.

«У русских есть и средство к спасению, т. е. наушная исповедь, которую по уставу они обязаны всегда предпосылать причащению, — рассказывает Мейерберг. — Впрочем, кроме праздника Пасхи, редко принимают причастие, и то немногие, и кое-как, да еще и в ненастоящем виде. Почти все крестьяне и простолюдины в городах считают приобщение принадлежностью бояр и людей позажиточнее, стало быть, им и предоставляют его. А те увольняют себя от приобщения, чтобы не подвергнуться душеспасительной, суровой и долговременной епитимье, которую, по древнему греческому обычаю, налагают на них духовные их отцы. В этом никак не мог сознаться второй наш пристав в Москве, который, стараясь превосходство своей веры доказать

строгостию устава, превозносил суровые и продолжительные покаянные условия, налагаемые исповедником на прелюбодея; я и сказал ему, что “если так идет дело, то, должно быть, все вы, москвитяне, беспрестанно справляете наложенные на вас епитимьи, не получая никогда разрешения, потому что знаем вашу частую повадку подбираться к чужим женам”. — “Вот еще дураков нашли! — отвечал он. — Разве мы говорим когда об этом попу?”»⁶⁰⁷.

Если верить Мейербергу, то господствовавшее в русском обществе лицемерие спасало приверженцев развратной жизни от церковного наказания. О сексуальных вольностях русских сообщают и другие иностранные наблюдатели. «Они так преданы плотским удовольствиям и разврату, что некоторые оскверняются гнусным пороком, именуемым у нас содомиею; при этом употребляют не только *pueros muliebria pati assuetor** (как говорит Курций), но и мужчин, и лошадей. Это обстоятельство доставляет им потом тему для разговоров на пиршествах. Захваченные в таких преступлениях не наказываются у них серьезно... Напившись вина паче меры, они, как необузданные животные, устремляются туда, куда их увлекает распутная страсть», — говорит Олеарий. «Они не прочь бывают и выпить, даже взапуски попивают с своими поклонниками и нередко восхищаются у них пальму большей даровитости в этом деле. Но зато падают в изнеможении среди победы. Потому что когда хмель отнимет силу у стыда, они покидают, не спрятавши в глухую ночь, сокровище своей чести вороватому любострастию волокит либо предлагают его на позорную продажу, уж, конечно, по самой дешевой цене; и мужчины, и женщины тем не менее совестятся в этом, что, по самому важному заблуждению ума, полагают, будто бы грех женатого с незамужнею не подходит под название прелюбодеяния, считая за последнее только тот грех, который делается с замужнею», — сообщает тот же Мейерберг⁶⁰⁸.

Приведем еще два отзыва Петрея: «Все девушки, кра-

* Дословно — юношей, претерпевающих женское (*лат.*), то есть привыкших к мужеложству.

сивые и знатные, большею частью содержатся взаперти: только и выходу у них, что в церковь в праздник, да еще на свадьбы. У родителей есть довольно причин держать так своих дочерей, потому что они, как и большею частью водится за русскими женщинами, очень склонны к нежному наслаждению, особливо же расположены к иностранцам. <...> Они, а особливо большие бояре и дворяне, делают и большие распутства, содомские грехи, мужчины с мужчинами, да еще и не тайно, а часто на глазах многих лиц, считая для себя честью делать это, не стесняясь и гласно. Часто к ребенку или к молодому человеку они привязываются сильнее, нежели к своим женам. Но это гнусное и ужасное дело, идущее наперекор Богу и его законам, даже наперекор природе и всему человечеству. Всего ужаснее, однако ж, дела их с разными неразумными тварями и скотами: они без всякого различия имеют с ними нечестивое соитие. Да еще и не совестятся хвастать, что делают это часто потому, что их наказывают»⁶⁰⁹.

Англичанин Джордж Тэрбервилл, побывавший в России в 1568 году, посвятил содомии небольшой стишок:

Хоть есть у мужика достойная супруга,
Он ей предпочитает мужеложца-друга.
Он тащит юношей, не дев, к себе в постель.
Вот в грех какой его ввергает хмель⁶¹⁰.

Несомненно, в этих отзывах многое приукрашено и преувеличено. Рассмотрев многочисленные упоминания о широком распространении мужеложства в средневековой России, Г. С. Зеленина пришла к выводу, что иностранные авторы, инкриминируя русским широкое практикование гомосексуализма, грешат проецированием на них ряда западноевропейских стереотипов: «...русские с большой вероятностью должны быть виновны в этом пороке, так как они придерживаются неистинной веры, тесно общались и общаются с мусульманами, представителями “порочного Востока”, а также являются типичными варварами со всеми присущими им “скотскими страстями”»⁶¹¹. Однако ангажированность иностранных авторов и непонимание ими некоторых русских реалий не могут полностью деза-

вуировать их свидетельства. Следовательно, в России сосуществовали аскетический моральный кодекс поведения средневекового человека и выходящие за его пределы сексуальная жизнь и сексуальная культура.

Помимо сочинений иностранцев, о распространении гомосексуализма свидетельствуют церковные поучения и исповедные вопросы. Вероятно, наибольшую популярность «содомский грех» получил в середине XVI века, при Иване Грозном. Очевидно, что ему был подвержен и сам царь, мысливший себя учителем всех православных⁶¹². Не случайно в бурные молодые годы царя Ивана протопоп Сильвестр обращался к нему с призывом к раскаянию: «Аще сотвориши се, искорениши злое се беззаконие, прелюбодеяние, содомский грех, и любовников отлучиши, без труда спасешися, и прежний свой грех оцистиши, и великий дар от Бога получиши...»⁶¹³

С обличением содомии выступал в середине XVI века и митрополит Макарий. Есть все основания полагать, что гомосексуализм, процветавший при дворе Ивана Грозного, вновь обрел популярность во время краткого пребывания на престоле Лжедмитрия I, столь же необузданного в сексуальных желаниях, как и его мнимый отец. Очевидно, что гомосексуальные связи существовали во всех слоях общества. Стоглав особо предостерегал от этого соблазна монашествующих. Примечательно не только распространение мужеложства, но и популярность этой темы в разговорах. Ю. Крижанич писал: «В России таким отвратительным преступлением просто шутят, и ничего не бывает чаще, чем публично, в шуточных разговорах один хвастает грехом, иной упрекает другого, третий приглашает к греху; недостает только, чтобы при всем народе совершали это преступление». Естественно, иностранцы, на родине которых гомосексуализм жестоко карался, вплоть до смертной казни, были удивлены. Впрочем, справедливо отмечает И. С. Кон: «Самая залихватская матерщина в Древней Руси, как и сегодня, не всегда была оскорблением и могла не ассоциироваться с конкретными сексуальными действиями... Поскольку иностранцы этого юмора не понимали, русские нередко

казались им значительно более сексуально искушенными, чем было в действительности»⁶¹⁴.

В русской покаянной традиции термин «содомия» трактовался более широко, нежели гомосексуализм, — в широком смысле под него подпадали любые действия сексуального характера, кроме позиции «мужчина сверху», подчеркивавшей его господство. Исповедные вопросники содержат множество вопросов, касающихся интимной жизни, перечисляя такие примеры сексуальных извращений, которые могут вогнать в краску даже современного читателя. Для многих прихожан, не сильно искушенных в сексуальной жизни, именно вопросы духовника могли стать источником нового постыдного знания, заставить мучительно размышлять на эти темы. Неменьший вред скрупулезное перечисление «блудных деяний» могло нанести и психике самого священника. Тем не менее иерархи с упорством, достойным лучшего применения, стремились допытаться до мельчайших подробностей того или иного греха и определить ему соответствующее наказание. В одном из покаянных сборников XV века вопросы, касающиеся интимной сферы, занимают до 95 процентов всего текста. Справедливости ради следует отметить, что дотошные формулировки тех или иных вопросов, касающихся блуда, в основном пришли к нам вместе с греческим покаянным чином.

За прегрешения против седьмой заповеди — «не прелюбодействуй» — грозила епитимья. Размер ее зависел от степени тяжести того или иного греха — посты, сухоядение, поклоны, лишение причастия на определенный срок. Для мужчин и женщин составлялись отдельные вопросники, первое место в которых занимал перечень грехов, связанных с блудом. Начиналась исповедь обычно с вопроса: «Какое первее створи блуд?» Исповедника интересовало, с кем впервые «растлился» (другой вариант — «девство осквернил») исповедуемый. Тот же вопрос первым задавали и женщинам. У мужчины спрашивали, «блудил» ли он с рабыней, девицей, вдовой, замужней женщиной, тещей, кумой, «другом», домашней скотиной, а также предавался ли «рукоблудию» или даже «птицеблудию»(!). Впрочем, жена также присутство-

вала в перечне сексуальных объектов, оставляя мужчине единственную лазейку для спасения души; Требник XVII века гласил: «Бегай блуда беззаконна, а закон с законными не возбраняет»⁶¹⁵.

Женщин вопрошали не менее подробно: «Како ты, госпоже и сестро и дощи, преже како доиде греха и растлися девьство твое, с законным ли мужем или блуждением? — 3 лета постися; или с деверем, или с деверичицем, или с свекром, или с отцом, или з братом, или с родным близско — 5 лет постися; и от своего мужа была еси с кем, с женатым или с вдовцем, или с отроком, или с дьяконом, или с черньцем — 3 лета постися; ли на ногу кому ступила с похотию — 6 дней постися; или на подругу възлазила еси? — 5 недель постися; в задний проход или ззаду своим мужем сътворила еси блуд? — 100 поклонов; сама в свое лоно прьстом тыкала еси?» Другие вопросники добавляли в список возможных сексуальных партнеров крестного отца, зятя, кума, попа, дьякона, монастырского слугу, схимника (!) и «скота». Предполагалось, что девица могла лишиться девства с «двема или с тремя». Про групповой секс допрашивали и мужчин («с своей женой блуд творяще, а чужую за сосец держаще, или за ино что») ⁶¹⁶.

Однозначно осуждались гомосексуальные контакты и любые сексуальные действия, кроме единственно законной позиции с законной женой или мужем. Перечень таких преступлений услужливо заготовливал для кающегося или кающейся всё тот же исповедный список: «И наузы (обереги. — *С. III*) на себе носила, и осязание своими руками тайных уд у своего мужа и у чужих, и целовала их, и у себя также повелевала. И со ближним в роду в любодеении и в прелюбодеении блудила всяким содомским блудом, на них възлазила и на себя выпускала, и созади давала, и в задний проход давала, и язык в рот вдевала, и во свое лоно язык влагать давала, и у них тако же творила... Блудила на девицах и над женами, на них възлазила и на себя выпускала блудити, и целовала их во уста, и за груди, и в тайные уды с похотию до истечения похоти, и своею рукою сама во свое тело блудила»⁶¹⁷. Кажущаяся абсурдность перечисления ближних и дальних родственников в качестве

ве сексуальных партнеров может быть объяснена не только стремлением духовенства разложить все грехи прихожан по определенному ранжиру, но еще и условиями самого семейного быта того времени. Я. Стрейс подмечал: «Как образ жизни, так и всё остальное чисто первобытное. Видишь отца, мать, дитя, слуг и служанок спящими как попало на одной даже печи, в которой каждый совершает всякую всячину, не сообразуясь с правилами благопристойности»⁶¹⁸.

Греховным почитался даже поцелуй, выходящий за рамки традиционного, — «с языком» или «взасос» («если с причастием с женою целоваться... или же язык в уста вдевать»). В покаянном сборнике XIV века такой поцелуй называется «татарским», позднее, в XVII столетии, его именовали «французским» — в уверенности, что всё зловерное приходит к нам из-за рубежа. Впрочем, это прегрешение не считалось серьезным — за него полагалось от двенадцати до двадцати дней поста⁶¹⁹.

Церковь считает грехом не только деяние, но и помышление. Поэтому священник спрашивал у кающегося: «Или на чужую жену помыслил еси?» Представление о греховной сущности любого человека пронизывало всю покаянную практику. «Если не блудит холостой, то мыслит всегда о ручном блюде», — считали священники. Отсюда происходило стремление контролировать любые помыслы прихожан и строго спрашивать за них. Духовные отцы допытывались у кающегося прихожанина, были ли «от скота и от птиц помышления скверные», а у прихожанки — «или рукою конское естество осязала с похотью?». Само скотоложство относилось к одному из самых страшных грехов. Византийская церковь налагала за него 30 лет поста, правило Василия Великого — 15 лет, Русская церковь XIII века — восемь лет для инока и два года сухоядения для мирянина. Позднее размер епитимьи был еще уменьшен и минимальный ее предел составлял всего 40 дней поста. Между тем в Западной Европе за такое извращение могли и казнить. «Объяснить этот факт можно двояко, — пишет Д. Занков, — либо крайней редкостью скотоложства, несмотря на повсеместное упоминание в требниках, либо не только его широким распространением, но и достаточ-

но терпимым отношением к данному греху со стороны большинства русского общества»⁶²⁰.

Наказанием за гомосексуальную связь был пост от трех до восьми лет. Если женщина «созади давала и через естество», полагалось поститься от сорока дней до трех лет; такое наказание ждало и мужчину: «если кто с женой сзади грех сотворит, да наречется скотом...» Гораздо строже каралась позиция «женщина сверху». Ведь в этом случае подвергалась пересмотру сама основа семейного порядка — господство мужчины. Соответственно и епитимья за этот «грех» достигала семи лет поста. Лесбийский секс, напротив, не считался серьезным грехом — за него надлежало поститься от двенадцати до сорока дней. Сексуальные связи с родственниками (в том числе и с духовной родней — кумовьями) наказывались постом на протяжении двух-трех лет (против византийской епитимьи от пятнадцати до тридцати лет). Осуждался и оральный секс, однако срок наказания за него неизвестен. Мастурбация, которая именовалась по-гречески «малакией», наиболее строго каралась, если виновный был монахом. Предел наказания за этот грех составлял три года поста, для женщин — один год. Фантазия или же богатая практика составителей покаянных вопросников допускала, что такой грех мог совершаться даже в церкви⁶²¹.

Некоторые вопросы духовных отцов представляются курьезными: «Или укушал еси млека женскаго?», «Или ниц лежа, а мысля блуд?», «Или в колени плесала?», «Или мывшися в кацем судне пила?», «Или в женином платье плясал?», «Или приложил главу и браду и нос к сраму?», «Зубы кусала еси кого?», «Или мигала блуда ради?», «Или спала нага или без пояса?», «Не толкал ли седалищем в игре друга?» Наконец, грехом признавалось «мочиться с другом, пересекаясь струями»⁶²².

В защиту исповедных сборников следует сказать, что содержание большинства из них касается не только нарушения седьмой заповеди, но и всех остальных. Священники также задавали прихожанам вопросы, касающиеся убийства (в том числе и детоубийства, включая аборт), воровства, обмана, насилия, чародейства, еретичества, оскорблений действием и словом. Специ-

альные вопросы адресовались вельможам, купцам, монашествующим, и было бы неверно представлять, что церковных иерархов интересовало только лишь соблюдение паствой запретов, касающихся сексуальной сферы. Говоря о запретах, к сказанному ранее следует добавить, что Церковь регламентировала не только половых партнеров и способы занятия сексом, но также время и количество. Запрещался «блуд» в среду, пятницу, субботу, воскресенье, церковные праздники и посты, особенно в первую и последнюю недели Великого поста. Соблюдая все запреты, благочестивый прихожанин мог позволить себе секс с женой не более пяти-шести раз в месяц, при этом более одного супружеского соития за ночь также не допускалось.

Рассматривая сексуальную жизнь как греховную, Церковь видела спасение от окончательной пагубы только в интимных отношениях в законном браке. Всякое стремление получить чувственное удовольствие сурово осуждалось. Достойным примером для подражания представлялись русским книжникам животные: слон («се же животное не имеет к смешению помышления»), аист («наичистейшая птица, ниже бо мужеск пол женскаго похоти к смешению призывает, но нуждею совокупляется») и мифические единорог («и егда скидает свой рог вскрай моря, и от него возрастает червь; а от того бывает зверь единорог») и птица феникс, возрождающаяся из пепла⁶²³. Безусловное осуждение сексуального наслаждения заметно уже в терминологии: любой интимный контакт церковники именовали «блудом» — даже для вполне законных отношений между венчанными мужем и женой авторы покаянных вопросников другого термина не придумали, — а между тем блуд является одним из смертных грехов.

Очевидно, что покаянные сборники весьма тенденциозны. После их изучения можно лишь сделать вывод о том, что сексуальная жизнь в Средние века была не менее разнообразной, нежели сейчас. В то же время давать какие-то качественные оценки — например, насколько были распространены супружеская измена или гомосексуализм, часто ли нарушались запреты на различные сексуальные позиции и т. д. — мы не можем.

Да и картина пока еще получается плоской. В ней немало секса, но совсем нет любви, пусть даже и плотской. Быть может, права Н. Л. Пушкарева, автор ценнейшей монографии о частной жизни русской женщины в X — начале XIX века, когда пишет: «При общей бедности духовных запросов, непродолжительности досуга, неубедительности нравственных ориентиров, предлагаемых церковнослужителями в качестве жизненного “стержня”, физические удовольствия были для многих женщин едва ли не первой ценностью. “Любы телесныя” в этом смысле мало отличались от желания досыта наесться»⁶²⁴.

По словам исследовательницы, в русском средневековом лексиконе под любовью разумелись обычно привязанность, благосклонность, согласие: «Никакого чувственного смысла в это слово не вкладывалось, как и в слово “ласка”, подразумевавшее лесть, милость, благодеяние, но не акт любовных действий. Не было в русском языке и слова “нежность” в современном значении... Для выражения чувственных отношений между мужчиной и женщиной в древнерусском языке существовали иные понятия, которые никогда не употреблялись летописцами в характеристиках отношений между супругами: “любостраствовать”, “любоплотовати” (с XI в.) — получать чувственное наслаждение, “дрочити” — нежить или находиться в ласке у кого-то...» Книжники явственно различали «любовь божественную» и «бесовскую» (о ней говорит митрополит Даниил), то есть блуд. Эта ситуация господствовала в древнерусской литературе вплоть до XVII столетия. Но литература — лишь отражение реальной жизни, а какова сама жизнь?

Русское Средневековье почти не оставило живых голосов людей прошлого. До XVIII столетия у нас не было мемуаров, до XVII века — частной переписки. Летописи и жития рисуют трафаретные образы, обычно лишённые каких-то индивидуальных черт. Столь же скупо отзывается и вся древнерусская литература о частной жизни средневекового человека, его чувствах, переживаниях, эмоциях. По счастью, есть источники, выходящие за пределы традиционного круга.

В XII веке новгородская женщина написала возлюб-

ленному письмо, упрекая его в холодности: «[Я посы­лала] к тебе трижды. Что за зло ты против меня имеешь, что в эту неделю ты ко мне не приходил? А я к тебе от­носилась, как к брату! Неужели я тебя задела тем, что посы­лала [к тебе]? А тебе, я вижу, не любо. Если бы тебе было любо, то ты бы вырвался из-под [людских] глаз и примчался... Если даже я тебя по своему неразумию задела, если ты начнешь надо мною насмехаться, то су­дит [тебя] Бог и моя худость»⁶²⁵. Это — искренняя речь, исполненная горечи и вместе с тем чувства собствен­ного достоинства. Любимый скрывается от женщины, а она не может понять причины, но не будет терпеть насмешки. Здесь нет и намек на униженное положе­ние русской женщины XII века. Перед нами — обычная любовная драма, которая, быть может, разрешилась счастливо. Но главное — это свидетельство сильных чувств, которые не стеснялась проявлять гордая нов­городка.

В Новгороде найдена еще одна грамота, связанная с личными отношениями мужчины и женщины, — брач­ное предложение XIV века: «От Микиты к Анне. Пойди за меня — я тебя хочу, а ты меня; а на то свидетель Игнат Моисеев»⁶²⁶. Типично мужской подход: я тебя люблю, ты меня любишь, давай поженимся. За лапидарностью этого письма скрывается, скорее всего, предпочтение поступка словам. Микита уверен, что его избранница отвечает на его чувства, так зачем же терять время?

В отличие от Новгорода, где найдено более тысячи берестяных грамот, в Москве их пока единицы и ни одного частного письма среди них, к сожалению, нет. Да и среди новгородских грамот всего два любовных письма — это очень мало. Можно ли утверждать, что чувственная сфера была закрыта для наших предков? Вряд ли. Скорее всего, они не были склонны доверять сердечные переживания бересте, а быть может, такие письма уничтожались, в особенности если любовь бы­ла запретной. И всё же фрагмент частной переписки супругов-москвичей XVI столетия до нас дошел. Это — письма великого князя Василия III второй жене Елене Глинской. Их союз был заключен, несомненно, по люб­ви. Как уже говорилось, государь даже решился на не-

слыханный поступок — в угоду молодой жене на литовский манер сбрил бороду, чтобы казаться моложе.

Второй брак Василия III был сопряжен с драматическими событиями его развода с первой женой Соломонией Сабуровой из-за ее «неплодия». Супруги тяжело переживали отсутствие детей, что в Средние века считалось большим несчастьем. Литературный источник сообщает, что великий князь даже прослезился, увидев, как птица кормит птенцов, печалась о том, что сам не имеет потомства. Соломония не только горевала, но и стремилась как-то исправить положение. Сохранившийся фрагмент следственного дела свидетельствует, что она прибегала к помощи баб-ведуний, чтобы приворожить великого князя и родить от него ребенка. Некая безносая черница по ее просьбе «наговаривала» масло и мед и посылала великой княгине для обтирания, «чтобы ея великий князь любил, да и детей деля»⁶²⁷. К несчастью для Соломонии, эти действия не принесли желаемого результата и Василий III после почти двадцатилетнего супружества решил с ней развестись. В этом случае великий князь, несомненно, нарушал каноническое право, которое запрещало развод без очевидного преступления супруги — прелюбодеяния. Вероятно, он мучительно размышлял над моральной стороной своего поступка, а также жалел ни в чем не повинную жену, потому так долго не решался на развод.

Во втором браке Василий III всё же обрел счастье, хотя и ненадолго. Письма государя супруге полны вопросов о здоровье ее и детей. Его интересуют их недуги (например, болит ли у Елены «полголовы и ухо и сторона»), мнение о них мамок и теток. Он просит сообщать, что сын Иван «покушает — чтоб то мне ведомо было». Переписка эта была частой, чуть ли не ежедневной. Великий князь предстает в ней весьма сдержанным, но всё же, несмотря на их наставительный тон, чувствуется ласковое отношение к молодой жене и детям. Утешая супругу, беспокоившуюся о сыновьях, государь-отец писал: «Да ради бога не кручинься, а о всём клади упование на Бога». Письма супруге Василий III запечатывал своим перстом и, возможно, сам подписывал: «Жене моей Олене»⁶²⁸. Василий III был совсем не сентиментальным

человеком — своего племянника и династического соперника Дмитрия он уморил в тюрьме. Тем важнее для нас свидетельства искренней заботы этого жесткого и властного государя о супруге и детях.

Письма членов царского семейства в XVII веке гораздо менее откровенны. Мать Михаила Федоровича инокиня Марфа только однажды решается использовать в письме патриарху Филарету обращение «свету очию моему», упоминая их бывшее супружество. В дальнейшем ее нежные чувства ограничиваются посылкой святейшему «калачиков» и молитвами о его здравии⁶²⁹. К сожалению, ответные письма не сохранились, но, видимо, в них не было и не могло быть даже таких скромных проявлений нежности к бывшей супруге, с которой его разлучило насильственное пострижение. Но почти двадцатью годами ранее новопостриженный старец Филарет тосковал и переживал за судьбу семьи. Находясь в ссылке в Антониево-Сийском монастыре, он говорил: «Милые де мои детки, малыя де бедные осталися; кому де их кормить и поить? Таково ли де им будет ныне, каково им при мне было? А жена де моя бедная, наудачу уже жива ли? Чаёт де она, где близко таково же де замчена, где и слух не зайдет; мне де уж что надобно? Лихо де на меня жена да дети, как де их помянешь, ино де что рогатиной в сердце толкнет; много де иное они мне мешают; дай, Господи, слышать, чтобы де их ранее Бог прибрал, и яз бы де тому обрадовался; а чаю де, жена моя и сама рада тому, чтоб им Бог дал смерть, а мне бы де уж не мешали, я бы де стал промышляти одною своею душею; а братья де уже все, дал Бог, на своих ногах»⁶³⁰.

Иной любовью, страстной и романтической, дышат письма царевны Софьи Алексеевны князю Голицыну. Скучая по милому в Москве, она направляла в крымские степи строки: «Свет мой, братец Васенька! Здравствуй, батюшка мой, на многие лета! И паки здравствуй, Божию и Пресвятые Богородицы милостию и твоим разумом и счастием победив агаряне! Подай тебе Господи и впредь враги побеждать! А мне, свет мой, не верится, что ты к нам возвратишься; тогда поверю, как увижу в объятиях своих тебя, света моего. Что же, свет мой, пишешь, чтобы я помолилась: будто я верно грешна перед Богом

76E HOI CTMPE BM)EXIM ?HTM6)T6P6LM
 +KEM HOI XMXXOYI4 EETM IPM7I
 74TM6)T6P6L6) (4 6PTE)6EYWA LMI
 4P6I TM)XO IZ)HTI POEYH8 MUMTMXO
 POYMI TECEW6YI 46PTE ETM6I POEYQIM
 4I MUXE 76E HOI BETOXE4XE HM K7O TLI
 7XM 68)PTM I MM TOYHM BETO POYX74
 4P6IOM 6O)EHTI I M 7PO7 + ECTH 76ELM XBOCO
 M)EHO 76E HOI P)XE XTOCWA POXO)PIM
 SEFM H BETAM OTEYXMA PTECOO IXEYB
)TOYXM MUXM7O)EYETIM XMKYEH7H
 XMEBO CTMCOYTRIE M)E)OTEYXIM
 4 6)EYAM TOCO PTOYK YTOCWA 76ETM XBOCO
 6TMAH)T) BO)E PO)E ?HTM6)T6P6) 76E X)O
 OZT)TE XMBE74 XE)YK X)WA
 MUX X

Тайнописное послание царевны Софьи Алексеевны князю В. В. Голицыну.

«Свет мой братец Васенка здравствуй батюшка мой на многия лета и паки здравствуй Божию и пресветыя Богородицы и твоим разумом и счастием победив агаряны, подай тебе Господи и впредь враги побеждати, а мне свет мой веры не имеется што ты к нам возвратитца тогда веры пойму как увижу во объятях своих тебя света моего. А што свет мой пишешь, што бы я помолилась, будто я верна грешная пред Богом и недостойна, однакоже терзаю надеяся на Его благоутробие, аше и грешная. Ей всегда того прошю штобы света моего в радости видеть. По сем здравствуй свет мой о Христе на веки неисчетные. Аминь».

1689 г. Расшифровка Н. Устрялова

и недостойна; однако ж, хотя и грешная, дерзаю надеяться на его благоутробие. Ей! Всегда прошу, чтобы света моего в радости видеть. Посем здравствуй, свет мой, на веки неисчетные». В другом письме царица восклицала: «Радость моя, свет очей моих! Мне не верится, сердце мое, чтобы тебя, свет мой, видеть. Велик бы мне день тот был, когда ты, душа моя, ко мне будешь. Если бы мне возможно было, я бы единым днем тебя поставила пред собою»⁶³¹. Письма царицы не оставляют сомнений в понимании истинного характера отношений Софьи и ее «Васеньки». Эта романтическая связь — явное свидетельство перемен в положении русской женщины, наступивших в XVII столетии. Не менее ярко заметны они и в литературе той эпохи.

В XVII веке литературу как будто прорывает: появляется масса произведений женской и эротической тематики. Помимо традиционных сочинений женофобского характера («Разговор отца с сыном о женской злобе») появляются повести, посвященные добродетельным женам («Повесть об Улиании Осорьиной», «Повесть о Марфе и Марии», «Повесть о целомудренной вдове», «Повесть о Карпе Сузулове»), развратным соблазнительницам («Сказание об убиении Даниила Суздальского и начале Москвы», «Повесть о Савве Грудцыне»), романтическим отношениям мужчины и женщины («Повесть о Фроле Скобееве», «Сказание о молодце и девице»). Женская личность и женская притягательность предстают в литературе XVII столетия в новых, более ярких красках. Женщина впервые выходит на сцену литературного повествования как живой персонаж, а не трафаретная святая подвижница, благочестивая княгиня или злая губительница.

Эти перемены были связаны с произошедшими в XVII столетии мощными сдвигами в русской культуре и общественном сознании. В сфере морали они привели к кризису традиционных ценностей. Если «теремное рабство» женщины и ранее было весьма условно, то теперь (особенно ближе к концу века) оно становится и вовсе призрачным. Характерны изменения в положении царевен, дочерей Алексея Михайловича: по примеру Софьи Алексеевны они позволяли себе активную

личную жизнь, опровергнув утверждение Котошихина о том, что царские дочери «удовольство имеяй царственное, не имеяй бо удовольствия такова, как от всемогущего Бога ведано человеком совокуплятися и плод творити». Челобитные и письма того времени пестрят сообщениями о «выблядках», которых могли «приблудить» (по выражению протопопа Аввакума, «привалять») замужние женщины⁶³². Это не означает, что семейные ценности — супружеская верность и лад в семье — девальвировались. Но вместе с тем существенно возросло значение любви во всех ее проявлениях, что и отразилось в литературе. Н. Л. Пушкарева пишет: «Мир чувств русской женщины XVII в. — был ли он ориентирован на семью и мужа или же был связан с “полубовниками” вне рамок брака — был миром надежд на “милость”, был наполнен ее ожиданиями, попытками добиться любви — как признания своей единственности — любимыми средствами, в том числе “чародейными”. Несмотря на все попытки церковных идеологов укрепить духовно-платоническую основу семейного единства, жизнь брала свое: “плотское” имело огромную значимость в индивидуальных женских побуждениях. Отражением борьбы “разума” и “плоти” стало появление в русской литературе XVII в. чувственных образов женщин, а в памятниках переписки и актовом материале, современных литературным произведениям, — свидетельств “роковых страстей”, возбуждаемых и переживаемых ими. При этом в дидактической литературе изображение борьбы разумного и чувственного в душе женщины предпринималось именно с целью доказательства достижимости победы разумного. Напротив, в фольклоре и в посадских повестях XVII в. конфликт женских чувств и самоограничения сводился в конечном итоге к уступкам “плоти”»⁶³³.

Созданная в XVI веке, но широкое распространение получившая в следующем столетии «Повесть о Петре и Февронии Муромских» содержит любопытный эпизод. Когда супруги плыли на корабле по Оке, там же оказался некий женатый мужчина, «помысливший» на княгиню. Та, угадав его блудное желание, сказала: «Зачерпни воды из реки сей с этой стороны судна сего», — и по-

велела выпить. Затем по ее приказанию он выпил речной воды с другой стороны судна. «Одинакова вода или одна слаще другой?» — спросила Феврония и, услышав утвердительный ответ, сказала: «Так и естество женское одинаково. Почему же ты, позабыв про свою жену, о чужой помышляешь?»⁶³⁴

Такое традиционное представление книжника о женской природе опровергается в посадских повестях XVII столетия, показывающих женщин разных — не только «добрых» и «злых», но и не вполне вписывающихся в эти линейные категории. Например, в «Сказании о старом муже и молодой девице», как уже говорилось выше, девушка обладает невиданной ранее самостоятельностью — не только неоднократно отказывает сватающемуся к ней старику, но и всячески бранит и позорит его. В итоге старик, потратив всё имущество на сватовство, «три годы бегал и удавился», «а красна девица вышла замуж за молодца хорошева, с молодым прощаючись, старова проклинаячи»⁶³⁵. Несмотря на сильный удар по мужскому авторитету, автор всё же закончил повесть укрощением строптивой достойным ее супругом — добрым молодцем.

Во многом сходно с предыдущим произведением «Сказание о молодце и девице», в котором речь идет о том, как «некий юноша, сын боярский, княжий племянник» домогается прекрасной девицы, но ее важным отличием является откровенный эротизм. В отличие от сватавшегося старика «младый отрок» о свадьбе не заговаривает, лишь однажды помянув: «...яз хоцю тебе быти государь и ты мне будеши госпожа и моему животу». Гораздо больше его интересуют женские прелести, которыми он желает обладать. Между героями разворачивается следующий диалог:

Юноша: Душечка еси ты прекрасная девица! Есть у тебя красное золото аравитское, вдделал бы я свою жемчужину в твое чистое серебро, всадил бы я свое булатное копье в твое прямое таволжаное ратовище, утешил бы сердце твоими мыслями.

Девица: А се познаю, дворянин, рогозинная свита, гребенная порты, мочално гасник, капусные пироги, сырмятня сапоги, лубяное седло, берестяные табен-

ки, тростяная шапка, жил еси ты не в любви и все друзья твои аки малоумна урода бегали.

Юноша: Душечка еси моя прекрасная девица! Есть у тебя чисто луг, а на нем свежая вода; конь бо мой в твоём луге летовал, а яз бы на твоих крутых бедрах опочин держал.

Девица: Отколя ся на меня напасть нашла? Глупых не орют (пашут. — *С. III*), не сеют, сами ся родят, от глупых отцов, от безумных матерей.

Вдоволь насытившись бранью девицы («упирева рож», «сычевые глаза», «свиной пастух», «лихая образина», «вонючая душа» и т. д.), герой намеревается с горя ехать на чужую сторону, на что получает обнадеживающий ответ: «Лешей, бес, дикой зверь! Далече ли едешь, или куды наряжаешься? Вет[ь] мне холопа не купить, а без другова не быть, нищего накормить, а без парапка (парубка, то есть молодца. — *С. III*) не быть; и ты живи у нас, да не буди глуп и пьян; как будешь глуп, пьян, ложись да спи, по улицам не рыщи, собак не дразни; по утру вставай, а у меня, госпожи своей, побывай, а мне, госпоже своей, челом побивай». Обрадованный юноша восхваляет достоинства своей избранницы и переходит от слов к делу — «емлет красну девицу за белы руки, шутя валит на краватку, былицею над девицею шутит, как драх камень праальмаживает, а безчестие свое заглаживает»⁶³⁶. Еще раз отметим, что акт любви происходит до свадьбы, намек на которую лишь угадывается в диалоге.

Иную историю рассказывает «Повесть о Флоре Скобееве». Новгородский дворянин, узнав о красивой дочери стольника Нардина-Нащокина, «взял себе намерение возыметь любовь с тою Аннушкой». Чтобы добиться желаемого, Скобеев исполнил хитрый замысел — переоделся в девичий убор, подкупил мамку стольниковой дочки семью рублями и оказался с предметом своей страсти на одной постели. «И Аннушка стала в великом страхе. И Фрол Скобеев, не взирая ни на какой себе страх, и ростлил ея девство». Обошлось без комплиментов и уговоров — оказалось достаточно хитрости, наглости и семи рублей. Огорченная барышня выговорила мамке за обман, но на ее предложение убить наглеца отвечала: «Ну, мамушка, уже быть так, то-

го не возратить!» — и продолжала развлекаться с Фролом еще три дня, на протяжении которых он рядился в девичье платье. Завершилась эта история благополучно — Фрол, несмотря на сопротивление родителей Аннушки, женился на ней, унаследовал большое имение и «стал жить в великом богатстве»⁶³⁷.

П. В. Седов считает, что литературная история Фрола Скобеева могла быть построена на реальных событиях. Упомянутые в «Повести» дворяне Скобеевы и Ловчиковы (по сюжету стольник Ловчиков помогает Фролу) были землевладельцами Городецкого стана Бежецкого уезда. В Москве братья Иван и Степан Богданович Ловчиковы и Воин Афанасьевич Ордин-Нащокин (сын известного дипломата в 1659 году бежал за границу, путешествовал по Европе, вернулся и был прощен) жили на одной улице — на Кулишках, что позволяет не только предположить реальность сюжета, но и допустить, что автором «Повести» был кто-то из ее действующих лиц, например один из Ловчиковых. В пользу историчности «Повести» свидетельствует и то, что род Ординых-Нащокиных выделялся своей оригинальностью — его члены, как отмечает П. В. Седов, на протяжении целого столетия совершали неординарные поступки: Лаврентий Денисьевич служил шведскому королю, его сын Афанасий слыл подражателем западным обычаям, обладал неуживчивым характером и перечил даже царю; Воин поразил современников своим беспримерным побегом за рубеж⁶³⁸. В этот ряд вполне вписывается отчаянное поведение Аннушки.

Однако далеко не каждая подобная история завершалась свадьбой. Котошихин и иностранные авторы свидетельствуют: бывали случаи, когда жених после первой брачной ночи обнаруживал, что невеста «не соблюла девства». Итальянец Рафаэль Барберини, посетивший Москву в 1565 году, писал: «Здесь заметьте одно преварварское обыкновение: отец, или мать, или брат невесты, или кто-нибудь из ближайших ее родственников, становятся у дверей спальни и выжидают, пока не выйдет оттуда молодой объявить им, как он нашел свою жену, невинною, или нет; и передает он это следующим образом: выходит он из спальни с полным кубком вина,

а в доньшке кубка просверлено отверстие, и молодой, прикрывая его снизу пальцем, подносит в таком виде кубок упомянутому ближайшему родственнику жены: если полагает он, что нашел ее невинною, то залепливает сперва то отверстие воском, так чтобы вино не могло пролиться, и таким образом, отец и все, кто тут ни есть, смело пьют из этого кубка; в противном случае молодой отнимает вдруг от отверстия палец и до тех пор проливает оттуда вино на стоящего пред дверьми жениного родственника, пока тот не даст ему сколько-нибудь денег, чтоб только остался он доволен, и тогда они мирятся»⁶³⁹. С разными вариациями рассказывают об этом обряде и другие иностранные авторы.

Пословица «Стыд девичий до порога: переступила — так и забыла» — гласила о девушках, не соблюдавших себя до свадьбы. Судебное дело 1686 года сохранило историю случившегося в Тотьме романа. Подьячий Арефа Малевинский, видимо, вдовец (он упоминает, что собирался ехать с сыном на богомолье), соблазнил Анну, сестру дьякона Михаила Федотова, и был пойман на месте преступления. Незадачливый любовник был вынужден написать «сговорную запись» с обязательством жениться, но затем отперся от него. Жалоба Федотова слушалась архиепископом Устюжским и Тотемским, а доказательством вины Арефы стали восемь его любовных писем Анне. Все они содержат приглашения на свидания, а некоторые — еще и жалобы на то, что девица не пришла в прошлый раз:

«Повидайся, друг моя, со мною сего вечера, в том же месте, да рание, как ударит полтретя часа ночью. Не могу, друг, терпит[ь], да принесу и твое всё... Да выдь рание, дожидайся меня — ономясь вышла поздно — я приду на час сего вечера...»

«...А приди по конец огороду своего, я залягу в родионов хмельник, ты тут приходи, да бережно, а я про себя тебе расскажу, как надо мною было. Да, поди, никому не сказывайся, берегись, друг, грозятся больно...»

«Спасибо тебе, что ты надо мною насмеялась вечер и не вышла, а я ждал долго, доспела ты надо мною хорошо. Уж я головы свои не щажу, был я у вас ночесь и в

ызбе, а у вас никово не было, а не повериш[ь] ты, смотри против окошка под росадником доска, по той в окошко лазил переднее, а отворял кос[ть]ю, а воткнена кость против окошка тово, смотри в щиле. А ты надо мною делаеш[ь], я бы хоша скажи, на нож к тебе шел, сколь мне легко стало. Да, послушай, выдь сего вечера ко мне на огород, за в то же место, да не клич, приди, я стану спать до тебя, а приди как ударит полтретя ночи, да не о[б]мани по-нонешнему, я буду...»

«... А то и головы не щажу своеие, иду к тебе, уш то мне гораздо нужно, и любя ты мне...»

«Вчерась я к тебе писал, чтобы ты вышла, а ты и не вышла, а я приходил. Впрям[ь] ныне ты меня водиш[ь] в узде. Как я пошел от вас, да идучи-то всё плакал, а ты мне не вириш[ь]. Выдь сего вечера на огород к родивонному хмелнику, а я буду в часе в оттдаче третьево или в четвертом, да не о[б]мани, мне говорить, ей, много с тобою...»⁶⁴⁰

Эти письма ценны не только как свидетельство брачной связи девиц XVII века, но и как образец переживаний влюбленного. Исследовательница Н. П. Панкратова называет Арефу «отчаянным соблазнителем и ловким сутягой», но можем ли мы отказывать ему в искренности чувств?

Во всяком случае, томления Арефы Малевинского были далеки от истинной самоотверженной и жертвенной любви. Документы 1667 года сохранили свидетельство такой любви. Жена посадского человека шуянина Никифора Степановича Фомина полгода страдала тяжелой нервной болезнью: «...ум весь нарушен, ничево не помнила и людей не знала, себя и людей била, и вне ума бывши вся нелепая говорила и творила, яже не угодно Богу и человеком». Если бы Фомин развелся с женой, то не встретил бы осуждения. Известны челобитные XVII века, когда люди просили развод из-за тяжелой болезни супруга. Однако Фомин не только терпел, но и постарался излечить жену, привел ее к чудотворной Смоленской иконе Божией Матери, стоявшей в Воскресенской церкви, и там произошло чудо: «Женишка моя от одержажия скорби изцелела, стала животом вся здорова и в целом разуме якож и прежде была здрава». Не-

сомненно, Фомин любил жену и его любовь победила болезнь⁶⁴¹.

Другая история, рассказанная в челобитной царю Исачком Федоровым сыном Максимовым, закончилась, к сожалению, не столь счастливо. Двенадцатилетнего Максимова взяли в плен калмыки. Там он прожил 35 лет и женился на калмычке. В 1640-х годах он с женой сумел убежать. В Сибири священник окрестил жену Максимова и обвенчал их. Но затем случилось несчастье — калмычку захватил воевода Федор Головачев, сделал своей крепостной и спрятал от мужа. Два года Максимов бился за освобождение жены, жалуясь на воеводу, получив кучу разных отписок и даже указ об освобождении жены, но и это не помогло — Головачев не только не отпускал ее, но и грозил закрепитить самого Максимова. Тот на последние деньги приехал в Москву и в отчаянии взывал к царю — иной надежды у него уже не осталось. Конец этой истории неизвестен, но искренность и сила чувств несчастного мужа очевидны⁶⁴².

Перебрав значительное число разных свидетельств, вернемся к вынесенному в название параграфа вопросу. Конечно, любовь в средневековой Москве была и была она разной: супружеской, основанной на уважении и общих интересах, чувственной, страстной, преодолевающей все преграды. А еще она была взаимной и безответной, счастливой и несчастной. Разнообразной, несмотря на запреты Церкви, была и сексуальная жизнь. Думается, любовь в Средние века мало отличалась от любви в наше постиндустриальное время, потому что она — вечна.

Священный покой

Традиции погребения, поминовения и сохранения памяти об умерших, а также значение некрополя в культуре и повседневной жизни Средневековья — всё это претерпело существенные изменения в Новое и Новейшее время. Несмотря на консервативность этой сферы, сохранившей до наших дней некоторые средневековые и даже языческие традиции, современному чело-

веку погребальные обряды той эпохи могут показаться необычными и непонятными.

Древнейший некрополь Москвы — многослойное грунтовое кладбище XII—XIV веков, обнаруженное при археологических работах в северной части Соборной площади Московского Кремля. В XIV веке формируются усыпальницы: митрополитов — в кремлевском Успенском соборе, московских князей — в Архангельском соборе, представительниц великокняжеского дома — в монастыре Спаса на Бору (с начала XV века — в кремлевском Вознесенском монастыре), высшего духовенства и аристократии — в Богоявленском, Чудовом, Спасо-Андрониковом, Рождественском, Симоновом, Даниловом монастырях в Москве и за городом⁶⁴³.

Погребения совершались не только в монастырях, но и при приходских церквях. Подобные некрополи — грунтовые, с безинвентарными захоронениями, отмеченными валунными камнями, — обнаружены при археологических разведках и раскопках в Подмоскowie и на территории современного города. С конца XV — первой четверти XVI века распространяются белокаменные надгробия, благодаря чему следы некрополей при приходских храмах становятся более четкими. Можно соотнести находки надгробных плит этого времени с известными в письменных источниках приходскими церквями Москвы и ее округи: Космы и Дамиана в Старых Панех, Успения на Крутицком подворье, Георгия в Яндове, Николы в Щепях, Сергия (Троицкая) в Рогожской слободе, Успенский монастырь на Крутицах; с церквями в селах Измайлове, Крылатском, Капотне, Коломенском, Косине и в других местах⁶⁴⁴.

В XVI веке складываются основные монастырские усыпальницы Москвы. Боярские и дворянские роды определяют те или иные монастыри как место своего упокоения. В Новоспасском монастыре хоронили Захарьиных-Юрьевых и их родственников князей Черкасских, Сицких, Трубецких; в Новодевичьем — князей Воротынских и Кубенских; в Симоновом — князей Мстиславских и Головиных; в Спасо-Андрониковом — Загряжских. В ту же эпоху оформляются аристократические и дворянские некрополи отдаленных и провинциальных

монастырей — Тушинского Спасо-Преображенского, Иосифо-Волоколамского, Троице-Сергиева, Кирилло-Белозерского, Суздальского Покровского, Спасо-Евфимиева и др.⁶⁴⁵

Почему боярские семьи выбирали в качестве усыпальницы тот или иной монастырь, не вполне понятно. Если, например, захоронения Головиных в Симоновом монастыре объясняются тем, что их легендарный родоначальник князь Стефан Васильевич Ховра в первые годы существования монастыря был его ктитором и, возможно, монахом, то для появления там захоронений князей Мстиславских нет объяснений. Можно с определенностью говорить только о том, что традиции погребения в родовых усыпальницах твердо соблюдались. Отдаленность места жительства и места смерти погребенного от места его упокоения не была препятствием. Так, князей Сулешовых, чей двор находился в Зарядье в приходе церкви Зачатия праведной Анны, хоронили в Симоновом монастыре. Князь Ф. Ю. Ромодановский, живший на Никитской, был похоронен рядом с домом — на родовом некрополе Георгиевского монастыря, а его холоп Яков Князев (ум. 1723) — при церкви Вознесения на Никитской⁶⁴⁶.

Для погребения в Архангельском соборе были привезены тела князей Андрея Дмитриевича Белозерского (ум. 1432) из Можайска и Дмитрия Юрьевича Красного (ум. 1441) из Бежецкого Верха. Князь Андрей Михайлович Шуйский, казненный по приказу Ивана IV в декабре 1543 года, был «послан в Суздаль, где их родители кладутца». В московском Георгиевском монастыре было надгробие князя Ю. Ю. Мещерского, убитого при осаде Калуги в 1607 году. Летом 1642 года князь Н. Мещерский бил челом о дозволении перевезти тело матери из Верхотурья в Москву «и погребсти на Москве у родителей». М. В. Апраксин, убитый в 1668 году «в степи меж Саратова и Пензы», был похоронен в московском Златоустовском монастыре⁶⁴⁷.

Пострижение в других монастырях также не мешало погребению на родовом некрополе, в том числе мужчин в женских монастырях, а женщин — в мужских. Из Троице-Сергиева монастыря происходят надгробия

«княгини иноки» (Суздальской?) (ум. 1517), княгини Аграфены (ум. 1566), Анны Карповой (ум. 1567), княгини Анны Ивановны Глинской (ум. 1596) и других женщин, в том числе монахинь. В Златоустовском мужском монастыре были погребены Марфа Игнатъевна (Феврония) (ум. 1643/44) и Васса Константиновна, в инокинях Вера (ум. 1650/51), Апраксины⁶⁴⁸.

Стоглавый собор, обсудив эту практику, постановил: «Божественные правила не повелевают в мужеских монастырех жен погребати и в женских мужей погребати, а от обычая же земля не токмо zde в Российском царьстве погребают, но и в тамошних странах во Иерусалиме же и во Египте и во Цариграде, и в прочих странах свидетельствуют божественная писание от жития святых...»⁶⁴⁹ Таким образом, этот обычай, противоречащий церковным установлениям, был узаконен ссылкой на традицию, распространенную не только в России, но и на православном Востоке. Тем не менее погребения женщин в мужских монастырях, а мужчин в женских были скорее исключением⁶⁵⁰.

Хоронили в одной усыпальнице не только по принадлежности к роду, но и по брачному родству. Захоронение царя Симеона Бекбулатовича (ум. 1616) в Симоновом монастыре обусловлено упокоением там его жены Анастасии, урожденной княжны Мстиславской (ум. 1607). Известны случаи перемены места погребения в связи с брачными союзами. Весь род Дмитриевых-Мамоновых погребен в Георгиевском монастыре, а стольник И. М. Дмитриев-Мамонов (ум. 1725) похоронен в церкви Флора и Лавра у Мясницких ворот, согласно эпитафии, «ради жены». Вслед за ним в той же церкви нашли последнее пристанище его вторая жена Прасковья Ивановна, сыновья и «прочие младенцы роду их»⁶⁵¹.

Особым видом некрополей были убогие дома (божедомы, скудельницы)* с братскими могилами. Там хоронили умерших от эпидемий или погибших во время вражеских нашествий. Впервые скудельницы упоминаются в 1215 году во время мора в Новгороде. В брат-

* Убогий дом, божедом, скудельница — погребение, расположенное за оградой православного погоста, «в поле».

ских могилах совершались погребения жертв разгрома Москвы Тохтамышем в 1382 году: Дмитрий Донской «повелеша телеса мертвых хоронити и даваста от осмидесяти мертвцов по рублю хоронящим мертвыа. И того всего выиде от погребания мертвых 300 рублей». Первое упоминание о московских братских кладбищах связано с эпидемиями чумы в XIV веке — «и тако полагаху по пяти и по десят во едину могилу»⁶⁵².

Не прерывалась подобная практика и в XV—XVII столетиях. Штаден рассказывает, что во время чумы 1566—1572 годов «на поле вокруг Москвы были вырыты большие ямы и трупы сбрасывались туда без гробов по 200, по 300, 400, 500 штук в одну кучу»⁶⁵³. Особенно много упоминаний о скудельницах содержат описания голода 1601—1603 годов. Источники свидетельствуют, что для захоронения умерших в Москве от голода царь Борис Годунов приказал организовать специальную службу: «Повеле мертвых людей погребати в убогих домах и учреди к тому людей, кому те трупы збирати». По мнению Авраамия Палицына, в трех скудельницах под Москвой было погребено 127 тысяч человек⁶⁵⁴.

Скудельницы, или убогие дома, существовали и в обычное время. Они служили местом погребения неопознанных трупов, бродяг, самоубийц, иногда, возможно, иноземцев. Обычно над ямами, в которых складывались трупы, ставились деревянные сооружения с крестом наверху, а сами ямы оставались открытыми до Семика (четверга седьмой недели по Пасхе, а по древним языческим представлениям — Русальей недели). В Семик горожане шли со свечами крестным ходом «проводить скудельницу». Священники служили общую панихиду по умершим, и братская могила засыпалась (иногда перед этим трупы извлекались, омывались, заворачивались в саваны и погребались в отдельных гробах). Тут же выкапывалась новая яма. Затем справлялась поминальная трапеза; блины, пироги и другие яства раздавались нищим. Связь Семика с древними языческими праздниками была очевидна уже для первого исследователя этого явления И. М. Снегирева. В Новгороде (1636) народ устраивал у убогих домов в Семик «позорища», «многонародныи зело безчинства, полны

и убийства». В то же время обычай братского соучастия в погребении и поминовании «убогих» мертвецов был близок к раннехристианской традиции с ее утрированной заботой о телах единоверцев⁶⁵⁵.

В Москве начала XVII века известны убогие дома при Варсонофьевском монастыре (вернее будет назвать этот некрополь убогим кладбищем, поскольку скудельницей как таковой он, по-видимому, не являлся — в 1605 году здесь похоронили Бориса Годунова и его семью), за Серпуховскими и Петровскими воротами, при Покровском монастыре. Неоднократно упоминаются убогие дома и во второй половине XVII века — при деревянной церкви Воскресения Лазаря в Марьиной Роще, у Немецкого кладбища; при церкви Иоанна Воина на Божедомке; возможно, при Андреевском монастыре. Названия церквей Пречистенского сорока — Спаса Нерукотворного Божедомская, Пятница Божедомская и др. — свидетельствуют о их связи с убогими домами⁶⁵⁶.

В 1732 году указом епархиального управления убогий дом при церкви Иоанна Воина был переведен в Марьину Рощу. Приходскому священнику предписывалось «новоопределенной анбар, которой от сея Воздвиженской церкви перенесен и поставлен в поле на новых ямах для кладбища человеческих мертвых тел убогих, телес ведать и смотреть, и ключ анбарный держать и присланные из разных приказов человеческие мертвые тела в анбаре класть и по вся лета в четверток седьмая недели по Пасце в погребение мертвых телес поминовение чинить тебе попу»⁶⁵⁷. Запрещение хоронить при убогих домах вышло в 1771 году, однако прекратилась эта практика только в конце XVIII века.

Во время эпидемии чумы, охватившей Москву в 1656 году, умерших хоронили в ямах при церквях и за заборами церковных кладбищ. В связи с переполненностью московских погостов 22 января 1657 года вышел указ переписывать и обмерять «церкви и кладбища и церковные земли, на церковных землях дворы, и кто тех кладбищенских и церковных земель к своим дворам и огородам принели, и кто близко тех церковных земель и кладбищ живет». Большинство кладбищ переписчики охарактеризовали как тесные и лишь к некоторым бы-

ло применено определение «кладбище пространно». При многих церквях существовали по два кладбища — старое и новое (вероятно, возникновение последних связано с эпидемией). При этом старое, заполненное, огораживалось забором «наглухо», новое — надолбами «изредка» или «частиком». Земский приказ предпринял меры к благоустройству территорий кладбищ в Кремле и Китай-городе. При кремлевских церквях было запрещено хоронить, а кладбища китайгородских церквей были расширены за счет дворов священнослужителей и соседних домовладений⁶⁵⁸.

Комплекс обрядов и поверий, сопровождавших процесс захоронения, существование некрополя и сохранение памяти об умерших, прошел в России долгую эволюцию. В представлениях древних славян кладбище являлось священным местом, что было связано с культом предков. Связь умерших с землей воспринималась как одно из условий ее плодородия; таким образом, предки помогали потомкам. С принятием христианства почитание некрополя еще усилилось: само захоронение христианских тел, погребенных вплоть до Страшного суда, придавало ему значение священной территории. «Кладбищ для погребения тел они не освящают, ибо говорят, что земля сама освящается помазанными и освященными телами, а не тела землей», — пишет Герберштейн⁶⁵⁹. При этом православная погребальная традиция вобрала в себя значительное число дохристианских верований и обрядов.

Таковым, например, было представление о нечистых («заложных») мертвецах, погребение которых на общем кладбище может принести несчастья живущим. Нечистыми считались скончавшиеся не по-христиански — без предсмертной исповеди и причастия: самоубийцы, казненные преступники, умершие от пьянства и другие покойники, смерть которых не была естественной.

Митрополит Фотий в грамоте псковичам (1416) давал перечень недостойных христианского погребения: «...Еще по греху умрет и напрасно, а не от своих рук, или нужно утонет, тех по закону погresti, и пети над ними, и поминать их во всех святых службах. А которой от своих рук погубится, удавится или ножом изобдется,

или в воду себе ввержет, ино по святым правилом, тех не повелено у церковей хоронити, ни над ними пети, ни поминати, но в пуге месте в яму вложить и закопати; сотворит же о душах их Господь, якоже сам весть, по своим неизреченным судьбами...» К самоубийцам приравнивались и убитые во время судебных поединков («на поле»). Еще более обширный перечень умерших неестественной смертью содержит грамота патриарха Адриана: «А которой человек обеситя, или зарежется, или купаясь и похваляясь и играя утонет, или вина опьется, или с качели убьется, или иную какую смерть сам над собою своими руками учинит, или на разбое и на воровстве каком убит будет, и тех умерших у церкви Божии не погребать... а велеть их класть в лесу, или на поле, кроме кладбища и убогих домов. Который человек будет бит на разбое, или на воровстве будет бит, и пришлют для исповеди к отцу духовному, и того разбойника или вора при смерти исповедать и по рассуждению отца духовного запасными дарами причастить, а как он умрет, и его положить без отпевания в убогом дому, где такие же воры и разбойники и кладутся...»⁶⁶⁰

Вопрос о погребении казненных мог решаться по-разному. Казненные Иваном Грозным князь И. И. Кубенский, печерский игумен Корнилий и некоторые другие были погребены в христианских усыпальницах. Князя А. М. Шуйского, убитого по приказу юного Ивана Грозного, как говорилось выше, похоронили в родовой усыпальнице в Суздале. Жертв новгородского опричного погрома (1570) «загребли» в скудельницу. В то же время Иван Грозный преследовал цель не только уничтожить опальных, но и лишить их всех благ загробного существования: чтобы человек не успел покаяться, его убивали внезапно; чтобы он не был похоронен по христианскому обряду, тело разрубали на куски, бросали под лед либо в лесу или на поле на съедение зверям, птицам и собакам; его лишали поминовения — последнего шанса на спасение души⁶⁶¹.

Историк А. А. Булычев показал, что царь придавал очень большое значение умерщвлению не только плоти, но и души преступника, тщательно продумывая символику казни «государевых ослушников». Исследователь

пришел к выводу, что организация поминовения опальных была связана с беспокойством царя за посмертную судьбу своего сына, погибшего неестественной смертью: «Фактически Иван предложил Богу своеобразную сделку: ради спасения души убиенного сына он не только был готов пожертвовать колоссальные суммы денег в храмы и монастыри, но и создать видимость облегчения посмертных мук отверженных подданных»⁶⁶².

Представление о нечистых мертвецах было распространено весьма широко. О них упоминают церковные уставы X—XII веков и поучения епископа Серапиона Владимирского (XIII век). Религиозный публицист XVI столетия Максим Грек выступал против того, чтобы винить «заложных» в разных несчастьях: «Наше незаконное жительство виновно есть всякому бесплодию земному и мразом безпримерным и бездождию, а не утопленного или убитого погребение...»⁶⁶³ Вредоносными мертвецами считали еретиков и чародеев, служивших нечистой силе. Когда труп Лжедмитрия I был брошен в скудельницу, начались загадочные происшествия. «Ох, увы и люте тебе окаянному, яко и земля возгнушася на себе держати проклятаго твоего еретического трупа и пер[е]стати неблагонравы плодить, облацы дождя не даша... и солнце не во[с]сия на землю огревати, и паде мраз на всеплодие и отъят от наю тука пшенична и гроздия, доднеже злосмрадно тело его на земли повержено быша», — гласит «Иное сказание»⁶⁶⁴. Другие сочинения сообщают не только об угрожающих природных явлениях, но и о знамениях у тела мертвого самозванца. Поэтому труп Лжедмитрия был извлечен из скудельницы и сожжен, а пеплом выстрелили из пушки на запад, в сторону Речи Посполитой. Археологические находки свидетельствуют, что для обезвреживания вредоносных мертвецов («вампиров») применялись известные по этнографическим данным меры: гроб и тело пробивали насквозь большим железным гвоздем-костылем, так же пробивался череп. В конце XIX века в Москве был обнаружен склеп с четырьмя либо пятью порубленными костяками и вбитым посередине колом⁶⁶⁵.

Духовенство заботилось о том, чтобы на кладбище не оказалось погребений еретиков и отступников от

православия. В 1737 году новгородский архиепископ Феофан Прокопович донес в Синод, что в Ивановском монастыре в Москве «над трупом богомерзкого ересучителя Прокопья Лупкина устроена или еще строится честное гробовое здание», а рядом с ним находится могила другого ересиарха Ивана Сулова «и над трупом де того Сулова камень сравнен с землею и около него посажены яблочные и прочие деревья и огорожено решеткою с дверцами для входа в намогильный садец», а ранее над его могилой «гробница с немалым украшением была». При рассмотрении этого дела советник синодальной канцелярии И. Топильский указывал, что «многие ересеначальники» при святых церквях тела свои погребать «домогаются» «в показание таковое, якобы они не суеверцы, но и святости некоей (как надгробная о них надпись лжет) были». По указу Синода велено было трупы П. Лупкина и И. Сулова, «выкопав через палачей», вывезти за город на поле и «учинить с ними по указам»⁶⁶⁶.

В храмах хоронили редко, лишь лиц высокого социального положения — князей, бояр, архиереев. «...Погребению предают они не в храмах, как принято у нас в силу почти нечестивого или во всяком случае отвратительного и извращенного обыкновения, а в огороженных местах и в наружных преддвериях храмов», — передает П. Иовий⁶⁶⁷. В храмах либо «под спудом» (в земле под полом), либо в саркофагах или раках хранились мощи святых. Над раками возводилась сень (навес), они накрывались покрывами, рядом возжигались лампы и свечи в подсвечниках. Барельефные изображения святых наносились на крышки деревянных и металлических рак. Согласно описанию Успенского собора (1789), при гробнице святого митрополита Петра стоял его образ, написанный в 1402 году. Иконы на гробницах святых часто устанавливались в XVII — начале XVIII столетия⁶⁶⁸.

Возложение покровов на надгробия не только святых, но и князей совершалось уже в середине XVI века. Иван IV возложил покров на гробницу сына Дмитрия Донского князя Константина, в иноках Кассиана, в Симоновом монастыре. Погребения волоцких князей в

соборе Иосифо-Волоколамского монастыря в конце века выглядели следующим образом: «А гробницы над ними камены и покровы бархатны, и образы, и свечи, а всё устроено преподобным отцем нашим»⁶⁶⁹. С. Маскевич сообщает о покровах на гробницах великих князей и царей в Архангельском соборе: «Здесь погребают царей, гробницы их не великолепны; при каждой из них находится изображение умершего, частию на стене, частию на самом гробе, вышитое по бархату». Описание Архангельского собора (1789) фиксирует 13 покровов на царских гробницах, самый ранний из которых был положен на гробницу царя Федора Ивановича, судя по стилистике надписи, во второй половине XVII века. На гробнице князя М. В. Скопина-Шуйского лежал покров без надписи⁶⁷⁰. Вполне возможно, что более ранние покровы были расхищены во время польского владычества в Москве.

В то же время свидетельство Маскевича позволяет предположить, что покровы были положены на гробницы тех царей, которые не были изображены на стенах собора: Ивана Грозного, Федора Ивановича и, возможно, царевича Ивана Ивановича. Вероятно, ту же роль при гробницах захороненных в более позднее время выполняли портреты-парсуны. Известны парсуны царя Федора Ивановича, князя М. В. Скопина-Шуйского, царей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича⁶⁷¹. Подобным надгробным портретом, возможно, является и знаменитый Копенгагенский портрет Ивана Грозного.

В XVII веке некрополь начали считать родовой святыней и историческим памятником: стали поновлять надгробия, изготавливать предкам надгробные плиты. В то время были созданы надгробия князя И. М. Воротынского (ум. 1535) в Троице-Сергиевом монастыре и игуменьи Новодевичьего монастыря Елены Девочкиной (ум. 1524), Замятиных и Загряжских в Спасо-Андрониковом монастыре с датами первой половины XVI века⁶⁷². В 1680—1690-х годах в Богоявленском монастыре были установлены надгробия над могилами представителей рода Воронцовых-Вельяминовых, умерших в 1654, 1655, 1682 и 1689 годах⁶⁷³. Семь из десяти плит

из усыпальницы князей Трубецких в Троицком соборе Трубчевска, на которых указаны 1538, 1541, 1546, 1556, 1561, 1568 и 1602 годы смерти, имеют черты художественного оформления середины XVII века. Скорее всего, эти надгробия были изготовлены после пожалования Трубчевска с уездом в конце 1659 года в вотчину боярину князю Алексею Никитичу Трубецкому, потомку удельных князей Трубецких⁶⁷⁴.

В XVII веке к некрополю обращались при решении спорных дел. В 1645 году князь Ф. Ю. Хворостинин, пытаясь отбиться от притязаний И. П. Писемского на принадлежность к его роду по матери, бил челом, «чтоб допросить Ивана Писемского, родители ево прадед и дед в котором монастыре лежат»⁶⁷⁵. Обращались к сведениям о погребении предков и в поземельных тяжбах, как это произошло в споре Голохвастовых и Бутурлиных: «А тое де церковь на той земле строил прадед ево Яков Голохвастов, и по обещанию в той церкви он лежит, так же и многие ближние родственники ево и младенцы у той церкви лежат и цки (доски, в данном случае — плиты. — С. III.) каменные на них положены и на цках имена родственников ево подписаны за многие года, а не Бутурлиных»⁶⁷⁶.

Святость некрополя признавалась как безусловная ценность. Отсюда происходило и представление о его неприкосновенности. Показателен летописный рассказ о князе Кашинском: «...из монастыре церковь Пречистые Богородицы повеле снести внутрь града и то место святое разкопати, и в гробех мертвых кости разрушили издавна положенных иноков. И тое же весны за многи дни бысть болезнь незнаема князю Михайлу Васильевичю Кашинскому... и княгине его болезнь велиа незнаема и тяжка зело; самого же Бог помилова, а княгиня его Василиса преставися... и тако князь Михайло Васильевич устрашися и ужасеся того ради, и прощения проси у владыки Василиа и у всего освященнаго собора...»⁶⁷⁷

Негодование новгородского архиепископа Геннадия вызвало разрушение древних кладбищ во время строительства кремлевских стен при Иване III: «А ныне беда стала земская да нечисть государская великая: церкви старья извечныя выношены из города вон, да

и монастыри извечные с места переставлены... Да паки сверх того и кости мертвых выношены на Дорогомилово, инко кости выносили, а тела ведь туто остались, в персть разошлись... А гробокопателям какова казнь писана! А ведь для того, что будет воскресение мертвых, не велено их с места двигнути, опричь тех великих святых, коих Бог прославил чудесы; да Божиим повелением и ангельским явлением бывает перенесение мощем, на избавление людем и на утверждение и на почесть градовом...»⁶⁷⁸

Из этого отрывка видна и причина особой заботы о сохранности кладбищ — представление, что при воскресении кости облекутся в тело в том месте, где оно обратилось в прах. Данные археологии свидетельствуют, что при находке костей во время строительных работ их обычно перезахоранивали. На этот случай существовали и особые наставления: «Оже кости мертвых валяются кде, то велика человеку тому мзда, оже погребут их»⁶⁷⁹.

Кладбище для человека русского Средневековья не было отдельным «некрополем» («городом мертвых») в античной традиции, восстановленной в России Нового времени. Оно органично вплеталось в ткань городской застройки и было частью повседневной жизни. А. Л. Баталов и Л. А. Беляев называют эту традицию «жизнью с мертвыми»: «Не только знатный, но и рядовой горожанин Средневековья жил вместе со своими усопшими в буквальном смысле слова: приходской храм с кладбищем обычно не слишком далеко отстоял от дома. Каждое его посещение было не только “визитом к покойным родственникам и согражданам”. Это было подлинное христианское воссоединение живых с усопшими, членами христианской Церкви в ходе службы»⁶⁸⁰. Ему способствовали и литургическое поминание усопших, и особые обряды, связанные с посещением кладбищ.

«Пев над ним и в гроб положив»

Погребальный обряд и церковная служба при похоронах совершались по-разному в зависимости от статуса умершего — мирянина, священника, монаха,

архиерея. Существовали особые чины погребения младенцев, а также погребения мирян в Светлую седмицу (Пасхальную неделю)⁶⁸¹. Наиболее раннее описание похоронного обряда содержится в грамоте митрополита Киприана: «Мирянина попа погresti сице: измыв его и в срачицу нову облек и в свиту, також и в стихарь и петрахиль и фелонь, лице же и главу покрыв завесом, и тако пев над ним и в гроб положив... та же дьску поставивше, засыпуют, якоже всякого мертвеца»⁶⁸².

Сходный обряд отражен и в Псалтыри Троице-Сергиева монастыря конца XV века: «Аще ли мирянин, простец, по умовении водою в срачицу, и в саван с наголовием и свиют и укромом и по челу обяжут рубом хрестьци нашиваны, а на ногах копытца и калиги*. Також и жены погребаются». При похоронах священника «омывают его водою, и облекут и в срачицу и в сукняную свиту таж стихар и петрахил, и фелон, а на ногах копытца и калиги»⁶⁸³. Аналогичный порядок описан в Кормчей Балашова (XVI век).

«Если больной не выздоровеет, а умрет, берут его с постели, кладут на лавку, омывают как можно тщательнее, надевают на него чистую сорочку, полотняные штаны, новые красные сапоги и обвивают в белое полотно, покрывающее всё тело и сделанное вроде рубашки с рукавами, складывают ему крестообразно руки на груди, сшивают полотно у изголовья, также на руках и ногах, и кладут в гроб, который и ставят на похоронные носилки до другого дня», — свидетельствует Петрей⁶⁸⁴. О красных погребальных башмаках пишет Буссов, о черных — Коллинс. Погребальная обувь хорошо известна и по археологическим раскопкам. Как правило, она делалась из единого куска кожи, без подметок. В погребении царя Федора Ивановича были обнаружены онучи**. Однако могли использовать и обычную обувь⁶⁸⁵.

Тело умершего заворачивалось в саван. Древнерусские летописи упоминают термины «спрятавшие тело»

* Копытца — короткие шерстяные чулки. Калиги (лат. *cāligae* — сапоги) — здесь: подвязные сандалии, иноческая и странническая обувь, а также специальная обувь для мертвых.

** Онучи — длинные широкие (около 30 сантиметров) полосы холщовой или шерстяной ткани для обмотки ноги до колена при обувании в лапти или сапоги, подвязывались к ногам плетеными кожаными, веревочными или лыковыми оборами.

или «опрятавшие тело», известно также выражение «скутавшие», то есть завернув в саван. Летопись рассказывает о погребении волынского князя Владимира Васильковича (ум. 1288): «Омывша его, и увиша и оскамитом* со кружевом якож достоин царем...» Граффити на стене Георгиевского собора в Юрьеве-Польском изображают мертвеца в могиле в саване и с босыми ногами. Средневековое погребение в долбленной колоде с остатками савана было обнаружено в 1934 году при земляных работах рядом с Кутафьей башней⁶⁸⁶.

Вскрытие гробниц царя Ивана Грозного, его сыновей и князя М. В. Скопина-Шуйского показало, что умершие были плотно спеленуты покровами из узорчатой красной камки, перевязанными тесьмой. Лишь покрывало, окутывавшее тело Скопина-Шуйского, было перевязано толстой веревкой. Тело патриарха Адриана (ум. 1700) было обернуто зеленым бархатом⁶⁸⁷.

Лицо покойного закрывалось, о чем свидетельствуют остатки ткани, найденные при вскрытии захоронения царевича Ивана Ивановича в Архангельском соборе и царицы Анастасии Романовны в некрополе Вознесенского монастыря⁶⁸⁸.

Приготовление тела царей к погребению в общих чертах не отличалось от обычной практики похорон мярян. Г. К. Котошихин сообщает: «Когда лучится царю от сего света преселиться во оный покой... и того ж дни царя измывают теплою водою и, возлож на него срачицу, и порты, и всё царское одеяние, и корону, положат во гроб...»⁶⁸⁹ Исследования захоронений царя Ивана Грозного и его сыновей не подтверждают свидетельства Котошихина о «царском одеянии». Тем не менее они находят соответствие в записи о погребении князя Владимира Васильковича, облаченного «якож достоин царем». Миниатюры Радзивилловской летописи (XV век), посвященные похоронам князей, изображают покойников в княжеских облачениях. В Лицевом летописном своде середины XVI столетия лежащие в гробах князя Ярослав Тверской (ум. 1271) и его брат Василий

* О с к а м и т (искаж. аксамит от греч. *hexamitos*, букв. из шести нитей) — плотная ворсистая, часто узорчатая ткань из шелка с золотой или серебряной нитью.

Костромской (ум. 1276) изображены не только в богатых одеждах, но и в княжеских шапках⁶⁹⁰, а вдова Ярослава Тверского и князь Андрей Городецкий, умершие в монашестве, — в схимническом одеянии, причем последний — не только на смертном одре и в гробу, но и в санях, везших тело для погребения в Городец⁶⁹¹. По-видимому, царей погребали не в церемониальных, но достойных их сана одеждах. Присутствие в могилах царских венцов вымышлено Котошихиным.

Родовитых людей провожали в мир иной в богатых одеждах из дорогих златотканых материй, украшенных жемчугом и драгоценными камнями, о чем свидетельствуют археологические находки. Хорошо известны шитые золотом головные уборы — волосники — из погребений знатных москвичек⁶⁹². Простого горожанина клали в гроб в обычном платье, надевая на покойника чистую рубаху. Флетчер пишет, что русские «мертвых хоронят в одежде, в которой они ходили: в кафтане, штанах, сапогах, шляпе и другом платье»⁶⁹³.

Монахов хоронили иначе, чем мирян. «Всякого же черныца не годится умывати, ниже обнажати тело его, но теплыя воды доспети и тако губою морьскою или платцем чистым лице его утрети, также перси, потум длани ручныя обапол, потом колена, также пресна ножная, и в срачицу чисту облещи и потом мантию обвивати... таже пети над ним; егда же в гроб положат его, тогда проливают его вином и маслом крестообразно», — наставлял митрополит Киприан⁶⁹⁴. Одежда монашеских погребений соответствует облачению трех монашеских чинов — новоначального инока, малосхимника и великосхимника: «...Будет великий схимник, взложат на нь куколь на главие верху главы, покрыв и до брады яко видену быти лицу его, а малого скимника клобуком... по сем взложат на нь плети и препояшет его и обует»⁶⁹⁵. Тело великого князя Василия III, при смерти постриженного в схимонахи, было отерто хлопчатой бумагой, смоченной в воде, митрополитом Даниилом⁶⁹⁶.

Реконструкция остатков монашеского одеяния Ивана Грозного (куколь и аналав*), проведенная Т. Н. Кош-

* Куколь (*лат.* капюшон) — здесь: остроконечный капюшон черного цвета с двумя закрывающими спину и грудь полосами ма-

ляковой, показала, что царь был пострижен в чин великосхимника. Другие находки монашеских облачений и атрибутов в погребениях XIV—XVII веков немногочисленны: кожаный пояс с тисненым изображением двенадцати праздников из погребения княгини Евдокии Дмитриевны, вдовы Дмитрия Донского. находка аналогичного кожаного пояса и параманда была сделана при вскрытии в 1836 году княжеских погребений в церкви Спаса на Бору⁶⁹⁷. Параманд и покровы XVII века были обнаружены при раскопках некрополя Моисеевского монастыря.

Церковных иерархов погребали в полном святительском облачении, что хорошо видно по летописным миниатюрам. Указание на это содержится и в описании погребения патриарха Иоакима (ум. 1690): «...Тело святейшего патриарха во гробе в архиерейских одеждах и в митре из церкви 12 Апостол несли на одре архимандриты и игумены в облачении крестовую полатою в соборную апостольскую церковь большую лестницей...»⁶⁹⁸

Погребальный инвентарь московских захоронений XIV—XVII веков беден. Наиболее распространенной находкой являются сосуды для еля. Объяснение появлению этих сосудов содержится в грамоте митрополита Киприана: «Пев над ним и в гроб положив, таже вина мало с маслом деревянным смесив проливает священник крестаобразно, от главы первое, таже у ногу, потом же от десна, таже левую сторону; чашу же, в ней же масло с вином, повержет у ногу»⁶⁹⁹. Сходный обряд отмечен и в Служебнике Троице-Сергиева монастыря 1474 года: «...Поп же взем в сосуде масло взлиет верху телесе тво-ряи три кресты на лици на персех, и на колену, поя алилуйа». Несмотря на то, что грамота митрополита Киприана предписывает ставить сосуды-елейницы у ног, в погребениях они встречаются в разных местах, в том числе и у головы, например в погребениях Ивана Грозного и царевича Ивана Ивановича⁷⁰⁰.

терии. А н а л а в (*греч.* воспринятый) — носимая великосхимниками на спине, плечах и груди перевязь с изображением восьмиконечного креста на подножии, орудий страстей и черепа Адама; символизирует крест, который берет на себя монах. Малосхимники носят на груди четырехугольный параманд (*греч.* прибавление к мантии).

Самой ранней из подобных находок в Москве является сосуд из погребения Дмитрия Донского. С XV века сосуды для елей встречаются на некрополях Москвы — в Зарядье, церкви Спаса на Бору, Вознесенском, Даниловом, Высокопетровском монастырях и др. В XV—XVI столетиях они представляли собой глиняные чашечки, покрытые желтой, зеленой или коричневой поливой; встречаются также чернолощенные и ангобированные (покрытые до обжига слоем жидкой глины другого цвета), причем в слоях того времени они достаточно широко встречаются только в Москве, в других городах их находки единичны. С XVI века в погребениях появляются металлические, стеклянные и деревянные сосуды, а с XVIII столетия начали применять фарфоровые⁷⁰¹.

Чаще всего похороны происходили на следующий день после смерти. В случае, если погребение не могло быть совершено в этот срок, как в 1472 году, когда умер Юрий Васильевич Дмитровский и дожидались приезда на похороны его старшего брата Ивана III, гроб на другой день после смерти ставился в церкви. П. Петрей сообщает, что тело перед погребением стоит в церкви несколько дней: «Если покойник был человек знатный, гроб его сторожат днем и ночью, зажигают свечи, священники и монахи поют, окуривают гроб ладаном и миррой и окропляют раз в день святою водою, пока не исполнится восемь дней». Возможно, в этом сообщении отражены традиции «дневания и ночевания» у тела на похоронах лиц царской фамилии. Новгородский епископ Нифонт (XII век) предписывал совершать похороны до захода солнца: «Тако погresti, яко еще высоко (солнце. — *С. III.*), то бо последнее видит солнце до общего воскресения»⁷⁰².

При похоронах гроб с телом помещался на погребальные носилки, которые называли одром, то есть кроватью (умершего воспринимали как спящего, потому и называли усопшим). Петрей пишет: «Если это был богатый человек, носилки покрываются бархатом или дорогим сукном. Если же это человек не зажиточный или бедняк, то покрывают носилки его собственным кафтаном». Рейтенфельс сообщает, что гроб несли на

кладбище на столе или на санях. Использование саней в обряде похорон хорошо известно и восходит еще к языческой традиции; сообщение о столе, возможно, вызвано тем, что гроб в доме ставился на стол⁷⁰³.

Иностранцы одинаково описывают состав погребальной процессии: один или несколько священников, певчие, семья и родственники покойного. Особое внимание зарубежные авторы обращали на причитания над почившим, исполняемые его женой или, согласно впечатлениям иностранцев, специально нанятыми плакальщицами⁷⁰⁴. Летописи свидетельствуют, что «плач и рыдание велико» сопровождали погребения великих князей и царей. Церковь не одобряла громких причитаний над покойником — исповедные сборники содержат вопрос: не причитала ли над умершим, не рвала ли на себе волосы? Несение тела в церковь и из церкви к месту погребения сопровождалось пением молитвы «Святой Боже, Святой крепкий, Святой бессмертный, помилуй нас» и стихиры «Зряще мя безгласна». Участники шествия несли в руках зажженные свечи (Рейтенфельс говорит о погребальных факелах)⁷⁰⁵.

В церкви гроб ставился перед алтарем. При этом на грудь покойного клали икону, которую затем перемещали на гроб и везли до самого погребения. Некоторые иконы Троице-Сергиева монастыря имеют надписи на подкладке: «Привезен на кнгини Ираиде иконе на кнзе Данилове жене Ростовского», «Привезен на Сергии Татеве». Вкладная книга того же монастыря сообщает: «162-го (1654/53. — С. III.) году образ Пречистой Богородицы Умиление обложен серебром басмою, венец резной золочен, подпись и ожерельицо низано жемчугом на гробу Алексея Тихонова, во иноцех Авраамия»⁷⁰⁶.

В церкви совершались отпевание и последнее целование покойника родственниками. В руку умершего вкладывалась разрешительная грамота. Широкое распространение в XIV—XVII веках идущего еще с XI столетия обычая использовать грамоты с молитвой, содержащей просьбу о разрешении (освобождении) от грехов, прослеживается по различным источникам. Во время чумы 1352 года умершим «едино надгробное пение отпеваху, точию молитву разрешалную иже гла-

голется рукопись, комуждо особь изглаголаваху, или мужу, или жене; и тако полагаху по пяти и по десяти в едину могилу». Разрешительные грамоты митрополитов отличались особенным формуляром. За четыре дня до смерти владыка Киприан написал «грамоту незнаему и страннолепну, яко прощальную, и аки во образ прощения... по отшествии же сего митрополита и прочии митрополиты Русстии и до ныне предписывающе сию грамоту повелевают в преставление свое в гроб вкладающе тако же прочитати в услышание всем»⁷⁰⁷. Существует также известие, что в руку архиерею вкладывался «список написан, иже святил в животе своем попы и дьяконы имяни их». В XVII веке многие иностранцы обращают внимание на разрешительные грамоты, называя их адресатами апостола Петра или Николая Чудотворца⁷⁰⁸.

Летописные рассказы о похоронах великих князей в XIV—XV веках содержат только краткие упоминания о плачах, участии в церемонии всего высшего духовенства, игуменов московских монастырей, священников, бояр и всего народа «от мала и до велика» и отпевании покойных. Более подробно описано в Постниковском летописце погребение Василия III. Великий князь скончался ночью, а наутро митрополит повелел звонить в большой колокол и к дворцу стали собираться для прощания с государем «боярские дети, и княжата, и гости, и все люди, которые не быша (при кончине. — *С. III.*) у него». Одновременно шли приготовления к похоронам: в Архангельском соборе готовилась могильная яма, а шатерничий Р. И. Семенов «снем с него (новопреставленного. — *С. III.*) меру и повеле ему гроб привести камен» (скорее всего, у каменотесов имелся определенный запас готовых саркофагов⁷⁰⁹). Для участия в церемонии собрались митрополит Даниил, епископы Коломенский и Крутицкий, архимандриты и игумены московских монастырей, священники, братья великого князя и бояре. При выносе тела певчие дьяки пели «Святый Боже». Гроб с телом великого князя несли на головах троицкие и иосифовские монахи, за ними «грядуща с свещами и с кандилы» духовенство. Великую княгиню несли в санях дети боярские; рядом с санями шли бояре.

Во время шествия «ино бысть слез и кричания от народа, яко и звону в колоколы не слышети»⁷¹⁰.

Церемония царских похорон XVII века хорошо известна по сообщениям Котошихина, дворцовых разрядов и Рейтенфельса, бывшего свидетелем погребения царя Алексея Михайловича⁷¹¹. Сразу после смерти государя начинали звонить в большой колокол Успенского собора. Затем тело готовили к погребению и происходило прощание бояр и придворных. Вслед за этим пышная процессия проследовала в Архангельский собор, при этом гроб везли на саних. После того как государя хоронили, над его саркофагом 40 дней читался псалтырь, при этом «дневали и ночевали» бояре и придворные чины. Таков был в общих чертах обряд царского погребения. В деталях описания разнятся. Например, Котошихин сообщает, что тело царя не погребается до тех пор, пока «из городов власти съедутца все к Москве», но эти сведения не подтверждаются другими источниками. Он же является автором уникального сообщения: после отпевания патриарх «над кутьею учнет говорить молитву и кадить ладоном, а поговоря молитву, начнет патриарх есть кутью ложкою, трижды, потом подносит царице, и царевичам, и царевнам, и болшим властем, и бояром, и всякого чину людям». В разрядах и других источниках подробно описаны ткани, использовавшиеся для покрова и обивки гроба, «печальное» («смирное») платье участников процессии; порядок шествия: священники, игумены, архимандриты, епископы, архиепископы, патриарх, сани с телом, царь, боярство и двор, «многа множество народа, мужеска полу и женска, вместе без чину, рыдающе и плачуще», — а также множество других деталей, которые могут быть предметом специального изучения⁷¹².

При кончине патриарха, как и царя, трижды били в колокол. Тело владыки отиралось греческой губкой и облачалось в святительские одежды. Вынос тела осуществлялся на одре. Крышку гроба несли дьяконы, а одр — протопопы и священники или архимандриты и игумены. Перед телом несли три иконы в киоте (патриарх Иоаким эти образа «еще живу суца построил на своем гробе стоять»), зажженную лампаду и посох митрополита Петра. На грудь покойного клали Евангелие. Из кельи гроб с те-

лом патриарха несли для прощания в церковь Двенадцати апостолов (при погребении Иоакима и Адриана) или Ризоположения (при погребении Иоасафа), где над ним домовые дьяки день и ночь читали псалтырь. Отпевание и похороны происходили в Успенском соборе, причем гроб обычно ставился в алтаре, что не допускалось для лиц царской фамилии. В руку патриарха Иоакима была вложена разрешительная грамота от патриархов Паисия Александрийского и Макария Антиохийского. При погребении тело Иоасафа I было переложено из деревянного гроба в каменный, патриархи Питирим и Адриан были прямо в деревянных гробах положены в каменные саркофаги. Так же, как и при царском погребении, при свежей могиле предстоятеля «денно и ночью» читали псалтырь 40 дней⁷¹³.

Поминовение усопших совершалось обычно на третий, седьмой, девятый, двадцатый и сороковой дни после смерти, что было связано с представлениями о судьбе души за гробом⁷¹⁴. К XVI веку была выработана традиция поминальных дней: мясопустная суббота (за восемь дней до начала Великого поста), родительские субботы (на второй, третьей и четвертой неделях Великого поста), Радуница (во вторник Фоминой недели, второй после Пасхи), Троицкая родительская суббота (на девятый день после Вознесения, накануне дня Святой Троицы). Согласно церковной традиции Дмитриевская родительская суббота — перед 26 октября (8 ноября), днем памяти великомученика Дмитрия Солунского, была установлена Дмитрием Донским в память о воинах, павших в Куликовской битве, но, по-видимому, восходит к дохристианским обрядам.

Стоглав свидетельствует, что в XVI веке поминальные обряды сохранили много языческих черт: «В Троецкую субботу по селом и по погостомъ сходятца мужи и жены на жальниках, и плачутца по гробом с великим кричанием. И егда начнут играти скоморохи, гудцы и пригудницы, они же, от плача преставше, начнут скакати и плясати, и в долони бити, и песни сотонинские пети — на тех же жальниках, оманщики и мошенники... А в Великий четверг порану солому паят и кличут мертвых...» В литературе также неоднократно отмечалась

связь поминальных дней русского месяцеслова с языческими традициями⁷¹⁵.

Свидетелем поминовения в Троицкую субботу стал Олеарий: «Кладбище было полно русских женщин, которые на могилах и могильных камнях разложили прекрасные вышитые пестрые носовые платки, а на этих последних ими были положены на блюдах штуки 3 или 4 длинных оладий или пирогов, штуки 2 или 3 вяленых рыб и крашеные яйца. Иные из них стояли, другие лежали на коленях тут же, выли и причитали, и обращались к мертвым с вопросами, какие, как говорят, приняты на похоронах у них... Между ними ходил священник с двумя прислужниками, с камильницею, куда он временами бросал кусочек воску, и окуривал могилы, приговаривая несколько слов... Женщины тянули и тащили попа с одного места на другое, и каждая желала иметь преимущество для своего покойника...»⁷¹⁶

Традиция церковного поминовения, перенятая из Византии, получила четкое обоснование в трудах и практике святого Иосифа Волоцкого. Он считал моление за умерших важнейшей функцией монашествующих. Средства, которые родственники покойных давали на поминовение, должны были идти на монастырское хозяйство и щедрую милостыню: «А розходится на всякий год по полутора ста рублей денгами, а иногда боле, да хлеба по три тысячи четвертей на год розходится, занеж на всякий день в трапезе едят иногда шестьсот, а иногда семьсот душ, ино коли Бог пошле, тогда ся и разоидет». В послании княгине Марии Голениной преподобный перечисляет виды поминовения в монастыре: «У нас на всякой недели по три понафиды (панихиды. — *С. III*), да по девяти литеи* заупокойных, да повсядневная обедня, а поминают на обедне по трижда, а на понафиде по трижда же, а на литеях по однава». Кроме того, поминание производилось и по синодику: «Поминают тех же, а на болших понафидах по четырьжда, ино имеется всего того по десятья в день, коли болшая понафида. А во всякую пятницу болшая понафида, а коли меншая понафида, ино по девятья на день, а коли нет понафиды в который дни,

* Лития (*греч.* усердная молитва) — особое моление об умершем.

ино по шестья в день, а над проскурами ино поминание годовое чтуть и на Господский праздьники (в честь Богородицы и Христа. — *С. III.*) и велик день». Особое внимание уделялось поминанию ктиторов монастыря: «Ино, госпоже, у нас строев, которых в монастыре погребают, ина и тех даром пишут в синаник (синодик. — *С. III.*) да и в годовое поминание на год, а на нищих Бог не истязуеть, а богатий каждо по своей силе истязан будеть»⁷¹⁷.

Соответственно с размерами вклада служился особый вид поминания и имена записывались в различные синодики: повседневный — для ежедневного поминание на литургии в продолжение сорока дней, года или вечно в зависимости от вклада; литийный — читавшийся постепенно на литиях «по вся дни»; вечный или подстенный — читавшийся, «доколе монастырь стоит», на аналое «под стеной» на обеднях и панихидах в понедельник, среду и четверг не целиком, а «елико настоятель производит, колико прочеть».

Имена умершей монастырской братии записывались для поминания в «тетради харатейные» (на три года или на «урочные» годы), вечный и братский (также вечный) синодики. Иногда существовал особый сорокоустный список, который, например, в Иосифо-Волоколамском монастыре читался не в соборе, а в церкви-колокольне. Разные виды поминовения по-разному и оценивались. Вклад в 50 рублей считался достаточным для внесения в вечный синодик Троице-Сергиева монастыря. В Иосифо-Волоколамском монастыре в конце XVI века за 100 рублей записывали в повседневный и вечный синодики не только самого вкладчика, но и (очевидно, только в вечный) его род и ежегодно отмечалась память кормом на братию; за 200 рублей поминовение совершалось так же и отмечалась память двумя кормами; за 300 рублей — тремя кормами и «три души имян в повсяднем списке». После окончания срока поминания уставщик вычеркивал запись о даче вкладчика из специальных урочных книг, а его имя — из повседневного синодика. Вечный синодик был наиболее демократичным: «Пишут инок и мирян, всех православных христиан, кто что ни даст, много и мало, велик или мал, нищ и богат, а иных Бога ради пишут, и без дачи и даром, и тех всех поминают Бо-

га ради, доколе монастырь Пречистые стоит, из синодика вечного половину вслух, а другую втай»⁷¹⁸.

Годовое поминовение сопровождалось не только панихидой на могиле, но и установкой на надгробии блюда с ритуальной пищей — кутьей. Чиновник новгородского Софийского собора первой половины XVII века свидетельствует: «В благовест приходит Софейского дому чашник з гвоздари и приносят кутью и мед и сосуды на кутью и на мед и расставляют по святительским гробам; на соборной стол оловяник третной меду да блюдо кутьи с ягоды и с сахаром; на гроб Никиты епископа кружечка малая меду да блюдец кутьи; на Иоанна архиепископа гроб то же и на прочие гробы святительские по ковшу кутьи да по ковшу меду». Иван Грозный приказал старцам Троице-Сергиева монастыря поминать царевича Ивана «по неделям, от субботы до субботы в Николе чудотворце, да в средней церкви ежедень понахиды пети над кутьею и на обеднях поминать вовеки»⁷¹⁹.

Особой формой поминовения были кормы и раздача милостыни. Корм — монастырская поминальная трапеза — справлялся в годовщину кончины или именины покойного либо другой установленный памятный день. Для организации кормов требовалось внесение значительного вклада (для Иосифо-Волоколамского монастыря — более 100 рублей). Кормили на поминальных трапезах калачами, икрой, пирогами «блинчатыми», рыбными блюдами, «оладьями с медом» и поили квасом. На память святого Иосифа Волоцкого в монастыре кормили не только братию, но и нищих: «Хлеба по чети, да каша на горох, да квас житный непереварной и деньгами, мирским по полуденге, чернецом по денге, а нужных по 2 денги». В другой день денежная милостыня рассылалась по всем «малым» монастырям и церквям, находящимся в монастырской вотчине, где служились панихида и литургия⁷²⁰.

Л. А. Беляев установил прямую связь между поминальной традицией и возникновением обычая «подписывать» плиты — наносить эпитафии. Формуляр эпитафии содержал указание на дату кончины, а иногда, и на тезоименитство погребенного, в которое также совершалось поминание. Если в XV веке на монастырских некрополях

родственники еще отличали могилы и надгробия без надписей членов их семьи, то со временем при заполнении кладбища новыми захоронениями потребовались специальные метки — эпитафии на надгробиях⁷²¹. Об этом свидетельствуют составленные в Иосифо-Волоколамском и Кирилло-Белозерском монастырях синодики-путеводители. Синодик-путеводитель Иосифо-Волоколамского монастыря соблюдает порядок месяцеслова и отмечает, в монастыре или в ином месте похоронен поминаемый; в первом случае указывалось конкретное местонахождение могилы: «Месяц сентябрь. 1-го числа. По князе Семионе Бельском. Дачи по нем 100 рублей да 150 грошей. Гроба нет. По князе Семионе Микулинском, да по сыне его Петре, да по княгине его Евдокее. Дачи по нем 100 рублей. Гробы их в Микулине, где нет... 15-го... по Иякове Морозове, во иноцех Ионе, дачи 100 р. Гроб его у церкви от предних дверей на праве, 3 гроба Шереметевых подле протопопа. По Никите по Плещееве, да по Даниле по Ульянине, да по Несыте по Даниле по Головленкове. Гроб их близ гробницы от святых ворот. 20-го. По архиепископе Трифоне Ступишине Полоцком. Гроб его и брата за алтарем...» Прямое указание на службу над могильной плитой содержит роспись трапез Тихвинского монастыря: «Корм по Григорье Глазуне, во иноцех Герасиме, Тихвинского посада попе, панихида собором, по литургии ходят на гроб, лежит же он приступом папертных дверей от полуденные страны»⁷²².

Христианское погребение и забота потомков о могиле и душе покойного являлись идеалом посмертной судьбы для русского человека эпохи Средневековья. Связь между вечной загробной жизнью и земной, временной ощущалась тогда гораздо теснее. В Средние века покойный был для живых своим, близким. Человек Московской Руси был постоянно готов к собственной смерти и концу света. Поэтому приходское кладбище за оградой собственного двора не вызывало у него ни страха, ни неприятия. В отличие от людей Нового и Новейшего времени тогдашние москвичи твердо верили, что за гробом получают достойное воздаяние, и потому страшились не смерти, а грехов. И грехи, и смерть были для них повседневностью, загробная жизнь — мечтаемой вечностью.

*Зачем бояться снов?
Средневековьем
Пренебрегать мы большие не должны.
Оно прижалось к нашим изголовьям;
Не нам оно, а мы ему нужны.
В гудках авто, в громадах серых зданий,
И блеске электрических огней
Не слышно нам старинных заклинаний,
Не видно оживающих камней.*

Лев Гумилев

Работая над этой книгой, автор часто думал о ее актуальности, о сходстве и различии современной эпохи и Средних веков, а особенно о тех «остатках» и «преданиях», которые пронизывают нашу жизнь, уходя корнями в прошлые столетия. В этом отношении Москва уникальна. Постоянно меняясь, она сохраняет где-то в уголках своего пространства, в домашнем обиходе горожан, в оборотах речи и даже ее интонации пока еще живые элементы средневековой культуры, быта и даже, отчасти, мировоззрения.

Время ставит перед нами сложный вопрос, сумеют ли выжить эти следы московской самобытности. Для столичного мегаполиса уберечь свое Средневековье становится всё труднее. Происходят стремительные метаморфозы с горожанами, застройкой, планировкой. На смену тому, что складывалось столетиями, приходит новодел, эрзац, а зачастую — нечто совсем чуждое прошлому, но органичное современному. Повседневность большого города оставляет совсем мало места для традиционного, в отличие, скажем, от сельского

образа жизни. С каждым мгновением связи с прошлым истончаются, становятся всё более хрупкими и рвутся совсем.

Стоит ли переживать из-за того, что память о Средних веках останется лишь на бумаге, в музейных коллекциях или исторических фильмах? Автору представляется, что стоит. Наше Средневековье было временем жестких, а порой жестоких крайностей: смертельной опасности и подлинной веры, тяжкого труда и настоящей любви. Это почувствовал Андрей Тарковский и гениально донес до зрителей в фильме «Андрей Рублев».

Свидетельства источников не позволяют нам идеализировать то время. Умильные рассуждения о безусловной святости Руси происходят от слабой информированности авторов. Повседневность средневековой московской жизни дает мало поводов для восхищения. Грубость нравов, бедность, постоянная забота о хлебе насущном, страх перед мечом неприятеля, огненной стихией, моровой язвой, колдовством или волей «сильного человека» — таковы были ежедневные мытарства простого москвича. Вся его жизнь и — шире — всё существование Московского царства были преодолением. Как в них находилось место для произведений кисти Андрея Рублева или пера Симеона Полоцкого?

Ответ на этот вопрос дал В. О. Ключевский, писавший о значении преподобного Сергия Радонежского для русского народа и государства: «Своим появлением среди соотечественников, сидевших во тьме и сени смертной, он открыл им глаза на самих себя, помог им заглянуть в свой собственный внутренний мрак и разглядеть там еще тлевшие искры того же огня, которым горел озаривший их светоч». Этот свет, горевший в душе нашего предка, задавленного со всех сторон (подьячим, «бусурманом», «литвином», боярином и прочими, «имена их, иже, Господи, веси»), и дал Москве удивительную жизнестойкость. Именно он позволил Москве выстоять в те времена, когда ее существование подвергалось смертельной опасности, — в 1238, 1382, 1571, 1612, 1812, 1941 годах...

Хочется верить, что и в наше время, комфортное в смысле быта, но смутное и тревожное во всём, что касается духовной жизни, завет предков даст нам силы сохранить Москву достойной своего великого прошлого. Надеюсь, что пример средневековой повседневности поможет в этом. В любом случае люди прошлого сказали свое слово, исполнили свои дела и оставили нам наследство. Наша задача — понять и сберечь его.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Сытин П. В.* История планировки и застройки Москвы. Т. 1. 1147—1762 // Труды Музея истории и реконструкции Москвы (далее — ТМИИРМ). Вып. 1. М., 1950. С. 58.

² См.: *Забелин И. Е.* История города Москвы. М., 1905 (переиздание — М., 1990); *Бартенев С. П.* Московский Кремль в старину и теперь. М., 1912.

³ См.: Сокровище российских древностей: Факсимильное воспроизведение единственного сохранившегося экземпляра издания Н. И. Новикова / Подг. С. Р. Долгова. М., 1986. С. 136—153.

⁴ *Павел Алеппский.* Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским / Пер. Г. Муркокса // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских (далее — ЧОИДР). 1898. Кн. 3. С. 49—50.

⁵ См.: *Богданов А. П.* Чины венчания российских государей // Культура средневековой Москвы XIV—XVII вв. М., 1995. С. 222—225; *Михайлова И. Б.* И здесь сошлись все царства... Очерки по истории государева двора в России XVI в.: повседневная и праздничная культура, семантика этикета и обрядности. СПб., 2010. С. 22—26, 44—54.

⁶ См.: *Сизов Е. С.* Еще раз о трех «неизвестных» гробницах Архангельского собора // Государственные музеи Московского Кремля: Материалы и исследования (далее — ГММК МИ). Вып. 1. М., 1973. С. 91—92.

⁷ См.: *Сизов Е. С.* Русские исторические деятели в росписях Архангельского собора и памятниках письменности XVI в. // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы Российской академии наук. Т. 22. М.; Л., 1966. С. 264—276; *Он же.* «Воображены подобия князей...»: Стенопись Архангельского собора Московского Кремля. Л., 1968. С. 1—4; *Он же.* К атрибуции княжеского цикла в росписях Архангельского собора // ГММК МИ. Вып. 2. М., 1976. С. 63—76.

⁸ См.: *Мнева Н. Е.* Монументальная и станковая живопись // Очерки русской культуры XVI в. М., 1977. Ч. 2. С. 313—314.

⁹ См.: *Извеков Н. Д.* Московские кремлевские дворцовые церкви и служившие при них лица: Историко-археологическое исследование. М., 1906. С. 8—9.

¹⁰ См.: Там же. С. 5—6.

¹¹ См.: *Кавельмахер В. В., Панова Т. Д.* Остатки белокаменного храма XIV в. на Соборной площади Московского Кремля // Культура Средневековой Москвы XIV—XVII вв. С. 66—83.

¹² *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию / Пер. с нем. А. М. Ловягина. Смоленск, 2003. С. 147.

¹³ См.: *Кавельмахер В. В.* Способы колокольного звона и древнерусские колокольни // Колокола: История и современность. М., 1985. С. 39—78.

¹⁴ См.: *Забелин И. Е.* Указ. соч. С. 605—612; Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 34. М., 1978. С. 192.

¹⁵ *Масса И.* Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года в ко-

роткое время правления нескольких государей // О начале войн и смут в Московии / Исаак Масса. Петр Петрей / Сост. А. А. Либерман. М., 1997. С. 98—99.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 34. С. 215.

¹⁷ Дворцовые разряды: В 4 т. Т. 1. СПб., 1850. Стб. 1152—1154.

¹⁸ См.: *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа XVI и XVII ст. Т. 1. Домашний быт русских царей. М., 1895. Ч. 1. С. 54—57.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 34. С. 203.

²⁰ См.: *Юзефович Л. А.* Путь посла: Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб., 2007. С. 145—147.

²¹ См.: *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича // *Московия и Европа: Григорий Котошихин. Патрик Гордон. Ян Стрейс. Царь Алексей Михайлович* / Сост. А. А. Либерман, С. Ю. Шокарев. М., 2000. С. 34—35.

²² См.: *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа XVI и XVII ст. Т. 1. Ч. 1. С. 277—288.

²³ См.: Там же. С. 288; *Котошихин Г. К.* Указ. соч. С. 29, 31, 36, 37.

²⁴ См.: *Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия в России в XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 37.

²⁵ *Штаден Г.* Записки о Московии / Публ. нем. текста Е. Е. Рычаловский; пер. С. Н. Фердинанд; ред. пер. Е. Е. Рычаловский при участии А. Л. Хорошкевич: В 2 т. Т. 1. М., 2008. С. 169.

²⁶ См.: *Желябужский И. А.* Дневные записки // *Рождение империи / Неизвестный автор. Иоганн Корб. Иван Желябужский. Андрей Матвеев* / Сост. А. А. Либерман, С. Ю. Шокарев. М., 1997. С. 266—271.

²⁷ *Штаден Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 83.

²⁸ См.: *Забелин И. Е.* История города Москвы. С. 314—315.

²⁹ *Желябужский И. А.* Указ. соч. С. 314.

³⁰ См.: *Дневник Марины Мнишек* / Пер. В. Н. Козлякова. М., 1995. С. 52; *Козляков В. Н.* Марина Мнишек. М., 2005. С. 86.

³¹ См.: *Забелин И. Е.* История города Москвы. С. 262.

³² Там же. С. 262—263.

³³ См.: *Панова Т. Д.* Кремлевские усыпальницы. История, судьба, тайна. М., 2003. С. 114—163; *Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля: Материалы исследований: В 4 т. Т. 1. История усыпальницы и методика исследования.* М., 2009. С. 23—32, 36—37.

³⁴ См.: *Кучкин В. А.* Документы кремлевской находки 1843 г. — часть архива XIV в. московских бояр Вельяминовых // *Материалы юбилейной научно-общественной конференции «Первые московские градоначальники и их московское боярство: традиции и современность».* М., 1998. С. 21—30.

³⁵ См.: *Забелин И. Е.* История города Москвы. С. 454—458.

³⁶ См.: Там же. С. 464—473; *Цветаев Д. В.* Из истории брачных дел в царской семье московского периода. М., 1884. С. 96—97.

³⁷ См.: *История Москвы с древнейших времен до наших дней: В 3 т. М., 1997. Т. 1. С. 96; Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных* / Под ред. С. В. Бахрушина. М., 1909. С. 34, 38.

³⁸ См.: *Забелин И. Е.* История города Москвы. С. 623.

³⁹ *Герберштейн С.* Записки о Московии / Пер. с нем. А. И. Малее-

ина, А. В. Назаренко; вступ. ст. А. Л. Хорошкевич; под ред. В. Л. Янина. М., 1988. С. 132.

⁴⁰ См.: История Москвы с древнейших времен до наших дней. Т. 1. С. 25.

⁴¹ См.: *Векслер А. Г., Мельникова А. С.* Российская история в московских кладях. М., 1999. С. 129—136.

⁴² См.: Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы по определению Московской городской думы, собранные и изданные И. Е. Забелиным: В 2 ч. Ч. 2. М., 1891. Стб. 6.

⁴³ См.: *Баталов А. Л., Беляев Л. А.* Сакральное пространство средневековой Москвы. М., 2010. С. 331—341.

⁴⁴ См.: ПСРЛ. Т. 12. М., 2000 (репринт издания 1901 г.). С. 220, 235.

⁴⁵ См.: *Шлихтинг А.* Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л., 1935. С. 46—48; *Штаден Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 161.

⁴⁶ См.: *Альшиц Д. Н.* Начало самодержавия в России: Государство Ивана Грозного. Л., 1988. С. 131—137.

⁴⁷ *Корб И.* Дневник путешествия в Московское государство // Рождение империи. С. 122—123.

⁴⁸ См.: *Романюк С. К.* Москва. Китай-город: Путеводитель. М., 2007. С. 50—54.

⁴⁹ *Олеарий А.* Указ. соч. С. 149.

⁵⁰ Цит. по: *Слонов И. А.* Из жизни торговой Москвы // Москва: Купечество. Торговля. XV — начало XX в. М., 2007. С. 119.

⁵¹ См.: *Романюк С. К.* Указ. соч. С. 33—44; История Москвы с древнейших времен до XIX в. / Сост. А. Б. Лагутин, С. Ю. Шокарев. М., 2009. С. 234—239.

⁵² См.: Акты Российского государства: Архивы московских монастырей и соборов XV—начала XVII в. / Под ред. В. Д. Назарова. М., 1998. С. 127.

⁵³ Цит. по: *Аделунг Ф.* Барон Мейерберг и путешествие его по России. СПб., 1827. С. 354—355.

⁵⁴ См.: *Романюк С. К.* Указ. соч. С. 58—66; История Москвы с древнейших времен до XIX в. С. 228—232.

⁵⁵ *Таннер Б.* Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. М., 1891. С. 65.

⁵⁶ См.: ПСРЛ. Т. 34. С. 203.

⁵⁷ *Таннер Б.* Указ. соч. С. 50.

⁵⁸ См.: *Котошихин Г. К.* Указ. соч. С. 65; *Юзефович Л. А.* Указ. соч. С. 98—108.

⁵⁹ См.: *Беляев И. С.* Ильинская улица в Китай-городе и Покровская в Белом каменном в 1671—1672 гг., с планом и описаниями // Старая Москва: Труды комиссии по изучению старой Москвы. Вып. 1. М., 1912. С. 5—20.

⁶⁰ *Мейерберг А.* Путешествие в Московию // Утверждение династии / Андрей Роде. Августин Мейерберг. Самуэль Коллинс. Яков Рейтенфельс; сост. А. А. Либерман. М., 1997. С. 82—83.

⁶¹ *Масса И.* Указ. соч. С. 29—30.

⁶² *Горсей Д.* Записки о России. XVI — начало XVII в. / Коммент. и пер. А. А. Севастьяновой. М., 1990. С. 80.

⁶³ *Масса И.* Указ. соч. С. 38.

- ⁶⁴ Цит. по: *Скрынников Р. Г.* Борис Годунов. М., 1983. С. 134—135.
- ⁶⁵ См.: *Лаврентьев А. В.* Люди и вещи: Памятники русской истории и культуры XVI—XVIII вв. М., 1997. С. 7—36.
- ⁶⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649—1825 гг.: В 45 т. (далее — ПСЗРИ-1). СПб., 1830. Т. 1. С. 167—169.
- ⁶⁷ Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы... Ч. 2. Стб. 25, 33, 657—659.
- ⁶⁸ См.: *Рабинович М. Г.* Культурный слой центральных районов Москвы // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 4. Древности Московского Кремля. М., 1971. С. 56.
- ⁶⁹ См.: *Таценко С. Н., Шокарев С. Ю.* Князя Сулешовы: крымские мурзы на службе у московского государя // Москва—Крым: Историко-публицистический альманах. Вып. 4. М., 2002. С. 39—49; Перепись улиц, переулков и тупиков в Кремле и Китай-городе (1626 г.) // Переписные книги города Москвы. 1738—1742 гг. М., 1881. Т. 1. С. 8, 13.
- ⁷⁰ См.: *Рабинович М. Г.* Указ. соч. С. 32—33; *Дубынин А. Ф., Соболева Н. А.* Надгробие Никиты Ширяева из Зарядья (XVII в.) // Советская археология (далее — СА). 1960. № 4. С. 196—199.
- ⁷¹ ПСРЛ. Т. 12. С. 253.
- ⁷² См.: Перепись улиц, переулков и тупиков в Кремле и Китай-городе (1626 г.). С. 8.
- ⁷³ См.: Акты, относящиеся до юридического быта Древней России: В 3 т. / Под ред. Н. В. Калачова. Т. 1. СПб., 1857. Стб. 554.
- ⁷⁴ См.: *Векслер А. Г., Мельникова А. С.* Указ. соч. С. 207.
- ⁷⁵ Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы... Ч. 1. СПб., 1884. Стб. 571—585.
- ⁷⁶ См.: *Беляев И. С.* Указ. соч. С. 13—14.
- ⁷⁷ *Матвеев А. А.* Записки // Рождение империи. С. 414.
- ⁷⁸ Цит. по: Московский некрополь. СПб., 1907. Т. 1. С. 47—48.
- ⁷⁹ См.: *Долгова С. Р.* Рассказы о Москве: из архивных находок. М., 2009. С. 21—22.
- ⁸⁰ См.: *Богоявленский С. К.* Новый Английский денежный двор // *Богоявленский С. К.* Научное наследие. О Москве XVII в. / Под ред. В. Б. Левшина; сост. Л. Г. Дубинская. М., 1980. С. 233—239; *Векслер А. Г., Мельникова А. С.* Указ. соч. С. 146—152.
- ⁸¹ См.: *Лаврентьев А. В.* Указ. соч. С. 100—108.
- ⁸² ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. М., 2000 (репринт издания 1906 г.). С. 58.
- ⁸³ См.: Там же. Т. 12. С. 219; *Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1941. С. 51—54.
- ⁸⁴ См.: *Сытин П. В.* Указ. соч. Т. 1. С. 150—151.
- ⁸⁵ См.: ЧОИДР. 1849. Кн. 4. Смесь. С. 26.
- ⁸⁶ См.: Переписи московских дворов XVII столетия. М., 1896. С. 7; *Гусева А. А., Сазонова Л. И.* Радишевский Анисим Михайлов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. XVII в. Ч. 3. П — С. СПб., 1998. С. 290—294; *Немировский Е. Л.* Радишевский Анисим Михайлович // Творцы техники и градостроители Москвы (до начала XX в.). М., 2002. С. 245—248.
- ⁸⁷ Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы... Ч. 1. Стб. 554.

- ⁸⁸ См.: *Беляев Л. А.* Древние монастыри Москвы (кон. XIII — нач. XV в.) по данным археологии. М., 1994. С. 152—176.
- ⁸⁹ *Сорокин В. В.* По Москве исторической. М., 2006. С. 182.
- ⁹⁰ См.: *Гиришберг В. Б.* Надписи из Георгиевского монастыря (по материалам наблюдений 1949 г.) // ТМИИРМ. Вып. 5. Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 1954. С. 100—125.
- ⁹¹ *Таннер Б.* Указ. соч. С. 48—49.
- ⁹² *Мартынов А. А.* Московская старина: Археологическая прогулка по московским улицам. III. Тверская улица // Русский архив. 1878. № 3. С. 276.
- ⁹³ Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы... Ч. 2. Стб. 1107, 1138.
- ⁹⁴ См.: ПСРЛ. Т. 34. С. 202.
- ⁹⁵ См.: *Лебединская Г. В.* Облик далеких предков: альбом скульптурных и графических реконструкций. М., 2006. С. 42, 192, 193.
- ⁹⁶ См.: ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. М., 2000 (репринт издания 1906 г.). С. 395; *Штаден Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 175.
- ⁹⁷ См.: Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы... Ч. 1. Стб. 507—511.
- ⁹⁸ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 155, 327.
- ⁹⁹ *Штаден Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 187—189.
- ¹⁰⁰ См.: Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII—XIX вв. / Авт.-сост. Н. А. Кренке. Серия «Материалы охраняемых археологических исследований». Т. 12. М., 2009. С. 18—23, 67—76; *Лекомцев М.* Опричный двор Ивана Грозного // Царские и императорские дворцы. М., 1997. С. 81—86.
- ¹⁰¹ См.: *Юрганов А. Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 382—393.
- ¹⁰² ПСРЛ. Т. 34. С. 202.
- ¹⁰³ См.: Роспись всяким вещам, деньгам и запасам, что осталось по смерти большого боярина Никиты Ивановича Романова, и дачи по нем на помин души / Сообщ. Е. В. Барсов // ЧОИДР. 1887. Кн. 3. С. 1—128.
- ¹⁰⁴ См.: Археология Романова двора. С. 242—243.
- ¹⁰⁵ См.: Переписная книга Москвы 1638 г. М., 1881. Стб. 42—45.
- ¹⁰⁶ *Стеллецкий И. Я.* Мертвые книги в московском тайнике: документальная история библиотеки Ивана Грозного. М., 1993. С. 208.
- ¹⁰⁷ Цит. по: *Романюк С. К.* Из истории московских переулков. М., 1998. С. 83—84.
- ¹⁰⁸ См.: ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 382; Переписная книга Москвы 1638 г. Стб. 40—41.
- ¹⁰⁹ См.: *Шокарев С. Ю.* Фрагмент надгробия и волосник из погребения Марии Мутьянской (1603) // Труды Музея истории города Москвы (далее — ТМИГМ). Вып. 10. Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Ч. 3. М., 2000. С. 200—204.
- ¹¹⁰ См.: *Рабинович М. Г.* Раскопки 1946—1947 гг. в Москве на устье Яузы // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 2. М.; Л., 1949. С. 5—43.
- ¹¹¹ См.: Там же. С. 18.
- ¹¹² См.: Переписная книга Москвы 1638 г. Стб. 299—316.
- ¹¹³ См.: Словарь русского языка XI—XVII вв. Т. 7. М., 1980.

С. 394; История московских районов: Энциклопедия / Под ред. К. А. Аверьянова. М., 2008. С. 105.

¹¹⁴ См.: Переписи московских дворов XVII столетия. С. 48—52; Переписная книга Москвы 1638 г. Стб. 279; Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы... Ч. 2. Стб. 516.

¹¹⁵ См.: Переписная книга Москвы 1638 г. Стб. 276; Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы... Ч. 2. Стб. 516, 518.

¹¹⁶ См.: Переписная книга Москвы 1638 г. Стб. 256.

¹¹⁷ См.: Там же. Стб. 256—266; Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы... Ч. 2. Стб. 516, 517.

¹¹⁸ См.: Переписная книга Москвы 1638 г. Стб. 246—249; Переписные книги города Москвы 1665—1676 гг. М., 1886. Стб. 26, 58, 59; Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы... Ч. 2. Стб. 517; История московских районов. С. 70.

¹¹⁹ *Олеарий А.* Указ. соч. С. 150.

¹²⁰ См.: *Каринский Н. М.* Русская надпись XVI в. с именем Марка, сына палача // Труды секции археологии Института археологии и искусствознания Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук: В. А. Городцову к сорокалетию юбилею научной деятельности. М., 1928. Т. 4. С. 268—278; Переписи московских дворов XVII столетия. С. 4; *Коллинс С.* Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Сочинение Самуэля Коллинса, который девять лет провел при Дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича // Утверждение династии. С. 210; *Мартынов А. А., Снегирев И. М.* Москва: подробное историческое и археологическое описание города: В 2 т. Т. 1. М., 1875. С. 181; *Сытин П. В.* Откуда произошли названия улиц Москвы. М., 1959. С. 228. А. А. Мартынов и И. М. Снегирев также указывают на церковь Святого Георгия «в Палачах» и Палачевский переулочек в Мещанской слободе.

¹²¹ См.: Переписные книги города Москвы. 1665—1676 гг. Стб. 1—13; 145—152.

¹²² См.: *Мартынов А. А.* Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями. М., 1888. С. 212; *Сытин П. В.* Откуда произошли названия улиц Москвы. С. 303; Переписные книги города Москвы. 1665—1676 гг. Стб. 1—4.

¹²³ См.: Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы... Ч. 1. Стб. 653—658.

¹²⁴ См.: *Шокарев С. Ю., Ястржембский Д. А.* Дом, где умер Гоголь. М., 2011. С. 10—15.

¹²⁵ См.: ПСРЛ. Т. 12. С. 237; *Шмидт С. О.* Арбат в истории и культуре России // *Шмидт С. О.* История Москвы и проблемы москвоведения. М., 2004. С. 173—174.

¹²⁶ См.: *Шмидт С. О.* Указ. соч. С. 175—178.

¹²⁷ ПСРЛ. Т. 34. С. 202—203.

¹²⁸ См.: Переписные книги города Москвы. 1665—1676 гг. Стб. 89—96, 202—220.

¹²⁹ См.: ПСРЛ. Т. 12. С. 157, 237; Барбаро и Контарини о России / Вступ. ст., подг. текста, пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. М., 1971. С. 228—229.

- ¹³⁰ *Тихомиров М. Н.* Труды по истории Москвы / Отв. ред. С. О. Шмидт. М., 2003. С. 340.
- ¹³¹ *Таннер Б.* Указ. соч. С. 68—69.
- ¹³² См.: *Иванов О. А.* Замоскворечье: страницы истории. М., 2000. С. 8—20.
- ¹³³ См.: Там же. С. 36—51.
- ¹³⁴ См.: *Черный В. Д.* Русские средневековые сады: опыт классификации. М., 2010. С. 106—109.
- ¹³⁵ См.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук (далее — ААЭ): В 4 т. Т. 4. СПб., 1836. С. 359; *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. / Подг. В. И. Буганов, В. Б. Левшин. М., 1975. С. 233—234; *Богоявленский С. К.* Управление Москвой в XVI—XVII вв. // *Богоявленский С. К.* Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI—XVII вв. / Отв. ред. С. О. Шмидт; сост., вступ. ст., коммент. А. В. Топычканова. М., 2006. С. 247.
- ¹³⁶ См.: *Романюк С. К.* Москва. Остров: Путеводитель. М., 2009. С. 30—42.
- ¹³⁷ См.: *Сытин П. В.* История планировки и застройки Москвы. Т. 1. С. 115; *Романюк С. К.* Из истории московских переулков. С. 616—618; История московских районов. С. 115—117.
- ¹³⁸ См.: Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы... Ч. 2. Стб. 1160—1163.
- ¹³⁹ См.: Переписные книги города Москвы. 1665—1676 гг. Стб. 109—111.
- ¹⁴⁰ Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI — начало XVII в. / Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М., 1987. С. 88.
- ¹⁴¹ *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 132.
- ¹⁴² *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. С. 114.
- ¹⁴³ Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. / Пер. Ю. В. Готье. М.; Л., 1937. С. 56.
- ¹⁴⁴ *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. / Пер., вступ. ст. и коммент. Л. Н. Годовиковой. М., 1983. С. 44—45.
- ¹⁴⁵ Россия и Европа глазами Орудж-бека Баята — Дон Жуана Персидского / Пер. с англ., введ., коммент. и указ. О. Эфендиева, А. Фарзалиева. СПб., 2007. С. 154—155.
- ¹⁴⁶ См.: *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи // Ж. Маржерет в документах и исследованиях: Тексты, комментарии, статьи / Под ред. А. Береловича, В. Д. Назарова, П. Ю. Уварова. М., 2007. С. 133, 223.
- ¹⁴⁷ См.: *Флетчер Д.* О государстве русском. М., 2002. С. 30.
- ¹⁴⁸ См.: *Стрейс Я.* Три путешествия // Московия и Европа. С. 327; История Москвы с древнейших времен до наших дней. Т. 1. С. 282.
- ¹⁴⁹ Россия и Европа глазами Орудж-бека Баята... С. 155.
- ¹⁵⁰ См.: *Олеарий А.* Указ. соч. С. 145; *Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии // Утверждение династии. С. 304; *Стрейс Я.* Указ. соч. С. 327; *Витсен Н.* Путешествие в Московию. 1664—1665. Дневник / Пер. В. Г. Трисман. СПб., 1996. С. 131.
- ¹⁵¹ См.: *Рейтенфельс Я.* Указ. соч. С. 304; *Олеарий А.* Указ. соч.

С. 147, 150; Иностранцы о древней Москве (Москва XV—XVII вв.) / Сост. М. М. Сухман. М., 1991. С. 142.

¹⁵² Иностранцы о древней Москве. С. 355.

¹⁵³ *Павел Алеппский*. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Москву в середине XVII в., описанное его сыном, архи-диаконом Павлом Алеппским / Пер. Г. Муркокка. СПб., 1898. Ч. 3. С. 113—114.

¹⁵⁴ *Таннер Б.* Указ. соч. С. 48—49.

¹⁵⁵ См.: ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 258.

¹⁵⁶ *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 133.

¹⁵⁷ Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / Сост., вступ. ст., прим. и указ. О. Ф. Кудрявцева. М., 1997. С. 288; Иностранцы о древней Москве. С. 55.

¹⁵⁸ *Маскевич С.* Дневник Маскевича 1594—1621 // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. СПб., 1859. Ч. 1. С. 54—55.

¹⁵⁹ См.: Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 769; Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585/86 г. / Подг. текста С. Н. Богатырева. М., 1996. С. 82.

¹⁶⁰ См.: *Сорокин В. В.* Белый город. М., 2009. С. 83.

¹⁶¹ См.: ПСЗРИ-1. Т. 1. С. 164—166.

¹⁶² *Мейерберг А.* Указ. соч. С. 96—97.

¹⁶³ См.: *Шереметевский В. В.* Темное царство: Черты из жизни Московского Китай-города в XVII в. // Русская старина (далее — РС). 1909. Октябрь. С. 61, 62; *Кудряшов К. В., Яновский А. М.* Москва в далеком прошлом: Очерки городской жизни, быта и нравов Москвы XVI—XVII вв. М., 2010. С. 227—230; *Богоявленский С. К.* Управление Москвой в XVI—XVII вв. С. 430.

¹⁶⁴ *Петрей П.* История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. С. 161; *Стрейс Я.* Указ. соч. С. 329; ЧОИДР. 1891. Кн. 3. С. 160.

¹⁶⁵ См.: *Кушинир И. И.* Градостроительство Новгорода во второй половине XVIII — первой половине XIX в. // Новгородский исторический сборник. Вып. 9. Новгород, 1959. С. 156.

¹⁶⁶ См.: Переписные книги города Москвы. 1738—1742 гг. Т. 1. С. 3—4.

¹⁶⁷ См.: Там же. С. 4—5.

¹⁶⁸ См.: Там же. С. 8—10; *Сытин П. В.* История планировки и застройки Москвы. Т. 1. С. 86—88.

¹⁶⁹ См.: Из истории Москвы (опись г. Москвы после пожара 10 апреля 1629 г.) // Красный архив. 1940. № 4. С. 198—228; *Сытин П. В.* История планировки и застройки Москвы. Т. 1. С. 89—90.

¹⁷⁰ *Флетчер Д.* Указ. соч. С. 31; *Рейтенфельс Я.* Указ. соч. С. 304.

¹⁷¹ См.: *Векслер А. Г., Кондрашев Л. В., Лагутин А. Б.* Древние мостовые у начала улицы Ильинки в Москве: предварительные итоги исследования // ТМИГМ. Вып. 9. Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Ч. 2. М., 1996. С. 8—11; *Векслер А. Г.* Новые археологические данные о предградии Московского Кремля // Тезисы доклада на всероссийском симпозиуме «Кремль России» (Москва, 23—26 ноября 1999 г.) // www.rusarch.ru/veksler1.htm.

¹⁷² См.: *Рабинович М. Г.* Поселения // Очерки русской культуры XVI в. Ч. 1. С. 180; 1700—1702 гг. О мощении улиц и переулков Немецкой слободы в Москве // ЧОИДР. 1906. Кн. 4. Смесь. С. 28.

¹⁷³ См.: *Бахрушин С. В.* Новые источники по истории Москвы. Приходо-расходные книги монастырей // *Бахрушин С. В.* Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма: Научное наследие / Отв. ред. Б. В. Левшин. М., 1987. С. 49; Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585/86 г. С. 98—99.

¹⁷⁴ См.: *Бахрушин С. В.* Указ. соч. С. 50.

¹⁷⁵ См.: *Сытин П. В.* История планировки и застройки Москвы. Т. 1. С. 92, 105—106.

¹⁷⁶ См.: Из актов собрания Н. Ф. Самарина // ЧОИДР. 1903. Кн. 3. Смесь. С. 1—3; Переписи московских дворов XVIII столетия. С. 176—320.

¹⁷⁷ *Васнецов А. М.* Облик старой Москвы // Москва в творчестве А. М. Васнецова: Сборник / Сост. Е. К. Васнецова; науч. ред. А. Г. Векслер. М., 1986. С. 119—120.

¹⁷⁸ *Снегирев И. М.* Указ. соч. Т. 1. С. 187—189.

¹⁷⁹ См.: Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы... Ч. 1. Стб. 1058—1059.

¹⁸⁰ *Забелин И. Е.* История города Москвы. С. 630.

¹⁸¹ Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией (далее — АИ). Т. 3. СПб., 1841. С. 94.

¹⁸² *Забелин И. Е.* История города Москвы. С. 629—637; По Москве: прогулки по Москве и ее художественным и просветительским учреждениям / Под ред. Н. А. Гейнике, Н. С. Елагина, Е. А. Ефимовой, И. И. Шитца. М., 1917. С. 190.

¹⁸³ См.: *Бахрушин С. В.* Указ. соч. С. 50.

¹⁸⁴ 1700—1702 гг. О мощении улиц и переулков Немецкой слободы. С. 28.

¹⁸⁵ См.: Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы... Ч. 1. Стб. 320, 321, 524; *Кудряшов К. В., Яновский А. М.* Указ. соч. С. 219; *Рабинович М. Г.* Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988. С. 68.

¹⁸⁶ *Витсен Н.* Указ. соч. С. 65—66.

¹⁸⁷ *Коллинс С.* Указ. соч. С. 206.

¹⁸⁸ Цит. по: *Сытин П. В.* История планировки и застройки Москвы. Т. 1. С. 91.

¹⁸⁹ Цит. по: *Кудряшов К. В., Яновский А. М.* Указ. соч. С. 219—220.

¹⁹⁰ См.: *Рабинович М. Г.* Культурный слой центральных районов Москвы. С. 38—39.

¹⁹¹ ПСЗРИ-1. Т. 3. С. 613.

¹⁹² Цит. по: *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа XVI и XVII ст. Т. 1. Ч. 1. С. 120.

¹⁹³ Россия в первой половине XVI в. С. 271—272.

¹⁹⁴ См.: *Рабинович М. Г.* Очерки материальной культуры русского феодального города. С. 30—32.

¹⁹⁵ *Флетчер Д.* Указ. соч. С. 31.

¹⁹⁶ Иностранцы о древней Москве. С. 67.

¹⁹⁷ См.: *Рабинович М. Г.* Очерки материальной культуры русского феодального города. С. 33—35.

¹⁹⁸ См.: Там же. С. 37—41; *Грамов Г. Г.* Жилище // Очерки русской культуры XVI в. Ч. 1. С. 194—195.

¹⁹⁹ См.: *Рабинович М. Г.* Очерки материальной культуры русского феодального города. С. 36—37.

- ²⁰⁰ Флетчер Д. Указ. соч. С. 31.
- ²⁰¹ См.: Рабинович М. Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. С. 58—63; Грамов Г. Г. Указ. соч. С. 200.
- ²⁰² См.: Рабинович М. Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. С. 58—73.
- ²⁰³ См.: Там же. С. 51—55.
- ²⁰⁴ Цит. по: Сытин П. В. История планировки и застройки Москвы. Т. 1. С. 163—164.
- ²⁰⁵ См.: Акты феодального землевладения и хозяйства: В 3 ч. / Подг. к печати А. А. Зимин. Ч. 2. М., 1956. С. 212; Рабинович М. Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. С. 275.
- ²⁰⁶ См.: Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 339—340.
- ²⁰⁷ См.: Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы... Ч. 2. Стб. 611.
- ²⁰⁸ См.: Там же. Ч. 2. Стб. 620—621.
- ²⁰⁹ Из актов собрания Н. Ф. Самарина. С. 8.
- ²¹⁰ Цит. по: Сытин П. В. История планировки и застройки Москвы. Т. 1. С. 139—140 (размеры построек мной сняты. — С. III).
- ²¹¹ Домострой / Подг. В. В. Колесов, В. В. Рождественская. СПб., 2001. С. 55—60.
- ²¹² Цит. по: Рабинович М. Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. С. 54.
- ²¹³ См.: Домострой. С. 116—117.
- ²¹⁴ Рейтенфельс Я. Указ. соч. С. 355.
- ²¹⁵ См.: Черный В. Д. Указ. соч. С. 87—89; Белокуров С. А. Планы г. Москвы XVII в. М., 1898. С. 9. План двора В. И. Стрешнева на Воздвиженке см.: Дутлова Е. Ю., Никонов П. Н. Земля города Москвы в контексте отечественной и мировой истории: Очерки истории межевания, кадастрового учета и градостроительства. М., 2007. С. 85. О других владениях Стрешнева см.: Белокуров С. А. Указ. соч. С. 9, 52; Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы... Ч. 2. Стб. 629.
- ²¹⁶ См.: Черный В. Д. Указ. соч. С. 83—90.
- ²¹⁷ Домострой. С. 127.
- ²¹⁸ Сытин П. В. История планировки и застройки Москвы. Т. 1. С. 84; Дутлова Е. Ю., Никонов П. Н. Указ. соч. С. 88—89.
- ²¹⁹ Соборное уложение 1649 г. Текст. Комментарии / Подг. текста Л. И. Ивиной; коммент. Г. В. Абрамовича, А. Г. Манькова, Б. Н. Миронова, В. М. Паняха. Л., 1987. С. 99.
- ²²⁰ См.: АИ. Т. 3. С. 116.
- ²²¹ Сытин П. В. История планировки и застройки Москвы. Т. 1. С. 92, 93.
- ²²² ПСЗРИ-1. Т. 1. С. 273.
- ²²³ См.: Сытин П. В. История планировки и застройки Москвы. Т. 1. С. 106.
- ²²⁴ См.: Там же. С. 106—107.
- ²²⁵ См.: Там же. С. 121.
- ²²⁶ См.: Там же. С. 84, 92, 110.
- ²²⁷ См.: Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы... Ч. 2. Стб. 697.
- ²²⁸ См.: Архитектурные ансамбли Москвы XV — начала XX в. / Под ред. Т. Ф. Саваренской. М., 1997. С. 113.

²²⁹ Соборное уложение 1649 г. С. 63.

²³⁰ См.: ПСРЛ. Т. 10. М., 2000 (репринт издания 1965 г.). С. 106.

²³¹ См.: *Тихомиров М. Н.* Древняя Москва. XII—XV вв.; Средневековая Россия на международных путях. XIV—XV вв. / Сост. Л. И. Шохин; под ред. С. О. Шмидта. М., 1992. С. 66—70; *Кучкин В. А.* Указ. соч. С. 21—30.

²³² См.: *Беляев Л. А.* Древние монастыри Москвы... С. 85—100; *Пчелов Е. В.* Генеалогическое предание о Шимоне Африкановиче в ряду легенд о скандинавских предках русского дворянства // Материалы юбилейной научно-общественной конференции «Первые московские градоначальники и их московское боярство... С. 58—62; *Клосс Б. М.* Избранные труды: В 2 т. Т. 2. Очерки по истории русской агиографии XIV—XVI вв. М., 2001. С. 30, 44.

²³³ *Тихомиров М. Н.* Древняя Москва. С. 71.

²³⁴ См.: Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных. С. 12—13, 17, 20, 28—29; *Тихомиров М. Н.* Древняя Москва. С. 72—73; Московская власть: управление Москвой в XII—XVII вв.: Историко-биографический справочник / К. А. Аверьянов, А. В. Карандеев, И. Н. Мухин, Е. Н. Мухина. М., 2010. С. 22—39.

²³⁵ См.: Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных. С. 34, 37; *Тихомиров М. Н.* Древняя Москва. С. 72—73; Московская власть. С. 36—39.

²³⁶ См.: Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных. С. 53.

²³⁷ *Котошихин Г. К.* Указ. соч. С. 101.

²³⁸ См.: *Штаден Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 75, 374, 375; *Калобков В. А.* Митрополит Филипп и становление московского самодержавия: причина Ивана Грозного / Под ред. С. О. Шмидта. М., 2004. С. 160.

²³⁹ См.: Московская власть. С. 195—196.

²⁴⁰ См.: АИ. Т. 3. С. 90—118.

²⁴¹ См.: Там же. С. 117—118.

²⁴² См.: *Богоявленский С. К.* Управление Москвой в XVI—XVII вв. С. 427—428.

²⁴³ См.: Там же. С. 429—430.

²⁴⁴ См.: Московская власть. С. 200.

²⁴⁵ См.: Московская энциклопедия / Гл. ред. С. О. Шмидт. Т. 1. Кн. 3. М — Р. М., 2010. С. 236, 533; Московская власть. С. 227, 232.

²⁴⁶ См.: *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. С. 266; *Эскин Ю. М.* Местничество в России XVI—XVII вв.: Хронологический реестр. М., 1994. С. 172.

²⁴⁷ *Олеарий А.* Указ. соч. С. 239—240.

²⁴⁸ См.: Московская энциклопедия. Т. 1. Кн. 2. И — М. М., 2008. С. 485.

²⁴⁹ См.: Разрядная книга 1550—1636 гг. / Сост. Л. Ф. Кузьмина; отв. ред. В. И. Буганов. Т. 2. М., 1976. Вып. 1. С. 171, 213; Московская власть. С. 203.

²⁵⁰ Цит. по: *Сытин П. В.* История планировки и застройки Москвы. Т. 1. С. 111—112.

²⁵¹ См.: *Шереметевский В. В.* Указ. соч. // РС. 1909. Октябрь. С. 62.

²⁵² Цит. по: *Зерцалов А. Н.* Объезжие головы и полицейские дела в Москве в XVII в. М., 1894. С. 52, 56.

²⁵³ См.: Там же. С. 22—25.

²⁵⁴ См.: Там же. С. 18, 19.

²⁵⁵ См.: *Богоявленский С. К.* Управление Москвой в XVI—XVII вв. С. 426.

²⁵⁶ Цит. по: *Кудряшов К. В., Яновский А. М.* Указ. соч. С. 336.

²⁵⁷ См.: ПСРЛ. Т. 1. М., 1997 (репринт издания 1897 г.). Стб. 382, 461; Т. 10. С. 106, 169.

²⁵⁸ Там же. Т. 8. М., 1859. С. 60, 107; Т. 10. С. 204, 208, 215, 227; Т. 11. С. 4, 11, 122, 157; Т. 12. С. 68, 76, 78, 112.

²⁵⁹ См.: Там же. Т. 8. С. 177, 205; Т. 12. С. 120, 124, 148, 158, 169, 205, 216, 219, 237, 252—253; Т. 24. М., 2000 (репринт издания 1921 г.). С. 235.

²⁶⁰ *Борисов Н. С.* Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света. М., 2004. С. 137.

²⁶¹ См.: ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 152; *Шмидт С. О.* У истоков российского абсолютизма. М., 1996. С. 85—86.

²⁶² См.: ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 152—154; Т. 34. С. 29—30; К истории московских пожаров 1547 г. // Исторический архив. 1962. № 3. С. 224—227.

²⁶³ ПСРЛ. Т. 34. С. 29.

²⁶⁴ См.: Там же. Т. 13. Ч. 1. С. 456.

²⁶⁵ См.: Там же. Т. 34. С. 191; *Трубникова О. А.* История некрополя Новодевичьего монастыря (30-е гг. XVI в. — 30-е гг. XX в.) // Московский некрополь: история, археология, искусство, охрана. 1991. М., 1991. С. 109, 110; *Штаден Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 177, 178, 435.

²⁶⁶ Иностранцы о древней Москве. С. 78—79.

²⁶⁷ ПСРЛ. Т. 34. С. 191—192; *Горсей Д.* Указ. соч. С. 58.

²⁶⁸ См.: ПСРЛ. Т. 34. С. 196; Новый летописец // Хроники Смутного времени / Конрад Буссов. Арсений Елаассонский. Элиас Геркман. Новый летописец; сост. А. А. Либерман, Б. Н. Морозов, С. Ю. Шокарев. М., 1998. С. 276; *Буссов К.* Московская хроника 1584—1613 // Там же. С. 12—13.

²⁶⁹ *Мархоцкий Н.* История московской войны / Подг. текста, пер., вступ. ст., коммент. Е. Куксиной. М., 2000. С. 89. См. также: *Шокарев С. Ю.* Москва в эпоху Смуты. 1604—1613 гг. М., 2009. С. 116—120.

²⁷⁰ *Буссов К.* Указ. соч. С. 151—152.

²⁷¹ Новый летописец. С. 356; *Маскевич С.* Указ. соч. С. 60—61.

²⁷² См.: *Сытин П. В.* История планировки и застройки Москвы. Т. 1. С. 84; Новый летописец. С. 408.

²⁷³ Цит. по: *Сытин П. В.* История планировки и застройки Москвы. Т. 1. С. 164.

²⁷⁴ *Корб И.* Указ. соч. С. 65, 74, 84, 140, 146, 150, 166.

²⁷⁵ См.: Новый летописец. С. 281; *Корб И.* Указ. соч. С. 166; ПСЗРИ-1. Т. 3. С. 640—641; *Шереметевский В. В.* Указ. соч. // РС. 1910. Февраль. С. 315.

²⁷⁶ ПСЗРИ-1. Т. 1. С. 165.

²⁷⁷ См.: Переписные книги города Москвы. 1665—1676 гг. Стб. 67; ЧОИДР. 1887. Кн. 3. С. 75.

²⁷⁸ АИ. Т. 3. С. 92.

- ²⁷⁹ АИ. Т. 3. С. 102—103.
- ²⁸⁰ См.: ПСЗРИ-1. Т. 1. С. 166; *Зерцалов А. Н.* Указ. соч. С. 60; *Сорокин В. В.* Белый город. С. 83.
- ²⁸¹ Цит. по: *Шереметевский В. В.* Указ. соч. // РС. 1910. Октябрь. С. 314, 315.
- ²⁸² *Олеарий А.* Указ. соч. С. 145.
- ²⁸³ Цит. по: *Сытин П. В.* История планировки и застройки Москвы. Т. 1. С. 127.
- ²⁸⁴ *Котошихин Г. К.* Указ. соч. С. 82—83.
- ²⁸⁵ *Желябужский И. А.* Указ. соч. С. 277.
- ²⁸⁶ *Павел Алептский.* Указ. соч. // ЧОИДР. 1897. Кн. 4. С. 81—82.
- ²⁸⁷ См.: Указ царя Алексея Михайловича о пожарных набатах в Москве. 1668 г. // ЧОИДР. 1899. Кн. 1. С. 14—15.
- ²⁸⁸ Иностранцы о древней Москве. С. 142—143.
- ²⁸⁹ *Мейерберг А.* Указ. соч. С. 87.
- ²⁹⁰ *Павел Алептский.* Указ. соч. // ЧОИДР. 1898. Кн. 4. С. 95.
- ²⁹¹ Россия и Европа глазами Орудж-бека Баята... С. 159; *Маскевич С.* Указ. соч. С. 59—60.
- ²⁹² См.: *Немировский Е. Л.* Андрей Чохов // Творцы техники и градостроители Москвы. С. 338.
- ²⁹³ *Горсей Д.* Указ. соч. С. 126—127.
- ²⁹⁴ Россия и Европа глазами Орудж-бека Баята... С. 159.
- ²⁹⁵ *Маржерет Ж.* Указ. соч. С. 141, 267.
- ²⁹⁶ *Буссов К.* Указ. соч. С. 154.
- ²⁹⁷ См.: Словарь архитекторов и мастеров строительного дела Москвы XV — середины XVIII в. / Отв. ред. И. А. Бондаренко, науч. ред. И. Л. Бусева-Давыдова. М., 2008. С. 354—355.
- ²⁹⁸ См.: *Снегирев И. М.* Всехсвятский Каменный мост в Москве // Русские достопамятности. Т. 2. М., 1883. С. 1—13; *Муравьев В. Б.* История Москвы в пословицах и поговорках. М., 2007. С. 188—199.
- ²⁹⁹ См.: *Гамель И. Х.* Англичане в России в XVI—XVII столетиях. СПб., 1865. С. 63; *Арицховский А. В.* Указ. соч. С. 97.
- ³⁰⁰ *Штаден Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 191; Россия и Европа глазами Орудж-бека Баята... С. 159; *Петрей П.* Указ. соч. С. 159.
- ³⁰¹ См.: *Штаден Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 125, 171; *Полосин И. И.* Социально-политическая история России XVI — начала XVII в. М., 1963. С. 211.
- ³⁰² См.: *Юзефович Л. А.* Указ. соч. С. 145—147; *Корб И.* Указ. соч. С. 105.
- ³⁰³ *Витсен Н.* Указ. соч. С. 150.
- ³⁰⁴ *Корб И.* Указ. соч. С. 107.
- ³⁰⁵ *Невилль де ла.* Записки о Московии / Отв. ред. В. Д. Назаров, Ю. П. Калинин; предисл., подг. текста, пер., коммент. А. С. Лаврова. М., 1996. С. 165.
- ³⁰⁶ См.: Розыскные дела о Федоре Шаковитом и его сообщниках: В 4 т. Т. 4. СПб., 1893. Стб. 1—340; *Богоявленский С. К.* Дворец князей Голицыных в Охотном ряду в Москве // *Богоявленский С. К.* Научное наследие. О Москве XVII в. С. 221—232; *Тихонов Ю. А.* Мир вещей в московских и петербургских дворах сановного дворянства (по новым источникам первой половины XVIII в.). М., 2008. С. 58—82.

- ³⁰⁷ См.: *Рабинович М. Г.* Очерки материальной культуры русского феодального города. С. 80—81.
- ³⁰⁸ См.: Российское законодательство X—XX вв.: В 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / Под общ. ред. О. И. Чистякова; отв. ред. тома А. Д. Горский. М., 1985. С. 55, 56, 59.
- ³⁰⁹ См.: Там же. С. 108.
- ³¹⁰ Соборное уложение 1649 г. С. 19—21.
- ³¹¹ См.: Там же. С. 21—23.
- ³¹² *Ченслер Р.* Книга о великом и могущественном царе России и князе московском // Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. С. 64.
- ³¹³ Соборное уложение 1649 г. С. 119.
- ³¹⁴ См.: *Кудряшов К. В., Яновский А. М.* Указ. соч. С. 216.
- ³¹⁵ Там же.
- ³¹⁶ *Витсен Н.* Указ. соч. С. 105.
- ³¹⁷ *Корб И.* Указ. соч. С. 75, 107.
- ³¹⁸ *Таннер Б.* Указ. соч. С. 109—110.
- ³¹⁹ Иностранцы о древней Москве. С. 24.
- ³²⁰ *Витсен Н.* Указ. соч. С. 132—134.
- ³²¹ *Мейерберг А.* Указ. соч. С. 95—96.
- ³²² *Стрейс Я.* Указ. соч. С. 332.
- ³²³ *Желябужский И. А.* Указ. соч. С. 305.
- ³²⁴ См.: Там же. С. 268.
- ³²⁵ Соборное уложение 1649 г. С. 126.
- ³²⁶ Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы... Ч. 1. Стб. 523.
- ³²⁷ См.: АИ. Т. 3. С. 116.
- ³²⁸ См.: *Кудряшов К. В., Яновский А. М.* Указ. соч. С. 215—216.
- ³²⁹ См.: Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы... Ч. 2. Стб. 1123.
- ³³⁰ *Олеарий А.* Указ. соч. С. 149; *Таннер Б.* Указ. соч. С. 63.
- ³³¹ См.: *Корогодина М. В.* Исповедь на Руси в XIV—XIX вв.: Исследование и тексты. СПб., 2006. С. 140, 142.
- ³³² См.: *Клибанов А. И.* Духовная культура Средневековой Руси. М., 1996. С. 19.
- ³³³ Цит. по: *Кудрявцев О.* Великая Русь рыцаря де Ланноа: Первое западное описание России // Родина. 2003. № 12. С. 79.
- ³³⁴ Итальянец в России XVI в. Франческо да Колло. Донесение о Московии. М., 1996. С. 67.
- ³³⁵ *Меховский М.* Указ. соч. С. 113.
- ³³⁶ См.: Соборное уложение 1649 г. С. 129.
- ³³⁷ *Ченслер Р.* Путь из Англии в Москву // Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. С. 64; *Петрей П.* Указ. соч. С. 437.
- ³³⁸ Цит. по: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // *Соловьев С. М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. 5. М., 1990. С. 309.
- ³³⁹ Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы... Ч. 1. Стб. 441.
- ³⁴⁰ См.: *Корогодина М. В.* Указ. соч. С. 140—142.
- ³⁴¹ ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. № 194. С. 243.

- ³⁴² Цит. по: *Манаков А.* Блуд на Руси (VI — начало XX в.). М., 1997. С. 158.
- ³⁴³ Соборное уложение 1649 г. С. 131; *Котошихин Г. К.* Указ. соч. С. 104.
- ³⁴⁴ См.: *Веселовский С. Б.* Род и предки А. С. Пушкина в истории / Подг. К. А. Аверьянов, отв. ред. С. М. Каштанов. М., 1990. С. 215—216.
- ³⁴⁵ *Желябужский И. А.* Указ. соч. С. 279.
- ³⁴⁶ *Кудряшов К. В., Яновский А. М.* Указ. соч. С. 217.
- ³⁴⁷ *Миранда Ф. де.* Путешествие по Российской империи / Пер. В. А. Капанадзе, Е. Ф. Толстой. М., 2001. С. 168, 182, 224, 239.
- ³⁴⁸ Иностранцы о древней Москве. С. 52.
- ³⁴⁹ *Рогачев А. В.* Последний день Москвы. М.; Ростов-н/Д., 2009. С. 152.
- ³⁵⁰ ПСРЛ. Т. 10. С. 217.
- ³⁵¹ См.: *Сунцов В. В., Сунцова Н. И.* Чума. Происхождение и эволюция эпизоотической системы (экологические, географические и социальные аспекты). М., 2006.
- ³⁵² *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., 1992. С. 565—566.
- ³⁵³ См.: *Русев Н. Д.* «Безносая привратница эпох»: Черная смерть на Западе и Востоке Европы // Стратум: структуры и катастрофы: Сборник символической индоевропейской истории. СПб., 1997. С. 220—239.
- ³⁵⁴ ПСРЛ. Т. 10. С. 221—223.
- ³⁵⁵ См.: Там же. С. 226.
- ³⁵⁶ Там же. С. 232, 233.
- ³⁵⁷ Там же. Т. 11. С. 3.
- ³⁵⁸ Там же. С. 6—7.
- ³⁵⁹ См.: *Ткаченко В. А.* Московские великие и удельные князья и цари. М., 1992. С. 39—42.
- ³⁶⁰ См.: ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 404; Т. 29. М., 1965. С. 351, 352; Псковские летописи / Подг. А. Н. Насонов. Вып. 2. М., 1955. С. 244, 248, 249; Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 336; *Шлихтинг А.* Указ. соч. С. 59; *Зимин А. А.* Краткие летописцы XV—XVI вв. // Исторический архив. Т. 5. М.; Л., 1950. С. 21, 22; Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец) / Подг. текста и ред. К. Н. Сербиной. М.; Л., 1950. С. 109; *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 197, 227.
- ³⁶¹ *Штаден Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 123.
- ³⁶² См.: Новгородские летописи. С. 111, 391; *Альшиц Д. Н.* Известные послания Ивана Грозного // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Российской академии наук (далее — ТОДРЛ). Т. 12. М.; Л., 1956. С. 427—430.
- ³⁶³ См.: *Шлихтинг А.* Указ. соч. С. 59; *Штаден Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 365, 366; *Беляев Л. А.* Лицензиат при дворе Ивана Грозного (Надгробие Каспара фон Эльферфельдта на древнейшем кладбище иноземцев в Москве) // *Беляев Л. А.* Русское средневековое надгробие: белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII—XVII вв. М., 1996. С. 233—245.
- ³⁶⁴ См.: ААЭ. Т. 4. С. 112; Сочинения Алексея Михайловича // Московия и Европа. С. 534—535.

- ³⁶⁵ *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. 5. С. 607; Сочинения Алексея Михайловича. С. 534.
- ³⁶⁶ *Лесков Н. С.* Очарованный странник: Сборник. М., 2009. С. 324—325.
- ³⁶⁷ См.: *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. 5. С. 607—608.
- ³⁶⁸ См.: Сочинения Алексея Михайловича. С. 536.
- ³⁶⁹ Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы... Ч. 2. Стб. 6.
- ³⁷⁰ Барбаро и Контарини о России. С. 229.
- ³⁷¹ Цит. по: *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 118, 134.
- ³⁷² *Буссов К.* Указ. соч. С. 34.
- ³⁷³ См.: Сказание Авраамия Палицына / Подг. текста и коммент. О. А. Державиной, Е. В. Колосовой; под ред. Л. В. Черепнина. М.; Л., 1955. С. 106.
- ³⁷⁴ ПСРЛ. Т. 34. С. 203.
- ³⁷⁵ Повесть временных лет / Подг. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц (далее — ПВЛ). СПб., 1996. С. 101.
- ³⁷⁶ См.: Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Подг. Я. Н. Шапова; отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1976. С. 16, 19, 20, 21, 24 и др.
- ³⁷⁷ Послания Иосифа Волоцкого / Подг. текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.; Л., 1959. С. 182.
- ³⁷⁸ Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы... Ч. 1. Стб. 401.
- ³⁷⁹ См.: *Емченко Е. Б.* Стоглав: исследования и текст. М., 2000. С. 373; Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы... Ч. 1. Стб. 408 и др.
- ³⁸⁰ Цит. по: *Емченко Е. Б.* Указ. соч. С. 375—376.
- ³⁸¹ ПСРЛ. Т. 34. С. 202.
- ³⁸² См.: Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы... Ч. 1. Стб. 521, 541, 569.
- ³⁸³ См.: Там же. Ч. 1. Стб. 1086.
- ³⁸⁴ См.: Там же. Ч. 1. Стб. 1098, 1101; Ч. 2. Стб. 12, 13.
- ³⁸⁵ Там же. Ч. 2. Стб. 603—606.
- ³⁸⁶ *Таннер Б.* Указ. соч. С. 68—69.
- ³⁸⁷ Повесть о боярыне Морозовой / Вступ. ст. А. М. Панченко; сост., подг. текста, подстрочн. пер. и прим. Н. С. Демковой. М., 1991. С. 20, 68.
- ³⁸⁸ См.: *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа XVI и XVII ст. Т. 1. Ч. 1. С. 78, 80.
- ³⁸⁹ *Коллинс С.* Указ. соч. С. 225.
- ³⁹⁰ *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа XVI и XVII ст. Т. 1. Ч. 1. С. 373, 374.
- ³⁹¹ См.: Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы... Ч. 1. Стб. 1085.
- ³⁹² Цит. по: Московская энциклопедия. Т. 1. Кн. 1. А — З. М., 2007. С. 92.
- ³⁹³ *Забелин И. Е.* Предисловие // Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы... Ч. 1. Стб. 10.
- ³⁹⁴ См.: Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы... Ч. 1. Стб. 340.

- ³⁹⁵ См.: Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы... Ч. 1. Стб. 400.
- ³⁹⁶ См.: *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа XVI и XVII ст. Т. 1. Ч. 1. С. 387, 391, 406, 418.
- ³⁹⁷ *Котошихин Г. К.* Указ. соч. С. 22, 24.
- ³⁹⁸ Там же. С. 27, 28.
- ³⁹⁹ См.: Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы... Ч. 1. Стб. 1049, 1058, 1059.
- ⁴⁰⁰ См.: *Романов М. Ю.* Московская Бронная слобода в XVII в.: История и люди. М., 2010. С. 43.
- ⁴⁰¹ См.: Переписная книга Москвы 1638 г. Стб. 179.
- ⁴⁰² См.: Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы... Ч. 2. Стб. 11.
- ⁴⁰³ Там же. Стб. 12.
- ⁴⁰⁴ См.: *Курукин И. В., Никулина Е. А.* Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина. М., 2007. С. 46, 57, 58.
- ⁴⁰⁵ *Флетчер Д.* Указ. соч. С. 71.
- ⁴⁰⁶ Барбаро и Контарини о России. С. 159, 229, 230.
- ⁴⁰⁷ *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 132.
- ⁴⁰⁸ Иностранцы о древней Москве. С. 66; *Флетчер Д.* Указ. соч. С. 30. См. также: *Олеарий А.* Указ. соч. С. 150; *Рейтенфельс Я.* Указ. соч. С. 306.
- ⁴⁰⁹ Цит. по: *Емченко Е. Б.* Указ. соч. С. 315.
- ⁴¹⁰ См.: *Прыжов И. Г.* История кабаков в России в связи с историей русского народа. М., 1991 (репринт). С. 44; *Мартынов А. А.* Московская старина: археологическая прогулка по московским улицам. III. Тверская улица. С. 233.
- ⁴¹¹ См.: Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. С. 79; *Штаден Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 355, 359, 373—375.
- ⁴¹² См.: *Штаден Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 75.
- ⁴¹³ ПСЗРИ-1. Т. 3. С. 634.
- ⁴¹⁴ *Корб И.* Указ. соч. С. 144.
- ⁴¹⁵ См.: *Мартынов А. А.* Московская старина: археологическая прогулка по московским улицам. III. Тверская улица. С. 233, 234; Переписи московских дворов XVII столетия. С. 11.
- ⁴¹⁶ См.: *Прыжов И. Г.* Указ. соч. С. 110—112; *Курукин И. В., Никулина Е. А.* Указ. соч. С. 96—100.
- ⁴¹⁷ См.: *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского феодального города: горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978. С. 126.
- ⁴¹⁸ *Олеарий А.* Указ. соч. С. 178.
- ⁴¹⁹ *Мейерберг А.* Указ. соч. С. 74.
- ⁴²⁰ *Рейтенфельс Я.* Указ. соч. С. 350.
- ⁴²¹ Сатира XI—XVII вв. / Сост., вступ. ст. и коммент. В. К. Былина, В. А. Грихина. М., 1986. С. 268.
- ⁴²² Цит. по: *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского феодального города. С. 127.
- ⁴²³ См.: *Корогодина М. В.* Указ. соч. С. 260—261; *Емченко Е. Б.* Указ. соч. С. 340, 342.
- ⁴²⁴ См.: *Курукин И. В., Никулина Е. А.* Указ. соч. С. 53, 54.
- ⁴²⁵ Цит. по: Там же. С. 54.

- ⁴²⁶ См.: *Богданов И.* Дым отечества, или Краткая история табакокурения. М., 2007. С. 31—33; Соборное уложение 1649 г. С. 135.
- ⁴²⁷ См.: *Веселовский С. Б.* Азартные игры как источник дохода Московского государства // *Веселовский С. Б.* Московское государство XV—XVII вв.: Из научного наследия. М., 2008. С. 305—306, 317—323; *Курукин И. В., Никулина Е. А.* Указ. соч. С. 67—69.
- ⁴²⁸ См.: *Латышева Г. П., Рабинович М. Г.* Москва и Московский край в прошлом. М., 1973. С. 218—219.
- ⁴²⁹ См.: *Веселовский С. Б.* Азартные игры как источник дохода Московского государства. С. 317—318; *Сахаров И. П.* Сказания русского народа. Тула, 2000. С. 161.
- ⁴³⁰ См.: *Веселовский С. Б.* Азартные игры как источник дохода Московского государства. С. 329.
- ⁴³¹ См.: *Бахрушин С. В.* Зернь // *Бахрушин С. В.* Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. С. 129—140; *Райан В. Ф.* Баня в полночь: Исторический обзор магии и гаданий в России. М., 2006. С. 458—459.
- ⁴³² См.: *Веселовский С. Б.* Азартные игры как источник дохода Московского государства. С. 306.
- ⁴³³ Цит. по: *Шереметевский В. В.* Указ. соч. // РС. 1910. Ноябрь. С. 293.
- ⁴³⁴ Цит. по: *Лукин П. В.* Народные представления о государственной власти в России XVII в. М., 2000. С. 71.
- ⁴³⁵ ПВЛ. С. 9.
- ⁴³⁶ *Павел Алеппский.* Указ. соч. // ЧОИДР. 1898. Кн. 4. С. 68—69.
- ⁴³⁷ ПВЛ. С. 28, 76.
- ⁴³⁸ См.: *Рабинович М. Г.* Очерки материальной культуры русского феодального города. С. 17; *Он же.* Культурный слой центральных районов Москвы. С. 56; *Латышева Г. П., Рабинович М. Г.* Указ. соч. С. 185—186.
- ⁴³⁹ *Рабинович М. Г.* Очерки материальной культуры русского феодального города. С. 36, 57.
- ⁴⁴⁰ *Олеарий А.* Указ. соч. С. 192.
- ⁴⁴¹ *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа XVI и XVII ст. Т. 1. Ч. 1. С. 274—276.
- ⁴⁴² См.: Из истории Москвы (опись г. Москвы после пожара 10 апреля 1629 г.). С. 204.
- ⁴⁴³ См.: *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского феодального города. С. 131.
- ⁴⁴⁴ *Олеарий А.* Указ. соч. С. 191.
- ⁴⁴⁵ *Таннер Б.* Указ. соч. С. 107.
- ⁴⁴⁶ См.: *Емченко Е. Б.* Указ. соч. С. 310, 311; Переписи московских дворов XVII столетия. С. 1.
- ⁴⁴⁷ Дворцовые разряды. Т. 1. СПб., 1850. Стб. 122.
- ⁴⁴⁸ См.: *Райан В. Ф.* Указ. соч. С. 89—93; *Гольдин И. И.* Москва без бань — не Москва: Из истории московского быта. М., 1999.
- ⁴⁴⁹ Воскресенская летопись. Т. 2 / Подг. А. И. Цепков // Русские летописи. Т. 3. Рязань, 1998. С. 93.
- ⁴⁵⁰ См.: *Баскаков Н. А.* Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.
- ⁴⁵¹ См.: *Панова Т. Д.* Татарское подворье в Московском Кремле: миф или реальность? // Столичные и периферийные города Ру-

си и России в Средние века и раннее Новое время (XI—XVIII вв.): Доклады научной конференции (Москва, 7—8 декабря 1999 г.). М., 2001. С. 23—32.

⁴⁵² См.: *Иванов О.А.* Указ. соч. С. 20—25.

⁴⁵³ См.: Переписные книги города Москвы. 1665—1676 гг. Стб. 18—19, 68, 102—103; Дворы толмацкие и разных чинов людей в Москве в Толмацкой слободе («за Московую рекою у Николы Чудотворца, в Толмачах») // ЧОИДР. 1906. Кн. 4. Смес. С. 23—28.

⁴⁵⁴ *Котошихин Г.К.* Указ. соч. С. 78—79.

⁴⁵⁵ Цит. по: *Иванов О.А.* Указ. соч. С. 23.

⁴⁵⁶ См.: Там же. С. 33—35.

⁴⁵⁷ См.: *Горсей Д.* Указ. соч. С. 70, 71; *Щепкин В.Н.* Описание надгробий // Отчет Императорского исторического музея имени императора Александра III в Москве за 1906 г. М., 1907. С. 83, 84; *Золотов Ю.М.* Две надписи московских немцев // СА. 1961. № 3. С. 249—252; *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986. С. 53—54; *Беляев Л.А., Векслер А.Г.* Археология средневековой Москвы (итоги исследований 1980—90-х гг.) // Российская археология (далее — РА). 1996. № 3. С. 127.

⁴⁵⁸ *Олеарий А.* Указ. соч. С. 296.

⁴⁵⁹ См.: АИ. Т. 3. С. 114—115; *Цветаев Д.В.* Протестантство и протестанты до эпохи преобразований. М., 1890. С. 54—81.

⁴⁶⁰ *Олеарий А.* Указ. соч. С. 297.

⁴⁶¹ *Таннер Б.* Указ. соч. С. 69, 70.

⁴⁶² См.: *Ковригина В.А.* Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII — первой четверти XVIII в. М., 1998. С. 28—31, 35—37.

⁴⁶³ См.: *Гордон П.* Дневник. 1659—1667 / Пер., ст. и прим. Д. Г. Федосова. М., 2003. С. 122, 162; *Корб И.* Указ. соч. С. 149.

⁴⁶⁴ См.: *Роде А.* Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда в 1659 году, составленное посольским секретарем Андреем Роде // Утверждение династии. С. 23, 24, 26, 27.

⁴⁶⁵ См.: *Орленко С.П.* Выходцы из Западной Европы в России XVII в: правовой статус и реальное положение. М., 2004. С. 198.

⁴⁶⁶ См.: *Роде А.* Указ. соч. С. 34; *Орленко С.П.* Указ. соч. С. 181, 312, 313, 319, 320.

⁴⁶⁷ Цит. по: *Орленко С.П.* Указ. соч. С. 296—299.

⁴⁶⁸ См.: Там же. С. 300.

⁴⁶⁹ См.: *Цветаев Д.В.* Протестантство и протестанты до эпохи преобразований. С. 113, 114, 119—121; *Ковригина В.А.* Указ. соч. С. 66—69; *Корб И.* Указ. соч. С. 81.

⁴⁷⁰ См.: *Орленко С.П.* Указ. соч. С. 177.

⁴⁷¹ См.: *Седов П.В.* Закат Московского царства: царский двор конца XVII в. СПб., 2006. С. 504—505; ПСЗРИ-1. Т. 1. С. 1007—1008; *Орленко С.П.* Указ. соч. С. 176—177.

⁴⁷² См.: *Седов П.В.* Указ. соч. С. 509—515.

⁴⁷³ См.: История Москвы с древнейших времен до XIX в. С. 226—227.

⁴⁷⁴ См.: *Богоявленский С.К.* Московская Мещанская слобода в XVII в. // *Богоявленский С.К.* Научное наследие. О Москве XVII в. С. 9—170.

- ⁴⁷⁵ См.: Там же. С. 25; *Сытин П. В.* Из истории московских улиц: Очерки. М., 1958. С. 641.
- ⁴⁷⁶ Цит. по: *Богоявленский С. К.* Московская Мещанская слобода в XVII в. С. 38.
- ⁴⁷⁷ См.: *Ястржембский Д. А.* Солянка по-московски: дом, улица, кабаки, аптека. М., 2007. С. 55—124.
- ⁴⁷⁸ См.: ПСРЛ. Т. 12. С. 237.
- ⁴⁷⁹ Барбаро и Контарини о России. С. 229.
- ⁴⁸⁰ *Штаден Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 173; *Маскевич С.* Указ. соч. С. 59.
- ⁴⁸¹ Цит. по: *Куриц Б. Г.* Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915. С. 88, 174.
- ⁴⁸² См.: *Богоявленский С. К.* Топография торговых рядов на Красной площади // *Богоявленский С. К.* Научное наследие. О Москве XVII в. С. 174—180.
- ⁴⁸³ *Маскевич С.* Указ. соч. С. 60.
- ⁴⁸⁴ *Рейтенфельс Я.* Указ. соч. С. 308.
- ⁴⁸⁵ Цит. по: *Куриц Б. Г.* Указ. соч. С. 174, 175.
- ⁴⁸⁶ Цит. по: Там же. С. 111; *Ченслер Р.* Указ. соч. С. 64.
- ⁴⁸⁷ См.: История Москвы с древнейших времен до наших дней. Т. 1. С. 125.
- ⁴⁸⁸ См.: Там же. С. 127.
- ⁴⁸⁹ См.: *Кользин А. М.* Торговля древней Москвы (XII — середина XV в.) / Отв. ред. В. Л. Янин. М., 2001. С. 170—172.
- ⁴⁹⁰ См.: *Перхавко В. Б.* Первые купцы российские. М., 2006. С. 29.
- ⁴⁹¹ См.: Там же. С. 131—189.
- ⁴⁹² См.: Там же. С. 144—151.
- ⁴⁹³ См.: Соборное уложение 1649 г. С. 37; *Перхавко В. Б.* Указ. соч. С. 325—329; *Он же.* История русского купечества. М., 2008. С. 175—180.
- ⁴⁹⁴ *Котошихин Г. К.* Указ. соч. С. 164—165.
- ⁴⁹⁵ См.: *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998. С. 23—24, 117—118, 149—150, 170.
- ⁴⁹⁶ Цит. по: *Куриц Б. Г.* Указ. соч. С. 164.
- ⁴⁹⁷ См.: *Голикова Н. Б.* Указ. соч. С. 451.
- ⁴⁹⁸ См.: *Романов М. Ю.* Указ. соч. С. 66.
- ⁴⁹⁹ *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 127; *Олеарий А.* Указ. соч. С. 170; *Рейтенфельс Я.* Указ. соч. С. 340, 346.
- ⁵⁰⁰ *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 127.
- ⁵⁰¹ См.: *Куриц Б. Г.* Указ. соч. С. 249.
- ⁵⁰² *Крижанич Ю.* Политика / Подг. к печ. В. В. Зеленин; пер. и коммент. А. Л. Гольдберга. М., 1997. С. 34—35.
- ⁵⁰³ См.: *Витсен Н.* Указ. соч. С. 110.
- ⁵⁰⁴ Цит. по: *Шереметевский В. В.* Указ. соч. // РС. 1910. Ноябрь. С. 289—291.
- ⁵⁰⁵ Цит. по: Там же. С. 294, 295.
- ⁵⁰⁶ Цит. по: Там же. С. 296.
- ⁵⁰⁷ См.: *Рабинович М. Г.* Очерки материальной культуры русского феодального города. С. 59—60.
- ⁵⁰⁸ См.: Там же. С. 59, 265—276.
- ⁵⁰⁹ *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа XVI и XVII ст. Т. 1. Ч. 1. С. 237.

- ⁵¹⁰ *Костомаров Н. И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1992. С. 151—152.
- ⁵¹¹ См.: *Эскин Ю. М.* Завещание князя Дмитрия Пожарского // Отечественная история. 2000. № 1. С. 151—152.
- ⁵¹² См.: Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 4. Стб. 1—3; 29—46.
- ⁵¹³ См.: *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа XVI и XVII ст. Т. 1. Ч. 1. С. 141.
- ⁵¹⁴ См.: *Громов Г. Г.* Указ. соч.; *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского феодального города. С. 35.
- ⁵¹⁵ См.: *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа XVI и XVII ст. Т. 1. Ч. 1. С. 137, 144—145.
- ⁵¹⁶ См.: Там же. С. 202—206; *Костомаров Н. И.* Указ. соч. С. 153.
- ⁵¹⁷ См.: *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа XVI и XVII ст. Т. 1. Ч. 1. С. 206—208; *Костомаров Н. И.* Указ. соч. С. 153.
- ⁵¹⁸ См.: *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа XVI и XVII ст. Т. 1. Ч. 1. С. 210—234; *Костомаров Н. И.* Указ. соч. С. 154—155.
- ⁵¹⁹ См.: Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 4. Стб. 1—10.
- ⁵²⁰ *Витсен Н.* Указ. соч. С. 233.
- ⁵²¹ См.: Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 4. Стб. 38—40.
- ⁵²² *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа XVI и XVII ст. Т. 1. Ч. 1. С. 237—238.
- ⁵²³ Там же. С. 238—240.
- ⁵²⁴ Там же. С. 240.
- ⁵²⁵ См.: Роспись всяким вещам, деньгам и запасам... С. 34.
- ⁵²⁶ См.: *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа XVI и XVII ст. Т. 1. Ч. 1. С. 260—261.
- ⁵²⁷ См.: *Эскин Ю. М.* Завещание князя Дмитрия Пожарского. С. 152.
- ⁵²⁸ *Котошихин Г. К.* Указ. соч. С. 22.
- ⁵²⁹ Цит. по: *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа XVI и XVII ст. Т. 1. Ч. 1. С. 262.
- ⁵³⁰ Цит. по: Там же. С. 274; *Беляков А. В.* Чингизиды в России XV—XVII вв.: Просопографическое исследование. Рязань, 2011. С. 143.
- ⁵³¹ См.: Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 4. Стб. 105—114.
- ⁵³² См.: *Рабинович М. Г.* Очерки материальной культуры русского феодального города. С. 33—34, 62, 275—276.
- ⁵³³ См.: Там же. С. 18—19, 34—35.
- ⁵³⁴ Домострой. С. 112.
- ⁵³⁵ Роспись всяким вещам, деньгам и запасам... С. 7.
- ⁵³⁶ См.: *Рабинович М. Г.* Очерки материальной культуры русского феодального города. С. 249—253.
- ⁵³⁷ См.: *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа XVI и XVII ст. Т. 1. Ч. 1. С. 241.
- ⁵³⁸ *Мейерберг А.* Указ. соч. С. 66; *Витсен Н.* Указ. соч. С. 100.
- ⁵³⁹ Роспись всяким вещам, деньгам и запасам... С. 44, 45.
- ⁵⁴⁰ ПСРЛ. Т. 12. С. 1, 152, 221.
- ⁵⁴¹ Там же. Т. 3. М., 2000 (репринт издания 1950 г.). С. 154.

- ⁵⁴² См.: *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа XVI и XVII ст. Т. 1. Ч. 1. С. 106.
- ⁵⁴³ См.: *Журавель А. В.* Суточный счет в средневековой Руси // Сборник Русского исторического общества (далее — РИО). Т. 9 (157). М., 2003.
- ⁵⁴⁴ Цит. по: *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. М.; Л., 1950. С. 457.
- ⁵⁴⁵ См.: *Фокина Т. А.* Первые часы Древней Руси // *Седьмица.ru* (церковно-научный центр «Православная энциклопедия»); электронный ресурс <http://www.sedmitza.ru/text/401715.html>
- ⁵⁴⁶ Цит. по: *Немировский Е. Л.* Улита // Творцы техники и градостроители Москвы. С. 301.
- ⁵⁴⁷ См.: *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа XVI и XVII ст. Т. 1. Ч. 1. С. 274.
- ⁵⁴⁸ Домострой. С. 94.
- ⁵⁴⁹ См.: *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа XVI и XVII ст. Т. 1. Ч. 1. С. 367—370; *Коллинс С.* Указ. соч. С. 224.
- ⁵⁵⁰ Домострой. С. 25.
- ⁵⁵¹ См.: *Романенко Е.* Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М., 2002. С. 232.
- ⁵⁵² ПВЛ. С. 102; Московский летописный свод конца XV в. // Русские летописи. Т. 3. Рязань, 2000. С. 240.
- ⁵⁵³ *Буссов К.* Указ. соч. С. 52; *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа XVI и XVII ст. Т. 1. Ч. 1. С. 373.
- ⁵⁵⁴ Барбаро и Контарини о России. С. 230.
- ⁵⁵⁵ См.: *Шереметевский В. В.* Указ. соч. // РС. 1910. Февраль. С. 315—316.
- ⁵⁵⁶ Домострой. С. 19.
- ⁵⁵⁷ См.: Там же. С. 33.
- ⁵⁵⁸ *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 113.
- ⁵⁵⁹ Домострой. С. 111—112.
- ⁵⁶⁰ *Коллинс С.* Указ. соч. С. 190.
- ⁵⁶¹ Цит. по: *Цатурова М. К.* Три века русского развода (XVI—XVIII вв.). М., 2011. С. 71; *Пушкарева Н. Л.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X — начало XIX в.). М., 1997. С. 127.
- ⁵⁶² *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 21. Л., 1980. С. 21.
- ⁵⁶³ Соборное уложение 1649 г. С. 129, 130.
- ⁵⁶⁴ Акты Московского государства: В 3 т. Т. 1. СПб., 1890. С. 84.
- ⁵⁶⁵ См.: Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853. С. 285; *Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга: В 2 т. СПб., 1895. Т. 2. С. 25; *Барсуков А. П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 527.
- ⁵⁶⁶ *Жмакин В. И.* Митрополит Даниил и его сочинения. СПб., 1881. Приложения. С. 28.
- ⁵⁶⁷ Стоглав. С. 302—304; *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви. Т. 7. М., 1995. С. 325.
- ⁵⁶⁸ *Олеарий А.* Указ. соч. С. 163; *Мейерберг А.* Указ. соч. С. 82; *Петрей П.* Указ. соч. С. 420.
- ⁵⁶⁹ *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 219.

⁵⁷⁰ Сборник РИО. Т. 137. М., 1912. С. 313.

⁵⁷¹ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Сост., вступ. ст. и коммент. А. Н. Робинсона. М., 1991. С. 34.

⁵⁷² *Принц Д.* Начало и возвышение Московии // Сочинения Даниила Принца из Бухова, советника августейших императоров Максимилиана II и Рудольфа II и дважды бывшего чрезвычайным послом у Ивана Васильевича, великого князя Московского / Пер. с лат. И. А. Тихомирова. М., 1877. С. 28; *Петрей П.* Указ. соч. С. 420.

⁵⁷³ См.: *Герасимов М. М.* Портреты исторических лиц // Наука и человечество: Ежегодник. Т. 4. М., 1965. С. 104—105.

⁵⁷⁴ *Олеарий А.* Указ. соч. С. 163; *Петрей П.* Указ. соч. С. 418; *Маржерет Ж.* Указ. соч. С. 136.

⁵⁷⁵ *Принц Д.* Указ. соч. С. 28; *Герасимов М. М.* Документальный портрет Ивана Грозного // Краткие сообщения института археологии. Вып. 100. М., 1965. С. 142.

⁵⁷⁶ Русское историческое повествование XVI—XVII вв. / Сост., предисл., подг. древнерусских текстов, пер. и прим. Ю. А. Лабынцева. М., 1984. С.93.

⁵⁷⁷ *Мейерберг А.* Указ. соч. С. 120.

⁵⁷⁸ *Ключевский В. О.* О взгляде художника на обстановку и убор изображаемого им лица // *Ключевский В. О.* Исторические портреты. Деятели исторической мысли / Сост., вступ. ст. и прим. В. А. Александрова. М., 1991. С. 33.

⁵⁷⁹ *Костомаров Н. И.* Указ. соч. С. 200.

⁵⁸⁰ См.: *Пушкарева Н. Л.* Указ. соч. С. 6.

⁵⁸¹ См.: *Назаров В. Д.* Свадебные дела XVI в. // Вопросы истории. 1976. № 10. С. 121.

⁵⁸² *Татищев Ю. В.* Деятели Смутного времени: Михаил Игнатьевич Татищев // Летопись Историко-Родословного общества в Москве. М., 1905. Вып. 1. С. 26.

⁵⁸³ Древняя русская литература: Хрестоматия / Сост. Н. И. Прокофьев. М., 1980. С. 274—275.

⁵⁸⁴ См.: *Маясова Н. А.* Литературный образ Ксении Годуновой и приписываемые ей произведения шитья (к вопросу о взаимоотношении литературы, искусства и действительности) // ТОДРЛ. Т. 22. М.; Л., 1966. С. 302.

⁵⁸⁵ Цит. по: *Титова Л. В.* Беседа отца с сыном о женской злобе. Новосибирск, 1987.

⁵⁸⁶ Цит. по: *Жмакин В. И.* Указ. соч. Приложения. С. 19.

⁵⁸⁷ *Петрей П.* Указ. соч. С. 420; *Олеарий А.* Указ. соч. С. 164; *Стрейс Я.* Указ. соч. С. 334; Сказания Адольфа Лизека о посольстве от Римского императора к царю московскому Алексею Михайловичу в 1675 г. / Ред. и пер. И. П. Тарнава-Боричевского // Журнал Министерства народного просвещения. 1837. № 11. С. 383.

⁵⁸⁸ Записки Айрманна о Прибалтике и Московии 1666—1670 гг. // Исторические записки. Т. 17. М., 1945. С. 306—307.

⁵⁸⁹ *Коллинс С.* Указ. соч. С. 208, 209; *Радищев А. Н.* Полное собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. М.; Л., 1938. С. 265.

⁵⁹⁰ *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа XVI и XVII ст. Т. 2. Домашний быт русских цариц. М., 1901. С. 466.

⁵⁹¹ Древняя русская литература: Хрестоматия. С. 100—101.

- ⁵⁹² Цит. по: *Пушкарева Н.Л.* Указ. соч. С. 99.
- ⁵⁹³ Домострой. С. 31.
- ⁵⁹⁴ *Рейтенфельс Я.* Указ. соч. С. 376.
- ⁵⁹⁵ *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 113.
- ⁵⁹⁶ *Котошихин Г. К.* Указ. соч. С. 130.
- ⁵⁹⁷ См.: *Кобрин В. Б.* Опыт изучения семейной генеалогии (Протопоповы — Мезецкие — Пронские) // *Кобрин В. Б.* Опричина. Генеалогия. Антропонимика: Избранные труды. М., 2008. С. 207—209.
- ⁵⁹⁸ Цит. по: *Пушкарева Н.Л.* Указ. соч. С. 15.
- ⁵⁹⁹ Русская бытовая повесть XV—XVII вв. / Сост., вступ. ст., коммент. А. Н. Ужанкова. М., 1991. С. 226—227.
- ⁶⁰⁰ См.: *Цатурова М. К.* Указ. соч. С. 67—70.
- ⁶⁰¹ *Пушкарева Н. Л.* Указ. соч. С. 34.
- ⁶⁰² Цит. по: Там же. С. 47.
- ⁶⁰³ См.: Псковская судная грамота / Пер. Л. В. Черепнина, А. И. Яковлева // Исторические записки. Т. 6. М., 1940. С. 255; *Борисов Н. С.* Указ. соч. С. 505.
- ⁶⁰⁴ *Котошихин Г. К.* Указ. соч. С. 128, 132.
- ⁶⁰⁵ *Мейерберг А.* Указ. соч. С. 67, 68; *Котошихин Г. К.* Указ. соч. С. 128. См. также литературное описание «поцелуйного обряда» у А. К. Толстого в «Князе Серебряном».
- ⁶⁰⁶ *Пушкарева Н. Л.* Рот и губы в интимной жизни наших предков // Секс и мы. 2004. № 2. С. 31.
- ⁶⁰⁷ *Мейерберг А.* Указ. соч. С. 111.
- ⁶⁰⁸ *Олеарий А.* Указ. соч. С. 177; *Мейерберг А.* Указ. соч. С. 99—100.
- ⁶⁰⁹ *Петрей П.* Указ. соч. С. 437.
- ⁶¹⁰ Цит. по: *Кон И. С.* Клубничка на березке: Сексуальная культура в России. 3-е изд. М., 2010. С. 25.
- ⁶¹¹ *Зеленина Г. С.* Свидетельства иностранцев XVI—XVII вв. о московитах-содомитах // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. Вып. 2. М., 2002. С. 195—213.
- ⁶¹² См.: *Шокарев С. Ю.* Секс в жизни Ивана Грозного // Секс и мы. 2006. № 3. С. 14—21.
- ⁶¹³ Цит. по: *Зеленина Г. С.* Указ. соч. С. 202.
- ⁶¹⁴ *Кон И. С.* Указ. соч. С. 18, 36.
- ⁶¹⁵ См.: *Корогодина М. В.* Указ. соч. С. 407—421; *Пушкарева Н. Л.* Частная жизнь русской женщины. С. 286.
- ⁶¹⁶ Цит. по: *Корогодина М. В.* Указ. соч. С. 469.
- ⁶¹⁷ «А се грехи злые, смертные...» Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России: Документы и исследования. М., 1999. С. 86—87.
- ⁶¹⁸ *Стрейс Я.* Указ. соч. С. 331.
- ⁶¹⁹ См.: *Пушкарева Н. Л.* Рот и губы в интимной жизни наших предков. С. 32.
- ⁶²⁰ *Занков Д.* «Блуд бывает всякий...»: Сексуальность Московской Руси на церковной исповеди // Родина. 2004. № 12. С. 107—108.
- ⁶²¹ См.: Там же. С. 108—110; *Алмазов А. И.* Тайная исповедь в Православной Восточной Церкви: опыт внешнего исследования: В 3 т. Одесса, 1894. Т. 3. С. 214.
- ⁶²² См.: *Алмазов А. И.* Указ. соч. С. 151, 153, 154, 167; *Корогодина М. В.* Указ. соч. С. 423, 466, 488.

- ⁶²³ См.: *Занков Д.* Указ. соч. С. 106.
- ⁶²⁴ *Пушкарева Н.Л.* Частная жизнь русской женщины. С. 108.
- ⁶²⁵ Цит. по: <http://gramoty.ru/index.php?no=752&act=full&key=bb>
- ⁶²⁶ Цит. по: Там же.
- ⁶²⁷ АИ. Т. 1. СПб., 1841. С. 192.
- ⁶²⁸ См.: *Письма русских государей и других особ царского семейства.* Т. 1. 1526—1658. М., 1848. С. 3—5.
- ⁶²⁹ См.: Там же. С. 11, 53.
- ⁶³⁰ Дело о ссылке Романовых // *Хроники Смутного времени.* С. 436.
- ⁶³¹ Цит. по: *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 7. М., 1991. С. 395, 396.
- ⁶³² См.: *Пушкарева Н.Л.* Частная жизнь русской женщины. С. 128.
- ⁶³³ Там же. С. 139.
- ⁶³⁴ См.: *Русская бытовая повесть XV—XVII вв.* С. 128—129.
- ⁶³⁵ См.: Там же. С. 128—129.
- ⁶³⁶ Сказание о молодце и о девице. Вновь найденная эротическая повесть народной литературы. СПб., 1894. С. 15—21. В издании «Русская бытовая повесть XV—XVII вв.» эта развязка стыдливого опущена.
- ⁶³⁷ *Русская бытовая повесть XV—XVII вв.* С. 329—341.
- ⁶³⁸ См.: *Седов П.В.* Указ. соч. С. 542—548.
- ⁶³⁹ Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 г. / Пер. В. Любич-Романовича // *Сын отечества.* 1842. № 7. С. 8—9.
- ⁶⁴⁰ Цит. по: *Панкратова Н.П.* Любовные письма подьячего Арефы Малевинского // *ТОДРЛ.* Т. 18. М.; Л., 1962. С. 364—369.
- ⁶⁴¹ См.: *Кайзер Д.* Развод, серьезная болезнь и супружеская любовь в России в XVII в. // *От Древней Руси к новой России: Юбилейный сборник, посвященный Я. Н. Щапову.* М., 2005. С. 262.
- ⁶⁴² См.: Там же. С. 264—265.
- ⁶⁴³ См.: *Шелятина Н.С.* Археологические исследования в Успенском соборе // *ГММК МИ.* Вып. 1. С. 54—59, 61; *Владимирская Н.С.* Археологическое изучение северной части Соборной площади Московского Кремля // *Успенский собор: материалы и исследования / Отв. ред. Э. С. Смирнова.* М., 1985. С. 13—18; *Панова Т.Д.* Погребальные комплексы на территории Московского Кремля // *СА.* 1989. № 1. С. 219—220; *Она же.* Кремлевские усыпальницы; *Ульянов О.Г.* Древнейшая история некрополя Спасо-Андроникова монастыря // *Московский некрополь: история, археология, искусство, охрана.* 1996. М., 1996. С. 25—27; *Беляев Л.А.* Древние монастыри Москвы... С. 58—64, 78—83, 96—100, 116—119, 193, 194.
- ⁶⁴⁴ См.: *Юшко А.А.* Московская земля IX—XIV вв. М., 1991. С. 168—169; *Чернов С.З.* Сельские некрополи XIV—XVI вв. на северо-востоке Московского княжества // *Московский некрополь: история, археология, искусство, охрана.* 1991. М., 1991. С. 76—80; Карта «Памятники археологии второй половины XIII—XVI в. на территории Москвы» / Сост. С. З. Чернов // *История Москвы с древнейших времен до наших дней.* Т. 1. С. 398—401; *Беляев Л.А.* Русское средневековое надгробие. С. 134, 135, 354—368; Музей Москвы. Отдел археологии. Научно-вспомогательный фонд 15927/64; *Гиришберг В.Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV—XVII вв. Ч. 1. Надписи XIV—XVI вв. // *Нумизматика и эпиграфика (далее — НЭ).* Вып. 1. М., 1960. С. 20.

⁶⁴⁵ См.: Станюкович А. К., Звягин В. Н., Черношвитов П. Ю., Елкина И. И., Авдеев А. Г. Усыпальницы рода Романовых в Московском Новоспасском монастыре / Под ред. А. К. Станюковича, В. Н. Звягина. Кострома, 2005; *Трубникова О. А.* Указ. соч. С. 107—109; *Гиришберг В. Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV—XVII вв. Ч. 1. С. 18, 20, 23, 24, 28, 32, 34, 35, 37, 39; *Токмаков И. Ф.* Историческое, статистическое и археологическое описание московского ставропигиального мужского Симонова монастыря. М., 1896. С. 51—54; *Шокарев С. Ю.* Некрополь Головинских в московском Симоновом монастыре // *Память сердца: Сборник материалов конференции «Головинские чтения — генеалогия-96»* (25 мая 1996 г., Москва). М., 1996. С. 11—13; ПСРЛ. Т. 11. С. 122; *Леонид (Краснопевков), еп.* Выписка из «обихода» Волоколамского Иосифова монастыря конца XVI в. о дачах в него для поминовения по умершим // ЧОИДР. 1863. Кн. 4. Смесь. С. 1—8; Список погребенных в Троице-Сергиевой лавре от основания оной до 1880 г. М., 1880; *Николаева Т. В.* Новые надписи на каменных плитах XV—XVII вв. из Троице-Сергиевой лавры // НЭ. Вып. 6. М., 1966. С. 209—255.

⁶⁴⁶ См.: *Снегирев И. М.* Русская старина. Год четвертый. 2-е изд. М., 1853. С. 47.

⁶⁴⁷ См.: Московский летописный свод конца XV в. С. 250, 262; Т. 34. С. 27; *Гиришберг В. Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV—XVII вв. Ч. 2. Надписи первой половины XVII в. // НЭ. Вып. 3. М., 1962. С. 222; АИ. Т. 3. С. 380; *Авдеев А. Г.* Заметки по древнерусской лапидарной эпиграфике XV—XVII вв. Списки надгробий Апраксиных из Златоустовского монастыря в Москве из «портфелей» Г. Ф. Миллера (рукопись). С. 9.

⁶⁴⁸ См.: *Николаева Т. В.* Новые надписи на каменных плитах XV—XVII вв. из Троице-Сергиевой лавры. С. 216, 231, 232, 235, 236, 242; *Авдеев А. Г.* Заметки по древнерусской лапидарной эпиграфике XV—XVII вв. С. 7, 8.

⁶⁴⁹ Цит. по: *Емченко Е. Б.* Указ. соч. С. 316.

⁶⁵⁰ См.: *Баталов А. Л., Беляев Л. А.* Указ. соч. С. 285, 287.

⁶⁵¹ *Гиришберг В. Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV—XVII вв. Ч. 2. С. 223, 230; Московский некрополь. СПб., 1907. Т. 1. С. 379—380.

⁶⁵² См.: *Зеленин К. Д.* Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995. С. 62; ПСРЛ. Т. 10. С. 223; Т. 11. С. 3; Московский летописный свод конца XV в. С. 182, 210.

⁶⁵³ *Штаден Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 123.

⁶⁵⁴ См.: ПСРЛ. Т. 14. С. 55; *Буссов К.* Указ. соч. С. 35; Сказание Авраамия Палицына. С. 106.

⁶⁵⁵ См.: *Зеленин К. Д.* Указ. соч. С. 62—66, 77, 98—101; *Гальковский Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси: В 2 т. Харьков, 1916. Т. 1. С. 13, 200; *Баталов А. Л., Беляев Л. А.* Указ. соч. С. 272, 273.

⁶⁵⁶ См.: *Буссов К.* Указ. соч. С. 75; *Флетчер Д.* Указ. соч. С. 150; *Каллинс С.* Указ. соч. С. 195; *Рейтенфельс Я.* Указ. соч. С. 235—263.

⁶⁵⁷ Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 327. Оп. 1. Д. 51. Л. 89.

⁶⁵⁸ См.: *Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы...* Ч. 2. Стб. 1—275.

⁶⁵⁹ *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 103.

⁶⁶⁰ См.: АИ. Т. 1. С. 46; *Снегирев И. М.* О скудельницах или убогих домах в России // *Труды и записки Общества истории и древностей российских.* М., 1826. Ч. 3. Кн. 1. С. 248.

⁶⁶¹ См.: *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 333—335.

⁶⁶² *Булычев А. А.* Между святыми и демонами: заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М., 2005. С. 177—178.

⁶⁶³ Цит. по: *Петухов Е. В.* Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. // *Записки исторического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета.* Ч. 17. СПб., 1888. С. 175.

⁶⁶⁴ Русская историческая библиотека (далее — РИБ): В 39 т. Т. 13. СПб., 1891. Стб. 59—60.

⁶⁶⁵ См.: *Панова Т. Д.* Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI—XVI вв. М., 2004. С. 152.

⁶⁶⁶ См.: *Скворцов Н. А.* Архив Московской Святейшего Синода канторы. Материалы по Москве и Московской епархии за XVIII в. Вып. 1. М., 1911. С. 31—32.

⁶⁶⁷ Россия в первой половине XVI в. С. 282.

⁶⁶⁸ См.: Сокровище российских древностей. С. 111; *Голубинский Е. Е.* История канонизации святых в Русской церкви. М., 1998. С. 121, 433, 436, 437, 454, 455, 554, 581, 582.

⁶⁶⁹ Цит. по: *Леонид (Краснопевков), еп.* Указ. соч. С. 6.

⁶⁷⁰ См.: *Маскевич С.* Указ. соч. С. 58; Сокровище российских древностей. С. 42—50.

⁶⁷¹ См.: Сокровище российских древностей. С. 28—31, 36, 37.

⁶⁷² См.: *Пириберг В. Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV—XVII вв. Ч. 1. С. 5, 6, 19—23.

⁶⁷³ См.: *Беляев Л. А.* Русское средневековое надгробие. С. 308—310.

⁶⁷⁴ См.: *Левенок В. П.* Надгробия князей Трубецких // СА. 1960. № 1. С. 245—252; *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. 6. М., 1991. С. 58.

⁶⁷⁵ Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII в.: Сборник документов / Сост. А. В. Антонов, К. В. Баранов. М., 1997. С. 320.

⁶⁷⁶ Цит. по: *Беляев Л. А.* Русское средневековое надгробие. С. 250.

⁶⁷⁷ ПСРЛ. Т. 11. С. 12.

⁶⁷⁸ Цит. по: *Забелин И. Е.* История города Москвы. С. 140, 141.

⁶⁷⁹ РИБ. Т. 6. СПб., 1880. Стб. 37.

⁶⁸⁰ *Баталов А. Л., Беляев Л. А.* Указ. соч. С. 265, 266.

⁶⁸¹ См.: *Геннадий (Нефедов), прот.* Таинства и обряды Православной Церкви: Учебное пособие по литургике. 2-е изд. М., 1995. С. 223, 231—233.

⁶⁸² АИ. Т. 1. С. 474.

⁶⁸³ Цит. по: *Панова Т. Д.* Царство смерти. С. 35.

⁶⁸⁴ *Петрей П.* Указ. соч. С. 454, 455.

⁶⁸⁵ См.: *Буссов К.* Указ. соч. С. 35; *Коллинс С.* Указ. соч. С. 195; *Рей-*

тенфельс Я. Указ. соч. С. 377; *Векслер А. Г., Лебединская Г. В., Шеляпина Н. С.* М. Герасимов и история Москвы (работы по восстановлению облика древних жителей края и русских царей) // Антропологическая реконструкция и проблемы палеоантропологии: Сборник памяти М. М. Герасимова. М., 1973. С. 34; *Попова С. В.* Обувь из погребения у церкви Алексия человека Божия в Твери // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 2. Тверь, 1997. С. 271—276; *Панова Т. Д.* Царство смерти. С. 153; *Осинов Д. О.* Обувь Московской земли XII—XVIII вв. Серия «Материалы охранных археологических исследований». Т. 7. М., 2006. С. 80—85.

⁶⁸⁶ См.: *Панова Т. Д.* Царство смерти. С. 34, 35; *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси. XII—XV вв.: В 2 т. Т. 1. М., 1961. С. 123; *Стеллецкий И. Я.* Указ. соч. С. 208.

⁶⁸⁷ См.: *Герасимов М. М.* Документальный портрет Ивана Грозного. С. 139; *Кучкин В. А.* Захоронение Ивана Грозного и русский средневековый погребальный обряд // СА. 1967. № 1. С. 289; *Панова Т. Д.* Средневековый погребальный обряд по материалам некрополя Архангельского собора Московского Кремля // Там же. 1987. № 4. С. 112, 116, 117; *Забелин И. Е.* История города Москвы. С. 599.

⁶⁸⁸ См.: *Панова Т. Д.* Средневековый погребальный обряд по материалам некрополя Архангельского собора Московского Кремля. С. 114. Рис. 3.

⁶⁸⁹ *Котошихин Г. К.* Указ. соч. С. 26.

⁶⁹⁰ См.: *Кучкин В. А.* Захоронение Ивана Грозного и русский средневековый погребальный обряд. С. 293; Михаил Ярославич, великий князь Тверской и Владимирский / Сост. Б. А. Николаев. Тверь, 1995. С. 175, 178.

⁶⁹¹ См.: Михаил Ярославич, великий князь Тверской и Владимирский. С. 215, 216, 238.

⁶⁹² См.: *Шеляпина Н. С.* Археологические исследования в Успенском соборе. С. 57—61; *Владимирская Н. С.* Указ. соч. С. 5; *Янин В. Л.* Некрополь новгородского Софийского собора. М., 1988. С. 98; *Белая Л. А.* Древние монастыри Москвы... С. 59; *Родина М. Е.* О неизвестном погребении из раскопок Н. Н. Воронина возле церкви Спаса во Владимире // РА. 1996. № 3. С. 161—164; *Панова Т. Д., Синицына Н. П.* Волосники из погребений бывшего Вознесенского монастыря в Московском Кремле // Памятники культуры. Новые открытия. 1986. М., 1987. С. 338—342; *Елжина И. И., Станюкович А. К.* Средневековые женские головные уборы из усыпальницы бояр Романовых в московском Новоспасском монастыре: история, материалы, технология и техника изготовления // ТМИГМ. Вып. 10. С. 193—199; *Шокарев С. Ю.* Фрагмент надгробия и волосник из погребения Марии Мутьянской (1603). С. 200—204.

⁶⁹³ *Флетчер Д.* Указ. соч. С. 151.

⁶⁹⁴ АИ. Т. 1. С. 474.

⁶⁹⁵ Цит. по: *Панова Т. Д.* Царство смерти. С. 35.

⁶⁹⁶ См.: ПСРЛ. Т. 34. С. 23.

⁶⁹⁷ См.: *Кошлякова Т. Н.* Реконструкция схимы из погребения Ивана Грозного // СА. 1976. № 2. С. 195, 196; ПСРЛ. Т. 34. С. 23; *Панова Т. Д.* Царство смерти. С. 165, 168.

⁶⁹⁸ См.: *Кучкин В. А.* Захоронение Ивана Грозного и русский средневековый погребальный обряд. С. 292; Михаил Ярославич, великий князь Тверской и Владимирский. С. 187; *Временник ОИДР*. Кн. 15. 1852. Смесь. С. 22.

⁶⁹⁹ АИ. Т. 1. С. 474.

⁷⁰⁰ См.: *Панова Т. Д.* Царство смерти. С. 157; *Она же.* Средневековый погребальный обряд по материалам некрополя Архангельского собора Московского Кремля. С. 120.

⁷⁰¹ См.: *Панова Т. Д.* Царство смерти. С. 155—157; *Беляев Л. А.* Древние монастыри Москвы... С. 117, 172.

⁷⁰² См.: Московский летописный свод конца XV в. С. 172, 217, 277, 298; *Рейтенфельс Я.* Указ. соч. С. 377; *Дворцовые разряды*. Т. 2. СПб., 1851. Стб. 933, 963; Т. 3. СПб., 1852. Стб. 1642; *Петрей П.* Указ. соч. С. 455; РИБ. Т. 6; *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 97.

⁷⁰³ См.: *Петрей П.* Указ. соч. С. 455; *Рейтенфельс Я.* Указ. соч. С. 377; *Анучин Д. Н.* Сани, ладыя и кони, как принадлежности погребального обряда // *Древности. Труды Императорского Московского археологического общества*. Т. 14. М., 1890.

⁷⁰⁴ См.: *Флетчер Д.* Указ. соч. С. 151; *Маржерет Ж.* Указ. соч. С. 130; *Петрей П.* Указ. соч. С. 455; *Мейерберг А.* Указ. соч. С. 112; *Коллинс С.* Указ. соч. С. 194; *Рейтенфельс Я.* Указ. соч. С. 377; ПСРЛ. Т. 39. М., 1994. С. 130, 131; *Невская Л. Г.* Балто-славянское причитание: реконструкция семантической структуры // *Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд*. М., 1990. С. 135—148.

⁷⁰⁵ См.: ПСРЛ. Т. 34. С. 24; *Петрей П.* Указ. соч. С. 455; *Геннадий (Нефедов), прот.* Указ. соч. С. 225; *Мейерберг А.* Указ. соч. С. 112; *Рейтенфельс Я.* Указ. соч. С. 377.

⁷⁰⁶ См.: *Николаева Т. В.* Древнерусская живопись Загорского музея. М., 1977. С. 84, 85, 90, 102, 107, 141, 151.

⁷⁰⁷ ПСРЛ. Т. 10. С. 223; Московский летописный свод конца XV в. С. 234, 236.

⁷⁰⁸ См.: *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. Т. 2. 2-я половина. М., 1911. С. 567; *Флетчер Д.* Указ. соч. С. 150; *Петрей П.* Указ. соч. С. 456; *Мейерберг А.* Указ. соч. С. 112; *Рейтенфельс Я.* Указ. соч. С. 377; *Геннадий (Нефедов), прот.* Указ. соч. С. 226, 227; *Булычев А. А.* Несколько замечаний о русском средневековом погребальном обряде (разрешительные грамоты и «запечатывание» как обрядовый жест) // *Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля*. Т. 1. С. 327—351.

⁷⁰⁹ См. также: *Повесть о житии и преставлении князя М. В. Скопина-Шуйского* // *Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI — начало XVII в.* С. 65.

⁷¹⁰ ПСРЛ. Т. 34. С. 24.

⁷¹¹ См.: *Котошихин Г. К.* Указ. соч. С. 181, 182; *Дворцовые разряды*. Т. 2. Стб. 933—937, 963—969; Т. 3. Стб. 849—850, 1641—1644; Т. 4. СПб., 1855. Стб. 924—934; *Рейтенфельс Я.* Указ. соч. С. 303, 304; *Восстание в Москве 1682 г.: Сборник документов* / Отв. ред. В. И. Буганов; сост. Н. Г. Савич. М., 1976. С. 10—19; ПСЗРИ-1. Т. 1. С. 803, 830; Т. 2. С. 331, 332, 341.

⁷¹² См.: *Котошихин Г. К.* Указ. соч. С. 181, 182; *Логанова М. О.* Печальные ритуалы императорской России. М., 2011. С. 11—32.

⁷¹³ См.: *Забелин И. Е.* История города Москвы. С. 598—604; Дворцовые разряды. Т. 4. Стб. 870—873; Временник ОИДР. Кн. 15. Смесь. С. 22, 23.

⁷¹⁴ См.: Об обрядах, совершаемых при погребении православного христианина // Христианское чтение. 1845. Ч. 3. С. 411, 412.

⁷¹⁵ См.: *Емченко Е. Б.* Указ. соч. С. 313—314; *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М., 1988. С. 115—120.

⁷¹⁶ *Олеарий А.* Указ. соч. С. 26—27.

⁷¹⁷ Послания Иосифа Волоцкого. С. 181—182.

⁷¹⁸ См.: *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. Т. 2. 2-я половина. С. 573—579; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С. 327—330; *Штайндорф Л.* Сравнение источников об организации поминания усопших в Иосифо-Волоколамском и Троице-Сергиевом монастырях в XVI в. // Археографический ежегодник за 1996 г. М., 1998. С. 65—78; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV — XVI в.). Ч. 2. Л — Я. Л., 1989. С. 339—343; *Конев С. В.* Синодология. Ч. 1: Классификация источников // Историческая генеалогия. Вып. 1. Екатеринбург; Париж, 1993; *Романов Г. А.* Русский синодик. Помяник московского Сретенского монастыря: Исторический справочник. М., 1995.

⁷¹⁹ Цит. по: *Янин В. Л.* Указ. соч. С. 179; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С. 339.

⁷²⁰ См.: *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. Т. 2. 2-я половина. С. 580, 581; Дополнения к Актам историческим: В 12 т. Т. 1. СПб., 1846. С. 224, 226; РИБ. Т. 2. СПб., 1875. Стб. 291—313.

⁷²¹ *Беляев Л. А.* Русское средневековое надгробие. С. 260—264.

⁷²² Цит. по: *Леонид (Краснопевков), еп.* Указ. соч. С. 1, 2; Дополнения к Актам историческим. Т. 1. С. 226, 227.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Баталов А. Л., Беляев Л. А.* Сакральное пространство средневековой Москвы. М., 2010.
- Богоявленский С. К.* Научное наследие: О Москве XVII века. М., 1980.
- Борисов Н. С.* Иван III. М., 2000 (серия «ЖЗЛ»).
- Борисов Н. С.* Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света. М., 2004 (серия «Живая история»).
- Векслер А. Г., Мельникова А. С.* Московские клады. М., 1988.
- Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях: В 3 т. М., 2000—2003.
- Забелин И. Е.* Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М., 2001.
- Забелин И. Е.* История города Москвы / Коммент. и послесл. М. Г. Рабиновича. М., 1995.
- Забелин И. Е.* История города Москвы. Неизданные труды / Подг. Н. В. Быстрова, М. В. Катагощина. М., 2003.
- Кудряшов К. В., Яновский А. М.* Москва в далеком прошлом: Очерки городской жизни, быта и нравов Москвы XVI—XVII веков. М., 2010.
- Куржун И. В., Никулина Е. А.* Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина. М., 2007 (серия «Живая история»).
- Московская власть: управление Москвой в XII—XVII вв.: Историко-биографический справочник / К. А. Аверьянов, А. В. Карандеев, И. Н. Мухин, Е. Н. Мухина. М., 2010.
- Рабинович М. Г., Латышева Г. П.* Из жизни древней Москвы. М., 1961.
- Рабинович М. Г.* Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988.
- Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского феодального города: горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978.
- Романов М. Ю.* Московская Бронная слобода в XVII в.: История и люди. М., 2010.
- Романюк С. К.* Из истории московских переулков. М., 2000.
- Романюк С. К.* По землям московских сел и слобод: В 2 т. М., 1998, 1999.
- Романюк С. К.* Москва. Китай-город: Путеводитель. М., 2007.
- Романюк С. К.* Москва. Вокруг Кремля и Китай-города: Путеводитель. М., 2008.
- Сорокин В. В.* По Москве исторической. М., 2006.
- Сорокин В. В.* Белый город. М., 2008.
- Сытин П. В.* История планировки и застройки Москвы: В 3 т. М., 1950—1970.
- Сытин П. В.* Из истории московских улиц. М., 1958.
- Тихомиров М. Н.* Древняя Москва. XII—XV вв.; Средневековая Россия на международных путях. XIV—XV вв. / Сост. Л. И. Шохин; под ред. С. О. Шмидта. М., 1992.
- Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва / Отв. ред. С. О. Шмидт; прим. и указ. С. В. Чиркова. М., 1997.
- Шмидт С. О.* История Москвы и проблемы москвоведения. М., 2004.
- Ястржембский Д. А.* Солянка по-московски: дом, улица, кабак, аптека. М., 2007.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие.</i> МОСКВА ЗЛАТОГЛАВАЯ... МОСКВА БЕЛОКАМЕННАЯ.....	6
<i>Часть первая.</i> «ЦАРСТВУЮЩИЙ ГРАД».....	9
Московские «грады»	9
Святыни Кремля	10
Царский дворец.....	20
Деловой центр Кремля	26
Кремлевские обитатели	30
Князья, бояре и другие обитатели Кремля	34
На Торгу	40
«Священная улица»	47
Улицы и переулки Китай-города	58
От Кулишек к Сретенке	71
Пушечный двор и Кузнецкая слобода	84
Петровка, Дмитровка, Тверская	90
Опричные земли.....	97
Глиняные холмы Заяузья.....	110
Бараша, огородники, пушкари, печатники	115
Дворцовые слободы Занеглименья.....	120
Средневековый Арбат	125
Замоскворечье, или Стрелецкий город	129
<i>Часть вторая.</i> «ПО БОЛЬШОЙ МОСТОВОЙ УЛИЦЕ»	139
Размеры и вид города	139
Ночь, улица, фонарь.....	146
«Для уличного простору...»	150
На крестце	157
«А было б везде чисто».....	163
Московский двор	167
«Размеря против наказу...»	178
Кто и как управлял Москвой в XIV—XVI веках	186
Земский приказ и объезжие головы.....	192
Московские пожары.....	205
«От огня беречь накрепко...»	220
Достопримечательности «царствующего града».....	225
Тать в ночи	238
Колечко с бирюзой	247
«Мор и глад»	256
Благотворительность в древней Москве	267
Кабак — пропасть, там и пропасть.....	278
Сон да баба, кабак да баня — одна забава	291
«Кыш на Кукуй!»	298
Мещанская слобода	314
Сердце всероссийской торговли	319
«Отличаются смышленостью и хитростью».....	330

<i>Часть третья. ЖИЛИ-БЫЛИ МОСКВИЧИ</i>	335
Дом — полная чаша	335
В избе простого горожанина	347
Дневной круг	353
Муж-государь	364
О злых и добрых женах	374
Была ль любовь?	393
Священный покой	415
«Пев над ним и в гроб положив»	427
 <i>Послесловие</i>	 441
 Примечания	 444
Библиография	447

Шокарев С. Ю.

Ш 78 Повседневная жизнь средневековой Москвы / Сергей Шокарев. — М.: Молодая гвардия, 2012. — 476[4] с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 978-5-235-03540-9

Столица Святой Руси, город Дмитрия Донского и Андрея Рублева, митрополита Макария и Ивана Грозного, патриарха Никона и протопопы Аввакума, Симеона Полоцкого и Симона Ушакова; место пребывания князей и бояр, царей и архиереев, богатых купцов и умелых ремесленников, святых и подвижников, ночных татей и «непотребных женок»... Средневековая Москва, опоясанная четырьмя рядами стен, сверкала золотом глав кремлевских соборов и крестами сорока сороков церквей, гордилась великолепием узорчатых палат — и поглощалась огненной стихией, тонула в потоках грязи, была охвачена ужасом «морového поветрия». Истинное благочестие горожан сочеталось с грубостью, молитва — с бранью, добрые дела — с повседневным рукоприкладством.

Из книги кандидата исторических наук Сергея Шокарева земляки древних москвичей смогут узнать, как выглядели знакомые с детства места — Красная площадь, Никольская, Ильинка, Варварка, Покровка, как жили, работали, любили их далекие предки, а жители других регионов России найдут в ней ответ на вопрос о корнях деловитого, предприимчивого, жизнестойкого московского характера.

УДК 94(470-25)“653”

ББК 63.3(2-2Мос)4

Шокарев Сергей Юрьевич

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОСКВЫ

Редактор **Е. А. Никулина**

Художественный редактор **И. И. Суслов**

Технический редактор **М. П. Качурина**

Корректоры **Т. И. Маляренко, Г. В. Платова**

Сдано в набор 05.05.2012. Подписано в печать 09.07.2012. Формат 84×108/32. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Гарамон». Усл. печ. л. 25,2+1,68 вкл. Тираж 3000 экз. Заказ № 1208750.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва, Сущевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dse1@gvardiya.ru

arvato

япк

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-03540-9

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

издательства

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Оформить заказ
можно на нашем сайте:

<http://gvardiya.ru/shop/>

или по телефону:

+7 (495) 787-95-59

(с 10-00 до 17-30 в будние дни)

Заказанные книги

можно получить по адресу:

г. Москва, ул. Сущевская, д.21, подъезд 1

или воспользоваться курьерской

и почтовой службой доставки

Наши книги
доступны всем регионам России!

НОВАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ:

МАЛАЯ СЕРИЯ

Уже изданы и готовятся к печати:

В. Борисов
«ЗВОРЫКИН»

Л. Сексик
«ЭЙНШТЕЙН»

Д. Володихин
«МАЛЮТА СКУРАТОВ»

В. Эрлихман
«РОБИН ГУД»

Б. Григорьев
«КОРОЛЕВА КРИСТИНА»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru.dsel@gvardiya.ru>

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ

*Склад
издательства «Молодая гвардия»
находится в центре Москвы
по адресу:
Сущевская ул., д. 21
ст. м. «Новослободская», «Менделеевская»*

**В отделе реализации действует
гибкая система скидок**

**Доставка книг по территории
Москвы и Московской области
БЕСПЛАТНО**

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА РЕАЛИЗАЦИИ

8(495) 787-64-20

8(495) 787-62-92

ТЕЛЕФОНЫ СКЛАДА

8(495) 787-65-39 8(495) 787-63-64

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

Е. Глаголева
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
МАСОНОВ
В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ

О. Ковалик
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
БАЛЕРИН
РУССКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО
ТЕАТРА

Л. Петрушенко
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ЕВРОПЫ

Жан Поль Креспель
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ИМПРЕССИОНИСТОВ,
1863—1883

С. Экштут
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОЙ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
ОТ ЭПОХИ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ
ДО СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

ISBN 978-5-235-03540-9

9 785235 035409 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ